Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Материалы VIII Международной научно-практической конференции

Витебск, 24–26 апреля 2025 г.

В 2 томах

Том 1

Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2025

УДК [930.2:94(100)+94(476)]/062
ББК 63.211я431+63.3(0)я431+63.3(4Беи)я431
А43

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 3 от 26.02.2025.

Редакционная коллегия:
А.Н. Дулов (отв. ред.),
А.М. Белявский, Е.А. Гребень, А.К. Демянюк, А.Б. Довнар, Ю.В. Дулова, С.Г. Кащенко, А.П. Косов, С.В. Кулинок, В.Л. Лакиза, С.В. Николаенко, В.В. Пузанов, М.Ф. Румянцева, С.Н. Ходин, И.Р. Чикалова, Г.Н. Яковлева

Р е ц е н з е н т ы :
доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь *В.К. Коршук* (г. Минск);
доктор исторических наук, профессор *Г.Г. Краско* (г. Минск);
доктор исторических наук, профессор *Н.А. Мининков* (г. Ростов-на-Дону);
доктор исторических наук, профессор *Я.Г. Риер* (г. Могилев)

А43 **Актуальные проблемы источниковедения :** материалы VIII Международной научно-практической конференции, Витебск, 24–26 апреля 2025 г. : в 2 т. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А.Н. Дулов (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2025. – Т. 1. – 264 с.
ISBN 978-985-30-0247-8.
ISBN 978-985-30-0248-5 (т. 1).

В научном издании содержатся материалы докладов, посвященные актуальным проблемам источниковедения. Рассмотрен широкий круг проблем теории и исследовательских практик данной дисциплины, специфика подхода к историографии, архивоведения, музейного источниковедения, комплексы исторических источников и отдельные исторические источники Средневековья, Нового и Новейшего времени. Представленное издание может быть полезно историкам, источниковедам, архивистам, музееведам, а также всем, кто интересуется историей и источниковедением.
Мнения авторов могут не совпадать с мнением редколлегии.

УДК[930.2:94(100)+94(476)]/062
ББК 63.211я431+63.3(0)я431+63.3(4Беи)я431

ISBN 978-985-30-0247-8
ISBN 978-985-30-0248-5 (т. 1)

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ. АРХИВОВЕДЕНИЕ И АРХЕОГРАФИЯ. МУЗЕЙНОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Ходин С.Н. Источниковедение в контексте информационной эпохи 7
Мазур Л.Н. Информационная среда исторической науки и задачи источниковедческой критики 10
Илизаров Б.С. Исторический источник: сознание-память. Анри Бергсон 12
Чувак С.В. Мастацкі тэкст як крыніца сучаснага гуманітарнага даследавання 15
Дулова Ю.В. Источники ономастического исследования 19
Казаков Р.Б., Румянцева М.Ф. Моисей Наумович Черноморский (1913–1980) – основоположник источниковедения советской истории 21
Аверьянов К.А. О численности населения Древней Руси 24
Долгов В.В. Численность населения Древней Руси: опыт математического анализа письменных и археологических источников 29
Сукина Л.Б. Древнерусский собор на миниатюрах летописей: источниковедческий аспект анализа изображений 33
Кузнецов Е.С. Источники о католиках в Орде: опыт классификации 37
Солодкин Я.Г. О происхождении датировок коронации «освятованного» Федора Ивановича в нарративных и документальных источниках конца XVI – XVII вв. 40
Корнишина Г.А. Архивные материалы М.Е. Евсевьева как источник информации о местах проведения традиционных обрядов Мордвы 42
Дударев В.С. Мемуары Отто фон Бисмарка: история создания и публикаций 46
Горбачев О.В. Источники по истории советского города: возможности социально-демографического анализа 49
Беляева А.В. Визуализация как способ изучения исторического источника 52
Косачев Д.П. Автоматизация сбора и анализа метаданных статей из цифрового архива «Нью-Йорк Таймс» с использованием PYTHON 55
Чэчулін З.В. “Тэкі Нарушэвіча” як крыніцы па гісторыі і рэканструкцыі архіва вялікіх князёў літоўскіх (другая палова XIV– першая палова XV ст.) 59
Власов Т.В. Документы региональных архивов как источники по истории интеллигенции Псковской области: классификация и особенности использования 64
Денисов М.Н. Документы персональных фондов Центрального научного архива Национальной академии наук Беларуси как источник по истории академической науки Беларуси 67
Кононова П.Е. Фонд 791 Национального архива Республики Беларусь «Министерство кинематографии БССР» как источник по изучению белорусского кинематографа первого послевоенного десятилетия 70
Ауров О.В. Источники по истории каталоно-арагонского феодального права: генезис, история издания, перспективы исследования 73
Дорофеев Д.В. История внешней политики США до 1789 г.: публикация источников (1950–1980-е гг.) 76
Гернович Т.Д. Исторические источники в цифровой среде: современные подходы к археографической публикации 79

Варламова Л.Н. Цифровые документы как новый тип исторических источников: аспекты классификации 85
Сидорович Е.А. От пергамена к пикселям: цифровизация и анализ архивных материалов о мудехарах в королевстве Кастилия и Леон (XV в.) 88
Проскурякова М.Е. Царские жалованные грамоты XVII века и их представление на Интернет-портале «История письма Европейской цивилизации» 91
Рубинина З.М. Архивный фотодокумент vs фотография в музее 93
Майорова А.С. Создание музея Саратовской ученой архивной комиссии 97
Ерешко А.Е. Источниковая база в музеях и архивах России для изучения творчества скульптора, педагога, деятеля детского движения Иннокентия Николаевича Жукова 100
Лякишева С.И. Л.Н. Толстой и сапожное ремесло: роль музейного источниковедения в изучении яснополянских экспонатов 103
Стельмашук В.С. Археологическое изучение Витебска и его результаты в музеях города 107
Сямашка К.У., Сівохін Г.А. Даследаванні лакальнай гісторыі як аснова навукова-даследчай і экспазіцыйнай работы ў музеі. На прыкладзе дзейнасці навукова-экспазіцыйнага аддзела Гісторыка-культурнага музея-запаведніка “Заслаўе” 110
Плытник Е.Г. Музейный сайт как источник изучения деятельности музеев 114
Сімакоў А.В. Бібліятэкі як крыніца індзеянісцкай інфармацыі: вопыт карэспандэнцыі 118

РАЗДЕЛ 2. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ

Дмитриев М.В. «Славянский мир» или Европа? Славяне или европейцы? О пространственно-географических и этнонациональных понятиях в наших источниках, исследованиях и курсах 122
Мікалаева Л.В. Праблема класіфікацыі гістарыяграфічных крыніц 125
Маджаров А.С. Внутренняя форма историографического источника в трудах по старообрядчеству (XVII – первая половина XIX в.) 128
Комаров С.С. Восприятие восточнославянских земель польскими историками конца XVIII – XIX вв. 131
Силаева И.А. Н.Н. Оглоблин об источниках служебной Чертежной книги С.У. Ремезова 135
Секенова О.И. Евгения Александровна Масальская-Сурина и ее труды по истории Западных губерний Российской империи 138
Чикалова И.Р. Первая мировая война в зеркале публицистики, мемуаристики и военно-исторической мысли 1914–1941 гг. 140
Антипов В.В. Книги 1942 г. о немецком шпионаже в царской России как историографический источник 144
Крюковский В.Д. Военное обучение студентов в БССР (1924–1928 гг.): историография проблемы 146
Суздальцев И.А. Анкеты как исторический источник (на примере исследования Ю.В. Аксютина) 148
Корзюк А.А. Учебные пособия по истории Беларуси для средней школы (90-е гг. XX – первая четверть XXI в.) как предмет историографического анализа 151

Герштейн И.З. Учебники по истории Беларуси как источник для изучения процесса формирования белорусской национальной идентичности 154
Селькoв Д.С. Известия «Повести временных лет» в преломлении российских и украинских школьных учебников 157
Ковяко И.И. Германский вопрос в англо-американской историографии: особенности тематики диссертационных исследований в XXI в. 160
Чекулаева А.С. Беларусь в интеграционных процессах: Союзное государство Беларуси и России сквозь призму трудов китайских исследователей 163

РАЗДЕЛ 3. ИСТОЧНИКИ ДРЕВНОСТИ, СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Снежко И.В. Annalis Аттика и De excellentibus ducibus exterarum gentium: политические идеи Корнелия Непота 166
Абдулманова И.В. Письма епископа Феофила Александрийского 169
Литовченко Е.В. Латинские эпистолярные коллекции как источник по истории Поздней Античности (на примере корпуса писем Сидония) 171
Мирзаев Д.З. Проблемы источников этнической истории Центральной Азии древнего периода 174
Пузанов В.В. Восточнославянские вождества в свете письменных источников 178
Темушев С.Н. Источники по проблеме взаимоотношений Руси и Литвы (X – начало XIII в.) 181
Нікіфаровіч М.А. Віслая пячатка XII ст. з выявай Святой Алены з Хойніцкага раёна Гомельскай вобласці: спроба атрыбуцыі 184
Дворниченко А.Ю. Великое Княжество Литовское и старины (былины). К исторической трактовке фольклора 187
Клейменов В.И. Походы псковичей на Полоцк в 1357/58 г. и 1406 г. по данным псковских летописей 190
Лицкевич О.В. Веновная запись Витовта для княгини Анны на земли Волыни и Подляшья (1395 г.) 194
Дзярновіч А.І. Крыніцазнаўчы патэнцыял англійскіх дакументальных крыніц для ідэнтыфікацыі ўдзельнікаў выпраў Тэўтонскага ордэна супраць ВКЛ у XIV ст. (выпадак з “чалавекам з Сэнт-Біс”) 197
Цветкова А.С. Анализ канцелярских записей на письмах магистрата Любека в Ревель XV века 201
Семёнова И.И. Письма магистрата Любека в Ревель по поводу ганзейской конторы в Брюгге конца XV века (материалы Таллиннского городского архива) 205
Ушаков А.В. Корреспонденция магистрата Любека в Таллиннском городском архиве как источник по истории любекской корпорации «новгородских гостей» 207
Битюков В.С. Большая Орда как правопреемник Золотой Орды 210
Старичёнок В.В. «Статейное письмо» 1524 года: специфика источника и его интерпретаций 213
Даўматовіч К.Д. “Апавяданне аб згубе тэстамента нябожчыка пана Дзмітрыя Янавіча Сапегі і іншых лістоў” як крыніца па гісторыі гарадзенскага сойма 1568 года 215
Рудаковская Е.Н. Источники по топографии, архитектуре и истории древнейших православных храмов Гродно XII–XVI вв. 216
Басов И.М. К постановке проблемы разницы цен на печатные книги в Польском королевстве и Великом Княжестве Литовском в XVI в. 221

Вардомацкий Л.М. «Порядок школьный или Устав львовской ставропигийской братской школы» как источник изучения истории восточнославянских языков 224
Космач В.А. “Пабудова двара Маркаўскага” 227
Доўнар А.Б. Крыніцы па гандлі ляснымі таварамі ў 30-я гады XVII ст. (на прыкладзе маёнтка Паставы) 230
Субоцін А.А. Кліматычныя з’явы XVII ст. на тэрыторыі ВКЛ ва “Успамінах” Альбрэхта Станіслава Радзівіла 233
Ерохин В.Н. Труды Ричарда Хукера как источник для изучения истории становления доктрины Церкви Англии 236
Подберёзкин Ф.Д. Как верил Казимир Семенович? Попытка реконструкции вероисповедания автора «Великого искусства артиллерии» (1650) 241
Зуев Е.С. «Реляция о трех посольствах…» Гая Мьежа как источник по истории Русского государства второй половины XVII в. 246
Гломаздо А.Д. Дипломатический этикет в империи Цин в XVII веке (по материалам русских источников) 248
Базарова Т.А. Письма и реляции русских дипломатов из Стамбула: эпоха Петра Великого 251
Красинский И.В. Мемуары Мартина Матушевича как источник для репрезентации вывода шляхетства в Великом Княжестве Литовском 253
Канищев В.В., Мизис Ю.А. Источники по демографической истории России XVII – середины XIX вв. (по материалам Тамбовского края) 257

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 260

Р А З Д Е Л 1
ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ. АРХИВОВЕДЕНИЕ И АРХЕОГРАФИЯ. МУЗЕЙНОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Ходин С.Н.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ

Ключевые слова: источниковедение, цифровая трансформация, интеллект, электронный источник, цифровой разрыв, визуальный поворот.

Основные вопросы, формирующиеся в настоящее время в сфере источниковедения и исторической науки в целом, прежде всего связаны с новой информационной средой. На протяжении жизни одного поколения незаменимым источником информации, в том числе профессиональной, стал Интернет. Стремительно растут объемы данных, доступных для анализа, расширяются возможности сетевого доступа к информации, сформированы огромные объёмы баз данных, различного рода изобразительных источников и т.д.

На конференции в Витебске в 2019 г. нами уже обращалось внимание на последствия тех изменений, которые профессор К. Шваб определил как приход Четвертой промышленной революции и смешение технологий физического, цифрового и биологического мира [1]. В последние 5 лет цифровая трансформация затронула буквально все сферы жизни. Одним из её элементов стало развитие искусственного интеллекта. 11 февраля 2019 г. президент США Д. Трамп издал указ, утверждающий стратегию, направленную на поддержание лидерства Америки в области технологий искусственного интеллекта. Буквально через полгода на основании указа Президента Российской Федерации 10 октября 2019 г. была утверждена «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» [2]. В проекте Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь до 2040 г. отмечается, что современная эпоха характеризуется развертыванием новой технологической революции, которая будет опираться на технологии искусственного интеллекта, больших данных, сенсорики, компьютерного зрения, виртуальной и дополненной реальности, цифровых двойников, развитие био- и нанотехнологий и др. [3, с.10–11].

Обобщая большие базы данных, некоторые задачи нейросети решают лучше человека. Вместе с тем, ключевой проблемой развития технологий искусственного интеллекта является то, что создаваемые человечеством технологии, эволюционируют значительно быстрее, чем само человечество. Генерируются изображения, которые трудно отличить от реальных, синтезированный голос можно принять за человеческий, нейросети не знают сомнений и отрицательных ответов. На противоречивость проблематики развития искусственного интеллекта указал Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко в ходе пресс-конференции для отечественных и зарубежных СМИ (26.01.2025) [4]. По мнению известного специалиста в сфере искусственного интеллекта Кай-Фу Ли, проблема развития технологий искусственного интеллекта – не захват человечества роботами, а неравенство, безработица и связанный с ними кризис потери смысла жизни. Его позиция очень близка перспективному направлению,

которое получило название человекоориентированный искусственный интеллект (humancentered AI) [5]

Очевидно, что все вызовы, которые формируются гуманитарному развитию общества актуальны прежде всего для источниковедения как основы междисциплинарного синтеза гуманитаристики. Фотографии, аудио- и видеозаписи, которые рассматривались как источники с высокой степенью достоверности, сегодня требуют дополнительной проверки на предмет их подлинности. И это затрагивает не только прикладные аспекты, но и сферу теории источниковедения. Так, к примеру под сомнение могут быть поставлены все определения исторического источника, где утверждается роль человека (человеческого общества) в его создании. И хотя проблема искусственного интеллекта как объекта права еще только обсуждается, уже сейчас очевидно: в самое ближайшее время исследователям придется принимать во внимание немалое количество материальных объектов, созданных искусственным интеллектом непосредственно или при существенном его участии. Впрочем, отметим, что даже определения понятий «интеллект» и «искусственный интеллект» в научной литературе представляют ещё достаточно дискуссионные вопросы.

Математические методы и информационные технологии в обработке данных применяются уже давно, чего нельзя сказать по отношению к внешней критике источников. Между тем, еще в конце прошлого века новые технологии и методы исследования позволили взглянуть на информацию изображения как источник массовых данных. Ю.Ю. Юмашева, автор вышедшей в 2024 г. фундаментальной монографии, акцентирует внимание на специфике электронного источника [6]. В качестве такового она определяет «материальный носитель исторической информации, возникшей и существующей в электронной (цифровой) среде как продукт определённых общественных отношений и непосредственно отражающий ту или иную сторону человеческой деятельности» [6, с. 23–24]. По сути, определение электронного исторического источника совпадает с классическим, поскольку все основные характеристики источника сохраняются в полном объеме [7]. Специфику нового типа источников определяет указание на существование его информации источника в электронной цифровой среде.

Появление новых типов и видов источников усложняет и без того чрезвычайно непростую проблему классификации. Ю.Ю. Юмашева в монографии более детально, нежели в предшествующих публикациях [8] рассматривает источниковедческую классификацию электронных исторических источников. Электронные источники как отдельный тип, подразделяются на роды (изначально цифровые (born-digital), преобразованные, смешанные), виды («бывшие» типы, спустившиеся на «ступеньку ниже» и дополненные отсутствовавшими ранее новыми видами) и разновидности («бывшие» виды). В изначально цифровые попадают в результате многие из видов письменных источников (делопроизводственные, статистические и даже источники личного происхождения). По мнению Ю.Ю. Юмашевой электронные исторические источники интегральные по своей сути, так как «в электронной форме могут быть представлены любые типы и виды источников, существующие в привычном, нецифровом мире» [6, с. 128].

С развитием цифровой трансформации формировалось и понятие цифрового разрыва. Эта проблема привлекает внимание общества, поскольку цифровое неравенство усиливает неравенство социальное. Одна из линий межпоколенческого разрыва связана с развитием социальных сетей и формированием виртуального пространства. Для построения моделей развития общества, современные историки активно внедряют методы лингвистики, филологии, психологии, искусствознания, big data analysis и т.д. Эти тенденции проявились в так называемых поворотах:

за лингвистическим, последовали визуальный, когнитивный, пространственный, цифровой, антропологический, индивидуальный и даже анималистический. Но всё же именно визуальный поворот (наряду с цифровым) определил, на наш взгляд, самые значительные изменения в составе новых источников. По мнению Л.Н. Мазур, рождается не просто новая модель культуры, создается новый мир, который перестает восприниматься как текст, он становится Образом, о сложности восприятия которого предупреждал ещё французский философ Ролан Барт [9]. И хотя за последние годы интерес к графическим средствам невербальной коммуникации или «визуальной информации» значительно возрос, можно утверждать, что они ещё только включаются в научный оборот.

Фотография создавалась и изобреталась для того, чтобы запечатлеть уникальность, единичность. Социальные сети (прежде всего Instagram) сделали этот вид исторического источника массовым. Постепенно фотография, сделанная с помощью профессиональной дорогостоящей техники, стала проигрывать мобильной в массовой доступности и возможности быстрой публикации. И к анализу такого нового вида массовых источников историки пока не готовы. Еще одним ярким проявлением визуального поворота стало иллюстрирование текстообразования. При этом вербальный текст и невербальная информация очень тесно взаимодействуют между собой, образуя один многослойный исторический источник. Ещё в 90-х гг. XX в. в англоязычной научной литературе закрепился термин «медиатекст» (от лат. media textus «средства, посредники + ткань; сплетение, связь, сочетание»), который также можно рассматривать как один из видов электронных источников.

Очевидно, что современные поколения исследователей еще только осмысливают динамичные изменения, затрагивающие основы развития общества. Профессиональное освоение огромных массивов новых источников безусловно требует подготовки специалистов, не только владеющих новыми информационными технологиями, но и широкими познаниями в сфере методологии источниковедения.

1. Ходин, С. Н. Источниковедение Беларуси: XXI век / С. Н. Ходин // Актуальные проблемы источниковедения : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. к 110-летию Витебской ученой архивной комиссии, Витебск, 25–27 апреля 2019 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А. Н. Дулов и М. Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.]. – Витебск, 2019.– С. 241–243.

2 Евсеенко, С. М. Этапы развития технологий искусственного интеллекта и уточнение терминологии / С. М. Евсеенко // Инновации. – 2021. – № 4. – С. 39.

3. Проект Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года – URL: proekt-Natsionalnoj-strategii-ustojchivogo-razvitija-na-period-do-2040-goda.pdf.

4. Пресс-конференция Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко отечественным и зарубежным СМИ. 26 января 2025 года. – URL: https://belta.by/president/view/lukashenko-vyskazalsja-o-razvitii-nejrosetej-691525-2025/.

5. Ли, К. Сверхдержавы искусственного интеллекта. Китай, Кремниевая долина и новый мировой порядок / К. Ли ; пер. с англ. Н. Константиновой ; под ред. В. Лялина, О. Копыт. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 342 с.

6. Юмашева, Ю. Ю. Источниковедение информационной эпохи : монография / Ю. Ю. Юмашева. – Москва : Директ-Медиа, 2024. – 512 с.

7. Ходин, С. Н. История и теория источниковедения : учеб. пособие / С. Н. Ходин, В. П. Грицкевич, С. Б. Каун. – Минск : БГУ, 2008. – 254 с.

8. Юмашева, Ю. Ю. Актуальные проблемы источниковедения информационной эпохи / Ю. Ю. Юмашева // Документ. Архив. История. Современность : сборник научных трудов. – 2023. – Выпуск 23. – С. 109–140.

9. Мазур, Л. Н. «Визуальный поворот» в исторической науке на рубеже XX–XXI вв.: в поисках новых методов исследования / Л. Н. Мазур // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – Вып. 46. – М. : URSS, 2014.– 400 с.; Репина, Л. П. «Национальный характер» и «Образ другого» / Л. П. Репина // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – Вып. 39. – М. : URSS, 2012. – 400 с.; Мазур, Л. Н. Визуализация истории: новый поворот в развитии исторического познания / Л. Н. Мазур // Quaestio Rossica. – 2015. – № 3. – С. 161–178; Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт ; пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.

Мазур Л.Н.

ИНФОРМАЦИОННАЯ СРЕДА ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И ЗАДАЧИ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОЙ КРИТИКИ[1]

Ключевые слова: исторический источник, источниковедческий анализ, критика источника, документальная память, архив.

Тенденции развития истории как научной дисциплины непосредственно связаны с расширением круга исторических источников, усложнением задач исторического исследования, освоением новых методов и технологий. Все эти аспекты тесно переплетены и в конечном счете ведут к системным изменениям исторического познания – переходу от описательной к объяснительной модели. Показателем перехода является формирование информационной инфраструктуры исторической науки – системы архивов и научных библиотек, обеспечивающих доступность исторических источников и их атрибуцию.

Классический вариант исторического исследования опирается на методы работы с историческими источниками, которые теоретически обоснованы в трудах А.С. Лаппо-Данилевского, Л.Н. Пушкарева, О.М. Медушевской, С.О. Шмидта и др. источниковедов [1; 2; 3; 4]. Утвердившийся в исторической науке метод источниковедческого анализа объективно нацелен на изучение уникальных письменных источников и представляет собой логическую последовательность взаимосвязанных задач: от характеристики авторства, цели и условий создания документа до интерпретации текста с учетом культурных кодов эпохи. Перечень задач источниковедческого анализа включает: 1) оценку *подлинности, достоверности и полноты* источника/комплекса источников; 2) характеристику *информационного потенциала*; 3) определение *ценности* документа [5, с. 193].

Если в классический период весь цикл критики источника осуществлялся непосредственно самим историком, то в XX в. ситуация меняется. Вместе с формированием информационной инфраструктуры исторических исследований, в частности созданием общедоступной архивной и библиотечной сети, произошло перераспределение функций и задач критики исторического источника между информационными институтами и историком. В частности, архив при реализации функций отбора на хранение документов проводит оценку их подлинности, оригинальности, а также экспертизу исторической ценности, что является основанием для «вечного» хранения документа. Тем самым архив институционально удостоверяет архивный документ по целому ряду параметров (авторство, датировка, подлинность, ценность, а также полнота), упростив задачи историка в области источниковедческого анализа.

Оборотной стороной инфраструктурной модернизации информационного пространства исторических исследований стало некритичное отношение к информационным институтам, позиционирующим себя в качестве хранителей памяти. Более того, архивная революция конца XIX в. способствовала формированию представлений об архивах как эксклюзивных хранителях свидетельств прошлого, что предопределило высокий уровень доверия архивным документам. По мнению А.Н. Веселовского «*архивы хранят основные источники, на которых только и может созидаться правдивая история русского народа и русского права*» [цит. по: 6, с. 9]. Может быть, поэтому в исторических исследованиях по новейшей истории, опирающихся на широкую источниковую базу, состоящую из типовых комплексов документов, источниковедческий анализ приобретает ритуальный формализованный

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 24-28-00629 «Траектории развития городов Среднего Урала в середине XX в.: методологический и источниковедческий аспекты»).

характер, и, как правило, ограничивается видовой характеристикой используемых документов.

Осознанию особенностей функционирования архива как информационной системы документального типа способствовало введение в научный оборот понятия «*документальная память*». Оно используется для обозначения того информационного ресурса, который был сформирован обществом и представлен совокупностью исторических документов, преимущественно сосредоточенных в архивах [7]. Носителем *документальной архивной памяти* выступает архивный документ, находящийся на завершающей стадии своего жизненного цикла. Однако, не все документы поступают на хранение в архив.

Полнота сохранившегося в архивах историко-документального ресурса относится к наиболее сложным вопросам и затрагивает историко-архивный аспект критики источниковой базы исторического исследования. Он предполагает выяснение того, какие документы и почему сохранились, а также, что было утрачено в ходе передачи на хранение (комплектования) и разбора архивных фондов. Причем информация об утраченных (уничтоженных) документах иногда способна больше сказать об эпохе и предмете исследования, чем сохранившиеся дела.

Критическая оценка процедур отбора документов на архивное хранение является принципиально важной для понимания того, насколько полно изучаемые источники отражают историческую реальность. Как она соотносится с изучаемой проблемой. Иными словами, источниковедческий анализ используемых архивных документов должен в обязательном порядке включать историю фондообразователя (условного автора) и процедур комплектования фонда, подходов и технологий «разбора» документов, включая проведение экспертизы ценности, мероприятий по уничтожению или засекречиванию документов [8].

В ряде случаев анализ процедур формирования и хранения в архиве историко-документального наследия имеет принципиальное значение. Во второй половине XX в. в источниковедении оформляется новое направление, связанное с изучением массовых источников – комплексов документов, обладающих единством происхождения, информационной структуры и отражающих массовое явление. К ним можно отнести анкетные материалы, делопроизводственную документацию, первичные статистические бланки с зарегистрированной на них информацией и др.

Включение массовых источников в исторический нарратив оказало заметное влияние на методику источниковедческого анализа [9; 10; 11]. Принципиальное значение для понимания специфики исторического познания имела разработка понятия «*естественной выборки*», под которой подразумеваются частично сохранившиеся комплексы архивных документов.

Использование массовых источников в историческом исследовании стало возможным при соблюдении двух условий: во-первых, компьютеризации, а во-вторых, применения количественных методов. Оптимальным вариантом изучения массовых источников стало использование технологии баз данных (БД) с последующей статистической обработкой сведений БД, что непосредственно отражается на свойствах преобразованной информации. В результате к традиционным задачам и методам критики источникового комплекса добавились новые задачи, связанные с оценкой полноты и вариативности изучаемого массива документов, репрезентативности естественной выборки, корректности компьютерной и математической обработки.

Эпоха цифровизации поставила перед исследователями новые задачи источниковедческого анализа, в частности оценку аутентичности цифровой копии оригиналу, а также принципов отбора, доступности и достоверности документов, размещенных в сети [12]. Сетевые технологии формируют принципиально новую

информационную среду, создавая, с одной стороны, новые возможности по получению и обработке данных, способствуя сокращению затрат времени на поиск, передачу и преобразование сведений, а с другой – наполняя ее цифровыми копиями и оригиналами электронных документов на разных материальных носителях, мигрирующих из одной информационной системы в другую. Объективно на каждом этапе использования, перемещения электронных документов возрастают угрозы искажения информации и даже ее потери. В этих условиях возрастает роль архивов, библиотек и других информационных институтов как мест хранения оригиналов исторических источников, обеспечивающих их верификацию и атрибутирование.

Таким образом, архив следует рассматривать как информационную систему, переживающую в современных условиях серьезную трансформацию, основные направления которой задаются технологическими инновациями (компьютеризация) и глобальными процессами, сопровождающими формирование информационного общества. Архив трансформируется в информационный институт, который хранит исторические источники, удостоверяя их системные характеристики. Анализ процедур фондирования документов и включение их в источниковедческий анализ представляется не только желательным, но обязательным.

1. Лаппо-Данилевский, А. С. Методология истории в 2 ч. Ч. 2. Методы исторического изучения / А. С. Лаппо-Данилевский. – М. : Юрайт, 2025. – 315 с.

2. Пушкарев, Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Л. Н. Пушкарёв. – М. : Наука, 1975. – 281 с.

3. Медушевская, О. М. Источниковедение: теория, история, метод / О. М. Медушевская. – М. : РГГУ, 1996. – 79 с.

4. Шмидт, С. О. Путь историка : избранные труды по источниковедению и историографии / С. О. Шмидт. – М. : РГГУ, 1997. – 612 с.

5. Русина, Ю. А. Методология источниковедения : учеб. пособие / Ю. А. Русина. — Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2015. – 202 с.

6. Самоквасов, Д. Я. Архивное дело в России: в 2 кн. Кн. 1. Современное русское архивное нестроение. 1852–1902.; Кн. 2. Прошедшая, настоящая и будущая постановка архивного дела в России / Д. Я. Самоквасов. – М. : Тов-во тип. А. И. Мамонтова, 1902. – 172 + 329 с.

7. Козлов, В. П. Архивоведение : учеб. пособие / В. П. Козлов. – М. : Изд-во РГГУ, 2023. – 329 с.

8. Мазур, Л. Н. Архив и историческая наука: к вопросу о полноте документальной архивной памяти // Архивы и историческая наука: механизмы взаимодействия : материалы III Уральского историко-архивного форума / Л. Н. Мазур / отв. ред. Л. Н. Мазур. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2024. – С. 401–407.

9. Литвак, Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX вв. / Б. Г. Литвак. – М. : Наука, 1979. – 294 с.

10. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – Москва: Наука, 1987. – 486 с.

11. Славко, Т. И. Математические методы в исторических исследованиях : учеб. пособие / Т. И. Славко. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1995. – 178 с.

12. Юмашева, Ю. Ю. Источниковедение информационной эпохи : монография. – М. : Директ-Медиа, 2024. – 512 с.

Илизаров Б.С.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: СОЗНАНИЕ–ПАМЯТЬ. АНРИ БЕРГСОН

Ключевые слова: исторический источник, память, история, сознание, образ, А. Бергсон.

В обычных условиях мы не задерживаемся на первичном этапе формирования исторических источников. Историк (источниковед) идет в обратном порядке: от источника (или от того, что от него осталось), к первоисточнику, а затем к фактам. На этом пути обычно теряется человек: человек как деятель, как творец истории; человек как разрушитель и хранитель отжившего; и, наконец, человек как реконструктор старого и, конечно же, как модельер будущего. История человечества всегда творится как синтез градиентов всех времен и действий. Так же действует и историческая наука: в настоящем маркируются останки прошлого, а прошлое под пером автора

удивительным образом напоминает послание своему же настоящему, с намеками на предвосхищение будущего. Сам же человек как мыслящая биологическая конструкция (монада) движется по шкале времени сразу в нескольких измерениях: поколенческих, социальных, культурно-цивилизационных. Но так было не всегда. В наше время прошлое впервые становится не равноценной частью бытия, а это для людей непростая ноша. Согласно библейской традиции, не только люди, но и цивилизации гибли под тяжестью неискупленного прошлого; за грехи отцов платят поколения за поколениями, пока не наступит всеобщий крах. Страх перед прошлым, которое становится будущим, т.е. ретротопия – тяжелая болезнь и нашего времени [4, с. 276–278].

Насколько мне известно, эту конструкцию как единый творческий процесс никто пока не рассматривал сквозь призму теоретического источниковедения (герменевтики). Затрону только первый этап. Речь идет об истории жизни, как части истории всеобщей, и о том, как она осознается человеком за те годы, что он проживает на Земле в своем персональном историческом времени. Человек не выбирает себе эпоху, но творит в ней историческое время. Напомню, что человек есть единственный творец любого исторического источника и он же единственный и суверенный творец истории людей.

Исторический источник – это все то, к чему прикоснулся человек физически или познал виртуально, в воображении, затем зафиксировал и зашифровал в любой знаковой системе, доступной для другого. Исторический источник – это объективированный продукт индивидуальной жизни, выполняющий социальные функции, т.е. бытующий в человеческом сообществе. По мере расширения познания, расширяется круг исторических источников, их количество и разнообразие. С этой точки зрения исторический источник – это любой продукт жизнедеятельности людей, от самых примитивных и древних до новейших и будущих (воображаемых). Таким образом, исторический источник – это исключительно продукт Бытия, т.е. настоящего (процесса живой истории) или остаток прошлого, фрагментарно присутствующий в настоящем [см.: 5, с. 322–325]. Таким образом, будущее и прошлое – это только векторы развития настоящего. Столетие за столетием настоящее прирастает прошлым и пытается проникнуть в будущее. Но длительность времени едина.

Мы не знаем и, видимо, никогда не узнаем, есть ли иная форма жизни после смерти? Но человечество долгое время жило как будто в забытьи и не замечало, что оставляет после себя огромное количество мусора, т.е. неряшливых следов своей деятельности, которые скапливаются и долгое время сохраняются в среде обитания новых поколений. Устаревшие или отработавшие продукты человеческой мысли и труда сначала сохраняются непроизвольно и случайно, а по мере развития общечеловеческой цивилизации собираются уже осознано и целенаправленно, и все более масштабно. Парадоксально, но прогресс цивилизации и устрашающий рост ее отходов придали совершенно новые качества не только цивилизации, но и мировой исторической науке и родственным ей дисциплинам, включая археологию, архивное и библиотечное дело, и всему циклу информационных дисциплин. Из «сора»: «макулатуры», обломков орудий и механизмов и других «останков», – растут не только цветы поэтического вдохновения (А. Ахматова), но и множество современных наук и дисциплин. Все они связаны с понятием «память» – индивидуальная, коллективная, социальная, память мира. Последнее понятие принадлежит известному французскому философу, психологу и писателю, лауреату Нобелевской премии Анри Бергсону. Он творил в первой половине XX в. и был приверженцем реального существования не только материи, но и духа, и, как многие, верил в продолжение жизни души после смерти тела. Всю западноевропейскую гуманитарную науку, включая Бергсона, в СССР считали зараженной идеализмом, а потому игнорировали и запрещали. А между тем, именно идеализм, начиная с Ветхого Завета и Платона, задавался вопросами

морали в истории, мышлении и памяти. Сам Бергсон считал, что он своей философией преодолевает узость и материализма, и идеализма.

В XX в., развивая идеи Бергсона, десятки авторов написали большое количество выдающихся работ, которые еще только предстоит освоить нашему профессиональному сообществу. В Европе, да и у нас (до господства идеологии сталинизма), источниковедение всегда развивалось на высокой теоретической базе. В свою очередь, современные выдающиеся философы многое сделали для изучения методов исторического познания. Перечислю только часть их имен: В. Дильтей, О. Шпанн, В. Вышеславцев, Ж-П. Сартр, Ж. Ле Гофф, П. Рикёр и др. Одним из основных объектов современного источниковедения и философии истории является понятие «память», которое особенно плодотворно изучалось в течение завершившегося столетия.

Бергсон в одной фразе выразил суть нового мышления: «Всякое сознание есть память – сохранение и накопление прошлого в настоящем» [2, с. 10]. Память – это неразрывная часть сознания, выделяемая наукой в отдельную область исключительно в целях изучения процессов: запоминания, воспоминания и забвения. Бергсон утверждал, что всякое сохранение и накопление прошлого опыта, информации и образов происходит только в настоящем. Нет и не может быть сферы или области, где бы прошлое «хранилось» или существовало как бы суверенно от настоящего. Попробую пояснить его мысль: если документа (источника) нет в настоящем времени, то его нет физически нигде. Если о нем не сохранилось воспоминаний или иных виртуальных следов, то он исчез из мира навсегда, он «умер» (абсолютное забвение) или не «рождался» никогда (констатация ничто). Здесь Бергсон солидарен (как и я) с Блаженным Августином, который еще на заре христианской эры утверждал, что прошлого, как и будущего фактически нет, а есть только настоящее [1, с. 297]. Впрочем, и с настоящим не все так просто.

По Бергсону настоящее для человека – это неосознаваемая и ничем не измеряемая длительность между уже исчезнувшим прошлым и еще не наступившим будущим. Эту длительность «можно представить, но нельзя воспринять». То есть и существование настоящего мало уловимо, поскольку является нашим представлением о нем. «На самом деле, – писал Бергсон, – мы воспринимаем некую толщу длительности, состоящую из двух частей: нашего непосредственного прошлого и ближайшего будущего, сознание – это соединительная черта между тем, что будет, мост, переброшенный между прошлым и будущим. Но чему служит этот мост и что призвано делать сознание?» [2, с. 11]. Оно должно «удерживать то, что уже не существует, предвосхищать то, чего еще не существует». Сознание обладает удивительными возможностями, среди которых выделяется способность производить «…сжатие, которое и объединяет в этом единственном мгновении бесчисленное множество осуществляемых материей мелких событий и **резюмирует в одном слове необъятность истории** (выделено мной – *Б.И.*)» [2, с. 19]. Только человек может представить разом, как единый образ с мельчайшими подробностями: Космос, тысячи и тысячи исторических событий или охватить в одно мгновение «тысячи триллионов колебаний» материального мира.

В основном своем труде «Материя и память» Бергсон выдвинул идею такого плана: человек мыслит «образами», поскольку и материальный мир, независимый от его сознания, представляет собой совокупность образов. Но образы Бергсона – это не образы художника, хотя и они имеют к нему отношение. Он писал: «Материя для нас – это совокупность “образов”. Под “образом” же мы понимаем определенный вид сущего, который есть нечто большее, чем то, что идеалист называет представлением, но меньшее, чем то, что реалист называет вещью, – вид сущего, расположенный на полпути между “вещью” и “представлением”. Это понимание материи просто-напросто совпадает с пониманием ее здравым смыслом» [3]. Он прав; например, мы же знаем, что материя –

это совокупность атомов или молекул, а они образы и физические, и гипотетические одновременно. Совокупность звезд (образов) — это Галактика, в которой к тому же присутствуют туманности, планеты, «черные дыры» и т.д. Не имея возможности рассмотреть эту важную проблему подробнее и ближе к нашей теме, отмечу, что и любой источник – это вид образа: документа, археологического памятника, древнего города или социума и персоны. Подобными же аналитическими образами мыслит и историк. Образы истории и источниковедения всегда опираются на какие-нибудь материальные остатки, но в значительной степени они еще и виртуальны, и воображаемы. Материальность источника в первую очередь служит доказательством его бытия (присутствия) в прошлом, а также и для виртуального воссоздания в настоящем. Историческая реконструкция образа – это всегда сочетание материального и идеального. Следует также иметь в виду, что образы материального мира, существуют независимо от нашего сознания и находятся в процессе постоянного развития (включая разрушение и упадок). А образы, которые хранятся в нашей памяти, на весь наш век остаются неизменными и стабильными, они не развиваются. Если у вас в памяти сохранился образ ребенка и больше ничего, то вам практически невозможно достоверно представить его взрослым человеком или стариком. В жизни же все метаморфозы обязательно произойдут.

Бергсон считал, что каждый человек – это монада, несущая в себе «память мира». Но в наше время особенно важно понять, какую мощь, какую образность несет вся многомиллиардная совокупность людей, проживающих на земле? Если только одна монада несет в себе память мира, то их совокупность сравнима с памятью мыслящего океана. Не будем здесь вдаваться в философские тонкости построений Бергсона, но для нас важно то, что он приоткрыл способ нашего восприятия действительности и что память есть только часть этого же механизма. В сознании все слитно, а мы членим и упорядочиваем мысль в слова. Исторический источник – это всегда слово, даже если оно не высказано. Сам процесс познания (для нас познания исторического источника) предстаёт как постоянное взаимодействие восприятия и памяти: памяти своей, памяти профессионального сообщества (историография), памяти социальной (общенародной и всего человечества).

1. Августин Аврелий. Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского / пер. с лат. М. К. Сергеенко ; вступит. ст. А. А. Столярова. – М. : Изд-во «Ренессанс», СП ИВО – СиД, 1991. – 488 с.

2. Бергсон, А. Духовная энергия : статьи и выступления / А. Бергсон ; [пер. с фр.]. – М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2023. – 208 с.

3. Бергсон, А. Материя и память / А. Бергсон – URL: http://royallib.ru/book/bergson_anri/materiya_i_pamyat.html (дата обращения: 15.03.2025)

4. Илизаров, Б. С. Концепция социальной памяти в свете размышлений Зигмунда Баумана о ретротопии / Б. С. Илизаров // Актуальные проблемы источниковедения : материалы VII Междунар. науч.-практ. конференции, Витебск, 27–29 апреля 2023 г. : в 2 т. Т. 2 / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А. Н. Дулов и М. Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.]. – Витебск, 2023. – С. 276–278.

5. Илизаров, Б. С. Народный архив. Живые голоса эпохи / Б. С. Илизаров. – М. : Вече, 2014. – 416 с.

Чувак С.В.

МАСТАЦКІ ТЭКСТ ЯК КРЫНІЦА СУЧАСНАГА ГУМАНІТАРНАГА ДАСЛЕДАВАННЯ

Ключавыя словы: слова, мастацтва, тропы, карціна свету, аўтар, вобраз, мадэль.

Мастацкая літаратура як від эстэтычнай дзейнасці чалавека валодае шырокім дыяпазонам спецыфічных сродкаў і формаў выражэння, якія вельмі прыдатныя для выкарыстання мастацкіх твораў як крыніцы даследавання ў розных гуманітаных дысцыплінах, у міждысцыплінарных даследаваннях.

Найперш, задача мастацкай літаратуры, як і любога іншага віда мастацкай дзейнасці – не проста выявіць аб'ектыўныя асаблівасці свету, а «адкрыць» жыццё, паказаць тое, што ляжыць за значэннем, г.зн. за грамадска-гістарычным вопытам, апрадмечаным у прыладах працы, сацыяльных нормах і каштоўнасцях, пранікнуць за «абыякавасць» аб'ектыўнасці, практычнай, тэарэтычнай, пазнавальнай дзейнасцяў. Па гэтай прычыне эстэтычныя адносіны ў пэўным сэнсе універсальныя, значыць яны падтрымліваюць універсальную карціну свету, і значыць культуру, якая сфармавалася пад яе ўплывам.

Важна, што мастацтва функцыянуе як творчы адказ на рэчаіснасць. Эстэтычная дзейнасць збірае рассеяны ў сэнсе свет і згушчае яго ў закончаны і самадастатковы вобраз, знаходзіць для ўсяго ў свеце (для яго сучаснага, мінулага, наяўнасці яго) эмацыянальны эквівалент, які ажыўляе яго і ахоўвае, знаходзіць каштоўнасную пазіцыю, з якой свет набывае каштоўнасную, падзейную вагу, атрымлівае значнасць і ўстойлівую акрэсленасць.

Варта падкрэсліць, што эстэтычны акт нараджае быццё у новым плане, у новым каштоўнасным кантэксце – плане мыслення аб свеце чалавечым [2, с. 166]. Важна, што кожны з элементаў мастацкага твора па-свойму падкрэслівае рэчаіснасць, указвае на яе, вылучае той ці іншы бок. Пры гэтым падкрэсліваюцца тыя ці іншыя аспекты і ўласцівасці, іншыя ж могуць адсоўвацца на задні план: гэтым даецца напрамак чалавечым дзеянням і развагам – указваецца канкрэтны спосаб абыходжання з рэчаіснасцю [11, с. 531–532]. І справа тут найперш датычыць асобы аўтара, унікальнасці інтэрпрэтацыі карціны свету, асаблівасці мастацкай мадэлі свету, створанай на старонках яго твораў. Узнікае пытанне: наколькі мадэль свету, прапанаваная мастаком, аўтарам адпавядае мадэлям, якія пануюць у свеце яго сацыяльнай супольнасці, бо карціна свету выступае перш за ўсё як праблема індывідуальнай псіхалогіі. Калі кожны чалавек унікальны, то ўнікальным з'яўляецца і яго погляд на жыццё, г.зн. яго карціна свету. Ражэ Шарцье, разважаючы аб шляхах сувязі культурнага і сацыяльнага жыцця, адзначаў, што свет сацыяльнага раскрываецца як свет уяўленняў. Уяўленне – гэта вобраз чагосьці ў спалучэнні з крэдытам грамадскага даверу да гэтага вобраза: прызнанне вобраза раўназначнае прызнанню абазначаемай з'явы. Тэксты і іх формы, прапанаваныя чытачу, заўсёды ўпісаныя ў чаканні і кампетэнцыя публікі, на якую яны разлічаны; яны ўтрымліваюць у сабе пэўныя ўяўленні аб сацыяльнай арганізацыі [15, с. 77–78]. Але гэта не значыць, што творы мастацкай літаратуры – гэта толькі клішэ, абумоўленыя традыцыяй, ідэялагемы, міфы са сферы грамадскага жыцця, архетыпы як «вобразныя адзінкі, якія адлюстроўваюць маральныя і рэлігійныя нормы жыцця» [12, с. 13]. Кожная асоба, аўтар засвойвае штосьці з фонду калектыўных ідэяў, уяўленняў, стэрэатыпаў. У мастацкі твор уваходзяць усе каштоўнасці свету, але з пэўным эстэтычным каэфіцыентам, пазіцыя аўтара і яго мастацкае заданне павінна быць зразумелым у свеце ў сувязі з усімі гэтымі каштоўнасцямі [2, с. 165]. Аўтар актыўна адбірае, пераўтварае, па-свойму факусуе чужое, выбудоўвае свой уласны ўнутраны свет, гэта значыць прапануе спажыўцу сваіх твораў яго, індывідуальнае светабачанне і разуменне свету, уласную мадэль светабудовы. Светапогляд пісьменніка выступае асаблівым элементам мастацкага твора, які адначасова знаходзіцца ў ім і па-за яго межамі. Светапогляд аўтара – гэта непасрэдны прынцып пабудовы мастацкага твора, які ўплывае на адносіны паміж яго элементамі і на агульнае значэнне мастацкага знака, якім і выступае сам твор [11, с. 535].

Карціна свету або яе асобныя элементы ўвасабляюцца ва ўсіх семіятычных сістэмах, якія дзейнічаюць у грамадстве. Таму натуральна, што яе сляды варта найперш шукаць у творах літаратуры. Аднак выкарыстанне гэтых твораў магчыма толькі ў

пэўнай ступені і з абмежаваннямі. Гэта тлумачыцца тым, што ў працэсе мастацкага спасціжэння свету выпрацоўваюцца свае, аўтаномныя катэгорыі часу і прасторы і важна помніць пра іх умоўнасць. Мастацкі час і прастора маюць спецыфічныя асаблівасці, якія паходзяць не столькі са спосабаў успрымання свету і гісторыі грамадства, у якім яны створаны, а з пэўных ідэалагічных і мастацкіх задач, якія ўзнікаюць перад пісьменнікамі і мастакамі [3, с. 50].

Ю. Лотман увёў ў мастацтвазнаўчую рэфлексію паняцце «карціна свету» і спыніўся на прасторавым аспекце гэтай з'явы. Напружанне ў творы дасягаецца з дапамогай сюжэта, які складаецца з падзей. Але сюжэт нельга пабудаваць толькі суадносінамі с пануючай сістэмай каштоўнасцей або карцінай свету. Сюжэт з'яўляецца менавіта ў сілу неабходнасці зрабіць пераход ад адной карціны свету да другой. З гэтага пункту гледжання падзея ў сюжэце – гэта элемент, які дэманструе пераход, бо падзея мае месца толькі у тым выпадку, калі адбываецца адхіленне ад пануючай карціны свету. Падзея – гэта і ёсць рэалізуючае інтэнцыю адхіленне ад пануючай карціны свету. У адпаведнасці з Лотманам, падзея ў тэксце з'яўляецца перамяшчэннем персанажа праз граніцу семантычнага поля. Аднак на аснове вываду пра падзею як пра перасячэнне граніцы пабудаваць нейкую універсальную тэорыю сюжэтаскладання нельга. Справа ў тым, што статус падзеі якога-небудзь здарэння, факта ці з'явы залежыць ад каштоўнасцей культуры. Для адной культуры тая ці іншая з'ява можа ўспрымацца адхіленнем ад яе каштоўнасных арыенціраў, для другой – цалкам упісвацца ў пэўную карціну свету, г.зн. адпавядаць яе каштоўнасным арыентацыям [14, с. 127].

Аднак ідэі стваральнікаў мастацкіх твораў не перасаджваюцца механічна ў галавы тых, хто ўспрымае іх творы. Мы ўжываемся ў актыўнае бачанне мастаком свету і толькі па заканчэнню мастацкага сузірання, калі аўтар перастае кіраваць нашым бачаннем, мы аб'ектывізуем нашу перажытую пад яго кіраўніцтвам актыўнасць (наша актыўнасць ёсць яго актыўнасць) у нейкую постаць, у індывідуальны лік аўтара, які нярэдка змяшчаем у створаны ім свет герояў [1, с. 180]. Свядомасць чалавека функцыянуе не столькі на пазнанне, усведамленне ў сістэме значэнняў, колькі на выпрацоўку «асабістага» сэнсу з'яваў (тэрмін Лявонцьева). Пры гэтым асабісты сэнс не з'яўляецца адзінкавым, хоць кожнаму прыходзіцца вырашаць задачы на сэнс, засвайваць частку прасторы і часу. На думку Лявонцьева, мастацтва і ёсць тая адзіная дзейнасць, якая адпавядае задачы адкрыцця, выражэння і камунікацыі асабістага сэнсу рэчаіснасці, рэальнасці. Мастацтва не інфармуе, яно рухае людзей, «прымушае жыць у ісціне жыцця, а не ў ісціне рэчаў» [8, с. 239]. Гётэ пісаў: «Кнігі, якія даюць нам толькі сыры матэрыял, патрабуюць ад нас, каб мы самі яго перапрацоўвалі, патрабуюць ад нас нашых уласных намаганняў, да якіх мы не заўсёды падрыхтаваныя, патрабуюць уласнага сузірання, здольнасці разабрацца ў тым, што было ўспрынята, г.зн. здольнасці, якая ўласцівая не кожнаму» [7, с. 84]. Па сутнасці, механізмы фармавання мастацкай мадэлі свету ідэнтычныя працэсам фармавання універсальнай карціны свету: праз пазнанне рэчаіснасці да стварэння «ўласнага» сэнсу ўсяго існага.

Цэлым шэрагам псіхолагаў было даказана, што існуе паняцце тыпу асобы. У псіхалогіі такія спробы рабілі Э. Крэчмер, К. Юнг, Э. Фром і інш. У дадзеным выпадку мастацтва выступае спосабам актуалізацыі карціны свету мастака як індывідуальнай карціны свету. Справа яшчэ і ў тым, што калі з дапамогай свайго твора мастак прыцягвае чытачоў таго ж псіхалагічнага тыпу, то размова ідзе не толькі пра актуалізацыю індывідуальнай карціны свету. У такой сітуацыі пры кантакце з аудыторыяй размова ідзе пра пра сацыялізацыю і інстытуцыялізацыю індывідуальнай карціны свету ў мастацкіх формах.

Выключнасць мастацтва заключаецца ў тым, што часам толькі мастацтва здольнае выступіць спосабам аб'яднання індывідаў, якія належаць да аднаго псіхалагічнага

тыпу, схільныя аднолькава ўспрымаць і ацэньваць свет. У гэтым сэнсе яно выступае не проста транслятарам індывідуальнай карціны свету, а спосабам, які правакуе усведамленне існавання ў грамадстве ўтварэння, якое валодае сваёй спецыфічнай культурай ці субкультурай (пад гэтым тэрмінам мы разумеем культуру, створаную пэўнай сацыяльнай групай, якая здольная ўнесці ўклад у агульную сістэму каштоўнасцей) [14, с. 148]. Інакш кажучы, генезіс субкультуры можа адбыцца толькі дзякуючы мастацтву. Гэта не значыць, што мастацтва заўсёды выступае ў гэтай ролі, а генезіс субкультуры мае месца толькі ў мастацкіх формах. На справе мастацтва функцыянуе у такой рэальнасці, калі субкультурная стратыфікацыя ўжо існуе. У такім выпадку кожная субкультура, сцвярджэнне якой адбываецца, можа адбывацца за межамі мастацтва, выкарыстоўвае яго ў сваёй барацьбе за больш высокі статус ў грамадстве, за месца сваёй мадэлі свету на пазіцыях універсальнай[14, с. 154].

Яшчэ адной асаблівасцю мастацкай літаратуры з'яўляецца тое, што літаратура мае справу са словам, мовай. Наогул, усе кодавыя сістэмы мадэлі свету дапускаюць лінгвістычную прэзентацыю, г.зн. могуць быць прадстаўлены фрагментамі мовы. Такім чынам, мова выступае як унікальны знакавы комплекс культуры, што робіць яе галоўным інтэгратарам мадэлі свету культуры. Мастак з дапамогай слова апрацоўвае свет, для чаго слова павінна іманентна пераадольвацца як слова, і з'яўляецца выразнікам свету іншых і выразнікам адносінаў аўтара да гэтага свету [2, с. 169]. Мову апрацоўвае мастак, але не як мову; як мову ён яе пераадольвае, бо яна не павінна ўспрымацца як мова ў яе лінгвістычнай акрэсленасці (марфалагічнай, сінтаксічнай, лексічнай і інш.), бо яна становіцца сродкам мастацкага выражэння. Мастак стварае не ў міры мовы, мовай ён толькі карыстаецца [2, с. 167]. Слова перастае быць наборам гукаў, а становіцца знакам, за якім стаіць ужо не інфармацыя, а азначэнне рэалій свету. Гэта знак, сімвал, троп. Ж.П. Сартр так акрэсліў сутнасць мастацкай літаратуры: «Проза – імперыя знакаў, мастак не ўмее выкарыстоўваць у якасці знака адну з граней свету, ён бачыць ў слове вобраз адной з такіх граней. Для паэта мова ў яе цэласнасці – Люстэрка свету» [13 , с. 15].

Мастацкія тропы (метафары, эпітэты, параўнанні і г.д.) як ідэальныя носьбіты інфармацыі здольныя захоўваць у дасканалым выглядзе вялікія аб'ёмы інфармацыі, для сваёй інтэрпрэтацыі пратрабуюць розных спосабаў сэнсаўтварэння. Найперш гэта датычыць тых мастацкіх тропаў, якія паходзяць з фальклору. Мастак слова не толькі выкарыстоўвае іх знакавае напаўненне, значэнне, якое сфармавалася раней, замацавалася за гэтым сімвалам: так ён актывізуе элементы архетыповай мадэлі свету, устойлівыя формы мыслення чытачоў, якія валодаюць ідэнтычнымі ўяўленнямі, выклікае іх эмацыйны, а потым і рацыянальны водклік, а значыць не толькі фіксуе іх, але і надае ім новае "аўтарскае" значэнне, якое карэлюецца з сацыяльна-эканамічнымі, гістарычнымі варункамі быцця самога аўтара і сацыяльнай групы да якой звернута яго творчасць. Такім чынам пісьменнік ці паэт не толькі выводзіць метафары, эпітэты, параўнанні і іншыя элементы міфапаэтычнай карціны свету са стану культурнай традыцыі (песні, легенды, паданні, аўтарскія творы папярэдніх пакаленняў пісьменнікаў і г.д.), але і дае магчымасць ім развівацца: набываць новы змест або фіксавацца ў сваёй традыцыйнай інтэрпрэтацыі. Самі мастацкія творы, найбольш важныя і вартасцёвыя для канкрэтнай сацыяльнай групы, могуць станавіцца сімваламі іх культуры.

1. Анціпенка, А. Этнас, нацыя, нацыянальная свядомасць: да вызначэння падставовых паняццяў / А. Анціпенка // Беларусіка – Albaruthenika: Кн. 3: Нацыянальныя і рэгіянальныя культуры, іх узаемадзеянне / рэд. А. Мальдзіс [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1994. – С. 406–411.

2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.

3. Игнатович, П. Г. Этнические основания культуры / П. Г Игнатович, Ю. В. Чернявская – Минск : УП "Техпринт", 2001. – 100 с.

4. Гуревич, А. Избранные труды. Т. 2 Средневековый мир / А. Гуревич. – М.-СПб : Университетская книга, 1994 – 560 с.

5. Калужская, М. В. Тоталитарная ментальность: опыт философско-политического анализа : автореф. дис. … канд. полит. наук : 23.00.01 / Калужская Марина Владимировна ; РАН, Урал. отд-ние, Ин-т философии и права. – Екатеринбург, 1993. – 20 с.
6. Каширин, В. И. Ментальность в структуре общечеловеческого разума / В. И. Каширин // Этнонациональная ментальность в художественной литературе : материалы Всероссийской научной конференции, г. Ставрополь, 22–24 сентября 1999 г. / под ред. Л. П. Егоровой. – Ставрополь, 1999. – С. 68–74.
7. Краснов, Г. В. Мемуары как источник изучения психологии творчества / Г. В. Краснов // Психология процессов художественного творчества : сб. ст. / Б. С. Мейлах, Н. А. Хренов. – Ленинград, 1980. – С. 84–89.
8. Леонтьев, А. Н. Избранные психологические произведения. В 2 т. Т. II / А. Н. Леонтьев. – М. : Педагогика, 1983. – 320 с.
9. Лужанін, М. Колас расказвае пра сябе : аповесць-эсэ / М. Лужанін. – Мінск : Маст. літ., 1982. – 446 с.
10. Лурье, С. Метаморфозы традиционного сознания (Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применение к анализу истоического и этнографического материала) / С. Лурье. – СПб. : Тип. им. Котлякова, 1994. – 341 с.
11. Мукаржовский, Я. Исследования по эстетике и теории искусства / Я. Мукаржовский. – М. : Искусство, 1994. – 606 с.
12. Рублеўская, Л. Партрэт нацыі. Аспекты нацыянальнага міфа ў беларускай паэзіі 10–20-х гадоў XX стагоддзя / Л. Рублеўская // Роднае слова – 1995. – № 8. – С. 11–20.
13. Сартр, Ж. П. Что такое литература? / Ж. П. Сартр. – СПб. : Алетейя, 2000. – 466 с.
14. Хренов, Н. А. Культура в эпоху социального хаоса / Н. А. Хренов. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.
15. Шартье, Р. Мир как представление / Р. Шартье // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. – М., 1996. – С. 74–78.

Дулова Ю.В.

ИСТОЧНИКИ ОНОМАСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ[1]

Ключевые слова: ономастика, имя собственное, лингвистический источник, текст, ономастический словарь, базы данных.

Ономастика как раздел лингвистики и вспомогательная историческая дисциплина изучает собственные имена и способствует осмыслению языковых, когнитивных, культурных, исторических и иных процессов. В основе ономастического исследования лежит необходимость определения источников, заключающих в себе информацию о происхождении, развитии, функционировании различных разрядов онимов.

Цель данного исследования – очертить круг источников, которые могут быть использованы для анализа собственных имен.

Выбор источников исследования зависит от ряда факторов (исследуемый аспект, разряд онима, задачи исследования). Для комплексного анализа собственных имен необходима работа с широким спектром источников. Советский лингвист С.И. Котков, обосновавший необходимость выделения в отдельную научную дисциплину лингвистическое источниковедение еще на рубеже 1950–1960-х гг., отмечал, что «язык материализуется в произношении и письме». В качестве лингвистического источника могут выступать как устная речь, зафиксированная тем или иным способом, так и любые письменные тексты. На этом основании С.И. Котков предложил деление лингвистических источников на «слышимые» и «читаемые». Также ученый подразделял лингвистические источники на первичные, в которых «языковой материал получает свое начальное, первое закрепление», и вторичные, созданные на основе отбора и адаптации лингвистических данных первичных источников в соответствии с целями исследования и практическим назначением [1].

Архивные документы (метрики, церковные книги, акты гражданского состоянии и др.) фиксируют личные имена, фамилии, прозвища. Благодаря данным (в том числе

[1] Работа подготовлена в рамках выполнения НИР «Традыцыі і навацыі ў развіцці мовы і культуры Беларускага Паазер'я», № ГР 20210510 от 05.04.2021 г. задания 6.1.08 «Беларуская мова: этналінгвістычны, сацыялінгвістычны і лінгвакультуралагічны аспекты даследавання» подпрограммы «Беларуская мова і літаратура» государственной программы научных исследований «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» на 2021–2025 гг.

обширным) об именах жителей, они позволяют делать статистические выводы, выявлять тенденции в именовании в различные исторические периоды и в различных регионах. Обращение к хроникам, летописям или грамотам позволяет получить информацию о древнейших антропонимических единицах, а также выявить формулы имянаречения в разные исторические периоды. Подлинное употребление имен в речи демонстрируют произведения художественной литературы. Именно данный вид источников зачастую служит основным помощником в реконструкции ономастического контекста определенного периода.

Значительно упрощают сбор ономастического материала вторичные лингвистические источники, содержащие систематизированную информацию об именах собственных. В первую очередь речь идет об ономастических словарях, в которых представлена этимология отдельных онимов, их семантика, а также грамматические формы. Кроме того, может содержаться историко-культурный контекст, информация о возможных вариантах и особенностях употребления. Приведем несколько примеров: Е.М. Поспелов подготовил словарь, включающий более 5000 статей о географических названиях различных объектов мира. Статьи содержат сведения об этимологии топонимов, их изменениях, а также причинах этих изменений [7]. В связи с возросшим интересом к региональным исследованиям, появляются словари, включающие региональный материал. Так, «Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв.» И.А. Кюршуновой [2] представляет собой региональный этимологический словарь именований, которые функционировали в указанный исторический период. В словарную статью включается заголовочное слово, варианты именований, цепочка антропонимических единиц, а также информация о конкретных носителях. Грамматические пометы, а также ударение отсутствуют. Кроме того, словарная статья содержит этимологию онима.

Источником для исследователя могут выступать и научные труды ученых, содержащие отобранные и переработанные данные. В качестве примера такого труда приведем монографию А.М. Мезенко «Віцебшчына ў назвах вуліц». Монография состоит из двух частей и представляет собой фундаментальное исследование топонимикона витебского региона. И если в первой части ученый анализирует общие принципы образования названий улиц Витебской области, принимая во внимание историческое развитие региона, то во второй части подробно рассматривается каждое отдельное название улиц в контексте его происхождения, значения и истории использования [3; 4].

Для того, чтобы проследить частотность лексем, используемых в названиях, а также контекст использования, можно использовать корпусы текстов отдельного языка (Нацыянальны корпус беларускай мовы [6], Национальный корпус русского языка [5], Sketch Engine [9] и др.).

Современные средства массовой информации, интернет-ресурсы, базы данных, социальные сети предоставляют актуальную информацию о новых собственных имена, их популярности и номинативных тенденциях.

Выбор источника зависит и от того, какой разряд онимов исследуется. Так, произведения изобразительного искусства создаются сознательно и формируются в определенном культурном поле, поэтому их анализ требует привлечения междисциплинарных источников. Кроме, этимологических и ономастических словарей, корпусов текстов, отдельных архивных документов (в том числе личных материалов художников), для сбора фактического материала исследования можно использовать каталоги музейных коллекций и выставок, содержащие названия произведений как на исходном языке, так и в переводе; базы данных (например, «Художники Витебщины» [8]). Для установления особенностей функционирования названий картин необходимо привлекать науч-

ные труды по искусству, поскольку они предоставляют интерпретацию произведения в единстве с его названием.

Таким образом, источники ономастического исследования многообразны и взаимодополняемы. Только использование различных источников позволяет получить комплексное представление о происхождении онима, его культурном смысле, особенностях функционирования. Развитие методов изучения и расширение базы источников открывают новые возможности для междисциплинарных исследований в области ономастики. Это, в свою очередь, требует знаний в области истории, источниковедения, искусствоведения, культурологии.

1. Котков, С. И. О предмете лингвистического источниковедения / С. И. Котков. – URL: https://ruslang.ru/doc/lingistoch/1964/01-kotkov.pdf (дата обращения: 01.03.2025).
2. Кюршунова, И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. / И. А. Кюршунова. – СПб. : «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2020. – 672 с.
3. Мезенка, Г. М. Віцебшчына ў назвах вуліц : манагр. : у 2 ч. Ч. 1 / Г. М. Мезенка. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2008. – 363 с.
4. Мезенка, Г. М. Віцебшчына ў назвах вуліц : манагр. : у 2 ч. Ч. 2 / Г. М. Мезенка. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2008. – 254 с.
5. Национальный корпус русского языка. – URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 15.04.2025).
6. Нацыянальны корпус беларускай мовы. – URL: https://bnkorpus.info/ (дата обращения: 15.04.2025).
7. Поспелов, Е. М. Географические названия мира : топонимический словарь: свыше 5000 единиц / Е. М. Поспелов / отв. рел. Р. А. Агеева. – М. : «Русские словари», 1998. – 372 с.
8. Художники Витебщины. – URL: https://painters.vlib.by/ru/ (дата обращения: 15.04.2025).
9. Sketch Engine. – URL: https://www.sketchengine.eu/ (дата обращения: 15.04.2025).

Казаков Р.Б., Румянцева М.Ф.

МОИСЕЙ НАУМОВИЧ ЧЕРНОМОРСКИЙ (1913–1980) – ОСНОВОПОЛОЖНИК ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ

Ключевые слова: феноменологическая концепция источниковедения, Научно-педагогическая школа источниковедения ИАИ, система видов исторических источников, источниковедение истории СССР, видовая методика анализа исторических источников, научная дисциплина, структурная история.

Моисей Наумович Черноморский (1913–1980) – доктор исторических наук, профессор кафедры вспомогательных исторических дисциплин Московского государственного историко-архивного института (МГИАИ), внесший огромный вклад в развитие Научно-педагогической школы источниковедения (НПШ) Историко-архивного института [6; 4]. Путь Моисея Наумовича к профессии историка был непростым, но вполне типичным для человека его поколения.

М.Н. Черноморский родился 3 июля 1913 г. в пос. Андреаполь, в Великолуцкой области в семье рабочего-столяра [2, с. 227–231]. Окончил школу-семилетку в г. Великие Луки и в 1929 г. переехал в Ленинград, где в 1930 г. поступил в школу фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) при Учхимкомбинате (Химический завод) им. Менделеева. В 1932 г., работая на строительстве Невхимкомбината, получил отравление азотом, и как результат – порок сердца, после чего по состоянию здоровья был отчислен из ФЗУ. Работал лаборантом-химиком в Военно-технической академии им. Дзержинского, в ленинградском отделении Военно-химической академии, а с декабря 1933 г. – препаратором в Институте металлов. Но в связи с ухудшением состояния здоровья вынужден был оставить связанную с химией профессию и с 1934 г. работал монтером-телефонистом.

Одновременно учился на рабфаке при Ленинградском государственном университете и в 1934 г. поступил на философский факультет Ленинградского института философии, лингвистики и истории, а после ликвидации философского факультета в 1936 г. перешел на исторический факультет Ленинградского государственного университета, который окончил в 1940 г., и начал работать в Государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области в должности старшего научного сотрудника, а с мая 1941 г. заведовал в архиве отделом профсоюзов.

Уже 4 июля 1941 г. Моисей Наумович ушел в народное ополчение, воевал на Ленинградском фронте. 14 августа был ранен и после излечения направлен стрелком в мотороту батальона разведки. 17 сентября получил еще одно ранение и снова вернулся на фронт стрелком-автоматчиком. 21 ноября получил тяжелое ранение, лишился ноги и в апреле 1943 г. был демобилизован из армии. За участие в Великой Отечественной войне был награжден медалями «За отвагу», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и орденом Отечественной войны 2 степени [1; 8; 9].

В апреле 1943 г. приехал в Москву и поступил в аспирантуру Института истории АН СССР. В марте 1947 г. защитил диссертацию на тему «Начало сплошной коллективизации в Тамбовском округе ЦЧО, 1929–1930 гг.» и тогда же стал работать в журнале «Вопросы истории» в должности заведующего отделом.

С 1 сентября 1948 г. Моисей Наумович начал преподавать в МГИАИ, читал курс источниковедения истории СССР советской эпохи по кафедре вспомогательных исторических дисциплин. В июле 1949 г. Черноморский оставил работу в журнале и с 1 сентября полностью перешел на кафедру. В 1967 г. Моисей Наумович защитил докторскую диссертацию «Динамика и социальная структура промышленности СССР 1917–1925 гг. в статистике ЦСУ» [13]. С 1969 г. – профессор.

В научно-педагогической деятельности М.Н. Черноморского выделим два аспекта: (1) участие в разработке НПШ системы видов исторических источников и (2) системную разработку корпуса исторических источников советской истории.

В 1950–1960-х гг. кафедра вспомогательных исторических дисциплин выпустила ряд учебных пособий по отдельным видам исторических источников [6, с. 146–152]. Результатом этой работы стало осмысление системы видов исторических источников как, с одной стороны, проекции культуры, дающей возможность системно эксплицировать ту или иную историческую общность и/или период в ее истории, а, с другой, как особого объекта исследования, обусловившего обретение источниковедением статуса (суб)дисциплины исторической науки [12, с. 93–94]. Здесь необходимо еще раз подчеркнуть, что мы не можем рассматривать исторический источник как специфический объект источниковедения, поскольку он является объектом исторической науки как таковой, а источниковедение в этом случае выступает не как научная (суб)дисципдлина, имеющая собственный объект исследования, а как составляющая исторического метода [см.: 10]. Нельзя не отметить, что разработка в этот период структурной составляющей феноменологической концепции источниковедения идет параллельно с разработкой структурной социальной истории в Германии (концепция В. Конце) и с расцветом структурализма во Франции (в исторической науке – второе поколение Школы «Анналов») [см.: 11].

В этот же период среди историков развернулась дискуссия по вопросу правомерности применения к источникам советской эпохи понятия «критика». В 1957 г. в МГИАИ прошло научное совещание, на котором с докладом «О критике исторических источников» выступил коллега М.Н. Черноморского по кафедре Александр Цезаревич Мерзон (1915–1959). Как А.Ц. Мерзон, так и большинство

участников совещания, среди которых были такие известные историки, как Е.А. Луцкий, С.О. Шмидт, А.А. Зимин, Н.В. Устюгов, Н.Л. Рубинштейн, В.К. Яцунский, А.Д. Люблинская и другие, высказались за необходимость полноценной критики источников советской эпохи, одновременно акцентировав внимание на том, что источниковедческая критика – это исследовательская процедура. Но звучала и несколько иная, более осторожная, точка зрения. Например, А.А. Абрамов отметил: понятие «критика источника» нельзя признать удачным применительно к трудам классиков марксизма-ленинизма, документам КПСС и советского правительства. Но и эта позиция учтена в итогах совещания: была признана необходимость уточнения понятийного аппарата источниковедения [7; 4].

В разработку исторических источников советской эпохи активно включился М.Н. Черноморский и с 1956 по 1965 г. издал ряд учебных пособий по источниковедению истории СССР, посвященных отдельным видам исторических источников советской эпохи: мемуаристике [16; 18; 19], периодической печати [17], статистике [20], а уже в 1966 г. издал полномасштабное учебное пособие по источниковедению советской эпохи. Второе издание вышло в 1976 г. [14; 15]. А в 1973 г. вышел учебник «Источниковедение истории СССР» (под ред. И.Д. Ковальченко), в котором М.Н. Черноморский написал ряд глав [3].

Учебное пособие М.Н. Черноморского по источниковедению советской эпохи – при всем его новаторстве – отличала фундаментальность. Во-первых, обзору корпуса исторических источников предпослано Введение, в котором рассматриваются основные вопросы теории источниковедения документов советской эпохи и методики их источниковедческого изучения. В-вторых, необходимо подчеркнуть, что учебное пособие структурировано по видам исторических источников, что в то время еще не считалось общепринятым стандартом построения курса источниковедения (некоторые учебники строились по тематическому принципу). В-третьих, каждая глава, посвященная тому или иному виду исторических источников, начиналась параграфом о значении этого вида, т.е. о его месте в структуре источниковой базы. В учебном пособии представлены основные виды исторических источников: законодательство, материалы планирования народного хозяйства, статистические источники, делопроизводственная документация, периодическая печать, мемуаристика. Отдельные главы посвящены источниковедческой характеристике произведений В.И. Ленина и документов КПСС.

Упор на системную разработку различных типов и видов источников истории советского общества у М.Н. Черноморского проявился и в преподавании. Это легко прослеживается в тематике дипломных работ, которыми он руководил на кафедре в МГИАИ. Его ученики работали с материалами советской статистики, мемуаристики и периодической печати, публицистики, особенно периода Великой Отечественной войны. Новаторскими для 1960–1970-х гг. были темы, посвященные изучению кино-фото документов (в частности, периода обороны Москвы, взятия Берлина). А дипломная работа с источниковедческим анализом источников по истории обороны Брестской крепости была защищена в 1965 г., т.е. в те годы, когда об этих событиях войны только начинали писать и научных исследований практически не было [5].

1. Военные будни архивов Ленинграда : электрон. выставка архивных док. – URL: https://spbarchives.ru/military_weekdays_4?ysclid=m81vwpesbg355061450%20-%20%D0%A4%D0%9E%D0%A2%D0%9E%20%D0%A1%D0%9E#gallery-10 (дата обращения: 10.03.2025).

2. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин : сб. док. и материалов. – М., 1991 (деп. в ИНИОН АН СССР 10.04.92 № 46419).

3. Источниковедение истории СССР : учебник / под ред. И. Д. Ковальченко. – М. : Высш. шк., 1973. – 559 с.

4. Казаков, Р. Б. Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института: эпистемологические основания, институциональное оформление / Р. Б. Казаков, М. Ф. Румянцева // Magistra Vitae: электрон. журн. по ист. наукам и археологии. – 2023. – № 2. – С. 181–192.

5. Комочев, Н. А. Коллекция дипломных работ кафедры ВИДиА ИАИ РГГУ / Н. А. Комочев // Вспомогательные исторические дисциплины в Историко-архивном институте РГГУ : сборник / отв. ред. Е. В. Пчелов. – М. : РГГУ, 2024. – С. 303–330.
6. Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института : сборник / отв. ред. В. А. Муравьев. – М. : РГГУ, 2001. – 207 с.
7. Николаева, А. Т. Научное совещание по вопросу критики исторических источников (1957 г.) / А. Т. Николаева // Вопросы истории. – 1957. – № 5. – С. 201–203.
8. Память народа. 1941–1945. – URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero123228759 (дата обращения: 10.03.2025).
9. Представление к награде Моисея Черноморского. – URL: https://poisk.re/awards/recommends/46724055?ysclid=m7xdlvaotq246717949 (дата обращения: 10.03.2025).
10. Румянцева, М. Ф. Источниковедение в структуре исторического знания: неоклассическая модель науки / М. Ф. Румянцева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – Петрозаводск, 2017. – № 5(166). – С. 44–51.
11. Румянцева, М. Ф. Структурная история в 1950–1970-е годы: социальная история Вернера Конце – второе поколение Школы «Анналов» – источниковедение в СССР / М.Ф. Румянцева // Всеобщая история и историческая наука в XX – начала XXI века : сб. ст. и сообщений : в 2 т. / сост. и отв. ред. Г. П. Мягков, Е. А. Чиглинцев. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2020 – Т. 1. – С. 69–72.
12. Теория и методология исторической науки : терминол. слов. / отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. П. Репина. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Аквилон, 2016. – 543 с.
13. Черноморский, М. Н. Динамика и социальная структура промышленности СССР 1917–1925 гг. в статистике ЦСУ : автореф. дис. … д-ра ист. наук / Черноморский Моисей Наумович ; АН СССР. – Москва : [б. и.], 1966. – 40 с.
14. Черноморский, М. Н. Источниковедение истории СССР: (советский период) : учеб. пособие для ист. фак. вузов / М. Н. Черноморский. – М. : Высш. шк., 1966. – 343 с.
15. Черноморский, М. Н. Источниковедение истории СССР: советский период / М. Н. Черноморский. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1976. – 296 с.
16. Черноморский, М. Н. Мемуары как исторический источник / М. Н. Черноморский. – М. : [б. и.], 1959. – 80 с.
17. Черноморский, М. Н. Периодическая печать / М. Н. Черноморский. – М. : [б. и.], 1956. – 52 с.
18. Черноморский, М. Н. Работа над мемуарами при изучении истории КПСС / М. Н. Черноморский. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1965. – 135 с.
19. Черноморский, М. Н. Работа с мемуарами при изучении истории КПСС / М. Н. Черноморский. – М. : Высш. шк., 1961. – 134 с.
20. Черноморский, М. Н. Статистические источники / М. Н. Черноморский. – М. : [б. и.], 1957. – 68 с.

Аверьянов К.А.

О ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Ключевые слова: население Древней Руси, демографические процессы, историография народонаселения, городское население, сельское население.

Историки, оценивая численность населения Древней Руси до монголо-татарского нашествия, оперируют данными от 1,5 до 15 млн. чел. Из-за отсутствия статистического материала они вынуждены были прибегать к косвенным методам исследования. Пытались вычислять общее население по размерам русских ратей, исходя из соотношения численности армии и всего населения в более поздние периоды, по которым имеются статистические данные. И.Д. Беляев вывел, что общую цифру населения Древней Руси того времени следует оценить в 1,5 млн. чел. Но уже современники полагали недопустимым строить расчет на этих цифрах, имеющих полулегендарный характер [см.: 13, с. 30].

Использовали сравнительный метод, отправной точкой которого были оценки численности населения отдельных европейских стран в период Средневековья. На основании этого авторы «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона посчитали, что в 1480 г. в Европейской России проживали 2,1 млн. чел. [19, с. 631].

Более убедительными являются подсчеты П.Н. Милюкова, который предпочел пойти от известного к неизвестному. Согласно первой ревизии при Петре I насчитали 14 млн. плательщиков налогов. Идя вглубь веков, он предложил цифру в 16 млн. чел.

для 1676 г. и 15 млн. для конца XVI в. [11, с. 27–28]. Но двинуться дальше не решился, осознавая всю гипотетичность предлагаемых цифр.

Известный советский демограф и статистик Б.Ц. Урланис, исходя из того, что основным занятием в Древней Руси было земледелие, предложил использовать метод, основанный на измерении плотности населения. По данным французского историка Ф. Броделя, в эпоху Средневековья взрослый потреблял до 4 ц хлебных злаков в год, для чего необходимо около 1–2 га пахотных земель [1, с. 136]. Б.Ц. Урланис, взяв за основу цифру 1,3 млн. кв. км., как общую площадь Древней Руси подсчитал, что древнерусское население составляло свыше 5,3 млн. чел. [18].

Вслед за Б.Ц. Урланисом еще одно глобальное определение численности населения Древней Руси предпринял этнограф В.И. Козлов, по мнению которого в ней в X в. проживали 8 млн. чел. [6, с. 242–243, табл. 12]. Советский эконом-географ В.В. Покшишевский несколько скорректировал эту цифру, полагая, что на эту дату здесь имелось 13 млн. жителей [14].

Авторы учебного пособия по исторической географии СССР оценивали численность населения России в XV–XVI вв., основываясь на той же методике, хотя и с некоторыми поправками: «К 1462 г. в Московском великом княжестве было 430 тыс. кв. км с 3 млн. чел. населения. За время правления Ивана III и Василия III территория Руси увеличилась в 6 раз – до 2800 кв. км. Население в это время достигло примерно 5–6 млн. чел., а в середине XVI в. – 6–7 млн. чел.» [5, с. 109].

Через два года после появления работы Б.Ц. Урланиса, не являвшегося историком, численность населения Древней Руси попытался определить ученик В.О. Ключевского – А.И. Яковлев. Так же как и П.Н. Милюков, он предпочел пойти от известного к неизвестному. Но за точку отсчета он взял не первую ревизию, относительно точности которой высказывались серьезные сомнения, а статистические данные первой всеобщей переписи населения России 1897 г. По его мнению, территория Древней Руси XI–XIII вв. составляла 1,5 млн. кв. км. и примерно покрывалась площадью 25 губерний конца XIX в., в которых на тот момент проживали 55,5 млн. чел. Допустив, что Древняя Русь не отставала в плотности населения тогдашней Западной Европе, он предположил, что численность населения на территории указанных губерний выросла в такой же пропорции, что и в Англии и Франции с XI до начала XX в. Относительно них известно, что она увеличилась в семь раз. Разделив 55,5 млн., он пришел к выводу, что в Древнерусском государстве XI–XII вв. проживало 7,9 млн. чел. [20, с. 298]. К таким же результатам пришел и историк-эмигрант Г.В. Вернадский в своей книге «Киевская Русь». Она была написана в 1948 г., но на русский язык переведена много позже [2, с. 117].

Польский историк Х. Ловмяньский обратил внимание на так называемый «Баварский географ» IX в., представляющий перечень из примерно 60 племен, живших на восточной границе Франкской империи, у многих из которых указано общее количество «городов» [12, с. 25–30]. Считая, что около 1000 г. Русь занимала около 1 млн. кв. км, он пришел к оценке, что на этой территории примерно в 60 тыс. подобных населенных пунктах могли проживать около 4,5 млн. чел. [10, с. 99, 153].

М.Н. Тихомиров обнаружил, что в летописях древнерусского периода упоминается 271 город. При этом ряд городов, к примеру, Можайск, впервые упоминаемый лишь под 1293 г., несомненно, существовал значительно раньше. Отсюда историк сделал вывод, что «общее количество русских городов ко времени монгольского нашествия, вероятно, близко подходило к 300» [17, с. 29–52]. Эти наблюдения практически совпали с цифрой «слишком 300 городов», выведенной еще С.М. Соловьевым на основе летописных известий для всех русских областей после распада единого Древнерусского государства [15, с. 36]. Далее М.Н. Тихомиров

проанализировал сведения летописей о численности войск, которые могли выставить города, о числе в них храмов, количестве умерших горожан во время эпидемий и т.д. При этом историк избегал давать общие подсчеты численности городского населения Древней Руси, указывая, что «наблюдения над численностью жителей в русских городах очень отрывочны» [17, с. 116–118].

Задачу выяснения общего числа домонгольских городов постарался решить археолог А.В. Куза. С накоплением и постепенным вводом в научный оборот огромного археологического материала выяснилось, что археологами на территории, некогда принадлежавшей Древнерусскому государству, было зафиксировано существование примерно 1400 городищ (укрепленных поселений) X–XIII вв. [7, с. 34]. Можно полагать, что данная цифра весьма близка к когда-то существовавшему числу городов Древней Руси.

Самым важным критерием при характеристике древнерусских городов является анализ их площади, поскольку с его помощью можно приблизительно выяснить численность горожан в каждом из них. Усадьбы рядовых горожан в Новгороде имели размеры 400–460 кв. м, а в Киеве – 300–800 кв. м. И в том и другом случае их среднюю площадь можно приравнять к 400 кв. м. На таком дворе проживала одна семья. По ряду источников можно утверждать, что средняя численность семьи – 6 чел. – была одинаковой в Средние века и в Европе, и на Руси, и в странах Востока. Учитывая, что не менее 15% городской площади занимали улицы и проезды, торг, культовые и общественные постройки, исследователи пришли выводу, что плотность городского населения в пределах городских укреплений (территории сплошной усадебной застройки) достигала 120–150 чел. на 1 га. На основе этих данных А.В. Куза попытался выяснить численность населения Киева перед ордынским нашествием, которую он оценил в 37–45 тыс. чел. [4, с. 51–94].

Из этих наблюдений логически вытекал путь дальнейших исследований: сложив площадь всех городов Древней Руси, можно выяснить число горожан, а зная их процентное соотношение ко всему населению, легко подсчитать и общую численность всего древнерусского населения.

Это попытался сделать В.А. Кучкин. Но при этом он оценил средний размер семьи не в 6, а в 4,4 чел. и предположил, что на 1 га приходится 25 дворов по 400 кв. м., в которых жило по одной семье. Отсюда следовало, что на 1 га городской территории в первой трети XIII в. должно было проживать 110 чел. Исходя из этих цифр, В.А. Кучкин сделал вывод, что всего в русских землях этого времени проживало около 300 тыс. горожан. Если городское население составляло 2% от сельского, то все население Руси первой трети XIII в. должно было исчисляться примерно в 15 млн. чел. Правда, эта цифра была воспринята специалистами с недоверием. Спустя пять столетий, судя по первой ревизии 1719 г., население России при Петре I составляло 15,5 млн. чел. Осознавая это, исследователь пошел на попятную, корректируя свои выводы: при 3% городского населения население Руси составило бы уже 10 млн. чел., при 4% – 7,5 млн. чел., при 5% – 6 млн. чел. [9, с. 67–88].

Ситуация, когда численность древнерусского населения оценивается в литературе от 1,5 до 15 млн. чел., вызвала у ряда историков желание возвратиться к методу определения общей численности населения по доле в ней военных. Упор был сделан на выяснении численности слоя знати. В частности, П.С. Стефанович попытался вычислить, сколько людей составляли слой знати (боярства) и слой военных слуг (министериалов). На его взгляд, бояр в начале XIII в. было 2–3 тыс. чел., а количество княжеских военных слуг оценивается им в 1–1,5 тыс. чел., боярских – от 10 до 15 тыс. чел. Таким образом, общая численность тогдашней военной верхушки общества составляла от 13 до 20 тыс. чел. Сопоставляя эти данные со сведениями по

народонаселению России в XVI в., он пришел к выводу, что в Древней Руси начала XIII в. проживало около 2 млн. чел. [16, с. 181–195].

Это показывает, что проблему необходимо решать комплексно. В свое время Б.А. Колчин и А.В. Куза на основе детально обследованных археологами районов установили, что во многих случаях на 5–10 укрепленных поселений приходится 150–300, а иногда до 500 открытых (т.е. неукрепленных) сельских поселков. Отсюда они сделали вывод, что в Древней Руси X–XIII вв. существовало около 50–75 тыс. деревень, в которых проживало абсолютное большинство земледельческого населения [4, с. 38].

Данное наблюдение важно тем, что показывает чрезвычайно характерную для Древней Руси тесную связь городской и сельской жизни. У многих горожан в ближайших окрестностях городов имелись поля и нивы, другие угодья, откуда они доставляли для своих домов такие припасы, как сено и дрова. Тем самым тогдашнее население сосредотачивалось в сложной иерархической системе в виде своеобразной пирамиды, в основании которой находилась масса рядовых сельских поселений, объединявшихся вокруг городов, а вершину венчали крупные стольные города – центры самостоятельных княжений. При этом каждый «рядовой» город вместе с ближайшей сельской округой зачастую представлял собой единое целое.

Прояснить вопрос помогли сплошные раскопки отдельных сельских поселений, которых просто не было. По материалам исследований на полностью раскопанном селище Мякинино-2, где в раскопе площадью 3400 кв. м было зафиксировано 4–5 дворов XII–XIV вв., было установлено, что в среднем на одну усадьбу приходилось 680 кв. м. Аналогичные результаты дали исследования селищ в районе Куликова поля. По ним одна сельская усадьба в среднем занимала 500–800 кв. м. [8, с. 51–55; 3, с. 27].

Н.А. Кренке удалось выяснить численность древнерусского населения на территории современной Москвы в пределах кольцевой автодороги (МКАД). По археологическим данным, здесь были выявлены 53 селища XII–XIII вв. Но все ли когда-то существовавшие селения были найдены? Помимо селищ на территории города было обнаружено 135 курганных групп. При этом из 53 московских селищ возле курганных групп было обнаружено 31 селище, а в ситуации, когда курганы поблизости не были известны, зафиксировано 22 селища.

Мы не случайно акцентируем внимание на этом обстоятельстве. По сути дела, курганные группы являлись тогдашними сельскими кладбищами и «маркировали» расположенные по соседству селения. Если это так, то несоответствие числа обнаруженных курганных групп (135) и числа селищ (53) может свидетельствовать о том, что археологами были выявлены далеко не все селища. Если допустить, что каждая курганная группа соответствовала отдельному поселению, то оказывается, что реальное число поселений, существовавших в этот период, было примерно в три раза больше ныне известных нам.

Размеры поселений Подмосковья домонгольского периода различны, но по большей части их площадь колеблется в пределах от 1 до 5 тыс. кв. м. Приняв среднюю площадь селищ Подмосковья этого периода в 3 тыс. кв. м, можно предположить, что в среднем подмосковные сельские поселения насчитывали от 4 до 6 дворов, в которых проживали 25–30 чел. Эти подсчеты не противоречат аналогичным расчетам археологов по другим районам Древней Руси, согласно которым средняя населенность большинства древнерусских сельских поселений X–XIII вв. колебалась от 15 до 50 чел. [4, с. 96–100].

Общую площадь примерно 100–120 сельских поселений в пределах МКАД, включая и ненайденные археологами, Н.А. Кренке оценил примерно в 30 га, а города (Кремль и Китай-город) – около 50 га. Это позволило утверждать, что к началу XIII в. число сельских жителей ближайшей подмосковной округи могло приблизиться к 2

тыс., а для Москвы можно предполагать 3–5 тыс. чел. [8, с. 66–75]. Тем самым численность тогдашнего населения в пределах окружности, ограниченной МКАД, можно оценить в 5–7 тыс. чел.

Если признать для начала XIII в. Москву типичным «рядовым» городом, лежавшим в основании пирамиды из примерно 1400 древнерусских городов, то эти данные можно использовать для подсчета численности всего древнерусского населения. Его можно оценить в пределах 7–9,8 млн. чел. Полученный результат можно перепроверить. Площадь Москвы в пределах МКАД составляет около 900 кв. км. Зная, что здесь проживали 5–7 тыс. жителей, выясняем, что на территории Древнерусского государства в 1,3 млн. кв. км теоретически должны были проживать от 7,2 до 10,1 млн. чел. Эти цифры почти совпадают с ранее полученными данными. Скорректировав их в сторону усреднения, приходим к выводу, что население Древней Руси начала XIII в. следует оценить примерно в 8–9 млн. чел.

Правда, при этом следует сразу оговориться, что не все древнерусские города дожили до начала XIII в. Жизнь на некоторых из них прекратилась в силу ряда причин гораздо раньше. Поэтому важно дать оценки численности древнерусского населения в динамике, по хронологическим периодам: 1) X – начало XI в., 2) XI – первая половина XII в., 3) середина XII – середина XIII в. Выбор подобного хронологического членения объясняется особенностями древнерусской археологии, где плохо разделяются материалы конца X и начала XI в., последней четверти XI и первой трети XII в., второй половины XII и начала XIII в. [7, с. 44].

Необходимо также указать, что для хронологических выкладок с точки зрения качества исходного материала пригодны только археологически изученные или обследованные укрепленные поселения. По материалам А.В. Кузы, таковых в нашем распоряжении имеется 862 памятника, или чуть более 60% от общего числа учтенных древнерусских поселений. Из указанного количества городищ 181 существовало в IX – первой трети XI в. В XI – первой половине XII в. появилось уже 244 новых укрепленных поселения, а в середине XII–XIII в. – еще 437.

Вместе с тем, следует учитывать, что на 104 поселениях к началу XII в. жизнь прекратилась, причем на большинстве из них это случилось на рубеже X–XI вв. Таким образом из 181 поселения первого хронологического периода в XII в. продолжали функционировать лишь 77, или, иными словами, лишь 42% [4, с. 42]. Такое огромное (более чем на половину) падение количества древнерусских городов, а значит и численности населения, связано в первую очередь с той ожесточенной борьбой, которую Древняя Русь вела с печенегами. Ее пик пришелся на княжение Владимира Святославича, и не случайно, что былины отразили именно его эпоху. Она стала в народной памяти своего рода ожогом, о котором помнили еще столетия спустя.

Если предположить, что 181 археологически датированное поселение первого хронологического периода составляло 60% от их реального числа, то общую численность населения Древней Руси в конце IX–X в. можно оценить в 1,5–2,1 млн. чел. Эпоха русско-печенежских войн, длившихся с 968 по 1036 г., привела к тому, что древнерусское население сократилось до 0,6–0,9 млн. чел.

Победа над печенегами привела к заметному увеличению числа известных древнерусских городов. Вместе с вновь построенными их стало 321 в течение XI – начале XII в. Тем самым численность населения Древней Руси к началу XII в. следует оценить в 2,6–3,7 млн. чел.

Из общего числа в 862 археологически обследованных памятников на рубеже XII–XIII вв. жизнь продолжалась на 758 городищах. Исходя из пропорции, что это было 60% от числа реально существовавших на тот момент городов, можно

предположить, что к началу XIII в. функционировали 1220 городов, а тогдашнее население вероятно составляло от 6,1 до 8,5 млн. чел. Скорректировав эти цифры в сторону усреднения, приходим к выводу, что в Древней Руси накануне Батыева нашествия проживало примерно 7,5 млн. чел. Указанные данные совпадаю с выводами А.И. Яковлева и Г.В. Вернадского, полученными другим путем. Разумеется, они носят приблизительный характер, но при этом дают определенное представление о динамике демографических процессов.

1. Бродель, Ф. Структуры повседневности / Ф. Бродель. – М. : Прогресс, 1988. – 624 с.
2. Вернадский, Г. В. Киевская Русь / Г. В. Вернадский. – М. : Ломоносовъ, 2015. – 437 с.
3. Гоняный, М. И. Опыт разведочных археолого-геофизических исследований на древнерусских поселениях конца XII – середины XIV в. района Куликова поля / М. И. Гоняный, М. Я. Кац, А. Н. Наумов // Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций? – М. : ПЕР СЭ, 2000. – С. 25–28.
4. Древняя Русь. Город. Замок. Село. – М. : Наука, 1985. – 431 с. (серия «Археология СССР». Т. 15).
5. Дробижев, В. З. Историческая география СССР / В. З. Дробижев, И. Д. Ковальченко, А. В. Муравьев. – М. : Высшая школа, 1973. – 319 с.
6. Козлов, В. И. Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы / В. И. Козлов. – М. : Наука, 1969. – 364 с.
7. Куза, А. В. Малые города Древней Руси / А. В. Куза. – М. : Наука, 1989. – 166 с.
8. Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. – Т. I : Расселение, освоение земель и природная среда в округе Москвы XII–XIII вв. – М. : Наука, 2004. – 444 с.
9. Кучкин, В. А. Население Руси в канун Батыева нашествия / В. А. Кучкин // Образы аграрной России IX–XVIII вв. Памяти Натальи Александровны Горской. – М. : Индрик, 2013. – С. 67–88.
10. Ловмяньский, Х. Русь и норманны / Х. Ловмяньский. – М. : Прогресс, 1985. – 304 с.
11. Милюков, П. Н. Очерки по истории русской культуры / П. Н. Милюков. – 7-е изд. – М. : М. и С. Сабашниковы, 1918. – 327 с.
12. Назаренко, А. В. «Баварский географ» / А. В. Назаренко // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. – Т. IV : Западноевропейские источники. – М., 2010. – С. 25–30.
13. Огановский, Н. П. Закономерность аграрной эволюции / П. Н. Огановский. – Ч. II : Очерки по истории земельных отношений в России. – Саратов : Сотрудничество, 1911. – 632 с.
14. Покшишевский, В. В. О гипотезе динамики численности населения СССР за длительный исторический период / В. В. Покшишевский // История географических значений и историческая география. Этнография. – Вып. 4. – М., 1970.
15. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. – Кн. II, Т. 3–4. – М. : Мысль, 1988. – 765 с.
16. Стефанович, П. С. О численности боярства в домонгольской Руси / П. С. Стевановић // История. Электронный научно-образовательный журнал. – 2012. – Вып. 5 (13) : Начала Древнерусского государства.
17. Тихомиров, М. Н. Древнерусские города / М. Н. Тихомиров. – СПб. : Наука, 2008. – 348 с.
18. Урланис, Б. Ц. Рост населения в Европе (опыт исчисления) / Б. Ц. Урланс. – М. : ОГИЗ-Госполитиздат, 1941. – 348 с.
19. Энциклопедический словарь / сост. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – Т. 40. – СПб. : Типолитография И. А. Ефрона, 1897. – 480 с.
20. Яковлев, А. И. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. / А. И. Яковлев – Т. 1. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1943. – 564 с.

Долгов В.В.

ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ: ОПЫТ МАТЕМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПИСЬМЕННЫХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ[1]

Ключевые слова: Древняя Русь, историческая демография, численность населения, вервь, погост, сотенная система.

Численность населения Руси трудно поддается исчислению. Источники, которыми мы располагаем данных почти не содержат. Можно сказать почти наверняка, что она росла. Как минимум, до монголо-татарского нашествия. Однако вычисление её в абсолютных цифрах до сих пор является трудно разрешимой задачей.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда Русской цивилизации «Светославъ» в рамках научного проекта № 1/2024 по теме: «Древняя Русь: община, семья, вотчина» проект № 1/2024. Руководитель В.В. Долгов.

Трудность эта обусловлена двумя факторами источниковедческого характера.

Во-первых, русская (и в целом европейская христианская) раннесредневековая культура мало интересовалась количественными измерениями. Поэтому письменные источники редко содержат какие-нибудь внятные цифры. Летописец, в крайнем случае, может предложить нам через столетия весьма общие определения, сделанные в дихотомической конструкции много/мало, или дать какие-нибудь весьма условные «тысячи», если речь идет о батальных сюжетах. Причина отсутствия соответствующего интереса, конечно, в отсутствии насущной необходимости в точных измерениях при том жизненном укладе, который тогда господствовал. Ситуацию усугубляла довлевшая над сознанием образованного человека библейская установка, что пересчет населения – грех, грех царя Давида, которого к пересчету израильтян подтолкнул никто иной как сам Дьявол (Паралипоменон 21:1). Первая «перепись населения» была проведена на Руси завоевателями-монголам, но результаты её, увы, канули в лету вместе с империей потомков Чингисхана.

Во-вторых, археологические источники, по которым можно иногда примерно прикинуть количество людей, обитавших в том или иной населенном пункте, конечно, в современном состоянии не может дать ответа на вопрос, какая человеческая масса помещалась на всей территории Руси? Помыслить такое исследование теоретически можно, но практически оно пока невыполнимо.

Поэтому в дело идут математические расчёты. Вопрос о возможности использования математических методов для изучения истории раннего Средневековья сам по себе непростой, в чем у нас будет еще возможность убедиться и в дальнейшем. Скепсис, с которым историк-медиевист обычно относится к цифрам и формулам, по тяжести своей мог бы соперничать со скепсисом его средневекового коллеги-книжника. Однако в данном случае, когда других вариантов нет, возможность порассуждать в математическом ключе криминалом не является. Тем более тогда, когда речь идет о принципиально измеримом параметре, коим является численность населения.

Важное открытие в области демографии было сделано в 1960 г. Хайнц фон Фёрстер с соавторами опубликовал статью [4], в которой показал, что численность населения Земли на протяжении очень долгого времени (с начала нашей эры и до момента публикации статьи) росло согласно гиперболическому закону. Открытие произвело большое впечатление, постольку оно означало, что конец человечества близок: 13 ноября 2026 число населения земли «if it grows as it has grown in the last two millennia» (если оно будет расти так, как оно росло последние два тысячелетия), должно было стать бесконечным. А бесконечного количества людей, разумеется, наша планета, в виду ограниченности её ресурсов, не выдержит.

Апокалиптический и, в сущности, совсем несложный характер расчётов привлёк к открытию большое общественное внимание. В обсуждении проблем демографической динамики принял участие и видный советский физик С.П. Капица. Выводы Фёрстера были критически изучены и неоднократно проверены: ошибки не было. Беспокойные умы стали искать возможный выход из грядущей ситуации, благо, время еще было: освоение космоса, расселение по Солнечной системе и Галактике – такие варианты предлагались человечеству писателями-фантастами. Историки же как специалисты по прошлому пристально сверяли данные и раз за разом убеждались, что закон Фёрстера работает.

Однако по иронии судьбы, гиперболическая динамика роста населения земного шара прервалась именно тогда, когда была открыта. Уже в 70–80 гг. XX в. стройный график, охватывавший в варианте Фёрстра две тысячи, а во варианте Капицы – полтора миллиона лет, вдруг изменил свое направление, освободив тем самым человечество от необходимости в самые ближайшие десятилетия отселяться на Луну и Марс.

То есть, прогностическая часть открытия Фёрстера, часть, направленная в будущее, себя ко всеобщему удовольствию не себя оправдала. Но часть, касающаяся

прошлого, остается несомненной. Чтобы узнать, каково было население земли в любую из исторических эпох, нужно воспользоваться формулой

$$N_1 = \frac{C}{t_0 - t}$$

В которой N_1 – численность населения мира в момент времени t, а C и t_o – константы, выведенные эмпирическим путем (то есть, подбором).

Если опустить теоретические выкладки, радующие глаз математика, но печалящие гуманитария, то формула в пригодном для использования виде, по версии авторов коллективной монографии, посвященной математическому моделированию в истории [1, с. 11], будет выглядеть так:

$$N_1 = \frac{215000}{2027 - t}$$

Возьмем для примера 1300 г. По имеющейся формуле выходит, что во всем мире в тот момент жило, если округлить, ок. 300 млн. человек.

Если взять территории современных братских государств России, Украины и Беларуси, укладывающихся в границы Древней Руси, и сосчитать население соответствующих областей, то сегодня «древнерусскую» территорию населяет ок. 60 млн. человек, составляющих 0,75 % от 8 млрд. человечества в целом.

Если предположить, что распределение людей по Земле не изменилось с тех пор в относительных цифрах, то в 1300 г. Древнюю Русь должно было населять 0,75 % от 300 млн., то есть, ок. 2,2 млн. человек. При этом площадь древнерусской территории, опять же, округленно, ок. 2 млн. км^2. То есть, средняя плотность населения 1 человек на 1 км^2.

Для справки: в современной России плотность населения больше в 8 раз.

Понятно, что и тогда, и сейчас население было расселено по обширной территории неравномерно. Лучше были освоены и плотнее заселены благоприятные в климатическом смысле южные и юго-западные регионы, в меньшей степени – северные и северо-восточные. Однако сильного перевеса в южную сторону, судя по карте расположения древнерусских городов, все-таки не было. Приятности теплого южного климата отчасти нивелировались большей их открытостью к набегам кочевников, засухам и прочим катаклизмам природного и социального характера. Более северные регионы, заселенные, надо полагать, чуть менее плотно, давали выигрыш в больший природной и военно-политической стабильности. Очевидный факт.

Однако не это должно считаться наиболее интересным следствием столь малой плотности населения Руси в эпоху раннего Средневековья. Наличие большого количества неосвоенных земель оказывало непосредственное влияние на протекание многих социальных и, как следствие, политических процессов.

Во-первых, мы видим, что поземельная собственность складывается на Руси достаточно поздно и, если так можно выразиться, вяло. Ранняя эпоха не дает нам никаких документов, которые могли бы быть свидетельствами межевых споров, территориальных разделов или наследственных тяжб из-за земельных участков. Избыток земли долгое время позволял людям относиться к ней как к воздуху, который нет смысла держать в собственности из-за всеобщей его доступности. Первой возникла собственность на возделанное хозяйство. Но от этого до собственности на просто «территорию» нужно было проделать еще некоторое количество шагов.

Во-вторых, грандиозные пространства в существенной степени снижали градус социальной напряженности, оставляя человеку возможность уйти на новое место, и переменить обстановку, если та складывалась не в его пользу.

Очевидно, обширность земельных пространств стала одной из причин, уведших развитие Руси несколько в сторону от пути «классического феодализма» стран центральной и западной Европы, развивавшихся в условиях земельного дефицита.

Двигаемся дальше.

Территориальную структуру древнерусской волости можно реконструировать на основании «Уставной жалованной грамоты смоленского князя Ростислава Мстиславича», в которой князь обустраивает источники финансирования созданной им Смоленской епархии [2]. Поскольку, по смыслу документа, епархия снабжалась в основном некоторой долей от всех доходов смоленского князя, то в грамоте мы видим общий обзор «налоговой базы» смоленской земли, её структуру на 1137 г. [3]. Намеченная в ней структура является четырёхуровневой. Общность высшего таксономического уровня – это сама Смоленская волость ($Т_1$). Далее идут «пригороды» в древнерусском смысле слова. То есть меньшие города с волостями, подчиненные старшему. Таковы Вержавляне Великие или Торопец ($Т_2$).

Далее Ростиславова грамота дает нам основание считать, что территория Смоленской земли (а значит, предположительно, и всей остальной Руси) делилась на небольшие сегменты, которые занимали территорию 1000–3000 км^2, то есть, были примерно равны современному району ($Т_3$). Эти «ячейки» были основными единицами для взимания даней и судебных пошлин (что особенно важно – виры). Часто не имели на своей территории городов, однако имели центры (возможно, именовавшиеся «погостами»), многие из которых имели паронимические названия. Многие, но не все.

Нет основания думать, что погосты были еще и центрами властвования. Они могли по-прежнему, как и в более ранние до государственные времена, были лишь общинными «хабами». Но теперь уже служащими не столько для связи общины и внешнего мира, сколько для связи общины и верховной власти. Такую социально-территориальную структуру сложно бывает понять современному человеку, который в формальном центре территории настроен видеть хотя бы маленькую, но «столицу» («районный центр», в котором сидит некий «глава»). В качестве более релевантной модели можно предложить систему распределения пунктов выдачи сетевых интернет-магазинов, которые тоже имеют территориальное распределение (один пункт на определенную территорию). Пункты являются хабами, но не являются центрами властвования. Археологически этим «ячейкам» соответствуют «гнезда поселений». Но это условие не является обязательным, поскольку погост как хаб может быть организован верховной княжеской властью (как это сделала Ольга), не там, где удобно общине, а там, где удобно сборщикам дани.

И, наконец, четвёртый уровень – это небольшие селения от одного до пяти–восьми дворов, не имеющие в документе специального названия, но хорошо видимые археологически ($Т_4$).

На эту схему хорошо ложится то, что известно нам о сотенной организация древнерусского общества.

$Т_1$ – крупная волость – тысяча[1]. Новгородские, киевские и прочие тысяцкие – тому подтверждение.

$Т_2$ $Т_3$ – малая волость или полноразмерная вервь/погост – сотня.

$Т_4$ – одно среднее или несколько соседских малых поселений – десяток.

Поэтому ячейка уровня $Т_3$ должна была выставить в случае военной опасности примерно сотню воинов. Что тоже в целом сообразно с размером территории в 1000–3000 км^2.

Сотня воинов с верви/погоста могли в некоторой степени сопротивляться беззаконию отдельных представителей княжеской администрации, заставлять с собой считаться.

[1] Интересное совпадение. Количество призывников, направляемых в войска Смоленской областью ежегодно – около тысячи человек.

Если верны приведенные выше расчёты общей численности населения Древней Руси, равной примерно 2 млн. чел, то дальнейшее разворачивание этой линии рассуждения должна быть следующей.

Территория Руси может быть разделена примерно на 10 крупных регионов (земель, волостей, княжений, княжеств) уровня T_1: Киевская, Переяславская, Черниговская, Галицкая, Волынская, Полоцкая, Смоленская, Ростово-Суздальская, Рязанская и Новгородская.

При самой грубой аппроксимации на каждую часть приходится по 200 000 жителей.

По грамоте Ростислава Смоленская земля разделена на 35 единиц обложения (вервей/погостов).

Примем эту цифру как среднюю.

Таким образом, на T_2 и T_3 (вервь или малая волость) приходится по 6 тыс. чел. Это цифра дает нам 3000 лиц мужеского пола всех возрастов на вервь. Поскольку древнерусское общество – это общество почти сплошь молодое, с редким включением стариков, то боеспособный возраст условно мы определим в 15–30 лет. В современном мире дети 0-14 составляют примерно четверть населения. Однако, учитывая демографическую структуру доиндустриального общества, в котором средняя продолжительность жизни редко превышала 30 лет при высокой рождаемости и высокой детской смертности, они составляли более двух третей, ибо даже до 15 лет доживали далеко не все. Таким образом, боеспособных мужчин на вервь приходилось менее 1000 человек. Учитывая, что в случае необходимости на войну уходили не все (это видно, например, в летописной «Повести о Кожемяке»), вервь могла выставить несколько сотен бойцов. Что как раз соответствует известной по нарративными источникам номенклатуре. Вервь = сотня.

Конечно, приведенный расчет может служить лишь примерной прикидкой. Однако каждая его логическая связка может быть проверена элементарной математикой и в случае ошибки скорректирована.

1. Законы истории. Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития / А. В. Коротаев [и др.] ; отв. ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина ; Российский гос. гуманитарный ун-т, фак. истории, политологии и права ; Российская акад. наук, Ин-т Африки, Ин-т востоковедения. – 3-е изд., существенно перераб. и доп. – М. : URSS, 2010. – 343 с.

2. Уставная жалованная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы и епископу, связанная с учреждением епископии в Смоленске // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. – М. : Наука, 1976. – С. 141–145.

3. Щапов, Я. Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича / Я. Щапов // Археографический ежегодник за 1962 год. – М., 1963. – С. 37–47.

4. Doomsday: Friday, 13 November, A.D. 2026. At this date human population will approach infinity if it grows as it has grown in the last two millennia / H. von Foerster, P. Mora, L. Amiot // Science. – 1960. – № 132. – P. 1291–1295.

Сукина Л.Б.

ДРЕВНЕРУССКИЙ СОБОР НА МИНИАТЮРАХ ЛЕТОПИСЕЙ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА ИЗОБРАЖЕНИЙ

Ключевые слова: средневековая Русь, городской собор, лицевая летопись, книжная миниатюра, визуальный источник.

Французский историк-медиевист Ж. Дюби справедливо назвал Средние века в Европе «временем соборов» [9]. Это метафорическое определение эпохи, без сомнения, можно экстраполировать не только на все страны европейского Запада, но и на средневековую Русь. Главным символом Средневековья здесь также был городской собор. Крупные соборные храмы с X по XV в. строились во всех древнерусских княжеских

столицах и многих других городах. Некоторая часть из них сохранилась. Они неплохо изучены и продолжают исследоваться искусствоведами и археологами. Давно установлено, что в отличие от Европы в средневековой Руси не появилось новых конструктивных решений большого собора. Здесь развивалась заимствованная у Византии форма крестово-купольного храма. К примеру, она хорошо читается в постройках Владимиро-Суздальской Руси XII в: Спасо-Преображенском соборе в Переславле-Залесском, Успенском и Дмитриевском соборах во Владимире. На ее основе сложились традиционные формы русских одноглавых и пятиглавых храмов. Владимирский Успенский собор как главный храм великого княжества на века стал идеальным образцом столичной соборной церкви и был использован в качестве основы архитектурного решения Успенского собора Московского Кремля, построенного Аристотелем Фиораванти в 1475–1479 гг. Но гораздо меньше специального внимания уделялось и уделяется изображениям главных соборов (в Киеве, Новгороде, Владимире, Ростове и др. крупных городах), в том числе не дошедших до нашего времени, на миниатюрах русских лицевых книг, хотя таких изображений сохранилось значительное количество. Этой проблемы практически не касались и авторы фундаментальных исследований русской миниатюры А.В. Арциховский, О.И. Подобедова, А.А. Амосов, В.В. Морозов [2; 6; 1; 5] (перед ними стояли иные, более масштабные цели), и другие исследователи, занимавшиеся частными вопросами иконографии и семантики средневековой книжной иллюстрации.

Одна из главных причин такого невнимания к изображениям храмов на миниатюре – несоответствие (или весьма отдаленное соответствие) этих изображений реальному историческому облику большинства известных нам и ушедших в небытие построек. Это действительно так, и историк древнерусской архитектуры, занимающийся реконструкцией форм и деталей средневековых зданий, вряд ли сможет извлечь для себя много полезного из детального изучения иллюстраций рукописных книг. В данной работе мы хотим показать, что книжные миниатюры с изображениями соборов представляют интерес, в первую очередь, как визуальные источники, содержащие информацию, существенно дополняющую и корректирующую наши представления о том, как люди Средневековья оценивали место, роль и функции главного храма в городском социальном и культурном ландшафте. Это важно для развития историко-антропологических исследований, так как подобные сведения в письменных источниках того же времени либо вовсе отсутствуют, либо содержатся в недостаточно развернутом виде. Наши наблюдения и выводы основаны на изучении миниатюр Радзивиловской летописи конца XV в. и Лицевого летописного свода (далее ЛЛС) второй половины XVI в.

Не ставя перед собой искусствоведческую задачу сравнительного стилистического анализа миниатюр, созданных с разрывом почти в столетие, все же отметим важные для нашего исследования особенности работы художников-иллюминаторов. Иллюстрации Радзивиловской летописи выполнены в обобщенной манере, когда предметы и персонажи скорее обозначаются с использованием минимума характеризующих их деталей. В томах ЛЛС изображения сцен древнерусской истории значительно более подробны, со множеством любопытных элементов.

Как любые иллюстраторы во все времена, художники, сопровождавшие миниатюрами летописный рассказ, следовали за текстом. Но, как мы уже отметили, из него они не могли почерпнуть детальных и достоверных сведений о том, как выглядело то или иное здание на момент описываемых летописцем событий. Для того, чтобы изобразить эти важные детали визуального повествования, миниатюристы использовали иные знания (к примеру, почерпнутые из других изображений – книжных иллюстраций, икон, фресок, а позже и гравюр), а также массовые и личные представления о древнерусском соборном храме.

При иллюстрировании ранних летописных рассказов художникам приходилось изображать то, что они не могли видеть, но при этом не могли и обойти визуальным молчанием. К моменту создания миниатюр Радзивиловской летописи Десятинной церкви в Киеве в ее первоначальном виде уже не существовало. Миниатюристы (судя по всему, это был не один мастер), иллюстрируя эпизоды из истории Руси времени князя Владимира Святославича, изобразили этот древнейший соборный храм в виде одноглавой постройки с тремя полукружиями закомар в верхней части стены и с узкими арочными окнами [8, л. 67об., 74]. Несмотря на различающуюся нюансировку передачи этих форм, на разных иллюстрациях мы видим один и тот же тип постройки, родственный другим одноглавым храмам средневековой Руси, известный нам по памятникам древнерусской архитектуры XII–XIII вв. Здесь мы явно имеем дело с некоей визуальной традицией изображения древнего храма, возможно, восходящей к несохранившимся до нас лицевым рукописям. Это наблюдение согласуется с давними выводами А.В. Арциховского (в свою очередь, ссылавшегося на работы А.А. Шахматова [7, с. 18–114] и Н.П. Кондакова [7, с. 115–127], первыми заметивших в композициях иллюстраций Радзивиловской летописи архаизирующие детали), что ее миниатюры опосредованно, через заимствования из иных византийских, славянских и древнерусских изображений, передают ранние реалии разных сфер жизни Руси [2, с. 4–40].

Одноглавый храм как типологический образ городского собора – устойчивый иконографический элемент и в общей массе миниатюр ЛЛС. Но кроме единственной главы остальные детали этих нарисованных храмов весьма разнообразны. В отличие от миниатюристов Радзивиловской летописи, мастера ЛЛС обращаются не к старой, закрепленной в известных им изображениях, традиции, а к актуальному визуальному опыту. В их время русская архитектура обогатилась новыми формами и мотивами. На одной из миниатюр первоначальный одноглавый Успенский собор во Владимире представляет собой ротонду, какой никогда не был [3, л. 290об.], – в качестве ближайшей визуальной аналогии такой постройки можно привести значительно более поздний столпообразный храм Петра Митрополита в московском Высокопетровском монастыре (1514–1515). На другой иллюстрации из того же тома ЛЛС Успенский собор имеет килевидные закомары-кокошники, распространившиеся в Московском государстве в XVI в. У многих древних храмов на миниатюрах можно увидеть еще одно позднее новшество – четырехскатную кровлю. Наряду с одноглавием, еще одним распространенным элементом изображений является пятиглавие, ставшее знаковой формой большого городского и монастырского собора также в XVI столетии. Реконструируя «древний» облик соборов в соответствии с актуальными представлениями о торжественном и монументальном характере главных зданий городов, художники-иллюминаторы говорили со своими заказчиками и зрителями на одном визуальном языке. Это позволяло сделать сюжет более понятным, приближенным к реалиям их времени.

Самый яркий пример анахронистического изображения архитектурных форм на миниатюрах ЛЛС – миниатюра, иллюстрирующая закладку и освящение в 1333 г. Архангельского собора Московского Кремля. В качестве готового храма художник XVI в. изобразил не первоначальную скромную постройку Ивана Калиты, а новое здание собора, возведенное в 1508 г. по проекту Алевиза Нового, с характерными для итальянского Ренессанса «пальметтами» в полукружиях закомар [4, л. 42об.]. Несомненно, что для людей эпохи Ивана Грозного некрополь московских правителей должен был выглядеть именно так.

Условность изображения архитектуры не мешала сравнительно достоверному визуальному рассказу о происходивших в соборах и возле них событиях, описанных в летописях. В средневековой Руси городские соборы служили княжескими

усыпальницами. Поэтому на летописных миниатюрах много сцен погребения. В Радзивиловской летописи изображены похороны Владимира Святого в Десятинной церкви [8, л. 74]. Тело князя в саркофаге спеленато саваном. Мы уже отмечали, что миниатюристы конца XV в. воспроизводили какие-то более древние визуальные образцы, но соответствовали ли заимствованные в них детали погребальным традициям начала XI в., неизвестно. На миниатюрах ЛЛС, изображающих погребение сына Андрея Боголюбского Мстислава († 1173) [3, л. 290об.] и великого князя Михалки Юрьевича (†1176) [3, л. 332об.], оба умерших – в княжеском платье (Мстислав простоволосый, а Михалко в княжеской шапке, подчеркивающей его высокий статус). В обеих сценах есть реальные исторические детали: князей хоронят в галерее собора, в белокаменных саркофагах, слуги держат белокаменные крышки, которыми должны закрыть гробницы. Письменные источники подтверждают, что эти и другие княжеские гробницы в XVI в. свободно могли видеть и жители Владимира, и многие приезжавшие в древнюю столицу Руси люди (владимирские князья тогда уже почитались как местные святые). Материалы археологических раскопок также свидетельствуют о том, что захоронения именно так и выглядели.

Успенский собор Владимира на миниатюрах ЛЛС фигурирует и как место других важных ритуалов в жизни великокняжеской семьи. Один из самых интересных сюжетов – венчание в 1250 г. митрополитом Киевским Кириллом II великого князя Андрея Ярославича и дочери Даниила Романовича Галицкого [3, л. 995об.]. Композиция миниатюры собрана в соответствии с иконописной традицией: храм изображен «в разрезе», чтобы показать действие происходящее в интерьере, облик изображенных (позы, жесты, костюмы, головные уборы) воспроизводит устойчивую традицию изображения знатных персон на иконах и фресках. Здесь запечатлено не само историческое событие как таковое, а визуальное представление о нем людей более поздней эпохи.

Итак, на миниатюрах лицевых летописей с изображениями городских соборов средневековой Руси и происходящих в них и возле них событий мы имеем дело с воображаемыми конструкциями. Они создавались из различных элементов: деталей действительно древних архитектурных построек и других артефактов, иконографических образцов, фрагментов современной художникам реальности городских пространств. Так видели прошлое и сами художники, и их заказчики. Это обстоятельство необходимо учитывать, исследуя подобные изображения как исторические источники.

1. Амосов, А. А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Комплексное кодикологическое исследование / А. А. Амосов. – М. : Едиториал УРСС, 1998. – 392 с.

2. Арциховский, А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник / А. В. Арциховский. – М. : Изд-во МГУ. – 215 с.

3. Лицевой летописный свод. Лаптевский том // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. – F.IV.233. – 1005 л.

4. Лицевой летописный свод. Остермановский первый том // Библиотека Российской академии наук. Научно-исследовательский отдел рукописей (НИОР БАН). – 3.17.30-1. – 802 л.

5. Морозов, В. В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века / В. В. Морозов. – М. : Индрик, 2005. – 285 с.

6. Подобедова, О. И. Миниатюры русских исторических рукописей: К истории русского летописания / О. И. Подобедова. – М. : Наука, 1965. – 336 с.

7. Радзивиловская или Кенигсбергская летопись: в 2 т. – СПб. : тип. И.Н. Скороходова, 1902. – Т. 2. Статьи о тексте и миниатюрах рукописи / А.А. Шахматов, Н.П. Кондаков. – 127 с. [Общество любителей древней письменности (ОЛДП). Вып. CXVIII].

8. Радзивиловская летопись // Библиотека Российской академии наук. Научно-исследовательский отдел рукописей (НИОР БАН). – 34.5.30. – 354 л.

9. Duby, G. Le Temps des cathédrales. L`art et la société (980–1420) / G. Duby. – Paris : Gallimard, 1976. – 392 p.

Кузнецов Е.С.

ИСТОЧНИКИ О КАТОЛИКАХ В ОРДЕ: ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ[1]

Ключевые слова: католицизм, миссионерство, Улус Джучи, францисканцы, доминиканцы, Газария

В последние годы в исторической науке обозначилось расширение религиозной проблематики в изучении истории и культуры Улуса Джучи. Тому причиной служат как усилия малых народов по поиску и/или укреплению собственной национальной идентичности, так и значительная степень проработанности тем социально-экономической истории (и, конкретно, ордынской) в работах советского времени. Немаловажное место в исследованиях религиозной составляющей Орды занимают вопросы католического компонента, его места и роли в жизни и политике этого государства. Соответственно, насущной необходимостью является отбор и классификация источников, лежащих в основе подобного исследования. Еще одним аспектом выбора темы явился тот факт, что подобные классификации проводились в обобщающих диссертациях начала XXI в. – работах А.Б. Малышева [7], Э.Т. Лазаровой [6], А.Г. Шереметьева [15]. С тех пор в науку были введены многие новые источники, и создание нового обобщающего труда вновь вышло на повестку дня. Рассмотрим конкретно те части работ названных авторов, которые касаются католической экспансии в Pax Mongolica.

В кандидатской диссертации А.Б. Малышева «Христианство в Золотой Орде» 2002 г. [7, с. 30–32] не проводилось полноценной классификации источников по типам и видам. Они лишь собраны в следующие тематические группы – европейские хроники, посольские отчеты (Асцелин, Плано Карпини, Рубрук), записки миссионеров (те же и Юлиан), переписка миссионеров с папами, переписка пап с ханами и ордынской аристократией, внутренние документы орденов, документы папской курии, касающиеся Руси. Особняком стоят два произведения, не отнесенных к той или иной группе – Книга Марко Поло и Кодекс Куманикус.

Э.Т. Лазарова при написании своей диссертации «Католичество на Северном Кавказе XIII – нач. XX века» в 2007 г. разделила источники на архивные материалы (делопроизводственную документацию и церковные документы), записки миссионеров (Юлиан, Рубрук) и опубликованные источники. Последние ею были поняты, видимо, не как «введенные в широкий научный оборот источники вообще», а как «изданные в массовых тиражах документы для широкого ознакомления». В их состав Э.Т. Лазарова включила материалы региональной и общегосударственной периодической печати, статистические документы и законодательные акты [6, с. 8–10]. Примечательно выделение записок миссионеров в отдельную категорию без обращения к другим письменным источникам эпохи.

В 2014 г. А.Г. Шереметьев защищает диссертацию «Религиозный фактор в политической жизни Золотой Орды» [15, с. 46–49]. Фактору христианства, даже не конкретно католичества, в работе уделено не так много внимания, и потому при обзоре источников христианские документы были им объединены в одну категорию в противовес мусульманским, китайским, монгольским и так далее. Первая подгруппа – отчеты католических миссионеров, торговцев и дипломатов (Юлиан, Плано Карпини, Поляк, Лонжюмо, Рубрук, Поло, Барбаро, Мариньолли); вторая – Кодекс Куманикус и переписка папской курии и золотоордынских правителей. В отдельную подгруппу выделены аналитические произведения средневековых западноевропейских авторов Роджера Бэкона

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00147 «Социально-политическая организация евразийского пространства в Средние века (исторический опыт Золотой Орды и Ирана XIII–XIV вв.)»

и Жана де Жуанвиля, однако они касаются не столько собственно католичества на Востоке, сколько восприятия на Западе традиционных верований монголов.

Таким образом, можно сделать вывод, что общий чертой всех трех работ является привлечение записок миссионеров и/или путешественников в качестве основного нарративного источника. А.Б. Малышев и Э.Т. Лазарова сходятся в опоре на актовый материал католических орденов в качестве документального источника, а А.Б. Малышев и А.Г. Шереметьев прибегают к исследованию дипломатической и делопроизводственной переписки, а также научной литературы (Кодекс Куманикус).

Примером документов, введенных в отечественный научный оборот в 2010-х гг., могут служить работы Р.В. Хауталы – статья 2014 г. «Два письма францисканцев из Крыма 1323 года…» [13] и сборник 2019 г. «В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341)» [12], наиболее ценной составляющей которого является публикация оригиналов и переводов актов Святого Престола. Доступ к десяткам актов и официальных писем, собранных в этих изданиях, стал для отечественного исследователя невероятно простым, при условии сложностей обращения к оригиналам и зарубежным изданиям (как, например, к труду Дж. Голубовича [17–21]). В сборнике 2019 г. в качестве образцов эпистолярных памятников внутренней политики могут служить письмо Раймунда Луллия и другие документы по идеологическому и методическому обеспечению будущей проповеди, а внешней политики – обмен сведениями и ультиматумами между папским и ханским дворами.

Примечательно, что никто из исследователей в своих работах практически не прибегал к археологическим материалам. Между тем, археологические свидетельства христианства и, конкретно, католицизма на территориях Орды обладают высокими точностью (понимаемой здесь как «специфичность») и достоверностью (усомниться в стратиграфических данных практически невозможно). Эти свидетельства концентрируются в трех основных регионах – в Крыму и Причерноморье (на территориях Газарии) [3], в Поволжье (например, в Укеке) [4; 5] и на Северном Кавказе (например, в Маджарах) [2].

Указанные соображения показывают, что комплексный подход к отбору источников для новой обобщающей работы по истории католицизма (или истории католиков..?) в Улусе Джучи, должен основываться на привлечении как письменных, так и археологических свидетельств. Письменные источники в подобной работе следует подразделить на документальные и нарративные. Наиболее значимым из документальных является актовый материал ханской администрации и миссионерских орденов. Он дополняется деловыми отчетами – посланиями первых путешественников (Юлиана [1, с. 80–85], Плано Карпини [8, с. 23–86; 16], Рубрука [8, с. 87–194]) и посланиями уже институционализированной миссии (францисканцев и доминиканцев) – например, теми, что были опубликованы Р.В. Хауталой. Адресатом всех этих документов был папский престол, который необходимо было обеспечивать сведениями сначала чисто информационного, военно-политического и этнографического характера, а потом – уже конкретными знаниями об особенностях внутриполитической жизни Улуса Джучи и шире – всего монгольского мира.

Нарративные источники представлены двумя группами – хроникальные и литературные. Хроники, западноевропейские в подавляющем большинстве, сохранили лишь оценочные свидетельства о монголах, являются описательными и сравнительно неточными источниками. Среди литературных произведений можно назвать Книгу Марко Поло и записки Перо Тафура [10], и, в определенной степени, записки католических миссионеров эпохи «после экспедиции Рубрука», отраженные в монографии (и публикации источников одновременно) Я.М. Света «После Марко Поло. Путешествия по странам Востока» [9, с. 5–128]. Отчетная, собственно документальная,

ценность этих произведений, на наш взгляд, ниже, чем у трудов первых миссионеров, бывших даже не столько миссионерами, сколько дипломатами (Рубрук) или разведчиками (Плано Карпини). Однако они, вместо того, способствуют оживлению сведений актового материала эмоциональной оценкой происходящих событий и особым углом зрения, соединяющим религиозно-мистическое сознание с высоким талантом наблюдателя и описателя.

К числу археологических свидетельств необходимо отнести предметы католического культа, культовые постройки и места погребений по католическому обряду. Естественно, что наибольшее количество подобных свидетельств находится на территориях Газарии, в золотоордынское время плотно населенной католиками, а наименьшее – на собственно монгольской (ордынской) территории в Поволжье. Северный Кавказ в данном вопросе занимает уникальную промежуточную позицию – как подвергшийся достаточно серьезной христианизации усилиями католических проповедников, но, вместе с тем, далекий от реальных центров латинской культуры на Востоке, каковыми были Каффа и Тана.

Подводя итоги работы, следует сказать, что за прошедшее десятилетие с защиты диссертации А.Г. Шереметьевым в научный оборот в принципе и конкретно в русскоязычный сегмент ордынских исследований введен значимый пласт новых источников. Он сконцентрирован вокруг, в первую очередь, актовых материалов и эпистолярных документов, масштабное исследование которых должно лечь в основу следующего обобщающего труда по истории религиозных отношений между католиками и ордынцами в Улусе Джучи. Новым словом в определении места и роли латинян в Орде должно стать широкое привлечение к подобному обобщающему труду археологических данных.

1. Аннинский, С. А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе / С. А. Аннинский // Исторический архив. – Л. : Изд-во АН СССР. – 1940. – № 3. – С. 71–112.

2. Бабенко, В. А. Христианское население города Маджара и его округи по данным археологических и письменных источников / В. А. Бабенко, М. Е. Колесникова, Х. Р. Степанян // Oriental Studies. – 2022. – Т. 15, № 5. – С. 904–918.

3. Еманов, А. Г. Образование городской коммуны Кафы, до сер. XV в. : дисс. ... док. истор. наук / А. Г. Еманов. – Тюмень, 1996. – 344 с.

4. Кубанкин, Д. А. Религиозный и этнический состав населения Укека. К вопросу об этноконфессиональной топографии городища / Д. А. Кубанкин // Генуэзская Газария и Золотая Орда: Памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова. – 2019. – Т. 2. – С. 443–462.

5. Кубанкин, Д. А. Христианский квартал золотоордынского города Укек по материалам раскопок 2010–2013 гг. / Д. А. Кубанкин // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани : сб. науч. статей. – Казань, 2014. – Т. III. – С. 388–392.

6. Лазарова, Э. Т. Католичество на Северном Кавказе : дисс. ... канд. истор. наук / Э. Т. Лазарова. – Владикавказ, 2007. – 156 с.

7. Малышев, А. Б. Христианство в истории Золотой Орды : дисс. ... канд. истор. наук / А. Б. Малышев. – Саратов, 2000. – 281 с.

8. Шастина, Н. П. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Н. П. Шастина. – М.: Географгиз, 1957. – 270 с.

9. Свет, Я. М. После Марко Поло. (Путешествия по странам Востока) / Я. М. Свет. – М. : Наука, 1968. – 237 с.

10. Тафур, П. Странствия и путешествия / П. Тафур. – М. : Индрик, 2006. – 296 с.

11. Шильтбергер, И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / И. Шильтбергер. – Баку, 1984. – 86 с.

12. Хаутала, Р. В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». – Вып. 6 / общ. и науч. ред. И. М. Миргалеева. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. – 976 с.

13. Хаутала, Р. В. Два письма францисканцев из Крыма 1323 года: латинский текст, русский перевод и комментарии / Р. В. Хаутала // Золотоордынская цивилизация. – 2014. – № 7. – С. 87–110.

14. Хаутала, Р. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плебса Сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах / Р. Хаутала. – Казань : Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2015. – 496 с.

15. Шереметьев, А. Г. Религиозный фактор в политической жизни Золотой Орды : дисс. ... канд. истор. наук / А. Г. Шереметьев. – Саратов, 2014. – 225 с.

16. Юрченко, А. Г. Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года / А. Г. Юрченко, С. В. Аксенова. – СПб. : Евразия, 2002. – 478 с.
17. Golubovich, G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano / G. Golubovich. – Tomo I : Il secolo decimoterzo (1215–1300). – Quaracchi, Firenze : Collegio di S. Bonaventura, 1906. – 479 p.
18. Golubovich, G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano / G. Golubovich. – Tomo II : Addenda al sec. XIII e fonti pel sec. XIV. – Quaracchi, Firenze : Collegio di S. Bonaventura, 1913. – 641 p.
19. Golubovich, G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano / G. Golubovich. – Tomo III : Dal 1300 al 1332. – Quaracchi, Firenze : Collegio di S. Bonaventura, 1919. – 496 p.
20. Golubovich, G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano / G. Golubovich. – Tomo IV : Dal 1333 al 1345. – Quaracchi, Firenze : Collegio di S. Bonaventura, 1923. – 503 p.
21. Golubovich, G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano / G. Golubovich. – Tomo V : Dal 1346 al 1400. – Quaracchi, Firenze : Collegio di S. Bonaventura, 1927. – 441 p.

Солодкин Я.Г.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДАТИРОВОК КОРОНАЦИИ «ОСВЯТОВАННОГО» ФЕДОРА ИВАНОВИЧА В НАРРАТИВНЫХ И ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКАХ КОНЦА XVI–XVII ВВ.

Ключевые слова: царь Федор Иванович, его коронация, датировка этого события, разрядные записи, публицистические сочинения, общерусские официальные и частные летописи конца XVI–XVII вв., редакции Сибирского летописного свода.

Время венчания на царство «крестоносного» преемника Ивана Грозного неодинаково определяется и в нарративных (главным образом летописных), и в документальных источниках, что редко привлекало внимание исследователей.

В обнаруженном М.Н. Тихомировым кратком летописце начала XVII в., вышедшем скорее всего из стен Казанского приказа, коронация «смирением обложенного» государя отнесена к 17 мая 1584 г. [29, с. 230], в некоторых разрядных записях – к 6 и 7 числам того же месяца. В разрядной книге князей Барятинских говорится о «помазании» Федора Ивановича на престол в седьмую неделю «по пасце», о чем (или «после велика дни») упомянуто и в продолжении Александро-Невской летописи (далее – АНЛ), сложившемся, видимо, в окружении митрополита Дионисия, и в компиляции второй четверти XVII в., принятой В.И. Бугановым и В.И. Корецким за Московский летописец (далее – МЛ). В пространной статье АНЛ также уточняется, что самодержец, которого современники называли «светом праведным» [2, с. 11, 33], получил «скифетр царствия» 31 мая, в день своего рождения, «на память святаго апостола Еремия и святаго мученика Ерьмия» [21, с. 220; 22, с. 230]. Эта дата, причем нередко со ссылкой на день памяти Иеремии (Еремея), чаще всего встречается в источниках, возникших как в столице, так и вне ее [11, с. 228; 12, с. 208; 13, с. 49, 76 – 77, ср. с. 81, 84, 89; 23, с. 189, примеч. 31–33; 24, с. 5; 27, с. 139, 159–160, примеч. 105; 28, с. 41, 49, 51, 53, и др.]. Вероятно, соответствующее хронологическое определение включали и грамоты, разосланные из Москвы по провинциальным городам вслед за тем, как Федор Иванович «сел» на трон, точнее, «совершено одеся преславнаго царствия превсесветлаго благолепия порфирою» [ср. 2, с. 56–57; 6, с. 58, 80]. В МЛ о коронации «царским венцем и диадимою» прослывшего земным ангелом государя (его жена Ирина считалась «равноангельной» из-за своего «жития», ср.: [1, с. 287]), часто рассказывается более обстоятельно, чем в АНЛ, но, вопреки мнению Р.Г. Скрынникова, ее дату по светскому календарю автор нарративного источника, воспроизведенного компилятором, не привел.

В опубликованном В.И. Корецким Соловецком летописце одной из ранних редакций мы читаем о том, что «святожительный» Федор занимал трон в течение 13 лет 7 месяцев 6 дней, до смерти 6 января 1598 г. [14, с. 242, ср. с. 240], т.е., получается,

начиная с 31 мая 1584 г. (Почти так же продолжительность «державства» наследника Ивана IV определяется в Хронографе Русском второй редакции [19, с. 322, ср. с. 112; 17, с. 449; 25, с. 3, и др.]; нередко в данной связи говорится о 14 или 15 годах (см., напр.: [2, с. 19, 151; 3, с. 157, 160–161; 6, с. 24; 15, с. 216; 22, с. 200, 221, 235, ср. с. 195, 238; 4, с. 178; 20, с. 49]), а в Книге Записной (далее – КЗ), которая представляет собой старшую среди сохранившихся редакций Сибирского летописного свода, в силу ошибки переписчика идет речь о 17 годах 7 месяцах 6 днях [23, с. 140, ср. с. 190, примеч. 89].

В Поволжском летописце, обрывающемся на изображении противостояния Москвы и Тушина (впервые он был издан В.И. Корецким), упоминается о коронации «миропреподобного» венценосца 1 июня, а в одной компиляции – в Вознесеньев день 24 мая 1584 г. [15, с. 214; 18, л. 384, и др.]. Об этом дне (будучи переходящим, он относится к последней декаде мая, см.: [6, с. 143, 500, примеч. 305; 7, с. 453; 9, с. 272–274, 406, 407, и др.]) как времени, когда «преблаженный» «скипетроносец» стал государем, мы узнаем из уцелевшего без малого в сотне списков официального Нового летописца в редакции конца 1620-х гг. [20, с. 35] и Псковской III-й летописи, а также (быть может, на основании летописного свода, в течение XVII в. сложившегося в кремлевском Чудовом монастыре [27, с. 147]) благодаря тобольской КЗ, где, однако, сообщается и про 1 мая [23, с. 138] – день, к которому подчас относили праздник Вознесения Христова [16, с. 518]. (Заметим, что, приурочив коронацию Федора Ивановича к Вознесеньеву дню 31 мая 1584 г., А.П. Богданов допустил неточность [3, с. 41, примеч. 13]). Утверждения же Д.М. Исхакова с З.А. Тычинских о смерти первого московского царя 9 ноября 1584 г. и торжественном возведении (про что писал В.В. Трепавлов) «благоюродливого» «от чрева матери своея» преемника Ивана Васильевича [19, с. 362, ср. с. 422] на трон 19 марта того же года – спустя день после кончины отца [10, с. 399; 30, с. 112, примеч. 5], следует признать недоразумениями.

О венчании нового московского «властодержца» 1 мая 1584 г. сказано также в двух редакциях «Повести 1606 г.» и в возникшей через полвека с лишним Латухинской Степенной Книге [5, с. 241; 8, с. 271, примеч. 58; 26, с. 147, и др.]. Допустимо считать, что при копировании раннего из этих памятников, относящегося к началу царствования Василия Шуйского, чтение «30» оказалось пропущенным, и таким образом 31 мая превратилось в 1 мая. Отдельные же упомянутые летописные, да и разрядные записи могли быть сделаны по памяти либо горячим следам, если не восходить к известиям предшествующего времени, в том числе о хронологии присяги «блаженному Феодору».

Расхождения многочисленных нарративных источников, созданных и в Москве, и вдали от нее, при фиксации даты коронации «миропреподобного», «святым сопричасного» царя, между прочим, свидетельствуют о том, что конец XVI–XVII вв. опрометчиво выдавать, как поступило немало ученых, включая современных (А.А. Севастьянова, В.Г. Вовина-Лебедева, Т.М. и В.В. Пенские), за период вырождения или затухания русской летописной традиции.

1. Акты Исторические, собранные Археографическою Комиссиею. – СПб. : Тип. II-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1841. – Т. II. – IV + 438 + 30 с.

2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою Экспедициею Имп. Академии наук. Дополнены и изданы Высочайше учрежденною Комиссиею. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1836. – Т. II. – 392 + 15 с.

3. Богданов, А. П. Общерусское летописание конца XVII века / А. П. Богданов. – М. : Альма Матер, 2024. – Ч. 2. – 286 с.

4. Буганов, В. И. Сказание о смерти царя Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова (Записи в разрядной книге) / В. И. Буганов // Записки Отдела рукописей Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина. – М. : Книга, 1957. – Вып. 19. – С. 169–184.

5. Буганов, В. И. «Повесть како отомсти» – памятник ранней публицистики Смутного времени / В. И. Буганов, В. И. Корецкий, А. Л. Станиславский // Труды Отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы (Пушкинского Дома) Академии Наук СССР. – Л. : Наука, Ленингр. отделение, 1974. – Т. XXVIII. – С. 231–254.

6. Временник Ивана Тимофеева / подг. к печ., перев. и комм. О. А. Державиной ; под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. – М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1951. – 512 с.
7. Дворцовые разряды, [по] Высочайшему повелению изданные II-м Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1850. – Т. I. 1612 – 1628 г. – XXXVI с. + 1216 стлб. + XI с.
8. Зимин, А. А. В канун грозных потрясений. Предпосылки первой Крестьянской войны в России / А. А. Зимин. – М. : Мысль, 1986. – 333 с.
9. Зимин, А. А. Опричнина / А. А. Зимин. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Территория, 2001. – 448 с.
10. Исхаков, Д. М. Политико-идеологические предпосылки интронизации казахского султана Ураз-Мухаммеда в Касимовском ханстве / Д. М. Исхаков, З. А. Тычинских // Золотоордынское обозрение. – 2023. – Т. 11. – № 2. – С. 397–410.
11. Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. – Л. : Наука, Ленингр. отделение, 1991. – 458 с.
12. Корецкий, В. И. Бездинский летописец конца XVI в. из собрания С. О. Долгова / В. И. Корецкий // Зап. Отдела рукописей Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина. – М. : Книга, 1977. – Вып. 38. – С. 192–208.
13. Корецкий, В. И. История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. / В. И. Корецкий. – М. : Наука, 1986. – 271 с.
14. Корецкий, В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. / В. И. Корецкий // Летописи и хроники. 1980 г. – М. : Наука, 1981. – С. 223–243.
15. Корецкий, В. И. Летописец с новыми известиями XVI – начала XVII в. / В. И. Корецкий, Б. Н. Морозов // Летописи и хроники. 1984 г. – М. : Наука, 1984. – С. 187–218.
16. Лихачев, Н. П. Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования / Н. П. Лихачев. – СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1888. – XVI + 559 + 72 + 101 + VI с.
17. Новгородские летописи. – СПб. : Изд. Археографической комиссии, 1879. – XXIV + 488 с.
18. Отдел Рукописей Рос. Нац. Библиотеки. Собр. СПб. Духовной академии. № 305/1. – 391 л.
19. Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. – М. : Художественная литература, 1987. – 616 с., с ил.
20. Полное собрание русских летописей. – М. : Наука, 1965. – Т. XIV. – Первая половина. – I + 154 с.
21. Полное собрание русских летописей. – М. : Наука, 1965. – Т. 29. – 390 с.
22. Полное собрание русских летописей. – М. : Наука, 1978. – Т. 34. – 304 с.
23. Полное собрание русских летописей. – М. : Наука, 1987. – Т. 36. – Ч. 1. – 382 с.
24. Разрядная книга 1550 – 1636 гг. – М. : б. и., 1976. – Т. II. – Вып. I. – 241 с.
25. Разрядная книга 1475 – 1605. – М. : б. и., 1994. – Т. IV. – Ч. I. – 138 с.
26. Русская историческая библиотека. – СПб.: Изд. Археографической комиссии, 1909. – Т. XIII. – 2-е изд. – XXXIV с. + 1472 стлб.
27. Солодкин, Я. Г. Вослед Савве Есипову. Очерки по истории сибирского летописания середины – второй половины XVII века / Я. Г. Солодкин. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та, 2011. – 211 с.
28. Солодкин, Я. Г. Земские соборы Московской Руси конца XVI века. Спорные проблемы истории и историографии / Я. Г. Солодкин. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та, 2010. – 162 с.
29. Тихомиров, М. Н. Русское летописание / М. Н. Тихомиров. – М. : Наука, 1979. – 456 с.
30. Тюменское и Сибирское ханства. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2018. – 558 с.

Корнишина Г.А.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ М.Е. ЕВСЕВЬЕВА КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О МЕСТАХ ПРОВЕДЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ОБРЯДОВ МОРДВЫ

Ключевые слова: М.Е. Евсевьев, архивные материалы, обрядовая культура, моления, почитаемые деревья, водные источники, постройки.

Макар Евсевьевич Евсевьев (1854–1931) – мордовский ученый-энциклопедист внесший огромный вклад в развитие национальной культуры. Он оставил после себя многочисленные рукописные материалы, хранящиеся в Центральном государственном архиве Республики Мордовия, а также Рукописном фонде Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Наибольшее количество документов составляют многочисленные записи на русском и мордовском языках, сделанные им в 1902–1928 гг. во многих регионах проживания мордвы. В них зафиксированы различные стороны быта мордовского народа, его социальных отношений, особенности языка, фольклора и т.п. В этих материалах имеются и ценные сведения о

обрядовой культуре. Опираясь на данный источниковедческий материал, можно составить представление о обрядовой культуре мордовского народа конца XIX – начала XX в.

В частности, ученому удалось зафиксировать места проведения молений мордвы, в котором они обращались с различными просьбами к своим дохристианским божествам. Из материалов Евсевьева мы узнаем, что моления устраивались в рощах, у отдельных деревьев, водных источников. Например, жители с. Старое Пшенево ныне Ковылкинского района Республики Мордовия после Троицы собирались на моление у старой ивы, а в сентябре во время моления о здоровье и размножении овец – у трех громадных лип [9, л. 5об.–6]. Евсевьев отмечает, что повреждение подобных деревьев считалось великим грехом. Жители д. Кардафлей быв. Городищенского у. Пензенской губ. проводили моление «алашань озкс», на котором главы семей просили богов о здоровье и размножении лошадей, у старой поваленной сосны. Местные жители не смели трогать ее, опасаясь заболеть или подвергнуться какому-то другому несчастью [9, л. 3].

Часто моления проводились у водных источников (рек, родников, озер). Так, жители уже упоминавшегося выше с. Старое Пшенево перед началом посевных работ устраивали моление на берегу небольшой речки Азэр лей [9, л. 6]. Водные источники обычно служили местом для ритуалов, проводившихся на Троицу. Этот период совпадал с временем окончания посевных работ, поэтому основной целью проводившихся молений было обеспечение обильных дождей, которые, согласно мордовским верованиям, обеспечивала богиня воды Ведь ава. Молитвы обычно сопровождались приемами симпатической магии. Наиболее распространенными из них являлись разбрызгивание воды по полям, обливание людей и животных, купание. Так на общесельском молении в с. Багана Шенталинского района Самарской области, после молитвы о дожде и плодородии полей трое мужчин приносили из родника воду и обливали ей молящихся. Они кричали: «Пусть бог даст нам дождя!» [7, л. 10].

Богине воды также устраивали и специальные моления в случае засухи или градобитья. Например, в д. Александровка быв. Ставропольского у. Самарской губ., Евсевьев записал легенду о таком ритуале. Жители деревни издавна ходили молиться Ведь аве на родник Карьга лисьма, но постепенно перестали это делать. И тогда их посевы в течении трех лет стало побивать градом. Когда же они возобновили моление, то градобитье прекратилось [3, л. 46]. В этой легенде отразились представления мордвы о почтительном отношении к древним божествам, в данном случае покровительнице водной стихии, с которыми надо устанавливать доброжелательные отношения. Данная связь подкреплялась принесением даров, в чем отражался принцип: «даю тебе, чтобы ты дал мне» [2, с. 281–282].

В случае засухи устраивали на родниках моления о дожде (пиземе озкс), где в дар Ведь аве прямо в воду бросали кусочки пищи и лили пиво. После этого мешали воду в роднике землемерной саженью. Делалось это с целью замутить воду в роднике, чтобы от облаков замутилось и небо. А затем «Как тина по возмущении упадет на дно, также бы из облаков упал дождь на землю» [10, л. 41]. Данный обычай является ярким примером имитативной магии «по образу и подобию». Люди стремились повлиять на природные стихии, имитируя их, прибегая к сходству явлений.

Обряд вызывания дождя был тесно связан с культом предков. Существовала вера в то, что умершие родичи могут оказать содействие в ниспослании дождя. Поэтому пиземе озкс часто совершался на кладбище. Часто, после моления обильно поливали могилы водой, которую специально привозили с собой в бочках. Этот обычай и сейчас соблюдается в селе Новые Сосны Клявлинского района и селе Старая Бинорадка Волжского района Самарской области. Только могилы сейчас не поливают, а просто обрызгивают водой, обходя все кладбище [1, с. 84].

Многие моления, связанные как с хозяйственной, так и семейной жизнью мордвы устраивались в жилых и хозяйственных помещениях. Одним из сакральных мест жилища была печь. Именно под ней по поверьям мордвы, обитало божество дома Куд ава. Когда семья переселялась в новое жилище, хозяйка брала с собой золу из старой печи и клала ее в загнетку новой. При этом она просила Куд аву: «Хозяйка дома! Как в старом доме нас оберегала, так оберегай и на новом месте» [11, л. 5об.]. Печке, как и всему связанному с огнем, приписывали очистительные функции. До сих пор у мордвы участники похоронной процессии по возвращении с кладбища заглядывают в печь, чтобы не бояться покойников. Раньше, как пишет Евсевьев при этом, обращались к покровительнице печи с такими словами: «Каштом ава матушка, возьми со своим дымом печаль моего сердца» [4, л. 34].

Значительна роль печи и в свадебных обрядах. Около нее просватанная девушка исполняла последние причитания в родном доме, прощаясь с ним и родными. По приезде в дом жениха молодую также сразу же подводили к печке, представляя ее домашним божествам: «Каштом ава, матушка! Молодую взяли, будет теперь перед тобой ходить, полюби ее!» У печки молодую нарекали новым именем, которое служило знаком ее принадлежности к новой семье и указывало ее положение в ней [6, л. 16–17].

Еще одним значимым местом избы был передний («красный») угол. Именно здесь стоял стол, за который сажали самых почетных гостей, молодоженов. В переднем углу проводили семейный молян перед началом посевных работ. Вечером все члены семьи запирались в избе, хозяин зажигал свечу и клал под образами горсть зерен из предназначенных для сева. Затем он усердно молился об успешном севе, просил богов уродить хлеб не только для себя, но и на долю нищих и безродных стариков [5, л. 5]. Здесь же проводилось моление во время так называемого «обряда знакомства» новорожденного ребенка с родственниками и соседями, которое устраивали родители ребенка. Все гости приносили с собой кашу, над которой повитуха произносила следующую молитву: «Дай ему счастья, награди его хлебом, солью… Сколько в каше крупы и соли, дай ему столько века и счастья…» [10, л. 19].

Особое внимание во время домашних молений уделялось дверям. Под порогом двери по верованиям мордвы, якобы, обитало еще одно домашнее божество Керень шочконь паз (хранитель бревен избы). Считалось, что подобно русскому домовому, он «помогал» хозяевам в домашних делах, за это хозяйки вечером оставляли под порогом еду для него. Туда же, перед началом всех семейных молений, клали и ознома пель (божью долю): кусок хлеба, кашу, а также лили пиво. На пороге, как правило, все домочадцы встречали большие праздники. Например, на Пасху хозяева дома, стоя перед открытой дверью, говорили: «Наша дверь открыта для тебя!». Здесь же через неделю хозяйка провожала матушку – Пасху с хлебом и другими кушаньями: «Иди, Пасха-матушка, мы провожаем тебя, приходи к нам в будущем году ... Пусть растет наш урожай, дай хорошего здоровья, преумножь наш скот и все наше состояние, чтобы мы могли хорошо встретить тебя в будущем году» [7, л. 10]. То есть двери, и порог дома были своеобразной границей, отделяющей жилище от внешнего мира.

Многие обряды, особенно животноводческие, проводились во дворе. Его сакральным центром считалось так называемое «чистое место», где по верованиям «обитал» покровитель двора Кардаз сярко. Здесь для него рыли ямку, которую в обычные дни закрывали большим камнем. Как правило, именно на этом месте проводились моления дворовым божествам. Во время них духам двора в ямку спускали кровь жертвенных животных и бросали куски пищи. Здесь же просватанная девушка исполняла свои причитания, прощаясь с родным домом и его покровителями. А в доме мужа на «чистом месте» молодушку представляли «хозяевам» двора супруга и его умершим предкам [6, л. 25; 7, л. 18].

Богине двора молились также в хлевах, конюшнях и других животноводческих помещениях. Например, здесь осенью, после возвращения стада с летних пастбищ на зимовку, устраивали кардаз озкс – моление покровителям двора и скотоводства Кардаз аве и Кардаз сярко. В молении принимали участие лишь женщины и дети. Мужчины на это время уходили из дома и возвращались лишь к началу трапезы. Участницы просили покровительницу хлева сохранить животных от болезней и падежа, благополучно дать ему перезимовать. В жертву божествам забивали овец или птицу, а также пекли блины и пироги. Часть еды клали в миску для «угощения» дворовых богов. Ее на несколько дней вешали на матицу, затем еду отдавали животным. В каждый угол хлева клали по пирогу [7, л. 18].

Проводились различные обряды и в других хозяйственных помещениях: на гумне, в овине, бане, на пчельнике и т.д. На гумне и в овине, покровители которых были связаны с земледельческой обрядностью, устраивались моления перед началом сева, а также перед обмолотом снопов. На них люди просили божеств уродить хлеб и сохранить его, а затем уберечь зерно от огня во время сушки.

Немало обрядов проводилось и в бане. Культ Баня авы (хозяйки бани) был тесно связан с водой. Ей приписывались очистительные и лечебные функции, в бане люди лечились от многих болезней, а также очищались от грязи. Так весной в бане проводили ванькс озкс (моление очищения). К порогу ставили молочный суп и молили божество бани беречь строение от огня, смыть грязь и черноту с людей. Тесно была связана она и с родильным циклом. Считалось обязательным трижды вымыть роженицу и новорожденного в бане, где проводились многие обряды, направленные на обеспечение младенцу здоровья, богатства и долголетия. Определенную обрядовую роль играла баня и в свадебном ритуале. Здесь невеста прощалась со своим девичеством, а в семье посещение первый раз бани было своеобразным ее «вхождением» в круг женщин новой семьи. Она одаривала своих новых родственниц, а также Баня аву. Молодая женщина просила защищать ее в супружеской жизни от всего нехорошего и всегда смывать черную грязь с тела. Во время поминок также обязательно топили баню, в которой мылись как все приглашенные, так и якобы присутствующие в этот момент в доме покойные предки. На Пасху топилась специальная баня предков – покштень-бабань баня, где для умерших готовилась одежда и пища. В нее приглашались не только покойные сородичи, но и усопшие сироты, нищие, бездомные [4, л. 33–34; 5, л. 9; 7, л. 41].

Таким образом, архивные материалы М.Е. Евсевьева содержат ценную информацию о традиционных местах проведения различных обрядов мордвы. Местами общественных ритуальных действий были рощи, почитаемые деревья, водные источники. Обряды, связанные как с хозяйственной, так и с семейной жизнью людей, проводились в жилых и хозяйственных постройках. До настоящего времени важным обрядовым центром мордовских селений являются кладбища. Они служат не только местами семейных и общественных поминовений покойных родичей, сюда по-прежнему в случае засухи приходят молиться о дожде, знахарки приводят больных людей.

1. Корнишина, Г. А. Социально-обрядовая роль и формы организации половозрастных контактов мордовского населения Самарского края в первой половине XX в. / Г. А. Корнишина // Финно-угорский мир. – 2017. – № 1. – С. 78–85.
2. Леви-Брюль, Л. Первобытное мышление / Л. Леви-Брюль. – М. : Атеист, 1930. – 337 с.
3. Рукописный фонд НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – Л-3.
4. Рукописный фонд НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – Л-52.
5. Центральный государственный архив Республики Мордовия. – Ф. Р-267. Оп. 1. Д. 42.
6. Центральный государственный архив Республики Мордовия. – Ф. Р-267. Оп. 1. Д. 44.
7. Центральный государственный архив Республики Мордовия. – Ф. Р-267. Оп. 1. Д. 46.
8. Центральный государственный архив Республики Мордовия. – Ф. Р-267. Оп. 1. Д. 81.
9. Центральный государственный архив Республики Мордовия. – Ф. Р-267. Оп. 1. Д. 90.
10. Центральный государственный архив Республики Мордовия. – Ф. Р-267. Оп. 1. Д. 248.
11. Центральный государственный архив Республики Мордовия. – Ф. Р-267. Оп. 1. Д. 312.

Дударев В.С.

МЕМУАРЫ ОТТО ФОН БИСМАРКА: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПУБЛИКАЦИЙ

Ключевые слова: Отто фон Бисмарк, мемуары, воспоминания, Вильгельм II, Л. Бухер, Х. Коль, А.С. Ерусалимский.

Политика германского канцлера Отто фон Бисмарка (1815–1898) до сих пор является предметом дискуссий. Среди колоссального количества документов Бисмарка особое место занимают его мемуары, идея написания которых возникла у него ещё в конце 1870-х гг., когда он задумывался над своей отставкой. «Мне ещё многое нужно сказать миру», – говорил он своему другу, публицисту Юлию Герману Морицу Бушу в 1877 г. [14, Bd. III. S. 94–95]. Приступить к мемуарам ему довелось лишь после отставки 16 марта 1890 г., ставшей для самого Бисмарка неожиданностью [15, S. 632].

В один момент колоссальный опыт германского канцлера, его дипломатическое умение и политический потенциал стали не у дел. Бисмарк удалился в своё поместье Фридрихсру под Гамбургом. Его идея написания мемуаров обрела новое звучание, что поддержали родные и близкие германского политика, считавшие, что эта работа как-то заменит ему прежнюю деятельность.

Драматические события января – марта 1890 г. в карьере Отто фон Бисмарка легли в основу написанного его сыном, графом Гербертом фон Бисмарком, в апреле 1890 г. очерка. Редактируя очерк сына, Бисмарк переписал его от первого лица. Первый шаг к написанию мемуаров был сделан.

В предстоящей работе Бисмарку предлагали свою помощь многие его коллеги, публицисты и историки, однако он предпочёл им своего давнего товарища по МИД, журналиста и политика Лотара Бухера, прекрасно владевшего искусством стенографии.

Это было необходимо для совместной с Бисмарком работы над мемуарами, поскольку Бисмарк не был большим любителем письма. За годы министерской деятельности он привык к диктовке: самостоятельное написание мемуаров в таком объёме стало бы для него серьёзным препятствием и могло поставить под угрозу всё дело. Как рассказчик Бисмарк обладал большим талантом. Он привлекал слушателей грамотной речью с неожиданными отступлениями, логичностью и стройностью повествования, знанием античной литературы и произведений европейских писателей и поэтов, пониманием сути происходящего, владением обширной информацией из разных источников.

Умевший поддержать и правильно выстроить разговор Лотар Бухер был опытным редактором, мастером письма. Он сыграл важную роль в том, чтобы мемуары Бисмарка состоялись, хотя работа давалась нелегко. Однажды Бухер пожаловался своему товарищу М. Бушу, «что с мемуарами всё по-прежнему. Во время диктовки князь перескакивал с одного на другое, повторял многие вещи по нескольку раз и почти всегда иначе, чем прежде <…> уже была целая кипа диктовок, переписанных со стенограммы, наверное, печатных листов шестьдесят <…> шеф ещё не смотрел из этого ни строчки. Маловероятно, что из этого вообще что-то получится» [14, Bd. III. S. 310].

6 июля 1890 г. с главным редактором «Издательства Котта», тайным коммерции советником Адольфом фон Крёнером, был подписан контракт на публикацию мемуаров, хотя предложения поступили от более чем 40 издательств. Начавшее свою историю в 1658 г. «Издательство Котта» к XIX в. стало широко известным в Европе благодаря публикации работ немецких классиков литературы и философии, а к концу столетия укрепило позиции одного из самых авторитетных в Германии, особенно в области социогуманитарных наук. Для исторического блока публикаций издательства на рубеже XIX–XX вв. Крёнер выбрал в качестве ключевого автора Железного

канцлера. Он уже приобрёл эксклюзивные права на издание документов и материалов Бисмарка. Но главным произведением были его мемуары [12]. Первоначально предусматривалась публикация шести томов, за каждый из которых предназначалась выплата в 100000 марок.

К надиктовыванию текстов Бисмарк и Бухер приступили в октябре 1890 г. Фиксируемая Бухером информация следовала друг за другом бессистемно. Основная часть записей была сделана к концу 1891 г. Заслуга Бухера состояла в хронологическом и фактологическом упорядочении хаотически-разрозненных текстов. Используя различные исторические источники, он уточнял даты, вносил исправления и дополнял тексты важными фрагментами документов и писем. В ноябре 1891 г. был подготовлен черновой вариант поглавной разбивки Первого и Второго томов.

Однако Бухер был всё ещё скептически настроен относительно успеха предприятия: «Работается во всех отношениях без радости и успеха. Это совершенно безнадёжная затея и ничего не даёт для истории. Не только потому, что у него слабая память и слабый интерес к тому, что мы закончили <…> но и потому, что он начинает намеренно искажать даже чётко установленные факты и события <…> Как будто вокруг него и его работы не было достаточно света, чтобы не замечать таких теней!» [14, Bd. III. S. 330–331]. Тем не менее Бухер считал, что «шеф остаётся великим политическим гением и спасителем немцев» [14, Bd. III. S. 331].

К концу мая 1892 г. был уже создан связный текст с довольно чётким расположением материала по главам. Работа над мемуарами захватила самого Бисмарка, однако из-за смерти главного локомотива проекта: Лотара Бухера – 12 октября 1892 г. редакция текстов растянулась до 1897 г. Отредактированный вариант мемуаров был передан в издательство «Котта», в котором после внесения всех предложений Бисмарка была напечатана гранка будущего издания. Этот вариант был также просмотрен лично Бисмарком и дополнен различными деталями.

Мемуары Бисмарка были изданы после его смерти 30 июля 1898 г. Под редакцией Хорста Коля в 1898 г. в издательстве «Котта» были опубликованы Книги 1 и 2 Первого тома. Об интересе к ним в обществе свидетельствует тот факт, что только до конца 1898 г. тираж мемуаров составил 500 000 экземпляров.

В отличие от подготовленного Л. Бухером чернового варианта Х. Коль опубликовал первоначально Книги 1 и 2 Первого тома отдельно как Первый и Второй тома.

Третий том, содержавший резкую характеристику Вильгельма II и острую критику его политического курса, по согласованию с Бисмарком, должен был выйти после смерти императора. Однако после Ноябрьской революции в Германии и свержения Вильгельма II издательство «Котта» посчитало себя освобождённым от этого обязательства и против воли наследников Бисмарка опубликовало том как самостоятельное издание [10]. В этом же году в одной книге были изданы все три тома мемуаров [9].

Текст мемуаров вошёл в известную серию «Избранных сочинений» Бисмарка [11], первую попытку фундаментального издания документов и материалов германского канцлера, и в сокращённый многотомный сборник работ Бисмарка [16], вышедший в 1975 г. и переизданный в 2001 г.

В настоящее время в публикации документов Бисмарка происходят изменения, связанные с публикационной деятельностью Фонда Отто фон Бисмарка во Фридрихсру. Мемуары Железного канцлера включены в новый флагманский публикационный проект, за которым уже закрепился статус «Нового издания Фридрихсру», включающего как изданные, так и ранее не опубликованные архивные документы Бисмарка.

Интересная деталь, связанная с названием мемуаров Бисмарка. В то время как Первый том в рукописях и гранке не содержит такого названия, рукопись Второго тома была подписана Л. Бухером как «Erinnerung und Gedanke» (нем. «Память и мысль»). Такая версия названия мемуаров в единственном числе является наиболее подлинным

по сравнению с более поздним, получившим широкое распространение вариантом, выбранным Х. Колем: «Gedanken und Erinnerungen» – «Мысли и воспоминания».

Вариант Л. Бухера содержит аллюзию на известную пару воронов верховного божества германо-скандинавской мифологии Одина – Хугина и Мунина, по преданию, летавших по всему миру Мидгарду и сообщавших Одину о происходящем. В древнескандинавском языке глаголы «huga» и «muna» имели значение «думать» и «помнить», а производные от них имена: Хугин и Мунин означали, соответственно, того, кто думает, и того, кто помнит, т.е. Мыслящего и Помнящего, или, собственно, сами «Мысль» и «Память».

Хугин и Мунин символизировали объективное, всестороннее знание, непреходящее в силу его запечатления и сохранения в памяти. Прослеживаемая в названии мемуаров аналогия с названием воронов Одина могла свидетельствовать о претензии на объективность передаваемых Бисмарком мыслей о событиях германской истории второй половины XIX в., которые должны были быть сохранены в таком виде в памяти немецкого народа.

Бисмарк хорошо разбирался в германской мифологии, как и его современники. Учитывая этот факт, можно предположить, что вариант «Erinnerung und Gedanke» (нем. «Память и мысль») мог принадлежать самому Бисмарку, что не должно быть удивительным для современника Р. Вагнера. С таким вариантом названия был опубликован Третий том мемуаров Бисмарка в 1919 г., и позже – в 1975 г. [10; 16].

Выдержавшие многочисленные издания воспоминания Железного канцлера были переведены на многие языки мира, в том числе и на русский язык. Они неоднократно публиковались в Российской империи [1; 2], СССР [5; 4] и России [8; 6]. О важности их не только с научной точки зрения, но также и для общественности свидетельствует тот факт, что работа коллектива специалистов под руководством профессора А.С. Ерусалимского, открывшая серию «Библиотеки внешней политики» Государственного социально-экономического издательства, проводилась с личного одобрения и рекомендации И. В. Сталина, сделавшего редакционные правки в названии мемуаров, во вступительной статье к Первому тому, и внёсшего предложения по компоновке научного аппарата издания [3].

Интерес к личности Бисмарка растёт, что доказывает появление в последнее время новых публикаций его мемуаров и высказываний [8; 7].

1. Бисмарк, О. фон. Из мемуаров Бисмарка. Мысли и воспоминания / О. фон Бисмарк ; в пер. и с пояснениями М. В. Станиславского. – СПб. : Новый журнал иностранной литературы, 1899. – 128 с.

2. Мемуары князя Бисмарка: («Мысли и воспоминания») / предисл., примеч. и пер. М. Полтавского. – СПБ. : Типография братьев Пантелеевых, 1899. – 232 с.

3. Невежин, В. А. И. В. Сталин о внешней политике и дипломатии: по материалам личного архива вождя (1939–1941) / В. А. Невежин // Российская история. – 2019. – № 6. – С. 61–76.

4. О. Бисмарк. Мысли и воспоминания : в 3 т. / перевод с немецкого под ред. проф. А. С. Ерусалимского. – М. : ОГИЗ государственное социально-экономическое издательство, 1940–1941.

5. Отто Бисмарк. Вильгельм II. Воспоминания и мысли / пер. с нем. А. Н. Карасина с предисловием Мих. Павловича. – М. ; Пг. : Государственное издательство, 1923. – 175 с.

6. Отто фон Бисмарк. Воспоминания, мемуары : в 2 т. – М. : АСТ; Минск : Харвест, 2002; переиздание – Отто Бисмарк: Воспоминания Железного канцлера. – М. : АСТ, 2023. – 608 с.

7. Отто фон Бисмарк. «Железом и кровью»: афоризмы немецкого канцлера / пер. с нем. под ред. А. С. Ерусалимского. – М. : Эксмо-Пресс, 2019. – 160 с.

8. Отто фон Бисмарк. Мемуары Железного канцлера. – М. : Издательство Эксмо ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. – 952 с.

9. Bismarck. Gedanken und Erinnerungen. Die drei Bände in einem Bande. Vollständige Ausgabe. – Stuttgart : Verlag der J.G. Cotta´schen Buchhandlung Nachfolger, 1919. – 752 s.

10. Bismarck. Gedanken und Erinnerungen. Dritter Band. Erinnerung und Gedanke. – Stuttgart und Berlin : Verlag der J.G. Cotta´schen Buchhandlung Nachfolger, 1919. – 210 s.

11. Bismarck, Otto von. Die gesammelten Werke: 15 Bde in 19 Bde. Band 15. Erinnerung und Gedanke: kritische Neuausgabe auf Grund des gesamten schriftlichen Nachlasses / von Gerhard Ritter in Gemeinschaft mit Rudolf Stadelmann. – Berlin : Deutsche Verlags-Gesellschaft, 1932. XXXIX. – 706 s.

12. Bismarck, Otto von. Gedanken und Erinnerungen von Otto Fürst von Bismarck. 2 Bde. – Stuttgart : Verlag der J.G. Cotta´schen Buchhandlung Nachfolger, 1898.
13. Bismarck, Otto von. Gedanken und Erinnerungen von Otto Fürst von Bismarck. Volks-Ausgabe. 2 Bde. / Otto von Bismarck. – Stuttgart : Verlag der J. G. Cotta´schen Buchhandlung Nachfolger, 1905.
14. Busch, M. Tagebuchblätter. 3 Bde. / M. Busch. – Leipzig : Fr. Wilhelm Grunow, 1899.
15. Meyer, A. O. Bismarck: Der Mensch und der Staatsmann / A. O. Meyer. – Stuttgart : K. F. Koehler Verlag, 1949. – S. 632.
16. Otto von Bismarck. Werke in Auswahl. 8 Bde. Achter Band. Teil A. Erinnerung und Gedanke. Unter Mitarbeit von Georg Engel, herausgegeben von Rudolf Buchner. – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1975 (2001). – 745 S.

Горбачев О.В.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ГОРОДА: ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА[1]

Ключевые слова: советский город, Средний Урал, теория модернизации, социальное пространство, перепись населения, паспорт города.

В изучении города как многоаспектного явления (временно́го, пространственного, антропологического, архитектурного и др.) социально-демографическая составляющая является одной из наиболее важных. Ее значимость вытекает из того, что город является местом концентрации населения. Имеют значение количественные параметры населения, его динамика (естественный и механический прирост), социальные характеристики (возрастной, половой, национальный состав, образовательный уровень, семейная структура и пр.).

В рамках исторического знания в течение нескольких последних десятилетий сложилась основательная традиция изучения российского города XVIII–XX вв. в контексте теории модернизации. При этом составной частью модернизации выступает урбанизация. В широком смысле она понимается как «исторический процесс повышения роли городов, городского образа жизни и городской культуры в развитии общества, связанный с пространственной концентрацией деятельности» [1, с. 16]. Демографический и социальный аспекты урбанизации рассматриваются наряду с поселенческим и экономическим. В узком смысле урбанизированность воспринимается как доля городского населения [2, с. 63].

Сильной стороной модернизационной парадигмы является то, что изучаемые в ее рамках процессы и явления отличает эволюционный характер развития, универсальность проявлений, возможность верификации с помощью различных исследовательских методик.

Применение теории модернизации к анализу советского города вытекало из логики его восприятия в категориях модерна, в рамках советской модели модернизации, для которой естественным являлся приоритет индустриальных ценностей. С другой стороны, такого рода очевидность таит в себе опасность экономического редукционизма ввиду важности индустриального фактора в советском городском развитии, по сути, сближая модернизационный подход с критикуемой теорией «социалистической урбанизации». Это означает, что модернизационное социокультурное развитие российского города в советский период, в отличие от XVIII–XIX столетий, лишается самостоятельного наполнения, становится заложником советского индустриализма, опосредуется все той же «индустриальной революцией».

С точки зрения возможностей историко-демографического анализа доминирование индустриальной составляющей крайне неблагоприятно отражается на качестве доступной источниковой базы для изучения советского города.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-00629 «Траектории развития городов Среднего Урала в середине XX в.: методологический и источниковедческий аспекты»).

Ее отличительными признаками являются экономоцентризм, преобладание агрегированных (обобщенных) данных, а также крайняя избирательность социально-демографической статистики. Налицо потребность в комплексных источниках, сочетающих временны*е* и пространственные сюжеты, позволяющие раскрыть изучаемый объект на разных уровнях агрегирования.

Другой теоретической основой для понимания вектора социально-демографического развития советского города является теория демографического перехода, в соответствии с которой происходит «переход от извечного равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к новому равновесию низкой смертности и низкой рождаемости» [3, с. 9], в связи с чем особое значение приобретают характеристики воспроизводства населения.

Традиционно наиболее востребованными у специалистов по исторической демографии являются опубликованные итоги переписей населения. Следует помнить, что это, по сути, единственный масштабный источник советской социальной статистики, формируемый экспедиционным способом, считающимся наиболее надежным. Итоги переписей естественным образом используются для реконструкции динамики городского населения, но их данные должны дополняться сведениями текущего учета населения. Это особенно актуально для межпереписного периода 1939–1959 гг., в течение которого в численности населения страны произошли драматические изменения.

Неудобство переписей для выявления прочих социально-демографических характеристик состоит в избирательности содержащихся в них сведений. Причина в том, что переписи (за исключением ВПН 1926 г.) обычно обслуживали текущие социально-политические кампании. Так, например, миграционная статистика присутствует только в переписях 1926 и 1970 гг., но их данные несопоставимы между собой ввиду разных методик учета. С другой стороны, интенсивность миграционных потоков с опорой на материалы переписей оказывается возможным оценить путем сопоставления доступных данных о естественном приросте населения с общими данными об изменении его численности в межпереписной период, что актуально, например, для переписей 1959–1989 гг. Недостаточность сведений о миграции за отдельные годы (периоды) отчасти компенсируется тем, что миграционные потоки более-менее статичны и допускают возможность экстраполирования.

Возможности «Итогов» переписей для реконструкции городской социальной среды весьма ограничены. Наиболее широко представлены сведения об образовании в силу особого значения, которое придавалось образовательной политике в советское время (переписи 1920, 1926, 1939, 1959 гг.). Жилищно-коммунальная сфера целенаправленно обследовалась только в 1989 г., система социального обеспечения фрагментарно – в 1926 и 1970 гг. Поскольку что речь идет об агрегированных (обобщенных) данных, материалы по отдельным городским поселениям могут отсутствовать, в том числе в соответствующих архивных фондах.

В определенной степени ограниченность источниковой базы для изучения социально-демографических характеристик советского города способны дополнить источники, фрагментарно представленные в разных российских архивах. Разработка подобных источников, обнаруженных в фондах Государственного архива Свердловской области, ведется в рамках исследовательского проекта «Траектории развития городов Среднего Урала в середине XX в.: методологический и источниковедческий аспекты», реализуемого в Международном центре демографических исследований в Уральском федеральном университете.

Во-первых, речь идет о первичных материалах Всесоюзной переписи населения 1959 г. В распоряжении научного коллектива оказалась естественная выборка объемом ок. 50 тыс. анкет переписи из городских поселений разного типа Свердловской области

(областной центр; город-спутник; крупный промышленный город – райцентр; моногород, удаленный от областного центра; поселок городского типа) [4, ф. 1813, оп. 12, д. 5–31].

Наиболее значимая информация, доступная на основе анализа первичных материалов и отсутствующая в опубликованных «Итогах» переписи 1959 г., как и других советских переписей, касается характеристик семей респондентов. Она реконструируется на основе нескольких вопросов формуляра переписи, включающих фамилию, имя и отчество; отношение к главе семьи; пол; возраст; состояние в браке. Важными характеристиками вычлененных таким образом семей являются также данные об образовании и месте работы ее членов. В настоящее время продолжается работа по составлению базы данных на основе оцифрованных первичных материалов переписи. По состоянию на начало 2025 г. она включает ок. 30 тыс. персональных записей и ок. 10 тыс. записей о выявленных семьях с указанием структуры семьи, ее демографического типа, а также жилищных условий, в которых проживает семья. Сопоставление полученных данных по городским поселениям разных типов поможет выявить локальные факторы, определяющие характер эволюции семейной структуры населения.

Другим перспективным источником являются паспорта городов Свердловской области за 1950-е гг., также извлеченные из фондов ГАСО [4, ф. 1813, оп. 3, д. 16–44, 46–52, 65, 81]. Паспорта использовались для практических целей городского управления. Паспорт включает 13 тематических разделов, объединенных в 45 таблиц: Общие сведения, Территория, Население, Численность рабочих и служащих, Промышленность, Транспорт и связь, Жилищный фонд, Внешнее благоустройство города, Культурное строительство, Здравоохранение и физкультура, Товарооборот, Коммунальное хозяйство и Исполнение бюджета города.

Основное достоинство паспортов – широкие возможности для реконструкции физического пространства города и городских общественных практик. Существенно, что этот документ сочетает временно́е (динамические ряды) и пространственное измерения. Основной источник социально-демографической информации – раздел Население. Он содержит сведения о численности, социально-профессиональном составе, естественном приросте населения. Эти данные полезны, хотя часто носят вторичный характер. Для понимания условий, в которых протекали социально-демографические процессы, важны разделы Территория, Экономика, Транспорт, Жилищный фонд, Внешнее благоустройство, Культурное строительство, Физкультура и спорт.

Информация об экономических и социокультурных приоритетах города способна помочь в оценке сравнительной устойчивости и перспективах городов разных типов, внести ясность в вопрос о факторах миграционной активности (с учетом того, что именно миграция выступала в качестве основного источника пополнения городского населения в регионе в изучаемый период) и т.п.

Таким образом, социально-демографическое изучение советского города требует от исследователя значительных усилий как в части поиска источников информации, так и при их аналитической разработке. Исследователь вынужден постоянно преодолевать сопротивление массива официальной документации советского периода, доминирующей в архивах. Необходимы поиск и более широкое использование новых источников, равно как и нестандартные подходы к интерпретации уже имеющихся документов.

1. Пивоваров, Ю. Л. Основы геоурбанистики: урбанизация и городские системы / Ю. Л. Пивоваров. – М. : Гуманит. центр ВЛАДОС, 1999. – 231 с.

2. Корнилов, Г. Е. Урбанизация на Урале в XX веке: демографические последствия / Г. Е. Корнилов // Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам : сб. науч. ст. – Екатеринбург : Ин-т экономики УРО РАН, 2023. – С. 63–76.

3. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневского. – Москва : Новое изд-во, 2006. – 608 с.

4. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-1813. Свердловский областной комитет государственной статистики Государственного комитета Российской Федерации по статистике (1934–2004).

Беляева А.В.

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

Ключевые слова: визуализация, исторический источник, портрет документа, MAXQDA, США, Китай.

Работа историка зачастую связана с классификацией, систематизацией и анализом массовых письменных источников. Подобная работа трудоемка, отнимает много времени, требует концентрации внимания. В силу этих обстоятельств она не застрахована от ошибок и неточностей, которые, в свою очередь, влияют на конечный результат исследования и сделанные выводы. Историческая наука, и без того критикуемая за субъективность, в данном случае вновь дает повод себя критиковать.

В этой связи актуальным и насущным является поиск путей выхода из сложившихся обстоятельств. Одним из них стало сотрудничество с точными науками. Развитие же новых технологий привело к возникновению новой междисциплинарной области исследования – Digital Humanities, которая объединяет в себе гуманитарные науки и компьютерные технологии. Толчком к сближению столь, казалось бы, далеких друг от друга областей знания послужил целый ряд факторов, но главным из них является появление персонального компьютера и сети Интернет. Прежде всего, у ученых появилась возможность работать и обмениваться информацией из любой точки мира, они перестали быть привязаны к учреждению, где имелась в наличии вычислительная техника. Кроме того, благодаря этому возможность взаимодействовать с техникой появилась у большего числа ученых.

Однако главным преимуществом персонального компьютера является наличие широкого спектра программного обеспечения, которое позволяет использовать компьютер для большого числа задач в русле исторической науки. А сеть Интернет позволяет не только обмениваться мнениями, знаниями и опытом, но и учиться. На сегодняшний день существует огромное количество курсов, дающих возможность, даже бесплатно, обучиться пользованию различными компьютерными программами, которые можно использовать в рамках исторических исследований. Например, можно создавать карты (в том числе интерактивные), 3d-реконструкции зданий и сооружений, создавать изображения исторических личностей по описаниям внешности и т.д. Виртуальное воссоздание реально существовавших объектов по описаниям является трудоемким и сложным процессом, но у ученых имеются привязки к точным данным – географические координаты, размеры и прочее. Иная ситуация с визуализацией письменных источников, которые являются основным типом исторических источников.

Визуализация данных – отдельная область исследований, которая позволяет представить сложные данные в более доступной, наглядной форме. Она делает возможным установление связей между различными документами, событиями или личностями, упомянутыми в этих документах. Она позволяет выявить общие тенденции и/или аномалии, которые могут указать на важные события или процессы в развитии общества, а также отследить изменения в языке и стиле источников.

Визуализация данных письменных источников в исторической науке решает несколько задач.

Во-первых, она оказывает помощь в анализе данных. Сведения из массовых источников, представленные в удобной форме, упрощают процесс исследования и повышают точность полученных результатов. Исследователь задает параметры поиска и форму представления результатов, которые применяются ко всему массиву информации, что исключает возможность упустить что-то из-за невнимательности. Условия поиска

могут быть быстро изменены, что предоставляет широкие исследовательские возможности в короткий срок. Историк получает возможность извлечь из источника разную информацию, а визуализация позволяет объединить ее в одном месте. Разрозненные данные сложнее воспринимать, нежели график или диаграмму. Таким образом, визуализация упрощает и ускоряет работу историка, а также повышает точность результатов за счет исключения ошибок из-за невнимательности.

Во-вторых, визуализация данных может являться дополнительным аргументом в дискуссии: «Что же так важно в изображениях и записях, получением, рисованием, изучением, расчетом и обсуждением которых заняты ученые и инженеры? Это прежде всего уникальное преимущество, которое они дают в риторической или дискуссионной ситуации. “Вы сомневаетесь в том, что я говорю? Я покажу вам”. И, не двигаясь более чем на несколько дюймов, я разворачиваю перед вашими глазами символы, схемы, иллюстрации, тексты, контуры и тотчас же представляю далекие отсюда вещи, с которыми теперь установлена своего рода двухсторонняя связь. Не думаю, что важность этого простого механизма может быть переоценена» [2, с. 117].

К. Кнорр справедливо заметила, что изображение или схема также допускают различия в трактовках, кроме того, оппоненту в дискуссии вообще не обязательно на них смотреть [3, p 205]. Однако, чем больше у одной из сторон спора возможностей защитить свою точку зрения, тем более прочные у нее позиции и более высокие шансы на победу: «Тот, кто плохо визуализирует, проигрывает схватку: его факт не выстоит» [2, с. 124]. В исторической науке много дискуссионных тем и разнообразие мнений по одному и тому же вопросу, что делает данную возможность визуализации весьма актуальной.

При понимании преимущества, даваемого визуализацией данных, возникает вопрос о том, какие данные будут представляться в наглядной форме. Процесс их визуализации достаточно прост: занесение данных в таблицу и построение на ее основе графиков, диаграмм и т.д. Весь процесс, может быть организован с помощью табличного процессора Microsoft Excel, который в наличии практически у любого пользователя персонального компьютера. Но в гуманитарных науках данные многозначны и разнообразны, они могут носить субъективный, противоречивый характер. Однако, как уже было сказано выше, современные технологии значительно расширяют доступный историку арсенал возможностей для работы с историческими источниками, в том числе с письменными.

Современное программное обеспечение для персональных компьютеров позволяет анализировать тексты с помощью метода контент-анализа. Компьютерных программ, позволяющих осуществлять его, достаточно много, однако наиболее полно соответствует проведению исторических исследований программный продукт MAXQDA [1].

Несомненным достоинством данной компьютерной программы является предоставление ею инструментов для визуализации. К функциям визуализации относятся «Карта кода», «Карта документов», «Диаграмма сравнения документов», «Портрет документа», «Кодовая строка».

«Карта кода» представляет собой инструмент, который в отдельном окне, называемом картой, показывает соотношения между кодами: чем чаще коды были заданы одновременно, тем ближе друг к другу расположены они будут на карте. «Карта документов» работает схожим образом, но в отношении документов: чем более схожи два документа с точки зрения распределения кодов, тем ближе друг к другу они будут на карте.

«Портрет документа» преобразовывает кодированные сегменты в стандартизированное количество точек изображения, тем самым позволяет наглядно продемонстрировать встречаемость кодов и их распределение по тексту. «Кодовая

строка» отображает кодированные сегменты в последовательности, позволяет установить, в каком абзаце текста встречается тот или иной код, и выявить незакодированные части текста. «Диаграмма сравнения документов» объединяет функции «Портрета документа» и «Кодовой строки». Это инструмент для сравнения закодированных частей документов.

Функция «Портрет документа» может быть использована для сопоставления различных исторических документов между собой, для выявления ключевых тем и идей текстов. Она позволяет получить представление о документе без необходимости детально читать его, что полезно для сортировки и классификации письменных источников, быстрого поиска необходимой темы в большом объеме данных.

Кроме того, функция «Портрет документа» может быть использована для отражения изменений внимания к конкретной проблеме в определенных хронологических рамках. Такое использование «Портрета документа» уже носит исследовательский характер. Например, данная функция позволяет визуализировать содержание ежегодных выступлений президента США перед Конгрессом «О положении страны» с целью определить степень внимания в них к Китаю. Для этого необходимо было установить соотношение внутри- и внешнеполитических тем в рамках речей «О положении страны», чтобы выявить контекст упоминаний.

Для достижения поставленной цели был выбран индуктивный подход, чтобы двигаться от источника. На основе данных количественного контент-анализа был составлен список кодов, которые были разделены на три категории, каждой из которых был назначен определенный цветовой индикатор – внутренняя политика (красный цвет), внешняя политика (синий цвет), Китай (желтый цвет). Затем было произведено кодирование всех источников.

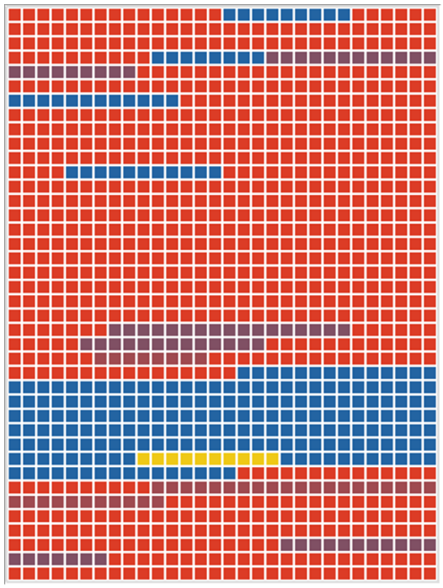


Рисунок. Пример «Портрета документа»

Цветовые маркеры, которые были присвоены отдельным темам, необходимы для использования «Портрета документа». Он позволяет наглядно продемонстрировать соотношение интересующих пользователя тем в документе. В нашем случае «Портрет документа» позволяет установить соотношение между внутри- и внешнеполитическими проблемами внутри выступлений президента США перед Конгрессом и место Китая в речах. Визуализация позволила установить фрагментарность встречаемости Китая в выступлениях Б. Клинтона и Дж. Буша-мл, усиление интереса в годы президентства Б. Обамы, а в годы пребывания в Белом Доме Д. Трампа китайская проблематика затрагивалась им в выступлениях перед Конгрессом ежегодно. Ввиду многочисленности «портретов» речей «О положении страны» в качестве наглядного примера использован лишь один из них (рис).

Возможности MAXQDA позволяют экспортировать данные в Microsoft Excel, поэтому частоту встречаемости слова «Китай» в документе можно было представить в виде таблицы или построенного на ее основе графика. Однако встроенные функции визуализации MAXQDA в сочетании с возможностью сохранить полученный «Портрет документа» как изображение ускоряют и упрощают

процесс работы, ведь в рамках одной компьютерной программы собраны инструменты для анализа и визуализации текстов.

Таким образом, визуализация является мощным инструментом, который обогащает традиционные методы анализа письменных исторических источников. Она позволяет исследователям не только экономить время при работе с большими массивами данных, но и открывает новые перспективы анализа и интерпретации исторических источников.

1. Гарскова, И. М. Новые тенденции в компьютеризованном анализе текстов: концепции, методы, технологии / И. М. Гарскова // История : электронный научно-образовательный журнал. – 2015. – Т. 6. – Выпуск 8(41). – URL: http://history.jes.su/s207987840001255-9-1 (дата обращения: 18.02.2025).

2. Латур, Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе / Б. Латур // Логос: философско-литературный журнал. – 2017. – № 27(117). – С. 95–156.

3. Knorr, K. be Manufacture of Knowledge / K. Knorr. – Oxford : Pergamon Press, 1981. – 189 p.

Косачев Д.П.

АВТОМАТИЗАЦИЯ СБОРА И АНАЛИЗА МЕТАДАННЫХ СТАТЕЙ ИЗ ЦИФРОВОГО АРХИВА «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС» С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ PYTHON

Ключевые слова: историческая информатика, Нью-Йорк Таймс, контент-анализ, Великая Отечественная война, образ СССР.

Исследование роли медиа в формировании общественного мнения и их влияния на ключевые политические процессы в период Второй мировой войны представляет собой важный аспект исторического анализа. В условиях глобального конфликта средства массовой информации, такие как газеты, становились не только источниками информации, но и инструментами пропаганды, консолидации общества. Американские ученые отмечают, что «исследования неизменно выявляют более существенные связи между воздействием медиа и общественным мнением в вопросах внешней политики, чем в вопросах внутренней политики. Эта тенденция частично объясняется тем, что граждане имеют прямой личный опыт во многих сферах внутренней политики, но вынуждены в большей степени полагаться на информацию из массмедиа для оценки и анализа вопросов внешней политики» [6, p. 101].

Цель данной работы заключается в сборе и анализе метаданных статей «Нью-Йорк Таймс» за период 1941–1945 гг., упоминающих СССР, с использованием современных методов автоматизированного сбора и обработки данных. Основное внимание уделяется методике получения базы данных, которая в дальнейшем может быть использована как основа для более детализированного контент-анализа содержания публикаций.

Для достижения поставленной цели был разработан скрипт на языке программирования Python, позволяющий автоматизировать сбор метаданных электронного архива «Нью-Йорк Таймс» через API (Application programming interface). Это позволило создать структурированную базу данных, включающую такие поля, как заголовки статьи, даты публикаций, авторы и ключевые теги, присвоенные сотрудниками газеты.

«Нью-Йорк Таймс» является одним из ведущих мировых печатных изданий на протяжении большей части XX в. В период Второй мировой войны «Нью-Йорк Таймс» обладала значительным влиянием, признаваемым членами правительства за её роль в формировании общественного мнения, особенно в вопросах внешней политики. Судья Верховного суда США в то время Феликс Франкфуртер даже рассматривал «Таймс»

как «квазисудебный орган», подразумевая, что её функции были ближе к функциям судов, чем к другим ветвям власти, подчеркивая огромную ответственность издания перед обществом [7, p. 11].

«Нью-Йорк Таймс» являлось одним из самых массовых печатных изданий в рассматриваемый период. В книге Гэя Тализа приводятся сведения для 1937 г. Он заявляет, что в тот год тираж ежедневных выпусков газеты превысил 500 000 экземпляров, а по воскресеньям достигал 700 000 [10, p. 65]. Одна из немногих общенациональных газет США распространялась в 11 464 городах страны и по всему миру [10, p. 88]. С конца XIX в. она остается в собственности семьи Окс-Сульцбергеров, семья продолжает управлять изданием, подчеркивая его преемственность и уникальную роль в формировании общественного мнения и фиксации исторических событий. В рассматриваемый нами период владельцем был Артур Хейз Сульцбергер, издатель с 1935 по 1961 гг.

В целом исследователи медиа указывают на продемократический характер редакционной политики «Нью-Йорк Таймс» [8]. Однако, в отдельные выборные кампании газета могла поддержать кандидатов от республиканской партии, как было в случае с Эйзенхауэром. В период Второй Мировой войны партийная ориентация и политические предпочтения американского издания менялись. Вот, что пишет Гаррисон Солсбери, бывший журналист «Нью-Йорк Таймс», по поводу поддержки кандидатов в президенты изданием: «Артур Хейз Сульцбергер одобрил поддержку газетой Франклина Д. Рузвельта в 1936 году, но с большой неохотой. И с радостью переключился на Уэнделла Уилки в 1940 году. Сульцбергер поддержал Рузвельта в 1944 году, но только в качестве меры военного времени» [9, p. 90].

Рассмотрим теперь основные этапы сбора метаданных статей электронного архива «Нью-Йорк Таймс». После регистрации аккаунта на сайте «Нью-Йорк Таймс» пользователь получает уникальный ключ для подключения к API. Подробная документация, включая описание доступных методов и параметров запросов, размещена на портале для разработчиков [3]. Авторские скрипты, использованные для сбора метаданных, можно найти в открытом доступе на github [4]. Там же размещена итоговая таблица, всего 41 676 статей. Ниже рассмотрим лишь ключевые моменты и приемы, примененные в скрипте.

В запросах для поиска использовались ключевые слова, относящиеся к СССР: 'Russians', 'Russian', 'Russia', 'Soviet', 'USSR', 'Stalin', 'Moscow'. Также можно использовать логические операторы OR и AND, что позволяет формировать более гибкие условия для поиска. Синтаксис составления «ключевого слова» выглядит так: 'Russians+AND+religion'. Подобный запрос вернет метаданные всех статей, где одновременно встречаются слова ‘Russians’ и ‘religion’. Поиск не чувствителен к регистру. Если же мы хотим найти статьи, где встречается хотя бы одно из упомянутых слов, то используем оператор OR: ‘Russians+OR+religion’.

Чтобы охватить весь интересующий период, с июня 1941 г. по сентябрь 1945 г., ввиду суточных лимитов по количеству запросов через API (4000 запросов в день), скрипт по сбору метаданных запускался ежедневно со смещением временного окна периода поиска (29 дней за цикл). Полученные данные в формате JSON сохранялись в структурированную таблицу Excel с помощью библиотеки pandas для дальнейшего анализа.

Денормализация итоговой таблицы проводилась путем добавления туда полей из поля keywords типа dictionary [5]. В результате получена была «длинная» таблица, дополненная полями key_name – категория тегов (тема статьи, персоны, локации и т.д.) и key_value – значение указанного тега для статьи. Для одной статьи может быть

множество значений тегов одной категории, которые будут отличаться значением поля key_rank (Таблица 1).

head-line.main	**web_url**	**pub_date**	**byline.original**	**key_name**	**key_value**	**key_rank**
<заголовок статьи>	<ссылка на статью>	<дата публ-ции>	<автор статьи>	<категория тега>	<значение тега>	<ранг тега>

Таблица 1. Структура данных итоговой таблицы со значениями тегов keywords

Остановимся подробнее на поле keywords. Это поле содержит информацию о темах (subject), персонах (person) и локаций (locations) упомянутых в статье. Значения этих полей заполнялись, индексировались сотрудниками «Нью-Йорк Таймс» с 1913 г. для каждой публикации, попавшей на страницы издания. «Индекс, публикуемый с 1913 г., резюмирует день за днем мировую историю, как она представлена в Нью-Йорк Таймс» [11].

Тема публикации является одним из самых распространенных признаков в исследованиях медиа, использующих метод контент-анализа медиа. Тем самым, мы получаем поле, заполненное квалифицированными сотрудниками авторитетного издания и верифицированное редактором отдела индексирования и таксономии, которое мы можем использовать в исследованиях.

Структура данных, возвращаемых API, включает множество полей, но остановимся только на значимых для дальнейшего анализа. Некоторые из потенциально значимых полей не заполнены для данного периода. Поле key_value, в котором находятся значения «индекса», заполнено более чем в 70% публикаций в период с июня 1941 по сентябрь 1945 г. Также стабильно высокие показатели заполнения в динамике по годам (Рисунок 1). Этого достаточно, чтобы оценивать общие тенденции и предпочтения редакции.

Рисунок 1. Результаты анализа качества данных,
процент заполненности основных полей полученных метаданных

Рассмотрим пример использования значений «индекса» для исследовательского анализа американского издания. Анализ динамики публикаций в американском издании, посвященных СССР, на примере темы религии, показывает, что наибольший интерес к этой теме пришелся на осень 1941 г. Это связано с заявлением С.А. Лозовского от 4 октября 1941 г., в котором подчеркивалась гарантия свободы религиозных обрядов в СССР и активное сопротивление представителей всех конфессий нацизму. Данное заявление способствовало снижению напряженности в американском обществе и укреплению позиций президента Рузвельта в Конгрессе, что в итоге помогло успешному принятию закона о ленд-лизе в отношении СССР [1, с. 146]. Даже восстановление патриаршества в сентябре 1943 г. получило значительно меньше внимания в прессе (Рисунок 2).

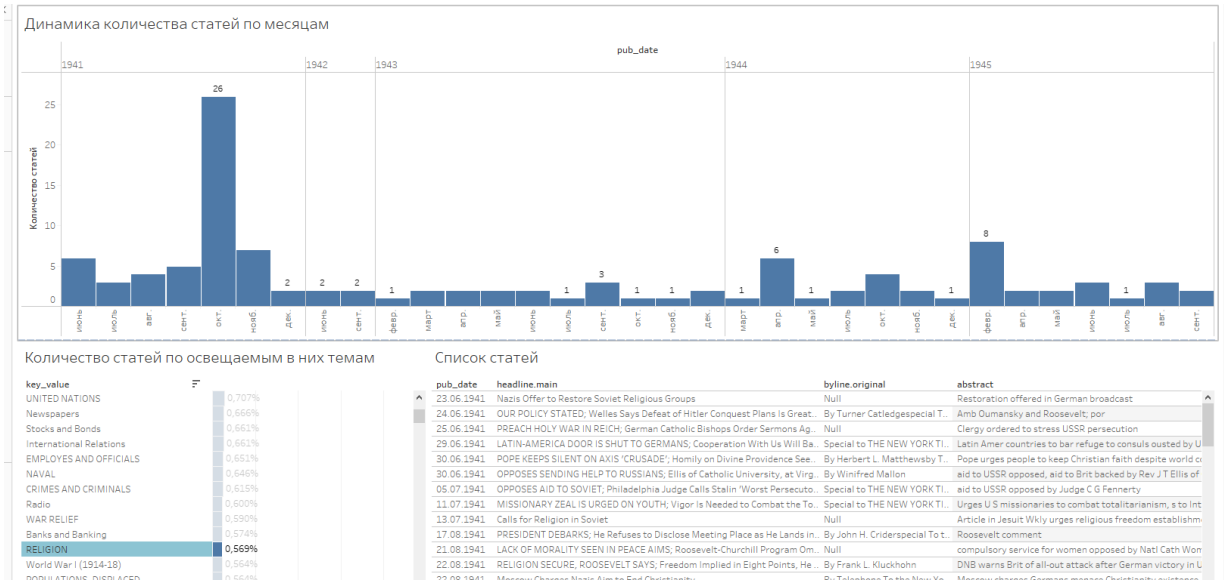


Рисунок 2. Динамика количества публикаций с тегом «Religion» для статей с упоминанием СССР

Сформированная база метаданных «Нью-Йорк Таймс» по статьям, упоминающим СССР за период 1941–1945 гг. представляет собой ценный ресурс для исторических исследований медиа, служа каркасом для более детального контент-анализа. Она позволяет не только изучать общие тенденции в освещении ключевых событий, таких как в приведенном примере по вопросу религиозной свободы в СССР, но и обогащать анализ дополнительными авторскими признаками кодирования статей при проведении более сложных методов контент-анализа. Современные методы NLP (Natural Language Processing) могут быть эффективно применены для анализа заголовков и аннотаций статей, что открывает новые возможности для выявления семантических паттернов и тематических акцентов. Однако важно учитывать, что «индекс», присвоенный сотрудниками «Нью-Йорк Таймс», может быть субъективным и неполным. Тем не менее, даже с учетом этих ограничений, база метаданных остается мощным инструментом для изучения роли медиа в формировании общественного мнения и их влияния на ключевые политические процессы, такие как укрепление антигитлеровской коалиции.

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. – Т. 8 : Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны. – М. : Кучково поле, 2014. – 864 с.

2. Dallek, R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945 / R. Dallek. – NY : Oxford University Press, 1979. – 680 p.

3. https://developer.nytimes.com/get-started (date of access: 17.03.2025).

4. https://github.com/dmitry-kosachev/NYT_archive_metadata_parsing_on_USSR?tab=readme-ov-file (date of access: 17.03.2025)
5. https://github.com/dmitry-kosachev/NYT_archive_metadata_parsing_on_USSR/blob/main/flattering_the_keywords_column.ipynb (date of access: 17.03.2025)
6. The News and Public Opinion: Media Effects on Civic Life / M. McCombs, R. Lance Holbert, S. Kiousis, W. Wanta. – Cambridge : Polity Press, 2011. – 210 p.
7. Leff, L. Buried by the Times : the Holocaust and America's Most Important Newspaper / L. Leff. – New York : Cambridge University Press, 2005. – 426 p.
8. Puglisi, R. Being The New York Times: the Political Behaviour of a Newspaper / R. Puglisi // The B.E. Journal of Economic Analysis & Policy – Vol. 11 – 2011. Iss. 1 (Contributions), Art. 20.
9. Salisbury, H. E. Without Fear or Favor: the New York Times and its Times / H. E. Salisbury. – NY Times Books, 1980. – 648 p.
10. Talese, G. The Kingdom and the Power: Behind the Scenes at The New York Times / G. Talese. – NY, Random House Trade Paperback, 2007. – 596 p.
11. Times Index Names Editor; Gephart to Be Consultant – 28.09.1960. – URL: https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1964/09/28/118537970.html?pageNumber=30&login=smartlock&auth=login-smartlock (date of access: 17.03.2025).

Чэчулін З.В.

“ТЭКІ НАРУШЭВІЧА” ЯК КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ І РЭКАНСТРУКЦЫІ АРХІВА ВЯЛІКІХ КНЯЗЁЎ ЛІТОЎСКІХ (ДРУГАЯ ПАЛОВА XIV – ПЕРШАЯ ПАЛОВА XV СТ.)

Ключавыя словы: Адам Нарушэвіч, “Тэкі Нарушэвіча”, Мацей Догель, архіў вялікіх князёў літоўскіх, архіў Каралеўства Польскага, акт, дакумент.

“Тэкі (папкі) Нарушэвіча” былі створаныя ў перыяд з 1781 па 1785 гг. [14, s. 19] і складаюцца з 231 рукапіснага тома, якія ўтрымліваюць спісы (копіі) 38270 гістарычных крыніц. Каардынатарам праекта быў вядомы дзеяч навукі, вялікі пісар ВКЛ (з 1781 г.) Адам Нарушэвіч (1733–1796) [1, с. 348]. Падставай для стварэння “тэк” была праца А. Нарушэвіча над “Гісторыяй польскага народа”, для напісання якой патрабавалася выявіць і скапіяваць крыніцы. Храналагічна “тэкі” ахопліваюць перыяд з 1227 па 1729 г. [27] і сістэматызаваныя па храналагічнаму прынцыпу. Аднак з улікам таго, што перапішчыкі ў некаторых выпадках памыляліся з устанаўленнем правільнай даты дакумента, гэта часткова вяло да парушэння гэтага прынцыпу.

На дадзены момант з 231 тома “тэк Нарушэвіча” 217 тамоў знаходзяцца на захоўванні ў Бібліятэцы князёў Чартарыйскіх у Кракаве [14, s. 22]. Цікавячы нас перыяд прадстаўлены тамамі № 7–17. Капіісты de visu працавалі з арыгіналамі дакументаў з аддзела “Lithuania” архіва Каралеўства Польскага, які быў перавезены ў 1765 г. з Кракаўскага замка ў Варшаўскі каралеўскі замак [24, s. 125]. На гэта указваюць адпаведныя запісы, змешчаныя ў правых верхніх кутах аркушаў: “Ex Originali in archivo Regnis”, або “Ex ms arch. Stan. Aug. Regni”. Храналагічна першы дакумент, скапіяваны з арыгінала, датуецца 7 лістапада 1367 г. [13, № 65, k. 261–262], апошні – 6 чэрвеня 1393 г. [14, № 142, k. 565–566]. Гэтая частка дакументаў архіва вялікіх князёў літоўскіх трапіла ў архіў Каралеўства Польскага яшчэ ў 1386 г. пры ажыццяўленні каранацыйных мерапрыемстваў Ягайлам, а архіў князя Скіргайлы трапіў у склад архіва Каралеўства Польскага або ўвосень 1393 г., калі Скіргайла пачаў знаходзіцца пры каралеўскім двары Уладзіслава II Ягайлы [5, с. 32], або пасля смерці Скіргайлы 10 студзеня 1395 г. у Кіеве [4, с. 23].

Што датычна храналагічна пазнейшых дакументаў, то Нарушэвіч і яго група капіістаў не працавалі з іх арыгіналамі de visu. Адносна гэтага ў правых верхніх кутах аркушаў маюцца адпаведныя запісы: “Ex archivo Regnis Collect. Dogieli”. У некаторых выпадках да апошніх запісаў дадавалася: “Ex originali Niesvisciense”, што ўказвае на

захоўванні ў тыя часы таго ці іншага арыгінала дакумента ў Нясвіжскім архіве Радзівілаў. Вядома, што А. Нарушэвіч не адзін выконваў працу па капіяванню дакументаў – на яго працавала шмат тэхнічных выканаўцаў (перапішчыкаў), якія ў залежнасці ад свайго бачання неабходнасці ўказання правеніенцыйных запісаў да дакумента рабілі гэта па-рознаму – або перад тэкстам дакумента, або пасля яго.

Такім чынам, яшчэ адной крыніцай стварэння "тэк" стала неапублікаваная і на дадзены момант страчаная рукапісная спадчына Мацея Догеля (1715–1760), якая тады знаходзілася на захоўванні ў Варшаўскім каралеўскім архіве. У часы буйной палявой археаграфічнай працы, звязанай з падрыхтоўкай "Дыпламатычнага кодэксу", М. Догель працаваў з арыгіналамі дакументаў, паходзячых з архіва вялікіх князёў літоўскіх, якія ў той час знаходзіліся на захоўванні ў Нясвіжскім архіве Радзівілаў. Асабліва яскрава пра гэта сведчаць лісты М. Догеля да службовых асоб гэтага архіва [25, s. 106–107].

Засяродзім сваю ўвагу на арыгіналах дакументаў, якія не дайшлі да нашага часу. Да гэтых дакументаў адносяцца: ліст папы рымскага Клімента VI да князя Кейстута ад 18 кастрычніка 1349 г., які быў скапіяваны двойчы [12, № 80, k. 393–394; № 81, k. 395–396], ліст папы рымскага Грыгорыя XI да вялікага князя Альгерда і князя Кейстута ад 25 кастрычніка 1373 г. [13, №. 108, k. 391–392], арыгінал агульназемскага прывілея ад 20 лютага 1387 г. [14, № 33, k. 107–109], прывілей Уладзіслава II Ягайлы князю Скіргайле ад 22 ліпеня 1391 г. [14, № 108, k. 427–428], пацвярджальны акт польскага караля Уладзіслава II Ягайлы аб урэгуляванні адносін паміж князямі Скіргайлам і Вітаўтам ад 6 снежня 1392 г. [14, № 133, k. 545], акт гербавай адопцыі польскай кароннай шляхты ад 2 кастрычніка 1413 г. [16, № 67, k. 325–328].

Вышэйназваныя дакументы былі страчаныя ў розныя часы – папскія лісты 1349 і 1373 г., а таксама ўсе лісты Марціна V да Вітаўта былі страчаныя ўжо падчас складання з іх спісаў (копій). Арыгінал агульназемскага прывілея ад 20 лютага 1387 г. апошні раз фіксуецца ў архіўнай уліковай дакументацыі ў 1755 г. [26, p. 287], але згадваецца ў лісце М. Догеля ад 20 лютага 1757 г. [25, s. 106]. Магчыма, ён быў страчаны пасля 1757 г. Прывілей Уладзіслава II Ягайлы князю Скіргайле ад 22 ліпеня 1391 г. і пацвярджальны акт Уладзіслава II Ягайлы аб урэгуляванні адносін паміж князямі Скіргайлам і Вітаўтам ад 6 снежня 1392 г. былі страчаныя ў перыяд паміж 1782 і 1808 гг. Гэта пацвярджае вопіс, складзены ў 1808 г. ў Пецярбурзе пры перадачы дакументаў, вывезеных расійскімі ўладамі з архіва Каралеўства Польскага ў Дэпо Манускрыптаў пры Імператарскай Публічнай Бібліятэцы, у якім гэтыя дакументы адзначаны як страчаныя; у пазнейшых крыніцах яны не згадваюцца [2, с. 463]. Да пазнейшых дакументальных страт адносіцца арыгінал акта гербавай адопцыі польскай кароннай шляхты ад 2 кастрычніка 1413 г., які загінуў у Варшаве падчас антыфашысцкага паўстання ў 1944 г. [3, с. 105].

Адзначым і дрэнна захаваныя арыгіналы дакументаў – лісты пап рымскіх Марціна V ад 28 кастрычніка 1428 г. [9] і Яўгенія IV ад 1431 г. [8] да князя Жыгімонта Кейстутавіча, якія па стану на 2025 г. амаль не чытальныя. У кепскім стане знаходзіцца арыгінал акта дагавора малдаўскага ваяводы Іллі з вялікім князем літоўскім Жыгімонтам Кейстутавічам, памылкова датаванага 1437 г. (насамрэч 1435 г.) [10]. Ад арыгінала прывілея польскага караля Уладзіслава II Ягайлы аб ўраўненні ў правах рускіх і літоўскіх нобіляў і баяр ад 15 кастрычніка 1432 г. адарваная прыблізна 1/5 частка дакумента наўскос злева [11], таму яго спіс [19, № 62, k. 193–197] з'яўляецца крыніцай, што адлюстроўвае ўвесь тэкст дакумента.

Шэраг скапіяваных дакументаў падчас складання "тэк" былі некарэктна датаваныя перапішчыкамі, таму ў табліцы прыводзяцца правільныя даты, устаноўленыя паводле тэкстаў арыгіналаў дакументаў. Архіўныя шыфры пададзеныя ў адпаведнасці з электронным каталогам калекцыі пергамінавых дакументаў (польск. Zbiór dokumentów

pergaminowych, далей – ZDP) Галоўнага архіва старажытных актаў у Варшаве (польск. Archiwum Główne Akt Dawnych, далей – AGAD) [28], папяровым каталогам пергамінавых дакументаў Бібліятэкі князёў Чартарыйскіх у Кракаве (польск. Biblioteka książąt Czartoryskich w Krakowie, далей – BCz) [23], і апошнім выданнем “Полацкіх грамат” [6].

СПІС ДАКУМЕНТАЎ З “ТЭК НАРУШЭВІЧА”, ЯКІЯ Ў ВЫГЛЯДЗЕ АРЫГІНАЛАЎ УВАХОДЗІЛІ Ў СКЛАД АРХІВА ВЯЛІКІХ КНЯЗЁЎ ЛІТОЎСКІХ (1349–1440 ГГ.)

Від дакумента (найменні)	Дата	№ «тэкі» і аркушаў	Месцазнаходжанне арыгінала
1. Ліст папы рымскага Клемента VI да князя Кейстута	18 кастрычніка 1349 г.	Т. 7. № 80, k. 393–394; ён жа: № 81. k. 395–396.	Арыгінал страчаны.
2. Акт дагавора аб міры паміж магістрам Тэўтонскага ордэна ў Лівоніі Вільгельмам фон Фрымерсхаймам і вялікім князем літоўскім Альгердам	7 лістапада 1367 г.	Т. 8. № 65. k. 261–262.	AGAD. ZDP. № 4526.
3. Ліст папы рымскага Грыгорыя XI да вялікага князя літоўскага Альгерда	23 кастрычніка 1373 г.	Т. 8. №. 108. k. 391–392.	Арыгінал страчаны.
4. Акт перамір’я паміж магістрам Тэўтонскага ордэна ў Лівоніі Вільгельмам фон Фрымер-схаймам і вялікім князем літоўскім Ягайлам	27 лютага 1380 г.	Т. 8. №. 163. k. 589–590.	AGAD. ZDP. № 4529.
5. Акт перамір’я паміж вялікім магістрам Тэўтонскага ордэна Конрадам Цольнерам фон Ротэнштайнам і вялікім князем літоўскім Ягайлам	21 красавіка 1385 г.	Т. 8. № 203. k. 737–738.	AGAD. ZDP. № 4434.
6. Акт перамір’я паміж вялікім маршалам Тэўтонскага ордэна Конрадам фон Валенро-дам і вялікім князем літоўскім Ягайлам	24 красавіка 1385 г.	Т. 8. № 204. k. 739–740.	AGAD. ZDP. № 4484.
7. Акт перамір’я паміж вялікім магістрам Тэўтонскага ордэна Конрадам Цольнерам фон Ротэнштайнам і вялікім князем літоўскім Ягайлам	30 мая 1385 г.	Т. 8. №. 205. k. 741–742.	AGAD. ZDP. № 4433.
8. Гарантыйны акт комтура Мітавы Дзітрыха фон Вайлбурга купцам ВКЛ	17 снежня 1385 г.	Т. 8. № 212. k. 763–764.	AGAD. ZDP. № 4531.
9. Акт польскага караля Уладзіслава II Ягайлы аб высылцы князя Скіргайлы на тэрыторыю Літвы	13 сакавіка 1386 г.	Т. 9. № 6. k. 25–26.	BCz. Perg. 196.
10. Агульназемскі прывілей польскага караля Уладзіслава II Ягайлы	20 лютага 1387 г.	Т. 9. № 33. k. 107–109.	Арыгінал страчаны.
11. Прывілей польскага караля Уладзіслава II Ягайлы вялікаму князю літоўскаму Скіргайле	28 красавіка 1387 г.	Т. 9. № 37. k. 133–136 (пераклад рутэнскага тэксту на лацінскую мову); Т. 9. № 38. k. 137–139 (лацінскай трансліт. з арыгінала)	ОР БАН. 4.6.44.
12. Акт перамір’я паміж магістрам Тэўтонскага ордэна ў Лівоніі Робінам фон Эльцам і вялікім князем літоўскім Скіргайлам	9 ліпеня 1387 г.	Т. 9. № 42. k. 151–152.	AGAD. ZDP. № 4485.
13. Грашовае абавязальніцтва каралеўскага слугі (Уладзіслава II Ягайла) Іванкі перад вялікім князем літоўскім Скіргайлам	9 лістапада 1387 г.	Т. 11. № 39. k. 167–168.	BCzart. Perg. 292. Vol. VII/5
14. Акт перамір’я паміж вялікім магістрам Тэўтонскага ордэна Конрадам Цольнерам фон Ротэнштайнам і вялікім князем літоўскім Скіргайлам	4 лістапада 1388 г.	Т. 9. № 57. k. 195–196.	AGAD. ZDP. № 4441.
15. Акт перамір’я паміж князем Вітаўтам і князем Скіргайлам	29 мая 1389 г.	Т. 9. № 75. k. 253	AGAD. ZDP. № 4443.
16. Прывілей Уладзіслава II Ягайлы князю Скіргайле на Вільню, Мерач, Віцебск	22 ліпеня 1391 г.	Т. 9. № 108. k. 427–428.	Арыгінал страчаны.
17. Пацвярджальны акт польскага караля	6 снежня 1392 г.	Т. 9. № 133. k. 545.	Арыгінал страчаны.

Уладзіслава II Ягайлы аб урэгуляванні адносін паміж князямі Скіргайлам і Вітаўтам			
18. Акт прымірэння паміж князямі Вітаўтам і Скіргайлам	6 снежня 1392 г.	Т. 9. № 148. k. 583–585.	BCzart. Perg. 236
19. Паручальніцтва рыжскага бюргера Германа Дасберга за жыхароў Мінскай зямлі перад князем Скіргайлам	30 мая 1393 г.	Т. 9. № 149. k. 587.	AGAD. ZDP. № 4445.
20. Паручальніцтва рыжскага бюргера Германа Дасберга за 9 лівонскіх рыцараў перад князем Скіргайлам	6 чэрвеня 1393 г.	Т. 9. № 142. k. 565–566.	BCzart. Perg. 239. Vol. I/45
21. Акт Віленска-Радамскай уніі	11 сакавіка 1401 г.	Т. 10. № 21. k. 87–91.	AGAD. ZDP. № 8418.
22. Акт гербавай адопцыі польскай кароннай шляхты, выдадзены нобілям і баярам вялікага князя літоўскага Вітаўта	2 кастрычніка 1413 г.	Т. 11. № 67. k. 325–328.	Арыгінал страчаны.
23. Грашовае абавязальніцтва польскага караля Уладзіслава II Ягайлы перад вялікім князем літоўскім Вітаўтам	25 кастрычніка 1417 г.	Т. 11. № 120. k. 545.	BCz. Perg. 322.Vol. I/52.
24. Ліст папы рымскага Марціна V да вялікага князя літоўскага Вітаўта	1425 г.	Т. 14. № 68. k. 309–310.	Арыгінал страчаны.
25. Ліст папы рымскага Марціна V да вялікага князя літоўскага Вітаўта	5 лютага 1426 г.	Т. 14. № 100. k. 451–452.	Арыгінал страчаны.
26. Ліст папы рымскага Марціна V да вялікага князя літоўскага Вітаўта	14 сакавіка 1427 г.	Т. 14. № 110. k. 507–508.	Арыгінал страчаны.
27. Ліст папы рымскага Марціна V да князя Жыгімонта Кейстутавіча	23 снежня 1428 г.	Т. 14. № 122. k. 549–550.	AGAD. ZDP. № 7280.
28. Ліст папы рымскага Яўгенія IV да князя Жыгімонта Кейстутавіча	1431 г.?	Т. 15. № 23. k. 87–88.	AGAD. ZDP. № 7278.
29. Прывілей польскага караля Уладзіслава II Ягайлы аб ураўненні ў правах рускіх і літоўскіх нобіляў і баяр	15 кастрычніка 1432 г.	Т. 15. № 62. k. 193–197.	AGAD. ZDP. № 8420.
30. Прывілей караля польскага Уладзіслава II Жыгімонту Кейстутавічу аб зацвярджэнні яго ў вялікакняскай годнасці	3 кастрычніка 1433 г.	Т. 15. № 68. k. 221–224.	AGAD. ZDP. № 8421.
31. Агульназемскі прывілей вялікага князя літоўскага Жыгімонта Кейстутавіча	6 мая 1434 г.	Т. 15. № 128. k. 435–436.	AGAD. ZDP. № 7267.
32. Акт дагавора паміж малдаўскім ваяводам Іллёй і вялікім князем літоўскім Жыгімонтам Кейстутавічам	1435 г.	Т. 16. № 64. k. 339 (пераклад на лацінскую мову); Т. 16. № 66. k. 343 (трансліт. рутэнскага тэксту лацінскімі літарамі)	AGAD. ZDP. № 7285.
33. Ліст шляхты Польскага Каралеўства да вялікага князя літоўскага Жыгімонта Кейстутавіча	6 снежня 1437 г.	Т. 16. № 60. k. 321–322.	AGAD. ZDP. № 7276.
34. Ліст Базэльскага сабора да вялікага князя літоўскага Жыгімонта Кейстутавіча	26 жніўня 1439 г.	Т. 16. № 116. k. 543.	AGAD. ZDP. № 7279.
35. Канфірмацыйны прывілей польскага караля Уладзіслава III для вялікага князя літоўскага Жыгімонта Кейстутавіча	7 студзеня 1440 г.	Т. 17. № 2. k. 15–16.	AGAD. ZDP. № 7284.

Такім чынам, тэксты дакументаў, паходзячых з архіва вялікіх князёў літоўскіх за вывучаемы намі перыяд, змешчаныя ў “тэках” па храналагічнай прыкмеце, былі скапіяваныя з розных крыніц – у першую чаргу гэта арыгіналы, што знаходзіліся ў архіве Каралеўства Польскага, які ў 1765 г. быў перавезены з Кракава ў Варшаву, а таксама неапублікаваныя і на дадзены момант страчаныя тамы “Дыпламатычнага кодэксу” М. Догеля. Адзначым, што тэксты рукапісаў М. Догеля, а таксама некаторыя апублікаваныя ім дакументы, якімі кіраваліся капіісты, ўтрымліваюць шмат памылак, скажэнняў, нават пропускаў цэлых радкоў тэксту ў публікацыях дакументаў, што папярэдне намі разглядалася ў адпаведным артыкуле [7, с. 183]. Тое самае датычна і

спісаў дакументаў, прадстаўленых у “тэках Нарушэвіча”. Разам з гэтым, “тэкі Нарушэвіча” з’яўляюцца каштоўнай крыніцай для рэканструкцыі тэкстаў страчаных дакументаў, вывучэння дынамікі дакументальных страт і практык выкарыстання дакументаў, паходзячых з архіва вялікіх князёў літоўскіх.

На дадзены момант 20 арыгіналаў дакументаў з архіва вялікіх князёў літоўскіх знаходзяцца на захоўванні ў ГАСА (AGAD), 5 – у Бібліятэцы князёў Чартарыйскіх у Кракаве (BCzart), 1 – у навукова-даследчым аддзеле рукапісаў Бібліятэкі Расійскай акадэміі навук (НИОР БАН). Астатнія дакументы ў колькасці 9 адзінак не захаваліся ў якасці арыгіналаў.

1. Пазднякоў, В. Нарушэвіч Адам Тадэвуш Станіслаў / В. Пазднякоў // Вялікае княства літоўскае : энцыклапедыя. Т. 2: Кадэцкі корпус – Яцкевіч / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – 2-е выд. – Мінск : БелЭн, 2007. – С. 348–349.

2. Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государствование короля Сигисмунда Августа с 1545 по 1572 год Ч. 1 / изд. М. Оболенский, И. Данилович. – М. : Университетская тип., 1843. – XX, 480 [2] с.

3. Латушкін, А. М. Аднаўленне цэласнасці комплексу арыгіналаў дзяржаўна-прававых актаў канца XIV – пачатку XVII ст. архіва Вялікага Княства Літоўскага: пастаноўка праблемы / А. М. Латушкін // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2017.– № 4. – С. 98–107.

4. Ліцкевіч, А. У. Атручэнне князя Скіргайлы ў Кіеве (1395 год). Гістарычны каментарый і праблема аўтарства другой часткі “Летапісца вялікіх князёў літоўскіх” / А. У. Ліцкевіч // ARCHE–Пачатак. – 2012. – № 3. – С. 8–52.

5. Полехов, С. В. Древнерусские пометки на латинских документах в Великом княжестве Литовском и Польском королевстве второй половины XIV века / С. В. Полехов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2021. – № 2(84). – С. 27–40.

6. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. – Т. 1. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – 864 с., XVI с.

7. Чэчулін, З. В. Дакументы архіва вялікіх князёў літоўскіх другой паловы XIV – першай паловы XV ст. у святле археаграфіі / З. В. Чэчулін // Беларускі археаграфічны штогоднік. – 2024. – Вып. 25. – С. 183–190.

8. AGAD. – Zbiór Dokumentów Pergaminowych. – Sygn. 7278.

9. AGAD. – Zbiór Dokumentów Pergaminowych. – Sygn. 7280.

10. AGAD. – Zbiór Dokumentów Pergaminowych. – Sygn. 7285.

11. AGAD. – Zbiór Dokumentów Pergaminowych. – Sygn. 8420.

12. Biblioteka książąt Czartoryskich w Krakowie. – Naruszewicz teka. T. 7 Odpisy 174 dokumenów z lat 1340–1359.

13. Biblioteka książąt Czartoryskich w Krakowie. – Naruszewicz teka. T. 8. Odpisy 212 dokumentów z lat 1360–1385.

14. Biblioteka książąt Czartoryskich w Krakowie. – Naruszewicz teka. T. 9 Odpisy 224 dokumentów z lat 1386–1399.

15. Biblioteka książąt Czartoryskich w Krakowie. – Naruszewicz teka. T. 10 Odpisy 172 dokumentów z lat 1400–1410.

16. Biblioteka książąt Czartoryskich w Krakowie. – Naruszewicz teka. T. 11. Odpisy 124 dokumentów z lat 1411–1417.

17. Biblioteka książąt Czartoryskich w Krakowie. – Naruszewicz teka. T. 12. Odpisy 95 dokumentów z lat 1418–1422.

18. Biblioteka książąt Czartoryskich w Krakowie. – Naruszewicz teka. T. 14. Odpisy 152 dokumentów z lat 1423–1429.

19. Biblioteka książąt Czartoryskich w Krakowie. – Naruszewicz teka. T. 15. Odpisy 149 dokumentów z lat 1430–1434.

20. Biblioteka książąt Czartoryskich w Krakowie. – Naruszewicz teka. T. 16. Odpisy 131 dokumentów z lat 1435–1439.

21. Biblioteka książąt Czartoryskich w Krakowie. – Naruszewicz teka. T. 17. Odpisy 237 dokumentów z lat 1440–1444.

22. Grzybowski, S. Teki Naruszewicza: "Acta Regum et Populi Poloni" / S. Grzybowski. – Wrocław : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1960. – 69 s.

23. Katalog dokumentów pergaminowych Biblioteki Czartoryskich w Krakowie. Cz. 1. Dokumenty z lat 1148–1506 / oprac. J. Tomaszewicz. – Kraków, 1975. – 434 s.

24. Kłodziński, A. O Archiwum Skarbca Koronnego na Zamku Krakowskim / A. Kłodziński // Archiwum Komisji historycznej. – Kraków, 1923. – Seria 2, t. I. – S. 124–577.

25. Kurkowski, J. Z dziejów polskiego edytorstwa źródeł historycznych. Maciej Dogiel (1715–1760) / J. Kurkowski // Analecta. Studia i Materiały z Dziejów Nauki. – 2006, nr 1/2, – S. 89–157.

26. Latushkin, A. All-terrestrial charters in the archive of the Grand Dukes of Lithuania: composition, signs of provenance and modern places of storage of originals / Andrei Latushkin // Tyragetia, serie nouă: Museul Naţional de Istorie a Moldovei. – Vol. XVII [XXXII]. – Nr. 2: Istorie. Muzeologie. – 2023. – P. 279–292.

27. Teki Naruszewicza : [сайт]. – URL: https://cyfrowe.mnk.pl/dlibra/publication/3930#structure (дата звароту: 02.02.2025).

28. Zbiór Dokumentów Pergaminowych AGAD Wstępna wersja robocza II '23 Inwentarz, układ w kolejności sygnatur : [сайт]. – URL: http://agad.gov.pl/inwentarze/preg_work.xml (дата звароту: 02.02.2025).

Власов Т.В.

ДОКУМЕНТЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ АРХИВОВ КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ: КЛАССИФИКАЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Ключевые слова: Псковская область, интеллигенция, региональные архивы, личные фонды, общественные организации, обком КПСС.

История интеллигенции Псковской области, как и история интеллигенции России в целом, представляет собой сложный и многогранный феномен, требующий комплексного и многоаспектного подхода к исследованию. Традиционные историографические нарративы, зачастую фокусирующиеся на общенациональных тенденциях и общих характеристиках интеллигенции, недостаточно полно отражают региональную специфику. Псковская область, со своей богатой историей и уникальными культурными традициями, имеет свои особенности в формировании и развитии интеллигенции, требующие отдельного изучения. Дефицит исследований, посвященных именно псковской интеллигенции, обусловлен, в первую очередь, недостаточной систематизации и анализу региональных архивных источников.

В последние десятилетия интерес к местной истории значительно вырос, стимулируя изучение ранее недоступных или малоизученных материалов. Региональные архивы Псковской области хранят обширный массив документов, потенциально способных значительно обогатить наше понимание истории местной интеллигенции. Однако эффективное использование этих источников требует не только тщательной обработки и описания, но и разработки специфических методологических подходов, учитывающих специфику различных типов документов и сложную социальную структуру интеллигенции [13, с. 191].

Настоящая статья нацелена на систематизацию и анализ документальных источников регионального архива Псковской области, раскрывающих историю местной интеллигенции во второй половине XX в. Первоочередно мы рассмотрим различные категории документов, включая личные фонды, фонды общественных организаций (творческих союзов, обществ и др.), а также документы партийных органов. Особое внимание уделяется особенностям использования этих источников, включая методы критического анализа и выявление потенциальных ограничений. Кроме того, мы отметим вопрос дифференциации интеллигенции по типам (гуманитарная, техническая, научная и др.) и возможности использования архивных источников для исследования специфики развития этих типов в Псковской области. На наш взгляд, подобные рекомендации позволят улучшить качество исторических исследований и способствовать более полному пониманию роли и вклада псковской интеллигенции в историю региона [12, с. 130–131].

Для начала следует отметить, что документы были систематизированы и классифицированы по двум признакам: времени создания и принадлежности к конкретным местным учреждениям. Такой подход позволил упорядочить материалы и обеспечить более точный анализ. Исследование сосредоточено на второй половине XX в., преимущественно на 1960–1970-х гг., учитывая активизацию деятельности общественных организаций и институтов в этот период, а также завершение поствоенного восстановления региона после оккупации Псковщины в годы Великой Отечественной войны.

Исследование истории псковской интеллигенции второй половины XX в. опирается на комплекс архивных источников, систематизированных по трем основным

группам, каждая из которых обладает специфическими особенностями и методологическими ограничениями.

Во-первых, следует выделить материалы фондов личного происхождения. Данная категория представляет собой уникальный материал, содержащий письма, дневники, рукописи, фотографии, переписку, позволяющие реконструировать биографии отдельных представителей интеллигенции, их взгляды, ценностные ориентации и жизненный путь. Анализ личных фондов позволяет выйти за рамки официальных нарративов и получить более глубокое понимание индивидуальных судеб [1].

В данном случае следует отметить, что работа с личными фондами требует тщательного критического анализа, учитывая субъективность и избирательность сохранившейся информации. Важно то, что личные фонды позволяют исследовать представителей всех типов интеллигенции, от гуманитариев до инженеров и врачей, ученых и т.д.

Во-вторых, следует отметить не менее важную группу – это документы общественных организаций. Они представляют собой не менее значимый объем информации для исследования истории псковской интеллигенции, в силу более четкой систематизации материала. Архивы творческих союзов [10, 11] (Региональное отделение Союза писателей, Региональное отделение Всероссийского театрального общества, Региональное отделение Союза художников СССР), научно-просветительских обществ (например, Псковское областное отделение общества «Знание») [6] и профессиональных объединений (Псковский областной Совет Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов) [8] содержат обширный материал, освещающий различные аспекты профессиональной деятельности, творческих аспектов и взаимоотношений представителей интеллигенции. Анализ протоколов заседаний, отчётов о деятельности, внутренней переписки, а также творческих работ членов организаций позволяет реконструировать эволюцию интеллектуальной и культурной жизни Псковской области во второй половине XX в., проследить динамику внутри профессиональных сообществ, выявить ведущие тенденции и влияния.

Важно подчеркнуть, что высокая степень профессиональной сегментации этих организаций представляет хорошую возможность для изучения специфики различных типов интеллигенции. Так, анализ материалов общества «Знание» [7] позволяет рассмотреть гуманитарный сектор, включая литературу, изобразительное искусство и т.д. В то же время, архивы общества изобретателей и рационализаторов, [9] а также соответствующие разделы в документах других организаций дают ценную информацию о технической интеллигенции, инженерах и изобретателях. Аналогичным образом можно выделить материалы, касающиеся научной и педагогической интеллигенции, в частности в фонде регионального отделения общества «Знание».

Однако при работе с данными источниками необходимо учитывать влияние партийного контроля, которое определяло многие аспекты деятельности общественных организаций в советский период. Идеологическая цензура, административные указы и требования соответствия партийной линии могли исказить реальную картину интеллектуальной и культурной жизни, поэтому критический анализ источников и учёт контекстуальных факторов являются необходимыми условиями для получения более достоверных результатов.

В-третьих, исследование истории псковской интеллигенции невозможно без обращения к документам партийных органов, в первую очередь, архивам Псковского областного комитета КПСС. В частности, материалы отдела агитации и пропаганды [2] представляют собой ценный, хотя и идеологически окрашенный, источник информации о влиянии советской идеологии на культурную жизнь региона. В отдельных аспектах

они позволяют проследить взаимодействие интеллигенции с властью, выявить случаи политического преследования (если подобные имелись в регионе) и оценить роль партийного контроля в формировании культурной политики [4]. Однако критический подход к анализу этих документов является обязательным условием, так как их объективность ограничена идеологической ангажированностью и тенденциозностью.

Особый интерес представляют материалы промышленно-транспортного отдела [5] и отдела науки и высшего образования [3] обкома КПСС. Они дополняют и расширяют информацию, полученную из архивов общественных организаций, в частности, общества изобретателей и рационализаторов. Анализ этих документов позволяет проследить деятельность технической и научно-педагогической интеллигенции в контексте планов экономического и научного развития Псковской области, выявить роль инженеров и изобретателей в индустриализации региона и оценить их вклад в технический прогресс. Подобную информацию, дополняющую общую картину, можно обнаружить и в других отделах обкома КПСС, что расширяет возможности сравнительного анализа и позволяет получить более полное представление о роли интеллигенции в различных аспектах развитии региона в указанный период.

Глубокое исследование истории псковской интеллигенции предполагает комплексное использование всех вышеперечисленных материалов, учитывая специфику каждого типа интеллигенции. Сравнение данных из личных фондов с официальной документацией позволяет выявлять противоречия, дополнять и уточнять имеющуюся информацию. Анализ документов общественных организаций в контексте партийных материалов помогает оценить степень влияния идеологических факторов на творческую жизнь региона и её различных сегментов. Сопоставление информации из различных отделов обкома позволяет выявить специфику взаимодействия власти с разными типами интеллигенции.

В заключении отметим, что документы региональных архивов Псковской области представляют собой полезный, но неоднородный источник информации по истории местной интеллигенции. Систематическое изучение этих источников, с учетом их специфики и применением методов критического анализа, позволяет реконструировать более полную и объективную картину развития псковской интеллигенции в второй половине XX в., выявить внутреннюю структуру интеллектуального сообщества и проанализировать сложные аспекты взаимодействия интеллигенции, например, с государственной властью. Однако достигнутые результаты требуют углубления, ориентированного на более детальное изучение отдельных периодов и аспектов истории псковской интеллигенции, расширение источниковой базы и постоянный анализ и улучшение методологии исследования, учитывающей специфику различных типов интеллигенции и методы работы с неоднородными источниками.

1. Будник, Г. А. Материалы фондов личного происхождения советской интеллигенции как исторический источник / Г. А. Будник // Интеллигенция и мир. – 2016. – № 4. – С. 117–122.
2. Государственный архив Псковской области (далее – ГАПО). – Ф. 1219. Оп. 63. Д. 57.
3. ГАПО. – Ф. 1219. Оп. 63. Д. 59.
4. ГАПО. – Ф. 1219. Оп. 75. Д. 80.
5. ГАПО. – Ф. 1219. Оп. 75. Д. 85.
6. ГАПО. – Ф.Р-1800. Оп. 1. Д. 117.
7. ГАПО. – Ф.Р-1800. Оп. 1. Д. 211.
8. ГАПО. – Ф.Р-2746. Оп. 1 Д. 58.
9. ГАПО. – Ф.Р-2746. Оп. 1. Д. 146.
10. ГАПО. – Ф.Р-37. Оп. 1, Д. 3.
11. ГАПО. – Ф.Р-37. Оп.1. Д. 103.
12. Сабенникова, И. В. Теория архивоведения: становление принципов и метода классификации исторических документов / И. В. Сабенникова // История и архивы. – 2024. – № 2. – С. 129–139.
13. Шаповал, Е. Ю. Последние достижения исторической науки на службе регионального архива / Е. Ю. Шаповал // Вестник Воронежского государственного университета. – 2010. – № 1. С. 190–195.

Денисов М.Н.

ДОКУМЕНТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ФОНДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО НАУЧНОГО АРХИВА НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ БЕЛАРУСИ

Становление академической науки в Беларуси традиционно связывают с созданием в 1922 г. Института белорусской культуры, реорганизованного в 1929 г. в Белорусскую академию наук [5, с. 3]. Несмотря на исторически небольшой срок её существования, уже сейчас актуальным является вопрос о сохранении её документального наследия. Крупнейшим комплексным собранием документов по истории академии наук является Центральный научный архив НАН Беларуси (далее – ЦНА НАНБ), большинство материалов которого представлено документами учреждений и подразделений академии наук, а также коллекцией личных дел её сотрудников [1, с. 232–233]. Помимо этого, в архиве хранятся материалы персональных фондов академиков и сотрудников НАН Беларуси, которые в значительной степени раскрывают проблемы развития белорусской науки во второй половине XX в.

Цель исследования – дать обзорную характеристику материалов персональных фондов, хранящихся в ЦНА НАН Беларуси.

Стоит отметить, что, в академии наук имеется более комплексное собрание персональных фондов учёных – Центр исследований старопечатных изданий и рукописей Центральной научной библиотеки им. Якуба Коласа. Обзору хранящихся в нём материалов посвящена статья сотрудника центра Д.А. Крента [2], в которой он раскрывает проблемы комплектования фондов библиотеки академии наук данными материалами, их содержание и информационный потенциал, а также причины, по которым главным собранием документов личного происхождения является академическая библиотека.

В поле нашего зрения будут находится именно фонды ЦНА НАНБ. Среди них можно выделить комплекс персональных фондов белорусских археологов, которыми комплектовался Архив археологической научной документации Института истории [3, с. 242], вошедший в состав ЦНА НАНБ в 2014 г. в качестве отдельного фонда, однако данные материалы в настоящий момент не описаны.

Среди прочих, следует отметить личный фонд В.Н. Перцева. С 1921 г. В.Н. Перцев работал в Беларуси, в 1940 г. был избран действительным членом Академии наук БССР, а в 1943 г. был избран академиком-секретарём отделения общественных наук АН БССР. На протяжении многих лет учёный являлся депутатом Верховного совета БССР [4, с. 130].

В 1965 г., документы личного фонда В.Н. Перцева поступили на хранение в архив АН БССР. Материалы фонда представлены рукописями статей и монографий В.Н. Перцева, посвящённые проблемам средневековой истории, истории Западной Беларуси, очерками по истории развития исторической науки в БССР, переводами трудов зарубежных авторов, материалами по деятельности В.Н. Перцева в качестве депутата Верховного совета БССР [7].

В 2019 г. на хранение в ЦНА НАНБ поступили документы белорусского историка, кандидата исторических наук Н.В. Токарева. Сферой научных интересов Н.В. Токарева была история академической науки в Беларуси. В 1982 г. им была защищена кандидатская диссертация по теме «Создание и развитие Академии наук Белорусской ССР (1929–1941 гг.)». В 2016 г. вышла его монография «Академия наук Белорусской ССР: годы восстановления и развития (1945–1991)» [6]. Данное обстоятельство нашло отражение и в материалах фонда, представленных копиями и выписками из документов государственных архивов Республики Беларусь и

Российской Федерации, в которых отражены наиболее важные решения органов государственной власти, относящиеся непосредственно к академии наук. Помимо этого, документальный состав представлен рукописями научных работ, публицистическими материалами об академиках АН БССР, отзывами и рецензиями. Особую ценность представляет коллекция фотографий, на которых запечатлены этапы становления и развития АН БССР в предвоенные годы [8].

Научную значимость представляют материалы персональных фондов академиков АН БССР А.В. Лыкова, Н.Н. Сироты и Б.И. Степанова, приглашённых в 1950-е гг. руководством АН БССР на должности руководителей структурных подразделений академии с присвоением званий академиков, и активно развернувших свою деятельность в стенах учреждения [6, с. 93–94].

Возглавляемый академиком АН БССР А.В. Лыковым в 1956–1974 гг. Институт тепло- и массообмена (до 1963 г. – Институт энергетики) достиг значительных успехов в разработке проблем теплофизики и внедрении результатов исследований в народное хозяйство, а сам учёный был удостоен множества государственных наград. В 1957–1974 гг. А.В. Лыков являлся главным редактором всесоюзного «Инженерно-физического журнала» [4, с. 104], материалы редакции которого в настоящий находятся хранятся в ЦНА НАНБ.

Совместно с материалами редакции журнала за 1958–1962 гг. в фонд поступили также документы личного фонда А.В. Лыкова. Документы были включены в общую опись и отражают деятельность А.В. Лыкова на должности главного редактора журнала. Материалы фонда включают в себя рукописи трудов А.В. Лыкова, написанные им в том числе в соавторстве с учёными СССР [12, л. 6], отзывы, рецензии и газетные заметки авторства А.В. Лыкова [12, л. 12; 13, л. 5], отчёты о работе [12, л. 20], переписку по вопросам публикации материалов в журнале и др.

Интересным в данном контексте нам видится хранящийся в фонде отчёт о командировке А.В. Лыкова в Польшу в 1958 г. [12, л. 27]. В ходе данной командировки исследователь принял участие в съезде энергетиков Польши, организованном Польской академией наук, в рамках которого он участвовал в обсуждении плана энергетического развития республики на ближайшие годы. Особую важность в отчёте А.В. Лыков придал посещениям советской делегацией крупнейших тепловых электростанций страны, а также Института энергетики Министерства промышленности Польши, во время которых учёные ознакомились с исследованиями на их базе, а также рядом разработок, которые впоследствии могли бы быть внедрены на предприятиях на территории СССР [12, л. 28].

Важной составляющей документов фонда является переписка А.В. Лыкова с зарубежными исследователями. В рамках данной переписки учёным были налажены контакты с представителями ведущих научных учреждений множества зарубежных стран: Великобритании, ФРГ, Японии, Северной Кореи, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Венгрии и др. [14, л. 1, 3, 17, 27; 15, л. 5].

В 1956 г. академиком АН БССР был избран Н.Н. Сирота, возглавивший в 1957 г. Отдел физики твёрдого тела и полупроводников, преобразованный в 1963 г. в институт [4, с. 151]. Научно-исследовательская работа института была тесно связана с потребностями современной на тот момент техники в новых материалах. Находясь во главе института, Н.Н. Сирота внёс большой вклад в решение данной проблемы, а также в развитие принципиально новых исследований в области материаловедения. В результате учёными института был открыт ряд новых полупроводниковых материалов, перспективных для использования в электронной технике.

Научные достижения института отражены в материалах его фонда, также хранящимся в ЦНА НАНБ. В состав фонда вошли персональные материалы

Н.Н. Сироты за 1970–1972 гг. Помимо включённых в них рукописей, отзывов и рецензий, отчётов о работе, особую ценность представляет переписка Н.Н. Сироты с представителями предприятий военно-промышленного комплекса СССР, а также зарубежными предприятиями, производящими электронную технику [9, л. 130; 11, л. 105]. И те, и другие высоко отзывались о научных разработках института в целом, и его руководителя в частности. Так, например, в переписке с научными организациями и предприятиями ВПК, учёный совет института просит поддержать выдвижение Н.Н. Сироты академиком АН СССР, а представители данных организаций охотно поддерживают данную инициативу [9, л. 130–138].

Огромную часть материалов личного фонда, а также ярчайшим подтверждением признания заслуг Н.Н. Сироты на международном уровне, являются документы по организации им работы по проведению IV Международной конференции по химической связи в полупроводниках (1971 г.). В рамках данной работы в Минск были приглашены ведущие мировые исследователи в данном направлении. География представительства на данной конференции является весьма впечатляющей. Участие в конференции приняли учёные из США, Великобритании, Японии, ФРГ, ГДР, Нидерландов, Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Румынии, Финляндии, Франции, Канады, Польши, Индии [10, л. 36, 41, 109, 128, 164, 167]. Помимо переписки с участниками данной конференции, среди документов встречаются также присланные ими работы по тематике данной конференции [10, л. 215].

В 2021 г. на хранение в ЦНА НАНБ поступили материалы персонального фонда академика Б.И. Степанова, переданные его дочерью. В 1953 г., будучи избранным академиком АН БССР, Б.И. Степанов перешёл на работу в Институт физики и математики. С 1959 по 1985 гг. занимал должность директора Института Физики АН БССР. В 1967 г. был удостоен звания Заслуженного деятеля науки БССР. Помимо этого, Б.И. Степанов является лауреатом Государственных премий СССР и БССР [4, с. 158]. Многие годы работы учёного в АН БССР отмечены достижениями в области оптики, лазерной физики, люминесценции, спектроскопии и квантовой физики. Значительную часть фонда Б.И. Степанова составляют материалы о его преподавательской деятельности – конспекты лекций по различным дисциплинам. Кроме них, в фонде традиционно представлены рукописи работ, отзывы и рецензии, а также черновые материалы [16]. Особого внимания заслуживают научно-популярные очерки авторства Б.И. Степанова, посвящённые выдающимся учёным прошлого: И. Ньютону, М.В. Ломоносову, М. Планку и др. В данных работах можно заметить талант учёного как популяризатора науки. Кроме того, на их страницах можно наблюдать попытки Б.И. Степанова показать преемственность между представителями науки прошлого и настоящего [17, д. 36, л. 1, 77, 97].

Таким образом, материалы персональных фондов включают в себя документы о деятельности белорусских учёных, работавших в различных направлениях науки: история, археология, энергетика, физика и др. Представленные документы всесторонне характеризуют деятельность учёных, их повседневность, и являются важным свидетельством признания достижений белорусской академической науки как на всесоюзном, так и на международном уровне. Из этого следует, что персональные фонды ЦНА НАН Беларуси являются важным источником по истории науки в Беларуси во второй половине XX в.

1. Денисов, М. Н. Документы ЦНА НАН Беларуси как источник по истории промышленного развития Беларуси в 1944–1991 гг. / М. Н. Денисов // Актуальные проблемы источниковедения : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 27–29 апреля 2023 г. В 2 т. Т. 2 / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А. Н. Дулов и М. Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2023. – С. 232–234.

2. Крэнт, Дз. А. Матэрыялы асабістых фондаў цэнтра даследаванняў старадрукаў і рукапісаў як крыніца па гісторыі акадэмічнай навукі Беларусі XX ст. / Дз. А. Крэнт // Беларускі гістарычны часопіс. – 2025. – № 2. – С. 32–35.

3. Мядзведзева, В. У. Археалагічная навука Беларусі ў датах і лічбах / В. У. Мядзведзева // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2010. – Вып. 19. – С. 238–243.
4. Национальная академия наук Беларуси. Персональный состав. 1923–2003 / О. А. Гапоненко и [др.]. – 3-е изд., доп. и перераб. – Минск : БелЭн, 2003. – 336 с.
5. Национальная академия наук Беларуси: 1929–1999 / А. П. Войтович [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 1998. – 252 с.
6. Токарев, Н. В. Академия наук Белорусской ССР: годы восстановления и развития (1945–1991) / Н. В. Токарев. – Минск : Беларуская навука, 2016. – 247 с.
7. ЦНА НАНБ. – Ф. 3а. Оп. 1
8. ЦНА НАНБ. – Ф. 3д. Оп. 1 Д. 2–8, 18, 22, 29–33, 83–90.
9. ЦНА НАНБ. – Ф. 46. Оп. 1. Д. 305.
10. ЦНА НАНБ. – Ф. 46. Оп. 1. Д. 306.
11. ЦНА НАНБ. – Ф. 46. Оп. 1. Д. 352.
12. ЦНА НАНБ. – Ф. 56. Оп. 1. Д. 6.
13. ЦНА НАНБ. – Ф. 56. Оп. 1. Д. 44.
14. ЦНА НАНБ. – Ф. 56. Оп. 1. Д. 87.
15. ЦНА НАНБ. – Ф. 56. Оп. 1. Д. 131.
16. ЦНА НАНБ. – Ф. 114. Оп. 1. Д. 1, 3, 25, 49.
17. ЦНА НАНБ. – Ф. 56. Оп. 1. Д. 36.

Кононова П.Е.

ФОНД 791 НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ «МИНИСТЕРСТВО КИНЕМАТОГРАФИИ БССР» КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ БЕЛОРУССКОГО КИНЕМАТОГРАФА ПЕРВОГО ПОСЛЕВОЕННОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Ключевые слова: БССР, киноискусство, кинематограф, Министерство кинематографии БССР, первое послевоенное десятилетие, архивные документы.

Великая Отечественная война изменила направление дальнейшего развития киноискусства БССР, перед которым с этого времени были поставлены новые задачи. Кинематограф нуждался в восстановлении, потому руководству республики необходимо было взять его под свой всесторонний контроль. Мероприятия по послевоенному возрождению области кино в течение 1946–1953 гг. представлены в документах фондов Национального архива Республики Беларусь (далее – НАРБ).

Серьёзным шагом руководства республики в этой области стало образование Министерства кинематографии БССР в мае 1946 г. [2, л. 1]. В его функции входило повышение качества кинокартин, обеспечение выпуска на экраны “высокоидейных” по содержанию кинофильмов, развитие и расширение кинодела [1, л. 103]. Согласно приказу по министерству от 22 мая 1946 г., «образование Министерства Кинематографии БССР еще раз свидетельствует о постоянной заботе Советского Правительства и коммунистической партии о росте культуры Белорусского народа. Оно предполагает, прежде всего, объединение всех сил кинематографии Белоруссии, для активной, плодотворной работы по расширению производства кинофильмов и увеличению киносети» [2, л. 3]. В связи с важнейшей ролью министерства в развитии послевоенного киноискусства республики, его многочисленные функции привели к образованию большого количества документов, которые хранятся в отдельном фонде № 791 в НАРБ. Документы фонда редко изучались исследователями, многие дела ни разу не заказывались учёными, что обуславливает актуальность их источниковедческого обзора.

Фонд 791 представлен различными видами источников по развитию киноискусства первого послевоенного десятилетия до упразднения министерства в мае 1953 г. Фонд состоит из двух описей объёмом 207 и 14 дел. В первой описи содержатся такие категории документов, как копии и проекты постановлений и распоряжений Советов Министров СССР и БССР, приказы и циркуляры Министерств кинематографии СССР и БССР,

протоколы заседаний коллегии, совещаний работников министерства, планы развития киносети, её эксплуатации, отчёты министерства, киностудии «Беларусьфильм», документы о финансово-хозяйственной деятельности и др.

Распорядительная документация, представленная в описи приказами и распоряжениями, содержит ценные сведения о формировании государственной политики в области кино первого послевоенного десятилетия. Министром кинематографии БССР был назначен Н.Ф. Садкович, который в своём приказе по министерству от 13 мая 1946 г. сообщил, что «с сего числа приступил к выполнению обязанностей» [2, л. 1]. Так, министр давал приказы и распоряжения по министерству о производстве киножурналов «Советская Беларусь» [2, л. 52–53], запуске фильмов в производство [6, л. 26], изменении объёма кинофильмов (с 2-х частей до 4-х) [7, л. 39], оказании помощи строительству сельских кинотеатров [2, л. 14], по личному составу, например, о командировании работников для проверки работы киносетей по областям [6, л. 193] и т.д.

Первое послевоенное десятилетие в киноискусстве БССР характеризуется таким явлением, как синкретизм кино, театра и литературы. Так, в создании произведений кинематографа принимали активное участие не только деятели кино, но и белорусские писатели и актёры театров. В фонде сохранился проект постановления ЦК КП(б)Б «О создании белорусских кинокартин» в июне 1947 г., в котором содержится информация о том, что к работе в области кинематографии привлекались национальные кадры – режиссёры, писатели, актёры. Было решено освободить писателей К. Крапиву и М. Лынькова от всех обязанностей в общественных и других организациях сроком на три месяца для написания сценария «Народные мстители» [1, л. 81]. О привлечении актёров белорусских театров свидетельствует, например, докладная записка директора Белорусского государственного драматического театра им. Янки Купалы В.М. Стельмаха заместителю председателя Совета Министров БССР П.А. Абрасимову от 22 февраля 1949 г.: «В основу выполнения заданного нам плана положен исключительно жесткий график работ, который у нас систематически срывается из-за частых отъездов артистов т.т. Глебова Г.П., Дедюшко В.И., Стомма З.Ф. на съемки в фильме «Константин Заслонов». Придавая большое значение участию наших артистов в создании такой картины, как «Константин Заслонов», тем не менее не могу не обратить Вашего внимания на то, что частые их отъезды ставят наш театр в нынешних новых условиях работы в исключительно тяжелое положение и приводят нас к недопустимым убыткам» [4, л. 36–37].

Документы фонда содержат важнейшую информацию о роли кинопроизведений как средства агитации населения к участию в общественно-политической жизни БССР: например, отчёт о проведенной работе по кинообслуживанию населения Белорусской ССР в период подготовки и проведения выборов в Верховный Совет СССР за 30 марта 1950 г.: «В период предвыборной кампании широко развернулась пропагандистская работа: перед киносеансами проводились доклады, беседы, лекции пропагандистов и агитаторов, выделенных партийными органами. Кинотеатры и кинопередвижки выпускали световые газеты, посвященные избирательной кампании» [5, л. 35]. Отмечалось, что в течение всего периода подготовки и проведения выборов в кинотеатрах республики и передвижной киносети демонстрировались только советские кинофильмы и киножурналы, посвящённые выборам в Верховный Совет СССР [5, л. 38].

Результатом активной деятельности министерства и его взаимодействия с государственными и союзными органами стали отдельные дела, состоящие из переписки Министерства кинематографии БССР с ЦК, районными комитетами КП(б)Б, Советом Министров БССР, Министерством кинематографии СССР о съёмке и производстве художественных кинофильмов, хроникальных журналах киностудии «Беларусьфильм», вопросах съёмки спектаклей, дубляже кинофильмов, состоянии

сельского кинообслуживания республики и дикторских текстах кинофильмов. Такая категория документов, как письма, в фонде Министерства кинематографии БССР НАРБ довольно полно демонстрирует аспекты его деятельности, доказывает его роль как связующего звена между союзными и республиканскими органами и подконтрольными инстанциями министерства, например, студией «Беларусьфильм».

В первое послевоенное десятилетие киноискусство характеризовалось небольшими объёмами производства художественных кинофильмов и преимущественной ориентацией на выпуск документальных очерков и киножурналов. Об этом свидетельствуют письма министра кинематографии БССР. Так, он отмечал, что киностудия «Беларусьфильм» приступила к съёмкам документальных фильмов по восстановлению народного хозяйства БССР, о переселении колхозников и крестьян из землянок в новые дома [3, л. 32, 61]. Были выпущены документальные фильмы «Белоруссия», «Советская Белоруссия», «Мастера сцены», «Слуга народа», «Чудесная земля» и др. [3, л. 112;176; 5, л. 26]. В течение пяти послевоенных лет были выпущены только два художественных фильма – «Новый дом» и «Константин Заслонов» [5, л. 40–41].

В белорусской республике регулярно выходили киножурналы «Советская Беларусь», «Навіны дня» «Пионер» на различные сюжеты [9, л. 19–20]. Сведения о них можно также найти в 791 фонде НАРБ. Как отмечалось в справке Министерства кинематографии БССР за 1952 г., «над созданием периодических журналов успешно трудится группа старейших опытных кинохроникеров, работающих в белорусской кинематографии 15–20 лет (кинооператоры – Лауреат Сталинской премии В. Цитрон, операторы М. Беров, В. Цеслюк, С. Фрид, Г. Вдовенков и другие)…Кинохроникеры изо дня в день создают славную кинолетопись трудовых будней белорусского народа. В киножурналах запечатлены наиболее важные политические события, трудовые подвиги трудящихся Белоруссии. Через киножурнал зритель систематически знакомится с достижениями Республики в области промышленности сельского хозяйства, науки культуры и техники» [8, л. 137–138].

Этапы написания сценария, съёмки, обработки, выпуска, демонстрации кинопроизведения контролировались, прежде всего, Министерством кинематографии БССР, что подтверждается также в хранящихся документах фонда, например, в деле, посвящённом кинофильму «Беловежская пуща» [12]. В заявке-аннотации для цветного фильма отмечено, что его задача – «показать весь этот многообразный мир животных и растений Беловежской лаборатории природы, охраняемый, направляемый и изучаемый советским человеком, красоту и богатства одного из величайших заповедников Советского Союза» [12, л. 3]. После сценария в деле отложились приказы Н.Ф. Садковича об исправлениях в сценарии [12, л. 99], об отмене по просьбе партийной и общественных организаций киностудии решения об отстранении от съёмки режиссёра-постановщика В.В. Эйсымонта за «бестактные и аморальные поступки», назначении В.В. Корш-Саблина художественным руководителем фильма [12, л. 100], протоколы заседаний коллегии министерства [12, л. 102–105], письма студии «Беларусьфильм» [12, л. 158]. Подобные дела имеются и на фильм-спектакль «Павлинка» [13], киноочерк «Народный поэт» [11].

В фонде содержатся также дикторские тексты киножурналов и киноочерков киностудии «Беларусьфильм» [10]. К ним прилагаются письма: например, директора студии П. Маргалика и художественного руководителя В. Корш-Саблина заместителю министра кинематографии БССР Н.И. Гастиловичу об отправке «исправленного дикторского текста журналов № 8 и 9 на утверждение» [10, л. 102], к которому прилагаются сами дикторские тексты выпусков «Встреча тов. К.Е. Ворошилова с выборщиками» и «Встреча тов. П.К. Пономаренко с выборщиками» [10, л. 104–105].

Вторая опись фонда 791 представлена личными делами на выбывших работников области кино, которые представлены личными листками по учёту кадров с личными данными, сведениями об образовании, карьере, автобиографиями, характеристиками и т.д. (например, на заместителя директора «Советская Беларусь» Г.Я. Шандыбина [16, л. 202–206], кинорежиссёров Л.В. Голуба [14, л. 1–15] и Г.З. Ломидзе [15, л. 332–335]). В документах отмечались и отрицательные качества сотрудников. Например, в характеристике на Л.В. Голуба написано, что он как режиссёр-постановщик «не сумел четко организовать работу постановочной группы, допустил перерасход по прямым затратам на производства этого фильма [«Советская Белоруссия» – *П.К.*], неоднократными переделками и поправками затянул выпуск Фильма на экран на полгода, против установленного срока» [14, л. 10]. Также отмечалось, что режиссёр не принимает участия в общественной жизни студии [14, л. 10].

Таким образом, фонд 791 «Министерство кинематографии БССР» НАРБ содержит ценные документы, которые позволяют довольно полно и целостно реконструировать развитие киноискусства белорусской республики в первое послевоенное десятилетие. Он содержит разнообразные источники, которые дополняют друг друга и тем самым позволяют представить общее положение кинематографа в исследуемый период, а также исследовать ряд частных вопросов. Министерство кинематографии БССР занимало промежуточное место между властями республики и местными органами кинофикации, киностудией «Беларусьфильм» и др., что обусловило специфику хранящихся в фонде документов.

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 47. Д. 100.
2. НАРБ. – Ф. 791. Оп. 1. Д. 7.
3. НАРБ. – Ф. 791. Оп. 1. Д. 11.
4. НАРБ. – Ф. 791. Оп. 1. Д. 28.
5. НАРБ. – Ф. 791. Оп. 1. Д. 36.
6. НАРБ. – Ф. 791. Оп. 1. Д. 39.
7. НАРБ. – Ф. 791. Оп. 1. Д. 40.
8. НАРБ. – Ф. 791. Оп. 1. Д. 56.
9. НАРБ. – Ф. 791. Оп. 1. Д. 63.
10. НАРБ. – Ф. 791. Оп. 1. Д. 72.
11. НАРБ. – Ф. 791. Оп. 1. Д. 77.
12. НАРБ. – Ф. 791. Оп. 1. Д. 78.
13. НАРБ. – Ф. 791. Оп. 1. Д. 79.
14. НАРБ. – Ф. 791. Оп. 2. Д. 8.
15. НАРБ. – Ф. 791. Оп. 2. Д. 11.
16. НАРБ. – Ф. 791. Оп. 2. Д. 14.

Ауров О.В.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КАТАЛОНО-АРАГОНСКОГО ФЕОДАЛЬНОГО ПРАВА: ГЕНЕЗИС, ИСТОРИЯ ИЗДАНИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ключевые слова: феодализм, феодальное право, сеньор, вассал, феод, оммаж, Арагонская Корона.

Внимание к источникам средневекового феодального права Каталонии и Арагона связано с ролью этих исторических регионов, входивших в состав Арагоно-Каталонской унии (Арагонской Короны). Если ранее феодальные институты Каталонии и Арагона считались «маргинальными» по отношению к «классической» модели феодализма, которая ассоциировалась, в первую очередь, с северо-восточной Францией, но начиная с 1970–1980-х гг. ситуация коренным образом изменилась. Работы

П. Боннасси (1932–2005), Э. Манью-Нортье, Э. Дебакс [2; 4; 9] и ряда других исследователей [1] полностью изменили отношение к феодальным институтам Каталонии. В частности, именно там впервые появился оммаж – вассальный контракт, ключевой элемент феодального права, позволивший связать воедино три остальные феодальные институты – сеньориальную власть, вассалитет и феод. Отсюда – интерес к каталоно-арагонским источникам, проявляемый медиевистами, не занимающимися Арагоном или Каталонией.

Прежде всего, выделю «Барселонские обычаи» (лат. *Usatici Barcinone*, ст. катал. *Usatges de Barcelona*) – свод постановлений суда курии графов Барселоны, изначально распространявшихся лишь на территорию Старой Каталонии, а затем – и на всю территорию графства. Древнейшая часть свода традиционно связывается с именем графа Рамона-Беренгера I Старого (1035–1076), который, как считается, придал ей статус источника права в 1058 г., назначив редактором судью Понса Бонфилля Марка. Следующая стадия развития памятника связана с серединой XII в., когда граф Рамон-Беренгер IV (1131–1162) около 1149/1151 г. провозгласил расширенную версию кодификации, но основное содержательное ядро памятника (174 обычая-*usatici*) в его изначальной латинской редакции сложилось еще позднее – при короле Жауме I Завоевателе (1213–1276). Круг источников, к которым восходят эти постановления, достаточно широк – от «Книги приговоров» (Вестготской правды) до *interpretationes* к «Бревиарию Алариха», «Этимологий» Исидора Севильского и норм канонического права [11, p. 9–16].

Изначально сложились четыре части, первая из которых касалась уголовного права, вторая – исков, третья – вассально-сеньориальным отношениям, а четвертая – клятв верности. Ко второй половине XIII в. к ним добавилась пятая часть, куда вошли т.н. «постановления о мире и перемирии», отражающие посредническую роль Церкви в деле предотвращения и прекращения усобиц (институт т.н. «Божьего мира»). После этого общее число «обычаев» составило 174 [9, p. 17–19]. К настоящему времени существуют два издания, содержащих параллельные латинский и старокаталонскй тексты. Публикация Ж. Бастардаса воспроизводит раннюю версию Рамона-Беренгера IV [10]. Издание Ф. Вальса Табернера представляет полную версию (174 «обычая») [11]. Основного внимания заслуживает регламентация вассально-сеньориальных отношений, прежде всего – оммажа (Usatges. 20 (us. 23), 72 (us.92), 97(us.120), 111 (us. 132), 118 (us. 76) и 123 (us. 81)).

«Большая книга феодов» (*Liber Feudorum Formae Maioris*) (начало XIII в.). Рукопись памятника хранится в Архиве Арагонской Короны в Барселоне под шифром ACA. Real Cancillería. Registros. núm. 1 [6]. Этот королевский картулярий был составлен юристом Рамоном де Кальдесом, деканом Барселонского собора (1162–1199) между 1194 и 1196 гг. Он включил документы конца IX – начала XIV вв., закреплявшие права на феодальные владения правителей Арагонской Короны. Часть документов были включены в картулярий уже после смерти Рамона де Кальдеса. Картулярий был вручен королю Арагона Альфонсу II Целомудренному (1162–1196). В настоящее время памятник включает 119 листов, содержащих 71 миниатюру, причем 45 прямо связаны с конкретными документами, как бы «иллюстрируя» их содержание. Впоследствии утраченная часть картулярия была использована Ф. М. Роселем для реконструкции памятника, которая вышла в свет в 1945 г. [5]. Однако, при всем значении этой реконструкции, она не свободна от недостатков любых позднейших реконструкций такого рода. Важность «Большой книги феодов» как исторического источника, в полном мере оцененная исследователями, определяется теми возможностями для исследования феодальных институтов средневековой Каталонии начала высокого Средневековья, которые он предоставляет. Параллельный анализ содержания копий документов, с

одной стороны, и миниатюр, с другой, позволяет рассмотреть эти институты как целостную систему организации общества, власти и имущественных отношений.

Из числа памятников арагонского права для решения аналогичных задач в работе использованы две версии кодификации форального права Арагона. Решение о ее подготовке провозгласил на кортесах 1247 г. в Уэске король Жауме I. Кодификация на латинском языке была составлена в 1247–1252 гг. под руководством Видаля де Канельяс (ум. после 1253 г.), епископа Уэски, учившегося в школе при Барселонском соборе, а затем – в Болонском университете и являвшегося квалифицированным юристом. Последнее объясняет влияние традиции *ius commune* на подготовленную им кодификацию, которая была представлена в двух версиях. Речь идет о «Большой компиляции» (лат. *Compilatio maior*), известной также под пафосным названием «Книга в вышних» (лат. *Liber in Excelsis*), по начальным словам латинского текста «В вышних сокровищах Божьих» (лат. *In excelsis Dei Thesauris*), а также т.н. «Малой компиляции» (*Compilatio minor*), где те же сюжеты были представлены в сокращенном виде. В 1265 г. статус «Большой компиляции» подтвердили арагонские кортесы в Эхеа. В 1283 г. король Жауме II своей «Генеральной привилегией» распространил действие «Фуэро Арагона» на всю территорию королевства, а в 1287 г. эту норму повторила «Привилегия унии» (действовавшая до 1348 г.).

«Большая компиляция» подразделяется на 9 книг, что в содержательном плане соответствует первым девяти книгам Кодекса Юстиниана (C. I–IX), составлявшим единую – четвертую, предпоследнюю, – часть средневековой версии Свода Юстиниана (в то время, как оставшиеся три книги (C. X–XII), как менее значимые по содержанию, входили в состав т.н. *Volumen parvum*, относившийся к пятой части). Ее латинская версия не сохранилась, а романская – на арагонском диалекте с наваррскими влияниями, – известна как «Большой Видаль», иллюминированная рукопись датируется периодом 1290–1310 гг. и содержит 156 миниатюр; в настоящее время он хранится в музее Фонда Пола Гетти (Ms. Ludwig XIV 6). Среди прочего, в седьмой книге присутствует и отдельный титул, специально посвященный оммажу (Vidal Mayor. VII.319). Наиболее совершенным из существующих является критическое издание памятника 1997 г. [12].

Что же касается «Малой компиляции», которая, несмотря на свое название, заняла центральное положение в правовой системе Арагона начиная с XIV в., когда она оттеснила на задний план «Большую компиляцию», то завершающая фаза редактирования ее латинского текста относится к периоду около 1300 г., тогда как в романской версии она сохранилась лишь фрагментарно [7]. Текст «Малой компиляции» подразделяется на восемь книг. Применительно к тематике настоящей работы особого внимания заслуживает содержание шестой книги, один из титулов которой (Fueros de Aragón. VI.4) специально посвящен институту оммажа. Критический текст был опубликован в 2010 г. А. Пересом Мартином и это издание и было использовано в настоящем исследовании [7].

В докладе были предложены конкретные направления и методы исследования всех перечисленных источников и представлены некоторые результаты этой работы.

1. Ауров, О. В. Нарисованный феодализм: заметки об одной барселонской иллюминированной рукописи XIII в. (Барселона. ACA. Real Cancillería, Registros, núm. 1) / О. В. Ауров // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании : материалы XXIX Международной научной конференции, Москва, 13–15 апр. 2017 г. – Москва : ИВИ РАН, 2017. – С. 66–68.

2. Bonnassie, P. Du Rhône à la Galice: genèse et modalités du régime féodal / P. Bonnassie // Stuctures féodales et féodalisme dans l'Occident méditerranéen (Xe–XIIIe siécles). – Rome : Ecole française de Rome, 1980. – P. 17–55.

3. Débax, H. La féodalité languedocienne (XIe-XIIe siècles). Serments, hommages et fiefs dans le Languedoc des Trencavel / H. Débax. – Toulouse : Presses Universitaires du Mirail, 2003. – 407 p.

4. Delgado Echeverría, J. El «Vidal Mayor», Don Vidal de Canellas y los Fueros de Aragón / J. Delgado Echeverría // Revista de Derecho Civil Aragonés. – 2009. – Vol. 15. – P. 11–21.

5. Liber Feudorum Maior. Cartulario real que se conserva en el Archivo de la Corona de Aragón / reconstrucción y edición por F. M. Rosell / 2 tt. – Barcelona : CSIC : Sección de estudios medievales de Barcelona, 1945.
6. Liber I et II feudorum forme majoris // PARES. Portal de Archivos Españoles. – URL: https://pares.mcu.es/ParesBusquedas20/catalogo/description/1931493 (date of access: 23.02.2025).
7. Los fueros de Aragón. La Compilación de Huesca / ed. crítica por A. Pérez Martín. – Zaragoza : El Justicia de Aragón, 2010. – 699 p.
8. Los Usatges de Barcelona / est., com., edición bilingüe por F. Valls Taberner. – Málaga, Barcelona : Departamento de Historia del Derecho. Universidad de Málaga ; Promociones Publicaciones Universitarias de Barcelona, 1984. – 147 p.
9. Magnou-Nortier E. Fidelité et féoldalité méridionales d'après les serments de fidelité (Xe-début XIIe siècle) / E. Magnou-Nortier // Les structures sociales de l'Aquitaine, du Languedoc et de l'Espagne au premier âge féodal. Colloques internationaux du CNRS, Sciences humanes, Toulouse, 28–31 mars 1968. – Paris : Éditions du CNRS, 1969. – P. 115–142.
10. Usatges de Barcelona. El Codi a mitjan segle XII / a cura de J. Bastardas. – Barcelona : Fundació Noguera, 1984. – 179 p.
11. Valls Taberner, F. El problema de la formació dels Usatges de Barcelona / F. Valls Taberner // Los Usatges de Barcelona / est., com., edición bilingüe por F. Valls Taberner. – Málaga, Barcelona : Departamento de Historia del Derecho. Universidad de Málaga ; Promociones Publicaciones Universitarias de Barcelona, 1984. – P. 9–16.
12. Vidal Mayor / edición, introducción y notas al manuscrito por M. D. Cabanes Pecour, A. Blasco Martínez, P. Pueyo Colomina. – Zaragoza : Libros Certeza, 1997. – 319 p.

Дорофеев Д.В.

ИСТОРИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США ДО 1789 Г.: ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ (1950–1980-Е ГГ.)

Ключевые слова: Библиотека Конгресса, внешняя политика, США, холодная война.

В начале холодной войны вопрос внутренней консолидации американской нации приобретал растущее значение. 17 мая 1950 г. президент Г. С. Трумен в своем выступлении в здании Библиотеки Конгресса по случаю публикации первого тома «Документы Томаса Джефферсона» отметил: «В то время, когда демократия сталкивается с величайшим вызовом в своей истории, мы должны обратиться к источникам нашей собственной демократической веры за новым вдохновением и новой силой. Эти тома Томаса Джефферсона станут огромным резервуаром надежды и веры в предстоящие критические годы. Я искренне надеюсь, что подобные издания трудов других великих людей, которые сделали нашу нацию такой, какая она есть сегодня, могут быть помещены вместе с ними» [3, p. 418]. В этой речи американский лидер поручил создать Национальную комиссию по историческим публикациям с целью подготовки к изданию документов людей, внесших вклад в историю страны [Ibid., p. 417]. Уже 17 февраля 1951 г. Национальной комиссией был представлен план, включавший порядка 60 исторических личностей [4, p. 29–30]; также была выдвинута инициатива по публикации материалов Континентального конгресса, ратификации Конституции и Билля о правах, Государственного департамента за период 1830–1860-х гг. План был утвержден президентом Г. С. Трумэном, что привело к принятию в 1954 г. «Национальной программы публикации исторических документов». В тексте источника отмечалось: «Дипломатическая история Соединенных Штатов была более полно освещена правительственной публикацией документов, чем любой другой аспект истории страны» [2, p. 8]. Эта оценка демонстрировала отсутствие приоритета для работы над изданием источников по внешней политике США до 1789 г.

Тем не менее, решения 1951 г. и 1954 г. дали старт началу работы над десятью изданиями: «Документы Адамсов» (1954); «Документы Бенджамина Франклина» (1954); «Избранные неопубликованные работы Джона Джея» (1955); «Документы Александра Гамильтона» (1955); «Документы Джеймса Мэдисона» (1956); «Документы Генри Лоуренса» (1961); «Документы Джорджа Вашингтона» (1968); «Документы Роберта Морриса» (1968); «Документы Лафайет: исследовательский проект» (1972);

«Документы генерала Натаниэля Грина» (1972). В этих изданиях, которые стали преимущественно достоянием академического мира только в 1960–1970-е гг., внешнеполитическая проблематика до 1789 г. не выделялась. Исключение составили лишь два тома: «Джон Джей: создание революционера, неопубликованные работы 1745–1780 годов» (1975) и «Джон Джей: завоевание мира, неопубликованные документы, 1780–1784 годов» (1980) [9–10] (примечательно, но именно этот сборник был признан особенно важным в изучении дипломатии Войны США за независимость [5, p. 483–486; 11, p. 363–365; 15, p. 160–162; 16, p. 890, 892; 19, p. 352–353]).

В середине XX в. началась работа по изданию документов создания и ратификации Конституции. В 1957 г. Национальная комиссия по историческим публикациям, получив грант от Фонда Форда, приступила к реализации проекта. Однако масштабы работы превысили первоначальное понимание объема, что затормозило темпы начала публикации до 1976 г. [12, p. 4–5].

Юбилейные даты исторических событий XVIII в. создавали конъюнктуру для привлечения внимания к публикации архивных материалов и ревизии рано вышедших изданий. Подписание 4 июля 1966 г. Публичного закона 89-491, учреждавшего Национальную комиссию по празднованию двухсотлетия Американской революции, побудил Библиотеку Конгресса к действиям. В 1969 г. сотрудники Отдела двухсотлетия Американской революции столкнулись с неожиданностью: впервые за десятилетия они стали рассматривать «документы Э. К. Бернетта», которые были переданы на хранение в их институцию, вместе с материалами Отдела исторических исследований Института Карнеги. При анализе этого фонда были обнаружены рукописные источники, не вошедшие в 8-томное издание «Письма членов Континентального конгресса» (1921–1936) под редакцией Э. К. Бернетта. Находка сразу же привела к тому, что материалы стали ценнейшими документами в Национальном архиве [18, p. 12]. Масштабы были настолько велики, что потребовалось два года и грант от Фонда Форда в размере 150 тыс. долл., чтобы создать цифровой индекс, облегчающий работу с материалами [6, p. 32]. С 1976 г. началась публикация 26-томного издания «Письма делегатов Конгрессу, 1774–1789», которое завершилось в 2000 г. [13].

Общей особенностью изданий было размещение материала по хронологическому принципу, в результате внешнеполитическая проблематика была встроена внутри большого объема информации.

Если в начале 1950-х гг., на фоне нарастания биполярной конфликтности и подготовки к 200-летию Американской революции, апелляция к истокам политической нации стимулировала публикацию архивных материалов, то, спустя четверть века, на протяжении 1970-х гг., эпоха разрядки побуждала к публикации документов по истории внешней политики, особенно в сфере двусторонних отношений. Единственным специализированным изданием был сборник «Россия и США: становление отношений (1765–1815)» (1980) [1]. В Соединенных Штатах работа была встречена критически: кроме политизации, редакторов упрекали за ограниченное понимание двусторонних отношений, тенденциозность отбора материала, стремление скрыть негативное восприятие элитами друг друга; применения права «вето» при рассмотрении документов; отсутствие международного контекста, особенно, игнорирование британского фактора в эволюции американо-российских отношений [8, p. 726–728; 14, p. 132].

Политический характер сборника сочетался и еще с одной тенденцией, проходившей в американской исторической науке: преобладание ревизионистов в академическом сообществе США привело к тому, что документы отбирались в контексте отношений между народами, а не внешней политики или дипломатии. Смещение акцента с официальных институтов на негосударственных участников,

особенно при рассмотрении вопросов до 1789 г., было следствием «культурного поворота».

В 1983 г. Национальный архив США принял решение о реализации проекта «Внешние отношения Соединенных Штатов» (FRUS – *Д.Д.*), который предполагал издание документов 1783–1789 гг. [17, p. 33]. На следующий год, в 1986 г., к работе подключилось внешнеполитическое ведомство, оказавшее материальную и техническую поддержку в обработке рукописных материалов. Несмотря на то, что были обработаны 2,6 тыс. источников, их публикация к 1991 г. не была начата [7, p. XVI–XVII].

В целом, подготовка и публикация документов на протяжении 1950–1980-х гг. характеризовалась устойчивой тенденцией – ограниченное внимание к проблематике истории внешней политики США до 1789 г. Тем не менее, издания способствовали расширению источниковой базы для исследования тематического поля.

1. Россия и США: становление отношений, 1755–1815 / М-во иностр. дел СССР и др., Гос. департамент США и др.; сост.: Н. Н. Башкина (СССР)..., Дж. Х. Браун (США) и др.; редкол.: С. Л. Тихвинский (СССР) ..., Д. Ф. Траск (США) и др. – М. : Наука, 1980. – 752 с.

2. A national program for the publication of historical documents: report to the President by National Historical Publications Commission / National Historical Publication Commission. – Washington: U.S. G. P. O., 1954. – 106 p.

3. Address on the Occasion of the Publication of the First Volume of the Jefferson Papers. May 17, 1950 // Public papers of the Presidents of the United States: Harry S. Truman: containing the public messages, speeches, and statements of the President, January 1 to December 31, 1950 / [Office of the federal register, National archives and records service, General service administration]. – Washington: U.S. G. P. O., 1965. – P. 416–418.

4. Annual Report on the National archives and records service from the Annual Report of the administrator of general services. For the Year Ending June 30, 1951. – Washington: U.S. G. P. O., 1952. – 34 p.

5. DeConde, A. Cantankerous Diplomat of Independence / Alexander DeConde // Reviews in American History. – 1980. – Vol. 8, №4. – P. 483–486. – Rev. op.: John Jay: The Winning of the Peace, Unpublished Papers, 1780–1784 / ed. by Richard B. Morris. – New York: Harper & Row, 1980. – 765 p.

6. General services administration. Annual Report 1971 / United States. General Services Administration. – Washinton: U.S. G. P. O., 1971. – 40 p.

7. Giunta, M. A. Acknowledgements / Mary A. Giunta // The Emerging Nation: A Documentary History of the Foreign Relations of the United States under the Articles of Confederation, 1780-1789: in 3 vols. / ed. by Mary A. Giunta, J. Dane Hartgrove. – Washington: National Historical Publications and Records Commission, 1996. – Vol. 1. – P. xvi–xx.

8. Griffiths, D. M. [Review] / David M. Griffiths // The William and Mary Quarterly. – 1981. – Vol. 38, №4. – P. 725–730. – Rev. op.: The United States and Russia: the beginning of relations, 1765–1815 / ed. by Nina N. Bashkina. – Washington: U.S. G.P.O., 1980. – 1184 p.

9. John Jay: The Making of a Revolutionary, Unpublished Papers 1745–1780 / ed. by Richard B. Morris. – New York: Harper & Row, 1975. – 866 p.

10. John Jay: The Winning of the Peace, Unpublished Papers, 1780–1784 / ed. by Richard B. Morris. – New York: Harper & Row, 1980. – 765 p.

11. Jones, H. [Review] / Howard Jones // New York History. – 1981. – Vol. 62, №3. – P. 363–365. – Rev. op.: John Jay: The Winning of the Peace, Unpublished Papers, 1780–1784 / ed. by Richard B. Morris. – New York: Harper & Row, 1980. – 765 p.

12. Kaminski, J. P. Documenting the Constitution: The Documentary History of the Ratification of the Constitution Project at the University of Wisconsin-Madison / John P. Kaminski // Wisconsin Academy Review. – 1996. – Vol. 42, Iss. 2. – P. 4–9.

13. Letters of delegates to Congress, 1774–1789: in 26 vols. / ed. by Paul Hubert Smith. – Washington: Library of Congress: For sale by the Supt. of Docs., U.S. G.P.O., 1976–2000.

14. Rieber, A. J. [Review] / Alfred J. Rieber // Russian History. – 1982. – Vol. 9, No. 1. – P. 132–133. – Rev. op.: The United States and Russia: the beginning of relations, 1765–1815 / ed. by Nina N. Bashkina. – Washington: U.S. G.P.O., 1980. – 1184 p.

15. Roper, D. [Review] / Donald Roper // The William and Mary Quarterly. – 1983. – Vol. 40, №1. – P. 160–162. – Rev. op.: John Jay: The Winning of the Peace, Unpublished Papers, 1780–1784 / ed. by Richard B. Morris. – New York: Harper & Row, 1980. – 765 p.

16. Sakmyster, J. R. [Review] / Joseph R. Sakmyster // American Bar Association Journal. – 1981. – Vol. 67, №7. – P. 890, 892. – Rev. op.: John Jay: The Winning of the Peace, Unpublished Papers, 1780–1784 / ed. by Richard B. Morris. – New York: Harper & Row, 1980. – 765 p.

17. The National Archives and Records Administration. Annual Report for the Year Ended September 30, 1985 / ed. by Jill Merrill. – Washington: G. P. O, 1985. – 111 p.

18. The National Archives and Records Service in 1977 / [James B. Rhoads]. – Washinton: U.S. G. P. O., 1971. – 20 p.

19. Waddell, L. M. [Review] / Louis M. Waddell // The Pennsylvania Magazine of History and Biography. – 1981. – Vol. 105, №3. – P. 352–353. – Rev. op.: John Jay: The Winning of the Peace, Unpublished Papers, 1780–1784 / ed. by Richard B. Morris. – New York: Harper & Row, 1980. – 765 p.

Гернович Т.Д.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ ПУБЛИКАЦИИ

Ключевые слова: цифровая история, документальное наследие, цифровая публикация документа, археографическая цифровая публикация, цифровой архив.

В последние десятилетия, в связи развитием технологий оцифровки и размещением цифровых копий исторических источников в интернет, наблюдается увеличение количества публикаций документов. Причем, один и тот же исторический источник может выступать в качестве объекта публикации не только для исследования истории и вспомогательных исторических дисциплин, но и различных гуманитарных наук: филологии, литературоведения, исторической лингвистики, истории искусства, философии, музыковедения, археологии, архивоведения, документоведения, библиотековедения, кодикологии, музеелогии и др. Одна и та же публикация исторического памятника используется различными науками в соответствии со сложившимися в рамках каждой из них методами и традициями. Такое сближение гуманитарных наук вокруг общего объекта публикации ставит новые вызовы перед составителем и заставляет переосмыслить прежние методы и принципы. Цифровая научная публикация документа требует много научных сил и технических средств, поэтому должна быть универсальной, междисциплинарной, охватывать различные научные направления и подходы [1; 2].

Теоретические подходы по подготовке научных публикаций документов вырабатывались на протяжении предыдущих столетий и привели к оформлению самостоятельной области исследований, располагающей обширной теоретической литературой, специальными методами, профессиональными ассоциациями, конференциями, журналами и даже специализированными образовательными программами на уровне магистратуры. В Европе дисциплина носит названия Editorik или Editionswissenschaft (в немецком), ecdotica, ecdotique или ecdotics (в итальянском, французском и английском соответственно), в русскоязычной традиции – археография и текстология.

Научный подход при подготовке публикации документа предполагает применение критического метода, поэтому часто издание литературных текстов в текстологии называют «критическими». В отечественной исторической науке такие публикации принято называть «археографическими», в связи с тем, что научные принципы публикации исторических текстов разрабатывались историками в рамках археографии. Вне зависимости от того готовится публикация документа текстологом или археографом, значительная часть работы по подготовке публикации связана с составлением научного аппарата, который позволяет читателю реконструировать происхождение текста и представить содержание в связи с историческим контекстом.

Первые публикации документальных памятников в интернете, которые появились в конце 1990-х – начале 2000-х гг., предлагали пользователям лишь ограниченные возможности для навигации и работы с материалами. Эти инициативы, как правило, носили локальный характер и реализовывались отдельными архивами, библиотеками или университетами. На этом этапе научный аппарат представлялся в виде базы данных, которая объединяла текстовые описания документов с их изображениями, создавая тем самым основу для будущих цифровых коллекций. Однако пользователи таких проектов не могли масштабировать изображения, выполнять поиск по тексту или анализировать содержимое с использованием цифровых инструментов [4].

Примером подобных инициатив могут служить первые цифровые коллекции Библиотеки Конгресса США, которые предоставили доступ к ключевым историческим материалам, или проекты по оцифровке архивов, реализованные на европейских библиотечных порталах. Эти начинания положили основу для дальнейшего развития визуализации документальных памятников, и привели в итоге к двум сложившимся подходам по отображению документа: популярно-ознакомительному и археографическому (научно-критическому).

Первый – популярно-ознакомительный – характерен для библиотечной сферы и предлагает пользователям цифровые изображения документов высокого качества, которые могут сопровождаться информационными материалами об истории документального памятника, или коллекции цифровых изображений с метаданными и возможностью поиска в ней информации по заданным пользователем критериям.

Примером могут служить: Europeana, панъевропейский цифровой архив, предоставляющий доступ к миллионам исторических документов, артефактов, фотографий и аудиовизуальных материалов[1]; Gallica, цифровая библиотека Национальной библиотеки Франции (BNF), включающая книги, рукописи, гравюры и исторические архивы[2]; Deutsche Digitale Bibliothek (DDB), немецкая цифровая библиотека публикующая цифровые копии, хранящиеся в архивах, библиотеках, музеях Германии[3]; Polona, один из крупнейших цифровых архивов Польши, созданный Национальной библиотекой Польши[4]; DIGAR, цифровой архив Национальной библиотеки Эстонии, содержащий старинные книги, периодику и фотографии[5]; ePaveldas (Электронное наследие), национальный цифровой проект Литвы, посвящённый сохранению и публикации культурного и документального наследия[6]; Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ), проект РНБ, в котором представлены факсимиле, автографы рукописей (Остромирово Евангелие, Лаврентьевская летопись, Русская правда и др.), а также справочные материалы о документальных памятниках РНБ[7] и др.

Похожую роль выполняют публикации цифровых копий документов на сайтах архивных учреждений. Так, например, Национальный архив США (National Archives and Records Administration (NARA) (США)) предоставляет доступ к ключевым документам американской истории, включая Конституцию, Декларацию независимости и др.[8], Литовский государственный исторический архив (Lietuvos valstybės istorijos archyvas) публикует метрические книги, документы XIX–XX вв. и материалы о литовской диаспоре[9], Российский государственный архив древних актов (РГАДА) представляет на своих страницах цифровые копии грамот, исторических хроник и актов Московской Руси[10], Национальный цифровой архив Польши (Narodowe Archiwum Cyfrowe, NAC) содержит цифровую коллекцию фотографий, карт, аудиовизуальных записей[11].

Такие проекты могут быть как простыми, так и интерактивными, однако они все ставят своей целью лишь ознакомление с документальным памятником, публикуя

[1] Europeana. – URL: europeana.eu (дата обращения: 22.11.2024).
[2] Gallica. – URL: gallica.bnf.fr (дата обращения: 22.11.2024).
[3] Deutsche Digitale Bibliothek (DDB). – URL: www.deutsche-digitale-bibliothek.de (дата обращения: 22.11.2024).
[4] Polona. – URL: www.polona.pl (дата обращения: 22.11.2024).
[5] DIGAR. – URL: www.digar.ee (дата обращения: 22.11.2024).
[6] ePaveldas (Электронное наследие). – URL: www.epaveldas.lt (дата обращения: 22.11.2024).
[7] Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ). – URL: https://nlr.ru/manuscripts (дата обращения: 22.11.2024).
[8] National Archives and Records Administration. – URL: https://www.archives.gov/founding-docs (дата обращения: 22.11.2024).
[9] Lietuvos valstybės istorijos archyvas. – URL: archyvai.lt (дата обращения: 22.11.2024).
[10] Российский государственный архив древних актов. – URL: rgada.info (дата обращения: 22.11.2024).
[11] Narodowe Archiwum Cyfrowe. – URL: nac.gov.pl (дата обращения: 22.11.2024).

исключительно его изображение и не сопровождая его текст информацией, позволяющей погрузиться в исторический и культурный контекст его создания. Для неспециалиста в этом случае документ становится музейным артефактом, который иллюстрирует культурно-исторический контекст, но остается непонятен как по содержанию, так и по его месту в истории.

Так, например, в 2009 г. цифровая публикация фрагмента Синайского кодекса, хранящегося в Британской библиотеке, которая была размещена на ее официальном сайте, привлекла в течении нескольких дней миллион просмотров пользователей. Однако ни один из них впоследствии не подготовил научного исследования. В то же время за предыдущие 25 лет только четыре исследователя смогли познакомиться с этим источником «в живую», все они были признанными специалистами в этом вопросе, и все написали впоследствии научные труды [7].

На платформе International Image Interoperability Framework (IIIF) размещены ссылки на публикации оцифрованных рукописей, хранящихся в крупнейших библиотеках и архивах мира, включая Британскую библиотеку, Ватиканскую библиотеку, Национальную библиотеку Франции и многие другие. На странице Европейской ассоциации цифровых гуманитарных наук (EADH), которая входит в Альянс организаций цифровых гуманитарных наук (ADHO) представлен каталог Каталог цифровых изданий[1].

На глубокое научное изучение направлены проекты второго типа – археографические (научно-критические) цифровые публикации (critical digital edition, scholarly digital editions). Они размещают дополнительные научные комментарии, аннотации специалистов и справочные материалы. Первые подобные публикации были основаны на цифровых копиях традиционных научных публикаций, которые были выпущены ранее в бумажной форме. Их тексты переводились в цифровой вид и сопровождались цифровыми изображениями документов и гиперссылками на комментарии и научно-справочный аппарат. В изданиях этого типа оцифрованный текст документа транскрибируется и размечается и в его структуре выделяются не только отдельные элементы (географические объекты, персоналии, исторические понятия и др.), но и осуществляется связь через гиперссылки с научно-критическим аппаратом (комментариями, библиографическими ссылками и др.) [6].

В конце 1980-х гг. как ответ на растущую необходимость систематического подхода к цифровому представлению и анализу текстов в гуманитарных науках был создан Text Encoding Initiative (TEI) – международный консорциум, разрабатывающий стандарты и рекомендации для цифровой разметки текстов в гуманитарных и социальных науках. Основная цель TEI – обеспечить единый формат кодирования текстовых данных, чтобы их можно было легко анализировать, хранить и обмениваться ими. Рекомендации TEI используют XML (eXtensible Markup Language), что делает их совместимыми с современными технологиями и инструментами. TEI позволяет описывать структуру текста (главы, абзацы, стихи), метаданные (автор, дата, источник), лингвистические особенности, комментарии и даже нестандартные элементы, что делает его незаменимым при создании цифровых проектов на основе исторических источников. Так, например, при оцифровке древней рукописи TEI помогает закодировать: структуру текста (например, разделы, строки), палеографические особенности (сокращения, повреждения), метаданные (автор, датировка, место создания) и др[2].

[1] International Image Interoperability Framework (IIIF). – URL: https://iiif.io/guides/finding_resources/ (дата обращения: 22.11.2024).

[2] Официальный сайт TEI. – URL: https://tei-c.org/. Содержит полные руководства, примеры документов и инструменты для работы (дата обращения: 22.11.2024).

Последние проекты археографических цифровых изданий документов, как правило при отображении документа используют двухчастное представление документа на экране: когда в одной части располагается факсимильное изображение, а во второй части его транскрипция. Так, например проекты цифровой публикации «Синайский кодекс»[1], «Лаврентьевская летопись»[2], «Супральская летопись»[3], «Берестяные грамоты»[4] и ряд др. выполнены таким способом.

Археографическая цифровая публикация документа требует транскрибирования текста. Автоматическое распознавание рукописных текстов до недавнего времени представляло значительную сложность. Традиционные OCR-системы (Optical Character Recognition) были разработаны только для печатного текста, поэтому исследователи транскрибировали рукописные тексты в ручном режиме.

В связи с этим использовались различные инструменты, облегчающие и ускоряющие самостоятельное транскрибирование текста, такие как T-PEN (Transcription for Paleographical and Editorial Notation), которые предлагали удобный интерфейс и позволяли осуществлять транскрипцию, добавлять примечания и редакторские комментарии[5].

Для ускорения обработки больших объемов документов создавались коллаборативные проекты, привлекающие добровольцев к ручному транскрибированию. Одним из таких проектов является «Гражданский архивист» (Citizen Archivist) Национальных архивов США, который сочетает краудсорсинг и современные технологии для распознавания, транскрипции и анализа исторических рукописей, связанных с Гражданской войной в США[6]. Другим купным проектом подобного рода является «Europeana Transcribathon», который предлагает пользователям возможность принять участие в процессе транскрипции рукописных документов, используя онлайн-инструменты платформы Europeana[7]. Участие добровольцев в таких проектах позволяет не только ускорить процесс транскрибирования рукописного текста, но и привлечь внимание общественности к сохранению исторического наследия.

Тенденцией последних лет стало быстрое развитие технологий автоматического распознавания рукописного текста. Современные технологии Handwritten Text Recognition (HTR) активно развиваются благодаря достижениям в области искусственного интеллекта, машинного обучения и компьютерного зрения. Современные системы используют глубокое обучение (Deep Learning), в частности: сверточные нейронные сети (CNN) для извлечения признаков из изображений, рекуррентные нейронные сети (RNN) и их улучшенные версии (LSTM, GRU) для анализа последовательностей символов. Технология HTR создает возможность автоматического распознавания текста на разных языках, включая латиницу, кириллицу, арабскую вязь, китайские иероглифы и другие системы письма. Для повышения точности распознавания HTR-модели обучаются на больших наборах данных, таких как IAM Handwriting Database (английский язык), RIMES (французский язык) или CASIA-HWDB (китайский язык).

Однако для повышения точности распознавания кирилличных текстов требуется проводить работу по дополнительному обучению моделей распознавания. Так,

[1] Codex Sinaiticus. – URL: codexsinaiticus.org (дата обращения: 22.11.2024).
[2]Лаврентьевская летопись. 1377 г. – URL: https://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/_Project/page_Show.php – (дата обращения: 22.11.2024).
[3] Codex Suprasliensis. – URL: http://suprasliensis.obdurodon.org/ (дата обращения: 22.11.2024).
[4] Древнерусские берестяные грамоты. – URL: http://gramoty.ru/birchbark/about-site/ (дата обращения: 22.11.2024).
[5] Сайт проекта T-PEN (Transcription for Paleographical and Editorial Notation). – URL: https://t-pen.org/TPEN/ – (дата обращения: 22.11.2024).
[6] U.S. National Archives and Records Administration. – URL: https://www.archives.gov/civil-archivist (дата обращения: 22.11.2024).
[7] Europeana Transcribe. – URL: https://europeana.transcribathon.eu/ (дата обращения: 22.11.2024).

например, в проекте «Цифровой Петр» для работы с почерком Петра I, известным своей сложностью и неоднозначностью, для повышения точности распознавания использовался обширный корпус оцифрованных рукописей императора[1]. После завершения этапа обучения благодаря технологиям компьютерного зрения, обработки естественного языка и графы знаний разработчикам проекта удалось добиться качества расшифровки в 97 %, при этом время распознавания составляет 35 страниц в минуту, тогда как у историков на расшифровку каждой страницы столь сложного почерка уходит по несколько часов [3].

Системы распознавания рукописного текста (HTR) в последние годы значительно продвинулись вперед, предлагая широкий спектр инструментов для работы с историческими документами. Одной из наиболее заметных является Transkribus – платформа, специально разработанная консорциумом READ-COOP SCE для распознавания старинных рукописей. Она объединяет передовые технологии искусственного интеллекта (включая нейронные сети и машинное обучение) с инструментами для ручной коррекции, что позволяет работать с рукописными текстами, старопечатными книгами и даже сложными документами с повреждениями или нестандартным форматированием. Transkribus поддерживает множество языков и шрифтов, включая латиницу, кириллицу и исторические алфавиты, а также предоставляет доступ к предобученным моделям[2].

С начала 2000-х гг. в сфере археографических цифровых публикаций накоплен значительный опыт. Тенденцией последних лет стало появление ресурсов, публикующих ссылки на наиболее значительные проекты в этой области.

Значительный интерес представляет исследовательский опыт Института документологии и научного редактирования (IDE), объединяющего исследователей цифровых гуманитарных наук, занимающихся применением инновационных методов к историческим источникам.

На основе проектной деятельности его исследователи разрабатывают также теоретические вопросы. Результаты исследований были представлены в коллективной монографии «Цифровое научное редактирование: теории и практики», подготовленной Мэтью Джеймсом Дрисколлом и Еленой Пьераццо в 2016 г., где они также попытались определить теоретические рамки понятия «цифровая археографическая публикация» и выделить терминологический аппарат, отражающий специфику этого процесса [5]. Авторы предложили использовать в качестве основного термина – scholarly digital editions (цифровые научные публикации).

Под руководством одного из ведущих исследователей Института документологии и научного редактирования (IDE) Патрика Сале (Patrick Sahle) ведётся работа над каталогом Digital Scholarly Editions (последняя версия – v 4.0, 2020ff)[3].

Как отмечает Патрик Сале, работа над каталогом потребовала выработки ряда критериев, которые позволили бы точно определить, какие цифровые публикации документа стоит относить к научным цифровым изданиям, а какие нет. В течение многих лет он пользовался собственным определением «Edition ist die erschließende Wiedergabe historischer Dokumente». На немецком языке оно формулировалось вокруг центрального, но почти непереводимого слова erschließen, которое охватывает любую деятельность, повышающую объём информации об объекте и, соответственно, его доступность и пригодность для использования. В зависимости от контекста его можно перевести как разрабатывать, раскрывать, делать выводы, интерпретировать. Но ни

[1] Цифровой Петр [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://peterscript.historyrussia.org/ (дата обращения: 22.11.2024).
[2] Transkribus. – URL: https://www.transkribus.org/ (дата обращения: 22.11.2024).
[3] Каталог Digital Scholarly Editions. – URL: https://www.digitale-edition.de/exist/apps/editions-browser/about.html – (дата обращения: 22.11.2024).

одно из этих слов не охватывает всей глубины понятия. Поэтому, чтобы передать основную идею своего подхода он стал использовать термин critical (критическое).

В итоге Патрик Сале предлагает следующее определение для понятия *цифровая научная публикация (scholarly digital editions) – это критическое представление исторических документов* [5]. В этом определении «представление» он понимает через перекодировку документа, которая осуществляется на визуальном уровне (факсимиле) или на более абстрактном – текстовом (транскрипция). Далее термин «критическое», используемый в определении, он понимает в широком смысле: это не только текстологическая критика, но также историческая, библиографическая, материальная, визуальная и др. Критика – это любые процессы, в которых осуществляется научное и рефлексивное взаимодействие с материалом, раскрывающее его суть. Критическое отношение требуется и для решения вопроса, каким дополнительным материалом и в какой форме следует снабдить редактируемый текст для лучшего понимания и доступности. Использующийся в определении термин «документ», исследователем понимается как любой неабстрактный объект, ставший предметом издания, для которого текст выступает как функция. Он предпочитает термин «документ», термину «текст», так как некоторые документы не содержат текст в его привычном понимании, а некоторые публикации концентрируют свое внимание не только на тексте, но и на материальном носителе. Слово «исторические», которое используется в определении, не означает, что речь идёт только об истории. Патрик Сале отмечает, что цифровая научная публикация направлена на раскрытие обстоятельств создания, передачи и изменения документов и текстов. Такие издания преодолевают временную дистанцию, историческую разницу, объясняют то, что непонятно современному читателю.

Как нам представляется, предложенное Патриком Сале определение точно отражает суть современных научных цифровых изданий, их стремление к комплексному, многоаспектному подходу, а также обозначает векторы дальнейшего развития.

Таким образом, цифровая археографическая публикация сегодня представляет собой не просто форму репрезентации исторического источника, а полноценную многоуровневую исследовательскую среду, объединяющую факсимиле, транскрипцию, аннотации и критический аппарат. Такие издания требуют междисциплинарного подхода, использования универсальных стандартов (TEI) и критического осмысления материала во всех его аспектах – текстологическом, историческом, визуальном и материальном. Ключевые направления ее дальнейшего развития как нам представляется, будут связаны с интеграцией автоматизированных инструментов анализа и перекодирования текста, расширением междисциплинарного сотрудничества и разработку новых методологических подходов к работе с историческими источниками в цифровой среде.

1. Афиани, В. Ю. Современные проблемы археографии: историографический аспект / В. Ю. Афиани // Отечественные архивы. – 2019. – № 1. – С. 25–31.

2. Афиани, В. Ю. Цифровая археография – новые возможности и новые проблемы / В. Ю. Афиани // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании : материалы XXXIII Международной научной конференции, Москва, 9–10 апреля 2020 года / Российский государственный гуманитарный университет, Историко-архивный институт, Высшая школа источниковедения, специальных и вспомогательных исторических дисциплин; Российская академия наук, Институт всеобщей истории. – Москва : Институт всеобщей истории РАН, 2020. – С. 7–9.

3. Базарова, Т. А. Автографы Петра I: чтение технологиями искусственного интеллекта и создание электронного архива / Т. А. Базарова, М. Е. Проскурякова // Историческая информатика. – 2022. – № 4(42). – С. 179–190.

4. Ловцов, А. С. Проблемы археографии в исследованиях российских архивистов: 1991–2019 гг / А. С. Ловцов // Вестник ВНИИДАД. – 2020. – № 5. – С. 23–35.

5. Digital Scholarly Editing. / M. J. Driscoll, E. Pierazzo (édit.) – Open Book Publishers, 2016. – URL: https://books.openedition.org/obp/3381 (дата обращения: 17.12.2024).

6. Digital Technology and the Practices of Humanities Research. / Edmond, Jennifer, éditeur. – Open Book Publishers, 2020, – URL: https://books.openedition.org/obp/11899 (дата обращения: 17.12.2024).

7. Robinson, P. The Digital Revolution in Scholarly Editing. / P. Robinson // Ars Edendi Lecture Series. / B. Crostini, G. Iversen and B. M. Jensen (eds.) – Vol. IV. – P. 181–207.

Варламова Л.Н.

ЦИФРОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ КАК НОВЫЙ ТИП ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ: АСПЕКТЫ КЛАССИФИКАЦИИ

Ключевые слова: исторический источник, документ, цифровой документ, агрегированный документ, составной документ, классификация.

Среди теоретических вопросов источниковедения особое место занимает вопрос исследования самого исторического источника, его сущности, природы, а также его функции и роли в познании истории.

В этой связи интересно вспомнить мнение немецкого историка, автора одного из первых учебников по методологии истории Э. Бернгейма [1], который воспринимал исторический источник как «материал, из которого наша наука черпает познание». Он писал, что исторический источник генетически (по происхождению) и функционально (по использованию) связан с человеческой деятельностью. При этом он считал, и с ним нельзя не согласиться, что историческое познание должно быть ориентировано на беспристрастное констатирование фактов, извлекаемых из исторических документов с помощью их критического анализа. Французские историки Ш. В. Ланглуа и Ш. Сеньобос привязали понятие исторического источника к понятию «документ», высказав мнение, что он и есть след, оставленный мыслями и действиями некогда живших людей, провозгласив тезис «нет документов, нет истории» [9]. Похожей точки зрения придерживался и российский исследователь В.О. Ключевский [5], определявший исторический источник «как письменные и вещественные памятники», в которых отразилась угасшая жизнь отдельных лиц и целых обществ. Понятие «исторический источник» было осмыслено выдающимся российским ученым А.С. Лаппо-Данилевским [10], что способствовало выделению источниковедения в самостоятельное научное направление в рамках всей системы исторического знания. Несмотря на то, что со временем толкование этого понятия расширялось и под ним часто понималось все, откуда можно получить информацию о развитии общества и государств [3; 4; 17; 18], а также, вариант Научно-педагогической школы источниковедения МГИАИ (ныне РГГУ) [11; 13; 15 и др.], в рамках нашего исследования крайне важно отметить, что с самого начала подчеркивалась роль документа как важнейшего исторического источника.

В 80-х гг. XX в. И.Д. Ковальченко [7] обратил внимание, на то, что информация, содержащаяся в историческом источнике, не всегда используется во всей своей полноте, и разработал информационный подход в источниковедении. Основная идея этого подхода заключалась в том, что возникновение большей части исторических источников происходит в рамках какого-либо информационного процесса, в котором могут быть выделены: объект (историческая действительность) и субъект (создатель источника), а сам источник содержит информацию, в которой объект отражен субъектом. Таким образом, исторически источник не только отражает реальность, но и сам является составной частью этой реальности.

Вышеприведенные заключения ученых, сделанные в былые века, несмотря на то что относились к историческим источникам того периода, звучат крайне актуально и сейчас. По сути, цифровые документы являются как раз теми историческими источниками, что отражают реальную жизнь нашего общества во всех его проявлениях и сами являются неотъемлемой частью нашего времени, отражая уровень развития технологии их создания, использования и хранения. На протяжении последних 20-25 лет мы прошли путь смены носителей цифровых документов от флоппи-дисков до облачных систем, с таким же критичным изменением функциональных возможностей самих цифровых документов. В рамках данного исследования автор вкладывает особый смысл в понятие «цифровой

документ», сознательно отделяя его от понятия «электронный документ», так широко применяемого в настоящее время. Позиция автора объясняется тем, что термин «электронный документ» в России трактуется слишком широко: от электронной копии бумажного документа до документа, созданного в электронной форме. При этом нет четкого понимания, каким образом происходит жизненный цикл «электронного документа» и как осуществляется его хранение. Говоря о «цифровом документе», автор акцентирует внимание на том, что он был создан цифровым и на протяжении всего своего жизненного цикла и долгосрочного хранения не переносился на бумажный, пленочный и какой-либо иной (нецифровой) носитель. С каждым годом таких (цифровых) документов становиться все больше.

В рамках данной работы, мы уделим внимание малоизученным видам цифровых документов: агрегированным и составным (сложносоставным), – рассмотрим их потенциал в качестве исторических источников и предпримем попытку их классифицировать.

Говоря об агрегированных и составных (многокомпонентных) цифровых документах, мы не найдем их определений и упоминаний в отечественной терминологической базе документоведов и архивистов, хотя именно эти документы представляют особый интерес, поскольку реально отражают дух времени и должны являться ценнейшим историческим источником. Вместе с тем, эти документы довольно четко регламентированы и стандартизированы на международном уровне. Согласно статьям международного стандарта Международной электротехнической комиссии (МЭК) [12]:

– агрегированный документ – это документ, содержащий отдельно идентифицируемые документы (или их части), которые логически связаны между собой, но физически могут управляться независимо, но при этом имеющие общие метаданные;

– составной (многокомпонентный) документ – это документ, состоящий из нескольких файлов, включенных в специально структурированный файл.

Следует обратить внимание на то, что в определениях, говоря о документе, не звучит прилагательное «цифровой», так как эти типы документов могут быть только цифровыми, так называемыми «рожденными цифровыми» (digital born), используемыми и хранимыми в цифре. Исходя из традиционной классификации, представленной в большинстве учебных пособий по источниковедению [2; 14; 15; 16], в наиболее распространенной классификации исторические источники группируются по:

– типам носителя (материала, на котором он создан и храним);

– способам передачи информации (письменный, устный, изобразительный, фонетический и т.п.),

– цели создания (намеренные/ненамеренный, официальный/частные),

– степени достоверности передачи информации (первичные, вторичные, третичные, т.е. исходя из близости авторства к первоисточнику).

И здесь мы сразу видим несоответствие выше представленных цифровых документов половине критериев классификации, так как они:

– могут быть созданы на разных типах носителей, безусловно относящихся к группе цифровых, но имеющих разные технологии хранения (например, технология хранения диска и иного съемного цифрового носителя сильно отличается от технологии хранения несъемного цифрового носителя);

– допускают практически все (кроме устного) способы передачи информации (письменный, графический, аудио-видео и т.п.).

Только критерии: цель создания и степень достоверности универсальны и применимы и ко всем видам цифровых документов. Наиболее типичным примером официального агрегированного документа является сайт организации, а частного –

личная страница в социальной сити. При этом степень достоверности может быть как первичная (официальный сайт), так и вторичная (репост информации с сайта). В отношении составного (многокомпонентного) цифрового документа ситуация несколько сложнее. С одной стороны, он может иметь как официальное, так и частное происхождение. Например, презентация доклада, содержащая гиперссылки. А вот первичность и вторичность содержащейся в них информации, а также ее достоверность не всегда может быть верифицирована ввиду того, что гиперссылки могут устаревать и не открывать ресурс, на который дана ссылка.

Вместе с тем, в ряде случаев цифровые документы (а в их составе могут быть и агрегированные и составные документы), сохраненные на съемных носителях, со временем будут восприниматься как вещественные источники. Например, многие носители информации (флоппи диски, дискеты и т.п.) уже не используются, но являются отражением уровня технологий фиксации, использования и хранения документов в начале XXI в.

Включение электронных документов в разряд конвенциональных источников, согласно «синтетической» классификации С.О. Шмидта [18], в настоящее время приобретает новое звучание. Под конвенциональными источниками он подразумевал все системы условных обозначений графических знаков и информации, которая записана на машинных носителях. Учитывая тот факт, что цифровые документы – это более высокий домен электронных, фактически состоящих из символов и размещенных в системе в «разобранном» виде, понимание С.О. Шмидта применительно к этому виду источников наиболее обосновано. Ибо размещение электронных (цифровых) документов в ряду письменных источников не выдерживает критики, о чем сказано выше. Вместе с тем, систему фиксации («сборки») цифровых документов нельзя рассматривать как систему графических символов, так как она зависит от выбранного формата записи их на носитель. Более того, вариативность цифровых документов (агрегированные, составные, гипертекстовые, «традиционные электронные» и др.) настолько высока, а их функционал настолько разнообразен, что они требуют дальнейшей разработки классификационной схемы, причем иерархически-фасетным методом. Учитывая важную роль цифровых документов как исторических источников для изучения нашего времени в будущем, ввиду отсутствия их аналогов на иных носителях, вопросы их изучения и классификации приобретают все большее значение.

1. Бернгейм, Э. Введение в историческую науку / Э. Бернгейм, проф. ; пер. с нем. под ред. проф. С. Е. Сабинина. – М. : Изд. М. Н. Прокопович, 1908. – [4], 135 с.

2. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учебное пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. – М. : Изд-во РГГУ, 1998. – 702 с.

3. Кабанов, В. В. Источниковедение истории советского общества : курс лекций / Рос. гос. гуманит. ун-т, Ист.-арх. ин-т. – М. : РГГУ, 1997. – 385 с.

4. Каштанов, С. М. Некоторые вопросы теории источниковедения / С. М. Каштанов // Исторический архив. – 1962. – № 4. – С. 173–186.

5. Ключевский, В. О. Источники русской истории // Сочинения в 9 т. / В. О. Ключевский ; [под ред. В. Л. Янина]. – Т. 7: Специальные курсы / [послесл. Р. А. Киреевой ; коммент. составили Р. А. Киреева, В. А. Александров, В. Г. Зимина]. – М. : Мысль, 1989. – 508, [1] с

6. Ключевский, В. О. Фрагменты первой лекции курса «Источники русской истории» впервые были опубликованы в кн.: Сочинения / В. О. Ключевский. – Т. VI. – М., 1959. – С. 477–481.

7. Ковальченко, И. Д. Исторический источник в свете учения об информации / И. Д. Ковальченко // История СССР. – 1982. – № 3. – С. 129–148.

8. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко ; Рос. акад. наук, Отд-ние ист.-филол. наук. – 2-е изд., доп. – М. : Наука, 2003. – 485, [1] с., [7] л. ил.

9. Ланглуа, Ш.-В. Введение в изучение истории / Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобос ; пер. с фр. А. Серебряковой ; под ред. и со вступ. ст. Ю. И. Семенова ; Гос. публич. ист. б-ка России. - 2-е изд. – М. : Гос. публичная историческая б-ка России, 2004. – 305 с.

10. Лаппо-Данилевский, А. С. Методология истории в 2 ч. Ч. 1. Теория исторического знания / А. С. Лаппо-Данилевский. – М. : Юрайт, 2025. – 239 с.

11. Медушевская, О. М. Источниковедение в системе гуманитарного образования / О. М Медушевская, В. А. Муравьев // Труды Историко-архивного института. – М. : РГГУ, 1996. – Т. 33. – С. 114–131.

12. МЭК 82045-1-2001 Document management. – Part 1: Principles and methods (Управление документами. Часть 1. Принципы и методы). – URL: // https://www.iso.org/obp/ui/en/#iso:std:iec:82045:-1:ed-1:v1:en (дата обращения: 01.03.2025).
13. Муравьев, В. А. Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания / В. А. Муравьев // Вспомогательные исторические дисциплины в кругу наук о человеке и обществе. Труды ИАИ. – Москва, 2002. – С. 60–65.
14. Поляков, А. Н. Русское источниковедение: учебное пособие / А. Н. Поляков ; Оренбургский гос. ун-т. – Оренбург : ОГУ, 2016. – 178 с.
15. Румянцева, М. Ф. Теория истории: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению «История» / М. Ф. Румянцева. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 316, [3] с.
16. Русина, Ю. А. Методология источниковедения : учеб. пособие / Ю. А. Русина ; Уральский федеральный ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал ун-та, 2015. – 204 с.
17. Тихомиров, М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века : курс источниковедения истории СССР : учебник для ист. фак. ун-тов и пед. ин-тов. Т. 1 / М. Н. Тихомиров ; ред. Ю. В. Готье, В. Н. Астров ; Гл. упр. НКВД СССР ; Историко-архивный ин-т. – М. : Соцэкгиз, 1940. – 256 с.
18. Шмидт, С. О. Путь историка : избранные труды по источниковедению и историографии. – М. : Изд-во РГГУ, 1997. – 612 с.

Сидорович Е.А.

ОТ ПЕРГАМЕНА К ПИКСЕЛЯМ: ЦИФРОВИЗАЦИЯ И АНАЛИЗ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ О МУДЕХАРАХ В КОРОЛЕВСТВЕ КАСТИЛИЯ И ЛЕОН (XV в.)

Ключевые слова: Digital Humanities, PARES, архивы, испанистика, мудехары.

В последние десятилетия интерес к развитию цифровых архивов значительно возрос, что связано как с техническим прогрессом, так и с изменением их роли в обществе. Дигитализация стала стратегическим инструментом сохранения исторического наследия: она минимизирует риски утраты уникальных документов, подверженных разрушению из-за времени или внешних факторов. В то же время цифровые архивы трансформируют доступ к информации, стирая географические барьеры между архивом и пользователем, что особенно важно для исследователей, ранее ограниченных в возможностях работы с первоисточниками. В контексте же развития цифровых гуманитарных наук (Digital Humanities) [1] оцифрованные документы становятся основой для исторического анализа.

Одним из наиболее значимых проектов в области испанистики стал *Portal de Archivos Españoles* (PARES), запущенный Министерством культуры Испании в 2007 г. и ставший крупнейшим хранилищем цифровых копий документов, содержащихся в государственных архивах Испании [2, с. 93]. Цель настоящей статьи – представить краткий обзор структуры, возможностей и применения портала PARES, а также рассмотреть его значение для современных исторических исследований, в том числе в контексте изучения мусульманской общины Королевства Кастилии и Леон.

PARES был разработан в рамках государственной программы цифровизации культурного наследия Испании с целью создать единую платформу для доступа к архивным документам, хранящимся в государственных архивах. Спустя 9 лет после первого релиза была представлена обновлённая версия PARES 2.0, обеспечившая более гибкую навигацию, расширенные поисковые функции и улучшенный пользовательский интерфейс [7]. Главной задачей портала является обеспечение открытого и бесплатного доступа к документальным ресурсам, относящимся к ключевым этапам истории Испании и её бывших колоний, что отвечает современным тенденциям оцифровки архивных коллекций, а также задачам сохранения и популяризации документального наследия [5].

В основе платформы PARES лежит централизованный доступ к фондам следующих крупнейших архивов Испании: *Archivo General de Indias, Archivo General de Simancas, Archivo Histórico Nacional, Archivo de la Corona de Aragón.* По состоянию на 08.01.2025 г. его коллекция насчитывает более 38 млн. отсканированных изображений и 5,5 млн. описаний архивных единиц [6], благодаря чему PARES считается крупнейшим ресурсом испанского документального наследия с открытым доступом.

Интерфейс портала представляет собой комплексную информационно-поисковую систему, обеспечивающую доступ к оцифрованным документам национальных архивов Испании. Платформа предлагает удобные инструменты навигации по коллекциям, несколько уровней поиска, просмотр изображений высокого разрешения с возможностью масштабирования, загрузку копий документов в различных форматах и опцию формирования персональных коллекций в рамках индивидуального пользовательского кабинета. Оцифрованные материалы сопровождаются археографическими описаниями на испанском языке, что гарантирует соблюдение научных стандартов каталогизации и верификации источников.

Для исследований в области медиевистики PARES также имеет определенную ценность, поскольку открывает доступ к фондам королевских канцелярий Кастилии и Арагона, судебных протоколов, актов нотариальных органов и других типов источников, отражающих ключевые аспекты социальной, политической и правовой истории средневековой Испании. Особое внимание заслуживают документы, регламентирующие правовой статус и социальное положение мудехаров – мусульманского меньшинства, проживавшего в христианских королевствах Пиренейского полуострова. В исследовательской перспективе данные источники позволяют анализировать трансформацию юридических и социально-экономических механизмов включения мусульман в структуру кастильского социального пространства. В качестве примера мы приведем анализ 4 оцифрованных документов периода правления Изабеллы Кастильской (1474–1504).

Королевская конфирмация привилегии на сбор налогов с альхамы мусульман г. Кордобы 1485 г. [3] демонстрирует сохранение и институционализацию налоговых обязательств мудехаров по отношению к муниципалитетам. Этот документ, составленный на среднекастильском языке, отражает преемственность норм, заложенных в более ранних хартиях времён Энрике II (1366–1367; 1369–1379) и Хуана I (1379–1390), а также подчеркивает роль королевской власти в подтверждении имущественных прав и регулировании финансовых отношений между городскими властями и мусульманскими общинами.

Обращения мусульман с жалобами на чрезмерное налоговое бремя были системным и показательным явлением для социально-экономической ситуации позднесредневековой Кастилии. Представители городских альхам регулярно апеллировали к королевской власти с прошениями о снижении налогов, обосновывая свои требования экономическими затруднениями, вызванными неурожаями или демографическими потерями. Характерным примером такой ситуации является королевская конфирмация 1500 г. [4], предоставленная Родриго де Гусману, сеньору деревни Альгаба, согласно которой мудехарам данной сеньории продлевались налоговые льготы. Этот прецедент иллюстрирует гибкость королевской фискальной политики, направленной на балансирование интересов землевладельческой знати и необходимость поддержания экономической стабильности в регионах, где мусульманское население играло ключевую роль в сельскохозяйственном производстве.

Особое исследовательское внимание привлекает разрешительный акт 1490 г. [8], выданный мудехару Саиду, жителю Севильи, на безопасное передвижение по другим альхамам для сбора милостыни с целью выкупа жены и детей. Этот случай иллюстрирует практики внутриобщинной взаимопомощи и подтверждает, что королевская власть выступала гарантом безопасности мусульманских подданных в рамках системы правовых привилегий.

Наконец, королевская комиссия по ходатайству муниципалитета города Гвадалахара в 1483 г. постановила организовать территориальное разделение жилых кварталов между христианами, евреями и мудехарами [9]. Этот документ демонстрирует механизмы пространственной сегрегации позднесредневекового кастильского города и указывает на попытки короны и местных властей формализовать межконфессиональные отношения в условиях нарастающего социального контроля и напряженности на почве религиозных

различий. Политика пространственного разграничения городских сообществ находилась в прямой связи с положениями *орденамьенто Вальядолида* 1412 г., которые институционализировали ограничительные меры в отношении нехристианского населения Кастилии. Данные постановления вводили обязательное проживание представителей этих групп в специально отведённых и изолированных кварталах, что способствовало формированию этноконфессиональных анклавов, где контроль над внутренней жизнью общин осуществлялся как короной, так и муниципальными органами.

Несмотря на огромный потенциал, платформа PARES имеет ряд ограничений. Во-первых, репрезентативность коллекций зависит от стратегии оцифровки, которая все еще продолжается, следовательно доступ ко многим документам пока ограничен. Во-вторых, система поиска требует от пользователя высокого уровня владения испанским языком, поскольку он осуществляется по ключевым словам без поддержки мультиязычного интерфейса. Вместе с тем активное внедрение цифровых архивов в научный оборот порождает ряд источниковедческих вызовов. Дигитализированные документы утрачивают материальный контекст восприятия: исследователь лишён возможности изучать физические характеристики источника, что существенно ограничивает возможности палеографического анализа. Это особенно актуально при работе с юридическими актами позднесредневековой Кастилии, где материальные признаки документа могли играть важную роль в определении его подлинности и происхождения.

Таким образом, PARES можно считать одним из крупнейших и наиболее востребованных цифровых архивов в Испании. Его значение трудно переоценить как с точки зрения обеспечения открытого доступа к историческим документам, так и как инструмента для междисциплинарных исследований. Платформа способствует новым подходам к изучению социальной истории, истории повседневности и колониальной администрации. Для специалистов, занимающихся историей Испании и Латинской Америки, портал PARES представляет доступ к королевским привилегиям, судебным актам, нотариальным записям и административным распоряжениям, которые позволяют реконструировать социальную, экономическую и правовую структуру общества прошлых эпох. Тем не менее вместе с техническим прогрессом и современными тенденциями дигитализации архивных материалов он имеет определенные ограничения, которые стоит учитывать исследователям в области испанистики.

1. Володин, А. Ю. “Digital Humanities-2024” в Вашингтоне: переосмысление, ответственность и гибрид как lifestyle / А. Ю. Володин // Историческая информатика. – 2024. – № 3. – С. 130–143.

2. Юмашева, Ю. Ю. Документные ресурсы зарубежных архивов в сети Интернет: электронный научно-справочный аппарат (часть первая) / Ю. Ю. Юмашева // Историческая информатика. – 2018. – № 2 (24). – С. 75–97.

3. Confirmación del privilegio de Córdoba sobre la aljama de los moros [Recurso electrónico]. – Modo de acceso: https://pares.mcu.es/ParesBusquedas20/catalogo/description/1604600?nm. – Fecha de acceso: 18.03.2025.

4. Confirmación de la exención del pago de castellanos a los moros de [La] Algaba, a petición de Rodrigo de Guzmán, señor de dicha villa moros [Recurso electrónico]. – Modo de acceso: https://pares.mcu.es/ParesBusquedas20/catalogo/description/6148600?nm. – Fecha de acceso: 18.03.2025.

5. García-González, M., Chain-Navarro, C. Pares: portal de archivos españoles. Generando puentes entre el investigador y los fondos archivísticos / M. García-González, C. Chain-Navarro // Investigación bibliotecológica. – 2010. – Vol. 24, № 51. – P. 36–59.

6. Estadísticas de PARES [Recúrso electrónico]. – Modo de acceso: https://pares.cultura.gob.es/estadisticas.html. – Fecha de acceso: 19.03. 2025.

7. López Cuadrado, A. M. PARES 2.0: tecnología para mejorar el acceso de los ciudadanos a los documentos y a la información en los Archivos Estatales / A. M. López Cuadrado // 9 Jornadas archivando: usuarios, retos y oportunidades: León, 10 y 11 de noviembre de 2016: actas de las jornadas / coord. por Javier González Cachafeiro. – 2016. – P. 36–59.

8. Seguro a favor de Çaide, moro mudéjar, vecino de Sevilla, a fin de que pueda ir por las aljarnas a demandar limosna para el rescate de su mujer e hijos [Recurso electrónico]. – Modo de acceso: https://pares.mcu.es/ParesBusquedas20/catalogo/description/1620624?nm. – Fecha de acceso: 18.03.2025.

9. Separación en Trujillo de la población judía y mudéjar de la cristiana [Recurso electrónico]. – Modo de acceso: https://pares.mcu.es/ParesBusquedas20/catalogo/description/1605029?nm. – Fecha de acceso: 18.03.2025.

Проскурякова М.Е.

ЦАРСКИЕ ЖАЛОВАННЫЕ ГРАМОТЫ XVII ВЕКА И ИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НА ИНТЕРНЕТ-ПОРТАЛЕ «ИСТОРИЯ ПИСЬМА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»[1]

Ключевые слова: Дипломатика, источниковедение, царские жалованные грамоты, Интернет-портал, база данных.

Царские жалованные грамоты – это документы, оформлявшие право светских и духовных лиц (или корпораций) на недвижимое имущество и привилегии. Согласно выводам исследователей, самые ранние документы, которые можно отнести к виду жалованных грамот, датируются XII в. [2, с. 21]. Эти акты были выданы из княжеской канцелярии в монастыри Новгородской земли. Однако «язык» жалованных грамот сформировался лишь в XIV в., когда в тексте документов появились те языковые формулы, которые стали отличать жалованные грамоты от иных актов [2, с. 33–35]. Уже первые образцы жалованных грамот выделялись знаками аутентификации, письмом, декором. С XV в. жалованные грамоты получают широкое распространение, а к XVI в. в великокняжеской канцелярии для этих документов были выработаны правила оформления, которые не претерпели значимых изменений до конца XVII в. Если первоначально основными адресатами грамот являлись духовные обители и духовные лица, то с начала XVII в. возрастает число пожалований светских лиц. Со времени воцарения на русском престоле династии Романовых ее представители стали реализовывать политику формирования социальной группы служилых людей, лояльных новому правящему дому. Систематические пожалования светских лиц земельными владениями реализовывались в ходе больших кампаний и оформлялись жалованными грамотами. На протяжении XVII в. московские власти выдавали по несколько десятков грамот ежегодно [6, с. 56–189].

По красоте письма, оригинальности некоторых его приемов, яркости декора жалованные грамоты занимают совершенно особое место в ряду памятников письменной культуры Русского государства допетровского периода. На протяжении XVI–XVII вв. происходила эволюция элементов письма и декора, а также способов валидации грамот. Вводились и распространялись новые приемы. Каждый из приемов является датирующим признаком жалованной грамоты: по царствованиям и десятилетиям. И также позволяет установить социальную и территориальную принадлежность адресата. Уже в 1660-е гг. большая часть грамот, выдаваемых Московскими приказами, была напечатана в типографии. В готовый бланк служащие приказов вписывали имя, описание пожалования и дату. На протяжении второй половины XVII в. рукописная традиция в оформлении грамот не прервалась, но число документов, написанных и декорированных вручную резко сократилось. При этом печатные бланки подражали письму и декору рукописных памятников, повторяя в печатном виде приемы, выработанные в канцеляриях. Во второй половине XVII в. печатные бланки для актов других видов не изготавливались, что подчеркивает особое отношение власти к такому документу, каким являлась жалованная грамота. Безусловно, данные акты стали одним из инструментов демонстрации власти: письмо жалованных грамот, соединенное с декором и знаками аутентификации, являлось манифестацией могущества царя.

Жалованные грамоты имеют долгую традицию исследования в отечественной историографии. С 1950-х гг. историки начали работу по каталогизации княжеских и царских грамот. Первым задачу учета этих актов поставил С.М. Каштанов. Выявляя данные о них, он включал в создаваемый перечень как сохранившиеся подлинники и

[1] Статья подготовлена за счет гранта РНФ № 25-78-20012 «От средневекового скриптория к канцелярии Нового времени: Письменные практики России и Западной Европы (2025–2028)».

списки, так и упоминания о них в других источниках. По данной методике С.М. Каштановым, его коллегами и учениками были созданы обширные перечни документов с начала XVI по конец XVII в. [3; 4; 5; 6; 8; 9]. Наиболее значимыми для изучения царских жалованных грамот XVII в., являются работы Н.А. Комочева. Его перу принадлежит обобщающая монография о политический кампаниях по выдаче жалованных грамот светским лицам в период с 1613 по 1696 гг. и эволюции их формуляра [7]. Им же был составлен и опубликован каталог царских грамот, сохранившихся в подлинниках и списках, а также утраченных, но известных по иным историческим источникам (всего более 1400 документов) [6].

Реконструкция корпуса документов единого происхождения или вида является одной из самых актуальных в российской исторической науке. В последние десятилетия петербургскими учеными было издано несколько фундаментальных работ, в которых решаются задачи «виртуального» воссоздания архивов отдельных ведомств или локальных общин. Перипетии истории русских светских и церковных учреждений, а также частных коллекций в XX в. предопределяют сложность решения подобных задач. Так, в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН царские жалованные грамоты XVII в. отложились в нескольких десятков фондов и коллекций, часть из которых не имеет архивных описей.

В последние годы сотрудниками СПбИИ РАН была начата работа по выявлению, цифровому копированию и научному описанию княжеских, царских и императорских жалованных грамот. Начало данному исследованию было положено в рамках реализации научного проекта «История письма европейской цивилизации». Коллективом проекта был создан одноименный Интернет-портал, включающий в себя двадцать больших разделов о памятниках кириллического, латинского, греческого, арабского и других алфавитов [1]. На Интернет-портале размещены научные описания и цифровые копии более чем семи тысяч автографов, актов, книжных памятников и памятников делопроизводства, эпиграфики, нумизматики. Отдельный раздел Интернет-портала посвящен русским жалованным грамотам XII–XIX вв. Из 111 памятников, помещенных в этом разделе на время написания статьи, 34 документа являются царскими жалованными грамотами XVII в. Лишь несколько из них были учтены в перечнях, составленных Д.А. Тебекиным [8; 9] и Н.А. Комочевым [6]. Реализация проекта значительно повысила доступность исторических источников для исследователей.

В 2025 г., благодаря получению финансовой поддержки от Российского научного фонда, сотрудники СПбИИ РАН смогли продолжить работу по развитию Интернет-портала «История письма европейской цивилизации». Участники проекта ставят своей задачей изучение комплекса великокняжеских и царских жалованных грамот XV–XVII вв., которые отложились в Архиве СПбИИ РАН. После максимально полного выявления памятников исследователями будут подготовлены научные описания для Интернет-портала, которые включат в себя развернутый палеографический, дипломатический, исторический комментарии. Созданные описания разместят на Интернет-портале в сопровождении цифровых фотокопий. На следующем этапе работы будет проведен сопоставительный анализ выявленных жалованных грамот. При видовом единстве жалованных грамот по формуляру, элементам декора и знакам аутентификации одной из характерных особенностей этих документов является их отличие друг от друга по качеству письма и художественного оформления. Данная особенность наиболее отчетливо фиксируется по документам XVII в., когда в ряду грамот, выданных во время одной из политических кампаний пожалований служилых людей, встречаются акты, отличные друг от друга по письму и декору.

Сопоставление документов, изучение исторического контекста их появления, истории адресата и истории их бытования позволяет не только выявить формирование стандарта в письме, влияние на него канцелярской моды и индивидуальной манеры

писца, но и установить связь письма и внешнего оформления с адресатом документа. Формирование стандарта в канцелярском письме, изучение влияния на него таких явлений как канцелярская мода, индивидуальная манера писца, зависимость письма от вида и назначения актов, связь письма и внешнего оформления с адресатом грамоты – все эти процессы еще не изучались в отношении кириллического письма. Интернет-портал «История письма европейской цивилизации», направленный на цифровую репрезентацию и анализ исторических источников, позволяет исследователям работать с уникальным корпусом документов. С помощью инструментов данного электронного ресурса возможен анализ эволюции письма и декора жалованных грамот на протяжении XVII в., включая переход от преимущественно рукописных документов к печатным бланкам с рукописными вставками.

Максимально полное выявление и публикация перечня жалованных грамот XVII вв. из собрания СПбИИ РАН представляется важной и своевременной научной задачей. Созданный перечень поможет в решении задачи по систематизации и анализу данных об общем и особенном в манере письма и декора грамот и зависимости манеры письма и декора грамот от времени создания документа и адресата. Уже проведенный анализ жалованных грамот демонстрирует, что документы этого типа, являющиеся не только юридическими актами, но и символами царской власти, менялись в своем оформлении, отражая динамику политических и социальных процессов XVII в. Для целей источниковедения функционал Интернет-портала позволяет подробно сравнить рукописные и печатные грамоты, сохранившие элементы рукописного оформления даже в эпоху распространения типографской печати.

1. История письма европейской цивилизации : [сайт]. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2023–2025. – URL: https://gis.spbiiran.ru (дата обращения: 20.03.2025).

2. Каштанов, С. М. Жалованные акты на Руси XII–XIV вв. / С. М. Каштанов // Средневековая Русь. – М., 1999. – Вып. 2. – С. 21–45.

3. Каштанов, С. М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. / С. М. Каштанов // Археографический ежегодник за 1957 год. – М., 1958. – С. 302–376.

4. Каштанов, С. М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. (продолжение) / С. М. Каштанов // Археографический ежегодник за 1960 год. – М., 1962. – С. 129–200.

5. Каштанов, С. М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. (продолжение) / С. М. Каштанов, В. Д. Назаров, Б. Н. Флоря // Археографический ежегодник за 1966 год. – М., 1968. – С. 197–253.

6. Комочев, Н. А. Жалованные грамоты русских царей светским лицам 1613–1696 гг.: опыт реконструкции корпуса источников / Н. А. Комочев. – М. : Институт славяноведения РАН, 2022. – 212 с.

7. Комочев, Н. А. Царские жалованные грамоты светским лицам (1613–1696). Источниковедческое исследование / Н. А. Комочев. – М. : РГГУ, 2016. – 137 с.

8. Тебекин, Д. А. Перечень иммунитетных грамот 1584–1610 гг. / Д. А. Тебекин // Археографический ежегодник за 1978 год. – М., 1979. – С. 191–235.

9. Тебекин, Д. А. Перечень иммунитетных грамот 1584–1610 гг., часть вторая / Д. А. Тебекин // Археографический ежегодник за 1979 год. – М., 1981. – С. 210–254.

Рубинина З.М.

АРХИВНЫЙ ФОТОДОКУМЕНТ *VS* ФОТОГРАФИЯ В МУЗЕЕ

Ключевые слова: фотография, архив, музей, источниковедение, архивоведение.

Несмотря на то, что, согласно Федеральному закону РФ «Об архивном деле» от 22.10.2004 № 125-ФЗ фотодокументы являются частью Архивного фонда вне зависимости от места хранения [1, ст. 5], в действительности фотография – серая зона между архивами и музеями. Обе институции имеют ценный опыт изучения и использования этого вида документа/памятника, который, с одной стороны, привычен, но, с другой, редко бывает в центре интересов профессионального сообщества, оттесняемый на периферию письменными источниками, произведениями живописи и графики, кинодокументами.

Музеи и архивы РФ подчас взаимодействуют довольно слабо и, хотя существует площадка для обмена результатами научной работы с фотографией (ежегодные конференции РОСФОТО), каждая из названных институций в течение десятилетий накопила свой уникальный опыт, который может быть полезен сторонним исследователям, особенно если речь идет об источниковедческом (т.е. всестороннем) исследовании. С другой стороны, в каждом случае будет своя карта «белых пятен», которую также следует иметь в виду. Именно поэтому доклад посвящен данной проблеме.

Начну с архивов, поскольку именно в этой профессиональной среде в наибольшей степени отрефлексированы источниковые особенности фотографии, благодаря двум институтам. Во-первых, это крупнейший в России специализированный архив, созданный в 1926 г., в настоящее время под названием – Российский государственный архив кинофотофонодокументов (РГАКФФД). Во-вторых, Историко-архивный институт (ИАИ, ныне в составе РГГУ), где в процессе подготовки будущих историков-архивистов приходилось учитывать существование и такого центрального архива, анализировать нужды и особенности документов на нестандартном носителе. Архивоведение кинофотофонодокументов (КФФД) стало основой для источниковедческих исследований. Разумеется, профессура ИАИ – не единственные историки СССР, которые ставили подобные вопросы и выявляли особенности фотодокументов, но эта школа была если не основной, то важнейшей.

В результате, в архивной среде источниковедение фотодокументов оказалось чаще всего связано с гиперсистемой КФФД, которая, если за точку отсчета брать феномен фотографии, является довольно искусственной конструкцией. Конечно, исследование родственных связей фотодокументов подразумевает анализ их взаимозависимости с кино (как с документальным, так и игровым), но в равной степени важны письменные источники (в частности, материалы периодической печати или источники личного происхождения), иные изобразительные источники (живопись, графика). Напротив, фонодокументы в данном случае большого интереса не представляют. То есть центром гиперсистемы является кино, которое связывает три различных типа/вида источников. Но, полагаю, что даже особый интерес к кинодокументам не вызвал к жизни гиперсистему, если бы не специфика КФФД в архивах как объекта хранения и учета: необходимость специализированных хранилищ с должными условиями обеспечения сохранности, отсутствие фондирования в архиве кинофотодокументов.

В противном случае преобладающим оказался бы подход общеисточниковедческий, классифицирующий источники по типам и видам. Здесь фотография является одним из видов изобразительных источников. Надо сказать, что это направление анализа представляется более плодотворным и вполне вероятно со временем станет превалирующим.

Вне зависимости от господствующего подхода к изучению фотодокументов российские архивы накопили ценный опыт не только в области обеспечения сохранности, но и в деле исследования фотографии. Поскольку, как минимум, крупные архивы неотделимы от исторической науки, особый акцент здесь делается на событийную фотографию, портреты исторических деятелей, этнографическую съемку, видовые снимки, содержащие информацию о прошлом людей (например, городские пейзажи). Художественная фотография – поле, которое зачастую остается за пределами внимания историков и архивоведов, поэтому происходит недооценка ее влияния на фоторепортаж и массовую фотопродукцию. Последняя, впрочем, также недостаточно используется в архивном мире (в частности, фотореклама).

Сопряженность с исторической наукой приводит к нацеленности на иллюстративную роль фотографии в научных исследованиях.

Взгляд на фотодокументы через призму традиционных для историков тем и сюжетов приводит также к диспропорции в оценке таких художественно-выразительных средств и источниковых особенностей фотографии, как ретушь, монтаж и инсценировка. Например, вполне оправданный в контексте политической истории интерес к вмешательству в советские официальные фотопортреты 1930–1950-х гг. в действительности приводит к тому, что, во-первых, не учитываются иные причины вмешательства, кроме политических, а, во-вторых, искажается роль ретуши, сводимой к фальсификации и, в лучшем случае, техническому средству исправления повреждений первоисточника. Правда, в этом случае сказывается также малая изученность особенностей фотографии как исторического источника в целом.

С другой стороны, именно благодаря архивоведению, существует в российской науке четкое представление об оригинале и копии фотодокумента, выработанное еще в советское время. Конечно, на этом поле также есть простор для анализа, поскольку негатив-оригинал в некоторых случаях может быть промежуточным этапом создания фотографического произведения. Но в большинстве случаев осознание ценности первоисточника сложно переоценить, особенно в современном мире, где существует тенденция исследования изображения как такового без пристального (и, на мой взгляд, необходимого) внимания к оригиналу и сравнению копий с исходным фотодокументом. Конечно, такой анализ не всегда возможен (в частности, по причине обеспечения сохранности архивных документов), но знание и существование методики, которая может быть применена во всех возможных случаях, само по себе важно.

Следует обратить внимание и на ту работу по выяснению особенностей фотопленки как носителя документа, которая важна не только в контексте хранения, но для полного и корректного понимания фотодокумента как исторического источника.

Наконец, благодаря исследованиям В.М. Магидова, были выявлены некоторые важные источниковые особенности фотографии, а именно: необходимость анализа композиции кадра; значение того, что осталось за его пределами; «фотогеничность» как умение передавать ритм и дух события; фотография как способ осмысления запечатленного [4, с. 221–222]. Полноценное понимание и исследование многих фотодокументов без учета этих факторов попросту невозможно.

Если основные направления работы архивов с фотодокументами – это выдача в читальный зал, экспонирование и различные типы и формы публикаций, то фотография в музее теоретически, прежде всего, объект экспонирования, поэтому на первый план выходит т.н. аттрактивность. В этом смысле музей должен быть заинтересован, в первую очередь, в средне- и большеформатных фотографических отпечатках.

Конечно, реальность намного сложнее: музеи хранят обширные коллекции негативов и множество малоформатных отпечатков, которые в наше время электронных копий становятся объектами запросов различных организаций, сформированных на основании отбора публикаций музейных предметов в Государственном каталоге Музейного фонда РФ (ГК, Госкаталог), и отбираются на выставки (иногда даже «вживую»). Но музейная работа с фотографиями, в общем и целом, действительно внимательнее к отпечаткам. Отсюда лучшее знание различных бумаг и техник. Тем более, унифицированная форма музейного описания предмета для ГК включает в себя данные о материале и технике.

Вообще, сильная сторона работы с музейными предметами в целом и фотографическими памятниками в частности – традиция более-менее подробного вербального описания предмета и состояния его сохранности. С другой стороны, серьезной проблемой является отсутствие единых правил описания и, как следствие, единого глоссария. Терминологическое разнообразие хорошо прослеживается по

публикациям в разделе Госкаталога «Фотографии и негативы», причем зачастую термины берутся из документов, разработанных для архивов.

Не выдерживает поверки реальностью представление о том, что архивы акцентируют внимание на документальной фотографии, а музеи – на художественной. В первую очередь, условно это разделение фотографии, поскольку между снимком объявления на смартфон и натюрмортом Йозефа Судека – огромное количество промежуточных ситуаций, включая «высокую» репортажную фотографию, значительная часть которой хранится в архивах. Архивы также неоднородны по тематике. Так, произведения художественной фотографии хранятся в личных фондах Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ). А в «фотолетописи» отечественной истории – РГАКФФД – работы Н.И. Свищова-Паолы и М.С. Наппельбаума. С другой стороны, музеи хранят большое количество массовой фотопродукции разного рода, включая репортажные кадры. Не говоря уже о том, что далеко не все музеи – художественные, а краеведческие, исторические, мемориальные музеи, равно как посвященные истории естествознания и техники, с произведениями искусства имеют дело постольку-поскольку.

Что касается исследовательской работы с фотографиями в музеях, следует обратить внимание на два факта. Во-первых, к музейному миру принадлежит РОСФОТО – общая площадка для научной работы на данном проблемном поле, как минимум, – для гуманитаристики. Во-вторых, сотрудниками крупных отечественных музеев (Е.В. Бархатова, Т.Г. Сабурова, Т.Н. Шипова, Н.Ю. Аветян и др.) написаны фундаментальные работы по истории отечественной фотографии и биографиям некоторых крупнейших фотографов преимущественно XIX столетия. Вообще, музейная среда, похоже, более тяготеет к памятникам позапрошлого столетия, но это довольно условно, хотя и закономерно: основной массив дагерротипов и «высокой» фотографии XIX – начала XX в. хранится в музеях.

Таким образом, можно, хотя достаточно условно, говорить об исследовании различных сторон такого сложного явления как фотография в архивах и музеях РФ. Музейный мир в большей степени сконцентрирован на фотографическом отпечатке, более объективен в оценке некоторых художественно-выразительных средств фотографии, поскольку не столь тесно взаимосвязан с исторической наукой, более внимателен к истории фотографии, особенно позапрошлого столетия. Архивоведческие изыскания привели к постановке и варианту решения сложнейшей в данном случае проблемы оригинала и копии, вниманию к негативу как носителю, акценту на событийной фотографии. В конечном счете, именно архивоведение стало генезисом для источниковедения фотографии, правда, в рамках гиперсистемы КФФД.

Для полноценного источниковедческого исследования фотодокументов вне зависимости от места их хранения, безусловно, необходимы и важны опыт и результаты многолетней работы обоих профессиональных сообществ.

1. Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации» от 22.10.2004 № 125-ФЗ. // КонсультантПлюс. [сайт]. – М., 1997–2025. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1406/?ysclid=m8fzlccdll823688644 (дата обращения: 17.03.2025).

2. Аветян, Н. Ю. Фотограф Сергей Левицкий / Н. Ю. Аветян. – СПб. : Издательство Государственного Эрмитажа, 2021. – 528 с.

3. Бархатова, Е. В. Русская светопись. Первый век фотоискусства. 1839–1914 / Е. В. Бархатова. – СПб. : Альянс – Лики России, 2009. – 400 с.

4. Магидов, В. М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания / В. М. Магидов. – М. : РГГУ, 2005. – 394 с.

5. Сабурова, Т. Г. Портрет в русской фотографии : избранные произведения 1850-1910-х гг. из собрания ГИМ / Т. Г. Сабурова. – М. : ГИМ, 2006. – 224 с.

6. Сабурова, Т. Г. Русское фотографическое общество в Москве. 1894–1930 / Т. Г. Сабурова. – М. : Планета, 2013. – 320 с.

7. Шипова, Т. Н. Фотографы Москвы – на память будущему, 1839–1930 : альбом-справочник / Т. Н. Шипова. – М. : Издательство объединения «Мосгорархив» ; АО «Московские учебники», 2001. – 368 с.

Майорова А.С.

СОЗДАНИЕ МУЗЕЯ САРАТОВСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ

Ключевые слова: музейные коллекции, губернские статистические комитеты, саратовский краеведческий музей, каталог музея СУАК, Радищевский музей, археологические находки.

Изучение состава фондов существующих ныне музеев и возможностей их использования связано с вопросами выяснения происхождения их коллекций. Саратовский областной музей краеведения начало своей истории связывает с созданием музея при Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК). В монографии Н.Н. Бедняковой, посвященной истории краеведческого музея, имеется отсылка к содержанию законодательного акта, который определял направления деятельности ученых архивных комиссий, создававшихся в России с 1884 г. Согласно Положению об учреждении губернских ученых архивных комиссий, эти организации «должны были заниматься выявлением, сохранением, описанием архивных документов, пропагандой исторических знаний, изданием краеведческой литературы, а также собиранием различных древностей края, которые со временем могли бы образовать исторический музей» [цит. по: 1, с. 12].

Однако в тексте названного Положения от 13 декабря 1884 г., который опубликован В.П. Соколовым в его труде «25-летие Саратовской ученой архивной комиссии (1886–1911 гг.)», конкретно сказано только об обязанностях комиссий в вопросах собирания архивных документов, их экспертизы и упорядочения. В то же время в Положении есть указание, что помимо своих прямых обязанностей архивные комиссии могут «по местным обстоятельствам, включать в круг своих занятий разыскание, описание, объяснение всяких других памятников старины» [8, с. 4–8]. Таким образом, вопрос о формировании музейных коллекций в ученых архивных комиссиях находился в поле зрения создателей Положения.

Исследователи, которые занимаются историей саратовского краеведческого музея, начало его существования часто связывают с датой собрания учредителей СУАК. Об этом пишет Н.Н. Беднякова [1, с. 12]. Дату учредительного собрания — 12(24) декабря 1886 г. – называет днем основания музея Н.М. Малов [3, с. 226]. В альбоме-путеводителе по фондовым коллекциям музея «Сокровищница памяти» повторяется эта информация [9, с. 10].

Однако в путеводителе, изданном ранее, мы встречаем другую дату основания музея – 1887 г. [10, с. 3]. Причиной расхождений в датировке основания музея является тот факт, что на первом заседании СУАК, судя по сохранившимся сведениям, не было официального постановления о создании музея при комиссии. Авторы путеводителя, в котором назван 1887 г. в качестве даты основания музея, возможно, исходили из того, что первые пожертвования в музей зафиксированы в протоколах комиссии именно в 1887 г. (об этом будет сказано ниже).

Историки, которые относят создание музея к 1886 г., опираются на Систематический каталог исторического музея СУАК, составленный С.С. Краснодубровским и опубликованный в приложении к отчету о деятельности комиссии в 1888–1889 г. В заголовке систематического каталога указаны даты: 1886–1888 гг. [2]. Возникает вопрос, почему в каталоге именно 1886 г. обозначен как начальная дата существования музея. Не исключено, что автору были известны сведения о получении комиссией музейных предметов в первый месяц ее существования, т.е в декабре 1886 г.

Н.Н. Беднякова пишет: «Начало музейным коллекциям СУАК положили материалы самих членов комиссии, а также пожертвования от частных лиц и коллективов, сочувствующих ее деятельности» [1, с. 12]. В подтверждение этой информации исследователь приводит ссылки на опубликованный протокол СУАК от 6 марта 1887 г. и протокол комиссии от 28 октября 1887 г., который хранится в фондах музея, а также на упомянутый отчет о деятельности комиссии в 1888–1889 г., составленный С.С. Краснодубровским [1, с. 12]. В монографии Н.Н. Бедняковой не сказано, какие именно коллективы (речь идет об организациях) передавали пожертвования для музея комиссии в самом начале ее существования. В опубликованном протоколе общего собрания членов комиссии 6 марта 1887 г. названы только имена дарителей предметов, которые предназначались для музея [6, с. 6].

В связи с этим необходимо обратить внимание на информацию, которая содержится в названном выше отчете о деятельности СУАК в 1888–1889 г. В нем сказано: «…в отчетном году», (т.е. в период с 12 декабря 1888 г. по 12 декабря 1889 г.) музей комиссии «сделал ценные приобретения в виде коллекций костей животных плеоценовой эпохи, разного рода окаменелостей, монет, домашней утвари, одежды, орнаментов построек и туалетных украшений древнейших обитателей Саратовского края. Значительным большинством этих приобретений комиссия обязана саратовскому губернскому статистическому комитету, который передал ей свою богатую археологическую коллекцию. Саратовская классическая гимназия обогатила музей своею обширною коллекциею золотоордынских монет XIV столетия» [2, с. 22].

Сведения из отчета позволяют говорить о прямой преемственности, которая связывает музей СУАК с коллекцией музейных предметов губернского статистического комитета. С этой точки зрения представляет особый интерес опубликованный документ статкомитета – протокол заседания комиссии, избранной названным комитетом 31 января 1887 г. [5, с. 5–10]. Комиссия создавалась «для обсуждения вопроса о передаче куда-либо вещей и предметов, хранящихся при библиотеке комитета». Она была создана через полтора месяца после заседания, с которого начинается деятельность СУАК. Председателем комиссии статкомитета был А.И. Шахматов, а ее членами являлись П.М. Петров, А.И. Соколов, Н.С. Соколов [5, с. 5]. Названные лица, кроме П.М. Петрова, были участниками заседания, на котором было объявлено о создании СУАК, и стали активными членами ученой архивной комиссии [8, с. 29].

При библиотеке статкомитета к 1887 г. образовалась довольно обширная коллекция предметов, которые были в разное время пожертвованы комитету. При этом коллекция не имела статуса его самостоятельного подразделения и учет предметов не проводился [5, с. 5]. Комиссия, созданная статкомитетом 31 января 1887 г., составила списки хранившихся при библиотеке предметов. В списки вошли только те предметы, о которых сотрудники статкомитета имели какие-либо сведения – о месте «их первоначального нахождения и передачи их в комитет» [5, с. 5]. Названные списки дают представление о составе коллекции – это были находки, относящиеся к области палеонтологии, окаменелости, монеты различных эпох, керамические изделия и обломки керамики, бусинки, металлическая икона со следами эмали и позолоты. В списке названы также две кольчуги, «меч-пила», «медная посеребренная чашка, из которой, по преданию, пил Пугачев» [5, с. 6–10]. Большинство предметов, судя по сохранившимся сведениям, являлись случайными находками, но были также и найденные в ходе раскопок.

Музейная коллекция, которая находилась при библиотеке статкомитета, сформировалась в результате развития одного из направлений его деятельности. Статистические комитеты были созданы в губерниях России в 1834 г. [4, с. 73]. Они

должны были устанавливать методы собирания статистических сведений о природных ресурсах, народонаселении, производительных силах на территории губернии, а также проверять эти сведения и обрабатывать их по единообразным формам. В соответствии с представлениями о задачах статистики, которые сформировались к тому времени, сотрудники статкомитетов занимались не только собиранием материалов для составления таблиц и ведомостей, но также описанием отдельных уездов, городов и других населенных пунктов, которые представляли интерес с точки зрения экономической географии, истории, этнографии и т.д.

С середины 30-х и до середины 80-х гг. XIX столетия саратовский статкомитет выполнял, наряду со своими основными функциями, задачи, связанные с исследованием истории региона. Статьи, посвященные сюжетам из прошлого Нижнего Поволжья, написанные членами статкомитета, публиковались в местных газетах. В процессе деятельности статкомитета возникла коллекция предметов, собранных во время археологических раскопок, а также случайных находок. Дело в том, что в 60-е – 70-е гг. XIX в. на Центральный статистический комитет МВД и на его местные органы российское правительство возлагало такие задачи, как выявление археологических памятников и отбор на хранение архивных документов ликвидированных учреждений [7].

Саратовский статкомитет, как уже было сказано, почти сразу после объявления о создании СУАК организовал свою специальную комиссию «для обсуждения вопроса о передаче куда-либо вещей и предметов», хранившихся при библиотеке комитета. Комиссия пришла к следующему выводу: «После того, как некоторые члены высказали свои мнения и замечания насчет подлежащих их осмотру вещей и определили степень их ценности и научного значения, комиссия единогласно постановила: передать все вещи, принадлежащие ныне комитету, в распоряжение ученой архивной комиссии» [5, с. 10]. Очевидно, сотрудники статкомитета, присоединившиеся к СУАК, желали сразу организовать ее исторический музей – на основе коллекции предметов, хранившихся при библиотеке комитета.

Однако после этого на собрании статкомитета «…некоторые члены выразились против решения комиссии передать все вышеупомянутые древности в Саратовскую ученую архивную комиссию». В результате было вынесено постановление: «…снестись с администрациею Радищевского музея о передаче туда всех имеющихся в наличии при комитете древностей на хранение, если ею будет изъявлено на то согласие» [5, с. 2]. Таким образом, большинство сотрудников статкомитета высказались за передачу коллекции Радищевскому музею, которым саратовцы гордились.

Тем не менее, в итоге предметы, хранившиеся в статкомитете, в 1889 г. стали основой музея СУАК. Вероятно, в коллекции Радищевского музея «не вписывались» кости ископаемых животных, окаменелости и фрагменты керамики. Не вполне понятно, почему Краснодубровский считал датой основания музея СУАК 1886 г. – первые пожертвования в музей зафиксированы в протоколах комиссии в 1887 г. Возможно, в ходе «организационного» заседания ученой архивной комиссии в декабре 1886 г. прозвучало предложение передать коллекцию предметов, хранившихся в статкомитете, в предполагаемый музей СУАК.

1. Беднякова, Н. Н. Музей Саратовской губернской ученой архивной комиссии: Страницы истории. 1886–1919 / Н. Н. Беднякова. – Саратов : Изд-во «Новый ветер», 2011. – 212 с.

2. Краснодубровский, С. С. Систематический каталог исторического музея Саратовской ученой архивной комиссии. 1886–1888 годы // Отчет о деятельности Саратовской ученой архивной комиссии в 1888–1889 году. Составлен правителем дел комиссии С. С. Краснодубровским / С. С. Краснодубровский. – Саратов, 1890. – С. 19–27.

3. Малов, Н. М. Государственное учреждение культуры «Саратовский областной музей краеведения» / Н. М. Малов // Энциклопедия саратовского просвещения: образование, культура, спорт. Саратовская губерния. – Саратов : Редкцион.-издат центр «Поволжье» СПР, 2007. – Кн. 1. С. 226–227.

4. Плошко, Б. Г. История статистики / Б. Г. Плошко, И. И. Елисеева. – М. : Финансы и статистика, 1990. – 294 с.

5. Протокол заседания 6 февраля 1887 г. комиссии, избранной Саратовским губернским статистическим комитетом 31 января 1887 г. для обсуждения вопроса о передаче куда-либо вещей и предметов, хранящихся при библиотеке комитета // Протокол собрания Саратовского губернского статистического комитета 8 июля 1887 г. – Саратов, 1887. – С. 5–10.

6. Протокол 3-го общего собрания членов Саратовской ученой архивной комиссии 6 марта 1887 года. – Саратов, 1887. – 26 с.

7. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1290. Оп. 2. Д. 7.

8. Соколов, В. П. 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии (1886–1911 гг.) / В. П. Соколов. – Саратов, 1911. – 262+45 с.

9. Сокровищница памяти. Альбом-путеводитель по фондовым коллекциям Саратовского областного музея краеведения. – Саратов : Издание Сарат. обл. музея краеведения, 2016. – 363 с.

10. Тучкина, Т. А. Саратовский музей краеведения. Путеводитель / Т. А. Тучкина, Н. А. Смирнова, Т. И. Мещерякова. – Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1982. – 102 с.

Ерешко А.Е.

ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА В МУЗЕЯХ И АРХИВАХ РОССИИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА СКУЛЬПТОРА, ПЕДАГОГА, ДЕЯТЕЛЯ ДЕТСКОГО ДВИЖЕНИЯ ИННОКЕНТИЯ НИКОЛАЕВИЧА ЖУКОВА

Ключевые слова: архив, музей, личный фонд И.Н. Жукова, Госкаталог, скульптура, педагогика, детское движение, филокартия.

В октябре 2025 г. исполняется 150 лет со дня рождения Иннокентия Николаевича Жукова (05[17].10.1875–05.11.1948), чью творческую личность трудно охарактеризовать несколькими предложениями – слишком многими проблемами он занимался и в разных сферах деятельности оставил заметный след. Во-первых, он педагог, преподаватель географии. Во-вторых, самобытный скульптор-новатор. В-третьих, яркий лидер детского движения (один из основателей и идеологов скаутской и пионерской организаций в нашей стране). В-четвертых, эсперантист. В-пятых, писатель, фантаст. В-шестых, автор большого количества открыток, широко известных в мире филокартии. А также, общественный деятель, революционер, рационализатор и игровик…

Популяризация творчества Иннокентия Николаевича проводилась его дочерью Ириной Иннокентьевной Жуковой-Плотниковой. Она старалась подготовить к изданию его творческое наследие, собирала и систематизировала его; при этом вносила коррективы в соответствии со своим временем – в ряде копий документов, сделанных ею, были произведены купюры, иногда подменялись понятия (например, скаутинг заменялся на пионерию). Никакого издания ей выпустить не удалось, но был сформирован комплекс документов, переданный в Российский государственный архив литературы и искусства [10]. Оставшиеся после этого материалы частично попали к исследователю творчества И.Н. Жукова Л.В. Горбуновой, так и уже после смерти Ирины Иннокентьевны были сданы ее дочерью в Музей истории детского движения ГБОУ «Воробьевы горы» [7].

Творчество Иннокентия Николаевича как скульптора изучено Людмилой Вульфовной Горбуновой [1], особенно его ранний, дореволюционный период [2]. Эти работы ценны еще и тем, что в них использован ряд источников, хранившихся в личном архиве И.И. Жуковой-Плотниковой, местоположение и сохранность которых ныне неизвестна. Изучение И.Н. Жукова как деятеля детского движения тоже проводилось; особенно стоит выделить деятельность Ирины Викторовны Руденко, опубликовавшей целый комплекс педагогических работ Иннокентия Николаевича [6; 9]. Наконец, было проведено исследование открыток со скульптурой Жукова, по итогам которого вышло несколько каталогов [8; 11]. Как видим, разные ипостаси И.Н. Жукова изучались и продолжают изучаться, но обобщающего труда его жизни и

творчеству еще не написано; во многом это обусловлено разрозненностью источниковой базы. В данной статье постараемся собрать воедино и проанализировать сохранившиеся источники его жизни и творчества.

Первым, наиболее ценным, комплексом материалов является личный фонд Иннокентия Николаевича Жукова в РГАЛИ насчитывающий 120 единиц хранения в 2 описях [10]. Это его дневники, переписка, альбомы с фотографиями, вырезками и отзывами о его творчестве; биографическая «Хроника рода Жуковых» и ряд личных документов, воспоминания о нем. Ряд материалов прошел цензуру: в дневниках и ряде писем вымараны некоторые слова и фрагменты; в дневниках изъято часть листов (некоторые из которых оставались в семье и только в 2009 г. переданы в Музей истории детского движения). В данном комплексе очень фрагментарно представлены педагогические сочинения, практически ни слова нет о скаутинге.

При работе с этими материалами необходимо учитывать, что после первичной обработки, составления всех описей и справочного аппарата и созданию микрофильмов по фонду И.Н. Жукова в РГАЛИ была проведена полная перенумерация листов в делах фонда, где отдельные номера листов получили все вклеенные в дела (чаще всего – альбомы) материалы (фотографии, открытки, вырезки и т.д.). Затрудняет исследование то, что в подавляющем большинстве случаев выдаются в читальный зал микрофильмы; нумерация листов которых часто сильно отличается от подлинника. Это подталкивает нас к тому, чтобы указывать, что данные приводятся по микрофильмам и нумерация в листах подлинника может отличаться.

Кроме фонда И.Н. Жукова в РГАЛИ его материалы (статьи и письма) находятся в фондах поэта А.А. Блока (ф. 55, оп. 1, д. 494), профессора философии, общественного деятеля и юриста С.О. Грузенберга (ф. 151, оп. 1, д. 48), литератора и редактора журналов А.Е. Зарина (ф. 208, оп. 1, д. 124), артиста К.А. Варламова (ф. 713, оп. 1, д. 15) и кинорежиссеров «Братьев Васильевых» (ф. 2733, оп. 1, д. 599). Это достаточно сильно дополняет картину общественной жизни, которую вел И.Н. Жуков.

Второй большой комплекс материалов находится в Государственном архиве Забайкальского края [4], сформированный главным образом из материалов переданных туда Л.В. Горбуновой. Семейный фонд Жуковых состоит из 4 описей общей сложностью 461 единица хранения; материалы самого Иннокентия Николаевича в основном представлены в первой описи в 192 единицы хранения. Здесь собраны труды И.Н. Жукова разной направленности, его дневники, письма, фотографии; статьи, отзывы, воспоминания о нем и его творчестве; воспоминания, записки и литературные произведения его жены А.И. Жуковой (Рындиной). Часто это копии или печатные материалы, но встречаются и уникальные вещи. Это, например, гимназический журнал «Секрет», выпускаемый И.Н. Жуковым, его рисунки, фотографии [4, оп. 1, д. 110, 111, 169–175]. Особый интерес представляют рабочие материалы Л.В. Горбуновой [4, оп. 1, д. 108, 117, 119; оп. 4, д. 9].

Третий большой комплекс материалов И.Н. Жукова хранится в Музее истории детского движения ГБОУ «Воробьевы горы». Фонд И.Н. Жукова был образован при сдаче интересных материалов пионерской тематики еще в 1960-е гг. И.И. Жуковой-Плотниковой в Кабинет истории Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина Московского городского Дворца пионеров и школьников, правопреемником которого является Музей истории детского движения. Среди них были издания И.Н. Жукова 1910–1920-х гг., подлинные рукописи, в том числе «От системы скаутинг к пионерсистеме» 1923 г. [7, д. 17]. В последующие годы фонд был пополнен материалами, сданными ветеранами детского движения, главным образом учеником Иннокентия Николаевича В.Г. Яковлевым. Окончательно сформировался фонд в 2009 г., когда дочь И.И. Жуковой-Плотниковой передала оставшуюся у нее

часть архива ее матери. Его условно можно разделить на несколько частей. Во-первых, это документы личного характера, рукописи, переписка, альбомы с рисунками и скульптурой, фотографиями И.Н. Жукова. Во-вторых, рабочие материалы и переписка И.И. Жуковой-Плотниковой. В-третьих, личные документы семьи. И наконец, в-четвертых, воспоминания о И.Н. Жукове. Естественно, в массиве документов периодически встречаются копийные материалы (фотокопии, архивные копии, машинописи, рукописные копии как рукой И.Н. Жукова, так и И.И. Жуковой-Плотниковой). Но сам комплекс уникален.

Отдельно хочется отметить ряд документов, которые играют важную роль в понимании жизни и творчества И.Н. Жукова. Это и его письма семье 1922–1924 гг. из Москвы в Читу по подробности и охвату тем ближе всего похожие на его дневники. И его «Наши передвижные журналы», освещающие общественную жизнь 1930-х гг. с разных сторон: начиная со страны и кончая проблемами самого дома (где этот журнал существовал, переходя из квартиры в квартиру) и его жильцов, раскрывая общественно-политическую деятельность Иннокентия Николаевича [см.: 5]. И фрагменты его дневников советского времени, хранящихся долгие годы в семье [7, д. 266–270].

Как и в других коллекциях материалов И.Н. Жукова в документах периодически встречаются вымаранные или выскобленные впоследствии фразы, слова, фамилии, вынутые или заклеенные листы. Кто и когда это сделал – сам И.Н. Жуков, его дети – неизвестно. Часть из этого можно разобрать, понять по контексту – иногда это связано с репрессированными людьми или осуждаемой системой скаутинг, иногда установить причину уничтожения текста не удается. Удивляет больше всего то, что часто затертое в одном документе остается нетронутым в другом. Вероятно, это делалось не единовременно и целенаправленно, а в тот момент, когда тот или иной документ «попадался на глаза».

Достаточно интересный комплекс материалов хранится в Забайкальском краевом краеведческом музее имени А.К. Кузнецова, куда начал передавать их еще сам И.Н. Жуков. Вот что можно прочесть в одной из автобиографий: «Читинский Музей сохранил 30 работ этого периода его творчества, а также целую серию его литературных работ по педагогике, детскому движению и повести из пионерской жизни» [7, д. 276, л. 1об.]. Если сравнить эти данные с музейным Государственным каталогом РФ, то увидим, что в нем значится 60 подлинных скульптур Иннокентия Николаевича; другие его материалы в этот каталог музеем практически не внесены.

Если провести срез материалов И.Н. Жукова, размещенных на март 2025 г. в музейном Госкаталоге, то получится, что в него занесено 395 предметов музейного значения, хранящихся в 35 музеях [3]. Среди них представлены: документы и фотографии (36 ед. хр.), издания (29 ед. хр.), открытые письма (220 ед. хр.) и картины и скульптуры (110 ед. хр.). Это далеко не полный перечень его наследия, сохранившегося в музеях, – ведь каталог не завершен и постоянно пополняется.

Среди материалов И.Н. Жукова, хранящихся в перечисленных архивах и музеях не найден ряд ранее указанных в литературе или самим Иннокентием Николаевичем документов: это и его дореволюционная переписка [10, д. 20, л. 5–6 (м/ф)], и его дореволюционные дневниковые записи – «Зеленая тетрадь», пространные цитаты из которой приводятся Л.В. Горбуновой в ее работе целых 32 раза [2, с. 7, 17 и др.] и некоторые другие. Вероятно, часть семейного архива была утеряна (или хранится в неизвестном нам месте).

Как мы видим, комплекс материалов И.Н. Жукова в архивах и музеях России достаточно полный и может служить основой для полноценного исследования его многогранной жизни и творчества. Дальнейшие уточнения и поиск материалов о нем могут идти в нескольких направлениях: выявление следа И.Н. Жукова в материалах

учреждений и организаций, где он состоял и работал; поиск указанных им самим материалов – скульптур, документов, сданных в музеи и архивы. Например, выяснить, какова судьба подлинных листов его образовательных игр, которые он «отнес в Педмузей Наркомпроса» [10, оп. 1, д. 21, л. 9об. (м/ф)].

1. Горбунова, Л. В. Скульптор Иннокентий Жуков / Л. В. Горбунова. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1977. – 128 с.
2. Горбунова, Л. В. Скульптор Иннокентий Жуков. Осенние выставки (1906–1912 гг.) / Л.В. Горбунова. – Чита : Палитра, 2012. – 168 с.
3. Государственный каталог Российской Федерации. – URL: https://goskatalog.ru/portal/#/ (дата обращения: 19.03.2025).
4. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). – Ф. Р-2745 «Семейный фонд Жуковых».
5. Ерешко, А. Е. «Наш передвижной журнал» И.Н. Жукова в советских реалиях 30–40-х гг. XX в. / А. Е. Ерешко // Общество и власть в СССР и постсоветской России. Материалы Всероссийских научных чтений, посвященных памяти профессора Э.Н. Бурджалова : сборник научных трудов, 17 мая 2013 г. / под общ. ред. Э. М. Щагина, Д. О. Чуракова. – М. : Буки Веди, 2013. – С. 264–270.
6. Игра и детское движение. И. Н. Жуков – в помощь организаторам детского движения и педагогам / сост. И. В. Руденко. – М. : НПЦ ЦС СПО (ФДО), 1992. – 72 с.
7. Музей истории детского движения Государственного бюджетного общеобразовательного учреждения города Москвы «Воробьевы горы» (МИДД). – Ф. VIII (И.Н. Жукова).
8. Памятка о скульпторе Иннокентии Жукове : [в 3 выпусках со сквозной нумерацией и общей папкой-обложкой] / Дом ученых имени Горького АН СССР ; сост. Н. А. Пиотровская. – Л., 1962–1964. – 16 с.
9. Педагогические парадоксы Иннокентия Жукова / сост. и ред. И. В. Руденко. – Тольятти : ТГУ, 2010. – 160 с.
10. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) – Ф. 2042. Оп. 1–2.
11. Скульптура Иннокентия Жукова на почтовых карточках. Каталог / под общ. ред. В. Б. Загорского. – СПб. : Стандарт-Коллекция, 2005. – 48 с.

Лякишева С.И.

Л.Н. ТОЛСТОЙ И САПОЖНОЕ РЕМЕСЛО: РОЛЬ МУЗЕЙНОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ ЯСНОПОЛЯНСКИХ ЭКСПОНАТОВ

Ключевые слова: Лев Толстой, Ясная Поляна, музейные экспонаты, сапожное ремесло.

В своё время писатель Лев Николаевич Толстой предстал перед обществом как сапожных дел мастер. В мемориальном доме в Ясной Поляне хранятся экспонаты, связанные с увлечением писателя. В жестяной коробке из-под печенья «Альберт»: шило, воск, шпагат, деревянные плашки для нарезки гвоздиков, мелкие металлические гвозди, шурупы, фрагменты кожи и т.д. Регистрация в учётной книге и приобретение инвентарного номера еще не позволяют музейным предметам выполнять экспозиционную роль в полной мере. Статус информационного предмета они приобретают по мере того, как мы достаточно узнаём об истории этих экспонатов и событий, с ними связанных. В данной работе изучение обширного материала позволило выстроить последовательность событий, связанных с этими предметами, а также восстановить картины бытовой жизни Л.Н. Толстого в период его увлечения шитьём из кожи.

Возникновение первого интереса к этому занятию мы видим в автобиографической повести «Детство». Автор знакомит нас с дядькой Николаем [1], который шьет кожаный сапог – работает шилом, протягивает дратву. На глазах ребёнка появилась собственноручно сшитая обувь в окружении кожаных обрезков.

В молодые годы Л.Н. Толстой, находясь в заграничном путешествии, несколько раз посещал Кенсингтонский музей, где изучил экспозицию с образцами выделанной кожи. Эту информацию извлекаем из педагогических статей писателя [2, с. 252].

Объектом изучения для нас становятся также записные книжки писателя. 26 июля 1871 г. Л.Н. Толстой, наблюдая в Самарских степях за башкирами, писал: «Сами шьют сапоги из выделанной ими же кожи», «Носят всё в сапогах» [3, с. 92].

Тема сапожного дела представлена на страницах произведений Л.Н. Толстого. В одной из историй для «Азбуки» царь Пётр I шьёт сапоги. В рассказе «Бог правду видит, да не скоро скажет» купец Аксёнов, незаслуженно осуждённый, выучился в остроге шить сапоги и на заработанные деньги купил Четьи-Минеи. Про сапоги с гвоздями мы читаем в рассказе «Два путника». Свою роль для характеристики героя играют опойковые сапоги с четвероугольными носами, сшитые батальонным сапожником в рассказе «После бала». В романе «Война и мир» Толстой сообщает о любопытном факте добывания кожи для обуви в военное время начала XIX в. Сапожник Платон Каратаев сшил Пьеру Безухову башмаки из цибика. Цибик – это деревянный кубический короб ребром примерно в 60 см, наполненный 35 кг чая. Для бережной транспортировки и защиты от влаги короб обтягивали и обшивали добротной толстой кожей. Именно такой упаковочный материал использовали на войне как основу для изготовления или ремонта обуви. Француз принёс кожу для подшивки себе подошв, а из оставшихся обрезков мастер сшил башмаки Пьеру. В народном рассказе «Где любовь, там и Бог» главный герой – сапожник Мартын Авдеич, который жил в подвале с одним окном, и он видел только обувь проходящих людей, и по ней же, выполненной его руками, этих людей узнавал. Более всего в терминологию сапожного дела Толстой погружает нас в рассказе «Чем люди живы», написанном в 1881 г.

Как видим, Л.Н. Толстой в своих произведениях раскрывается как теоретик сапожного дела. Работая с экспонатами, мы изучаем автора и как практика. В этом помогает сайт http://tolstoy-lit.ru, где собраны источники о жизни и творчестве Л.Н. Толстого. Несколько месяцев вычитывали и собирали отрывочный скудный материал по теме. И всё же в результате удалось проследить хронологию начала деятельности Толстого-кожевенника, выявить его мотивацию к этому занятию, установить примерное время поиска учителей и первых практических уроков.

Представилась такая картина. В 1877–1881 гг. домашним учителем в семье Толстых был Василий Иванович Алексеев. Он запечатлел один эпизод. У служившей старушки Агафьи Михайловны подошва в башмаках потребовала ремонта. Толстой, оказавшийся свидетелем починки её обуви Алексеевым, произнёс: «Нравственный человек чувствует удовлетворение уже в том, что он делает работу, несомненно, полезную для других». С этого момента он решил освоить шитьё кожаной обуви. Учителями стали минимум четыре умельца – в первую очередь, В.И. Алексеев, яснополянский сапожник Павел Арбузов, а также неоднократно упоминаемые Дмитрий и Митрофан.

А далее – обращение к дневникам писателя. С 1883 по 1889 гг. он отражает занимающую его деятельность – шитьё обуви. Вот примеры коротких, но частых записей Толстого: «Вечер хорошо работал сапоги» [4, с. 64], «Шил долго и приятно сапоги» [5, с. 64], «Шил сапоги, напился чаю, пошел к Сереже до 2-х часов» [6, с. 84], «Вечером сел за сапоги» [7, с. 85], «От Черткова телеграмма – отец умер. Шил сапоги весь вечер» [8, с.86], «Пошёл работать сапоги» [9, с. 87], «Написал письма – Черткову и переводчице. Потом пытался починить сапоги – не шло. Поехал было верхом – вернулся» и через три дня другая запись: «Дома был мрачен, потом сидел с своими и шил сапоги» [10, с. 95–96].

Эту же деятельность он фиксирует в другом источнике – письмах. Например, 24 июня 1884 г. сообщает из Ясной Поляны В.Г. Черткову: «Живу я нынешний год в деревне как-то невольно по новому: встаю и ложусь рано, не пишу, но много работаю, то сапоги, то покос» [11, с. 69]. В ходе занятий Лев Николаевич Толстой осваивал всё

новые сапожные операции и записывал новые подробности: «Работал сапоги, учился строчить» [12, с. 42], «Пошёл вырезать и вытянуть сапоги» [13, с. 71].

Даже нездоровье не было помехой для работы: «Дома лежал. Зубы и лихорадка. Вечер работал до второго часа сапоги» [14, с. 77]. В письме к С.А. Толстой 4 февраля 1884 сообщил: «Нынче был у Бибикова и видел Сережу, и, прощаясь с ним, садился верхом и повихнул большой палец на правой руке. Как видишь, это не мешает мне писать. Немного опухло, но все движенья есть, так что мог и башмаки шить» [15, с. 423].

Он мог шить обувь, совмещая физический труд с творчеством. В 1885 г. работает над «Историей одной лошади», и в перерывах шьёт. В ноябре 1889 г. берётся за новые сапоги и в это время размышляет над «Крейцеровой сонатой». В июле 1890 г. пишет «Отца Сергия» и тоже шьёт сапоги.

Гости видели необычную обстановку кабинета: «Когда Лев Николаевич занялся сапожным ремеслом, в кабинете появился и соответствующий "струмент" – шилы, молотки, стали валяться деревянные гвозди, обрезки кожи...» [16]. Сын И.Л. Толстой добавляет детали: «Я помню, что […] в его крошечной, низенькой мастерской всегда было душно и пахло кожей и табаком» [17, с. 192]. Остаётся представить писателя в кожаном фартуке, сигаретой в зубах, с сапожным молотком или рашпилем в руках, – колоритная картина.

Не просто давалось Толстому сапожное умение, но была цель – дарить близким людям собственноручно сшитую обувь. Он сшил кожаные башмаки старой няне Агафье Михайловне, сапоги А.А. Фету, своим дочерям. Находясь в гостях у друзей Олсуфьевых в их усадьбе Никольское-Обольяново, Толстой не оставлял своего увлечения и пару сапог подарил Михаилу Адамовичу Олсуфьеву. В 1884 г. Михаил Александрович Стахович стал обладателем толстовских сапог. Толстой тоже носил свою обувь: «Научившись шить простые сапоги, отец начал уже фантазировать: шил ботинки и, наконец, брезентовые летние башмаки с кожаными наконечниками, в которых ходил сам целое лето», – вспоминал сын Илья Львович [18, с. 194]. Писатель шил и детские сапожки, с большим трудом работая с маленькими колодками.

Изучение таких источников, как воспоминания гостей, позволяют точнее восстановить эпизоды бытовой жизни Л.Н. Толстого. Вот он располагается с гостями в зале со своим сапожным инструментом. В июле 1885 г. старшая дочь князя Урусова играла на рояле музыку Шумана и Шопена, – Л.Н. Толстой рядом примётывал подошву к ботинкам и, не отрываясь от работы, восторженно оценивал игру пианистки. Вот он утром 25 июля того же года «в рубашке, подштанниках, подпоясанный фартуком, как сапожник» просит сына Сережу развернуть сапог, чтобы подошву посмотреть, «как срезать подметки, в какую сторону их скосить» [19]. Вовсе милая сцена – гостей и домашних просит, если обувь не в порядке, за ремонтом обращаться к нему. Вот в августе 1885 г., уйдя с крокета, он наливает стакан чая, и вскоре находящиеся в доме видят, как уже в кожаном рабочем фартуке с проймами он стучит в кабинете по подошве сапога. Подобные картины наблюдали не только доброжелательные, но и язвительные гости. Современники подтрунивали над увлечением Л.Н. Толстого, и отразили своё отношение в отечественной, и в зарубежной прессе. В еженедельном иллюстрированном журнале «Осколки» № 25 (21 июня) за 1886 г. помещена карикатура М.М. Далькевича «Граф Л.Н. Толстой и сапожник» с цитатой И.А. Крылова: «Беда, как сапоги начнёт печи сапожник, а сапоги тачать пирожник». 18 июля 1885 г. княгиня Урусова за обедом в доме писателя сообщила, что в одной из французских газет была опубликована статья «Comte Tolstoy cordonnier» («Граф Толстой – сапожник»).

Неважно, что посторонние воспринимали полюбившееся Толстому занятие как причуду графа. Он мог месяцами ничего не писать, а в кабинет приходил разве только для шитья обуви. Однако временное литературное бездействие было только кажущимся. Например, летом 1885 г. писатель шил сапоги, никому не сказав, что

работает над «Сказкой об Иване-дураке», а уже в октябре неожиданно выдал это смелое, шокирующее цензоров, произведение с резкой политической сатирой.

Выявлено главное: его увлечение – это защитная реакция психики, отвлечение, возможность забыться с помощью другого вида деятельности в сложное для него время. В начале 80-гг. XIX в. романы «Война и мир», «Анна Каренина» во всём мире давно уже читали на русском и иностранных языках, в разных переводах и обсуждали на многих языках мира. Толстой, не жалующий славу и эмоциональную общественную шумиху с противоречивыми «экспертными» мнениями, испытывал опустошение и усталость. Близкие люди понимали и поддерживали его. 3 мая 1889 г. Толстой с беспокойством пишет жене по дороге в Ясную Поляну: «Пожалуйста, в моей комнате вырезанные сапоги вели прибрать в сырое место. Попов напомнил, что они пересохнут и испортятся» [20, с. 57], на что С.А. Толстая, оставшаяся в московском доме, деловито отвечает: «Сапоги твои и кожу спрятали тогда же в подвал. Но ничего бы и так не высохло, холод ужасный» [21].

После интенсивной умственной работы ему важно было временно отойти от литературного творчества, переключиться на другую деятельность. «Как в деревне, так и здесь продолжаю не работать пером и это воздержание, представьте себе, удовлетворяет, радует меня», – пишет он в ноябре 1888 г. своим друзьям – художнику Н.Н. Ге и его сыну [22]. Такое отвлечение окажется полезным. Впереди его ждала работа по созданию произведений на общественно-политические и религиозные темы, в том числе, роман «Воскресение» о социальной панораме русской жизни конца XIX в. А пока он погружён в швейную работу, которая помогает его дальнейшему становлению как писателю. Почти десять лет это занятие – часть его повседневного быта, изучать который помогает ещё один источник – портал о жизни и творчестве Льва Толстого www.tolstoy.ru, созданный Государственным музеем Л.Н. Толстого и Музеем-усадьбой «Ясная Поляна» к 185-летию писателя (руководитель проекта – праправнучка писателя Фёкла Толстая – *С.Л.*). Мы работаем теперь с эталонной (т.е. прошедшей редакционно-издательскую обработку) электронной версией его 90-томного собрания сочинений, располагающей удобной многоуровневой поисковой системой.

Таким образом, тексты произведений, записные книжки, дневники, воспоминания современников, периодика, ресурсы сайтов с функцией сохранения писательского наследия – значимые для музейных исследователей письменные и виртуальные источники в работе по изучению группы экспонатов – в данном случае по сапожному ремеслу. Благодаря собранному материалу, ранее точечно известному, но не систематизированному, более чётко сопоставлены хронологически события, извлечена семантическая информация, обозначена аттрактивность и репрезентативность тематических экспонатов. Теперь мы можем представить новые сведения о мемориальных предметах, чтобы они стали ближе и понятнее посетителям, поскольку изученные экспонаты на время экскурсии условно обретают прежний статус домашних предметов и позволяют нам ярче показать эпоху жизни владельцев мемориального Дома Л.Н. Толстого.

1. Прототип Николая – воспитатель в семье Толстых Николай Дмитриевич Михайлов.
2. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. : 1928–1958 / Л. Н. Толстой. – Т. 8 : Педагогические статьи 1860–1863. – М. : Художественная литература, 1936. – С. 252.
3. Там же. – Т. 48. – С. 92.
4. Там же. – Т. 49. – С. 64
5. Там же. – Т. 49. – С. 64.
6. Там же. – Т. 49. – С. 84.
7. Там же. – Т. 49. – С. 85.
8. Там же. – Т. 49. – С. 86.
9. Там же. – Т. 49. – С. 87.
10. Там же. – Т. 49. – С. 95–96
11. Там же. – Т. 85. – С. 69.
12. Там же. – Т. 49. – С. 42.

13. Там же. – Т. 50. – С. 71.
14. Там же. – Т. 49. – С. 77.
15. Там же. – Т. 83. – С. 423.
16. Из «Записок» И. М. Ивакина. – URL: https://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/nta/nta-092-.htm (дата обращения: 20.03.2025).
17. Толстой, И. Л. Мои воспоминания / И. Л. Толстой. – М. : Художественная литература, 1967. – 456 с.
18. Там же. – С. 194.
19. Ивакин, И. М. Воспоминания о Толстом. – URL: http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/vospominaniya/ivakin-vospominaniya-o-tolstom.htm (дата обращения: 20.03.2025).
20. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. : 1928–1958 / Л. Н. Толстой. – Т. 84 : Письма к С. А. Толстой. 1887–1910. – Москва ; Ленинград : Государственное издательство художественной литературы, 1949. – С. 57.
21. Толстая, С. А. Письма Толстому Л. Н. / С. А. Толстая. – URL: http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma-tolstomu/pisma-tolstoj/letter-212.htm?ysclid=m8h2zx7uiq43775926 (дата обращения: 20.03.2025).
22. Л. Н. Толстой. Письма. 1887–1889. – URL: http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/1887-1889/letter-166.htm?ysclid=m8h3h6xvjx458473793 (дата обращения: 20.03.2025).

Стельмашук В.С.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ВИТЕБСКА И ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ В МУЗЕЯХ ГОРОДА

Ключевые слова: археолог, раскопки, находки, экспозиция, музей.

История археологического изучения Витебска охватывает весьма существенный период, в рамках которого изучением города занимался целый ряд известных и видных отечественных специалистов в данной сфере.

В 1868 г. при Губернском статистическом комитете начал формироваться первый в Витебске музей. Его основателем стал секретарь Витебского статистического комитета, историк и археолог А.М. Сементовский. С ним сотрудничал археолог-любитель М.Ф. Кусцинский, что привело к созданию богатой археологической и нумизматической коллекции. В 1893 г. фонд музея насчитывал 305 предметов археологии. В 1901 г. археологический отдел музея был передан в церковно-археологический музей (древлехранилище), который был создан 2 сентября 1893 г. [7, с. 177].

В 1895 г. началось археологическое изучение Верхнего замка, были проведены раскопки на Замковой горе. «Но поскольку эти работы носили эпизодический характер, результаты тех исследований позволяли лишь в некоторой степени судить о стратиграфии и хронологии культурных напластований памятника и его материальной культуре» [4, с. 83–84]. Материалы научного архива Витебского областного краеведческого музея (далее – ВОКМ) свидетельствуют о том, что находки с Замковой горы хранились в собраниях музея при Витебской ученой архивной комиссии (ВУАК), преобразованного позднее в музей при педагогическом институте, а также в частном собрании Вацлава Федоровича. Оно включало ряд ценных индивидуальных находок – не только материалы раскопок, но и случайные находки. На данный момент в археологическом собрании ВОКМ выявлено порядка 67 (90) предметов из раскопок Замковой горы. Это керамика, железные топоры, различные изделия из железа [8, с. 172–173].

Археологические находки А.П. Сапунова, материалы раскопок М.Ф. Кусцинского, Е.Р. Романова стали одними из первых поступлений Витебского губернского музея, созданного в 1918 г. на основе коллекции А.Р. Бродовского. В 1924 г. губернский музей был преобразован в Витебское отделение Белгосмузея, фонды которого пополнились коллекциями церковно-археологического музея, музея Витебской учёной архивной комиссии, частного собрания В. Федоровича. С этого времени музей располагается в городской ратуше – памятнике архитектуры XVIII в. В 1927 г. была открыта экспозиция, в которую включили археологический отдел. В Книгах поступлений за период с 1925 по начало 1928 гг. выявлено около 110 предметов

археологии. Основная часть – находки, относящиеся к каменному веку (порядка 62 предметов). Среди них каменные орудия, сверленые топоры (21 ед.), «кремневый молоток» и долотовидные орудия (23 ед.). На сегодняшний день в фондах ВОКМ находится 14 каменных орудий и 5 топоров из этих поступлений [9, с. 14–15]. К этому времени можно отнести и продолжение археологического изучения древнего Витебска, когда в 1928 г. член историко-археологической комиссии Инбелкульта и заведующий отделом археологии Белорусского государственного музея А.Н. Лявданский провел археологическое исследование на Замковой горе. Предметы, обнаруженные им, также вошли в экспозицию музея.

В годы Великой Отечественной войны небольшая часть археологической коллекции была эвакуирована в Саратов. Значительную часть гитлеровские оккупационные власти вывезли в Ригу для дальнейшей отправки в Германию. После войны в музей были возвращены далеко не все археологические материалы, а их паспортизация была утрачена. В экспозиции, созданной после Великой Отечественной войны, также были представлены предметы археологии.

В 1982 г. началась реставрация здания ратуши и в это время сотрудники музея занимались комплектованием фондов, в которые вошли, помимо всего, материалы археологических исследований Верхнего и Нижнего замков. В настоящее время коллекция археологии насчитывает около 30 тыс. единиц хранения основного и научно-вспомогательных фондов. В ней представлены материалы от эпохи мезолита до периода позднего Средневековья. «Витебская подколлекция» представлена находками археологов Г.В. Штыхова, О.Н. Левко, Л.В. Колединского, М.А. Ткачева, Т.С. Бубенько [1].

В 1960–1970-е гг. Витебск изучали такие выдающиеся археологи как Л.В. Алексеев и Г.В. Штыхов. Можно говорить о том, что Л.В. Алексеев стал основоположником исследований топографии древнего Витебска, так как он дал подробную характеристику культурным напластованиям восточной части Нижнего замка Витебска (площадь Свободы) по наблюдениям во время строительных работ в 1959 г.

В течение 1963–1966 и 1972 гг. археологические работы в западной части бывшего Нижнего замка Витебска проводил историк и археолог Г.В. Штыхов. Археолог сделал вывод о том, что Витебск как город в социально-экономическом значении сложился во второй половине X в. на месте предшествовавших ему поселений кривичей.

Дальнейшую работу по археологическому изучению древнего Витебска проводили и такие археологи-исследователи, как М.А. Ткачев, О.Н. Левко, Л.В. Колединский, Т.С. Бубенько, деятельность которых пришлась, как на советский, так и на постсоветский периоды археологического изучения Витебска.

В 1977–1978 гг. Л.В. Колединский и М.А. Ткачев, а в 1979–1993 гг. – один Л.В. Колединский, проводили раскопки в Витебске. Наиболее масштабные из них были проведены в 1978 г., вскрытая площадь составила 672 кв. м [3, с. 85]. Археологами также проводились мероприятия по сохранению и музеефикации вскрытых раскопками участков городской деревянной застройки XIII – начала XIV в. и остатков укреплений XII в. на территории Верхнего замка в районе ул. Пушкина. В итоге в 1980 г. Совет Министров БССР принял постановление «О создании в г. Витебске археологического музея – филиала Витебского областного краеведческого музея».

В ходе раскопок 1982 г. Л.В. Колединским на площади 240 кв. м было вскрыто одиннадцать построек XIII–XIV вв., имевших хорошую сохранность древесины. Над ними был возведен временный навес и создана экспозиция артефактов из раскопок. Этот объект привлекал внимание не только специалистов, но и экскурсантов. Предполагалось продолжить раскопки и возвести стационарный археологический музей. Однако в августе 1989 г. Министерство культуры разрешило разобрать навес и засыпать подготовленные к

музеефикации деревянные сооружения, мотивируя это «отсутствием эффективной технологии консервации остатков древней застройки» [6, с. 89–90].

До 2000 г. археолог О.Н. Левко проводила раскопки на Верхнем, Нижнем замках, Взгорье. Впервые был исследован культурный пласт посадов Задунайского, Заручавского и Задвинского, которые сформировались на основе прилегающих слобод. В результате был прослежен характер связи этих поселений с городским ядром на протяжении всего времени их существования.

Большой вклад в археологическое изучение древнего Витебска внесла археолог Т.С. Бубенько, которая с 1981 по 1989 гг., а также с 1992 по 1997 гг. исследовала территорию Нижнего замка. Наиболее же интересными из обнаруженных Т.С. Бубенько объектов являются каменная башня XIV в. «Духовский круглик», часть усадьбы князя Огинского XVII в. с многоэтажными домами на подклетах и корчма XVII–XVIII вв. В частности, здание «Духовского круглика», построенное в 2007 г., является выставочным пространством, в котором снование башни XIV в. включено в сам натурный, стилизованный экспонат. Сооружение самой башни закончилось в 1351 г., она стала одной из 7 оборонительных башен Нижнего замка и называлась в разные времена «Нарожнай», «Навугольнай». Первоначально башня была построена из валунного камня и большемерного кирпича, была прямоугольной, 12–13 метров в высоту (не более трех ярусов), с толщиной стен от 1,1 до 1,8 метра [2].

Экспозиция ВОКМ «Древний Витебск IX–XIV вв.», в которую вошли материалы раскопок археологов Г.В. Штыхова, Т.С. Бубенько, О.Н. Левко, Л.В. Колединского, М.А. Ткачева была открыта в 1998 г. В экспозиции представлена история Витебска на основе археологических находок (монеты, орудия труда, предметы вооружения, и шахматные фигурки, фрагменты древних кладов, изделия витебских ремесленников, древние предметы культа) с момента возникновения города в X в. до XIV в. – момента присоединения витебских земель к Великому Княжеству Литовскому [5].

В июле 2024 г. в исторических подвалах здания ратуши была открыта долговременная выставка «Находки археолога», на которой представлены предметы, обнаруженные Т.С. Бубенько во время раскопок в Витебске в 1980-е гг. (керамика), находки О.Н. Левко, сделанные на территории Взгорского замка в 1998–2000 гг. (изделия из дерева), а также вещи, найденные в 2024 г. во время археологических работ в городе и подводных археологических раскопок под руководством старшего научного сотрудника Института истории НАН Беларуси И.В. Спирина (керамика, стекло, изделия из металла).

С начала XXI в. изучение культурных напластований города осуществляет Институт истории НАН Беларуси. На сегодняшний день археологические находки сконцентрированы в таких экспозициях и выставочных пространствах Витебска как экспозиция «Древний Витебск IX–XIV вв.» и долговременная выставка «Находки археолога», расположенные в филиале УК «Витебский областной краеведческий музей» по адресу ул. Ленина, 36, а также выставочный зал «Духовской круглик» по адресу проспект Фрунзе, 13А/1. Следует отметить, что предметы из раскопок, проводившихся в Витебске Т.С. Бубенько, О.Н. Левко, Г.В. Штыховым, представлены также в Минске: в экспозиции музея истории НАН Беларуси, экспозициях Национального исторического музея, Национального художественного музея.

1. Археологическая коллекция // ratusha-vit.by – URL: https://ratusha-vit.by/ru/uslugi/arheologiya (дата обращения: 15.03.2025).

2. «Духовской круглик» – гость из прошлого / vitebskcity.by – Витебск, 2012–2016. – URL: https://vitebskcity.by/article_view.php?idmenu=1&id=5 (дата обращения: 15.03.2025).

3. Колединский, Л. В. Верхний замок Витебска – уникальный археологический объект (изучение и сохранение) / Л. В. Колединский // Беларуская думка. – 2022. – № 6. – С. 85–91.

4. Колединский, Л. В. О начальной дате археологического изучения городов Беларуси / Л. В. Колединский // Проблемы истории отечественной археологии : тез. докл. конф. (11–13 дек. 1990 г.) / [Редкол.: И. Л. Тихонов (отв. ред.) и др.]. – СПб. : СПбГУ, 1993. – С. 83–84.

5. Наши постоянные и долговременные выставки / ratusha-vit.by – URL: https://ratusha-vit.by/ru/uslugi/nashi-postoyannye-i-dolgovremennye-vystavki (дата обращения: 15.03.2025).

6. Почобут, Н. А. Сохранение и изучение археологического наследия музеями БССР (1944–1991 гг.) / Н. А. Почобут. – Гродно : ЮрсаПринт, 2019. – 194 с.

7. Гурьянова, С. А. Роль частных собраний в становлении и развитии музеев г. Витебска / С. А. Гурьянова // 90 год Віцебскаму абласному краязнаўчаму музею: матэрыялы навук. канф., Віцебск, 30–31 кастр. 2008 г. / рэдкал.: Г. У. Савіцкі [і інш.]. – Мінск : Медысонт, 2009. – С. 176–184.

8. Шарковская, Н. Ю. Артефакты с Замковой горы из собраний Витебских музеев / Н. Ю. Шарковская // Віцебскія старажытнасці: матэрыялы навук. канф., прысвеч. 90-годдзю з дня нараджэння Л.В. Аляксеева, 28–29 кастр. 2010 г., Віцебск / Упр. культуры Віцеб. аблвыканкама, Віцеб. абл. краязн. музей ; рэдкал. : Г. У. Савіцкі [і інш.]. – Мінск : Медисонт, 2012. – С. 155–195.

9. Шарковская, Н. Ю. Книги поступления о комплектовании фондов в первые годы работы Витебского отделения Белгосмузея (1925 – начало 1928 г.) / Н. Ю. Шарковская // 100 год Віцебскаму абласному краязнаўчаму музею : матэрыялы навук. канф., Віцебск, 14 снеж. 2018 г. / [рэдкал.: Т. А. Старынская і інш.]. – Мінск : Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2024. – С. 11–56.

Сямашка К.У., Сівохін Г.А.

ДАСЛЕДАВАННІ ЛАКАЛЬНАЙ ГІСТОРЫІ ЯК АСНОВА НАВУКОВА-ДАСЛЕДЧАЙ І ЭКСПАЗІЦЫЙНАЙ РАБОТЫ Ў МУЗЕІ. НА ПРЫКЛАДЗЕ ДЗЕЙНАСЦІ НАВУКОВА-ЭКСПАЗІЦЫЙНАГА АДДЗЕЛА ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАГА МУЗЕЯ-ЗАПАВЕДНІКА “ЗАСЛАЎЕ”

Ключавыя словы: Гісторыка-культурны музей-запаведнік “Заслаўе”, навукова-даследчая работа ў музеі, архівы Беларусі, Уладзімір Марзон, Хвядос Шынклер.

Музейнае даследаванне і прадстаўленне вынікаў гэтага даследавання не магчыма пабудаваць выключна на музейных прадметах. Безумоўным складнікам такой работы з’яўляецца работа з архіўнымі дакументамі. На гэта таксама накладаецца той факт, што музей з’яўляецца важнай інстытуцыяй, звязанай з практыкамі *публічнай гісторыі*. А музейную прэзентацыю – гэта можа быць і экспазіцыя, і экскурсія, лекцыя і пад., – варта разглядаць не як *рэч у сабе*, а як пэўны складнік цэлага комплексу акцый, скіраваных на дэкламацыю тых ці іншых гістарычных ведаў, якія грунтуюцца на артэфактах з музейнага фонду, архіўных дакументах, палявых даследчых матэрыялах.

У гэтым ключы мы маем разглядаць музейную работу як пэўную акцыю, якая дзеіцца ў рамках практык апублічвання гістарычных ведаў – як прэзентацыю вынікаў даследаванняў сродкамі публічнай рэпрэзентацыі праз “сумеснае” вывучэнне мінулага, а таксама яго “публічнага бытавання”. Пры гэтым музейны складнік такога *апублічвання* грунтуецца і на ўласна музейнай прэзентацыі, і на ейнай ***рэ***прэзентацыі – публічнай “сумеснай” інтэрпрэтацыі музейнага прадстаўлення, пабудаванага на артэфактах з музейнага збору і даследаваннях архіўных матэрыялаў.

І музейная прэзентацыя, і рэпрэзентацыя дасягаюцца шэрагам сродкаў, напрыклад, такім класічным сродкам, як музейная публікацыя – гэта могуць быць самы розныя гайды і каталогі па экспазіцыях ці па калекцыях, выданні (манаграфіі, зборнікі канферэнцый, перыядычныя выданні) і мультымедыйныя публікацыі, справаздачы, праспекты, экскурсійныя лісткі і брашуры, “аднадзёнкі” (афішы, постары, улёткі); мэрч (паштоўкі, рэпрадукцыі).

Аднак самым дзейным сродкам музейнай публікацыі з’яўляюцца менавіта музейныя прэзентацыі – часовыя і/або пастаянныя экспазіцыі, музейна-педагагічныя заняткі, лекцыі.

Даследаванні, якія праводзіць музей па вывучэнню музейнага прадмета, асобы ці гістарычнай з’явы пэўнай мясцовасці – уласна той, дзе і знаходзіцца музей ці адкуль

паходзіць музейны прадмет, – часта з’яўляюцца ўсяго толькі складовай часткай вывучэння больш шырокага кантэксту лакальнай гісторыі, якое грунтуецца перад усім на архіўных дадзеных. І такія “мікрадаследаванні” дапамагаюць вывучаць і інтэрпрэтаваць больш шырокі кантэкст гісторыі пэўнага локусу.

У музейнай рабоце існуе і зваротная сувязь – пры распрацоўцы экспазіцыйных, адукацыйных праектаў, культурных праграм работа грунтуецца не толькі на ўласна фондавых матэрыялах – якія, натуральна, часта таксама з’яўляюцца вынікам даследаванняў лакальнай гісторыі, – але і сама канцэптуальная частка праекта грунтуецца на плёне працы даследчыкаў, сканцэнтраваных менавіта на больш шырокім гістарычным кантэксце.

Значную частку такіх матэрыялаў у музейнай даследчай рабоце складаюць дадзеныя архіўных росшукаў. Такім чынам, музейная навукова-даследчая работа, у тым ліку і навукова-экспазіцыйная, у значнай ступені з’яўляецца вынікам архіўных даследаванняў.

У гісторыі Заслаўя хапае лакун, якія, нягледзячы на знакавасць мястэчка для Беларусі, абсалютна не даследаваныя. Аднак і тыя старонкі і “сівой даўніны”, і ўжо блізкіх да нас часоў, якія быццам добра даследаваныя, занадта часта застаюцца пад покрывам гістарычнага змроку і забыцця. Таму адной з асноўных задач Гісторыка-культурнага музея-запаведніка “Заслаўе” (далей – Запаведніка) з’яўляецца рэпрэзентацыя лакальнай гісторыі і самога мястэчка, і вакольных зямель, якія былі з ім звязаныя – іх *апублічванне*.

У дадзеным артыкуле мы маем звярнуцца да досведу такой даследчай работы, якая грунтавалася ў значнай ступені на даследаванні і апублічванні – музейнай публікацыі, – архіўных матэрыялаў. У астатнія некалькі гадоў найбольш значнымі сярод такіх праектаў былі, верагодна, праект да 120-х угодак з нараджэння ў Заслаўі Хвядоса Шынклера “Падарожжы па вялікім свеце Хвядоса Шынклера. Постлітаратурныя нататкі пра слыннага земляка” [12] і экспазіцыйна-выставачны фотадакументальны праект “Рамбам з нашага мястэчка”, які ўяўляў часовую экспазіцыю, пабудаваную на фондавых матэрыялах трох музеяў і прысвечаны быў гісторыі заслаўскай медыцыны, з аднаго боку, і гісторыі выбітнага беларускага лекара, які паходзіць з нашага мястэчка, прафесара Уладзіміра Восіпавіча Марзона, з другога [17].

Праект “Падарожжы па вялікім свеце Хвядоса Шынклера. Постлітаратурныя нататкі пра слыннага земляка” быў рэалізаваны ў калейцы навукова-адукацыйных і асветніцкіх праектаў Запаведніка “Этнаграфіка рэчавіду” і з’яўляўся партнёрскай акцыяй Запаведніка, Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва, Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі, Музея гісторыі Беларускай чыгункі Цэнтра навукова-тэхнічнай інфармацыі БЧ і Мінскага абласнога краязнаўчага музея [13, с. 5].

Мемарыяльны праект “Падарожжы па вялікім свеце Хвядоса Шынклера”, праведзены Запаведнікам разам са сваімі партнёрамі з 22 жніўня па 10 кастрычніка 2023 г., стаў важным культурным мерапрыемствам. Хвядос Шынклер, празаік, публіцыст і мысляр, з’яўляецца адной з ключавых фігур беларускай культуры ХХ ст., і гэты праект дазволіў бліжэй пазнаёміцца з яго жыццёвым і творчым шляхам. Праект уключаў некалькі ключавых кейсаў, кожны з якіх быў прэзентаваны адпаведнай складовай часткай – экспазіцыйнай зонай, – і накіраваны на раскрыццё канкрэтнага аспекту жыцця і творчасці Хвядоса Шынклера.

Асаблівае месца ў праекце было адведзенае прэзентацыі архіўных дакументаў. Так, біяграфічны складнік экспазіцыі мусіў быў быць арыентаваны на прэзентацыю вех жыцця пісьменніка. Гэты раздзел выставы асвятляў асноўныя этапы яго біяграфіі, пачынаючы ад нараджэння ў Заслаўі і да апошніх гадоў жыцця. У экспазіцыі былі

прадстаўлены фотаздымкі, дакументы, рэчавыя помнікі і рукапісы, якія дазвалялі наведвальнікам убачыць пісьменніка з розных бакоў.

Сярод шэрагу іншых дакументаў архіўны складнік экспазіцыі быў перад усім прэзентаваны ў зоне “Гістарычна-дакументальная хроніка”. Яна ўяўляла экспазіцыю архіўных дакументаў з фонду Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва.

Верагодна, найбольш важнымі з дакументальнага фонду Хвядоса Шынклера, прадстаўленага на экспазіцыі, было ягонае ліставанне. Раскрыць лёс літаратара, жыццё падчас Другой сусветнай вайны, зразумець, як ён выжываў, хто і калі яму дапамагаў, а каму – ён сам, могуць дапамагчы гэтыя лісты. Важны складнік дакументальнага архіву – ліставанне з калегамі і сябрамі [1–4; 10; 11; 16; 18].

Але не менш, а, магчыма, яшчэ больш важнае – ліставанне з жонкай Ксеніяй і дзецьмі [7]. Гэтае ліставанне не толькі раскрывае шэраг старонак *рэальнага* жыцця Хвядоса Шынклера падчас вайны. Яно адкрывае шчымлівыя, досыць душэўныя ды інтымныя моманты дачынення двух блізкіх людзей у нялюдскіх умовах вайны.

Не менш важным аспектам прэзентацыі архіўных даследаванняў была дэманстрацыя зоны, прысвечанай “чыгуначна-тэлеграфнаму” перыяду жыцця Хвядоса Шынклера. І, верагодна, асабістыя справы яго самога [5] і яго жонкі Ксеніі [6], выяўленыя супрацоўнікамі Музея гісторыі Беларускай чыгункі, з’яўляліся найбольш важнымі і каштоўнымі прадметамі не толькі ў дадзенай экспазіцыйнай зоне, але і на ўсім праекце.

Такім чынам, дзякуючы архіўнаму складніку мемарыяльны праект здолеў папулярызаваць спадчыну Хвядоса Шынклера і спрыяў захаванню яго памяці. Сярод асноўных задач вылучаліся такія, як даследаванне і прэзентацыя біяграфічных і творчых момантаў жыцця творцы. Праект імкнуўся паказаць рознабаковыя аспекты жыцця і творчасці Х. Шынклера, уключаючы яго літаратурныя працы, жыццёвыя пертурбацыі і сацыяльную дзейнасць.

Не менш важнай задачай праекта была і папулярызацыя беларускай культуры. Арганізатары імкнуліся прыцягнуць увагу да беларускай літаратуры і культурнай спадчыны, падкрэсліваючы ўклад Шынклера ў развіццё нацыянальнай культуры.

Наступным аспектам работы над праектам, вынесеным у задачы па яго рэалізацыі, была адукацыйная дзейнасць. Праект даў магчымасць наведвальнікам глыбей пазнаёміцца з творчасцю Х. Шынклера і гістарычным кантэкстам яго жыцця.

Адным з галоўных дасягненняў праекта стала паспяховая папулярызацыя беларускай культурнай спадчыны. Наведвальнікі атрымалі магчымасць бліжэй пазнаёміцца з творчасцю і асобай Хвядоса Шынклера, што спрыяла павышэнню цікавасці да беларускай літаратуры і культуры ў цэлым, садзейнічалі развіццю крытычнага мыслення і ўменняў аналізаваць літаратурныя і культурніцкія з’явы.

Асаблівай важнасцю праекта стала магчымасць захавання, аднаўленне і папулярызацыі многіх аспектаў, звязаных з жыццём і творчасцю Шынклера. У працэсе падрыхтоўкі да выставы былі адшуканы і сабраныя ў адно цэлае ягоныя аўтографы, рукапісы і фотаздымкі, якія раней былі “забытыя”, а таксама дакументы, звязаныя з жыццём беларускага літаратара. Акрамя гэтага, праект спрыяў усталяванню новых культурных і акадэмічных сувязяў. Былі наладжаны кантакты з іншымі музеямі, архівамі і даследчымі ўстановамі, што дазволіла пашырыць даследаванні творчасці Шынклера і ўзмацніць супрацоўніцтва ў галіне культуры, а таксама паглыбіць даследаванні па лакальнай гісторыі Заслаўя.

Другі праект – “Рамбам з нашага мястэчка”, – грунтаваўся на “перапляценні” даследаванняў па лакальнай гісторыі і быў плёнам сумеснай работы Запаведніка, Музея гісторыі медыцыны Беларусі і Бабруйскага краязнаўчага музея [19].

У дадзеным праекце на грунце архіўных матэрыялаў, з аднаго боку, і багатай калекцыі музейных прадметаў розных музеяў, з другога, было паказанае, як жыццё Уладзіміра Марзона, лёс якога час ад часу вяртаў доктара ў роднае мястэчка, перапляталася з родным яму Заслаўем, а, значыцца, і з яго "медыцынай" – не аднойчы ён прыязджаў у Заслаўе як выбітны лекар з кансультацыямі, а таксама абіраўся дэпутатам Вярхоўнага Савета БССР ад Заслаўскай выбарчай акругі. Таксама на базе архіўных матэрыялаў былі даследаваныя невядомыя старонкі сямейнай гісторыі, упершыню апублікаваныя менавіта ў рамках дадзенай часовай экспазіцыі. Даследаванні былі дапоўненыя вуснагістарычнымі матэрыяламі, атрыманымі ў выніку інтэрв'юавання сваякоў Уладзіміра Марзона [14; 15].

Перапляценні жыццёвай лініі доктара і гісторыі медыцыны яго роднага мястэчка, як і ўласна сама гісторыя станаўлення і развіцця заслаўскай медыцыны, – грунт сюжэтнай лініі, на якой была пабудаваная сцэнаграфія праекта, рэалізаванага ў рамках нізкі навукова-даследчых і адукацыйных праектаў навукова-экспазіцыйнага аддзела Запаведніка "Этнаграфіка рэчавіду".

Пры падрыхтоўцы праекта быў даследаваны шэраг дакументаў з фондаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі, які не ўвайшоў у саму музейную прэзентацыю, але дзякуючы якому быў раскрыты шэраг старонак жыцця і самога Уладзіміра Марзона, і яго сямейнікаў [1–4; 8; 10; 11; 16; 18]. Выкарыстаныя былі і дакументы з навуковага архіва музеяў-партнёраў праекта [9]. Гэтыя дакументы дапамаглі зразумець і раскрыць цёмныя плямы з жыцця галоўнага героя выставы, растлумачыць пэўныя аспекты, звязаныя з родам Марзонаў.

Агулам, праект быў прымеркаваны да Дня медычнага работніка Беларусі, які ў 2024 прыпадаў на 16 чэрвеня, а таксама да 130-х угодак з пабудовы медычнага комплексу ў Заслаўі па вул. Бялова, д. 5, – першай падобнай стацыянарнай установы на тэрыторыі сённяшняга Мінскага раёна.

Аднак у дадзеным тэксце перад усім важна было паказаць вынікі даследчай работы, выкананай падчас падрыхтоўкі праекта, і скіраванай на постаць як самога Уладзіміра Марзона, так і асвятлення гісторыі яго сям'і і сувязі роду Марзонаў як з Заслаўем, так і з некаторымі іншымі мястэчкамі і гарадамі Беларусі: Бабруйск, Ракаў, Мінск, Койданава і інш.

Такім чынам, можам канстатаваць, што ў музейнай навукова-даследчай і экспазіцыйнай рабоце архіўныя фонды займаюць адно з найбольш важных месцаў, прыкладам чаго могуць служыць шматлікія даследчыя і экспаізцыйныя праекты навукова-экспазіцыйнага аддзела Запаведніка. Так, падчас рэалізацыі праекта "Падарожжы па вялікім свеце Хвядоса Шынклера. Постлітаратурныя нататкі пра слыннага земляка" апрача ўласна музейных прадметаў і прадметаў музейнага значэння было выкарыстанае больш за сотню архіўных дакументаў, у тым ліку з фонду Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтваў – 34 адзінкі захоўвання, з архіўнага фонду Цэнтра навукова-тэхнічнай дакументацыі Беларускай чыгункі – 6 адзінак і з архіўнага фонду навуковага архіва Запаведніка – 61 адзінка.

Для падрыхтоўкі экспазіцыйна-выставачнага фотадакументальнага праекта "Рамбам з нашага мястэчка" былі выкарыстаныя дакументы з фондаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі. У рамках праекта экспанаваліся музейныя прадметы і архіўныя дакументы з музейных і архіўных фондаў Запаведніка, Музея гісторыі медыцыны Беларусі і Бабруйскага краязнаўчага музея, а таксама быў падрыхтаваны каталог матэрыялаў, якія экспанаваліся на выставе.

1. Дело о представлении помещицей М. Желиговской и крестьянкой А. Лапицкой, мещанкой Я. Морзон запродажной записи на им. Сярки Минского у. для засвидетельствования // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 147. Воп. 3. Т. 5. Спр. 18261.

2. Дело по жалобе крестьян Великосельской вол. на составление волостным писарем Морзоном подложных общественных приговоров, на увеличение себе жалования и других его злоупотреблений по службе // НГАБ. – Ф. 242. Воп. 1. Т. 1. Спр. 15831.

3. Дело по жалобе священника Изяславской церкви Минского у. Г. Рункевича на противодействие писаря Морзона крещению еврея В. Дубронштейна // НГАБ. – Ф. 1567. Воп. 1. Спр. 82.

4. Земского врача Бацевичского участка Бобруйского уезда Морзона Владимира Иосифовича // НГАБ. – Ф. 324. Воп. 1. Спр. 1230.

5. Личное дело Шинклера Феодосия Сергеевича – телеграфиста ; 27.03.1919–27.12.1924 ; Западные Ж.Д. // Архіў Цэнтра навукова-тэхнічнай дакументацыі Беларускай чыгункі. – Ф. 257. Спр. 179. Ад. зах. 14530.

6. Личное дело Шинклер-Яришко Ксении Игнатьевны ; 21.06.1919–30.12.1927 ; Западные Ж.Д. // Архіў Цэнтра навукова-тэхнічнай дакументацыі Беларускай чыгункі.

7. Лісты Х.С. Шынклера да жонкі. 29.04.–18.10.1942 // Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва (БДАМЛіМ). – Ф. 300. Воп. 1. Спр. 2. Арк. 3, 6, 18, 19, 25.

8. Марзон Анна Ивановна [электронны рэсурс] / Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь // Партызаны Беларусі [сайт]. – URL: https://partizany.by/partisans/212137/ (дата звароту: 21.01.2025).

9. Марзон, У. В. Аўтабіяграфія : пашпарт навуковы прадмету музейнага // Бабруйскі краязнаўчы музей ; Музейная калекцыя “Рукапісы”, шыфр “Р”. – URL: СКБД “ІДС «Музей–5. Улікова-фондавая дзейнасць»” (дата звароту: 10.04.2024).

10. О крещении еврея Юделя Морзона // НГАБ. – Ф. 1781. Воп. 24. Спр. 6341.

11. Отношение Пристутствия с уведомлением минской дирекции народных училищ и мирового посредника Минского у. о награждении писаря Станьковского волостного правления О. Морзона серебряной медалью на Станиславской ленте за участие в деле народного образования // НГАБ. – Ф. 242. Воп. 1. Т. 1. Спр. 1814.

12. Падарожжы па вялікім свеце Хвядоса Шынклера. Постлітаратурныя нататкі пра слыннага земляка. Мемарыяльны праект да 120-х угодак з нараджэння ў Заслаўі Хвядоса Шынклера // Гісторыка-культурны музей-запаведнік “Заслаўе” [сайт]. – URL: http://zaslaue.museum.by/be/node/69976 (дата звароту: 15.12.2024).

13. Падарожжы па вялікім свеце Хвядоса Шынклера. Постлітаратурныя нататкі пра слыннага земляка. Праектная дакументацыя на стварэнне часовай экспазіцыі ў рамках нізкі навукова-даследчых і адукацыйных праектаў “Этнаграфіка рэчавіду” / Г.А. Сівохін, К.У. Сямашка // НА ГКМЗ (Навуковы архіў Гісторыка-культурнага музея-запаведніка “Заслаўе”). Ф. 2. Воп. 7. Спр. “Падарожжы па вялікім свеце Хвядоса Шынклера. Постлітаратурныя нататкі пра слыннага земляка”.

14. Палявыя матэрыялы аўтара (ПМА) ; інфармант – ВІЈ ; зап. у г. Мінску ад, жан., 1919 г.н., нар. у г. Мінску.

15. ПМА ; інфармант – ММА ; зап. у г. Мінску ад жан., 193? г.н., нар. у г. Мінску.

16. Препроводительная присутствия Минскому уездному присутствию к жалобе крестьян Раковской вол. на увеличение содержания волостному писарю Морзону и фельдшеру // НГАБ. – Ф. 242. Воп. 1. Т. 8. Спр. 16558.

17. Рамбам з нашага мястэчка. Праектная дакументацыя на стварэнне часовай экспазіцыі ў рамках нізкі навукова-даследчых і адукацыйных праектаў “Этнаграфіка рэчавіду” / Г.А. Сівохін, К.У. Сямашка // НА ГКМЗ (Навуковы архіў Гісторыка-культурнага музея-запаведніка “Заслаўе”). Ф. 2. Воп. 7. Спр. “Рамбам з нашага мястэчка”. Арк. 1–47.

18. Уведомление минской казенной палаты о перечислении земли крестьянки Лапицкой помещице Я. Морзон // НГАБ. – Ф. 321. Воп. 1. Спр. 62.

19. Фотадакументальны праект, прысвечаны гісторыі медыцыны г. Заслаўя і выбітнаму лекару, ураджэнцу Заслаўя Уладзіміру Марзону “Рамбам з нашага мястэчка” // Гісторыка-культурны музей-запаведнік “Заслаўе” [сайт]. – URL: http://zaslaue.museum.by/node/76623 (дата звароту: 15.11.2024).

Плытник Е.Г.

МУЗЕЙНЫЙ САЙТ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЕВ

Ключевые слова: музей, Интернет-сайт, музейный сайт, источник информации, Эрмитаж.

Последние годы много внимания уделяется изучению теоретических и практических аспектов деятельности музеев: проводятся исследования, результаты которых публикуются в научных изданиях; по музееведению защищаются кандидатские и докторские диссертации. Внимание исследователей не ограничивается историей музейного дела: многие работы посвящены современному состоянию отечественных и зарубежных музеев – анализируется их деятельность, специфика работы, рассматриваются современные практики. При этом ученые сталкиваются с проблемой сбора материалов и слабой источниковедческой базой для проведения исследования. Основными источниками информации выступают отчеты музеев, официальные страницы в социальных сетях и, конечно, музейные сайты. В связи с этим

тема статьи выглядит актуальной и перспективной. Целью данной работы является выявление информационного потенциала официального Интернет-сайта музейного учреждения на наиболее удачном, на наш взгляд, примере презентации и популяризации музея в Интернет-пространстве – сайте федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж» (далее – Эрмитаж) [1].

В первую очередь отметим привлекательный дизайн сайта: красочное, но не вычурное оформление; интуитивно понятное размещение основных информационных блоков; удобный и легкочитаемый шрифт. Обратим внимание на возможность получения информации на английском языке, что важно как для посетителей, так и для ученых из-за рубежа.

Структурно сайт Эрмитажа можно разделить на 2 основных блока: «для посетителей» и «для исследователей». Однако необходимо обозначить, что данное разделение достаточно условно. Вся информация, представленная на официальной странице музея в открытом доступе, может быть интересна с научной точки зрения и стать источником для написания статей или проведения исследовательских изысканий; в то же время многие разделы сайта, которые мы отнесли ко второму блоку, могут заинтересовать и посетителей, которые хотят углубить свои знания в определенных областях.

В первый блок мы включили разделы: «Билеты», «Посетителям», «Выставки и события», «Программы», «Виртуальный визит». На наш взгляд, данные страницы наиболее интересны для реальных и потенциальных посетителей: здесь можно найти стоимость входных билетов и правила посещения учреждения, время работы музея, информацию о постоянной коллекции и выставках, а также программах, проводимых в Эрмитаже.

Из блока, рассчитанного на посетителей, исследователь современных музейных практик может почерпнуть много информации, полезной для анализа различных направлений деятельности учреждения. Так, например, в разделе «Посетителям» кроме цен на входные билеты размещены условия бесплатного и льготного посещения. Эта информация может быть полезна при рассмотрении ценовой политики учреждений, а также развития концепции мериторики применительно к музеям.

В разделе «Выставки и события» представлены как текущие проекты музея, так и архив, где исследователь может найти сведения о мероприятиях начиная с 1999 г. Информационное сопровождение, подготовленное сотрудниками для данной части сайта, включает период проведения каждой выставки, представляет главную концепцию мероприятия и описывает ключевые экспонаты. Таким образом, исследователь может проанализировать работу Эрмитажа по организации и проведению выставок за последние 25 лет.

При изучении различных форм культурно-образовательной деятельности музея ученому будет интересно и полезно изучить раздел «Программы», где представлены как традиционные формы, например, лектории, так и проекты, получившие в Эрмитаже необычное наполнение. К ним мы отнесем «Диалог искусств» (проведение в залах музея музыкальных вечеров, способствующих созданию уникального синтеза аудиального и визуального восприятия), «Эрмитажную академию» (выложенные в открытый доступ видео-лекции и видео-экскурсии) и «Молодежный центр Эрмитажа» (музейное пространство, где создаются экспериментальные образовательные и культурные проекты: лекции, экскурсии, праздники, вечеринки, мастер-классы, показы студенческих работ, круглые столы, конференции и арт-медитации). Исследователей, работающих в области музейной педагогики, заинтересует раздел «Детям», где представлены программы, разработанные для детской аудитории: тематические экскурсии, лекции, кружки, изостудия Школьного центра Эрмитажа и т.д.

Отдельно необходимо упомянуть и о возможности виртуального посещения экспозиций: по основным разделам музея созданы качественные панорамы, которые не только позволяют «прогуляться» по залам, но и за счет функций приближения и отдаления камеры почувствовать себя реальным посетителем учреждения. Заслуживает внимания также текстовое сопровождение, где представлена информация о залах и конкретных предметах из собрания.

Категории «Наука и публикации» и «О музее», на наш взгляд, больше рассчитаны на пользователей сайта, имеющих научный интерес, в связи с чем были отнесены нами к блоку «Для исследователей».

Наиболее информативный раздел «Наука и публикации». Здесь можно не только получить сведения об основных научных отделах и реставрационных лабораториях, но и узнать об археологических исследованиях и экспедициях, проводимых Эрмитажем. Также здесь представлена исчерпывающая информация о возможностях доступа в научную библиотеку и архив рукописей и документального фонда, что, несомненно, полезно для ученых.

При изучении современного состояния музейного дела необычайно полезными являются отчеты о работе музейных учреждений. Однако исследователи сталкиваются с рядом сложностей при работе с данным источником информации: отсутствие свободного доступа (для получения отчета необходимо обращаться непосредственно в учреждение и, в некоторых случаях, письменно ходатайствовать о выдаче дел), зачастую формальный подход к оформлению и ведению документации, что приводит к получению неполной, поверхностной информации. В связи с этим интересен опыт работы Эрмитажа. В разделе «Издания» наряду с каталогами временных выставок и коллекций представлены отчеты музея с 2010 по 2022 г. Вся информация находится в свободном доступе и существенно облегчает научные поиски.

Отдельно хотелось бы отметить, что также общедоступными являются и научные труды сотрудников музея. Среди них – ежегодное издание, знакомящее читателя с новейшими результатами научной, хранительской, реставрационной, экспозиционной деятельности – «Сообщения Государственного Эрмитажа». Материалы сборника включают, в первую очередь, исследования отдельных произведений и коллекций из эрмитажного собрания – как публикации ранее неизвестных широкому кругу исследователей памятников, так и уточнения традиционных атрибуций, датировок, интерпретаций в свете современной науки. Специальные разделы посвящены наиболее значительным приобретениям музея за последние годы, вновь открывшимся и реконструированным экспозициям, исследованиям по истории Эрмитажа [3].

Результаты научных конференций, семинаров и симпозиумов публикуются в «Трудах Государственного Эрмитажа», сборники материалов которого также представлены на этой странице сайта. Также в разделе «Издания» в открытом доступе находятся монографии; уникальная серия «Хранитель» (опубликованные воспоминания хранителей музея); сборники докладов конференций, проводимых на базе учреждения; а также научно-популярные издания. Таким образом, данный раздел будет интересен не только исследователям, занимающимся вопросами музееведения, но и ученым, чьи интересы распространяются на различные области искусства, культуры, истории.

Не менее широкое поле для изучения предоставляет категория «О музее». Здесь представлена контактная информация, сведения об отделах Эрмитажа, а также условия взаимодействия со СМИ. С научной точки зрения наиболее интересен раздел «Эрмитаж в цифрах и фактах». Кроме общеизвестной информации о количестве единиц хранения, объеме выставочных площадей и об истории музейного собрания, в открытом доступе находятся документы, регламентирующие деятельность учреждения. Среди них приказы генерального директора, перечни рекомендуемых мероприятий по улучшению

условий труда, сводные ведомости результатов проведения специальной оценки условий работы, а также планы финансово-хозяйственной деятельности музея начиная с 2018 г. Таким образом, в открытом для исследователей доступе находятся не только отчеты, но и финансовые документы, позволяющие изучить все стороны работы учреждения.

Также полезными для анализа работы музея становятся разделы «СМИ об Эрмитаже» (где собрана подборка статей об учреждении) и «Книга отзывов», позволяющая проанализировать взаимодействие музея и его сотрудников с посетителями.

Несколько разделов сайта не удалось отнести к какому-либо блоку («для посетителей» или «для исследователей»), поскольку информация, размещенная в них, будет интересна как ученым, так и людям, собирающимся посетить музеи. Так, для примера рассмотрим рубрику «Коллекции. История Эрмитажа». В ней пользователь сайта может познакомиться с шедеврами музея, при том отметим, что для удобства поиска все объекты структурированы по коллекциям, материалу и категориям. Также для каждого объекта собраны и размещены в открытом доступе сведения о месте и времени создания, зафиксирован инвентарный номер, а также дата и источник поступления. Данная информация будет более интересна исследователям, нежели посетителям. Ближе познакомиться с экспонатами музея позволяет рубрика «Коллекции», где объекты структурированы по 27 группам.

История музея представлена в виде ленты времени, где любой заинтересованный может выбрать конкретный период и получить информацию о событиях, которые происходили в те годы. Однако больший научный интерес представляет раздел «Линия памяти», посвященный сотрудникам Эрмитажа – эрмитажникам, которые служили музею и создавали его историю с XIX в. и до настоящего времени. Многие из них посвятили музею большую часть своей жизни, для многих Эрмитаж стал последним местом работы, для многих – единственным. В «Линии памяти» исследователь может изучить биографию сотрудников и воспоминания их коллег. За точку отсчёта на линии времени принята дата официального прихода на работу. В исключительных случаях, когда эту дату невозможно установить, за точку отсчёта принята дата рождения сотрудника [2]. Также при анализе современных музейных практик полезным видится изучение разделов «Проекты Эрмитажа» и «Интернет-проект «В фокусе».

Проанализированные выше разделы сайта – не исчерпывающий перечень информации, которую исследователь может почерпнуть из официальной страницы Эрмитажа. В современных условиях сведения, размещенные в открытом доступе в Интернет-пространстве, обладают большим информационным потенциалом. Такую информацию отличает релевантность, широкий охват аудитории и общедоступность. К сожалению, приходится признать, что не все музеи готовы к такому уровню разработки своих официальных Интернет-страниц и дальнейшему поддержанию их в актуальном состоянии. Рассмотренный в статье пример показал, что музейный сайт может стать важным источником информации, следовательно, послужить развитию теории и методики музейного дела.

1. Государственный Эрмитаж : [сайт]. – СПб, 1998–2025. – URL: https://www.hermitagemuseum.org/?lng=ru (дата обращения: 25.03.2025).

2. Линия памяти // Государственный Эрмитаж. – URL: https://www.hermitagemuseum.org/explore/memoryline?lng=ru (дата обращения: 25.03.2025).

3. Сообщения Государственного Эрмитажа // Государственный Эрмитаж. – URL: https://www.hermitagemuseum.org/research/publications/publication_262?lng=ru (дата обращения: 25.03.2025).

Сімакоў А.В.

БІБЛІЯТЭКІ ЯК КРЫНІЦА ІНДЗЕЯНІСЦКАЙ ІНФАРМАЦЫІ: ВОПЫТ КАРЭСПАНДЭНЦЫІ

Ключавыя словы: індзеяністыка, беларуска-індзейскія сувязі, бібліятэкі, запыты, карэспандэнцыя.

Асноўнай мэтай гомельскага цэнтра індзеяністыкі з'яўляецца збор звестак па гісторыі беларуска-індзейскіх сувязей (БІС) у арыгіналах або копіях выданняў, дзе яны прадстаўлены, і іх аналітыка-сінтэтычная перапрацоўка ва ўласныя даследчыя тэксты.

Значэнне бібліятэк і нашай бібліятэкі, якая ў пэўны перыяд таксама паслужыла значнай крыніцай для Беларуска-індзейскай бібліяграфіі (БІБ, 13051 запіс), немагчыма перабольшыць. У большасці буйных бібліятэк свету можна знайсці публікацыі, якія зарэгістраваны ў БІБ, – эфект глабальнага падыходу, уліку перакладаў (асабліва паказальнае апавяданне «Лятарнік» Г. Сянкевіча). Беларуска-індзейскае таварыства (БІТ) згадваецца як мінімум у двух з найбольш вядомых даведнікаў па індзейцах Паўночнай Амерыкі (вытрымалі ад двух да некалькіх дзясяткаў выданняў), таму БІТ або беларускія індзеяністы праз друк сімвалічна прысутнічаюць у кожнай са значных індзейскіх бібліятэк.

У нашай практыцы былі звароты непасрэдна да супрацоўнікаў бібліятэк у рэзервацыях і пры індзейскіх або індзеянісцкіх арганізацыях па-за іх межамі (напрыклад, «Dull Knife Memorial College, Attn: Library» у спісе адпраўленняў, 28.12.1995; пазней бібліятэцы было нададзена імя пісьменніка-асветніка, прэзідэнта паўночных чаенаў Дж. Вудэнлегса – Dr. John Woodenlegs Memorial Library).

У папяровы перыяд перапіскі ў бібліятэкі беларускія індзеяністы звярталіся па пытаннях сувязей Беларусі з краінамі Амерыкі радзей, чым у музеі. Колькасць зваротаў узрасла ў электронны перыяд (з 2003 г.) – тысячы электронных паведамленняў пры перапісцы з прадстаўнікамі бібліятэк, а таксама бібліятэкарамі як прыватнымі асобамі ў дзясятках краін.

Цяпер мы робім акцэнт на папяровай перапісцы, якая была асноўнай у зносінах з арганізацыямі да першай паловы 2003 г. Яна пачаліся з Лепельскай раённай бібліятэкі. У той жа перыяд, у пачатку 1980-х гг., Гомельская абласная бібліятэка (ГАБ) рыхтавала для актыўнага чытача інфармацыю пра кнігі па індзеяністыцы, узятую са «Сводного бюллетеня новых иностранных книг». Ад ГАБ, у тым ліку па пошце, адбылося і атрыманне мікраформ, заказаных па МБА. Як і ксеракопіі, мікрафільмы часам дасылалі замест саміх выданняў, і невялікія па памеры копіі перадаваліся ў дар. Таксама мы самастойна заказалі памяркоўную колькасць платных копій у цэнтральных бібліятэках СССР.

Асноўнай тэмай пісьмовых зваротаў у бібліятэкі ў 1980-я гг. быў заказ ксеракопій і мікрафільмаў, пазней з'явіліся запыты па персаналіях землякоў, важных для даследавання БІС, і па пытаннях набыцця кніг з абменных фондаў. Змешаныя звароты (і набыццё кніг, і краязнаўчыя запыты) можа ілюстраваць выпадак з Бібліятэкай БДСГА (10.11.1992 № 213/1 – пытанні навукова-практычнага захоўвання экзэмпляраў і магчымасці іх набыцця на прыкладзе кнігі А. Іпацьева "Овощные растения земного шара" (Мінск, 1966) і біяграфій асоб, звязаных з акадэміяй, канкрэтна - лацінаамерыканіста П. Кірушына). Заказ копій з рукапісу адбыўся толькі як няўдалая спроба (не паўтораная і ў прапанавым бібліятэкай варыянце) – аддзел рукапісаў Дзяржаўнай публічнай бібліятэкі (Ленінград).

Прыклады бібліятэк з праграмы капіравання (запыты, заказы): аддзел абслугоўвання Дзяржаўнай бібліятэкі СССР 27.04.1989 (тры кнігі па індзейскіх мовах жэстаў для індзеяніста ў Оршы); Дзяржаўная публічная гістарычная бібліятэка,

«Аддзел мікрафільмавання» (28.11.1985; у бібліятэцы аддзела капіравання не было – адказ загадчыка аддзела абслугоўвання Г. Маразковай, 9.12.1985).

З рэгістратара выходнай карэспандэнцыі: Государственная публичная библиотека 1991-01-31; Государственная публичная библиотека (зав. отд. внешнего обслуживания) 1989-08-31, 1989-11-06; Государственная публичная библиотека 1989-08-05.

Асноўны ўлік і статыстыку ўваходнай карэспандэнцыі вядзём па канвертах (даты са штэмпеляў), для ДПБ / РНБ: Государственная публичная библиотека 1989-08-25, 1989-11-28, 1990-06-21, 1991-08-13; Российская национальная библиотека 1993-12-30, 2005-06-20 (2).

Са звароту па капіраванні 6.11.1989: «Отдел внешнего обслуживания Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Прошу изготовить негативные микрофильмы следующих изданий, имеющихся в Вашей библиотеке (Кніга Беларусі. 1517–1917: Зводны каталог. Мн., 1986)». Пералічваюцца кнігі Я. Селенса [3], І. Раманоўскага [2], Я. Франца [4], а таксама М. Анціповіча [1], выдадзеныя ў павятовых цэнтрах Магілёўскай і Мінскай губерняў і ў Гродна.

У выніку заказу мы атрымалі доступ да беларускіх дарэвалюцыйных кніг па геаграфіі, што не знаходзіліся ў Беларусі. Любую інфармацыю пра М. Анціповіча мы шукалі таму, што атаясамілі яго з мексіканскім збіральнікам раслін, якога сустрэлі С. Букасаў, С. Юзепчук і іншыя ўдзельнікі савецкай батанічнай экспедыцыі і які ім дапамагаў.

Бібліятэкі за межамі Беларусі, акрамя Расіі, – найбольш ЗША, Вялікабрытанія і Швейцарыя, а Чэхаславакія была першай (Славянская бібліятэка ў Чэшскай дзяржаўнай бібліятэцы, адказ дырэктара І. Вацэка 7.09.1989).

Прыкладамі бібліятэк у краінах Амерыкі могуць служыць: Раўнераўская бібліятэка спецыяльных калекцый у Бібліятэцы Дартмуцкага каледжа з Гановера ў Нью-Гэмпшыры, якая ў электронную эпоху даслала ксеракопію А3 – артыкул князя Дж. Сапегі (штэмп. 12.06.2006); Гаянская бібліятэчная асацыяцыя праз Нацыянальную бібліятэку Гаяны (8.02.1993) і асабліва Бібліятэка Ньюберы ў Чыкага, а ў ёй – Цэнтр імя Д'Арсі Макнікла па гісторыі індзейцаў (7.01.1991).

Даследчая калекцыя дзіцячай літаратуры імя дэ Груманд Бібліятэкі і архіваў МакКэйна (Універсітэт Паўднёвага Місісіпі) (увах. л.д. 28.08.1992) і Калекцыя дзіцячай літаратуры імя Керлана Уолтэраўскай бібліятэкі Універсітэта Мінесоты (вых. л.д. 18.10.1992) з'явіліся у спісе нашых карэспандэнтаў і адрасатаў у сувязі з вывучэннем біяграфіі індзеяністкі С. Блікер.

Былі зроблены звароты і ў Бібліятэку Кангрэса, у прыватнасці ў аддзел, спецыялізаваны на кіно і іншых аўдыявізуальных матэрыялах (тэма землякоў у Галівудзе).

Запыты ў бібліятэкі Беларусі рабіліся з галіны біялогіі (бульба – Навуковая бібліятэка Беларускага НДІ бульбаводства і плодаагародніцтва, МБА (1990) – набыццё копіі артыкула для навукоўца-бульбазнаўца з Перу, з той жа мэтай быў зварот у Дзяржаўную бібліятэку БССР; зубры (і бізоны) – Бібліятэка запаведніка «Белавежская пушча» (6.12.1989)), па канкрэтных гістарычных працэсах (бібліятэкі на былой тэрыторыі рассялення радзімічаў як пункты збору і папулярызацыі звестак пра іх, іх спадчыны) і персаналіях; выказваўся клопат пра фонды ўраджэнцаў Беларусі за межамі Беларусі. Нашы запыты і паведамленні маглі стымуляваць бібліятэчных работнікаў на пэўныя дзеянні, на развіццё ўласных інфармацыйных сістэм. Інфармацыя пра асобныя матэрыялы, атрыманыя з-за мяжы, накіроўвалася і ў спецыялізаваныя бібліятэкі (наркалогія (алкагалізм, наркаманія), псіхіятрыя: Рэспубліканская навуковая медыцынская бібліятэка (28.02.1992 № 50/1); па пошце з ЗША ў 2003–2005 гг. былі

атрыманы ў значнай колькасці выданні па анкалогіі (індзейская праграма па раку ў Рочэстэры (Мінесота), а таксама галаўны інстытут краіны па раку (NCI, Бетэсда, Мэрыленд), некаторыя з якіх перададзены ў Бібліятэку ГДМУ).

Выходныя лісты 1990 г.: Пружанская раённая цэнтральная бібліятэка, Ружанская гарпасялковая бібліятэка; уваходны з Пружанскай ЦБС, ДБА (тычыліся радзімы знакамітага земляка ў Нью-Мексіка Л. Рыбака); Быхаўская, Крычаўская, Хоцімская, Чэрыкаўская, Шклоўская раённыя бібліятэкі (30.08.1991) – да «Радзіміцкага звароту» былі дададзены канкрэтныя пытанні пра землякоў (скульптара А. Веліксонава, географа, антраполага І. Сілініча, эмігрантаў падарожніка і літаратара А. Галынскага, рабочага-рэвалюцыянера Р. Белавусава, сацыял-дэмакрата шаўца Блюмана, пісьменніка З. Шнеўра).

«Фонду Давіда Выгодскага», ініцыятыве ў Гомелі, прысвечаны карэспандэнцыі ва Усерасійскую дзяржаўную бібліятэку замежнай літаратуры і РНБ (2.08.1993).

З пачаткам перабудовы бібліятэкі пачалі продаж дублетных, часам дастаткова каштоўных і рэдкіх кніг, уключаючы кнігі з аўтографамі вядомых аўтараў. Значная колькасць кніг набыта намі асобнымі сярэднімі траншамі з абменных фондаў бібліятэк і – звышвялікімі – пры спісанні іх перад закрыццём; таксама шматразова і паштучна ў кіёсках бібліятэк. Набыцця рэдкіх кніг тычыліся лісты ў ДБ БССР і Бібліятэку АН Беларусі (аддзел камплектавання).

З ліста № 103 ад 19.06.1990 г. у перакладзе з рускай: «Дырэктару Дзяржаўнай бібліятэкі БССР ім. У. І. Леніна т. Алейнік Г. М.

Просім садзейнічаць у камплектаванні фонду Бібліятэкі Беларуска-індзейскага таварыства выданнямі, што рэалізуюцца праз аддзел АРФ [абменна-рэзервовага фонду, ОРФ – обменно-резервный фонд] і адлюстроўваюць беларуска-індзейскія (амерыканскія) сувязі, адносяцца з наступных груп:

1. беларускія пераклады і выданні на іншых мовах аўтараў з амерыканскіх краін;
2. беларускія кнігі, цалкам або часткова прысвечаныя амерыканскім праблемам, у тым ліку папулярныя, мастацкія і дзіцячыя выклады;
3. беларускамоўныя падручнікі геаграфіі, гісторыі, заалогіі;
4. беларускія выданні аб нееўрапейскіх краінах і народах;
5. беларускія выданні на англійскай і іспанскай мовах, а таксама савецкія і замежныя выданні на гэтых мовах, што ўключаюць інфармацыю аб Беларусі;
6. расійская, савецкая і замежная літаратура па этнаграфіі, геаграфіі і гісторыі амерыканскіх краін.

[…]

Набытыя выданні ў складзе Бібліятэкі БІТ (цэнтральная ў Гомелі і філіялы) будуць даступныя грамадскасці, спецыялістам і ўсім жадаючым (сістэмы “чытальнай залы”, “абанемента” ЦБ і “МБА”)».

БІТ – Бібліятэцы Інстытута Лацінскай Амерыкі РАН (21.02.1998): «Паважаныя супрацоўнікі! […] мы абавязаны прыняць удзел у справе дастаўкі пакінутых у нас [калегам-гамяльчанінам] кніг. Гэта трэба было зрабіць значна раней, улічваючы ўнікальнасць усёй “падборкі” для Гомеля».

У шэрагу выпадкаў набыццё вялікіх партый кніг адбывалася без перапіскі. У адрозненне ад музеяў, бібліятэкі былі і крыніцай набыцця копій з выданняў, і ўласна іх, прычым пры супрацоўніцтве з адной бібліятэкай у Гомелі ў перыяд ліквідацыі – у надзвычай вялікай колькасці. Апошні згаданы вопыт можна кваліфікаваць нават як валюнтарысцкі, але гэта быў шлях не толькі ўзбагачэння нашай амерыканісцкай калекцыі, але і выратавання кніг.

Дадатковая інфармацыя пра сувязі з бібліятэкамі можа быць знойдзена ў дасье бібліятэкараў па прафесіі і занятку сярод нашых карэспандэнтаў (выкарыстаны як

службовыя, так і прыватныя адрасы; лісты, адрасаваныя прыватнай асобе на службовы адрас, індэксуюцца па прозвішчах і назвах арганізацый).

З бібліятэкараў у катэгорыі «традыцыйная перапіска» варта адзначыць наступных: Л. Бучына (Ленінград) – загадчык аддзела рукапісаў ДПБ адказала нам па пытанні капіравання беларускага перакладу «Хронікі ўсяго свету» М. Бельскага 9.08.1991 (выканаўца П. А. Мядзведзеў) – і яе калега і высакародны чалавек В. Кельнер (1945–2021); К. Мазурэк (Варшава) – настаўнік-бібліятэкар у школе, затым бібліятэкар у Інстытуце заалогіі і Нацыянальнай бібліятэцы ў Варшаве (забеспячэнне экзэмплярамі выданняў, копіямі); І. Паўлючук – з яе звесткамі быў адзіны ліст па пошце, які мы атрымалі (26.06.1998) з Брэсцкай абласной бібліятэкі (аддзел краязнаўчай літаратуры і бібліяграфіі); К. Рагачэўская і В. Керзюк, куратары ўсходнееўрапейскіх калекцый Брытанскай бібліятэкі (з 2005 па 2007 г. прыйшло больш за 30 канвертаў з ксеракопіямі – маладаступныя публікацыі пра ўсходнеславянскія дыяспары).

1. Антипович, М. С. Очерк санитарного положения лесных промыслов в Мозырском уезде Минской губернии в зиму 1913–14 гг. / М. С. Антипович. – Мозырь : Тип. Х. В. Кугель, 1914. – 13 с.

2. Романовский, И. О. Популярное изложение хода развития научной географии / И. О. Романовский. – Гродно : Губ. тип., 1897. – 18 с.

3. Селенс, Е. Б. Очерк истории великих географических открытий и постепенного изучения поверхности земли / Е. Б. Селенс. – Гомель : Типолитогр. Г. М. Бриля, 1914. – 29 с.

4. Франц, Я. География в вопросах и ответах : курс I кл. сред. учеб. заведений : пособие при повторении / Я. Франц. – Бобруйск : Тип. Я. М. Гинзбурга, 1913. – 64 с.

Р А З Д Е Л 2
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ

Дмитриев М.В.

«СЛАВЯНСКИЙ МИР» ИЛИ ЕВРОПА? СЛАВЯНЕ ИЛИ ЕВРОПЕЙЦЫ? О ПРОСТРАНСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ ПОНЯТИЯХ В НАШИХ ИСТОЧНИКАХ, ИССЛЕДОВАНИЯХ И КУРСАХ

Ключевые слова: славяне, славянский мир, славянская идентичность, Европа, Центрально-Восточная Европа, регионы.

Нашему языку – и академическому, и просто разговорному – привычно применять к прошлому категории «этнического» и «национально-идентитарного» (слово «национально-идентитарное» подразумевает различие между «нацией» как политическим сообществом и «нацией» как сообществом, объединённым некой общей идентичностью). Мы говорим об этносах и «народах» Европы, о древних «персах» и древних «греках», о византийцах как о «греках», о мусульманских подданных Османской империи как о «турках», о «русско-турецких» войнах, о «французах» времени Людовика Святого или Людовика XIV, об «испанцах» и «итальянцах» и даже о «швейцарцах» и «австрийцах» в Средние века, о гусизме как «национальном» или «раннем национальном» движении «чешского народа» и, наконец, о «славянах», «славянском мире», «славянском национальном Возрождении/пробуждении»… А какие исторические *источники* и, соответственно, эмпирические факты стоят за данными фигурами и понятиями нашего языка? И как именно, при помощи каких приёмов, методов, подходов мы извлекаем из *источников* наши современные научные и разговорные представления о том, что а) славяне были носителями «объективно славянской идентичности» и что б) «славянская идентичность» была чем-то онтологическим, чем-то существующим «как таковое», чем-то наделенным собственным «бытием», чем-то присутствующим во времени и в пространстве «на самом деле» – а не есть плод нашего научного и обиходного воображения? Что, собственно (кроме родственности языков), делает болгар и поляков, поляков и сербов, сербов и словаков, русских и хорватов некой одной общностью, а поляков и немцев, немцев и чехов, греков и болгар, болгар и румын одной общностью не делает?

При сколько-нибудь трезвом взгляде на вещи мы не можем не признать, что имеем дело с миром воображаемого, а эти «воображенные» сообщества («славянское», «немецкое», «французское», «польское», «австрийское», «швейцарское», «андоррское», «канадское», «уругвайское» и «парагвайское» и т.д.) были *созданы* кем-то, где-то и когда-то, и только будучи созданными, сотворенными, сконструированными они начинают жить «сами по себе». В этом контексте в нынешней научной и интеллигентской среде ссылка на книгу Б. Андерсона [1] о нациях как воображенных сообществах становится обязательной и потому неизбежной.

Не менее ясно мы знаем, что представления о «славянском мире» как типологическом понятии, претендующим на то, что оно отражает «сущее», унаследованы нашей академической наукой и университетской практикой от политиков, идеологов и пропагандистов XIX в. А им помогали историки и этнологи, которые утверждали, что источники и «этнографические материалы» показывают, что «славянская общность» есть не миф, а реальность. Так соответствуют ли наши

представления о славянах тому, что «было на самом деле» – то есть тому, что мы узнаем из *источников*?

Огромное множество исследований по истории наций, национальных движений и идеологии национализма (слово «национализм» употребляется мной в абсолютно нейтральном смысле, присущем английскому термину *nationalism*) в истории Европы XIX в. ясно показало, что представления об особом «славянском» мире были проекцией общих теорий «национального» на политические, культурные и социальные реалии определенного географического пространства – пространства Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы. А вот это, то есть тезис о воздействии политики и идеологий на формируемые в обществе представления и самое язык этих представлений – есть результат научного взгляда на *источники*, а не продукт историософии… И тем не менее мы привыкли апеллировать не к европейскому пространству (в той иной части географической Европы), и не к европейской идентичности, а к «славянству»…

Как так получилось? Критический анализ соответствующих *источников,* их беспредпосылочный, свободный от *a priori* разбор в наших университетских курсах, которые ставили бы вопрос: какое понятие ближе к реальности – «славяне» или «европейцы»? «славянский мир» или «европейский мир»? «Славия» или «Европа»? – был бы прекрасным профессиональным упражнением в изучении давления идеологических аберраций на академическую жизнь и университетскую практику.

Методологически и *источниковедчески* невозможно не признать того, что прошлое той или иной страны, того или иного «народа» есть выражения дискурсов, на основании которых создаются «места исторической памяти». Память создается сначала специализированными группами образованных элит обществ (можно сказать: идеологами; « виртуозами памяти», сказал бы М. Вебер), а потом созданные ими представления проникают в более широкие слои населения, взаимодействуя с индивидуальной памятью той или иной группы или того или иного человека. Такой подход перекликается напрямую с тем, как понимается процесс «конструирования» прошлого группой французских историков под руководством П. Нора [4]. Память и мифы, касающиеся прошлого того или иного социума, предстают в этом случае как часть дискурсов, внутри которых действуют, создавая историческую память, идеологи и пропагандисты, которым лишь кажется, что они «объективно» реконструируют историю.

Под дискурсами, вместе со сложившейся в науке и идущей от М. Фуко и его единомышленников традицией, следует понимать картины мира, зафиксированные и канонизированные в языке, которые этот мир и отражают, и создают. А.И. Миллер хорошо передал научные преставления о дискурсе, опираясь на наследие М. Фуко: «Дискурс – это отложившийся и закрепившийся в языке способ упорядочения действительности, способ видения мира, выражаемый в самых разнообразных, не только вербальных, практиках, а следовательно, не только отражающий мир, но и его проектирующий и сотворяющий. Иначе говоря, понятие «дискурс» включает в себя общественно принятые способы видения и интерпретирования окружающего мира и вытекающие из именно такого видения действия людей и институциональные формы организации общества» [2, с. 14]. Одновременно учеными признается, что дискурс есть совокупность всего высказанного, и, с этой точки зрения, дискурс – это сказанное и мыслимое, которое берется непременно в предельно широком контексте всей общественной и индивидуальной жизни; и каждый текст есть элемент дискурса и поэтому должен бы рассматриваться в связи с другими частями дискурса.

Соответственно, источниковедческий вопрос состоит не только в том, какие источники и что говорят нам о славянах, славянском мире, славянской идентичности, но и в том, какие источники позволяют нам обнаружить, описать, проанализировать

дискурсы, подразумевающие, что существует такая реальность как «славяне» и «славянский мир»…

Дискурс «славянского» может обнимать и расплывчатые представления, и более или менее систематизированные идеологии, и ментальные (то есть не отрефлексированные, отличные от представлений и идеологий) установки мышления, и символические действия, и общественно-политические практики, которые постулируют или исходят из того, что среди человеческих сообществ есть такое, которое отличается других сообществ некими специфически славянскими «национальными» или «этническими» (а не только политическими, территориальными, хозяйственными и религиозными) идентитарными чертами. Слово «национальное» нуждается в кавычках, потому что очень часто оно употребляется анахронически (современный язык подразумевает под «национальным» реалии XIX–XX вв. и спонтанно и неосторожно переносит их в до-индустриальное время, то есть, так сказать, «не по адресу»). Тем не менее, во-первых, наш язык и наша система представлений о прошлом таковы, что мы непременно видим «национальное» и «этническое» и в недавнем, и в далёком прошлом практически всех обществ; во-вторых, в истории Европы уже в Средние века, действительно, сложились-таки те прочные дискурсивные традиции, которые апеллировали к «национальному» или «этническому». Язык (дискурсы) национализма (*nationalism*) XIX в. унаследовал эти средневековые традиции, соединив их с политическими проектами создания обособленных «национальных» государств.

Что могло бы быть предложено вместо «национальных» и «этнических» связей и идентичностей? Регионалистика! Исследования по «исторической регионалистике» (историческому регионоведению) стали одним из важных новых направлений в исторической науке последних десятилетий. Они объединены идеей выделения критериев, которые позволяют и заставляют идентифицировать типологические региональные границы в истории Европы, в частности – в истории Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы. И вполне жизнеспособным мог бы оказаться тезис, что именно границы между пространствами, регионами, а не этносами и нациями должны быть приняты как альтернатива разграничению «славян» и «не-славян» в истории Европы.

Одной из тем «исторической регионалистики» стала история «Центрально-Восточной Европы», которая, согласно широко распространившимся интерпретациям *типологически* объединяет в средневековую и пост-средневековую эпоху Польшу, Украину, Беларусь, Литву, Прибалтику, оставляя «за бортом» этого региона Московскую Русь и Россию. В центре «Центрально-Восточной Европы» оказывается Польша, а Литва, Украина и Беларусь выступают, фактически, как периферии «польского мира». Эта концепция построена по аналогии с представлениями старой германской историографии о «Восточно-Центральной Европе» (*Ost-Mittel Europa),* которая тоже исходила из логики «немецкий мир и его периферия».

Насколько такие представления (то есть концепция «Центрально-Восточной Европы») соответствуют накопленным эмпирическим, выведенным из источников данным? Этот вопрос остается в высшей степени дискуссионным. Тем не менее, концепция «Центрально-Восточной Европа», в котором история Украины и Беларуси систематически противопоставляется истории России, широко вошла в университетскую преподавательскую и научную практику и в обиход *academia* бывшего “советского блока» после публикации люблинским Институтом Центрально-Восточной Европы соответствующего двухтомного труда под названием «История Центрально-Восточной Европы» [3]. Эта книга была переведена на русский, украинский, литовский, белорусский, французский и, видимо, другие языки. В декабре 2000 г. в Люблине была проведена международная конференция «Русские, немцы и евреи в истории Центрально-Восточной Европы», задуманная и как презентация только

что вышедшей книги; приехавшие из Германии, Израиля и России историки очень дружно подвергли вежливой, но весьма жесткой академической критике и книгу, и стоящую за ней концепцию, считая их, по меньшей мере, предвзятыми. Однако материалы конференции, вопреки первоначальным заявлениям и заверениям организаторов, не были опубликованы. Предполагалось также развернуть международный исследовательский проект о месте и роли русских, немцев и евреев в истории «Центрально-Восточной Европы». После конференции 2000 г. люблинский институт от этой идеи отказался. Так существует ли на самом деле «Центрально-Восточная Европа»? Или существуют Восточная и Центральная Европа?

Главный вывод из написанного: вне языкознания и, возможно, этнологии, в наших исследованиях и университетских программах следует перейти от этно-национальной типологии, обосабливающей «славянский мир» внутри европейского, к пространственно-географической, регионоведческой понятийной номенклатуре, которая исходила бы из подтвержденного источниками разграничения Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и отдельных пространств внутри данных частей Европы.

1. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон ; пер. с англ. В. Г. Николаева. – М. : Канон-Пресс-Ц, 2001. – 287 с.

2. Миллер, А. И. “Украинский вопрос” в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.) / А. И. Миллер. – СПб. : Алетейя, 2000. – 267 с.

3. Historia Europy Środkowo-Wschodniej / pod red. J. Kłoczowskiego. – T. 1–2. – Lublin : Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2000 – 544 s., 354 s.

4. Les lieux de mémoire / sous la dir. de P. Nora. – Vol. 1–7. Paris : Gallimard, 1984–1992.

Мікалаева Л.В.

ПРАБЛЕМА КЛАСІФІКАЦЫІ ГІСТАРЫЯГРАФІЧНЫХ КРЫНІЦ

Ключавыя словы: гістарыяграфія, крыніцазнаўства, гістарыяграфічная крыніца, класіфікацыя.

Нягледзячы на тое, што тэрмін «гістарыяграфічная крыніца» з’явіўся ў лексіконе гістарыёграфаў яшчэ ў сярэдзіне 1960-х гг. [14, с. 3–49], ён па-ранейшаму адносіцца да тых катэгорый гістарычнай навукі, якія не маюць адназначнай трактоўкі іх змету. У апошні час дыскусія пра напаўненне паняцця «гістарыяграфічная крыніца» выйшла на новы віток і ў бліжэйшы час не будзе вырашана адназначна. Апошняе актуалізуе праблему класіфікацыі гістарыяграфічных крыніц, якая дазваляе разабрацца ва ўсёй іх сукупнасці, разгледзець пытанне аб значнасці кожнага з відаў крыніц у вывучэнні праблемы даследавання, высветліць, наколькі поўна яны прадстаўлены па вывучаемым пытанні. Класіфікацыя дапамагае гістарыёграфу асэнсаваць прыцягваемыя крыніцы, устанавіць іх паўнату і вызначыць, якія віды дазволілі б больш глыбока вывучыць праблему. Яна таксама накіроўвае даследчыка на далейшы пошук неабходных матэрыялаў, а ў выпадках, калі новы пошук немагчымы – паказвае, якімі іншымі крыніцамі можна замяніць адсутныя.

Аднак неабходна адзначыць, што класіфікацыя гістарыяграфічных крыніц мае сваю даволі складаную спецыфіку [5; 11, с. 3–18; 8, с. 501–509; 7, с. 184–195; 6, с. 126–136]. Уяўляецца магчымым вызначыць шэраг поглядаў даследчыкаў на яе.

На думку Л.М. Пушкарова, класіфікацыйная схема, выпрацаваная савецкім крыніцазнаўствам у дачыненні да гістарычных крыніц, у пэўнай меры можа быць выкарыстаная і для крыніц гістарыяграфічных. Канкрэтная ж класіфікацыя будзе залежаць ад мэтаў, якія ставіць перад сабой гістарыёграф [13, с. 103]. У сувязі з азначанай пазіцыяй можна пагадзіцца з меркаваннем С.І. Малавічка, што, па сутнасці, у

дадзеным выпадку гаворка будзі ісці аб сістэматызацыі, а не аб класіфікацыі гістарыягафічных крыніц, паколькі ўлічваецца толькі актыўная пазіцыя даследчыка і цалкам ігнаруецца свядомы выбар гісторыка мінулага і культура, у якую быў уключаны яго твор [9, с. 40]. З поглядам Л.М. Пушкарова не пагаджаўся і Я.Н. Гарадзецкі, які лічыў, што пры такім падыходзе страчвалася аб'ектыўная аснова класіфікацыі гістарыяграфічных крыніц [4, с. 121].

Відавочна, што ў многім з'яўленне названых розначытанняў абумоўлена тым, што для гістарыяграфічных крыніц, у адрозненне ад гістарычных, пакуль не ўстаноўлены адносна выразныя крытэрыі, якія належыць пакласці ў аснову іх класіфікацыі. Акрамя таго, дадзеная праблема ўскладняецца яшчэ адной акалічнасцю: па меры развіцця гістарыяграфіі ўсё больш пашыраецца кола гістарыяграфічных крыніц.

Характарызуючы існуючыя класіфікацыі гістарыяграфічных крыніц, можна адзначыць адрознасць аўтараў у падыходах да іх складання. У савецкай гістарыяграфіі традыцыйным быў жанравы падыход пры класіфікацыі такіх гістарыяграфічных крыніц, як творы гісторыкаў. У 1960-х гг. яго прымянялі О.Л. Вайнтшэйн [2, с. 457] і М.В. Нечкіна [12, с. 10]. У наш час жанры гістарычных прац часам выдзяляюць аўтары дысертацый па гістарыяграфіі, крыніцазнаўству і метадах гістарычнага даследавання [9, с. 40].

Некаторыя даследчыкі лічылі мэтазгодным падзяліць творы гісторыкаў на тыпы, да якіх можна аднесці: 1) навуковыя работы; 2) гістарычную вучэбную літаратуру; 3) крыніцы, якія утрымліваюць інфармацыю пра жыццё і творчасць гісторыкаў і г.д. [3, с. 122–123].

У 1987 г. у сваёй працы А.І. Зевелеў прывёў класіфікацыю, якая ўтрымлівала наступныя віды гістарыяграфічных крыніц: 1) работы гісторыкаў (кнігі і артыкулы); 2) дысертацыйныя даследаванні; 3) тэксты лекцыйных курсаў, частка якія паслужыла асновай гістарыяграфічных даследаванняў; 4) чарнавікі неапублікаваных рукапісаў, карэктуры; 5) дзённікі, мемуары, аўтабіяграфіі, анкеты; 6) лісты; 7) вучэбныя праграмы і справаздачы па прачытаных курсах гістарыяграфіі; 8) матэрыялы перыядычнага і неперыядычнага друку (рэфератыўныя агляды, рэцэнзіі, бібліяграфічныя агляды, матэрыялы дыскусій); 9) матэрыялы работы канферэнцый, сімпозіўмаў і іншых форумаў па праблемах развіцця гістарычнай навукі, а таксама метадалогіі гістарыяграфіі; 10) масавыя крыніцы [5, с. 127–131]. Як бачна, для свайго часу гэта была дастакова распрацаваная класіфікацыя, якая імкнулася ахапіць усю шматлікасць гістарыяграфічных крыніц. Хаця некаторыя яе аспекты не былі яшчэ добра прапрацаваныя.

У XXI ст. гістарыёграфамі таксама ствараліся класіфікацыі гістарыяграфічных крыніц. Так, дыферэнцыруючы ўвесь корпус гістарыяграфічных крыніц, В.П. Корзун прапанавала выдзяляць у ім асноўную (творы гісторыкаў) і дапаможную (крыніцы для стварэння атмасферы эпохі) групы [1, с. 40]. Падаецца, такі падыход з'яўляецца празмерна агульным.

Г.М. Іпалітаў у праблемна-тэматычных гістарыяграфічных даследаваннях падзяліў усе гістарыяграфічныя крыніцы на два буйныя блокі: 1) гістарыяграфічныя крыніцы і 2) гістарычныя крыніцы, якія выкарыстоўваюцца ў гістарыяграфічным даследаванні. У сваю чаргу ў межах кожнага блока даследчык выдзеліў шэраг груп крыніц. У блоку гістарыяграфічных крыніц ім былі вызначаны: 1) абагульняючыя і спецыяльныя даследаванні; 2) спецыяльныя дысертацыяныя даследаванні; 3) навуковыя артыкулы; 4) матэрыялы навуковых канферэнцый і іншых навуковых форумаў; 5) агляды літаратуры, рэцэнзіі; 6) навукова-бібліяграфічныя публікацыі. У блоку гістарычных крыніц даследчык адзначыў наступныя групы: 1) архіўныя і апублікаваныя дакументы; 2) эгакрыніцы (мемуары, дзеннікі, эпісталярныя крыніцы); 3) матэрыялы перыядычнага друку [8, с. 503–506]. З улікам складанасці і спецыфічнасці крыніц, якія могуць ўжывацца ў гістарыяграфічных працах праблемна-тэматычнага

характару, падаецца, што прапанаваная Г.М. Іпалітавым класіфікацыя яшчэ патрабуе далейшай дапрацоўкі.

Прыхільнік фенаменалагічнай канцэпцыі крыніцазнаўства гістарыяграфіі С.І. Малавічка таксама распрацавалі сваю класіфікацыю гістарыяграфічных крыніц. У аснову яе, па словах аўтараў, быў пакладзены прынцып мэтапалагання, які дазволіў выдзеліць наступныя віды гістарыяграфічных крыніц, у якіх рэпрэзентуюцца гістарычныя веды: 1) манаграфіі; 2) артыкулы; 3) дысертацыі; 4) тэзісы; 5) гістарычныя нарысы; 6) рэцэнзіі, 7) вучэбныя дапаможнікі. Па тыпу прадстаўленых у гістарыяграфічных крыніцах гістарычных ведаў аўтары палічылі мэтазгодным пядзяліць іх на дзве групы: 1) групу відаў гістарыяграфічных крыніц навуковай гісторыі; 2) групу відаў гістарыяграфічных крыніц сацыяльна арыентаванага гістарыяпісання. Прымяняць такую класіфікацыю аўтары прапанавалі толькі да твораў гісторыкаў XIX – пачатку XXI ст. [9, с. 41].

На наш погляд, прыведзеныя класіфікацыі маюць пэўныя рысы, якія патрабуюць выпраўлення ці ўдакладнення, паколькі не ахопліваюць новыя віды гістарыяграфічных крыніц, якія з'явіліся па меры развіцця інфармацыйных тэхналогій. Мяркуем, што больш удалай будзе выглядаць класіфікацыя гістарыяграфічных крыніц, у якой можна выдзеліць наступныя іх віды: 1) манаграфічныя даследаванні; 2) абагульняючыя фундаментальныя працы; 3) артыкулы; 4) апублікаваныя матэрыялы канферэнцый, сімпозіўмаў, семінараў і іншых навуковых форумаў, на якіх адбывалася калектыўнае абмеркаванне актуальных праблем гісторыі; 5) дысертацыйныя працы, тэксты лекцый, вучэбныя праграмы, метадычныя рэкамендацыі па курсах гістарыяграфіі; 6) падрыхтоўчыя матэрыялы, чарнавікі неапублікаваных рукапісаў, дзённікі, мемуары, аўтабіяграфіі, анкеты, лісты, некралогі; 7) масавыя крыніцы: статыстычныя матэрыялы, якія адлюстроўваюць развіццё гістарычнай навукі: дадзеныя па колькасці выпускнікоў гістарычных факультэтаў, абароненых дысертацый, апублікаваных манаграфій і артыкулаў, перыядычнасць выдаваемых спецыялізаваных часопісаў; 8) кіна-фота-фона-гістарычныя крыніцы, якія ўтрымліваюць гістарыяграфічную інфармацыю; 9) Інтэрнет-рэсурсы, якія адлюстроўваюць узровень развіцця гістарычных ведаў: форумы, дыскусіі, аператыўны абмен меркаваннямі [10, с. 71–72].

Такім чынам, у наш час многія метадалагічныя аспекты, звязаныя з пытаннямі класіфікацыі гістарыяграфічных крыніц застаюцца ў дыскусійным полі. Па меры пашырэння кола гістарыяграфічных крыніц даследчыкам усё яшчэ належыць устанавіць выразныя крытэрыі, якія могуць быць пакладзены ў аснову іх падзелу. Зразумела, што без унясення тут пэўнай тэрміналагічнай дакладнасці вельмі складана будзе ажыццявіць зладжаную, вывераную класіфікацыю крыніц, якія прыцягваюцца да гістарыяграфічнага даследавання.

1. Бычков, С. П. Введение в историографию отечественной истории XX в. : учеб. пособие / С. П. Бычков, В. П. Корзун. – Омск : ОГУ, 2001. – 359 с.

2. Вайнштейн, О. Л. Западноевропейская средневековая историография / О. Л. Вайнштейн. – М.-Л. : Наука, 1964. – 482 с.

3. Волин, И. С. О разнотипности историографических источников / И. С. Волин // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки : Межвуз. темат. сб. / Отделение истории АН СССР, научный совет по проблеме «История исторической науки», Калининский гос. ун-т. – Калинин, 1980. – С. 122–123.

4. Городецкий, Е. Н. О многозначности понятий «историографический факт» и «историографический источник» / Е. Н. Городецкий // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки : межвуз. темат. сб. / Отделение истории АН СССР, научный совет по проблеме «История исторической науки», Калининский гос. ун-т. – Калинин, 1980. – С. 118–121.

5. Зевелев, А. И. Историографическое исследование : методологические аспекты : учеб. пособие для студ. вузов, обуч. по спец. «История» / А. И. Зевелев. – М. : Высшая школа, 1987. – 160 с.

6. Ипполитов, Г. М. Историографическое исследование : характеристика источниковой базы / Г. М. Ипполитов // Четвертые Ознобишинские чтения : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (19–21 мая 2006 г., Инза). – Инза ; Самара, 2006. – С. 126–136.

7. Ипполитов, Г. М. Историографический факт и историографический источник как категории исторической науки : непростая диалектика / Г. М. Ипполитов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 15. – 2013. – № 1. – С. 184–195.

8. Ипполитов, Г. М. Классификация источников в проблемно-тематических историографических исследованиях и некоторые методологические подходы к их анализу / Г. М. Ипполитов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 13. – 2011. – № 3(2). – С. 501–509.

9. Маловичко, С. И. Проблема классификации источников в предметном поле источниковедения историографии / С. И. Маловичко // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 2. – С. 36–44.

10. Мікалаева, Л. В. Змест паняцця «гістарыяграфічная крыніца» і спецыфіка класіфікацыі гістарыяграфічных крыніц / Л. В. Мікалаева // Актуальные проблемы истории и культуры : сборник научных статей ; редкол. : В. Л. Лакиза [и др.]. – Минск, 2018. – Вып. 4 : Беларусь в контексте европейской истории и культуры. – 2022. – С. 60–75.

11. Наумова, Г. Р. О путях научного познания / Г. Р. Наумова // История мысли : историография. – М. : Вузовская книга, 2002. – Вып. 1. – С. 3–18.

12. Нечкина, М. В. История истории (некоторые методологические вопросы исторической науки) / М. В. Нечкина // История и историки : историография истории СССР. – М. : Наука, 1965. – С. 6–26.

13. Пушкарев, Л. Н. Определение, оптимизация и использование историографических источников / Л. Н. Пушкарев // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки : межвуз. темат. сб. / Отделение истории АН СССР, научный совет по проблеме «История исторической науки», Калининский гос. ун-т. – Калинин, 1980. – С. 102–103.

14. Шмидт, С. О. О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки / С. О. Шмидт // Труды / Московский государственный историко-архивный институт. – М. : МГИАИ, 1965. – Т. 22. – С. 3–49.

Маджаров А.С.

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА В ТРУДАХ ПО СТАРООБРЯДЧЕСТВУ (XVII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

Ключевые слова: историографический источник, исторический источник, концепция, внутренняя форма, раскол, старообрядчество.

О специфике историографического источника. Понятие исторический источник включает в себя все типы, виды и разновидности артефактов, в том числе исторические исследования, как одну из разновидностей письменных источников.

В свою очередь историографическим источником в широком смысле может выступать любой памятник, если он содействует реконструкции историографического факта, познанию истории исторической науки. При этом историографический источник, в узком смысле – труды историков, отличается от других разновидностей свидетельств, входящих в классификацию письменных исторических источников, назначением («историческое описание и осмысление общественного опыта»), внутренней формой [1, с. 9].

Наличие внутренней формы, заданной социальной функцией документа, делает его основным «средством познания» истории исторической науки. Эта форма соединяет эмпирические факты в «научную картину»-концепцию, которая придает сочинению определенное «направление». Она включает методологический аспект, тяготеющий к философии истории, и «форматирует» источниковые данные, являясь построением историка, синтезом идеологии и метода, соответствующим времени возникновения памятника.

Цель данного исследования – раскрыть специфику внутренней формы комплекса историографических источников клерикально-охранительного и официального направлений по истории старообрядчества XVII – первой половины XIX в.

Внутренняя форма историографического источника клерикально-охранительного направления. Внутренняя форма исследования по истории старообрядчества в отечественной литературе формировалась как система ценностных (идеология), пространственных (предмет), источниковых (свидетельства), векторных

(цель, метод исследования) отношений автора к объекту изысканий; совокупность понятий, раскрывающих «механизм» объяснения старообрядчества [2].

Клерикально-охранительное направление раскола как совокупность историографических источников, объединенная общностью теоретико-методологических воззрений на явление, зародилось в годы возникновения протеста. Сочинения Симеона Полоцкого («Жезл правления», 1667), архиепископа Афанасия («Увет духовный», 1682), архиепископа Питирима («Пращица духовная», 1721) и другие, характеризовавшие раскольников как «безумных» людей.

Негативная оценка феномена и его носителей получила развитие в историографии XVIII – первой половины XIX в. Труды Филарета «История русской церкви», Макария «История русского раскола, известного под именем старообрядства», А.Н. Муравьева «Раскол, обличаемый своею историей» и др. явились высшим достижением исследований этого направления [3; 4; 8]. Критическая, антираскольническая тенденция воспроизводилась в структуре исторического сочинения, закреплялась в предмете, цели исследования, в методе и характере «теоретических» заключений авторов о расколе.

Историки церкви опирались на источники и литературу – законодательство, «исторические акты», «жития», сочинения Аввакума, С. Денисова, исследования Н.М. Карамзина», К.Ф. Калайдовича, М.П. Погодина, П.М. Строева, И.Т. Голикова и др. Однако источники «использовались» главным образом для разоблачения «ошибочных мнений» раскольников и критики их выступлений «против власти».

Идеология официальной церкви, конкретизированная в постановлениях церковных соборов, ограничивала предмет исследования старообрядчества «мнениями» об обрядах и «событиями» церковной истории. Цель сочинений заключалась в доказательстве несоответствия «старого обряда» постановлениям церковного собора, в разоблачении религиозной мысли и деяний раскольников. Она достигалась схоластическим методом сравнения «официального» и «раскольнического» мнений, применением к «инакомыслящим» нравственной оценки и вербализировалась в совокупности «обличительных» понятий, составляющих структуру клерикально-охранительного объяснения старообрядчества.

В итоге исследования причины протеста виделись авторам сочинений в деструктивном настрое старообрядцев, в отсутствии у них знаний, в их невежестве, суеверии. Деятели общины староверов характеризовались как нарушители нравственных норм, отступники, смутьяны, мятежники, враги, носители злобы, «нечистоты сердечной» [3, с. 1, 86, 334].

Феномен раскола в трудах Филарета, Макария, Муравьева определялся метафорически, в терминах с уничижительной коннотацией, не касающихся предмета исследования: «горький плод»; «безобразный струп», «нарост», «зло» [8, с. 238, 243; 13, с. V].

Официальное направление. Внутренняя форма исторической концепции В.Н. Татищева. Литературная деятельность Василия Никитича Татищева (1686–1750) ознаменовала начало научного этапа в отечественной историографии. Его труд «История Российская с самых древнейших времен» создавался в 30-40–е гг. XVIII в., вышел в свет в 1768–1784 гг. без заключительной части, которая была опубликована в 1848 г.

Исследователь развивал официальное направление в историографии раскола, специфику которого определяла внутренняя форма созданных им историографических источников. Историческое сочинение Татищева приобретало присущие ему морфологические черты в контексте таких методологических ориентиров как рационализм, монархизм, религиозное просветительство.

Татищев подчеркивал, что хочет «показать» в «Истории» не «божественные», а естественные причины событий. «Все деяния от ума или глупости» случаются», – писал он [6, с. 112]. Универсальное значение упомянутого методологического принципа в исследовании историка отмечал С.М. Соловьев. «Расчету ума, – по его словам, – <…> Татищев подчиняет все» [5, с. 205].

Ценностью и методологической направляющей труда Татищева являлся и монархизм. Как «птенец гнезда Петрова» он обосновывал разумность единовластия. В монархии, – подчеркивал историк, – «…богатство, сила и слава государства умножается, а через прочее <…> гибнет» [6, с. 490]. Эту особенность исследования ученого заметил С.М. Соловьев. По его словам, Татищев в «Истории» «без пощады преследует <…> всякое уклонение от общих государственных интересов в пользу <…> …частных», а <…> уклонения называет “беспутством”» [5, с. 214].

Соединяясь с рационализмом и монархизмом, просветительство историка направляло его исследование в русло идеологии реформ Петра , ориентировало на защиту интересов государства, развитие образования, науки.

В.Н. Татищев о расколе Русской православной церкви. В «Истории Российской» Татищев представил факты возникновения раскола, а в теоретической работе «Разговор дву[х] приятелей о пользе науки и училищах», написанной в 30-е гг. XVIII в., размышлял о боге, вере и атеизме, о различии церквей и «разности расколов» в христианской церкви. В этом тексте он обратился к старообрядчеству и первым из «светских» историков дал оценку «старой веры» [7, с. 123]. Предмет раскола виделся Татищеву как событие в истории Русской православной церкви в контексте мировых явлений, изучать которое следовало путем сравнения. Историк стремился дать оценку старообрядчеству и показать его место в ряду подобных явлений. Применяя сравнительно-исторический метод, сопоставляя сходные явления в протестантизме и в православии, он первым вывел историю раскола за рамки схоластики. В частности, наиболее опасными в деле «церковной смуты» Татищев считал «ученых» старообрядцев, способных навязать людям ошибочные взгляды [7, с. 81]. В этот ряд «сущих ересиархов» он ставил как анабаптистов в Германии, так и раскольников.

В оценке причин протеста историк защищал позицию официальной церкви, но с позиции Библии подчеркивал, что утверждения раскольников не имеют оснований в «письме святом» [7, с. 81]. Все «ереси», по его словам, «плутами начаты», в «невеждах рассеяны», а их «прения большею частию до веры не принадлежат» [7, с. 81]. Рассуждая о соотношении законов «церковных и божественных», Татищев высказал противоречащую официальной установке мысль о том, что «когда и как молиться, сие нам оный закон оставляет на возможность нашу» [7, с. 123].

Раскол Русской православной церкви Татищев, как сподвижник Петра I, ставил в разряд антигосударственных выступлений. Он объединял деяния раскольников с действиями Ивана Болотникова, Степана Разина, Кромвеля в одну категорию, считал их вызванными одинаковыми причинами [7, с. 88].

Просветительские оценки феномена раскола. Историк, в отличие от сторонников схоластической доктрины, не был безоговорочным защитником церковной точки зрения на раскол. Он обличал «архиепископов римских» и отечественных, обвинял патриарха Никона в «папежском властолюбии», осуждал его за жестокое отношение к раскольникам. Исследователь подчеркивал, что Никон и его наследники «многие тысячи» людей «пожгли и порубили или из государства выгнали» [7, с. 99, 76].

Татищев писал о преследовании западной церковью Вергилия (Зальцбургского), Коперника, Картезия (Рене Декарт), Пуфендорфа и других людей «высокого ума и науки». Он подчеркивал, что инквизиция в Италии, Испании, Португалии «разоряла,

мучила, умерщвляла токмо за то», что человек с папою был не согласен, его законы, уставы называл человеческими, а «не божескими» [7, с. 76].

Заключение. Внутренняя форма историографических источников клерикально-охранительного направления являлась синтезом официальной позиции церкви, предопределявшей узость предмета исследования, схоластический метод сравнения формальных обрядовых разночтений, обличения «инакомыслящих». Схоластическая оценка раскола как явления религиозного сознания и развивающегося бытового уклада не могла объяснить природу этого явление и способствовать его искоренению.

Официальное направление в историографии раскола, которое заложил В.Н. Татищев, формировалось на иных теоретико-методологических принципах. Внутреннюю форму историографических источников, вышедших из-под пера историка, определял приоритет разума, ориентированного на осуществление реформ Петра I, – рационализм, монархизм, просветительство. Предмет раскола Русской православной церкви виделся автору как событие в свете «разных» церковных смут в отечестве. Он порождал цель исследования – определение места старообрядчества в ряду антигосударственных явлений, продуцировал сравнительно-исторический метод, который выводил историю старообрядчества за рамки чистой схоластики на «светский» уровень, за пределы истории русской церкви. В узком смысле историк разделял позицию церкви, видел причины раскола в «невежестве» его носителей, но судил старообрядцев с позиции «письма святого», веры, а не схоластики, обряда [7, с. 81].

1. Курносов, А. А. К вопросу о природе и значении понятия «разновидность исторических источников» / А. А. Курносов // Проблемы источниковедения и историографии истории Восточной Сибири : тез. докл. к регион. конф. 15–16 апр. 1982 г. / Иркутский государственный университет; редкол.: И. И. Кузнецов, А. С. Маджаров, Н. Н. Покровский, С. О. Шмидт [и др.]. – Иркутск : ИГУ, 1982. – С. 9–13.

2. Маджаров, А. С. Прикладная методология как проблема отечественной историографии XVIII–XIX веков (постановка проблемы) / А. С. Маджаров // Гуманитарный вектор. – 2019. –Т. 14, № 6. – С. 57–63.

3. Макарий. История русского раскола, известного под именем старообрядства / Макарий. – СПб. : Тип. Королева и комп, 1855. – 376 с.

4. Муравьев, А. Н. Раскол, обличаемый своей историей / А. Н. Муравьев. – СПб. : Тип. II Отд-ния Собственной е. и. в. канцелярии, 1854. – 429 с.

5. Соловьев, С. М. Писатели русской истории. Василий Никитич Татищев / С. М. Соловьев // Сочинения : в 18 кн. – М. : Мысль, 1995. – Кн. XVI : Работы разных лет / отв. ред. И. Д. Ковальченко. – С. 199–221.

6. Татищев, В. Н. История Российская с самых древнейших времен: в 7 томах / В. Н. Татищев. – М. : Академический проект, 2016. – Т. 1. – 676 с.

7. Татищев, В. Н. «Разговор дву[х] приятелей о пользе науки и училищах» / В. Н. Татищев // Избранные произведения. – Л. : Наука, 1979. – С. 51–133.

8. Филарет. История русской церкви / Филарет. – Харьков : Университетская типография, 1853. – 326 с.

Комаров С.С.

ВОСПРИЯТИЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЗЕМЕЛЬ ПОЛЬСКИМИ ИСТОРИКАМИ КОНЦА XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: историография, историческая память, имагология, Польша, польская историография.

Процесс формирования национальной идентичности всегда включает в себя два взаимодополняющих друг друга процесса. Первый – это осознание группой людей себя как общности, объединённой некоторыми уникальными признаками («национальным характером»). Второй процесс – это обособление себя от «другого». По замечанию Л.П. Репиной, в образе «другого» всегда проявляются черты собственной коллективной психологии. Иными словами, на «другого» экстраполируются собственные ценности, идеи и страхи [2, с. 13].

Справедливо это и для польского национального нарратива, одним из главных элементов которого было и остаётся сравнение себя с восточными соседями. Несмотря на интеграцию в пространство Речи Посполитой, восточнославянские земли Великого княжества Литовского сохранили свой уникальный культурно-исторический облик. Эта одновременная близость и далёкость сделала их в польском нарративе постоянным объектом сопоставления в Польшей. Тем самым, для исследователя польского национального нарратива образ восточнославянских земель может служить «зеркалом», в котором отражаются все присущие самим полякам черты.

Одним из источников формирования национального нарратива служит национальная историография, которая начала формироваться в Польше на рубеже XVIII–XIX вв. Её дальнейшая эволюция отражает не только развитие системы собственно научного исторического знания, но и изменение общественного восприятия прошлого. Соответственно, от рассмотрения эволюции образа Руси в польской историографии мы сможем перейти на более высокий уровень обобщения, выйти на проблему восприятия поляками себя в круге европейских стран.

Следует также сказать несколько слов о той границе, что разделяет рассматриваемую в работе историографию и предшествующую традицию историописания. Конечно, невозможно игнорировать такие основополагающие для польской истории труды, как сочинения Яна Длугоша или Мацея Стрыйковского. Однако эти работы скорее можно отнести к средневековой и ренессансной хронистике, к донаучному этапу развития знаний о прошлом, и потому их следует рассматривать как самостоятельный объект для изучения.

Переход от мифологизированного средневекового взгляда на историю к паранаучной системе мышления в польском историописании связан с фигурой Адама Станислава Нарушевича (1733–1796). Будущий историограф родился в Пинске и был выходцем из белорусской католической шляхты. Он окончил иезуитский коллегиум в родном Пинске, затем учился в Виленской академии Общества Иезуитов, а завершил образование во французском Лионе [3, с. 91–92]. Приобретя известность в образованных кругах Речи Посполитой, Адам Нарушевич приглянулся Станиславу Понятовскому. Понятовский осознавал, что деградирующей Речи Посполитой необходим современный исторический труд, который помог бы консолидировать общество вокруг просвещённого короля-реформатора. Нарушевич должен был стать исполнителем королевского замысла.

Шеститомная «История народа польского» охватывала историю Польши с момента принятия христианства до заключения Кревской унии. Выбор эпохи Пястов в качестве основной темы сочинения неслучаен: образы правления сильных лидеров, таких как Болеслав I Храбрый и Казимир III Великий демонстрировали читателю, каких успехов может достичь крепкая королевская власть.

«История» Нарушевича задумывалась именно как польская история, а не история народов Речи Посполитой. В отношении восточных земель Нарушевич воспроизводит те нарративы, что были им почерпнуты из работ Яна Длугоша [3, с. 93]. Нарушевич описывает всю Русь как территорию, со времён Болеслава Храброго находившуюся в сфере польского влияния [8, с. 48–49]. Автор отдельно останавливается на западнославянском происхождении вятичей и радимичей, обосновывая тем самым их историческую связь с Польшей [7, с. 193–194]. Конфликты между русскими и польскими князьями в этой парадигме рассматриваются как восстания против законного сюзерена. Экспансия Польши на восточнославянские земли в XIII–XIV вв. оценивается Нарушевичем как освободительный поход против вторгшейся в славянские земли Литвы: «…тогда как литовцы шли с мечом Гедимина на завоевание этих земель, поляки вспоминали победы Болеславовы, и избрание Тройдена, и времена

правления Короны над землями Руси» [4, с. 23]. В условиях Разделов труд Нарушевича превратился в манифест национального движения. Последующие поколения польских историков и общественных деятелей черпали у Нарушевича образы прошлого, превращая их в актуальные политические идеологемы.

Одной из самых ярких фигур польской интеллектуальной жизни первой половины XIX в. был Иоахим Лелевель (1786–1861). Большую часть жизни Лелевель посвятил политике: в юности был участником студенческих подпольных организаций, во время Ноябрьского восстания 1831 г. входил в состав Административного совета Адама Чарторыйского, затем был вынужден покинуть страну.

Однако главной страстью Лелевеля была история. Большое впечатление на публику производили красочные лекции Лелевеля в Виленском университете; так, одним из его постоянных слушателей был Адам Мицкевич [1, с. 32]. Красной линией через исторические сочинения Лелевеля проходит демократическая идея. Лелевель был глубоко убеждён, что полякам и славянам вообще от природы присущи народовластие и эгалитаризм, а также миролюбие и открытость [1, с. 140]. Возможно, именно поэтому Лелевель отходит от присущего Нарушевичу и его предшественникам «колонизаторского» дискурса. Он рассматривает Русь как обширное и самостоятельное государство, центрами которого в древности были, прежде всего, Новгород и Полоцк [6, с. 16–17]. Галицко-Волынскую землю Лелевель представляет как самостоятельную линию развития древнерусской государственной традиции, которая впоследствии была поглощена Польшей [6, с. 54–55, 62–63].

Великое Княжество Литовское в работах Лелевеля представлено как равноправный партнёр Польши. Автор позитивно оценивает опыт польско-литовской унии, пишет о наделении литовской и русской знати шляхетскими вольностями [6, с. 81–82, 96], также акцентирует внимание читателя на роли Великого княжества Литовского в победе на Грюнвальдском поле [6, с. 85–86]. Кревскую унию Лелевель называл «редким в истории явлением слияния двух народов» [5, с. 254]. Он также указывал на противоречивость, нелинейность процесса сближения двух государств. При этом Лелевель не отрицал и экспансионистских устремлений польской аристократии в отношении территорий Великого княжества Литовского [5, с. 277–279]. Тем самым Иоахим Лелевель стал зачинателем новой демократической традиции в польской историографии.

Во второй половине XIX в. самым читаемым у широкой публики польским историком стал Кароль Шайноха (1818–1868). Не окончив университета (сказалось участие в революционных организациях), Шайноха компенсировал пробелы в образовании образностью и красочностью изложения. В этом качестве Шайноха вошёл в историю польского историописания как автор, значительно повлиявший на массовые представления об истории.

На страницах самой известной работы Шайнохи «Ядвига и Ягайло» история отношений Польши и Литвы изложена в логике освоения Цивилизацией дикого Фронтира [4, с. 255]. Великое Княжество Литовское до унии с Польшей Шайноха описывает как деспотическую варварскую державу, где подданные являются лишь безропотными исполнителями воли господ. Такой порядок Шайноха называет «ориентальным» [9, с. 267], а военные действия крестоносцев против Литвы сравнивает с борьбой колонистов с североамериканскими индейцами [9, с. 287–288]. О западнодревнерусском (старобелорусском) населении Великого княжества Литовского Шайноха почти не упоминает, сводя всю историю этого государства к истории дома Гедиминовичей. Столь красочный, но совершенно фантастический образ Великого княжества Литовского хорошо вписывается в «колонизаторскую» логику Шайнохи, однако с историей имеет мало общего. С другой стороны, в отличие от Нарушевича

Шайноха наделяет Литву своеобразной субъектностью, изображает её полноценным актором исторического процесса. В этом отношении можно говорить о некоторой эволюции образа, наделении его новыми, яркими чертами.

Одним из крупнейших польских историков второй половины XIX в. был ректор Ягеллонского университета Юзеф Шуйский (1835–1883). Природный Рюрикович, Шуйский стал главным идеологом польского проавстрийского консерватизма. Его политические взгляды нашли отражение в «Истории Польши, рассказанной в двенадцати книгах». В отличие от Лелевеля или Шайнохи, Шуйский был далёк от идеализации эпохи Пястов или тем более Ягеллонов. Развитие Польши Шуйский считал запоздалым и вообще вторичным относительно истории германских соседей [10, с. 3–7]. Соответственно, к востоку от Польши ситуация обстояла, по мнению Шуйского, хуже – туда западноевропейская цивилизация пришла ещё позже [10, с. 83-84]. С другой стороны, Шуйский в своих построениях не ограничился поверхностными замечаниями: он стал одним из первых польских историков, кто рассматривал историю Великого княжества Литовского как самостоятельную исследовательскую проблему. Шуйский указывал на противоречивость последствий Кревской унии для восточнославянских земель – как для населения, так и для развития собственных государственных институтов в регионе [10, с. 111].

На протяжении XIX в. образ восточнославянских земель в работах польских историков претерпел заметную трансформацию. В трудах Нарушевича восточнославянские земли лишены всякой субъектности – они рассматриваются исключительно как якобы законная часть владений Пястов, иногда восстающая против сюзерена. Лелевель предлагает совершенно другую трактовку: для него важно демократическое начало славянства, на котором, по его мнению, и была основана польско-литовская уния. Романтическая линия в польской историографии в лице Кароля Шайнохи осмысляла восточных соседей в ориентальном духе, варваризировала их образ. В работах Юзефа Шуйского представлен цельный, самодостаточный образ Великого княжества Литовского, где есть место и Литве, и древнерусскому наследию. Шуйский критически смотрит на польско-литовскую унию, указывая на противоречивый характер её последствий. Таким образом, к концу XIX в. в польской историографии образ восточнославянских земель приобретет самодостаточность, хотя и не становится объективным.

1. Басевич, А. М. Иоахим Лелевель – польский революционер, демократ, ученый (1786–1861) / А. М. Басевич. – М. : Соцэкгиз, 1961. – 192 с.

2. Репина, Л. П. «Национальный характер» и «образ Другого» / Л. П. Репина. // Диалог со временем. – 2012. – Вып. 39.: Национальный характер, дух народа и образ Другого: способы опознания и описания. – С. 9–19.

3. Карнаухов, Д. В. Идея Руси в польской историографии: преемственность нарративов от Длугоша до Нарушевича / Д. В. Карнаухов, В. А. Спесивцева // Русин. – 2023. – № 73. – С. 85–100.

4. Błachowska, K. Wiele historii jednego państwa: obraz dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego do 1569 roku w ujęciu historyków polskich, rosyjskich, ukraińskich, litewskich i białoruskich w XIX wieku / K. Błachowska. – Warszawa : Wydawnictwo Neriton, 2018. – 410 s.

5. Lelewel, J. Polska, dzieje i rzeczy jej. T. XIII. Historia polski do końca panowania Stefana Batorego / J. Lelewel. – Poznań : wydanie J. K. Żupańskiego, 1863. – 680 s.

6. Lelewel, J. Stryj synowcom swoim opowiedział / J. Lelewel. – Wrocław : nakładem Z. Schlettera, 1849. – 206 s.

7. Naruszewicz, A. S. Historya narodu polskiego. T. II / A. S. Naruszewicz. – Lipsk : Breitkorf & Haertel, 1836. – 212 s.

8. Naruszewicz, A. S. Historya narodu polskiego. T. IV / A. S. Naruszewicz. – Lipsk : Breitkorf & Haertel, 1836. – 272 s.

9. Szajnocha, K. Jadwiga i Jagiełło, 1374–1413: opowiadanie historyczne. T. I / K. Szajnocha. – Lwów : nakładem autora, 1861. – 386 s.

10. Szujski, J. Historii polskiej treściwie opowiedzianej ksiąg dwanaście / J. Szujski. – Warszawa : drukarnia J. Bergera, 1880. – 429 s.

Силаева И.А.

Н.Н. ОГЛОБЛИН ОБ ИСТОЧНИКАХ СЛУЖЕБНОЙ ЧЕРТЕЖНОЙ КНИГИ С.У. РЕМЕЗОВА

Ключевые слова: Н.Н. Оглоблин, С.У. Ремезов, Чертежная книга Сибири, источники Чертежной книги Сибири, русская картография рубежа XVII–XVIII вв.

Значительное место в исследованиях рубежа XIX–XX вв. видного российского ученого Н.Н. Оглоблина заняли вопросы истории Сибири в двухвековой период после завоевания русскими этой бескрайней территории. При определении источников, которые использовал при составлении Чертежной книги Сибири (1701 г.) сын боярский С.У. Ремезов, Н.Н. Оглоблин пришел к выводу о том, что этот драгоценный памятник отечественной картографии основан на таких перечисленных его автором материалах как существовавшие к тому времени сибирские чертежи, географические сочинения, а также расспросы людей, знавших об Азиатской России [6, с. 3].

Изучая, попавшие в поле зрения С.У. Ремезова чертежи, в том числе привлекая сведения из фонда Сибирского приказа Московского архива Министерства юстиции (далее – МАМЮ), Н.Н. Оглоблин отводил существенную роль городовым чертежам, которые обычно направлялись из Сибири в Сибирский приказ [6, с. 3], а также, что интересно, чертежам, которые были выполнены в Москве непосредственно в этом приказе. Ученым указано, что семь листов из чертежа, занимающего 24 листа, были составлены самим С.У. Ремезовым. Остальные картографические материалы были скопированы тобольским сыном боярским, не исключая того, что С.Е. Ремезов их дополнил и отредактировал, взяв за основу дошедшие до него «городовые сибирские низовые чертежи».

Среди чертежей, использовавшихся С.У. Ремезовым, основным Н.Н. Оглоблин считал Первое чертежное описание Сибири (1668 г.) неизвестного составителя того времени. После обнаружения этого памятника, историк пришел к выводу о том, что описание появилось во исполнение государева указа, предписывающего создать чертеж сибирских земель, лесов и рек [6, с. 4].

Н.Н. Оглоблин, уделявший огромное внимание источниковому материалу, отметил, что чертеж Сибири 1668 г. так и не найден, хотя описание его было зафиксировано в одном столбце Сибирского приказа МАМЮ. Так, исследователь нашел несколько новых архивных сведений об источниках Чертежной книги Сибири (далее – ЧКС) в архиве МАМЮ. Он указал на то, что ЧКС С.У. Ремезова сопровождалась предисловием, где было отмечено отсутствие дошедших до нас других чертежей.

Как заключил Н.Н. Оглоблин, составитель ЧКС не располагал и появившимся в 1673 г. общим чертежом Сибири, опять-таки не сохранившимся даже до времен Н.Н. Оглоблина, а дошедшим до конца XIX в. в виде «Списка с Чертежа Сибирской земли», в издании Г.И. Спасского, то есть описания данного памятника [6, с. 4].

Н.Н. Оглоблин выяснил, что составитель ЧКС для изображения естественно-географического положения территории Сибири использовал составленные в Тобольске карты (1668/69, 1683/84 – 1686/87, 1688/89, 1695/96 – 1699/1700 гг.). По заключению Н.Н. Оглоблина, обращение С.Е. Ремезова к чертежам только второй половины XVII столетия может объясняться тем, что чертежи за первую половину этого столетия не сохранились. Хотя, как отметил видный историк и архивист, к сожалению для последующих исследователей, бесчисленные карты за вторую половину XVII в. не уцелели.

Выдающийся отечественный сибиревед отметил бытование в XVII столетии сотен разнообразных по содержанию картографических материалов, отражающих состояние городов, уездов, волостей, «землиц», водоемов и проток. Проанализировав содержание

2048 столбцов Сибирского приказа, Н.Н. Оглоблин обнаружил только три упоминания чертежей: района реки Тунгуски Илимского и Енисейского уездов (1683/84 г.), Ленской волости Якутского и Илимского уездов (1691/92 – 1692/93 гг.), схематического изображения реки Амура и его бассейна конца XVII в. (составленного в Москве, как выяснил историк) [6, с. 5].

Однако Н.Н. Оглоблин не смог указать на факты обращения создателя ЧКС к известным тогда перечисленным трем чертежам.

По наблюдению исследователя, С.У. Ремезов привлек к разработке ЧКС карты 1683/84 и 1699/1700 гг., но, несмотря на совпадение даты одного из чертежей с датой хронологии использовавшегося С.У. Ремезовым чертежа (1683/84 г.), – они оказались разные.

Среди документов, привлеченных С.У. Ремезовым к составлению ЧКС, имелись рукописные источники с географическими данными. Как отмечено Н.Н. Оглоблиным, такие памятники хранились в Сибирском приказе, приказной палате Тобольска и в других городах. Историком-сибиреведом показано наличие у С.У. Ремезова большого количества ссылок на различные географические сочинения, однако автор ЧКС мало говорит об их использовании. Так, в поле зрения Н.Н. Оглоблина попали писцовые, переписные и ясачные книги, а также доезды служилых людей по недавно присоединенным новым землицам, статейные списки дипломатических выездов в порубежные государства, в том числе «Мунгалию» и Калмыкию.

Как выяснил историк, иногда часть ЧКС составлялась с использованием сведений из доездов. Подтверждением тому было упоминание доезда атамана Ивана Петрова с подьячими и мирзой Бурнашем Алышевым «с товарищами» в картографическом документе, направленном в Сибирь в 1566/67 г., то есть еще до похода в Сибирь дружины Ермака. (Этот источник большинство исследователей признает легендарным). Как показал Н.Н. Оглоблин, данный доезд С.У. Ремезов сделал приложением к одной из страниц ЧКС [6, с. 6].

При изучении ЧКС Н.Н. Оглоблиным были рассмотрены многочисленные виды чертежей XVII столетия. По его наблюдению, привлеченное С.У. Ремезовым Описание общего сибирского чертежа 1667/68 г. Семен Ульянов сын называл «Росписью против чертежу 1667/68 г.» и многократно к нему обращался.

Н.Н. Оглоблин нашел любопытным факт составления чертежа 1667/68 г.: указание подготовить чертеж предшествовало постройке крепостей и размещению драгун в Тобольском и Верхотурском уездах с целью их обороны от набегов. Исследователь указал на 4-ю и 5-ю статьи «Росписи против чертежу 1667/68 г.» (далее – «Роспись»), где были обозначены местности, предназначенные к описанию. Он отметил, что другие многочисленные статьи этого документа содержат сведения о расстояниях между населенными пунктами, исчисляемыми по рекам. К примеру, Н.Н. Оглоблин продемонстрировал, как указано было одно из таких расстояний: «от Тобольска вверх по реке Тоболу до усть Тавды реки хода три дня». Распространенным описанием в «Росписи» являлось именно такое, отражавшее данные по всей Сибири. Ученый констатировал крайнюю точку зафиксированного чертежа: на востоке – река Амур, на севере – реки Яна и Ковыма. Историк упоминал и о том, что автор «Росписи» не обошел вниманием и плодородные земли у Амура [6, с. 7].

Н.Н. Оглоблин признал немаловажными сведения статей 20–22 рассматриваемого источника, в которых автор отражал географические сведения о Китае и «Мунгалии». К тому же, в поле зрения автора «Росписи» попали и город Квинза, и «Индийская земля» (статья 22), расположенные «за китайским царством» [6, с. 8].

Историк-архивист отметил, что «Роспись» содержала «Азбуку», то есть список сокращений (где, к примеру, города обозначались «г», зимовья – «з», волость – «в»), а

также помету окольничего Р.М. Стрешнева, который доставил «Роспись» из Сибирского приказа государю.

Н.Н. Оглоблин констатировал, что масштабный материал «Росписи» способствовал подробному составлению ЧКС С.У. Ремезовым.

Ученый рассмотрел и такой источник ЧКС, как «сказки сведущих людей». Н.Н. Оглоблин отметил и то, что опрос разных по сословию и положению лиц С.Е. Ремезов вел с применением чертежей, то есть расспрашивал этих людей, ссылаясь на имевшуюся на руках у него «Роспись» и другие чертежи, взятые им в Сибирском приказе. К опросам привлекались тоболяки, местные «иноземцы» и иностранцы, гости и старожилы города, его уроженцы и «памятливые бывальцы» (к примеру, казанцы, уфимцы, пермяки, усольцы, кеврольцы). Как выяснил Н.Н. Оглоблин, расспросы были дословные, С.У. Ремезов фиксировал все необходимые ему расстояния между населенными пунктами, реками, волостями, озерами, поморскими берегами, губами, урочищами и островами, если эта информация ранее не была зафиксирована в дошедших до него чертежах [6, с. 8]. (Такие источники, как показал Н.Н. Оглоблин, широко применялись не только С.У. Ремезовым, но и последующими исследователями). Сохранился также другой список с «Росписи» с обнаруженной А.А. Титовым с его замечанием относительно предисловия, сообщающего, что это его копия с чертежа Сибири, сделанная тогда тобольским воеводой стольником П.И. Годуновым (1667 г.). Копии с нее снимались и в дальнейшем [6, с. 12].

Как показал исследователь, к «памятливым бывальцам», опрошенных С.У. Ремезовым, относился, в частности, Владимир Атласов, открывший Камчатку. Ученый отметил, что по возвращении из прославившей его экспедиции, С.У. Ремезов незамедлительно опросил этого якутского пятидесятника, поясняя ему о работе над ЧКС. Н.Н. Оглоблин привел отписку тобольского воеводы князя М. Черкасского «с товарищами» о расспросах С.У. Ремезовым В. Атласова [6, с. 9] и копированием этим тобольским сыном боярским этой обширной сказки «камчатского Ермака» и его недавней экспедиции. Историк отметил серьезное отношение С.У. Ремезова к составлению чертежа и указал на то, что использование свидетельств камчатского первопроходца для составления ЧКС является дополнительным доказательством подлинности ее сведений.

Невыясненными, по признанию Н.Н. Оглоблина, остались такие источники ЧКС как «многие географические книги». Ученый предполагал, что они являлись печатными. Упоминая их, он указывает на личный осмотр острогов и волостей Тобольского уезда С.У. Ремезовым в 1697/98 г. Однако, основными источниками ЧКС Н.Н. Оглоблин, посчитал чертежи, географические рукописи и расспросы «бывальцев» [6, с. 10].

Историк, изучая дипломатические связи русских с порубежными государствами, нашел, что описание реки Амура и его системы (внесенное С.У. Ремезовым в ЧКС) являлось приложением к докладу 1699/1700 г. о принятии в порубежных с Китаем городах мер по сохранению и строгому соблюдению правил дипломатических контактов в ходе миссии Ф.А. Головина с китайцами о недопущении конфликта с ними [5, с. 14, 114].

Н.Н. Оглоблин выяснил, что С.У. Ремезовым, составителем ЧКС, в 1710 г. была подготовлена переписная книга Тобольского уезда, содержащая подсчет населения с разделением на мужской, женский пол и по возрасту [3, с. 78].

Исследователь упоминает о привлечении ЧКС среди множества других материалов к рассмотрению дела о столкновении верхотурских служилых людей с земскими властями и крестьянами Кунгурского уезда (1703 г.); в числе этих материалов были челобитные, сыски, отписки [5, с. 187].

Н.Н. Оглоблин упоминал о привлечении им ЧКС, к обозрению челобитного дела пашенных крестьян Якутского уезда 1693/94 г., содержащего множество челобитных [4, с. 302].

Заметим, что почти всем авторам появившихся в последнее время работ о картографическом наследии С.У. Ремезова, за исключением Л.А. Гольденберга [1], рассмотренная статья Н.Н. Оглоблина осталась, очевидно, неизвестной [2; 7; 8].

Рассмотренные Н.Н. Оглоблиным источники ЧКС позволили определить с гораздо большей, чем ранее, полнотой степень участия сибиряков в накоплении и распространении географических знаний в XVII столетии.

1. Гольденберг, Л. А. С. У. Ремезов и картографическое источниковедение Сибири второй половины XVII – начала XVIII в. : дисс. … доктора ист. наук / Л. А. Гольденберг (1967) // Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. – Тобольск : Изд. отдел Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска», 2011. – 691 с.

2. Колобова, Я. Р. Особенности отображения тюрко-татарского населения Среднего Притоболья на чертежах С. У. Ремезова / Я. Р. Колобова // История, экономика и культура тюрко-татарских государств на территории Западной Сибири: IV Всероссийская (национальная) научная конференция, 30–31 октября 2020 г. : материалы конф. – Курган : Изд-во Курганского гос. университета, 2021. – С. 119–121.

3. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) / сост. Н. Н. Оглоблин. – М. : Университетская тип., 1895. – Ч. 1 : Документы воеводского управления. – 421 с.

4. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) / сост. Н. Н. Оглоблин. – М.: Университетская тип., 1900. – Ч. 3 : Документы по сношениям местного управления с центральным. – 389 с.

5. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) / сост. Н. Н. Оглоблин. – Б.м., б.и., 1901. – Ч. 4 : Документы центрального управления. – 287 с.

6. Оглоблин, Н. Н. Источники «Чертежной книги Сибири» Семена Ремезова / Н. Н. Оглоблин. – СПб. : Тип. В.С. Балашева и К°, 1891. – 12 с.

7. Тихонов, С. С. Чертежи С.У. Ремезова и изучение ханства Кучума (на примере «Хорографической книги») / С. С. Тихонов // История, экономика и культура тюрко-татарских государств на территории Западной Сибири: II Всероссийская (национальная) научная конференция, 17–18 апреля 2014 г. : Материалы конф. – Курган : Изд-во Курганского гос. университета, 2014. – С. 6–11.

8. Тихонов, С. С. «Доезд Струнина 720 года» в «Хорографической книге…» С.У. Ремезова и сведения по географии и истории Сибири / С. С. Тихонов // VIII Емельяновские чтения, 20 апреля 2018 г. : материалы конф. – Курган : Изд-во Курганского гос. университета, 2019. – С. 22–27.

Секенова О.И.

ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА МАСАЛЬСКАЯ-СУРИНА И ЕЕ ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ[1]

Ключевые слова: женщины-ученые, женщины-историки, социальная история науки, история России.

Сегодня в условиях развития исследований женского вклада в историческую науку, отдельной проблемой является возвращение в научный оборот забытых имен русских женщин-историков. Так, одной из первых исследовательниц истории Западных губерний Российской империи стала Евгения Александровна Масальская-Сурина (Шахматова) (1862–1940) – хотя большая часть исследовательских работ ее остаются неопубликованными, сегодня ее научное и литературное наследие постепенно находит свой путь к читателю. Евгения Александровна Масальская-Сурина гораздо известнее в отечественной исторической науке как старшая сестра знаменитого текстолога и историка древнерусского летописания А.А. Шахматова, о ранних годах жизни которого она оставила теплые и подробные воспоминания, впервые опубликованные еще в 1929 г. [1]. Впоследствии Е.А. Масальская-Сурина передала большую часть семейного архива и собственных научных и литературных работ в Государственный Литературный музей, сегодня эти документы хранятся в РГАЛИ и СПфАРАН. Но один документ – семейные воспоминания 1908–1920-х гг., переправленный норвежскому ученому Олафу Броку, сохранился в архиве Норвежской национальной библиотеке и был опубликован на

[1] Подготовлено при поддержке РНФ 24-78-10005 «Женский голос российской науки 1800–1980-х гг.».

русском языке благодаря Т.П. Леннгрен и И.В. Матвеевой в 2019 г. [4]. В данной статье предполагается охарактеризовать вклад Е.А. Масальской-Суриной в развитие исторической науки в контексте социальной истории женщин-ученых Российской империи пореформенной эпохи.

В отличие от А.А. Шахматова, которого с детства готовили к академической карьере, его старшую сестру обучали управлению крупными имениями и сельскому хозяйству. Тем не менее, уже в зрелом возрасте в ней также пробудился интерес к истории: по ее мнению, семейная история была слишком мелкой темой для А.А. Шахматова, способного выйти «на большую дорогу истории своего народа» [1, с. 32], тогда как создание семейных хроник и генеалогических трудов Евгения Александровна считала вполне посильной для себя задачей: история России, «конечно, не стала интереснее, но им, предкам, было дано подобающее место. Они, наверное, мне за это благодарны, потому что не даром же собирали и сами хранили на протяжении 200-300 лет все эти купчие грамоты, челобития и прочие следы своей жизни, не блестящей, но кому-то нужной» [1, с. 32–33]. Управляя имениями большой семьи, сама Евгения Александровна воспринимала занятия историей как приятное хобби, с удовольствием записывала воспоминания многочисленных родственниц и создавала генеалогические исследования Агафонниковых/Шахматовых.

В 1903 г. в возрасте 41 года Евгения Александровна впервые вышла замуж за Виктора Адамовича Масальского-Сурина, надворного советника. Во время службы В.А. Масальского-Сурина в Минске, Евгения Александровна, в соответствии со статусом супруги высокопоставленного мужа, оказалась вовлечена в огромное количество благотворительных организаций, работа в которых, с одной стороны, утомляла ее, а с другой – влияла на неформальные отношения внутри региональной чиновничьей элиты. Выход из этой непростой ситуации для нее нашел муж: он предложил ей участвовать в качестве «дамы патронессы» в деятельности зарождающегося Минского церковного историко-археологического комитета (другие женщины-супруги высшего чиновничества губернии этим благотворительным обществом не заинтересовались). Евгения Александровна вспоминала, что общество работало «скромно…, под сенью архиерейского дома, занимая в нем две комнаты и два сухих подвала» [4, с. 50]. Вместе с супругом Е.А. Масальская-Сурина занималась поиском старинных артефактов для музейной коллекции (так, они безуспешно пытались найти средства для покупки коллекции историка и археолога Г.Х. Татура). По поводу музейных предметов и старинных рукописей Е.А. Масальская-Сурина регулярно советовалась с братом, в ту пору членом Академии наук, который был «все более и более в курсе наших дел». Важным направлением деятельности Евгении Александровны в Комитете была организация историко-археологических экскурсий (в частности, Заславль, Борисовский и Пинский уезды). Подобные неформальные экскурсии, в которых принимали участие лучшие специалисты Историко-археологического комитета, были аналогом «разведок» – коротких непродолжительных экспедиций, позволявших не только осмотреть памятники истории и археологии, но и определить направления дальнейших исследований. Пользуясь связями с братом, Е.А. Масальская-Сурина также занималась поиском финансирования подобных экскурсий и коротких экспедиций с помощью субсидий Академии наук (письма сестре А.А. Шахматова, в тот момент возглавлявшего Отделение русского языка и словесности характеризуют систему подобного финансирования: «посоветуй ему написать через меня в Отделение русского языка и словесности просьбу о выдаче ему ста рублей на поездку туда-то с такою-то целью. Мы вышлем ему белорусскую программу» [4, с. 262]). Одной из наиболее успешных «экскурсий» стали раскопки в Турове, в ходе которых был найден древний саркофаг [4, с. 157].

В организаторских заботах Евгения Александровна не оставляла собственных исследовательских занятий. Не имевшая систематического исторического образования,

она тем не менее, собирала исторический материал о всех уездных городах Минской губернии [5], работала в Архиве Виленского Генерал-Губернатора [6, л. 22]. Выезжая «в поле» и обладая разветвленными знакомствами в среде сельских учителей и духовенства, Е.А. Масальская-Сурина собирала народные легенды и предания, особенно интересуясь представлениями о древнейшем периоде истории этих земель [3; 4, с. 78–79]. Параллельно с этим, Е.А. Масальская-Сурина исследовала генеалогию семьи своего супруга, происходившего их княжеского рода Масальских. В толстой нотной папке на многочисленных тетрадях выписана поколенная роспись от Рюрика до XVI в., нарисован от руки герб рода Мосальских и дано его подробное описание, выписан перечень селений, принадлежащих Масальским. Структура исторического описания у Е.А. Масальской-Суриной выглядит следующим образом: цитаты из Ипатьевской или Лаврентьевской летописей, сделанные красными чернилами, подкреплялись подробным комментарием, в котором особое внимание уделялось предкам князей Мосальских. Богатая библиотека и отсутствие профессионального исторического образования (Е.А. Масальская-Сурина не заканчивала Высшие женские курсы) играют с ней злую шутку: до 6 поколения Рюриковичей главным ее источником становится печально известная Иоакимовская летопись, дополненная собственными идеями Е.А. Масальской-Суриной. Примечательно, что Е.А. Масальская-Сурина стеснялась публично читать свои научные труды: так, составленную ей лекцию о памятниках старины Минской губернии, на вечере Историко-археологического комитета читал перед публикой В.П. Корветто [4, с. 81].

Активная деятельность Е.А. Масальской-Суриной на благо Минского церковного историко-археологического комитета шла всего несколько лет (в 1908–1910 гг.) – затем она была вынуждена уехать из Минска. Ее исторические штудии, впрочем, не были завершены: уже после революции она некоторое время работала в Саратовском краевом архивном управлении. Личный вклад Евгении Александровны не только в историю своей семьи, но и в исторические исследования близких ей регионов – Минской и Саратовской губерний, имеет большое значение для исследователей и сегодня.

1. Масальская, Е. А. Повесть о брате моем А. А. Шахматове. Ч. 1 : «Легендарный мальчик» / Е. А. Масальская. – М. : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1929. – 248 с.

2. Масальская-Сурина, Е. А. Памятники старины (Лекция) / Е. А. Масальская-Сурина // Минская старина. – 1909. – Вып. 1. – С. 90–96.

3. Масальская-Сурина, Е. А. Историческая легенда Пинчуков о начале христианства в Пинском крае. Отрывок. Перевод с польского языка / Е. А. Масальская-Сурина // РГАЛИ. – Ф. 318. Оп. 1. Д. 13.

4. Масальская-Сурина, Е. А. История с географией / Е. А. Масальская-Сурина. – М. : Издательство им. Сабашниковых, 2019. – 568 с.

5. Масальская-Сурина, Е. А. О князьях и городах Западного края. Выписки и заметки / Е. А. Масальская-Сурина // РГАЛИ. – Ф. 318. Оп. 1. Д. 12.

6. Масальская-Сурина, Е. А. Родословная князей Масальских и Суриных, составленная по Бранденбургу, Вольфу и др. источникам / Е. А. Масальская-Сурина // Российский государственный архив литературы и искусства. – Ф. 318. Оп. 1. Д. 21.

Чикалова И.Р.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ЗЕРКАЛЕ ПУБЛИЦИСТИКИ, МЕМУАРИСТИКИ И ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ 1914–1941 гг.

Ключевые слова: Первая мировая война, военные мемуары, военные дневники, историография Первой мировой войны, военно-исторические исследования.

В данной статье представлена информация о монографии ее автора «(Не)забытая война: Первая мировая война в документах, публицистике, воспоминаниях и исследованиях современников (1914–1941)» [2; 3], презентация которой состоялась в ходе конференции «Актуальные проблемы источниковедения».

Несмотря на то, что мировая война 1914–1918 гг. тяжелейшим катком прокатилась по западным землям бывшей Российской империи, оставив в ней бесчисленные могилы, память о ней, как и о миллионах погибших солдат и офицеров, гражданского населения, в советское время не была увековечена ни в едином памятнике на государственном уровне. Лишь публицистические, научные и художественные тексты выступали инструментом сохранения исторической памяти о ней у потомков. В этом отношении важным является любой источник, появившийся в ходе самой войны и после ее окончания, – журналистское и официальное сообщение, очерк в периодической печати, солдатское письмо, дневник рядового участника или офицера, мемуары политических, государственных и военных деятелей, иллюстрированное издание, рассчитанное на обычного читателя, статьи в тематических сборниках, корреспондентские зарисовки с фронта, лубок и карикатура, поэтические строки и прозаические литературные произведения и многое другое, что наполняло информационное пространство смыслами по поводу войны.

Книга «(Не)забытая война: Первая мировая война в документах, публицистике, воспоминаниях и исследованиях современников (1914–1941)» вышла двумя изданиями: первым – в 2022 г. [3], вторым (дополненным и переработанным) – в 2024 г. [4] Она дает максимально объемную панораму письменного наследия участников, свидетелей и исследователей Первой мировой войны, представленного публикациями 1914–1941 гг., вышедшими в России и в Советском Союзе. Ее объем во втором издании вырос с 426 до 507 страниц, именной указатель включает 911 персоналий. Источниковая база включает более 1300 наименований книг, брошюр, статей, очерков.

Второе издание книги, хотя и сохранило структуру предыдущего, далеко ушло от него на счет включения новых тем, разделов и материалов. Глава 1 называется «События Великой войны в оперативном отражении российских печатных изданий». В ней шесть параграфов: «Эмоциональные и патриотические настроения начала войны»; «Причины и виновники военного конфликта»; «Вооруженные силы сторон»; «Ход и будни войны»; «Война и народное хозяйство»; «Беженство». Параграф «Боевые действия», приобретший во втором издании более точное название «Ход и будни войны», расширился за счет нового материала. В нем на многочисленных и конкретных примерах показывается, что сразу после начала мировой войны ход боевых действий, колебания под ее влиянием политических настроений, изменения экономического положения, нарастание социальных проблем в воюющих странах, т.е. все, что в той или иной степени имело отношение к войне или было связано с ней, находило отражение на страницах газет и журналов, в оперативно выходивших небольших по объему книжных публикациях. Военное время определило и особенности журнальных очерков и брошюр: небольшой объем, который позволял оперативно высказаться по избранной теме, хотя сообщаемая информация подчас была недостаточно полной.

В главе 2 «Образы “своих” и “чужих”, союзников и врагов в российской публицистике военных лет» на примере Бельгии, Франции, Великобритании, Германии автор демонстрирует как велась на страницах прессы работа по формированию имиджей государств и их народов. Каждой из стран посвящен отдельный раздел книги: «“Король, закон и свобода”: Бельгия – жертва германской агрессии и символ сопротивления», «”Душа войны”: сражающаяся Франция на страницах печатных изданий», «”Он наш союзник, мы связаны узами крови”: российская печать о Великобритании и английских солдатах», «”Без чести, благородства и сердца”: трансформация образа Германии и немцев в России под влиянием событий войны».

Обновилось не только название главы 3 – «Война в письмах, дневниках, воспоминаниях ее российских участников: публикации 1914–1941 гг.», но и ее содержание. Она открывается разделом, посвященным эго-документам рядовых

участников и свидетелей войны. Письма с фронта являются ценнейшим источником для изучения войны в разных ее проявлениях. В них отражалась сама повседневность войны: бои в наступлении и при отходах, фронтовой быт и смена солдатских настроений. Важность такого источника, как письма с фронта, была понятна уже современникам, но организовать их сбор было непросто. Тем не менее, уже в 1914 г. в Петрограде была выпущена книга «В огне. Боевые впечатления участников войны». Она не что иное, как сборник фронтовых писем без указания каких-либо сведений об авторах и месте описываемых событий. Как в годы войны, так и после ее окончания вышли и другие подобные публикации.

У опубликованных в годы войны брошюр в жанре дневников была общая черта: подчинение цензурным соображениям требовало не рассекречивать детали описаний боев. Поэтому состоялись они неизвестно где и проходили с участием неведомо каких частей. Подобных публикаций было немало. Беллетристские публикации о боях и буднях войны, изданные в 1920–1930-е гг., отличаются тем, что авторские рассказы уже более реалистичны, приближены к жизни, поскольку герои их названы по именам, а боевые действия привязаны к конкретным городам и местностям. Характерной особенностью мемуаров рядовых участников войны, как показывается на страницах книги, является стремление оправдать отказ солдатской массы от войны. И совсем другое – мемуары политиков, дипломатов (М.В. Родзянко, П.Н. Милюков, В.В. Шульгин, А.П. Извольский, С.Д. Сазонов, А.Ф. Керенский, А.И. Гучков и др.) и военачальников (А.А. Брусилов, В.И. Гурко, А.И. Деникин, А.С. Лукомский, Ю.Н. Данилов и др.). В них нашло отражение множество вопросов, среди которых автор книги останавливается на следующих: важнейшие боевые операции по воспоминаниям участников, вооружение и кадровый состав армии в оценке мемуаристов, высшее командование по отзывам в армейских кругах, Николай II как Верховный главнокомандующий в оценке генералитета, генералы о состоянии армии после Февральской революции. Уже после войны общим достоянием стали документы личного характера царствующих особ: переписка Вильгельма II с Николаем II, дневниковые записи Николая II и великого князя Николая Михайловича, семейная переписка членов императорского дома Романовых. По публикации эмигрантского издательства в Берлине стали известны письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II, воспроизведенные затем журналом «Красный архив» и вышедшие отдельным изданием.

В главе 4, посвященной отражению событий войны в мемуарах и трудах зарубежных военных и политиков (в круг обсуждения включены русскоязычные переводы 1920–1930-х гг.), в подразделе 4.2. «Военно-исторические исследования» в самостоятельные выделены три параграфа «Происхождение войны», «Сухопутные боевые операции» и «Война в море». В подразделе 4.3. «Обзоры применения новых видов вооружения» добавлен параграф «Обобщающие труды». В межвоенные годы были изданы воспоминания политических деятелей и военачальников стран Антанты и Центральных держав: Франции (Р. Пуанкаре, Ж. Жоффра, А. Ф. Петена, Ф. Фоша, М. Палеолога), Великобритании (Д. Ллойд Джорджа, Ф. Берти, Дж. Бьюкенена, Дж. Фуллера, труды Ю. Корбетта, Г. Ньюболта, Г. Вильсона), Германии (императора Вильгельма II, его несостоявшегося наследника кронпринца Вильгельма, канцлеров О. Бисмарка, Б. Бюлова, Т. Бетман-Гольвега, дипломатов М. Эрцбергера и Ф. Пурталеса, военачальников Э. Фалькенгайма, П. Гинденбурга, Э. Людендорфа, М. Гофмана, адмиралов А. Тирпица и Р. Шеера), Австро-Венгрии (министра иностранных дел О. Чернина). Названный, далеко не полный перечень авторов дает представление о тех дополнительных возможностях разобраться в событиях, которые предоставляет

ознакомление с мемуарами видных зарубежных деятелей эпохи Великой войны. С ними автор книги знакомит читателя в первой части главы.

Глава 5 выступает под обновленным названием – «По свежим следам: Первая мировая война в советских исследованиях и публицистике 1918–1941 гг.». В ней подраздел 5.1. «Международные отношения» дополнился темой – «Международные итоги войны». Подраздел 5.2. «Военные действия» расширен за счет темы «Военная подготовка России к войне и ее первоначальные планы». В отдельный параграф вынесена тема «Военные научные центры по изучению опыта войны ». Имевшийся в этой главе параграф «Сухопутные боевые операции», в свою очередь, разделен на два – «Боевые операции русской армии» и «Военные действия на Западном фронте». В отдельный параграф вынесено обсуждение историографии боевых действий на белорусских землях. В главе последовательно и подробно анализируются публикации гражданских и военных специалистов, появившиеся по ее окончании. В Советской России, а затем и в СССР к 1941 г. были опубликованы не только сборники дипломатических документов, относящиеся к происхождению и итогам мировой войны, но и многочисленные исследовательские труды по различным направлениям ее изучения. Так, тема соперничества главных европейских акторов по поводу разделов сфер влияния, подготовки и развязывания Первой мировой войны, активно дискутировавшаяся в годы войны, и после ее окончания оставалась в фокусе научного интереса. Широко разрабатывалась тема разложения русской армии накануне и после февральской революции 1917 г. Эти годы отмечены выходом большого числа военно-исторических трудов, в создании которых приняли участие многие бывшие видные военачальники царской армии. В них анализировались сухопутные и морские боевые операции, применение новых видов вооружения (авиации, танков, артиллерии, химического оружия), боевое снабжение армии в годы войны. Следует отметить и появление в этот период исследований о боевых действиях на территории Беларуси. Все перечисленные направления изучения войны нашли отражение на страницах книги.

Таким образом, структура исследования строго подчинена следующему плану – сначала показать оперативное отражение событий и настроений, связанных с Первой мировой войной, на страницах печатных изданий и в конце продемонстрировать тематику и значение для исторической и военно-исторической науки трудов о ней (зарубежных и советских), изданных в 1920–1930-е гг. Актуальность последних заключалась, в первую очередь, во введении в научный оборот огромного массива фактического материала о военных действиях, что было полезно для дальнейшего строительства вооруженных сил. Во вторую очередь, – их значение было высоко, поскольку в них анализировался комплекс вопросов, который имел столь же важное, если не большее, значение в связи с необходимостью понять психологию и образ дальнейших, сразу после окончания войны, действий побежденных и победителей, получивших возможность установить миропорядок, но не сумевших сохранить его без новых военных потрясений.

Автор разделяет оценку, данную профессором Б.Д. Козенко, который первым на страницах журнала «Новая и новейшая история» заявил, что к 1941 г. была сформирована советская школа изучения Первой мировой войны [1]. Она опиралась на богатый фактический материал, в целом отличалась глубиной анализа и высоким научным уровнем и представляла самостоятельную школу военной истории, нисколько не уступавшую, а в ряде случаев превосходившую зарубежные школы. Выросли кадры способных военных историков. Их творчество составило важнейший этап в научном осмыслении войны и заслуживает пристального внимания.

Тем не менее во второй половине XX столетия Первая мировая война 1914–1918 гг. и вклад, внесенный современниками в изучение по свежим следам и сохранение памяти о

связанных о ней событий, оказался фактически забыт. Многие ученые, создавшие труды о Первой мировой войне, были репрессированы (В.Н. Клембовский, А.А. Свечин, А.Н. Де-Лазари, Б.И. Доливо-Добровольский, Н.Н. Суханов и др.), а, следовательно, их имена на долгие годы были вычеркнуты из научного оборота и тоже забыты. Исправление этой исторической несправедливости, возвращение их читателю – одна из миссий данной книги. Многие оставшиеся в живых свидетели мировой войны 1914–1918 гг. были поглощены пламенем следующей мировой и Великой Отечественной, после окончания которой память о Первой была стерта практически полностью.

Книга не просто реконструирует начальный период формирования социальной памяти о Первой мировой войне, когда еще были живы ее свидетели и участники, но возвращает в общественное и интеллектуальное поле отчасти забытое наследие, оставленное своим потомкам военными и гражданскими исследователями, авторами дневников и мемуаров. Книга намечает направления дальнейших поисков и аналитического осмысления опубликованного с 1914 по 1941 г. массива источников, позволяющих исследовать и саму Первую мировую войну, и зафиксированную в разноплановых текстах память об этом трагическом и масштабном событии в европейской и мировой истории.

В заключении сошлюсь на оценку работы, высказанную в рецензии на нее доктором исторических наук Л.В. Ландиной: книга «представляет собой одновременно и конструирование исторической памяти, и раскрытие авторской позиции в осмыслении о Первой мировой войны. <…> она «выступает примером гибридного жанра, соединяя в себе исторический нарратив, источниковедческое исследование и историографическую рефлексию, являясь одновременно ярким примером работы в парадигме интеллектуальной истории. Автор создает собственную конструкцию исторической памяти о Первой мировой войне, что весьма востребовано в актуальных социокультурных и политических реалиях» [2, с. 432, 427].

1. Козенко, Б. Д. Отечественная историография Первой мировой войны / Б. Д. Козенко // Новая и новейшая история. – 2001. – № 3. – С. 3–27.

2. Ландина, Л. В. Тексты и смыслы Первой мировой / Л. В. Ландина // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – Вып. 89. – М. : ИВИ РАН ; Аквилон, 2024. – С. 427–433.

3. Чикалова И. Р. (Не)забытая война: Первая мировая война в документах, публицистике, воспоминаниях и исследованиях современников (1914–1941) / И. Р. Чикалова. – Минск : Беларуская навука, 2022. – 426 с. : илл.

4. Чикалова И. Р. (Не)забытая война: Первая мировая война в документах, публицистике, воспоминаниях и исследованиях современников (1914–1941). – 2-е изд., доп. и перераб. / И. Р. Чикалова. – Минск : Беларуская навука, 2024. – 507 с. : илл.

Антипов В.В.

КНИГИ 1942 г. О НЕМЕЦКОМ ШПИОНАЖЕ В ЦАРСКОЙ РОССИИ КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В 1942 г. в Москве и Саратове увидели свет книги И. Никитинского и П. Софинова, посвященные немецкому шпионажу на территории Российской империи в конце XIX – начале XX в. [1; 2]. С целью определения места этих изданий в современной исторической науке рассмотрим несколько ключевых аспектов.

Начать целесообразно с информации об авторах. Генерал-майор Иосиф Илларионович Никитинский (1905–1974) являлся советским деятелем органов государственной безопасности. 5 августа 1940 года был назначен руководителем Главного архивного управления НКВД СССР (с июля 1941 по январь 1944 года — Управление государственных архивов НКВД СССР). Под его руководством начался процесс систематизации и анализа секретных архивов, в том числе для выявления материалов «для оперативного использования органами НКВД» и составление соответствующих картотек.

Он инициировал публикацию сборников документов, в подготовке которых сам принимал участие. Стал автором нескольких книг на тему немецкого шпионажа во время Первой и Второй мировых войн.

Павел Георгиевич Софинов (1915–1964) – доктор исторических наук, профессор. В октябре 1941 был направлен в распоряжение Главного архивного управления НКВД СССР, где работал ученым археографом, затем был назначен начальником научно-издательского отдела. Опубликовал свыше 50 научных работ, которые внесли значительный вклад в советскую историческую науку, в том числе специализировался на изучении деятельности ВЧК в первые годы существования Советской России.

Сочетание профессионального опыта и научных интересов И.И. Никитинского и П.Г. Софинова, а также наличие доступа к архивным документам советских спецслужб того времени, а также Центральному государственному историческому архиву и Центральному государственному архиву Октябрьской социалистической революции позволили авторам впервые провести системный анализ и издать сборник документов и исторический очерк, в котором с опорой на архивные материалы раскрывалась деятельность немецкой разведки на территории Российской империи в конце XIX – начале XX в.

Публикация книг в 1942 г. преследовало, в первую очередь, прикладную цель. В сложный период начала Великой Отечественной войны эти издания стали настольными книгами и отчасти учебными пособиями для советских контрразведчиков. Даже несмотря на то, что в изданиях не отражено всего многообразия приемов и методов подрывной деятельности немецкой разведки, тем не менее, книги дают довольно широкое и ясное представление как об основных формах и методах иностранного шпионажа, так и о кадровом обеспечении разведывательной деятельности немецких спецслужб. А с учетом фактического отсутствия новшеств в организации разведывательной деятельности немецких спецслужб в начальный период Великой Отечественной войны, ознакомление советских чекистов с материалами книги позволило им использовать накопленный опыт в организации эффективного противодействия врагу.

Сборник документов более содержателен. В нем со ссылкой на архивные материалы и в более развернутой форме раскрываются многие аспекты и нюансы организации немецкого шпионажа в России, например в разделе 1 дается общее понятие о шпионстве и приводятся краткие сведения об организации иностранной разведки, в разделе 2 описывается возникновение и организация германско-австрийской осведомительной службы (немецкие общества и организации; судоходство и транспортные общества; страховое дело и банки; германская промышленная агентура; германская торговля); в разделе 3 – военный шпионаж; в разделе 4 – диверсионная деятельность германской разведки; в разделе 5 – шпионаж посредством нейтральных стран; в разделе 6 – средства связи [2].

Очерк «Немецкий шпионаж в царской России» издательства «Сароблгиз» фактически содержит лишь вводную часть сборника документов. Текст книги разделен на введение и разделы (шпионаж под маркой торгово-промышленных фирм; использование немецких колонистов в целях шпионажа; немецкая агентура в высших правительственных и военных учреждениях царской России; шпионаж во время Первой мировой империалистической войны; диверсионная работа немецкой разведки), а также заключение [1].

Книга «Немецкий шпионаж в царской России (сборник документов)» на современном этапе изучения проблемы неоднозначно оценивается в научных кругах. Имеются как позитивные мнения о своевременности, важности, значимости исследуемой темы и издания книги в период ожесточенной борьбы всего советского народа с немецко-фашистскими захватчиками, так и отрицательные.

Например, кандидат исторических наук В.О. Зверев полагает, что И. Никитинский и П. Софинов намеренно искажают истинное предназначение немецких поселенцев, делая их главными действующими лицами в разведывательных планах военного ко-

мандования Германии в предвоенном российском приграничье, что является фальсификацией и отражением политико-пропагандистских идей периода написания книги. Кроме того, по мнению В.О. Зверева, в издании используется недостаточно широкая аргументация со ссылками на конкретные документальные источники (дела, справки, циркуляры, письма и пр.) [3].

Анализ текста книги И. Никитинского и Д. Софинова «Немецкий шпионаж в царской России (сборник документов)» дает основания утверждать о наличии ряда неоднозначных или даже ошибочных оценок, в том числе критикуемых В.О. Зверевым. Однако можно с уверенностью отметить значимость книг, изданных в 1942 г., не только для своего времени, но даже в современных условиях, так как изучение разведывательной деятельности Германии на территории Российской империи в конце XIX – начале XX в. может пролить свет на международные отношения, влияние западных стран на регион, а также на историю разведки и контрразведки [4].

1. Никитинский, И. Немецкий шпионаж в царской России / И. Никитинский, П. Софинов. – Саратов : Сароблгиз, 1942. – 71 с.

2. Никитинский, И. Немецкий шпионаж в царской России. Сборник документов / И. Никитинский, П. Софинов. – М. : Научно-издательский отдел УГА НКВД СССР, 1942. – 284 с.

3. Зверев, В. О. Иностранный шпионаж и организация борьбы с ним в Российской империи (1906–1914 гг.) : монография / В. О. Зверев. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 360 с.

4. Антипов, В. В. Деятельность немецких специальных служб на территории Российской империи (конец XIX – начало XX в.) / В. В. Антипов // Наука – образованию, производству, экономике : материалы 77-й Регион. науч.-практ. конф. препод. науч. сотр. и аспир., Витебск, 28 февраля 2025 г. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2025. – С. 128–130.

Крюковский В.Д.

ВОЕННОЕ ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ В БССР (1924–1928 гг.): ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Ключевые слова: высшая допризывная подготовка, военное обучение, студенты, молодежь.

Деятельность партийных, государственных органов по героико-патриотическому воспитанию, оборонно-массовой работе с юношеством привлекала к себе внимание многих историков. Большое научное и практическое значение представляют работы П.Г. Чигринова [1; 2]. В монографии и диссертации анализируются марксистско-ленинская методология патриотического воспитания, формы и методы воспитательной практики с населением, упрочение единства армии и народа. Но вопросы высшей допризывной подготовки студенческой молодежи в работах ограничиваются некоторыми аналогиями.

Ряд направлений практики работы политических, общественных организаций по физическому и военно-патриотическому воспитанию молодежи освещаются в кандидатских диссертациях. Вызывают интерес исследования Е.В. Пиульского и В.Ф. Кушнера [3; 4]. Авторы раскрывают роль партийных, комсомольских организаций в военно-патриотическом воспитании подрастающего поколения, шефские связи трудовых коллективов с частями Красной армии. Однако проблемы допризывной выучки учащихся и студентов представляются в диссертациях единичными фактами.

В монографии В.В. Даниловича анализируется участие молодежи в развитии физкультурно-спортивной и военно-патриотической работы. Автор раскрывает формы и методы оборонно-массовой работы с юношеством в межвоенный период [5]. Исследователь Д.Н. Хромченко рассматривает воспитательную деятельность патриотических организаций БССР в 1920–1940-е гг. Но аспекты боевой подготовки

слушателей средних специальных и высших учебных заведений освещаются исследователями единичными событиями в контексте проводимых массовых мероприятий [6].

Отдельные направления деятельности вузовского правления, общественных организаций Белорусского государственного ветеринарного института имени Октябрьской революции по организации военной выучки студенчества в 1924–1927 гг. освещаются в книге Е.Ф. Алонова [7]. В трудах М.К. Дятлова раскрывается история становления Витебской академии ветеринарной медицины, приводятся примеры действий правления, партийной, комсомольской ячеек, общественных организаций по военному обучению, патриотическому, физическому воспитанию молодежи в 1920–1930 гг. [8; 9].

В обзоре ректора Белорусской государственной академии сельского хозяйства (БГАСХ) им. Октябрьской революции, профессора Н.Т. Козырева демонстрируются действия правления, кафедры высшей допризывной военной подготовки по созданию технической базы, боевому обучения студентов в 1926–1928 гг. [10]. В юбилейном сборнике БГАСХ к десятой годовщине Октябрьской революции раскрываются формы и методы военной, оборонно-массовой работы со слушателями в 1920-е гг. [11].

Этапы развития системы физкультурного образования, военно-прикладной выучки, подготовки квалифицированных специалистов физкультуры и спорта в БССР, история университета рассматриваются в коллективном издании профессорско-преподавательского состава БГУФК [12].

В книгах авторских коллективов исследователей объясняются история Краснознаменного Белорусского военного округа, напряженная боевая и политическая учеба солдат, примеры высокого мужества и героизма советских воинов, их беспредельная преданность Родине, новые подходы формирования красноармейских частей, роль территориальных частей в военной выучке молодежи, студентов, младшего командного и переменного состава [13; 14]. В кратких очерках истории ДОСААФ БССР раскрываются деятельность первых оборонных обществ, Осоавиахима БССР, примеры военного обучения населения, слушателей учебных заведений республики разбираемого времени [15; 16].

Представляют интерес научные труды в области педагогики. Кандидатские диссертации В.И. Шаврука, Г.П. Коваленко [17; 18] раскрывают методику проведения уроков физкультуры с юношами и девушками, опыт военно-патриотической работы с учащимися в 1920–1930-е гг.

Способы и подходы деятельности ЛКСМБ в патриотическом воспитании юношей и девушек изучаемого периода освещаются в сборниках очерков и теоретических статей [19; 20].

Отдельные вопросы оборонно-массовой работы с молодежью освещаются в многочисленных публикациях белорусских обществоведов.

На основании изучения научных работ и другой литературы можно сделать вывод, что проблема военного обучения студенческой молодежи в 1924–1928 гг. исследована недостаточно.

1. Чигринов, П. Г. Военно-патриотическое воспитание трудящихся. Из опыта работы компартии Белоруссии (1926–1941 гг.) / П. Г. Чигринов. – Минск : Беларусь, 1981. – 207 с.

2. Чигринов, П. Г. Деятельность КПСС по военно-патриотическому воспитанию трудящихся в период построения и упрочения социализма 1926 – июнь 1941 г. (на материалах Компартии Белоруссии) : автореф. дис. … д-ра ист. наук : 07.00.01 / Чигринов Петр Гаврилович ; Ин-т ист. партии при ЦК КПБ. – Минск, 1985. – 43 с.

3. Пиульский, Е. В. Деятельность комсомола Белоруссии по военно-патриотическому воспитанию молодежи в годы первой пятилетки (1926–1932 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.01 / Пиульский Евгений Владимирович; М-во высш. и сред. спец. образования БССР. – Минск, 1975. – 26 с.

4. Кушнер, В. Ф. Военно-патриотическое воспитание и подготовка трудящихся Белоруссии к защите Родины (1921–1925 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Кушнер Василий Федорович ; Мин. гос. пед. ин-т. – Минск, 1976. – 25 с.

5. Данілович, В.В. Моладзь у грамадска-палітычным, сацыяльна-эканамічным і культурным будаўніцтве Савецкай Беларусі (1921–1939 гг.) / В. В. Данілович; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т Гісторыі. – Мінск : Беларуская навука, 2020. – 730 с.

6. Хромченко, Д. Н. Оборонно-массовая работа общественных организаций Беларуси в 1920–1940-е годы / Д. Н. Хромченко. – Минск : БНТУ, 2017. – 204 с.

7. Алонаў, Я. П. Да гісторыі Беларускага дзяржаунага вэтэрынарнага інстытуту імя Кастрычнікавае рэвалюцыі (1924–1927 гг.) / Я. П. Алонаў. – Віцебск : Беларус. дзярж. вет. ін-т, 1928. – 79 с.

8. Дятлов, М. К. Страницы истории Витебской ордена «Знак Почета» государственной академии ветеринарной медицины. Ректоры. Первые студенты и преподаватели / М. К. Дятлов. – Витебск : ВГАВМ, 2019. – 166 с.

9. Дятлов, М. К. Материалы и документы по истории Витебской ордена «Знак Почета» государственной академии ветеринарной медицины : прикосновение к истокам. Репрессированные сотрудники и студенты / М. К. Дятлов. – Минск : ИВЦ Минфина, 2020. – 368 с.

10. Козырев Н.Т. Обзор деятельности академии / Н.Т. Козырев // Записки Белорусской государственной академии сельского хозяйства им. Октябрьской революции. – Горки, 1928. – Т. 6. – С. 1–24.

11. Зборнік прысвечаны дзесяцігодзьзю Кастрычнікавае рэвалюцыі : зб. арт. / Беларус. дзярж. акад. сел. гаспадаркі ; рэдкал.: М. Ц. Козыраў (гал. рэд.) [і інш.]. – Горкі : БДАСГ, 1927. – 32 с.

12. Белорусский государственный университет физической культуры: о времени, о спорте, о себе / Белорус. гос. ун-т физ. культуры ; под общ. ред. М. Е. Кобринского. – Минск : БГУФК, 2007. – 398 с.

13. Краснознаменный Белорусский военный округ / ред. : И. М. Третьяк. – Минск : Беларусь, 1973. – 574 с.

14. Сульянов, А. К. Краснознаменный Белорусский военный округ / А. К. Сульянов, В. Д. Алексеенко, С. Е. Баулин. Ред. : Е.Ф. Ивановский. – М : Воениздат, 1983. – 406 с.

15. Аслезов, С. А. Школа мужества и патриотизма : краткий очерк истории ДОСААФ БССР / С. А. Аслезов, В. Ф. Кушнер, А. П. Лепшей ; ред. В. Н. Савин. – Минск : Беларусь, 1976. – 287 с.

16. Максимов, П. К. Школа мужества и патриотизма : краткий очерк истории ДОСААФ БССР / П. К. Максимов. – 2-е изд. перераб. и доп. – Минск : Беларусь, 1988. – 268 с.

17. Шаврук, В. И. Внеурочная политико-воспитательная работа в школах Белорусской ССР (1920–1965 гг.) : автореф. дис. … канд. пед. наук : 13.00.04 / Шаврук В. И. ; Мин. гос. пед. ин-т. – Минск, 1967. – 22 с.

18. Коваленко, Г. П. Становление и развитие физического воспитания общеобразовательной школы советской Белоруссии (1917–1941 гг.) : автореф. дис. … канд. пед. наук : 13.00.04 / Коваленко Георгий Павлович ; Мин. гос. пед. ин-т. – Минск, 1972. – 22 с.

19. Комсомол – нашей доблестной партии сын : из истории Ленинского Коммунистического Союза Белоруссии: [сб. очерков] / редкол.: А. К. Зинин, А. А. Маркевич. – Минск : Госиздат БССР, 1960. – 492 с.

20. Ленинский комсомол Белоруссии – общеобразовательной школе: содерж., формы и методы работы по обучению и коммунистическому воспитанию молодежи (1941–1980 гг.) / АН БССР, Ин-т истории. – Минск : Наука и техника, 1982. – 352 с.

Суздальцев И.А.

АНКЕТЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ Ю.В. АКСЮТИНА)

Ключевые слова: Н.С. Хрущев, эго-документы, освоение целинных земель, XX съезд КПСС, Венгерское восстание, Карибский кризис.

Статья посвящена анализу проведенного в 1994–1999 гг. под руководством российского историка, доктора исторических наук, Юрия Васильевича Аксютина анкетирования полутора тысяч современников событий периода правления Н.С. Хрущева (1953–1964).

Ю.В. Аксютин является одним из главных специалистов в вопросе изучения политики Н.С. Хрущева; он проводил беседы с В.Г. Бушуевым (который в 1956 г., будучи 13-летним школьником расклеивал в Москве листовки с призывами «Да здравствует Венгрия! Долой Хрущева!»), П.Е. Шелестом (ставшим в 1963 г. первым секретарем ЦК КП Украины), В.Е. Семичастным (председателем КГБ СССР в 1961–1967 гг.), Н.Г. Егорычевым (первым секретарем Московского горкома КПСС в 1962–1967 гг.), Д.С. Полянским (заместителем председателя Совета Министров СССР в 1962–1965 гг.), неоднократно встречался с сыном Н.С. Хрущева С.Н. Хрущевым. Ссылаются на его работы такие отечественные историки, как А.В. Пыжиков (Москва), А.В. Шубин (Москва), Е.Ю. Спицын (Москва), А.Я. Лившин (Москва), Д.В. Маслов (Москва), В.Н. Томилин

(Липецк) и др. Достаточно часто цитируют Аксютина зарубежные исследователи: Ф. Харрисон (Великобритания), М. Ферретти (Италия), М. Добсон (Великобритания), Т. Хопф (США), С. Иконен (Финляндия); его труды упоминаются в сборниках «Библиография истории холодной войны» (5-е и 6-е изд.), изданных в Будапеште в 2021 и 2022 гг. М. Добсон пишет, что Юрий Аксютин, используя архивные документы, развенчивает миф о несогласии членов Президиума XX съезда с секретной речью Хрущева, она была одобрена еще до начала съезда, а личной импровизации не было; Хрущев действовал в соответствии с нормами коллективного принятия решений [5, p. 80].

Если обратиться к проблемам современной истории, источниковый арсенал историка значительно расширяется. Его существенно может дополнить «устная история», которая уже становится новым направлением исторических исследований [6]. Новаторским шагом Аксютина в изучении периода 1953–1964 гг. является использование т.н. «эго-документов»: результатов анкетирования почти полутора тысяч человек, современников периода правления Н.С. Хрущева, проведённого в 1994–1999 гг. студентами нынешнего Государственного университета просвещения на предмет их отношения к событиям 1953–1964 гг. Это позволило спуститься до уровня «молчаливого большинства», «дать слово тем слоям и категориям советского общества, о пристрастиях и настроениях которых трудно получить полное и объективное представление из всех прочих источников» [4, с. 177–178]. Рассказы этих людей, а главное высказанное ими личное отношение к тому или иному событию дали возможность и некоторые основания для того, чтобы выявить количественные оценки различных секторов спектра политических настроений и предпочтений времен «оттепели», проследить динамику популярности Хрущева.

Согласно опросам, в 1953 г. право руководить страной в наибольшей степени заслуживал Г.М. Маленков (39–40%), за В.М. Молотова высказались 12–14%, за Л.П. Берию 2–3%, за Н.С. Хрущева же – всего 1%, за то, что «по-человечески всегда нравился» и был знающим и опытным человеком [3, с. 33–35]. Освоение целинных земель значительная часть современников встретила с энтузиазмом: этот процесс одобрили 43% опрошенных в 1998 г. и 40% в 1999 г. [3, с. 87]. Однако, отмечаются также и недостатки: «Урожай по первому году был очень большой, но не было подготовлено, куда его отвозить, не было элеваторов»; «Там творились беспорядки, ибо казахам целина не была нужна, загубили их овцеводство» [3, с. 90]. Визит Хрущева в Югославию в 1955 г., направленный на нормализацию отношений с И. Тито, поддержали 52% опрошенных. Треть респондентов одобрила возвращение на родину пленных немецких генералов, достигнутое по результатам переговоров с К. Аденауэром в Москве в сентябре 1955 г., называя это «духом военного благородства». Приблизительно такое же количество участников опроса поверило и одобрило прозвучавшие на XX съезде КПСС обвинения в адрес Сталина. Положительно к советской акции в Венгрии в 1956 г. отнеслись 12% опрошенных в 1997 г., 33% в 1998 г., 41% в 1999 г., неодобрительно – примерно четверть [3, с. 45, 183, 221, 232–233]. Не исключено, что события, происходившие более полувека назад, уже не так подробно сохранились в памяти современников, – анализируя реакцию общества непосредственно в период подавления Венгерского восстания, Аксютин отмечает, что реакция части населения «оказалась довольно острой» [1, с. 202]. Автор пишет, что мотивация тех, кто одобрил советскую акцию, не отличается особым разнообразием. Так, помощью народу Венгрии в борьбе с контрреволюцией считала этот шаг учительница истории в Троицкой средней школе Подольского района Е.С. Петрова. Военнослужащий В.Ф. Кузнецов из подмосковной Истры полагал, что надо воспрепятствовать хортистам, переброшенным в Венгрию американцами [3, с. 204].

Реформу управления промышленностью поддержали всего 14% и 11,5% в 1998 и 1999 гг. соответственно. Отрицательно отнеслись к попытке лишить Н.С. Хрущева поста

первого секретаря ЦК КПСС в 1957 г. 19% опрошенных в 1998 г. и 31,5% в 1999 г., а желали его смены только 13,5% и 17%. Неубедительными обвинения против Г.К. Жукова нашли 39% и 60,5%. Причиной Берлинского кризиса 1961 г. 11,5% участников опроса в 1998 г. и 18% в 1999 г. считают происки империализма, при этом, 52-62% вовсе не смогли дать ответ на этот вопрос; возведение стены одобрили 19,5% и 32% анкетируемых соответственно (не одобрили 17,5% и 14,5%). Положительно расценили компромисс между Н.С. Хрущевым и Дж. Кеннеди во время Карибского кризиса 38,5% и 55,5% опрошенных. 46% участников опроса считали, что вина за разрыв советско-китайских отношений в начале 1960-х гг. лежит на китайской стороне. В построение коммунизма в этот же период верили 51% и 53% анкетируемых; 23,5% и 36% – в выдвинутый Хрущевым в 1957 г. лозунг догнать и перегнать Америку по производству молока, масла и мяса на душу населения через три года. Положительно отнеслись к ликвидации МТС и продаже техники колхозам 24% опрошенных. Поддержали обвинения Хрущева в отношении творческой интеллигенции после посещения выставки в Манеже в 1962 г. 12% и 22% участников опроса. С пониманием отнеслись к росту цен в 1962 г. 24% и 26% опрошенных; при этом продовольственные трудности и вовсе не коснулись 32% и 24% участвующих в анкетировании, судя по их ответам. С одобрением к отставке Хрущева отнеслись 31,5%, с сожалением – 25% и 26% опрошенных [3, с. 259, 294–296, 315, 350–354, 355–357, 382, 402, 412, 437, 450, 491, 513, 528, 577–581].

Сам автор объясняет достаточно высокие (в общем) цифры, говорящие о поддержке Хрущева и его курса, тем, что общество, во всяком случае довольно значительная его часть, успело сильно одурманиться сильными и регулярными дозами идеологического культового зелья [4, с. 181]; нам же кажется, что данные все же говорят о том, что он действительно значительное время пользовался поддержкой населения, вне зависимости от идеологии и пропаганды. Кстати, за рубежом руководство ряда социалистических стран было всерьез озабочено его оставкой, в их числе, например, президент Чехословакии А. Новотный, а также первый секретарь ЦК Венгерской социалистической рабочей партии Я. Кадар. Докладывая своим коллегам о беседе с венграми, один из главных идеологов партии М.А. Суслов отмечал такие неожиданные для него моменты, как их обеспокоенность тем, что, сурово критикуя Хрущёва, новые советские руководители не сказали о его заслугах [2, с. 219].

Подводя итоги следует сказать, что доктором исторических наук Ю.В. Аксютиным была выполнена масштабная работа по формированию нового пласта источников – анкет современников событий, которые помимо ответов на сформулированные вопросы подразумевают их развернутые комментарии. По-новому освещены и исследованы многие страницы истории страны в 1953–1964 гг. Данное исследование вносит значительный вклад в трактовку истории СССР и вполне может быть интересным не только ученому сообществу, но и достаточно широкой аудитории интересующихся историей.

1. Аксютин, Ю. В. Венгерский порог Хрущёва в глазах советской общественности / Ю. В. Аксютин // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2018. – № 4. – С. 199–212.

2. Аксютин, Ю. В. «В Москве хорошая погода», или Почему Н.С. Хрущева отправили в отставку / Ю. В. Аксютин // Исторический архив. – 2008. – № 5. – С. 215–221.

3. Аксютин, Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. / Ю. В. Аксютин. – М. : РОССПЭН, 2010. – 622 с.

4. Аксютин, Ю. В. Эволюция общественных настроений в СССР (1950–1970-е годы) / Ю. В. Аксютин // Свободная мысль. – 2013. – № 3(1639). – С. 177–188.

5. Dobson, M. Khrushchev's Cold Summer. Gulag Returnees, Crime, and the Fate of Reform after Stalin / M. Dobson. – Ithaca : Cornell University Press, 2009. – 264 p.

6. Vorländer, H. Oral history: mündlich erfragte Geschichte: acht Beiträge / H. Vorländer. – Goettingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1990. – 163 s.

Корзюк А.А.

УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ ПО ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ (90-е гг. XX – ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XXI в.) КАК ПРЕДМЕТ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Ключевые слова: история Беларуси, учебное пособие, средняя школа, концепция исторического образования, поколения учебных пособий.

Разработка учебной литературы по отечественной истории для средней школы начала осуществляться с момента становления национальной системы школьного исторического образования в 1992 г. и продолжается по настоящее время. В начале 90-х гг. XX в. учебные пособия по истории Беларуси создавались и рассматривались с методологических позиций национальной историографической концепции, основы которой были сформулированы в статье М.О. Бича «Аб нацыянальнай канцэпцыі гісторыі і гістарычнай адукацыі» [3]. Процесс формирования данной концепции был обусловлен политикой национально-государственного строительства и необходимостью обоснования белорусской государственности. Сама Концепция, авторами которой вместе с М.О. Бичем являлись И.И. Богданович, Г.А. Космач, А.М. Лютый и В.К. Пляшевич, была опубликована в ноябре 1991 г. в «Настаўніцкай газеце» [6]. Концептуальные вопросы модернизации теоретических и методологических основ школьных курсов истории затрагивались в отдельных работах И.И. Богдановича, А.М. Лютого, Н.И. Миницкого, Н.С. Сташкевича [1; 9; 10; 14].

Особенностью изучения заявленной проблемы является то, что актуальные вопросы обновления содержания школьного исторического образования, создания учебных пособий по отечественной истории для средней школы в конце 1990-х – начале 2000-х гг. регулярно освещались в научно-методических публикациях ведущих историков, педагогов и методистов на страницах журналов «Беларуская мінуўшчына», «Беларускі гістарычны часопіс», «Гісторыя: праблемы выкладання». В материалах ряда круглых столов и республиканских конференций были определены приоритетные цели и задачи школьного исторического образования, подчеркивалась роль академической науки и современной методической мысли как фундамента в подготовке учебников для средней и высшей школы [5; 12; 13; 15].

В историографической ретроспективе важное значение имеют сами учебные пособия по истории Беларуси для средней школы. С учетом фактора времени выпуска и уровня методического обеспечения И.И. Богданович выделил три их поколения [2, с. 58–59]. ***Первые учебные пособия*** по отечественной истории были изданы в 1993–1995 гг. и в значительной степени представляли собой конспекты лекций авторов – широко известных в Беларуси ученых, – которые они читали для студентов ВУЗов. Они отличались скромным полиграфическим исполнением, язык учебного текста был сложен для понимания учащимися, аппарат усвоения знаний и организации самостоятельной работы практически отсутствовал.

Издание ***второго поколения*** учебных пособий осуществлялось в 1997–2000 гг. Их содержание было в большей степени адаптировано к возрастным особенностям учащихся. Изданные в этот период времени пособия имели достаточно разработанный методический аппарат, чему способствовало включение в состав авторских коллективов методистов и учителей-практиков. Одновременно с изданием данных учебных пособий осуществлялась работа по созданию и апробации их ***третьего поколения***, что было связано с переходом средней школы на 12-летний срок обучения. Они качественно отличались от предыдущих научно-методическим уровнем разработки, рецензирования и степенью апробации. Учебные пособия данного

поколения были изданы для 5–10 классов и выходили до 2006 г., после чего в связи с возвращением общеобразовательной школы с 1 сентября 2008 г. на 11-летний срок обучения работа по написанию пособий для оставшихся классов была прекращена.

В пособии И.И. Богдановича информация о дальнейшей подготовке новых учебных пособий отсутствует, что объясняется тем, что на момент подготовки рукописи к печати эти учебные книги еще не были выпущены. Отметим, что с конца 2008 г. началась разработка учебных пособий ***четвертого поколения*** для обновленной 11-летней школы, которые соответствовали линейному принципу построения содержания исторического образования. Пособия по истории Беларуси для 6–11-х классов выходили из печати на протяжении 2009–2013 гг.

С 2014/2015 учебного года для усиления практикоориентированной направленности образования изучение истории начало осуществляться на основе компетентностного подхода. Данный факт, как и возвращение к концентрическому принципу построения содержания исторического образования, потребовали создания соответствующего дидактического инструментария. В связи с этим с 2016 г. начался выпуск нового, ***пятого поколения*** учебных пособий по истории Беларуси. Их издание было завершено в 2021 г.

С 2023 г. с выхода нового учебного пособия по истории Беларуси для 6 класса началось плановое обновление учебной литературы по предмету в связи с истечением срока ее действия. Одновременно продолжается подготовка ***шестого поколения*** учебных пособий, что обусловлено необходимостью формирования функциональной грамотности учащихся как основного результата общего среднего образования.

Проблема формирования новых подходов к содержанию школьных учебных пособий в рамках новой концепции истории Беларуси, формировавшейся в период 1986–1990-х гг., является предметом диссертационного исследования В.П. Вирской [4]. Анализ содержания учебных пособий был проведен исходя из изучения основных историографических процессов, протекавших в условиях общественных трансформаций второй половины 1980-х – 1990-х гг. В диссертации впервые были проанализированы учебные пособия по отечественной истории, изданные в 1993–1998 гг. Соискателем была предпринята попытка исследовать методологические подходы авторов учебных пособий к освещению ряда дискуссионных вопросов отечественной истории, были обобщены критерии отбора фактического материала в учебную литературу. На основании этого, автором делается вывод о том, что процессу реализации проблем отечественной истории в учебных пособиях, выпущенных на данном этапе, задавала тон этногосударственная доминанта, связанная с необходимостью идеологического обоснования белорусской государственности и формирования представлений о этнической, социальной и политической идентичности белорусов [4, с. 15]. При всех достоинствах данной работы, ее хронологические рамки ограничены 1990-ми гг., что определяется целью и объектом исследования. Данный факт не позволил целостно рассмотреть процесс дальнейшей разработки учебных пособий по истории Беларуси в его динамике.

В качестве факторов, определивших трансформацию учебных пособий по истории Беларуси для средней школы, Д.О. Косякова выделила научно-исторические и предметно-методические аспекты подготовки учебной литературы [8].

Характеризуя этапы развития школьного исторического образования в Республике Беларусь, С.В. Панов [11, с. 78–82] придерживается выделенных нами пяти поколений учебных пособий по отечественной истории [7, с. 35–39].

Таким образом, проведенный анализ изучения проблемы создания учебных пособий по истории Беларуси для средней школы, начало которому было положено в начале 1990-х

гг. и продолжающегося по сегодняшний день, показал, что она не являлась предметом специального историографического исследования в отечественной науке.

По нашим систематизирующим подсчетам, за период 1993–2021 гг. с учетом так называемых альтернативных (параллельных) и экспериментальных было издано 50 учебников и учебных пособий по истории Беларуси. Анализ их содержания позволяет сделать вывод о том, что главным критерием для их группировки являются изменения в развитии общего среднего образования в целом и школьного исторического образования в частности. При этом содержание учебных пособий соответствовало тем методологическим подходам, которые преобладали в то время в исторической науке.

Так, учебные пособия, изданные в первой половине 1990-х гг., были разработаны в соответствии с этнонациональной концепцией истории Беларуси. Учебная литература второй половины 1990-х гг. отличалась лучшей концептуальной проработанностью, большей взвешенностью исторических характеристик и оценок. Переход к последовательному обновлению содержания учебных пособий третьего поколения проводился на основе его предварительной научно-теоретической проработки и экспериментальной апробации, создания необходимого методического обеспечения. Все это способствовало повышению степени корректности, исторической объективности и взвешенности в оценках исторических фактов, явлений и процессов. Выработка единых подходов, в соответствии с которыми должно осуществляться преподавание истории Беларуси и которые были положены в основу разработки учебных пособий, зафиксированных в Концепции учебного предмета «Всемирная история. История Беларуси» и учебных программах 2009 г., предопределила научно обоснованное конструирование содержания их четвертого поколения, а компетентностный подход к обучению – пятого.

1. Багдановіч, І. Да пытання аб удасканаленні выкладання гісторыі Беларусі / І. Багдановіч // Гісторыя : праблемы выкладання. – 2000. – № 1. – С. 57–60.

2. Багдановіч, І. І. Методыка выкладання гісторыі ў школе : вучэб. дапам. / І. І. Багдановіч. – Мінск : БДПУ, 2009. – 286 с.

3. Біч, М. В. Аб нацыянальнай канцэпцыі гісторыі і гістарычнай адукацыі / М. В. Біч // Бел. гіст. часоп. – 1993. – № 1. – С. 15–24.

4. Вирская, В. П. Формирование новой концепции истории Беларуси в системе средней общеобразовательной школы (1980–1990-е гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / В. П. Вирская ; Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка. – Минск, 2004. – 22 с.

5. Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (матэрыялы “круглага стала”, які адбыўся 22 верасня 2006 г. у Інстытуце гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі) // Бел. гіст. часоп. – 2006. – № 10. – С. 3–18; № 11. – С. 3–18; № 12. – С. 3–22; 2007. – № 1. – С. 3–23.

6. Канцэпцыя гістарычнай адукацыі ў сярэдняй школе Беларусі // Настаўніцкая газета. – 1991. – 30 ліст. – С. 2.

7. Корзюк, А. А. Гістарычная адукацыя ў сярэдняй школе Беларусі (1930-я гг. – першая чвэрць XXI ст.) : манаграфія / А. А. Корзюк. – Мінск : МДК паліграфіі, 2023. – 128 с.

8. Косякова, Д. О. Становление и развитие системы школьного исторического образования в Республике Беларусь (1992–2019) / Д. О. Косякова // Современные тенденции развития образования : отечественный и зарубежный опыт : монография / А. А. Корзюк [и др.] ; под науч. ред. А. А. Корзюка. – Минск : Экоперспектива, 2020. – С. 24–56.

9. Люты, А. М. Да пытання аб канцэпцыі гістарычнай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь / А. М. Люты // Сучасныя праблемы гістарыяграфіі гісторыі : матэр. Рэсп. навук-практ. канф., г. Мінск, 28 лістапада 2003 г. : у 3 ч. – Мінск : БДПУ, 2003. – Ч. 1. – С. 4–6.

10. Мініцкі, М. І. Да развіцця канцэпцыі школьнай гістарычнай адукацыі (тэарэтыка-метадалагічныя і метадычная асновы) / М. І. Мініцкі // Бел. гіст. часоп. – 2001. – № 5. – С. 8–13.

11. Паноў, С. В. Канцэптуальныя асновы развіцця школьнай гістарычнай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь / С. В. Паноў. – Мінск : Нацыянальны інстытут адукацыі, 2023. – 272 с.

12. Паноў, С. В. Навукова-метадычныя аспекты падрыхтоўкі вучэбна-метадычнай літаратуры па гісторыі / С. В. Паноў // Проблемы учебника: материалы I Респ. научно-практ. конференции «Теория и практика создания новых учебников для общеобразоват. школы» / сост. А. А. Халиманович. – Вып. 1. – Минск : НМЦентр, 2000. – С. 35–42.

13. Праблемы метадалогіі гісторыі, методыкі выкладання, тэорыі і практыкі падручніка : матэр. Рэсп. канф., г. Мінск, 5 лютага 1997 г. // Гісторыя : праблемы выкладання. – 1997. – № 3. – С. 98–116; № 4. – С. 104–115.

14. Сташкевич, Н. С. О некоторых концептуальных аспектах подготовки учебников по отечественной истории / Н. С. Сташкевич // Гісторыя : праблемы выкладання. – 1997. – № 4. – С. 106–109.

15. Якім быць падручніку па гісторыі (завочны “круглы стол”) // Бел. гіст. часоп. – 1995. – № 4. – С. 5–29.

Герштейн И.З.

УЧЕБНИКИ ПО ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ БЕЛОРУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ключевые слова: национальная идентичность, историческая политика, белорусская государственность, «негативная идентичность», история Беларуси, учебники.

Начать следует с уточнения терминологии. В рамках настоящего доклада «национальная идентичность» – феномен массового и индивидуального политического сознания, формирующего единство социальной группы (нации) и политического института (государства) и основанный на идее совпадения достижений в прошлом, целей и задач, а также методов их достижения и разрешения в настоящем и будущем [1, с. 121]. Термин «национальный» не имеет «этнического» оттенка и означает исключительно государство-нацию (nation-state). «Историческая политика» – один из инструментов формирования национальной идентичности, «набор приёмов и методов, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определённые интерпретации исторических событий как доминирующие» [6, с. 10].

На базовом уровне социализации главным механизмом формирования подобной идентичности является институт образования, включающий такой предмет, как «История». В большинстве государств, в т.ч. в Беларуси он подразделяется на «Всеобщую (всемирную)» и национальную – «Историю Беларуси». Именно учебные пособия по национальной истории и рассматриваются в настоящем докладе как источник.

Главными задачами данного исследования стали поиски ответа на два вопроса: отражение в учебниках целеполагания белорусской государственности и механизмы дистанцирования от государственности РФ в условиях длительного сосуществования в рамках единых государственных образований. Как известно, современная государственность Беларуси достаточно молода.

Источниками для анализа были выбраны следующие издания: Ковкель И.И., Ярмусик Э.С. «История Беларуси с древнейших времен до нашего времени» [5]; «История Беларуси. Полный курс» под редакцией О.А. Яновского и А.Г. Кохановского [2]; Е.К. Новик, И.Л. Качалов, Н.Е. Новик «История Беларуси» [8]; а также методическое издание «История белорусской государственности» Белорусско-Российского университета [4].

Для полноценного понимания процесса формирования национальной идентичности следует учесть, что он имеет несколько обязательных этапов. И первый из них – этап «негативной идентичности», который состоит в отрицании всех базовых маркеров идентичности предшествующего периода. Поэтому, в первом постсоветском варианте написания национальной истории советский период и советская идентичность подвергались жесткой критике [7], за что, в свою очередь, этот труд получил негативную оценку в более поздних учебниках [8, с. 9].

Важной «развилкой» политической истории Древнерусского государства признается возвращение на княжение в Полоцк общих детей Владимира Красно Солнышко и Рогнеды – восстановление «полоцкой» династии, но уже под «флагом» Рюриковичей [5, с. 10]. После этого власть Киева в Полоцке признавалась исключительно номинально, а яркая, самостоятельная, пусть и не всегда удачная, политика Всеслава Брячиславича (1044–1101) была примером фактической независимости внутри Рюрикова рода. Согласно лествичному порядку наследования,

Всеслав и его потомки не имели прав на великое княжение в Киеве, но данная система наследования в течение XI в. пришла в полный упадок, а под конец и вовсе была фактически отменена в Любече. Отсутствие на этом съезде Всеслава Брячиславича толкуется как доказательство независимости Полоцка от Киева [2, с. 30]. Таким образом, в период раздробленности Полоцк был одним из крупнейших политических центров на западе русских земель.

Белорусские учебники при освещении событий XII столетия концентрируют внимание на описании происходившего на территории Западной Руси, так как полоцкие и туровские ветви князей не участвовали в «разборках» между «мономаховичами» и «ольговичами». Основной угрозой для западнорусских княжеств был «Drang nach Osten» со стороны духовно-рыцарских орденов, закрепившихся в Прибалтике. Борьба с ними особенно активизировалась в XIII в. [2, с. 34–35]. Таким образом, при описании политических событий упор делается на отражении агрессии с запада. При описании культуры «белорусских» (западнорусских) земель обязательно упоминается Ефросинья Полоцкая (первая канонизированная на Руси женщина, XII в.) и ее роль в развитии культуры на данной территории вообще и христианства в частности [8, с. 56–57]. Важным фактором, подчеркивающим особый вектор развития княжеств на территории современной Беларуси, стало отсутствие зависимости от Монгольской империи Чингизидов, под которую попали остальные русские земли [8, с. 49]. Все это формирует образ самодостаточного, уникального региона, тесно связанного с другими территориями древнерусского периода.

Важнейшим фактором, определившим пути обособления Западной Руси от других ее областей и обусловившим своеобразие политической, экономической и культурной истории региона, стало взаимодействие с Великим Княжеством Литовским. Более того центр этого княжества долгое время находился на территории современной Беларуси, в Новогрудке: «Именно в Новогрудке, по мнению части историков, состоялась торжественная коронация первого правителя ВКЛ Миндовга» [3, с. 6]. Во всех пособиях подчеркивается, что этноним «Литва» означавший изначально балтское племя, трансформировался в название одного из крупнейших государств тогдашней Европы с полиэтничным, но преимущественно славянским населением [4, с. 7; 8, с. 27; 5, с. 52]. Во второй половине XIV в. формируются два центра объединения русских земель – ВКЛ и Московское княжество. Их соперничество, при одновременной необходимости борьбы с крестоносцами (для ВКЛ) и Ордой (для Москвы), привело к сближению Великого Княжества Литовского с Польшей и Кревской унии [5, с. 10]. Окончательный «развод» западного и восточного центров русских земель происходит после смерти Витовта. Борьбу за его наследия выигрывают сторонники сближения с Польшей. Городельская уния (1413) предоставляет преимущества католикам. После утверждения в Литовском княжестве власти сына Ягайлы Казимира, ставшего вскоре польским королем, начинается процесс окатоличивания новых земель. Тогда же происходит первая кодификация законодательства ВКЛ – Судебник 1468 г. [2, с. 62].

Таким образом, в пределах описания древней и средневековой истории Беларуси все указанные учебники формируют модель общих корней и последующего расхождения исторических судеб западной и восточной Руси, объясняя этот процесс комплексом объективных причин, среди которых доминирует фактор внешнего воздействия. Это позволяет сформировать геополитическое и историческое пространства современной белорусской государственности без использования агрессивных тезисов о «вековой вражде», «краже имени» и т.п.

Помимо описания прошлого, учебные пособия по истории Беларуси формируют программу целеполагания развития белорусского государства, тем самым задавая вектор личностного планирования для людей, изучающих данную дисциплину. Современный

этап истории Беларуси, по анализируемым пособиям, начинается с середины 80-х гг. XX в., когда в результате долгожданных, но непоследовательных и неумело проводимых реформ в Советском Союзе стал обостряться социально-экономический и общественно-политический кризис. Неспособность союзного руководства справиться с кризисными явлениями привела к децентрализации власти, что в итоге вылилось в распад СССР [3, с. 70]. Большую роль в остановке промышленного перевооружения экономики БССР сыграла авария на Чернобыльской АЭС, после которой многие программы модернизации производств были свернуты [2, с. 367].

Сам распад Советского Союза показан в учебниках закономерным, но трагическим финалом перестройки, и это событие оценивается негативно: «На белорусской земле было совершено преступление, акт предательства в отношении СССР и его народов» [8, с. 486]. Большое внимание в учебных пособиях отводится политическим и социально-экономическим преобразованиям 1990-х гг., когда формировалась система современной белорусской государственности. Беларусь достаточно быстро отказалась от радикальных «ультра-рыночных» реформ и либерально-политических экспериментов, выбрав модель демократической президентской республики [4, с. 9]. Это позволило Беларуси, в числе первых из постсоветских государств, преодолеть кризис и перейти к поступательному развитию [4, с. 510]. «В условиях независимости экономика республики стала развиваться на основе разработанной государством белорусской модели социально-экономического развития. Эта модель включает: сильную и эффективную государственную власть, которая обеспечивает политическую стабильность, социальную справедливость и порядок; приватизацию, которая выступает не как самоцель, а как средство поиска заинтересованного инвестора, создание эффективного собственника; развитие частного сектора в сочетании с государственным и не в ущерб национальным интересам; интеграцию с Россией, Казахстаном и другими странами СНГ <…> мощную социальную политику государства, инвестиции в здоровье, образование, профессиональное и культурное развитие личности, а также адресную социальную помощь населению» [3, с. 75].

Таким образом, согласно учебным пособиям, Республика Беларусь – это антропоцентристское государство, целью которого является активное развитие человеческого потенциала граждан страны в условиях отказа от амбициозных «имперских» целей и с учетом ограниченности собственной природно-ресурсной базы. Формируется образ «уютного государства-очага», которое является надежным укрытием от всех бурь современной мировой политики.

В заключение следует сделать вывод о том, что Беларусь, используя методы «исторической политики», сумела предложить своим гражданам достаточно привлекательную «матрицу» [9] идентичности, которая на сегодняшний день представляется достаточно эффективной в условиях трансформации современного человеческого сообщества, но потребует в дальнейшем обязательной коррекции, после окончательного определения контуров будущего мироустройства.

1. Герштейн, И. З. Структура национально-государственной идентичности: основные элементы и особенности их взаимодействия / И. З. Герштейн // Традиции и инновации в международном политическом процессе: региональное и глобальное измерение. Материалы международной научной конференции (Нижний Новгород, 24–26 июня 2013 г.). – Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. – С. 121–125.

2. История Беларуси: Полный курс: пособие для старшеклассников и поступающих в вузы / Под. ред. проф. О. А. Яновского и доц. А. Г. Кохановского. – Минск : ЧУП «Изд-во Юнипресс», 2005. – 416 с.

3. История Беларуси : учеб.-метод. пособие / Н. П. Савко [и др.]. – Минск : БГМУ, 2015. – 80 с.

4. История белорусской государственности. – Минск, 2024. – 16 с.

5. Ковкель, И. И. История Беларуси с древнейших времен до нашего времени / И. И. Ковкель, Э. С. Ярмусик. – Минск : Аверсэв, 2000. – 514 с.

6. Миллер, А. И. Россия: Власть и история / А. И. Миллер // Pro et Contra. – 2009. – № 3–4: Историческая политика. – С. 6–23.

7. Нарысы гісторыі Беларусі. У 2-х ч. – Минск : Беларусь, 1994. – Ч.1. – 527 с., Ч. 2. – 560 с.

8. Новик, Е. К., История Беларуси с древнейших времен до 2010 г. / Е. К. Новик, Е. Л. Качалов, Н. Е. Новик – Минск : Вышайшая школа, 2011. – 526 с.
9. Попова, О. В. Базовая матрица государственной политики идентичности в современной России // Политическое пространство и социальное время / под ред. Т. А. Сенюшкиной, А. В. Баранова. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. – Текст: электронный. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_26897162_43700234.htm (дата обращения: 15.09.2024).

Сельков Д.С.

ИЗВЕСТИЯ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» В ПРЕЛОМЛЕНИИ РОССИЙСКИХ И УКРАИНСКИХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ

Ключевые слова: Повесть временных лет, история Древней Руси, восточные славяне, учебники, школьный курс истории.

«Повесть временных лет» (далее – ПВЛ) – один из самых известных и значимых исторических источников в истории России. Уникальность ПВЛ является причиной ее распространенности не только в научной литературе, но и в текстах школьных учебников. Особенно это актуально для учебников в Российской Федерации и в Украине. Этот факт, как и постоянная историко-политическая полемика вокруг вопроса «принадлежности» древнерусского наследия [5, с. 115], приводит к тому, что свидетельства из ПВЛ в отношении ряда эпизодов древнерусской истории обретает еще большую значимость.

Учитывая упомянутую выше дискуссию, тема репрезентации истории в учебниках стран Восточной Европы является вполне популярной, однако средневековая история восточных славян рассматривается, как правило, в значительно меньшей степени, нежели более поздние исторические периоды. В целом, общая картина репрезентации истории восточных славян эпохи Средневековья исследуется в статьях В.В. Васильева [1, с. 219], Е.А. Ростовцева и Д.А. Сосницкого [11, с. 209] и докладе под редакцией А.А. Данилова и А.В. Филиппова [8, с. 35]. Отдельные сюжеты данной репрезентации рассматриваются в статье А.Н. Фукса и В.В. Ковригина [15, с. 30].

Связь с исторической и политической полемикой предполагает использование в исследовании тех учебников, которые были одобрены государством и его структурами. По этой причине в статье рассматриваются школьные учебники, рекомендованные отраслевыми министерствами Российской Федерации и Украины для изучения на 2024/2025 учебный год в 6 и 7 классах соответственно [9; 14].

В учебниках по истории России использование свидетельств ПВЛ, как правило, локализовано в нескольких темах. Наиболее «популярно» прямое цитирование ПВЛ в связи с крещением Киевской Руси в 988 г. В двух учебниках в качестве иллюстрации данного исторического события используется знаменитое свидетельство о трех посольствах и последующем выборе в пользу восточного христианства [4, с. 55; 10, с. 53], а в третьем – крещение Владимира в Корсуни [16, с. 89]. Остальные сюжеты, как правило, рассматриваются реже. В учебниках под редакцией А.В. Торкунова и В.Р. Мединского посредством свидетельства ПВЛ описывается история об убийстве Игоря Рюриковича: [4, с. 48; 16, с. 51]. Такое же количество цитат связано с характеристикой князя Святослава Игоревича [4, с. 45; 16, с. 52], легендой о призвании варягов на Русь [10, с. 41; 16, с. 42] и борьбой с половцами в XI–XII вв. [16, с. 81, 89]. Единичны случаи использования непосредственных свидетельств из ПВЛ касательно других тем, таких как расселение славян [16, с. 39], взаимоотношения хазар со славянскими данниками [16, с. 37], поход на Византию 907 г. [10, с. 51], гибель князя Олега [10, с. 45]. В целом, прямое цитирование ПВЛ в российских школьных учебниках и непосредственная работа школьников с данным источником скорее отображает

наиболее значимые исторические сюжеты (крещение Руси, призвание варягов), либо яркие события (гибель князя Олега, убийство Игоря Рюриковича) и характеры (описание Святослава Игоревича).

Ситуация с цитированием ПВЛ в украинских учебниках имеет ряд отличий. Ключевым из них является количество используемых цитат, которое в разных учебниках может варьироваться от 7 до 24. Это влечет за собой расширение диапазона исторических тем, где используются данные свидетельства. Наибольшее распространение среди таковых получили свидетельства об основании Киева Кием и его братьями [2, с. 22; 3, с. 16; 7, с. 15; 12, с. 16; 13, с. 13], о крещении киевлян в 988 г. [2, с. 45; 3, с. 71; 6, с. 43; 12, с. 39; 13, с. 34] и о разгроме печенегов под стенами Киева в 1036 г. [2, с. 71; 3, с. 50; 7, с. 47; 12, с. 45; 13, с. 37], упоминавшиеся 5 раз. Несколько уступают им в цитируемости известия о выплате полян дани Хазарскому каганату [2, с. 12; 3, с. 13; 12, с. 13], взятии Киева князем Олегом [2, с. 25; 3, с. 19; 6, с. 22; 12, с. 19], походе на Константинополь 907 г. [2, с. 28; 3, с. 19; 6, с. 21; 12, с. 20], гибели князя Игоря Рюриковича [3, с. 21; 6, с. 27; 7, с. 23; 13, с. 24], характеристика князя Святослава Игоревича [3, с. 24; 6, с. 32; 7, с. 28; 13, с. 29], свидетельства о битве на Альте в 1068 г. [2, с. 74; 3, с. 58; 7, с. 75; 12, с. 75] и Любечском съезде [2, с. 78; 6, с. 77; 7, с. 76; 12, с. 74]. Трех упоминаний удостоились свидетельства ПВЛ об мести Ольги древлянам [2, с. 38; 6, с. 29; 12, с. 26] и ее преобразованиях [3, с. 23; 6, с. 30; 7, с. 23], осаде Киева печенегами в 971 г. [2, с. 102; 7, с. 26; 12, с. 31], а также о расцвете архитектуры и культуры при Ярославе Мудром [3, с. 53; 6, с. 48; 12, с. 48].

Дважды упоминались известия из ПВЛ о географическом разделении восточных славян [3, с. 6; 7, с. 10], о торговых путях по рекам на территории Руси [7, с. 58; 12, с. 22], о подчинении Олегом окрестных племен и их «переподчинении» от хазар к русам [3, с. 13; 6, с. 22], о битве за Искоростень и символическом участии в ней юного Святослава Игоревича [7, с. 27; 12, с. 25], о идее этого же князя править из дунайского Переяславца [2, с. 38; 6, с. 32], основании Владимиром Святославичем новых городов по Днепру [6, с. 40; 12, с. 42], а также о замирении Ярослава и Мстислава Владимировичей [3, с. 55; 7, с. 41] и «заповеди» первого своим сыновьям [6, с. 53; 7, с. 48].

Единичные цитаты из ПВЛ в украинских учебниках крайне разнообразны, хотя, большинство из них пересекаются тематически. К пересечениям можно отнести, к примеру, тематику взаимоотношений с Византийской империей [2, с. 35; 3, с. 20; 7, с. 18, 28; 12, с. 30], утверждения христианства на Руси [2, с. 44, 53, 71; 3, с. 53; 7, с. 24], взаимоотношений с южными и восточными соседями Руси (хазары, булгары, печенеги, половцы) [2, с. 76, 80; 3, с. 20, 36; 7, с. 76, 99; 13, с. 29] внутреннего политического устройства Киевской Руси [2, с. 60; 7, с. 102], биографических сведений о правителях Руси из династии Рюриковичей [2, с. 71; 3, с. 27; 7, с. 103, 104; 12, с. 20; 13, с. 41].

Однако две одиночные цитаты, взятые из учебника В.С. Власова (2020), сложно отнести к любой из этой категорий. Первая из них повествует о «кротком обычае» полян и «зверином обычае» соседних восточнославянских племен [2, с. 20]. Второе свидетельство повествует о появлении в небе в 1063 г. кометы Галлея [2, с. 92]. Однако свидетельство о комете Галлея выделяется именно необычной тематикой, в то время как первая цитата интересна также своей смысловой неоднозначностью, противопоставлением «правильных» полян «неправильным» соседям. Помимо этого, некоторые цитаты используются ошибочно. Так, в учебнике А.М. Хлебовской (2020) свидетельства о разграблении Киева Андреем Боголюбским и о правлении Романа Мстиславича на юго-западе Руси безосновательно отнесены к ПВЛ [7, с. 83, 109].

Таким образом, обращает на себя внимание тематика свидетельств ПВЛ, используемых в украинских учебниках. Прежде всего, большое число сюжетов относится к военным походам, территориальному расширению и внешней политике Руси. В связи с

этим религиозная тематика находится скорее на втором плане в сравнении с российскими учебниками, хотя и занимает свою, относительно широкую, нишу. Кроме того, свидетельства об основании городов, преобразованиях Ольги, а также взаимоотношениях между правящими членами дома Рюриковичей выявляют также еще одну значимую тему – государственного устройства и государственного строительства. С другой стороны, внимание уделяется ярким сюжетам (убийство Игоря Рюриковича и месть Ольги), а также государственным деятелям (Святослав Игоревич, Владимир Мономах).

Однако значительное внимание по отношению к свидетельствам ПВЛ об экспансии, а также внутренней эволюции древнерусской государственности демонстрирует интерес к Древней Руси, как могущественному и сильному государству. Логично предположить, что подобный интерес связан с тем, что еще с 1990-х гг. Киевскую Русь в Украине рассматривают как первый этап «тысячелетней украинской государственности» [1, с. 219]. Позднее подобная точка зрения укоренилась, и в упомянутых выше учебниках достаточно распространен взгляд на Древнюю Русь, как «централизованное государство» [2, с. 84; 7, с. 50] и даже «империю» [12, с. 49]. В такой ситуации свидетельства столь авторитетного и известного источника, как ПВЛ, используются как косвенное подтверждение историко-политических идей, целью которых является монополизация общего наследства восточных славян в виде Древней Руси.

1. Васильев, В. В. От Киевской Руси к независимой Украине: новые концепции украинской истории / В. В. Васильев // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. – Москва : Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. – С. 209–230.

2. Власов, В. С. Історія України : підручник для 7 класу закладів загальної середньої освіти / В. С. Власов, О. Є. Панарін, Ю. А. Топольницька. – Київ : Літера ЛТД, 2020. – 176 с.

3. Дудар, О. В. Історія України : підруч. для 7 класу закладів загальної середньої освіти / О. В. Дудар, О. І. Гук. – Київ : Освіта, 2020. – 160 с.

4. История России. 6 класс : учебник для общеобр. организаций / Н. М. Арсентьев [и др.] ; под ред. А. В. Торкунова. – Москва : Просвещение, 2023. – Ч. 1. – 143 с.

5. Ищенко, А. С. Война памятей или о том, кому принадлежит наследие Киевской Руси / А. С. Ищенко // Историческая экспертиза. – 2022. – № 2. – С. 109–122.

6. Історія України : підруч. для 7 класу закладів загальної середньої освіти / В. О. Дрібниця [и др.]. – Київ : Оріон, 2020. – 176 с.

7. Історія України : підручник для 7 класу закладів загальної середньої освіти / Г. М. Хлібовська [и др.]. – Тернопіль : Астон, 2020. – 176 с.

8. Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств / А. А. Данилов [и др.]. – Москва, 2009. – 389 с.

9. Перелік навчальних програм, підручників та навчально-методичних посібників, рекомендованих МОН України для використання в 5–11 класах закладів загальної середньої освіти з навчанням українською мовою. – URL: https://imzo.gov.ua/pidruchniki/elektronni-versiyi-pidruchnikiv/ (дата обращения: 18.02.2025).

10. Пчелов, Е. В. История России с древнейших времён до начала XVI века : учебник для 6 класса общеобр. организаций / Е. В. Пчелов, П. В. Лукин – Москва : Русское слово, 2024. – 240 с.

11. Ростовцев, Е. А. «Войны учебников»: средневековые сюжеты в постсоветском образовательном пространстве / Е. А. Ростовцев, Д. А. Сосницкий // Клио. – 2016. – № 11. – С. 207–215.

12. Свідерський, Ю. Ю. Історія України : підруч. для 7 кл. закл. загальн. середн. освіти / Ю. Ю. Свідерський, Н. Ю. Романишин. – Київ : Грамота, 2020. – 176 с.

13. Сорочинська, Н. М. Історія України : підручник для 7 кл. закладів загальн. серед. освіти / Н. М. Сорочинська, О. О. Гісем. – Тернопіль : Навчальна книга-Богдан, 2020. – 176 с.

14. Федеральный перечень учебников, допущенных к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования организациями, осуществляющими образовательную деятельность (утв. приказом Министерством просвещения Российской Федерации от 21.09.2022 № 858). – URL: https://fpu.edu.ru/document/7 (дата обращения: 08.03.2025).

15. Фукс, А. Н. Концепции генезиса древнерусского государства в учебниках истории Украины / А. Н. Фукс, В. В. Ковригин // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2022. – № 4. – С. 27–31.

16. Черникова, Т. В. История России с древнейших времен до конца XVI века. 6 класс : учебник / Т. В. Черникова, К. П. Чиликин ; под общ. ред. В. Р. Мединского. – Москва : Просвещение, 2023. – 272 с.

Ковяко И.И.

ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ОСОБЕННОСТИ ТЕМАТИКИ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В XXI в.

Ключевые слова: германский вопрос, англо-американская историография, диссертационные исследования, социальная история, история повседневности.

На протяжении второй половины XX в. германский вопрос оставался одной из актуальных тем в англо-американской историографии. Это было обусловлено особым местом германской проблемы в системе отношений сверхдержав в биполярную эпоху. Сосуществование двух немецких государств сохраняло открытым вопрос о национальном единстве, который являлся крайне чувствительным как для ФРГ, так и ГДР. Учитывая их особое место в блоковой системе, сверхдержавы уделяли особое внимание германскому вопросу и оперативно реагировали на малейшие изменения в его состоянии. Прагматичный характер англо-саксонской научной традиции обусловил высокую степень внимания исследователей к данной проблематике. Это касалось как зрелых и состоявшихся германистов, так и молодых ученых, которые работали над диссертационными исследованиями. Тематика их научных работ во многом определялась актуальными тенденциями во внешнеполитической практике Великобритании и США, наличием соответствующего запроса со стороны дипломатических, военных и прочих структур, связанных с разработкой и реализацией внешнеполитических задач.

После объединения Германии в 1990 г. на протяжении десятилетия авторы не теряли повышенного интереса к германской проблематике. Главные направления исследований были обусловлены одним большим вопросом, который возник перед западными странами после 1990 г.: какую роль объединенная Германия будет играть в новой Европе? На страницах научных изданий встретились оптимисты, которые видели в объединенной Германии проводника западных ценностей в Центральной и Восточной Европе, и пессимисты, которые размышляли о перспективах немецкой гегемонии и формирования Четвертого рейха. К концу 1990-х гг. ФРГ выполнила свои основные функции в Европе: она содействовала реформированию государств ЦВЕ и их вхождению в евроатлантические структуры. Таким образом, к началу XXI в. германский вопрос для британских и американских исследователей оказался закрыт, однако это не означало прекращение тематических исследований в будущем.

В XXI в. в университетах Великобритании и США было представлено к защите значительное количество диссертационных исследований, посвященных германской проблематике 1945–1990 гг. Среди них немало трудов, подготовленных на классические темы, которые были успешно апробированы предыдущими поколениями британских и американских исследователей. Не утратили своей актуальности в XXI в. вопросы, связанные с оккупацией ФРГ, интеграцией Западной Германии в европейские структуры, ее ролью в системе коллективной безопасности стран Запада. Например, **Дэниэль Каулинг** из Кембриджского университета в своей работе «Британия и оккупация Германии, 1945–1949 гг.» предложил новый взгляд на оккупационную политику Великобритании. Автор рассматривал ее одновременно как продукт политической и общественной конфронтации британцев с нацизмом и долгосрочную основу для современных англо-германских отношений [2].

К числу традиционных направлений следует также отнести изучение Новой восточной политики ФРГ. **Александр Хайнц** из Королевского колледжа Лондонского университета сосредоточился на изучении восприятия со стороны Великобритании инновационного внешнеполитического курса Бонна в конце 1960-х – первой половине 1970-х гг., синхронизировав Новую восточную политику с

процессом вступления Великобритании в ЕЭС. Признавая опасения Лондона в связи с активизацией ФРГ восточного направления дипломатии, автор связывает это с высокой степенью неопределенности, которая была характерна для европейских процессов этого периода в целом [7].

Проблема Берлина являлась важным компонентом комплексной германской проблемы в послевоенные годы. Интерес к ее изучению сохранился и в новом столетии. **Сет Гивенс** из Университета Огайо подготовил комплексное исследование на тему «Столица холодной войны: США, западные союзники и борьба за Берлин, 1945–1994». Автор уделил особое внимание вопросам формирования внешнеполитической стратегии США и НАТО, рассматривая Берлин как ключевое звено всей германской политики союзников [9].

После объединения Германии и распада СССР молодые авторы получили гораздо больше возможностей работы с источниками советского и восточногерманского происхождения. Открытие архивов, публикация документов, получение доступа к работе с новыми материалами – все это способствовало росту числа диссертаций, посвященных различным аспектам истории ГДР. Диссертация **Роберта Эспайнала** из Университета Оклахомы посвящена изучению советского влияния на формирование восточногерманских институтов и практик в 1945–1956 гг. Автор сосредоточился на вопросе «сталинизации» ГДР, связывая ее окончание с XX съездом КПСС и политикой Н.С. Хрущева [5].

Вместе современные изыскания молодых авторов обнаружили новые тенденции в формировании тематического поля. В новом столетии не утратил совей актуальности вопрос изгнанных – лиц немецкой национальности, переселенных с территорий, которые Германия утратила по итогам войны. Проблема изгнанных активно обсуждалась в западногерманском политическом дискурсе во время нахождения на посту канцлера Конрада Аденауэра. Затем, с развитием процессов разрядки и подписанием ФРГ восточных договоров со своими соседями вопрос утратил былую остроту. Объединение Германии в 1990 г. сопровождалось официальным отказом немцев от территориальных претензий и границ 1937 г. Однако вопросы материальной компенсации «изгнанным» и их потомкам сохранили свою актуальность и в XXI в. Так, Чехия долгое время отказывалась ратифицировать Лиссабонский договор, поскольку опасалась исков «изгнанных» немцев. Лишь признание со стороны ЕС за Прагой права рассматривать подобные иски на национальном уровне содействовало ратификации договора в ноябре 2009 г. В 2010 г. было опубликовано диссертационное исследование **Эндрю Демсхука** из Университета Иллинойс «Потерянный Восток: силезские изгнанные в Западной Германии и мечты о возвращении, 1945–1970». Автор отмечал высокую степень влияния изгнанных на внутриполитическую обстановку в ФРГ, ведь в послевоенные годы они составляли 20% населения страны. Однако последующие международные события обнаружили нереальность их надежд на возвращение. Несмотря на то, что отдельные представители интересов изгнанных продолжали говорить о компенсациях и после объединения Германии, большинство из них смирились с безвозвратностью потери. В заключение автор выражал уверенность, что проблема изгнанных осталась в прошлом, а в отношениях ФРГ с соседями будут преобладать понимание и дружелюбие [3].

В XXI в. заметно возрос интерес молодых исследователей к вопросам молодежной политики и культуры в ФРГ и ГДР времен раскола. **Регина Эрнест** из Университета Небраска провела комплексное исследование молодежной политики ГДР в 1960-е гг. Автор отметила различие подходов партийных групп к вопросам воспитания молодежи ГДР. В то время как одни стремились сохранить и поддерживать общегерманское сознание молодежи, другие настаивали на формировании особого типа самосознания, связанного, в первую очередь с ГДР и социализмом. Таким образом, молодежная политика ГДР оказалась напрямую связана с германским вопросом, а

противоречия внутри СЕПГ отражали различное видение будущего Германии группами В. Ульбрихта и Э. Хонеккера [4]. **Джефф Хейтон** из Университета Иллинойс в своей работе «Культура из трущоб: панк-рок, аутентичность и альтернативная культура в Восточной и Западной Германии» подчеркнул особое влияние новых культурных трендов на формирование сознания немецкой молодежи по обе стороны стены. Альтернативная культура, по мнению автора, способствовала активному участию молодежи в объединении страны, формированию национальной идентичности и современного типа общественных отношений [6].

В новом столетии в англо-американской историографии появилось значительное количество исследований повседневной истории и культуры восточных немцев. Этому способствовали как общие тенденции исторических исследований, смещавших акцент на историю повседневности, так и получение историками доступа к богатому материальному, документальному и устному наследию ГДР. Примером может служить диссертация **Анны Винклер** из Университета Альберта «Не все было хорошо, но многое было лучше: повседневная жизнь, материальная культура и музей в Восточной Германии» [12]. Появление подобных работ было призвано объяснить причины *Остальгии* – тоски восточных немцев по социалистическому прошлому, которая стала проявляться после объединения Германии и привлекла внимание исследователей различного профиля: историков, политологов, социологов, экономистов, психологов и др.

Рост ксенофобии и шовинизма в объединенной Германии также привлекал внимание молодых исследователей в XXI в. Примечательным выглядел рост националистических и ультраправых настроений в новых восточных землях. **Элизабет Гарден** из Университета Техаса в Остине подготовила исследование на тему «Ксенофобия в объединенной Германии: уникальное явление после объединения?». Автор приходит к выводу, что истоки данного явления находятся не в нацистском прошлом, а в историческом этноцентризме как западных, так и восточных немцев и связанной с этим практикой социальной изоляции иностранцев [8].

Сравнительно новым явлением стало появление диссертационных исследований, посвященных деятельности МГБ ГДР, известной также как «Штази». Получение доступа к архивам «Штази» в 1992 г. предоставило исследователям возможность заполнить белые пятна в историографии германского вопроса. Вместе с тем значительное количество архивных документов находилось в порезанном виде, процесс их восстановления шел довольно медленно и продолжается до сих пор. На современном этапе компьютерные технологии позволяют значительно ускорить реставрацию документов, однако архивы «Штази» по-прежнему хранят много пока еще недоступной информации. Работа **Стивена Коллинза** из Университета Северного Техаса посвящена начальному периоду функционирования МГБ ГДР до июньского восстания 1953 г., автор сосредоточился на изучении предпосылок, причин и результатов политизации «Штази» [1]. Его коллега **Джейкоб Солбриг** из Университета Нового Орлеана проанализировал основные методы работы «Штази», а также их влияние на психологическое здоровье информаторов и жертв, включая долгосрочные последствия для общественных отношений в объединенной Германии [11].

Среди диссертационных работ появились исследования, посвященные сотрудничеству Великобритании и США с бывшими деятелями Третьего рейха. В частности, **Дерек Мэллет** из Техасского университета A&M в диссертации «Военнопленные – союзники в холодной войне: англо-американское сотрудничество с генералами вермахта» проанализировал основные направления и особенности взаимодействия Лондона и Вашингтона с военной элитой Третьего рейха после окончания войны, когда место главного соперника занял Советский Союз [10]. В условиях идеологического противостояния США и СССР объективное и комплексное

исследование подобных вопросов являлось затруднительным. Окончание биполярной эпохи позволило молодым авторам избавиться от бремени холодной войны и приступить к рассмотрению более острых тем.

Несмотря на сохранение исследований по традиционным направлениям, в англо-американской историографии XXI в. появилось большое количество диссертационных работ в области социальной и культурной истории, истории повседневности. Авторы уделяли все больше внимания изучению положения отдельных групп населения ФРГ и ГДР в период раскола, особенно молодежи и женщин. Актуальными направлениями исследований стали вопросы внутренней миграции и перемещенных лиц, которые были вынуждены покинуть бывшие территории Третьего рейха после 1945 г. Рост ксенофобии в объединенной Германии в 1990-е гг., в первую очередь в новых землях, также привлекал внимание молодых авторов. Открытие восточногерманских архивов в 1990-е гг. позволило ввести в научный оборот огромное количество первоисточников, что обусловило подготовку многочисленных диссертационных исследований по различным аспектам внутренней и внешней политики ГДР.

1. Collins, S. M. Intelligence and the uprising in East Germany 1953: An example of political intelligence : diss. … for the degree of Master of Arts in History / Steven Morris Collins ; North Texas Univ. – Denton, 2017. – 74 l.

2. Cowling, D. Britain and the occupation of Germany, 1945–49 : diss. ... for the degree of Dr. of Philosophy / Daniel Cowling ; Univ. of Cambridge. – Cambridge, 2018. – 374 l.

3. Demshuk, A. T. The lost East: Silesian expellees in West Germany and the fantasy of return, 1945–1970 : diss. ... for the degree of Dr. of Philosophy / Andrew Thomas Demshuk ; Univ. of Illinois. – Urbana, 2010. – 413 l.

4. Ernest, R. “Ein Staat der Jugend”: The politics of socialist patriotism and national consciousness in shaping youth policy in the German Democratic Republic, 1961–1967 : diss. … for the degree of Master of Arts in History / Regina Ernest ; Univ. of Nebraska. – Lincoln, 2011. – 103 l.

5. Espinal, R. The Soviet sphere of influence in the German Democratic Republic, 1945–1956 : diss. … for the degree of Master of Arts in History / Robert Espinal ; Univ. Of Oklahoma. – Norman, 2018. – 58 l.

6. Hayton, J. P. Culture from the slums: Punk rock, authenticity and alternative culture in east and West Germany : diss. ... for the degree of Dr. of Philosophy / Jeff Patrick Hayton ; Univ. of Illinois. – Urbana, 2013. – 645 l.

7. Heinz, A. British perceptions of West Germany during Ostpolitik and British EC accession, 1969–1975 : diss. ... for the degree of Dr. of Philosophy / Alexander Heinz ; King’s College London. – London, 2007. – 304 l.

8. Garden, A. E. Xenophobia in a united Germany: A unique post-reunification phenomenon? : diss. … for the degree of Master of Arts in History / Alison Elizabeth Garden ; Univ. of Texas. – Austin, 2010. – 54 l.

9. Givens, S. Cold War capital: The United States, the Western allies, and the fight for Berlin, 1945–1994 : diss. ... for the degree of Dr. of Philosophy / Seth Givens ; Ohio Univ. – Athens, 2018. – 450 l.

10. Mallett, D. Prisoners of war – Cold War allies : The Anglo-American relationship with Wehrmacht generals : diss. … for the degree of Dr. of Philosophy / Derek Mallett ; Texas A&M Univ. – College Station, 2009. – 408 l.

11. Solbrieg, J. Stasi brainwashing in the GDR 1957–1990 : diss. … for the degree of Master of Arts in History / Jacob Solbrieg ; Univ. of New Orleans. – New Orleans, 2017. – 45 l.

12. Winkler, A. “Not everything was good, but many things were better”: East German everyday life, material culture, and the museum : diss. ... for the degree of Dr. of Philosophy / Anna Winkler ; Univ. of Alberta. – Edmonton, 2014. – 228 l.

Чекулаева А.С.

БЕЛАРУСЬ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ: СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО БЕЛАРУСИ И РОССИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТРУДОВ КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Ключевые слова: Республика Беларусь, Союзное государство России и Беларуси, китайская историография, интеграционные процессы на постсоветском пространстве.

Участие Республики Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве вызывают определенный интерес у ученых КНР, при этом основная масса исследований посвящена Союзному государству России и Беларуси. Необходимо отметить, что в китайской историографии интерес к данной проблематике имеет постоянный характер; помимо множества публикаций, имеется ряд диссертационных исследований, что говорит об особом значении, которое китайские исследователи

придают интеграционному взаимодействию Беларуси и России, считая, что «интеграция в рамках Союзного государства оказывает огромное влияние на ситуацию в Евроазиатском регионе» [1, с. 33].

В качестве ***предпосылок*** для создания Союзного государства отмечаются длительное историческое прошлое [2, с. 47], очевидная общность в культурном, языковом, религиозном и других аспектах [3, с. 46], тесные хозяйственные связи [4, с. 46], а также «масштабы и уровень сотрудничества России и Беларуси в области национальной обороны и военно-технического сотрудничества» [5, с. 46]. Кроме того, со стороны Республики Беларусь китайскими учеными выделялись как политические («стремление к политической поддержке и обеспечению безопасности со стороны России»), так и экономические («сохраняющаяся после распада СССР зависимость от российской экономики») причины. Заинтересованность же Российской Федерации, по мнению китайских исследователей, была продиктована в основном политическими мотивами: во-первых, для России Беларусь представляла собой «окно» в Западную Европу; во-вторых, Беларусь являлась сдерживающим фактором расширения НАТО на Восток [6, с. 32]; в-третьих, создание Союзного государства придавало новый импульс интеграции в рамках СНГ [3, с. 47–48].

Учеными КНР были также обозначены ***сдерживающие факторы***, изначально препятствующие интеграционному взаимодействию России и Беларуси. К основным проблемам экономического характера были отнесены: различие экономических систем; значительная разница между торговыми балансами двух стран [5, с. 45–46]; кроме того, некоторые исследователи были склонны считать, что Беларусь представляла собой «экономическое бремя» для России [3, с. 49–50]. Не меньшей сдерживающей силой, по мнению китайских исследователей, обладали как внутри-, так и внешнеполитические факторы [6, с. 34]. Так, среди внешнеполитических причин ухудшения интеграционного взаимодействия России и Беларуси в 2000 – 2010 гг. китайские исследователи в первую очередь отмечали давление на Россию со стороны Америки и Запада и их стремление изолировать Беларусь на международной арене [7, с. 44–45]. Помимо влияния США, исследователи отмечали негативное воздействие польского фактора: манипулирование населением, выделение средств для белорусской оппозиции для изменения предвыборных настроений белорусов [8, с. 101].

Этапы становления и развития Союзного государства России и Беларуси китайские исследователи определяют следующим образом:

1) первый этап с 1991 до 1994 гг., характеризующийся со стороны России – политикой «перекладывания бремени» на страны СНГ и отказом от ответственности за социально-экономическое развитие других республик бывшего СССР; со стороны Беларуси – «нейтральной внешней политикой» и «отстранением» от России [9, с. 85–88];

2) второй этап с 1994 по 1999 гг., отличающийся ускоренной интеграцией России и Беларуси. Исследователями отмечается, что перед лицом расширения НАТО на Восток короткий «медовый месяц» между Россией и Западом подошел к концу» [9, с. 85–88], наметилось улучшение российско-белорусских отношений и ускорение интеграционных процессов.

3) на третьем этапе с 2000 до 2010 гг., строительство Союзного государства по наблюдениям китайских ученых замедлилось: стороны не смогли прийти к консенсусу, по какой модели будет развиваться российско-белорусская интеграция [10, с. 48], при этом произошел уклон на экономическую составляющую Союза, изменились двусторонние отношения в сфере энергетики [10, с. 41, 44]. Одной из причин торможения исследователями названо улучшение отношений России и Запада на фоне совместной борьбы с терроризмом после «инцидента 11 сентября».

4) на четвёртом этапе с 2010 г. до начала украинского кризиса отмечается: с одной стороны присоединение Беларуси к возглавляемой ЕС «Программе Восточного

партнерства», направленной на «сжатие» России, и непризнание Беларусью независимости Южной Осетии и Абхазии; с другой стороны – образование в 2010 г. Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана [9, с. 85–88], новый импульс в развитии Союзного государства в ситуации евразийской интеграции [10, с. 45];

5) началом следующего периода китайские исследователи определяют украинский кризис, безусловно повлиявший на процесс сближения Беларуси и России. Как отмечает Чжан Цзянь, Беларусь в целях защиты национальных интересов начинает проводить «сбалансированную политику», стремясь достичь «дипломатического баланса» в игре больших держав [9, с. 93]. Необходимо отметить, что китайские исследователи положительно оценивают политику «экономической диверсификации» и «нейтральной дипломатии» Беларуси [9, с. 95–96];

6) китайские ученые отмечают ускорение и углубление интеграционного процесса после 2021 г. на фоне сложной и постоянно меняющейся международной ситуации в новых исторических условиях. При этом, сближение двух стран наблюдается не только в экономике и политика, но и во всех областях, таких как, национальная оборона и другие.

В то же время китайскими авторами отмечается, что, несмотря на дружественные отношения и тесный союз с Россией, Беларусь никогда не отказывалась от стремления к независимости в своей политике [11, с. 49]. Если изначально Договор о Союзном государстве был подписан при совершенно иных условиях, когда сама идея его создания была «заимствована из советской модели», то на сегодняшний момент – это Союз действительно суверенных стран [12, с. 55]. Такие факторы, как общие угрозы, схожая история и культура, схожие системы, являются важными факторами, способствующими ускорению союзнических отношений, но ключевым элементом, поддерживающим существование и развитие Союзного государства, являются «взаимодополняющие интересы».

1. 周尚文. 俄白联盟与一体化理论解读 / 周尚文, 胡键 // 国际观察. – 2002. – № 6. – С. 29–33 (Шанвэнь Ч. Союзное государство и интеграция России и Беларуси: теоретическая интерпретация / Ч. Шанвэнь, Х. Цзянь // Международный обзор. – 2002. – № 6. – С. 29–33).

2. 朱士松. 白俄罗斯和俄罗斯会合并吗 / 朱士松 // 世界知识. – 2019. – № 7. – С 46–47 (Чжу, Ш. Объединятся ли Беларусь и Россия / Ш. Чжу // Знание мира. – 2019. – № 7. – С. 46–47).

3. 赵鸣文. 俄白联盟任重道远 / 赵鸣文 // 国际问题研究. – 2003. – № 2. – С. 47–51 (Чжао, М. Союзное государство России и Беларуси: ноша тяжела, а путь далек / М. Чжао // Исследования международных вопросов. – 2003. – № 2. – С. 47–51).

4. 潘广云. 俄白经济一体化评析 // 俄罗斯中亚东欧研究. – 2004. – № 1. – С 43–48 (Гуанъюнь, П. Анализ экономической интеграции России и Беларуси / П. Гуанъюнь // Исследования России, Центральной Азии и Восточной Европы. – 2004. – № 1. – С. 43–48).

5. 赵会荣. 俄罗斯与白俄罗斯特殊关系探源 / 赵会荣 // 世界知识. – 2020. – № 18. – С 46–47 (Чжао, Х. Истоки особых отношений России и Беларуси / Х. Чжао // Знание мира. – 2020. – № 18. – С. 46–47).

6. 孙光荣. 浅析西方对俄白联盟发展的影响 / 孙光荣 // 国际观察. – 2004. – № 2. – С. 31–37 (Гуанжун, С. Влияние Запада на развитие Союзного государства России и Беларуси / С. Гуанжун // Международный обзор. – 2004. – № 2. – С. 31–37).

7. 孙光荣. 俄白联盟国家发展的新情况、原因及前景 / 孙光荣 // 俄罗斯研究. – 2002. – № 4. – С. 42–46 (Гуанжун, С. Новая ситуация, причины и перспективы развития Союзного государства России и Беларуси / С. Гуанжун // Исследования России. – 2002. – № 4. – С. 42–46).

8. 李志庆. 俄白联盟建设中的波兰因素 / 李志庆 // 今日中国论坛. – 2013. – С. 101–102 (Чжицин, Л. Польский фактор в создании Союзного государства России и Беларуси / Л. Чжицин // Форум современного Китая. – 2013. – С. 101–102).

9. 张建. 试析乌克兰危机对俄白关系的影响 / 张建 // 和平与发展. – 2017. – № 2. – С. 84–121 (Цзянь, Ч. Анализ влияния украинского кризиса на российско-белорусские отношения / Ч. Цзянь // Мир и развитие. 2017. – № 2. – С. 84–121).

10. 刘丹. 俄白联盟国家 20年历史嬗变与发展趋势 / 刘丹 // 俄罗斯学刊. – 2019. – № 6. – С. 40–56 (Дань, Л. К 20-летию Союзного государства России и Беларуси: изменения и тенденции развития / Л. Дань // Исследования России. – 2019. – № 6. – С. 40–56).

11. 赵惠中. 普京访问白俄罗斯发出了什么战略信号? / 赵惠中 // 世界上的事件. – 2023. – № 2. –С. 48–49 (Хуйжун, Ч. Какой стратегический сигнал посылает визит Путина в Беларусь? / Ч. Хуйжун // События в мире. – 2023. – № 02. – С. 48–49).

12. 赵惠中. 在建立联盟国家方面的突破，俄罗斯和白俄罗斯的一体化进程将加速 / 赵惠中 // 世界事件. – 2021. – № 23. –С. 54–55 (Хуйжун, Ч. Прорыв в построении Союзного государства, процесс интеграции России и Беларуси будет ускорен / Ч. Хуйжун // События в мире. – 2021. – № 23. – С. 54–55).

Р А З Д Е Л 3
ИСТОЧНИКИ ДРЕВНОСТИ, СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Снежко И.В.

ANNALIS АТТИКА И DE EXCELLENTIBUS DUCIBUS EXTERARUM GENTIUM: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ КОРНЕЛИЯ НЕПОТА

Ключевые слова: Annalis, Аттик, Непот, Цицерон, Афины.

В политической пропаганде древнего Рима большое значение отводилось истории. Античные авторы в своих исторических трудах всегда исходили из какой-то политической идеи, доминировавшей в их работах. В не меньшей степени политическими были исторические труды Корнелия Непота, среди которых до нас дошли полностью De excellentibus ducibus exterarum gentium и частично De latinis historicis – части более обширного труда De viris illustribus – сборника парных греко-римских жизнеописаний в 16-ти книгах.

Еще меньше дошло информации о взглядах Корнелия Непота. Известно, что его друзьями были Марк Туллий Цицерон и Тит Помпоний Аттик. С последним его связывали общие научные интересы, поскольку оба были историками. От произведений Аттика, к сожалению, остались одни упоминания, содержащиеся у других авторов. Однако, он оказывал значительное влияние на исторические труды своего друга [8, p. 98–105]. В предисловии к «Иноземным полководцам» Непот посвящает книгу Аттику (Praef. 1). Сочинение о Катоне Непот пишет по просьбе Аттика (Cato. 3, 5), не говоря уже о хвалебном сочинении о самом Аттике и таком же положительном отзыве о его исторических трудах (Att. 18, 1–4). В ходе своего повествования Непот также ссылается на Аттика (Hann. 13, 1). На наш взгляд, не менее сильное влияние Аттика прослеживается и в политических идеях, ретранслируемых Непотом. Известно, что в большинстве своем материал для биографий Непот черпал из греческих историков – в первую очередь, Фукидида, Эфора, Геродота и Феопомпа [4; 6]. Тем не менее влияние Аттика на работу Непота позволяет внести в историографическую традицию определенные уточнения.

Обратимся к источникам. De excellentibus ducibus exterarum gentium – это произведение из 23 глав, 10 из которых посвящены известным афинским полководцам. На наш взгляд, большое влияние на выбор афинских деятелей мог оказывать Аттик, на что указывают определенные косвенные факты. Во-первых, посвящение Аттику, что подчеркивает его особенное влияние на данную работу (Praef. 1). Во-вторых, поспешность, с которой Непот писал свое сочинение (Praef. 8), что, очевидно, требовало от него гораздо большего доверия источникам [11, p. 31–36], и что влияло на выбор предмета рассмотрения. В-третьих, нельзя не отметить особый интерес Аттика в отношении Афин: подробно знакомый с греческой историей, Аттик прожил в Афинах свыше 20 лет (Nep. Att. 2, 2; 4, 5), и уделял афинской истории большое внимание в «Анналах» [9, S. 84–85].

Сам же Аттик играл значительную роль в интеллектуальной жизни Рима конца Республики. Известно, что он горячо поддерживал политический курс Цицерона, открыто выступив на его стороне во время мятежа Катилины (Cic. Att. II. 1, 7), а затем написал о консульстве Цицерона хвалебный труд (Nep. Att. 18, 5; Cic. Att. II. 1, 1). Непот называет Аттика оптиматом (Att. 6, 1). Annalis, главное сочинение Аттика, представляли собой произведение, в котором события мировой истории тщательно излагались в соответствии с порядком римских магистратур (Nep. Att. 18, 1; (Cic. Brut. 13–15). Исходя из источников, стоит предполагать, что Annalis отразили их совместные политические про-республиканские идеи, в т. ч. понятие о «согласии

сословий» (Cic. Brut. 19; Cic. Att. VI. 1, 8). Из источников известно, как минимум, о двух пропагандистских образах из Annalis: это Кориолан и Катон Старший [1]. В диалоге Цицерона «Брут», бывшем под сильнейшим влиянием Annalis [9, S. 50–76], целенаправленно сравниваются Фемистокл и Кориолан как выдающиеся граждане, изгнанные неблагодарным народом (Cic. Brut. 42), при этом фигура Кориолана в I в. до н.э. носила однозначный антиплебейский характер [10, p. 315]. О Катоне Старшем, символе республиканских идей и теории «упадка нравов» [2, с. 64–67], вероятно, у Аттика было написано достаточно много (Cic. Att. XII. 23, 2). Таким образом, «Анналы» Аттика – это отражение ценностей высшей римской аристократии, ее представлений о политике и устройстве общества.

Обратимся к ключевым особенностям «афинских биографий» Непота. В каждом жизнеописании историк подчеркивал различные достоинства (dignitas) своих героев, считая их образцовыми мужами. (Milt. 1, 1; 3, 6; Them. 5, 3; Arist. 2, 2; Cim. 2, 1; Alcib. 1–2; Trasyb. 1, 1–2; Con. 5, 2; Iphicr. 3). За некоторыми исключениями, каждый из них пострадал в ходе борьбы с народом. Например, говоря о деяниях Фемистокла, Непот сокрушается, что он не смог избежать зависти сограждан, и был из-за этого отправлен в изгнание (Them. 8, 1).

К биографии Фемистокла тесно примыкает жизнеописание его соперника Аристида. Непот замечает, что Аристид и Фемистокл возводили друг на друга обвинения, борясь за первенство: их конфликт показал, насколько красноречие (eloquentia) было сильнее честности (innocentia) (Arist. 1, 1–2). При этом Аристида Непот считает не менее добродетельным: он говорит, что Аристид был первым на людской памяти (ut unus post hominum memoriam), кто получил прозвище «Справедливый» (Iustus), однако его авторитет был подорван Фемистоклом, удалившим Аристида в изгнание (Arist. 1, 2).

Может показаться, что Непот обвиняет Фемистокла в изгнании Аристида. Однако фактическим «виновником» у Непота является афинская политическая система, которая в итоге приводила к тому, что красноречие ценилось выше добродетели. В этом контексте показателен эпизод, который приводит Непот после слов об изгнании Аристида, где простой афинян заявляет ему, что не знает, кто такой Аристид, но ему не нравится, что тот прикладывал усилия, чтобы возвышаться над остальными прозвищем «Iustus» (Arist. 1, 4). Этот безымянный человек, очевидно, является олицетворением той самой толпы, которая ничего не знала о подвигах Аристида и судила о нем со слов его врагов.

Апофеозом отрицательного отношения Непота к афинской демократии (и, вероятно, и к римскому устройству, поскольку Непот писал для римской аудитории) рисует пассаж из биографии Хабрия: говоря о зависти черни (vulgus) к нему, историк отмечает: «Таков общий недостаток великих и при том свободных государств (magnis liberisque civitatibus), где зависть сопровождает славу, где охотно низвергают тех, кто кажется стоящим выше (quos eminere videant altius), где бедняки (pauperes) не могут со спокойствием выносить удачу тех, кто богат» (Chabr. 3, 3).

В биографиях полководцев Непот опирался на своих предшественников, а именно Эфора, Фукидида, Геродота и Феопомпа, но тем не менее ни у одного из представленных авторов нет такого достаточно неприязненного отношения к афинской системе, как у Непота. Феопомп был сторонником Спарты и аристократии, однако Непот вряд ли мог на него ссылаться подробно в афинских биографиях, поскольку сам же охарактеризовал его как клеветника (maledicentissumus) (Alcib. 11, 1). Достаточно схожим с Непотом образом высказывается Диодор, а точнее – Эфор, однако он был активным сторонником Афин и афинской демократии [3, p. 78–79; 89–91], и его характеристика изгнания Фемистокла не выглядит столь однозначной: ведь Диодор замечает, что Фемистокл был изгнан из самого справедливого и мудрейшего города (Diod. 11. 59, 3). И здесь, на наш взгляд, Непот мог опираться именно на Аттика.

В «Бруте» Цицерона Фемистокл связывается с фигурой Кориолана. Вероятно, подобный же мотив прослеживался у Аттика, поскольку был взят Цицероном именно из Annalis [9, S. 84–85]. Таким образом, прямое заимствование идеи параллельных биографий Фемистокла–Кориолана у Аттика не может быть нами исключено: на это намекает и общий авторитет Фукидида, на которого одинаково ссылаются Аттик и Непот в этом вопросе (Cic. Brut. 42; Nep. Them. 10, 4) [5, p. 91–92]. Таким образом, Непот демонстрирует «оптиматский» взгляд Аттика на биографию Фемистокла, других знатных афинян и проблемы организации афинской демократии.

Итак, противопоставляя «лучших» народу, Непот, очевидно, гораздо чаще находится на стороне первых. Почти каждый герой его повествования противостоит народу, поскольку является «лучшим» (optimus). Для обозначения народа Непот употребляет различные термины, вплоть до крайне негативных: «граждане» (cives), «народ» (populi), «толпа» (multitudo), «чернь» (vulgus), «бедняки» (pauperes); для обозначения аристократии: «первые» (principes) (Cim. 3, 1; ср. Att. 6, 1), «лучшие» (optimates) (Phoc. 3, 1). Словоупотребление «optimates» и «principes» Непота достаточно близко к словарю Цицерона и обозначает, очевидно, не представителей знати конкретно, а скорее знатных, богатых и благородных вообще, которые противостоят толпе, демагогам и популистам.

Стоит обратить внимание, что среди «афинских» биографий» выделяется жизнеописание Фрасибула, в котором Непот подчеркивает, что он был с народом в согласии (Thras. 4, 1): более того, он провел закон об амнистии, и целенаправленно пресекал попытки его сторонников устроить репрессии в отношении оппонентов (Thrasib. 3, 3). Говоря о противоречиях между народом и «лучшими», историк неоднократно подчеркивал в жизнеописаниях определенную «ветреность» толпы, подверженность влияниям (Alcib. 6, 4; Milt. 6, 4; Cim. 4, 1; Thim. 4, 1; Alcib. 6). Иначе говоря, Непот подводит читателя к мысли, что когда народ находился в «согласии» с «лучшими», то Афины были действительно могущественны, как при Фрасибуле. Как только они порывали с ними, изгоняли известных оптиматов, подвергаясь влиянию противников «лучших», это приводило к несчастьям.

Подобная же политическая позиция «согласия сословий» (Cic. Pro Cluent. 151–152) могла с высокой долей вероятности высказываться в «Анналах» Аттика. Она отражала их совместное с Цицероном политическое видение возможного выхода из кризиса римского поздне-республиканского общества. Схожую идею передает и Непот [11, p. 236–237]. Таким образом, политическая повестка Непота в его работе достаточно близка консервативным идеям, высказанным Аттиком в «Анналах».

Таким образом, среди традиционных источников, которыми пользовался Непот при составлении биографий иноземных полководцев в ряд с Фукидидом, Эфором, Теопомпом и другими может быть поставлен и Тит Помпоний Аттик – безусловно, гораздо менее в фактологической части, но гораздо более – с позиций общих особенностей повествования, идей и принципов построения политических биографий Корнелием Непотом. De excellentibus ducibus exterarum gentium Непота – труд, носивший, очевидно, оптиматский, прореспубликанский характер, который, вполне вероятно, ретранслировал совместные их с Аттиком и Цицероном политические идеи, не последнюю среди которых занимала концепция «согласия сословий».

1. Снежко, И. В. Идеи и образы Liber annalis Тита Помпония Аттика / И. В. Снежко // Проблемы археологии Восточной Европы XVIII : сборник тезисов. – Ростов-на-Дону : ЮФУ, 2024. – С. 75–79.

2. Утченко, С. Л. Идейно-политическая борьба в Риме накануне падения Республики / С. Л. Утченко. – М. : АН СССР, 1952. – 300 с.

3. Barber, G. The historian Ephorus / G. Barber. – Cambr. : Cambridge University Press, 1935. – 190 p.

4. Bradley, J. The Sources of Cornelius Nepos / J. Bradley. – New-York ; London : Garland Publishing, 1992. – 168 p.

5. Geiger, J. Cornelius Nepos and ancient political biography / J. Geiger. – Stuttgart : Steiner-Verlag-Wiesbaden-GmbH, 1985. – 128 p.

6. Göthe, A. Die Quellen des Cornelius Nepos zur Griechischen Geschichte / A. Göthe // Programm des Königliche Evangelischen Gymnasiums. – Gross-Glogau, 1878. – S. 1–25.

7. Lapyrionok, R. W. Consensus bonorum omnium: Untersuchungen zur politischen Terminologie der späten römischen Republik / R. W. Lapyrionok. – Bonn : Rudolf Habelt GmbH, 2008. – 76 s.
8. Lobur, J. Cornelius Nepos. A study in the Evidence and Influence / J. Lobur. – Ann Arbor :University of Michigan Press, 2021. – 305 p.
9. Münzer, F. Atticus als Geschichtschreiber / F. Münzer // Hermes. – 1905. – Bd. 40, H. 1. – S. 50–100.
10. Ogilvie, R. A commentary on Livy / R. Ogilvie. – Books 1–5. – Oxford : Clarendon Press, 1965. – 774 p.
11. Stem, R. The Political Biographies of Cornelius Nepos / R. Stem. – Ann Arbor :University of Michigan Press, 2012. – 291 p.

Абдулманова И.В.

ПИСЬМА ЕПИСКОПА ФЕОФИЛА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО

Ключевые слова: Александрия, поздняя античность, Феофил Александрийский, синодальные письма, пасхальные послания.

Официальные письма епископа Александрийской церкви Феофила представляют собой важный материал для изучения интеллектуальной истории позднеантичного и раннесредневекового мира. И это при том, что, по сути, Феофил является одним из наименее доступных авторов своего периода, поскольку большая часть его работ дошла до нас во фрагментарном виде. Во многом это объясняется тем, что как таковой интеллектуальной деятельности Феофил никогда не вел, все больше занимаясь административными вопросами церкви. И, кроме того, при том, что в коптской традиции он был весьма почитаем, роль, которую Феофил сыграл в биографии Иоанна Златоуста, настроила против него многих историков (например, Сократа и Созомена). Тем не менее, официально он оставил после себя достаточно большое количество писем, часть из которых пока не переведена на русский язык. Особенности этих работ, а также общий контекст их написания и являются предметом исследования в данной статье.

В начале своего епископата Феофил написал 27 праздничных писем. Подобная практика написания была традиционной для христианской церкви Александрии. Она заключалась в том, что перед началом Великого поста епископ города издавал письмо, в котором обозначал дату Пасхи. Сама практика возникла еще в III в. в период администрирования александрийской церковью Дионисия Великого. Содержание этих писем, как правило, весьма лаконичное, и кроме заявленной темы, ничего существенного не включает.

Пасхальный вопрос обозначен и в письме Феофила к императору Феодосию I. Это письмо содержит пасхальную таблицу и пролог к ней (в прологе указаны сведения о выборе даты Пасхи в привязке к лунному месяцу): «Не забывай, что весенний оборот начинается с 12 календарного апреля [= 21 марта], что есть 25 Фаменот, или, согласно антиохийским сирийцам и македонянам, 21 Дистра, из-за курса Солнца, который день нужно особенно отметить, чтобы кто-нибудь ошибочно не поставил четырнадцатую Луну перед этой датой и не ошибся относительно Пасхи» [1, с. 18; 2; 3, p. 379]. Помимо этого, в письме идет речь об установлении дня весеннего равноденствия (Феофил вместо термина «равноденствие» (*ισημερία*) использует термин «весенний поворот» (*τῆς ἐαρινῆς τροπῆς*)) [4]. Письмо Феофила не сохранилось в греческом оригинале. Норман Рассел перевел его из старой латинской версии, опубликованной Бруно Крушем. Пролог к пасхальному столу сохранился на греческом языке, но не полностью. Последние два абзаца сохранились только в латинском варианте.

Следует заметить, что ко времени Феофила пасхальные споры имели долгую историю. Главными были вопросы о праздновании Пасхи в тот день недели, на который приходилась Пасха в еврейском богослужебном календаре, или же ее всегда следует праздновать в воскресенье из уважения к евангельским повествованиям. Еврейский литургический календарь следовал лунному циклу. Каждый месяц, первым из которых

был Нисан, начинался с новолуния. Четырнадцатый Нисан, предписанная дата Пасхи (ср. Втор. 16: 1), входил в первое полнолуние литургического года. Но так как солнечный год длиннее лунного, был введен дополнительный месяц, чтобы Пасха приходилась на следующее полнолуние после весеннего равноденствия, что позволило получить первые плоды урожая ячменя в качестве подношения. Некоторые христиане хотели ежегодно отмечать Пасху четырнадцатого Нисана (отсюда и их название «Квартодециманы»). Другие разработали циклы, основанные на солнечном юлианском календаре, чтобы Пасха проводилась в воскресенье. Начиная с Никейского собора в 325 г. действует правило, в соответствии с которым Пасха празднуется только в воскресный день. При этом не допускается повторяемости.

Никейское правило, однако, не положило конец определению датировки празднования Пасхи, потому что Рим, Александрия и Антиохия основывали свои расчеты на различных предпосылках. Рим использовал 84-летний цикл, разработанный Ипполитом, а Александрия – 19-летний цикл, разработанный александрийским ученым Анатолием Лаодикийским. Антиохия следовала еврейскому календарю, который к тому времени, возможно, уже игнорировал весеннее равноденствие. И Рим, и Александрия принимали во внимание весеннее равноденствие, но в Риме оно считалось наступившим 18 марта, тогда как в Александрии 21 марта. Иногда трехдневное расхождение могло приводить к корреляции пасхальной Луны с различными солнечными месяцами. Так было в 387 г., в начале епископата Феофила, когда александрийцы праздновали Пасху 25 апреля, через пять недель после римлян.

Два года спустя в римский гражданский календарь было внесено важное изменение. Императорский рескрипт, адресованный римскому префекту Альбину 7 августа 389 г., отменял все языческие праздники и впервые придавал Пасхе официальный статус. Правильное исчисление Пасхи приобрело теперь принципиальное значение для общественной жизни империи. Таким образом, письмо Феофила к Феодосию следует отнести к началу 390 г. Племянник и преемник Феофила Кирилл считал, что Никея дала Александрии полномочия установить дату Пасхи для всей Церкви. Авторитет и престиж его престола требовали, чтобы император был снабжен точными датами Пасхи, рассчитанными александрийцами. Рим принял александрийский метод расчета, но произошло это только во времена Льва Великого.

Еще одной важной категорией писем являются письма, написанные Феофилом в разрезе оригеновской полемики, участником которой он стал. В этом разрезе следует выделить: Первое и Второе Синодальные письма, письма к монахам-оригенистам, шестнадцатое, семнадцатое и девятнадцатое праздничные письма, письмо, написанное в Константинополе[1]. Первое письмо содержит обвинения в отношении учения Оригена относительно того, что душа существует на небе раньше тела и что воплощенная душа – это наказание за прежний грех, совершенный на небе [5, с. 183]. В данном случае речь идет о том, что Феофил пытался заочно обвинить Оригена в том, что он поддерживал идею о переселении и предсуществовании душ. Часть исследователей полагают, что именно за это Ориген и его последователи были преданы анафеме на поместном и вселенском соборах VI в. Ту же идею Феофил проводит и в Семнадцатом праздничном письме 402 г. (здесь дословно упоминается фраза «души перевоплощаются»). Однако никаких прямых упоминаний о том, в каких работах Ориген отмечал свою приверженность реинкарнационным идеям, Феофил не дает.

Второе Синодальное письмо содержит ссылки на трактат Оригена «О началах». Само содержание этого письма не раскрывает подробности учения Оригена и не конкретизирует положения критики Феофилом его учения, однако перечисляет те позиции, на основании которых Феофил и официальная церковь отнесли Оригена к еретикам. В

[1] Переводы писем Феофила на английский язык осуществил Н. Рассел [6, p. 45–174].

Шестнадцатом праздничном письме Феофил уже более конкретно обвиняет александрийского мыслителя. Так, он указывает, что Ориген склонялся к идее о конечности Царства Божия (когда оно закончится, то Христос будет лишен вечности, а дьявол будет освобожден и вознесется к своей первоначальной славе) (Theophilus Sixteenth festal letter, 5; Theophilus Sixteenth festal letter, 8). Также Феофилу противоестественно представление Оригена о том, что он не верит в божественную природу Христа и тем самым оскорбляет его (Theophilus Sixteenth festal letter, 14). Особое внимание александрийский патриарх уделяет защите Оригеном магических искусств (здесь следует отметить, что Феофил сближает понятия «магия» и «идолопоклонство» (называя их «злом»), что не совсем корректно) (Theophilus Sixteenth festal letter, 16).

В заключении следует отметить, что переводческая работа над письмами Феофила еще должна состояться в среде российских историков. Эти труды смогут открыть новые грани интеллектуального наследия Феофила Александрийского и возможно (как в ситуации с пасхальными письмами) вскрыть новые пласты в формировании христианской доктрины в позднеантичный период.

1. Пасхальная хроника / пер. с греч. Л. А. Самуткиной. – СПб. : Алетейя, 2004. – С. 18–54.
2. Krusch, B. Der 84-jahrige Ostercyclus und seine Quellen / B. Krusch. – Leipzig, 1880. – URL: https://archive.org/stream/ (date of access: 25.02.2025).
3. Belenkiy, A. The Novatian «Indifferent Canon» and Pascha in Alexandria in 414: Hypatia's Murder Case Reopened / A. Belenkiy // Vigiliae christianae. – 2016. – № 70. – P. 373–400.
4. Пролог Феофила Александрийского: основные аспекты установления дня Святой Пасхи. – URL: http://www.orthedu.ru/uchposob/patrolog/17188-prolog-feofila-aleksandriyskogo.html (дата обращения: 25.02.2025).
5. Компаниец, Л. В. Орнаменты идеи реинкарнации в философии Оригена и Лактанция / Л. В. Компаниец // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – № 8-1. – С. 182–185.
6. Russell, N. Theophilus of Alexandria / N. Russell. – London : Routledge, 2006. – 222 p.

Литовченко Е.В.

ЛАТИНСКИЕ ЭПИСТОЛЯРНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ КОРПУСА ПИСЕМ СИДОНИЯ)

Ключевые слова: Поздняя Античность, письма, эпистолярная коллекция, Сидоний Аполлинарий.

Эго-документы, источники личного происхождения, каковыми, безусловно, являются письма – тексты, сигнализирующие о цели их создания через форму или структуру, обращаясь от одного человека к другому. Письмо – это диалог или общение с кем-то отсутствующим, как если бы он или она присутствовали; записанная речь; отражение личности автора письма [11, с. 207]. Именно письма позволяют исследователям почувствовать атмосферу прошлого, по-герменевтически «вжиться в эпоху», поскольку информация, заложенная в них, носит отпечаток той культуры, в недрах которой эти письма создавались, отличается глубокой саморефлексией, крайне эмоциональной реакцией автора на происходящее, направлена на его самопрезентацию.

Литературная переписка уходит своими корнями еще в Древнюю Грецию, в древнеримской цивилизации первым на этой ниве, заложив основы латинского письмописания, становится Цицерон, а коллекций писем, относящихся к эпохе Поздней Античности, насчитывается порядка тридцати. Это собрания посланий, как языческих, так и христианских авторов, среди которых сохранились латинские эпистолярные тексты Авсония (ок. 310 – ок. 395), Симмаха (ок. 345–402), Амвросия Медиоланского (ок. 340–397), Августина Гиппонского (354–430), Сидония Аполлинария (ок. 430 – ок. 486), Эннодия Павийского (ок. 473–521) и др.

Здесь необходимо сразу же определиться с используемыми в нашем исследовании категориями – «корпус или собрание писем» и «коллекция писем», между которыми есть существенная разница. Корпусом писем можно считать все сохранившиеся послания одного автора, в то время, как коллекция подразумевает, прежде всего, «последующую деятельность редактора в отношении готовых писем» [6, p. 3], и это основополагающий, хотя и не единственный признак, т.е., коллекции, по сути, это письма, которые были собраны и обнародованы либо во время, либо после жизни их создателя. Кроме того, зачастую, письма в коллекции располагаются не в хронологическом порядке, а согласно другим принципам, например, тематическому или по адресатам. Преднамеренный отход от хронологического порядка говорит об искусственном характере собрания писем, а, следовательно, подразумевает редактуру с определенными целями, как правило, связанными с тем имиджем, который хочет создать автор.

В большинстве позднеантичных коллекций писем можно выделить следующие общие черты: 1) собранные воедино послания одного автора с целью их последующего обнародования; 2) отредактированные им же, либо редактором (при жизни автора или после его смерти); 3) нарушающие хронологический порядок их создания в пользу тематического разнообразия для поддержки устойчивого интереса читателя; 4) отражающие мотивацию автора, связанную с самопрезентацией.

Регулярный обмен письмами создавал своего рода эпистолярную сеть, связывающую единомышленников, которыми, как правило, выступали представители высшего социального слоя, получившие риторическое образование и, в силу этого обстоятельства, занимающиеся литературной деятельностью. В зависимости от цели автор отбирал впоследствии те письма от него и к нему, которые работали на его самопрезентацию. Таким образом, эпистолярная коллекция являлась конструктом, а не объективно отражающим реальность явлением. По этой причине, некоторые исследователи не придают большого значения исторической ценности позднеантичных коллекций писем, в силу того что событийный компонент в них отражен гораздо слабее, чем в исторических источниках Поздней Античности. Так, Д. Брэдли считает письма Рурриция Лиможского совершенно незначительными для источниковедения, поскольку они обходят своим вниманием ключевые события эпохи, сосредотачиваясь на бытовых мелочах [4, p. 268]. Нужно признать, что в целях саморекламы авторы посланий должны писать не об обстоятельствах, о которых они могут иметь информацию, а о событиях, в которых они играют заметную роль и, зачастую, это не самые крупные явления эпохи. Однако для историка, который хочет взглянуть на изучаемый период с позиций микроистории, через призму восприятия современника ушедших эпох, письма – бесценный материал, как пишет Г. С. Кнабе, «не события времени, а человек времени, его душа и материальный мир, его окружавший» наполняют корреспонденцию [1, с. 518].

В целом, работая с подобными специфическими источниками, нам необходимо с гораздо большей осторожностью подходить к ним, нежели к нормативным документам или историческим сочинениям, хотя, очевидно, что определенная тенденциозность свойственна любому произведению конкретной эпохи, так как оно создается субъектом общественных отношений. Однако здесь прежде всего должен учитываться такой фактор, как стремление автора коллекции писем создать определенный образ, демонстрирующий те черты, которые воплощают его замысел и импонируют не только современной ему аудитории, но и, возможно, будут оценены по достоинству потомками. П. Хизер, склонный проводить параллели с современностью, говорит, что такая ситуация требует от историка взгляда на античных авторов, как на продавцов подержанных автомобилей, при общении с которыми требуется большая осторожность [3, с. 11]. При всей грубости сравнения, сентенция сама по себе не лишена смысла.

Учитывая все вышеизложенное, попробуем выявить указанные черты в коллекции писем Сидония Аполлинария, представителя высшей сенаторской знати, зятя императора Авита и впоследствии епископа Клермона. Его сохранившаяся коллекция насчитывает 147 посланий [10], из которых одно письмо написано Клавдианом Мамертом.

Сидоний издал первую часть своей коллекции писем после обретения городской префектуры, и большинство его писем датируются последними двумя десятилетиями его жизни. О том, что письма отбирались, а тексты посланий подверглись значительной редактуре автор коллекции прямо или косвенно говорит сам: когда он опубликовал свои личные письма, он, как и Плиний, утверждал, что пересмотрел их с точки зрения стилистики, подразумевая, что прежде они не соответствовали тому уровню блеска, который ожидался его образованной аудиторией (Sid. Ep. 1. 1 = Plin. Ep. 1. 1). Редакцию могли доверить и облеченным доверием автора друзьям, как в случае с Констанцием: Сидоний написал ему, что «отправляет письма не просто для проверки, но для шлифовки и, как говорится, чистки от ненужного») (Ep. 1. 1, 3) [см. 2, с. 200–203]. Коллекции циркулирующих писем постоянно редактировались, исправлялись, обновлялись и распространялись как друзьями, так и самим автором, что видно, например, по трем версиям произведений Авсония, которые имели хождение повсеместно [8, p. 66–67].

О целенаправленном собирании коллекции Сидоний сообщает нам в первом же письме, которое показывает, что первая книга явилась на свет по настоянию его друга Констанция, но следующие шесть книг воспринимаются вполне самостоятельными. Последнее письмо седьмой книги снова адресовано Констанцию, однако первое – этой же книги позволяет предполагать, что вдохновителем нового тома был Петроний. Девятая книга была инспирирована Фирминием и ему же посвящена.

Взяв на вооружение эпистолярную модель Плиния Младшего Сидоний разбил корпус писем на 9 книг, при этом все собрание из 147 посланий можно рассматривать как совокупность микроколлекций. Первые пять книг посвящены светской карьере автора, вершиной которой стало получение звание префекта Рима (Sid. Ep. 1. 9, 1), и их можно считать первой микроколлекцией. В тот период Сидоний и не помышлял о том, что оставит столь успешную карьеру и продолжит ее на церковном поприще. Когда система аристократических достижений оказалась недоступна, он быстро приспособился к своему новому политическому статусу в качестве епископа Клермона [5, p. 24]. В период между 469 и 471 гг. он обретает кафедру, поэтому книги 6–7 объединяют так называемые «епископские» послания Сидония, составляющие вторую микроколлекцию.

Первую книгу своей корреспонденции он обнародовал в 469 г., основную часть сборника, книги 2–7, в 477–478 гг., книга 8 увидела свет в 480 г., и, наконец, 9 книга была опубликована в 482 г. [см. 7, p. 221–248]. Однако, алгоритм конструирования коллекции базируется не на хронологии, по явному замыслу автора, в основу положен эстетический принцип. Сидоний отобрал для последующей публикации в виде книг «отшлифованные письма, различающиеся по сюжетам, адресатам и датам» (Ep. 1. 1, 1). Собрание в целом посвящено Констанцию (Ep. 1. 1 и 8. 16), книга 9, адресованная Фирминию (Ep. 9. 1, и 9. 16), добавлена как приложение, в соответствии с «плиниановой моделью». Таким образом, письма-посвящения задают единство внутренней структуры сборника. Как автор этих писем Сидоний представляет себя в трех ролях – государственного деятеля, лирического поэта и достойного епископа (Ep. 1. 1 и 9. 16).

Завершающие письма коллекции, которые вошли в книгу 9, хронологически охватывают период от 472 до 484 г., были отобраны дополнительно (Ep. 9. 1) и несколько разрушают тот образ духовного наставника, который Сидоний стремился создать в книгах 6–7 и, отчасти, 8. В последней книге в нескольких посланиях автор постоянно рефлексирует по поводу своего поэтического творчества, говоря, что он сочинял и «героические стихи», и

«многое соткал в более легком ключе, элегии в шесть футов превратил в две цезуры, воспевал славу в одиннадцатисложниках; часто пел сапфическим размером, редко – стремительным ямбом» (Ep. 9. 16, 3). При этом, он весьма сожалеет о «легкомысленных занятиях молодости», подчеркивая, что «пустая слава поэта может запятнать аскетизм священника» (Ibid.) Тем не менее, очевидно, что именно свой талант поэта и эпистолографа Сидоний считает определяющим и именно эта роль становится стержнем его самопрезентации. По словам С. Мрачек, многочисленные микроколлекции Сидония, сначала распространенные независимо, но позже собранные в единую макроколлекцию, возвели на пьедестал именно его поэтический опыт [9, p. 312].

Таким образом, на примере коллекции писем Сидония Аполлинария мы убеждаемся в том, что письма тщательно отбирались и редактировались, главной целью их публикации становилась самопрезентация автора, следовательно, воспринимать их, как непреднамеренные свидетельства нецелесообразно. Однако поскольку письма отражают личность их создателя и его повседневную жизнь, его эмоции по поводу происходящего, исследователь может обнаружить в них массу важных деталей, помогающих реконструировать образ позднеантичного общества.

1. Кнабе, Г. С. Античное письмо / Г. С. Кнабе // Древо познания – древо жизни. – М. : РГГУ, 2006. – С. 502–525.

2. Литовченко, Е. В. Сидоний Аполлинарий. Письма (I.1; II.8; IV.12). Перевод / Е. В. Литовченко // Классическая и византийская традиция. 2011. – Белгород : БелГУ, 2011. – С. 200–203.

3. Хизер, П. Падение Римской империи / П. Хизер ; пер. с англ. А.В. Короленкова и Е.А. Семеновой. – М. : АСТ ; Астрель, 2011. – 795 с.

4. Bradley, D. R. The Letters of Ruricius (Review: H. Hagendahl: La Correspondance de Ruricius. Pp. 108. Gothenburg: Wettergren & Kerber, 1952) / D. R. Bradley // The Classical Review. – 1954. – 4(34). – P. 268–269.

5. Hanaghan, M. P. Reading Sidonius' Epistles / M. P. Hanaghan. – Cambridge : Cambridge University Press, 2019. – 256 p.

6. Late Antique Letter Collections. A Critical Introduction and Reference Guide / ed. by C. Sogno, B. K. Storin, E. J. Watts. – Oakland : University of California Press, 2017. – 488 p.

7. Mathisen, R. W. Dating the Letters of Sidonius / R. W. Mathisen // New Approaches to Sidonius Apollinaris / ed. by J. A. van Waarden and G. Kelly. – Leuven : Peeters, 2013. – P. 221–248.

8. Mathisen, R. W. The “Publication” of Latin Letter Collections in Late Antiquity / R. W. Mathisen // Zwischen Alltagskommunikation und literarischer Identitätsbildung. Studien zur lateinischen Epistolographie in Spätantike und Frühmittelalter. – Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2018. – P. 63–84.

9. Mratschek, S. The Letter Collection of Sidonius Apollinaris / S. Mratschek // Late Antique Letter Collections. A Critical Introduction and Reference Guide / ed. by C. Sogno, B. K. Storin, E. J. Watts. – Oakland : University of California Press, 2017. – P. 309–336.

10. Sidonius Apollinaris. Epistolae et carmina // Monumenta Germaniae Historica. Auctorum Antiquissimorum. Tomus 8. Sidonius, Faustus, Ruricius / C. Luetjohann and B. Krusch (eds.). – Berlin : Weidmannos, 1887. – 484 p.

11. Zelzer, M. Linien der Traditions und Editionsgeschichte der ambrosianischen Briefe am Beispiel des zehnten Briefbuches und den Briefen extra collectionem / M. Zelzer // Anzeiger der Osterreichischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. – 1980. – Bd. 117. – P. 207–230.

Мирзаев Д.З.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ДРЕВНЕГО ПЕРИОДА

Ключевые слова: Центральная Азия, этническая история, древний период, источники, Авеста, китайские тексты, тамга.

История населения Центральной Азии до второго тысячелетия до Р.Х. изучается, как правило, на основе археологического материала, так как письменные источники этого времени остаются пока неизвестными. В конце II тысячелетия до Р.Х. Центральную Азию завоевала общность, которая ассоциируется с индоевропейским этносом, разрушившая древнюю цивилизацию эпохи бронзы, население которой, как считают одни ученые, было пратюркским и дравидским, а другие – было связано с хурритами и

иными народами Передней Азии. Затрудняет понимание этих процессов отсутствие письменных памятников или, возможно, их неатрибутированность [1, с. 51–65]. Гипотетически можно предположить вероятность существования предписьменности в регионе, например, на основе индийской иероглифики.

Все письменные источники, как правило, упоминают региональные общности, союзы племен, племенные территории, межплеменные столкновения. Племенное самосознание Центральной Азии было первоосновой всех идеологических проявлений древней эпохи, а свою особую культурно-историческую функцию дифференциации внутри социума оно сохраняло до воцарения здесь ислама. При современном уровне науки из письменных источников известно, что древнейшими общностями, проживавшими на территории Центральной Азии, являлись бактрийцы, согдийцы, парфяне, хорезмийцы, а также различные другие народы. Наиболее ранние упоминания о них содержатся в греческих письменных источниках и эпиграфических надписях ахеменидских царей, относящихся к VI–V вв. до Р.Х. Так, согласно древнегреческим авторам Геродоту и Страбону, за рекой Араксом – Амударьей живут *массагеты*, которые боролись против считавшего себя арийцем древнеперсидского царя Кира II. По зороастрийскому преданию, свод книг Авесты существовал уже при Ахеменидах и был уничтожен при вторжении Александра Македонского. Имелась версия – что *Заратуштра* жил в Бактрии, что нашло отражение в труде греческого автора Ктесия. Вслед за этой традицией некоторые ученые предполагали, что гаты, наиболее значимая и почитаемая часть Авесты, созданы в Бактрии, а также считали, что ее языком в древности и был авестийский. Интересно то, что в гатах отсутствуют указания на этнические общности. Возможно, они диктовались идеологическими установками [18, с. 76]. Как бы там ни было, Бактрия «*с высоко поднятыми знаменами*», как она называется, была если не первой, то одной из стран, на территории которой очень рано распространился зороастризм. При использовании Авесты в качестве исторического источника приходится учитывать наличие в ней многих пластов, отражающих различные исторические периоды и даже эпохи, влияние на дошедший до нас текст воззрений и представлений интерпретаторов. При этом даже одни и те же отрывки часто представляют собой сплав разновременных сведений. Несмотря на все эти ограничения, Авеста важнейший и во многом единственный источник для установления древнейшей истории населения Центральной Азии.

Здесь надо особо подчеркнуть неправомерность отождествления понятий «иранское» с «зороастрийским», от чего до сих пор не может отойти большинство исследователей Центральной Азии. Независимо от того, представители каких бы этнических общностей не стояли во главе зарождения зороастризма, манихейства, буддизма или ислама, их адепты не являлись исключительно иранцами или арабами. Также язык письменных памятников, оставленных последователями той или иной религиозной системы, или их имена и титулы не могут быть непременным показателем языковой и этнической принадлежности их создателей. Например, среди тюркского населения Центральной Азии, исповедовавшего зороастризм, были широко распространены иранские имена и титулы, а позднее среди тюрков, сторонников буддизма, иудаизма и христианства, кроме собственных часто встречались также имена буддийского, иудейского и сирийско-христианского происхождения [2, с. 15].

В отличие от завоеваний Александра Македонского, вторжение *юэчжей* во второй половине II в. до Р.Х. изменило этническую картину региона. С этого времени для описания истории Бактрии возрастает значение китайских письменных источников. Первой работой, посвященной истории Китая является произведение китайского отца истории Сыма Цяня, известное под названием *Шицзи* и написанное до 91 г. до Р.Х. После него становится традиционной создание «династийных историй»

– сочинений, посвященных описанию времен правления одной династии. В них, как правило, содержались сведения о Центральной Азии, выделялась отдельная глава «Сообщения о Западном крае», в которой рассказывалось и о странах, и об этнических общностях. В частности, в них упоминаются *юэчжи*, а впоследствии и основанное ими Кушанское царство, *Дася* – Бактрия, *Тухоло* – Тохаристан, *Тами* – Термез. Впервые название Тохаристан появляется в китайском тексте буддийского сочинения *Vibhāsa-śāstra*, относящегося к 383 г., где упоминаются жители страны *Tonk'iŭ-l* [6, с. 119]. В целом Тохаристан в значительной мере территориально соответствовал древней Бактрии, то есть приграничному региону Амударьи.

По данным китайских источников, *юэчжи* были родственными с хуннами [15, с. 483–484]. Первоначально они обитали в северных районах Центральной Азии и в результате столкновений с хуннами были вынуждены переселиться с востока на запад в районы Северного Приаралья и Прикаспия, где они имели свое государство [16, с. 632–636]. Оттуда эти племена, которые в древнегреческих источниках называются скифами и массагетами, мигрировали на территорию Центральной Азии. В источниках отмечается, что эти племена были родственны с хуннами и говорили на языке, близком к языку хуннов [4, с. 9–10].

Вопросы взаимоотношений этнических общностей Центральной Азии, как правило, относятся к числу наименее исследованных, что обусловлено многими факторами, но прежде всего малочисленностью и дисперсностью дошедших до нас письменных памятников. По данным Сюань Цзана, вся страна между Амударьей и рекой *Суй-е* (Чу) в культурном отношении представляла одно целое. Одежда жителей, письмена и язык везде были одинаковыми [17, с. 54–58]. Как свидетельствуют и армянские источники, «согды, тохары, эфталиты и другие народы *Туркастана* считались тюркскими родами» [13, с. 75]. Они же называются и среди 44 народов страны Скифии, которая простиралась от реки Этиль до Китая [14, с. 63]. Махмуд Кашгари называет *сугдаков*, т.е. согдийцев, «народом, слившимся с тюрками» [8, с. 335–336], представители которого «избегают перемешания с персами и говорят только на двух языках – согдийском и тюркском» [8, с. 65]. Подобный симбиоз наблюдается также на монетах, например, так называемых тюрко-согдийских [12, с. 54–56], или монетах с парным изображением Тохаристана [10, с. 218–224]. Таким образом, письменные и другие источники свидетельствуют о том, что в эпоху перед распространением ислама население Центральной Азии составляли тюрки и в значительной степени ассимилировавшиеся с ними согдийцы, хорезмийцы и бактрийцы. Но авторы письменных источников древнего периода, как правило, не рассматривали население в качестве единого этнического компонента. В их представлении, например, согдийцы являлись лишь представителями одной небольшой провинции в Центральной Азии.

Завоевания, связанные с распространением ислама, повлияли на этническую ситуацию в Центральной Азии, приведя к сокращению местного населения в результате войн и вынужденному переселению его за пределы Арабского халифата, а также заселению на их место вновь прибывших иммигрантов арабского и персидского происхождения. Миграция из Ирана в Центральную Азию началась еще во второй четверти VII в., когда арабы завоевали Иран, в результате этого часть населения Сасанидской империи переселилась в страны Востока [3, с. 146]. Эти процессы нашли свое отражение в письменных источниках.

Как показывают результаты исследований, кочевые племена, занимавшие огромные просторы Евразии в течение тысячи лет, как правило, были различными этапами исторического развития одних и тех же общностей [17, с. 12] с такой атрибутикой идентичности, как тамга [9, с. 150–155]. В материальной культуре различных эпох: в наскальной живописи, в архитектуре, на статуэтках, на монетах сохра-

нились всевозможные сочетания абстрактных геометрических узоров, знаков и фантастических образов, которые отражают все периоды истории, являя взору исследователя беспрерывную смену времен. Но, к сожалению, на настоящий момент нет общепризнанного метода их датировки. Несмотря на это, можно констатировать, что возникновение и развитие такого института, как тамга, связано с отношениями между различными общинами Евразии, складывавшимися на основе институциональных механизмов, важнейшими из которых были: управление одной династией в большинстве общин; единство ведущих кланов и сохранение права на перемещение воинов из одного региона в другой в рамках единого политического пространства; сопутствующие коммуникации между различными ветвями высших государственных чиновников, возглавляющих отдельные страны; сохраняющаяся этнокультурная близость между местными сообществами, в том числе благодаря единству их правящих слоев.

Аспекты истории этнических общностей Центральной Азии, как правило, относятся к числу малоизученных, что обусловлено многими факторами, в первую очередь малочисленностью и противоречивостью источников. Именно поэтому любые информативные исходные данные приобретают особую ценность. Разбросанность и исключительная сложность материала являются причиной того, что ранее предпринимались лишь единичные попытки изучения и систематизации исходных материалов. Между тем именно системный анализ материала позволяет прояснить многие важные вопросы, связанные с возникновением и развитием той или иной этнической общности.

1. Дюринг-Касперс, Э. Маргиано-бактрийский комплекс и хараппское письмо / Э. Дюринг-Касперс // Вестник древней истории. – 1997. – № 3. – С. 51–65.

2. Камолиддин, Ш. О методах определения этнической принадлежности древних народов по данным письменных источников / Ш. Камолиддин. – Берлин : LAP LAMBERT, 2014.

3. Колесников, А. И. Завоевание Ирана арабами / А. И. Колесников. – М. : Наука, 1982. – 270 с.

4. Извлечения из китайских источников // Материалы по этнической истории тюркских народов Центральной Азии. – Ташкент : Фан, 2003. – С. 9–10.

5. Иностранцев, К. А. Хунну и гунны / К. А. Иностранцев. – 2-е изд., доп. – Л. : [б. и.], 1926. – 152 с.

6. Литвинский Б. А. Средневековая культура Тохаристана: в свете раскопок в Вахшской долине / Б. А. Литвинский, В. С. Соловьев. – М. : Наука, 1985. – 264 с.

7. Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных / Махмуд ибн Вали. – Ташкент : Фан, 1977. – 166 с.

8. Маҳмуд Кошғарий. Девону луғоти–т–турк. Туркий сўзлар девони / Маҳмуд Кошғарий. – Ташкент : Фан, 1963. – Т. III.

9. Мирзаев, Дж. З. Проблемы изучения и интерпретации тамг в контексте локальной истории / Дж. З. Мирзаев // Культурный ландшафт как объект наследия. – Алматы, 2013. – С. 150–155.

10. Ртвеладзе, Э. В. Раннесредневековые монеты Чаганиана с парным изображением / Э. В. Ртвеладзе // Прошлое Средней Азии. – Душанбе, 1987. – С. 218–224.

12. Смирнова, О. И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза / О.И. Смирнова. – М. : Наука, 1981. – 548 с.

13. Тер-Мкртичян Л. Х. Армянские источники о Средней Азии VIII–XVIII вв. / Л. Х. Тер-Мкртичян. – М. : Наука, 1985. – 191 с.

14. Тер-Мкртичян, Л. Х. Армянские источники о Средней Азии V–VII вв. / Л. Х. Тер-Мкртичян. – М. : Наука, 1979. – 100 с.

15. Aytbaev, A. Ancient Sources on “Saka”s on the Great Silk Road / A. Aytbaev // Proceedings of the Nara Symposium for Digital Silk Roads. –Tokyo, 2004. – P. 483–484.

16. Aytbaev, A. Massagetler hakkindaki Eski kaynaklar / A. Aytbaev // Turkler: Yeni Turkiye yayinlari. – Cilt 1. – Ankara, 2002. – S. 632–636.

17. Histoire de la vie de Hiouen-thsang et de ses voyages dans l’Inde, depuis l’an 629 jusqu’en 645 / Traduite de chinois par S. Julien. – Paris, 1853. – P. 55–58.

18. Gnoli, G. Zoroaster’s Time and Homeland: A Study on the Origins of Mazdeism and Related Problems. – Napoles : Istituto universitario orientale, 1980. – 279 p.

Пузанов В.В.

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ВОЖДЕСТВА В СВЕТЕ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Ключевые слова: неоэволюционизм, политогенез, вождество, восточные славяне, византийские источники, Повесть временных лет.

Неоэволюционистская теория вождества является одним из наиболее выдающихся достижений современной историографии. Первоначально ее последователи придерживались однолинейной схемы политогенеза и пытались найти вождество во всех регионах Земного шара. В таком виде она была воспринята на рубеже 1980–1990 х. гг. историками, изучавшими восточнославянский политогенез [1, с. 96–108]. Однако в последние десятилетия все большее влияние в неоэволюционизме получают многолинейные схемы политогенеза, которые применительно к восточным славянам наиболее успешно развивают Н.Н. Крадин и Е.А. Шинаков. Е.А. Шинаков ведет речь «о многообразии форм потестарности в Восточной Европе накануне и в процессе образования Древнерусского государства» [2, с. 259 и др.]. Н.Н. Крадин выделяет совокупность «политий разной степени структурированности: от сложных вождеств» (иерархическая стратегия развития) «до гетерархических протогородских республик» [3, с. 231–232]. В этой связи возникает вопрос, на какой источниковой базе осуществляется постановка вопроса о восточнославянском вождестве? Е.А. Шинаков, исследователь осторожный и вдумчивый, признает, что восточнославянские вождества-протогосударства «реконструируются лишь сравнительно-типологическим методом» [2, с. 259]. Неудивительно, что в работах большинства сторонников идеи восточнославянских вождеств много «сравнительной типологии», но очень мало реконструкций, опирающихся на источники. Впрочем, имеют место и исключения. Особого внимания заслуживают наблюдения А.А. Горского, по мнению которого, «наиболее показательным для решения вопроса» о славиниях-вождествах «могут стать сведения о славянской знати» [4, с. 37]. Исследователь собрал сравнительно большую подборку таких свидетельств [4]. Но что они доказывают? Только то, что у славян имелись князья и родовая знать – не более того. Это могло иметь значение в том случае, если бы представители традиционных взглядов, отрицали наличие у славян вождей и знати. Но это, как известно, не так. Мало информативны свидетельства, собранные А.А. Горским и в отношении типологии потестарной организации у славян, так как упоминания имен лидеров не характеризуют ни характер власти вождя, ни уровень отчужденности народа от власти.

Для решения поставленной проблемы, в первую очередь, важно выяснить степень участия народа во власти, поскольку «в вождестве народ отстранен от непосредственного управления» [5, с. 19]. Посмотрим, так ли было у славян в период выхода на историческую сцену и у представителей их восточной ветви накануне и в начальной стадии становления государственности.

Византийские авторы свидетельствуют о народовластии у славян: «Племена эти, склавины и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народовластии, и оттого у них выгодные и невыгодные дела всегда ведутся сообща» [6, с. 182–183]; «племена склавов и антов одинаковы и по образу жизни, и по нравам; свободные, они никоим образом не склонны ни стать рабами, ни повиноваться, особенно в собственной земле» [7, с. 369]; склавины «живут в строптивости, своенравии, безначалии, сплошь и рядом убивая, (будь то) за трапезой или в совместном путешествии, своего предводителя и начальника...» [8, с. 254].

Показательны свидетельства, характеризующие весьма бедный быт славян [9, с. 358, коммент. 7], что подтверждается и археологическими источниками.

Таким образом, византийские авторы VI–VII вв. рисуют гетерархическую модель отношений у славян: материальная бедность поселений, невозможность закабаления соплеменников (только иноплеменники могли быть рабами) свидетельствовали о низком уровне имущественной, социальной и функциональной дифференциации. Система организации власти также не соответствовала вождеству.

Восточные славяне середины IX – первой половины X в. недалеко продвинулись по пути усложнения потестарной организации, по сравнению со славянами византийских авторов. Показательно известие Повести временных лет о событиях 945 г., содержащее наиболее полное описание потестарных структур у восточных славян на примере древлян. У древлян упоминаются князь Мал, «лучшие» и «нарочитые» мужи [10, стб. 54–57], «старѣишинъı… града» Искоростеня [10, стб. 59]. Но чаще всего фигурирует собирательное – «древляне», под которыми может пониматься как вся совокупность населения Древлянской земли, так и население отдельного града, в данном случае – Искоростеня. Мал пассивен, тогда как представители знати и, прежде всего, древляне (народ) активны: «слъıшавше же деревлѧне ѥко wпѧть идеть . сдумавше со кнѧземъ своимъ . Маломъ… послаша к нему глг҃ще . почто идеши wпѧть… и вышедше изъ града Изъкоръстѣнѧ. Деревлене оубиша Игоря . и дружину єго»; «рѣша же Деревлѧне . се кнѧзь оубихомъ Рускаго . поимемъ жену его Вольгу за кнѧзь свои Малъ и Ст҃ослава . и створимъ єму ѥкоже хощемъ . и послаша Деревлѧне лучьшиє мужи…». Но и лучшие мужи действуют от имени народа: «посла нъı Дерьвьска земля». «Къ Деревлѧномъ» же обращается Ольга, требуя прислать для сватовства «мужа нарочитъı» [10, стб. 54–59].

Показательно, что Мал никак не ассоциируется в летописном рассказе с войском. В отличие от той же Ольги, которая «пристрои воя на прокъ ихъ» (древлян). Биться с ней вышел не Мал, а древляне: «И изыдоша деревляне противу...», но «побѣгоша . и затворишасѧ въ градѣхъ своихъ̑». С ними же (в данном случае – жителями Искоростеня) Ольга договаривается о дани [10, стб. 58–59].

Налицо троичная модель организации власти: князь – совет старейшин – народ (древляне). За коллективными решениями древлян стоит народное собрание, что не характерно для вождества.

Но как быть с древлянскими князьями, «иже распасли суть Деревьску землю» [10, стб. 56], и с древлянскими градами, в которых затворились от Ольги древляне, и которые потом ей же «предашасѧ» [10, стб. 58]. Археологи обнаружили на древлянской территории 20 городищ, как раз по количеству первого древлянского посольства к Ольге, в которых, как предполагают исследователи, сидели подвластные Малу князья [11]. Думается, представления о властной соподчиненности и князей к Малу, и градов к Искоростеню не соответствуют историческим реалиям. Речь, скорее всего, можно вести, выражаясь терминологией Р.Л. Карнейро, о «церемониальном ранжировании». Иными словами, Мал обладал авторитетом, а не силой власти. Он мог своим примером влиять на поведение других древлянских князей, но не мог отдавать им распоряжения. Поэтому и посольство к Ольге отправлялось не от Мала и Искоростеня, а от всех градов. Решение веча Искоростеня также не было обязательно для исполнения другими градами. Принимало решение об убийстве Игоря, судя по всему, именно вече Искоростеня: «Ꙋльга же устремисѧ съ снг҃мъ своимъ [на Искоростѣнь град . ѥко тѣе бѧхѹ оубили моужа еѧ …] а Деревлѧне… борѧхусѧ крѣпко… вѣдѣху бо ѥко сами оубили кнѧзѧ . и на что сѧ предати». Долгое сопротивление защитников Искоростеня, тогда как другие города уже «предашасѧ», летописец объясняет именно опасением мести княгини за смерть мужа («рекоша . ради сѧ бъıхомъ ѧли по дань . но хощеши мьщатi мужа своєго» [10, стб. 58]. Другие же древлянские грады, как следует из контекста, принимали решение о капитуляции по своей воле, не оглядываясь на Мала и Искоростень.

Пример с древлянами нельзя механически распространять на всех восточных славян. Уровень развития был разный. В то же время пора признать, что этот уровень в отечественной историографии завышался. Опять же, важную роль играл фактор «сравнительной типологии», который, в соединении с идеологической составляющей, переносил на восточнославянскую почву германскую общественную модель.

«Теоретическая схема и базовый ее концепт… – как правильно указывал Н.Н. Крадин – представляют интерес только тогда, когда могут быть полезными для осмысления конкретно-исторического материала» [12, с. 9]. Вряд ли можно отрицать эффективность концепции вождества для объяснения процессов политогенеза в глобальных масштабах. Однако на материале Восточной Европы она пока не заработала в полной мере, что вынуждены признать и ее наиболее вдумчивые сторонники. Так, отмечая продуктивность введения «понятия “вождество”… в модель восточнославянского государствообразования», Е.А. Мельникова констатирует, что «реконструкции процессов образования Древнерусского государства пока не привели к достаточно убедительным результатам...» [см.: 1, с. 107–108].

Как известно, каждое поколение пишет свою историю. Дело не только в уровне развития научных знаний, но и в эволюции социокультурной среды обитания историка. Человеку свойственно неосознанно экстраполировать представления и ценности своей эпохи на изучаемую древность. Для XIX в. характерен был оптимизм, вера в светлое будущее человечества, что порождало представления о едином прогрессивном пути его развития. Отсюда идеалистические представления о ранней древности, равенстве, к которому следовало стремиться в будущем: «Демократия в управлении, братство внутри общества, равенство прав, всеобщее образование охарактеризуют следующий высший план общества, к которому неуклонно стремятся опыт, разум и знания. Он будет возрождением, но в высшей форме, свободы, равенства и братства древних родов» – писал Л.Г. Морган [цит. по: 12, с. 23]. Государство в то время ассоциировалось не с монархом и правящей династией, как прежде, а с общенародными интересами, понималось как единство народа, территории и власти. Середина 1950-х гг. – время разочарований, вызванных двумя мировыми войнами, усилением реакции в США и мире, все усиливающейся бюрократизацией власти. Не оправдал себя в глазах многих и социалистический эксперимент. Государство все больше воспринималось как бюрократическая машина… В первом случае наука была обязана появлением теории военной демократии, во втором – теории вождества...

Социальный пессимизм, как и социальный оптимизм – это не только отношение к настоящему и будущему, но и к прошлому.

1. Пузанов, В. В. От праславян к Руси: становление Древнерусского государства (факторы и образы политогенеза) / В. В. Пузанов. – СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2017. – 752 с.

2. Шинаков, Е. А. У истоков Русской государственности / Е. А. Шинаков. – СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2020. – 528 с.

3. Крадин, Н. Н. Становление государственности на Руси в свете данных политической антропологии / Н. Н. Крадин // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. – М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. – С. 211–239.

4. Горский, А. А. Первое столетие Руси / А. А. Горский // Средневековая Русь. – 2012. – Вып. 10. – С. 7–112.

5. Крадин, Н. Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения / Н. Н. Крадин // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / отв. ред. В. А. Попов. – М. : Вост. лит., 1995. – С. 11–61.

6. Прокопий Кесарийский. История войн // Свод древнейших письменных известий о славянах. – Т. 1 : IV–VI вв. / отв. ред. Л. А. Гиндин, Г. Г. Литаврин. – 2-е изд. – М. : Вост. лит., 1994. – С. 170–250.

7. Стратегикон Маврикия // Свод древнейших письменных известий о славянах. – Т. 1 : IV–VI вв. / отв. ред. Л. А. Гиндин, Г. Г. Литаврин. – 2-е изд. – М. : Вост. лит., 1994. – С. 364–393.

8. Псевдо-Кесарий. Ответы на вопросы // Свод древнейших письменных известий о славянах. – Т. 1 : IV–VI вв. / отв. ред. Л. А. Гиндин, Г. Г. Литаврин. – 2-е изд. – М. : Вост. лит., 1994. – С. 251–259.

9. Иванова, О. В. Комментарий / О. В. Иванова // Свод древнейших письменных известий о славянах. – Т. 2 : VII–IX вв. / отв. ред. Г. Г. Литаврин. – М. : Вост. лит., 1995. – С. 356–359.

10. Полное собрание русских летописей. – Т. 1 : Лаврентьевская летопись. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 496 с.
11. Звіздецький, Б. А. Про час виникнення та соціальну типологію літописних «градів» Древлянської землі / Б. А. Звіздецький // Український історичний журнал. – 1990. – № 3. – С. 77–81.
12. Крадин, Н. Н. Понятие «племя» в современной антропологии / Н. Н. Крадин // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – 2015. – № 2. – С. 4–12.
13. Семёнов, Ю. И. Льюис Генри Морган: легенда и действительность / Ю. И. Семёнов // Советская этнография. – 1968. – № 6. – С. 3–24.

Темушев С.Н.

ИСТОЧНИКИ ПО ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РУСИ И ЛИТВЫ (X – НАЧАЛО XIII в.)

Ключевые слова: Древняя Русь, литва (литовцы), ятвяги, летописи, хроники, даннические зависимость.

Во многом неразработанность проблемы отношений Руси и литвы до середины XIII в. обусловлена состоянием источниковой базы. Крайне фрагментарны известия о литве (как этнического образования) для периода до начала XII в. в Повести временных лет: кроме указания в недатированном этнографическом введении на выплату дани литвой Руси, имеется лишь сообщение о походе киевского князя Ярослава Мудрого на литву в 1040 г. [7, с. 10, 67]. Намного более информативными оказываются сообщения Новгородской первой летописи (младшего и старшего изводов). Данный письменный памятник во многих случаях позволяет дополнить и уточнить информацию других летописных сводов, явившихся продолжением Повести временных лет. Среди последних наиболее важная роль в освещении возросшей военной активности литовцев принадлежит Радзивилловской и Ипатьевской летописям [3]. Касательно периода XIII в. Ипатьевская летопись основана на Галицко-Волынской хронике.

Политическая раздробленность Древней Руси, важнейшей чертой которой являлась полная самостоятельность правителей отдельных княжеств-земель в проведении внутренней и внешней политики, имела следствием появление областного летописания, в большей степени отражавшего местные события. Участие литвы в междоусобных войнах в древнерусских княжествах землях, а затем и начало самостоятельных литовских нападений на них нашло отражение в летописях новгородских и псковских, в среде которых первостепенное значение для нашей темы принадлежит Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов [6]. Наряду с примерами военного противостояния Литвы и Галицко-Волынской земли, использования литовских сил в своих политических целях древнерусскими и польскими князьями, данная летопись содержит ценнейшую информацию о конкретном содержании даннической зависимости прибалтийских племен от Руси (касательно ятвягов) [5, с. 131]. И в отношении Галицко-Волынского свода (в особенности), и в отношении других летописных памятников в изучении русско-литовских контактов сохраняется проблема датировки тех или иных событий. Эта проблема приобретает тем большее значение для нашей темы в связи с тем, что одно и то же событие (походы русских князей против литвы, набеги литовцев на русские земли) может быть представлено в различных летописных сводах под разными годами. Существует очень большая вероятность того, что под разными годами в разных источниках рассказывается об одном событии. Опасность умножения событий, связанная с отмеченным обстоятельством, часто игнорируется в исследованиях, затрагивающих проблему русско-литовских отношений.

Существенные дополнения вносят в изучение интересующей нас проблемы польские источники, отмечающие начало литовских нападений на Польшу с 1209–1211 гг.

[11, s. 18, 20, 33]. Следует однако отметить, что в ранних польских хрониках первые упоминания о контактах с литвой относятся к более позднему времени. Так, в хронике Межвы, или Дзежвы (конец XIII в.), ставшей продолжением наиболее популярной в Польше хроники Винцента Кадлубка, литовцы фигурируют начиная с их набега в 1243 г. [11, s. 20]. В Великопольской хронике (время создания и авторство – предмет дискуссий, считается, что в основной своей части она создана в конце XIII в.) [4, с. 134] литовцы появляются около 1228 г., но наиболее часто встречаются с 40-х гг. XIII в. Первое упоминание «литвинов» в Великопольской хронике связано с активной деятельностью Конрада Мазовецкого. Автор хроники утверждает, что именно по призыву последнего «языческий народ впервые начал опустошать Польское королевство» [1, с. 149]. Что показательно, идея призыва на помощь «язычников» приписывается жене Конрада – русской княжне, каковой являлась дочь владимиро-волынского князя Святослава Игоревича – Агафья. Кроме того, в недатированных фрагментах применительно к XII или первой половине XIII в. литовцы упоминаются в польских рочниках (например, в силезском сокращенном рочнике) [15, p. 720]. Однако наиболее часто литовцы фигурируют в рочниках с 40–50-х гг. XIII в. [11, s. 31]. Таким образом, в ранней польской исторической традиции литва, несмотря на близкое соседство с польскими землями, довольно поздно оказывается в поле зрения хронистов, причем, первоначально в качестве пассивной силы, используемой в междоусобных войнах.

Наиболее ценные свидетельства о внешнеполитической активности литвы в период до создания ею собственной государственности содержатся в «Истории Польши» Яна Длугоша (создана в основном в 1455–1467 гг.), по праву признаваемой «неоспоримой вершиной польской средневековой летописной традиции» [4, с. 135]. Ценность труду Длугоша придает, кроме всего прочего, то обстоятельство, что польский хронист пользовался источниками, которые не дошли до нашего времени. Первые датированные упоминания о «литвинах» у Длугоша под 1040, 1103 и 1112 гг. фрагментарны или являются следствием недоразумения: в 1040 г. из-за смуты в Польском королевстве люди бежали в сторону Руси и Литвы; под 1103 г. нашествие саранчи (древнерус. «пруси») было принято за набег пруссов, к которым были добавлены и литовцы [10, с. 252, 294]; под 1112 г. в связи с походом Ярослава Святополчича на ятвягов говорится о том, что последние по своим языку, религии, нравам и обычаям очень похожи на литовцев, пруссов и жмудинов [10, с. 300; 12, s. 453–454]. И, наконец, в VI книге «Истории» Длугоша под 1205 г. помещен подраздел «Первые слухи об имени литовцев» (досл.: «Неизвестных миру литвинов первый раз дается услышать название») [10, с. 350; 13, s. 169]. Это первое известие о литовцах дошло до Польши в связи с их набегом на Русь, где против нападавших выступили князья Ольговичи. Данная информация была почерпнута из какого-то древнерусского источника, имевшегося в распоряжении польского хрониста. Несомненно, это же событие нашло отражение в краткой записи Радзивиловской (это ее последние слова) и Троицкой летописей («Тои же зимы бишася Ольговичи с Литвою») [9, с. 162; 8, с. 286–287], датируемой зимой 1203–1204 гг. Возвращаясь же к хронике Яна Длугоша отметим, что именно в рассматриваемом фрагменте указывается на давнюю данническую зависимость литвы от Руси: «Тогда впервые услышано имя литвинов, которое до этого времени не было известно: так как находясь в подчинении у русинов, многие годы приносили дань вениками для бани и лыком» [13, s. 169].

В 10-й книге своего труда Длугош вернулся к вопросу о дани литвы (впрочем, возможно, данный фрагмент был записан на бумаге раньше, поскольку автор приступил к написанию древнейшей истории позднее) [10, с. 15]. В данном месте приведено предание о взимании русскими князьями дани с литовцев «много лет» корой дубовых ветвей, «ибо нельзя было взимать с них большего, вследствие бесплодия земли» [2, с. 14; 14, s. 446]. В данном случае важно сохранение в исторической памяти самого факта

долгой даннической зависимости литвы от Руси (согласно Длугошу, дань была наложена на литовцев, поскольку они заняли леса, состоявшие во владении русских), а не указание на содержание этой дани (польский хронист неоднократно указывает на долгий период даннической зависимости литовцев от «русинов»: «przez długie lata», «przez lat blisko tysiąc» [15, s. 446, 447]).

Датировка первых внешнеполитических актов самих литовцев у Яна Длугоша достаточно проблематична. В выдержках из источников к «Истории Польши» сохранилась информация о поражении поляков и венгров от русских и литовцев в 1209 г. Но в сам труд польского историка в статью 1209 г., пространно рассказывающую о неудачном польско-венгерском походе на Русь [10, с. 353–357], данная информация не попала. Наконец, под 1211 г. у Длугоша помещено конкретное указание на участие литовцев в польско-русских отношениях. Более того, это сообщение как будто свидетельствует о том, что литовцы еще раньше познакомились с польскими землями. Так, в «Истории Польши» читаем, что князья Руси «с помощью и по подсказке литовцев» разоряли польские земли [10, с. 358; 13, s. 182]. Следовательно, литовцы должны были быть знакомы с дорогами, ведущими в Польшу. Высказано предположение, что в более раннее время литовцы могли участвовать в набегах на Польшу с ятвягами, чьи грабительские акции упоминаются с середины XII в. [11, s. 19]. Между тем датировка «литовской помощи» 1209-м г., несомненно, неверна. Упомянутый под этим годом ответный поход сандомирского каштеляна Сулислава уже был описан самим Яном Длугошем в статье 1206 г. Другие же источники позволяют уточнить эту дату – это 1210-й г. [11, s. 20]. Для нас же важно, что в наиболее раннем датированном сообщении Длугоша о литовцах последние выступают как союзники русских князей. Наконец, под 1216 г. польский хронист приводит сразу две враждебные по отношению к русским землям акции литвы, и в целом этим событиям дается заголовок: «Война между литовцами и Русью».

С определенного времени события в Восточной Прибалтике начинают интересовать западноевропейских хронистов. Начало немецкой экспансии в Прибалтике имело своим следствием появление обстоятельных немецких латиноязычных хроник, в ряду которых для изучения заявленной проблемы первостепенное значение имеет «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского, а также Ливонская рифмованная хроника [10]. Ко времени активного немецкого «натиска» в Прибалтике относится и появление актового материала, но для историка он оказывается полезен при освещении более позднего периода русско-литовских отношений.

Таким образом, источники позволяют наметить эволюцию политических взаимоотношений Руси и литвы. Самая общая тенденция заключается в постепенном усилении Литвы и принципиальном изменении характера ее взаимоотношений с Русью: от безусловного подчинения и выплаты дани к участию в междоусобных войнах и переходу к собственным грабительским набегам, а затем и территориальным захватам. Данная трансформация взаимоотношений была обусловлена не только переменами в политической ситуации на восточнославянских землях (начало периода политической раздробленности), но и изменениями в самом литовском обществе: разложении родоплеменного строя, выделении племенной верхушки, определенном прогрессе в экономическом развитии, позволившим мобилизовать часть населения для проведения военных акций и т.д.

1. «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. (Перевод и комментарии) / под ред. В. Л. Янина; сост. Л. М. Попова, Н. И. Щавелева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 264 с.

2. Длугош, Ян. Грюнвальдская битва / Ян Длугош. – СПб. : Наука, 2007. – 211 с.

3. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – 2-е изд. – М. : Языки русской культуры, 2001. – Т. II. – 648 с.

4. Источниковедение истории южных и западных славян. Феодальный период / отв. ред. Л. П. Лаптева. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1999. – 252 с.

5. Котляр, Н. Ф. Галицко-Волынская летопись. Текст, Комментарий. Исследование / Н. Ф. Котляр. – СПб. : Алетейя, 2005. – 425 с.
6. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М. : ЯРК, 2000. – 720 с.
7. Повесть временных лет / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб. : Наука, 1996. – 668 с.
8. Приселков, М. Д. Троицкая летопись : Реконструкция текста / М. Д. Приселков. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 515 с.
9. Радзивиловская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. 38. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1989. – 177 с.
10. Щавелева, Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI): Текст, перевод, комментарий / Н. И. Щавелева. – М. : Памятники исторической мысли, 2004. – 495 с.
11. Błaszczyk, G. Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów naidawniejszych do współczesności / Grzegorz Błaszczyk. – Tom I. Trudne początki. – Poznań : Wydawnictwo naukowe UAM, 1998. – 304 s.
12. Jana Długosza Kanonika Krakowskiego Dziejów Polskich ksiąg dwanaście / Wydane staraniem A. Przezdzieckiego. – T. I. – Ks. I, II, III, IV. – Kraków : W drukarni “Czasu” W. Kircumayera, 1867. – 519 s.
13. Jana Długosza Kanonika Krakowskiego Dziejów Polskich ksiąg dwanaście / Wydane staraniem A. Przezdzieckiego. – T. II. – Ks. V, VI, VII, VIII. – Kraków : W drukarni “Czasu” W. Kircumayera, 1868. – 530 s.
14. Jana Długosza Kanonika Krakowskiego Dziejów Polskich ksiąg dwanaście / Wydane staraniem A. Przezdzieckiego. – T. III. – Ks. IX, X. – Kraków, 1868. – 480 s.
15. Monumenta Poloniae Historica. Pomniki dziejowe Polski. – T. III. – Lwów : W komisie księgarni Gubrynowicza i Schmidta, 1878. – 876 p.

Нікіфаровіч М.А.

ВІСЛАЯ ПЯЧАТКА XII ст. З ВЫЯВАЙ СВЯТОЙ АЛЕНЫ З ХОЙНІЦКАГА РАЁНА ГОМЕЛЬСКАЙ ВОБЛАСЦІ: СПРОБА АТРЫБУЦЫІ

У 2023 г. пры правядзенні сельскагаспадарчых прац на полі бліз в. Высокае (Стралічаўскі сельсавет), Хойніцкага р-на, Гомельскай вобл., прыватнай асобай была знойдзена свінцовая віслая актавая пячатка – була. Падрабязная інфармацыя аб знаходцы разам з яе фатаздымкамі былі перададзеныя аўтару артыкула для вывучэння і атрыбуцыі. Була ўяўляе несумненную цікавасць для даследчыкаў.

Сярэднявечныя актавыя пячаткі адносяцца да рэчаў, якія з’яўляюцца паказчыкам справаводства і дакументазвароту эпохі станаўлення і росквіту першых дзяржаўных утварэнняў на тэрыторыі Усходняй Еўропы. Пячаткі такогда тыпу з’яўляюцца прамым адлюстраваннем самаасэнсавання і разумення сваёй ролі ў дзяржаўным кіраванні прадстаўнікамі вышэйшай палітычнай, вайсковай і духоўнай улады, а таксама паказчыкам дыпламатычных адносін.

Сучасныя археалагічныя дадзеныя дазваляюць казаць, што на значнай частцы тэрыторыі Усходняй Еўропы ў перыяд з X па XV стст. віслыя пячаткі мелі досыць шырокае распаўсюджанне [1, с. 241; 2]. Не выключэннем з’яўлялася і тэрыторыя сучаснай Беларусі, дзе за апошнія дзесяцігоддзі было знойдзена не малая колькасць падобных артэфактаў [3, с. 14; 4; 5, с. 24–26; 6, с. 93], прыналежных як выхадццам з беларускіх земляў, так і іншаземцам.

Віслыя пячаткі прымацоўваліся – падвешваліся на дакумент, ад чаго і атрымалі сваю назву. Як правіла, яны ўяўляюць з сябе акруглы прадмет з мяккага металу (звычайна свінца), на якім з абодвух бакоў адціскаліся выявы святых і надпісы.

Віслыя пячаткі традыцыйна выконвалі некалькі асноўных функцый, сярод якіх наданне дакументу юрыдычнай моцы, падкрэсленне яго аўтэнтычнасці і ўказанне на асобу, ад якой сыходзіць дакумент. Зыходзячы з выдзеленага функцыяналу падобных пячатак зразумела, што выкарыстоўваць у часы сярэднявечча іх маглі выключна людзі з вышэйшых колаў грамадства, перадусім князі, набліжаныя да іх асобы, прадстаўнікі вышэйшага духавенства, вайсковыя кіраўнікі і інш. Адзін з традыцыйных тыпаў афармлення віслых пячатак XI–XII стст., да якога належыць і пячатка, апісаная ў артыкуле, уключаў ў сябе адцісканне на металічнай нарыхтоўцы рэльефнай выявы святога нябёснага заступніка асобы, якой належала пячатка, а таксама малельнага

надпісу. Сэнсавыя асаблівасці такога роду інфармацыі дазваляюць меркаваць аб наданні падобным булам акрамя іншага і сакральнай – абярэжнай – функцыі.

Знойдзеная на тэрыторыі Хойніцкага раёна вісlая пячатка акруглай формы з двухбаковым адціснутым адбіткам.

Памеры: дыяметр: 2,2 см, таўшчыня: 0,4 см.

Вага: 12,8 г.

Матэрыял: свінец.

Спосаб вырабу: адціскванне на літой загатоўцы.

На аверсе вырабу (Мал. 1) размяшчаецца пагруднае аблічча Святой роўнаапостальнай Алены без кароны, з крыжом (?) у левай руцэ, правая рука складзена ў дабраслаўляльным жэсце. Злева ад аблічча знаходзіцца вертыкальны надпіс «НАГІА», зправа – вертыкальны надпіс «OLENI», што ў словазлучэнні выглядае як «НАГІА OLENI» – «Святая Алена». Адбітак змешчаны ўлева і ўверх адносна цэнтра поля нарыхтоўкі і крыху выходзіць за яе край.

На рэверсе вырабу (Мал. 2) размешчаны чатырохрадковы гарызантальны тэкставы надпіс, які займае ўсё поле пячаткі: «Г҃НПОМ / OZHPABE / CBOEOЛ / ENA» – «Госпадзе, дапамажы рабе сваёй Алене». Адбітак зрушаны ўлева і ўверх адносна цэнтра поля нарыхтоўкі і крыху выходзіць за яе край. На ніжняй яе палове прысутнічае адтуліна ад шнура для падвешвання, змешчаная з тарцовай паверхні нарыхтоўкі.

Мал. 1. Аверс пячаткі

Мал. 2. Рэверс пячаткі

Прадстаўленая вісlая пячатка адносіцца да тыпу пячатак з выявай аблічча святога заступніка на аверсе і формулай “Госпадзе, дапамажы рабу(е) свайму(ёй)…” на рэверсе. З’яўленне булаў гэтага тыпу менавіта з кірылічным надпісам даследчыкі традыцыйна адносяць да пачатку XII ст. [7, с. 25–26].

Як аналагі апісанага прадмета можна прывесці пячаткі, знойдзеныя ў розныя гады на тэрыторыі Украіны [8; 9]. Зараз мы маем звесткі аб некалькіх разнатыпных булах з выявай Св. Алены [10, с. 108–118; 11, с. 488–502], але частка з іх знаходзіцца ў прыватных калекцыях.

Паспрабуем разабрацца ў прыналежнасці пячаткі. Відавочна, што выключнай дакладнасці ў гэтым пытанні быць не можа. З упэўненасцю можна казаць толькі аб тым, што була належала жанчыне з высокага саслоўя, нябёсным заступнікам якой была Св. Алена, імя якой яна хутчэй за ўсё і насіла. Гэта шляхетная жанчына магла ўдзельнічаць у дзяржаўным кіраванні, мець паўнамоцтвы на складанне дамоў, зацверджанне афіцыйных дакументаў, удзел ў дыпламатычнай працы і інш. Яе дзейнасць, адпаведна датыроўцы пячатак гэтага тыпу, прыходзілася на час не раней за XII ст. Маючы на ўвазе ўсе прыведзеныя факты, у такой асобе папярэдне можна

разглядзець жонку аднаго з сыноў Уладзіміра Усеваладавіча Манамаха – князя пераяслаўскага і вялікага князя кіеўскага Яраполка Уладзіміравіча (1082–1139 гг.).

Паводле летапісных звестак мы ведаем, што ў 1116 г., па даручэнні бацькі, Яраполк Уладзіміравіч разам са сваім стрыечным братам Усеваладам Давыдавічам здзяйсняе паход супраць полаўцаў на Северскі Данец, дзе захоплівае тры гарады. Там Яраполкам таксама была запалонена дачка яскага князя, якая ў будучым стала яго жонкай і была вядомая на Русі пад сваім хрысцільным імем Алена (Ꙗлена). Іпацьеўскі летапіс гэтыя падзеі апісвае наступным чынам: *“В лѣто 6624… в се же лѣто посла Володимеръ сн҃а своего Ѧрополка а Дв҃дъ сн҃а своего Всеволода на Донъ и взѧша три градꙑ Сугровъ Шаруканъ Балинъ. Тогда же Ѧрополкъ приведе собѣ жену красну велми”* [12, с. 197]. У Радзівілаўскім летапісе дадзеная падзея нават суправаджаецца мініяцюрай (Мал. 3), якая верагодна паказвае Яраполка Уладзіміравіча і яго жонку Алену пры двары Уладзіміра Усеваладавіча.

Мал. 3. Мініяцюра з Радзівілаўскага летапісу

Пасля заняцця Яраполкам Уладзіміравічам у 1132 г. кіеўскага стала, яго палітычнае становішча ўскладнілася. Час кіравання князя адзначаецца ўзмацненнем міжусобіц. Уплыў Кіева на падкантрольныя і прылеглыя тэрыторыі стаў слабнуць. Яраполку прыходзілася як шмат ваяваць, так і актыўна заключаць мірныя дамовы. Гэты перыяд хутчэй за ўсё і прыходзіцца на час вырабу апісанай у артыкуле пячаткі. Жонка вялікага кіеўскага князя Алена, відавочна, дапамагала мужу з разнастайнымі дзяржаўнымі справамі. Менавіта праз гэта, разам з нейкім дакументам, пячатка княжны і магла трапіць на тэрыторыю сучанага Хойніцкага раёна. У пісьмовых крыніцах гэты рэгіён узгадваецца пад 1142 г. (Іпацьеўскі летапіс), як падкантрольная Чарнігаўскаму княству тэрыторыя.

Памірае Яраполк Уладзіміравіч 18 лютага 1139 г., перадаўшы кіеўскі пасад свайму брату Вячаславу Уладзіміравічу. *“Въ лѣто 6647… того же лѣта престависѧ кн҃зь Ѧрополкъ мс҃ца февралѧ въ и҃ дн҃ь и положенъ бꙑс въ Ѧнцинѣ манастꙑри…”* [12, с. 210]. Сама ж Алена ў апошні раз летапісцам узгадваецца пад 1145 г., калі яна перапахавала парэшткі свайго мужа ў царкве Св. Андрэя. *“В лѣто 6653… В то же лѣто перенесе бл҃говѣрнаѥ кнѧгини Ꙗлена Ѧска кн҃зѧ своего Ѧрополка из гробницѣ въ цркв҃ь ст҃го Андрѣѥ и положи его оу Ѧнкъı”* [12, с. 222].

Такім чынам, як бачна з тэксту артыкула, знойдзеная бліз в. Высокае, Хойніцкага р-на, Гомельскай вобл. вісlая пячатка з выявай Св. роўнаапостальнай Алены, тэарэтычна магла належыць жонцы князя пераяслаўскага і вялікага князя кіеўскага

Яраполка Уладзіміравіча Алене. Калі прытрымлівацца гэтай версіі, то вырабніцтва булы варта датаваць часам не раней за 1116 г., але хутчэй за ўсё гэта прамежак паміж 1132 і 1139 гг. – перыяд ад пачатку княжання Яраполка ў Кіеве, да яго смерці. Сам факт таго, што пячатка належала жанчыне, з'яўляецца важным прыкладам, які дэманструе ролю жанчыны ў дзяржаўным кіраванні.

Супастаўленне прадстаўленай віслай пячаткі з іншымі буламі з выявай Св. Алены, спасылкі на якія даюцца ў артыкуле, дазваляе казаць аб іх падабенстве. Гэты факт з'яўляецца доказам прыналежнасці такіх пячатак адной і той жа асобе. На сённяшні дзень застаецца загадкай пытанне аб тым, якім чынам була магла трапіць у сельскую мясцовасць сучаснага Хойніцкага раёна. Дадзеная акалічнасць стварае верагоднасць таго, што побач з месцам знаходкі пячаткі магло размяшчацца сярэднявечнае селішча, выяўленне і вывучэнне якога можа стаць адным з перспектыўных накірункаў археалагічнай дзейнасці ў рэгіёне ў будучым.

1. Археалогія Беларусі : энцыклапедыя. У 2 т. Т. 2 / Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2011. – 464 с.

2. Янин, В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. В 2 т. Т. 1. Печати X – начала XIII в. / В. Л. Янин. – М. : Наука, 1970. – 325 с.

3. Цітоў, А. Пячаткі старажытнай Беларусі: Нарысы сфагістыкі. – Мінск : Полымя, 1993. – 293 с.

4. Харашкевіч, Г. Л. Полацкія пячаткі XV стагоддзя / Г. Л. Харашкевіч // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. –1974. – № 1. – С. 26–30.

5. Шталенков, И. Н. О находках вислых печатей в окрестностях города Орша / И. Н. Шталенков // Трэція навуковыя чытанні памяці прафесара Валянціна Навумавіча Рабцэвіча (1934–2008) : тэз. дакл., Мінск, 16–18 мая 2018 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: В. М. Сідаровіч (гал. рэд.), І. Н. Колабава, А. М. Плавінскі. – Мінск : БДУ, 2018. – С. 24–26.

6. Археологическое наследие Беларуси = Archaeological Heritage of Belarus / Нац. акад. Наук Беларуси, Ин-т истории. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Беларуская навука, 2020. – 200 с.

7. Алфьоров, О. Молівдовули київських князів другої половини XI – кінця XII століття (за матеріалами сфрагістичної колекції О. Шереметьева) / О. Алфьоров // Сфрагістичний щорічник / НАН України, Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського, Інститут спеціальних історичних дисциплін Музею Шереметьевых. – Київ, 2012. – Вип. II. – С. 5–74.

8. Туаллагов, А. А. Елена Ясыня – великая княгиня Киевской Руси / А. А. Туаллагов // Вестник Владикавказского научного центра. – 2019. – Т. 19, № 1. – С. 12–16.

9. Жуков, И. А. Вислые печати княжны Елены Ясыни, жены Киевского князя Ярополка Владимировича / И. А. Жуков // Нумізматика і Фалеристика : довіково-інформаційний журнал. – Київ, 2012. – № 2(62). – С. 5–6.

10. Эйдель, Е. М. К вопросу о датировке женских древнерусских печатей на примере контрмаркирования буллы Ефросинии Полоцкой из коллекции Алексея Шереметьева / Е. М. Эйдель // Сфрагістичний щорічник / НАН України, Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського, Інститут спеціальних історичних дисциплін Музею Шереметьевых. – Київ, 2013. – Вип. IV. – С. 108–118.

11. Алфьоров, О. Жиночі пячаткі Київської Русі / О. Алфьоров // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики : збірник наукових праць. Київ : НАН України, Інститут історії України, 2013. – Число 22–23. – С. 488–502.

12. ПСРЛ. Ипатьевская Лѣтопись. – Т. 2. – 2-е изд. – СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1908. – 638 с.

Дворниченко А.Ю.

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ И СТАРИНЫ (БЫЛИНЫ). К ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАКТОВКЕ ФОЛЬКЛОРА

Ключевые слова: былины, старины, Великое Княжество Литовское, фольклор, контаминация.

Ста̀рины, известные в научном мире под названием «былины» – удивительный памятник русского фольклора, который давно уже вызывает большой интерес у специалистов и не только у них. Интерес, в свою очередь, провоцирует горячие споры. Не вступая в них, сформулируем проблему так: былины в ВКЛ и ВКЛ в былинах. Эта «двусторонняя» проблема весьма интересна, поскольку позволяет в очередной раз вернуться к теме именно *исторической* трактовки фольклора на фоне увлечения сейчас

археологическими. этнографическими, фольклорными же, мистическими и прочими объяснениями славных эпических песен. Историческая составляющая в былинах константна, а, между тем, о ней стали забывать …

Былины были известны на территории ВКЛ. Трудно согласиться с утверждением о том, что они имели широкое хождение [6, с. 127], поскольку как раз широкого распространения здесь они не получили. Но ведь и на территории России они бытовали далеко не везде. Ареал их распространения включает в себя земли Русского Севера, Сибирь и Южную Россию с её казацкими областями. Если появление их в Сибири можно объяснить тем, что колонизация шла, в основном, с территории европейского севера России, то с казацкими областями сложнее. Тут на передний план выдвигается историческое объяснение, которое обычно звучит так: былины сохранились и воспроизводились там, где не было «крепости», т.е. отсутствовало крепостничество, которое можно назвать помещичьим или частным, в противовес господствующему в «былинных» регионах государственному закрепощению. Имеется в виду, что демократический дух былин не выдерживал встречи с автократизмом. Тогда возникает своего рода парадокс. Демократия была присуща ВКЛ, во всяком случае его восточнославянским землям [1], а былины широкого распространения не получили. Почему?

И.Я. Фроянов и Ю.И. Юдин убедительно доказали, что былины – порождение начального периода нашей истории, нашей Античности, которую мы условно называем Киевской Русью [14, с. 5–16]. Схема их такова: былины расцветают в IX–XII вв., а в XIV–XV вв., происходит «свёртывание» эпической традиции. При этом былины имеют языческую основу, а христианизированные мотивы появляются в былинах сравнительно поздно, ведь в Киевской Руси народные массы были едва затронуты влиянием новой религии [13, с. 129, 530, 542]. Полагаю, что период «после Киевской Руси» имеет особое значение. Былины тогда не «свернулись» – иначе они не дошли бы до нашего времени – а, наоборот, пережили период оформления, насыщения христианскими мотивами, чтобы предстать перед нами ярким памятником христианско-языческого симбиоза. Ведь трудно себе представить, чтобы в последующие века крещёный исполнитель былин распевал чисто языческие произведения! Вот здесь-то население ВКЛ оказалось в проигрыше, поскольку религиозная ситуация в условиях наступления католицизма и унии была сложной. Да и на демократические традиции уже во второй половине XV в. началось наступление. Сама организация общества, драматическая повседневность препятствовали становлению к XVII столетию былин, как важнейшего компонента фольклора.

Что касается отражения истории ВКЛ в былинах, то необходим именно исторический метод объяснения фольклора. Ясно видны хронологические пласты восприятия ВКЛ в былинном творчестве. Древний пласт – это, конечно же, былины, где героем-богàтырем является Илья Муромец. Ему противостоит не только Соловей-Разбойник, но и «поганая литва»: «А начал он тут бить литву поганую …» [9, № 62, с. 350][1]. Не будем разбираться сейчас с тем, кто такой Соловей-Разбойник, хотя его прозвища (Рахматов, Рахметьевич) ведут куда-то в степные просторы к противостоящим русам тюркским племенам. Ясно, что это противники руси и так они и запечатлелись в народной памяти. Впрочем, это уже тот период, когда литва нападает на древнерусские земли.

В ещё более древние времена уводит другая былина, из которой узнаём, что Илья «жил в хороброй Литвы … / Выхаживал дани-выходы от князя Владимира» [7, с. 23–32]. Значит, собирал дань – архаическую плату за мир. Исход былины: Илья убивает (да

[1] Определение «поганая» не обязательно должно иметь отрицательную коннотацию: речь может идти о языческих верованиях «литвы».

и сама эта казнь) свою дочь-поляницу, которая родилась как раз во время его пребывания в Литве, может свидетельствовать о глубине конфликта в этой ещё, по сути, межплеменной борьбе[1]. По-своему замечательно, что в этих былинах нет пока такого понятия, как «земля Литовская». Но вот она появляется: «Жил я во земле во Литовськия, / Жил у Семёна Леховитовича» [9, № 124, с. 554.]. Можно предположить, что такое понятие отражает появление устойчивой территориальной структуры.

Впрочем, к былинным сюжетам и терминологии надо относиться крайне осторожно. Дунай, приехавший сватать дочь Семёна за князя Владимира, подвергает «короля» «лютой казни» [9, № 125, с. 556]. Интересно, что казнь эта не вызывает ярко выраженного протеста со стороны его дочерей, которые вполне мирно отправляются под венец. В былине могли отразиться очень древние традиции: в архаическом обществе физическое подчинение /уничтожение соперника даёт право не только на его собственность, но и на его семью – жён и детей [12][2]. В последующих подобных былинах смерти отец-король уже не придаётся. Может быть уничтожена стража: Дунай уезжает, «убив тот татар до одного, не оставив тот татар на семена» [3, № 30 с. 179, 181]. Тут, кстати, бросается в глаза интереснейший процесс контаминации татар и литвы, Орды и ВКЛ. Процесс этот сложный и требует отдельного изучения – пока стоит отметить, что литва/Литва поселяется в былинах гораздо раньше татар, что и понятно – ведь с литовскими племенами установились те или иные отношения уже во времена Владимира Красное Солнышко.

И всё-таки такое смешение происходит, в частности, на основе понятия «орда», фигурирующем не только в понятии географическом [8, с. 31], но и «государственном» – для обозначения некоего «политического» образования: «проходил молодец из Орды в Орду, зашёл молодец к королю в Литву» [7, № 33, с. 223.]. Тем не менее, и былины с такой контаминацией могут содержать весьма архаические черты. В качестве примера приведём былину «Потап Артамонович» [10, № 235, с. 194–201]. Здесь полный набор архаических черт по определению И.Я. Фроянова и Ю.И. Юдина «дотатарских», древних [13, с. 131–141]. Герой выезжает из Киева, набирается сил посредством неординарного питания, питья и сна внутри языческого ещё по сути жилища – шатра, потом надевает латы, причём, среди его амуниции и мистический «колпак земли Греческой», в добром коне его явно видны какие-то древние змеиные черты. А кто же противник? «… Собака зла де Скурла-царь» – вроде бы, татарин, но громит богатырь «прокляту Литву». Это, судя по всему, не только сила, но и некая территория, поскольку вокруг неё возведены укрепления – три «перекопа», через которые приходится перебираться доброму коню.

И всё-таки былина эта не самая древняя. Она знаменует переход к тому периоду, когда возникает-таки уже архаическая государственность, и это отражается в былинах: «Да вы короли по своим Литвам» [5, с. 159]. Теперь сватовство может быть и вполне мирным, как у Соловья Будимировича, который едет в землю Литовскую, к королю Литовскому, свататься к Яннушке Путятишне [10, № 165, с. 8–10][3]. Теперь отца невесты не казнят – это может быть и любимый тесть русского правителя, «грозный король Этмануил Этмануилович» [3, с. 196].

Положение исследователя осложняется тем, что в устах сказителей Литва начинает сливаться не только с татарами, но и с ляхами, появляется уже король не литовский, а ляховитский. При этом топоним «Ляховинское» (Ляхов город, Ляхово) получает даже большее распространение, чем «Литва» [4, с. 45]. Тем не менее,

[1] См. исторический фон: [2, с. 126–157].

[2] Не может не привлечь внимания фраза былины: «Две свадьбы, две сестры под один венец». Не свидетельство ли это, многожёнства русского правителя «Владимира», которое хорошо известно по другим источникам?

[3] Не будем сейчас погружаться в проблему идентификации этого былинного героя.

реальные исторические процессы продолжают отражаться в былинах. Как, например, дани-выходы за двенадцать лет, которые князь хочет везти «в Большу-де Землю … во прокляту Литву» «ко Батею сыну, ко Батеевичу». И, действительно, Литва замещается в дальнейшем татарами и, разгромив их воинство богатыри, посланные киевским князем, уже с Батея берут дани-выходы [11, № 22, с. 174–180]. Что тут отразилось: вековечная мечта сбросить иноземное иго для пущей достижимости перенесённая на отношения с ВКЛ или какие-то моменты отношений с самим ВКЛ, надо думать.

Как бы то ни было, ясно, что былины (пусть и на свой манер) отражают практически все этапы отношений Руси и ВКЛ, а, значит, и вехи формирования того феномена, который мы знаем, как «Великое Княжество Литовское, Жомойтское и Руськое» …

1. Дворниченко, А. Ю. Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI–XV вв. / А. Ю. Дворниченко. – Москва : Весь Мир, 2013. – 232 с.

2. Дворниченко, А. Ю. Кукенойс, Герцике и границы древнерусской ойкумены / А. Ю. Дворниченко // Новое прошлое / The New Past. – 2023. – № 4. – С. 126–157.

3. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым – М. ; Л. : Изд. АН СССР, 1958. – 665 с.

4. Иванова, Т. Г. Поздние топонимы в эпическом пространстве былин северо-востока Русского Севера / Т. Г. Иванова // Русский фольклор. Материалы и исследования – Т. 35. – СПб. : Наука, 2016. – С. 42–85.

5. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. – Архангельск: Сев.-зап. кн. из-во, 1983. – 337 с.

6. Пашуто, В. Т. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства / В. Т. Пашуто, Б. Н. Флоря, А. Л. Хорошкевич. – М. : Наука, 1982. – 263 с.

7. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: в 3 т. Т. 1. – 2-е изд. / под ред. А. Е. Грузинского – М. : Сотрудник школ, 1909. – 512 с.

8. Пыжиков, А. В. Кореннная Россия. Былины. Заговоры. Обряды / А. В. Пыжиков. – М. : Концептуал, 2023. – 376 с.

9. Свод русского фольклора. Былины в 25 томах. – Т. 1. Былины Печоры. Север Европейской России. – СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. – 776 с.

10. Свод русского фольклора. Былины в 25 томах. – Т. 2. Былины Печоры. Север Европейской России. – СПб. : Наука ; М. : Классика, 2001. – 784 с.

11. Свод русского фольклора. Былины в 25 томах. – Т. 3. Былины Мезени. Север Европейской России. – СПб. : Наука ; М. : Классика, 2003. – 535 с.

12. Фрэзер, Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Дж. Фрэзер. – М. : Политиздат, 1980. – 831 с.

13. Фроянов, И. Я. Былинная история (Работы разных лет) / И. Я. Фроянов, Ю. И. Юдин. – СПб. : Изд-во С.-Петербургского университета, 1997. – 591 с.

14. Dvornichenko, A. Yu. The place of the Kievan Rus in history / A. Yu. Dvornichenko // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. – 2016. – Вып. 4. – С. 5–16.

Клейменов В.И.

ПОХОДЫ ПСКОВИЧЕЙ НА ПОЛОЦК В 1357/58 гг. И 1406 г. ПО ДАННЫМ ПСКОВСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

Ключевые слова: Псков, псковские летописи, Полоцкое княжество, Великое Княжество Литовское, Андрей Ольгердович, Витовт.

История Пскова неразрывно связана с Великим Княжеством Литовским, южным соседом Псковской земли. Начиная с Довмонта (Тимофея) и заканчивая Александром Васильевичем Чарторыйским, литовские князья оказывались на княжении в Пскове. В 1340-х гг. псковским князем был Андрей Ольгердович – именно с ним связан первый поход псковичей на Полоцк, о котором сообщают псковские летописи.

В 1349 г. псковичи отказались признавать Андрея Ольгердовича своим князем, сославшись на то, что он не бывает в Пскове и правит городом через наместников [8, с. 20; 9, с. 26, 99] (его прошлый наместник князь Юрий Витовтович был убит 15 апреля 1349 г. под стенами Изборска в стычке с немецким отрядом – подробнее об этом см.: [5, с. 312–321]). В ответ на это в Полоцке и в Литве были задержаны и ограблены псковские купцы, а в следующем году Андрей Ольгердович с полочанами разорил

несколько пограничных сел в Вороначской волости [9, с. 26–27]. Псковичи восприняли эти действия как объявление войны («се первое начя воиноу»), однако дальнейшему ходу боевых действий помешала Черная смерть, которая добралась до Пскова в 1352 г. [8, с. 21–22; 9, с. 27, 99–102].

Ответный поход на Полоцк, «вотчину» Андрея Ольгердовича, псковичи совершили лишь спустя несколько лет. В Псковской первой летописи (далее – П1Л) известия об этом походе дублируются в статьях под 6860 (1351/52) г. и 6865 (1356/57) г. [8, с. 22], а в Псковской третьей летописи (далее – П3Л) – под 6862 (1353/54) г. и 6863 (1354/55) г. [9, с. 102]. Псковская вторая летопись (далее – П2Л) сообщает о нем только под 6866 (1357/58) г. [9, с. 27]. На дублировку известий в П1Л и П3Л обратил внимание А.В. Валеров и, указав на их текстуальное сходство, посчитал вариант П2Л предпочтительным [1, с. 274–275]. Сопоставление данных известий действительно показывает их близость друг другу – очевидно, что в этом случае мы имеем дело с вариантами одного и того же известия. Более тщательный текстологический анализ позволит нам понять, как такая дублировка могла возникнуть (см. таблицу).

П1Л	**П2Л**	**П3Л**
В лѣто 6860-го. Церковь святыя София поставиша коупци древяноую новоую. В лѣто 6860-го. *Поѣхаша псковичи около князя Еоустафья к Полотску.*		В лѣто 6862. Церковь святыа Софья и чад еа святых мученицъ поставиша коупци, деревяну, новоую. ***По том же*** *псковичи поехаше, Остафеи князь, к Полотскоу воевать и воеваше волость их.*
		В лѣто 6863. *Поехаше псковичи около князя Остафьа к Полотску и повоеваше волость их.*
В лѣто 6865. Приихаша князь Василеи Боудиволна на княжение во Псковъ. Тогда и дроугыи зборъ во Псковѣ оучинше и совръшати въ славу богоу и въ честь святыни божиа, въ долготоу днии и вѣкы. ***По томъ же*** *плесковичи поѣхаша о князи Еоустафии к Полотску городоу и повоеваша волость их.*	В лѣто 6865. Купци псковскии поставиша церковъ древяную въ имя святыя Софья, и вторыи съборъ священьники оучинивше, начаша держати вседенную слоужбоу.	В лѣто 6865. Приехавше князь Василеи Боудиволна на княженье во Псковъ. Тогда и другии сборъ оучиниша во Псковѣ къ святѣи Софьи: вседеньнноую слоужбоу держати и свершати въ славу богоу и въ честь святыни божии, в долготоу днии в вѣки.
	В лѣто 6866. *Псковичи съ княземь Остафьемъ ходиша к городу Полотьску и повоеваша волости ихъ.*	

В П1Л «первый» поход Евстафия на Полоцк датирован одним годом (6860 г.) с постройкой деревянной церкви св. Софии, которая была возведена на средства псковских купцов. О «втором» походе сказано, что он произошел после («по том же») приезда в Псков князя Василия Будиволны и строительства второго собора в честь св. Софии (6865 г.). В П2Л под тем же годом сообщается о возведении сразу двух храмов, но не упоминается о приезде Василия Будиволны, а поход на Полоцк отнесен к

следующему, 6866 г. В П3Л «первый» поход Евстафия, как и в П1Л, привязан (тоже при помощи «по том же») к возведению деревянной церкви св. Софии, построенной купцами, однако ее строительство датировано не 6860 г., а 6862 г. «Второй» поход на Полоцк в П3Л датирован следующим, 6863 г., тогда как ни о каких боевых действиях после приезда Василия Будиволны и строительства второго храма св. Софии не сообщается. Представляется, что дублировка известий о походе на Полоцк произошла в результате сведения двух источников, в каждом из которых сообщалось о нем. Путаница могла возникнуть из-за упоминания двух храмов св. Софии, после постройки которых состоялся поход, в результате чего составитель П1Л отнес «первый» поход к году строительства одного храма, а «второй» – к тому же году, когда был возведен второй. В П3Л «первый» поход также был ошибочно отнесен к году постройки деревянной церкви св. Софии, а известие о «втором» походе, практически идентичное, оказалось помещено под следующим годом. Таким образом, следует согласиться с А.В. Валеровым, что дата, которую предлагает П2Л, заслуживает доверия. Поход на Полоцк был всего один, и он состоялся в 1357/58 г., на следующий год после возведения второго храма св. Софии. Псковичей возглавлял князь Евстафий, а не приехавший на княжение в Псков незадолго до этого Василий Будиволна – к тому моменту он, вероятно, уже покинул город. Псковское войско, по всей видимости, не предпринимало попыток штурмовать Полоцк, ограничившись лишь разорением его окрестностей («повоеваша волости ихъ»). Тем самым псковичи отомстили за нападение Андрея Ольгердовича и полочан на Вороначскую волость в 1350 г. Настолько долгий перерыв трудно объяснить иначе, кроме как последствиями Черной смерти 1352 г., значительно подорвавшей военные возможности Пскова.

Следующий поход псковичей на Полоцк состоялся спустя почти 50 лет, в июне 1406 г., и был связан с начавшимся в феврале того же года конфликтом между великим князем литовским Витовтом и Псковом (подробнее о причинах и ходе данного конфликта см.: [7; 10, с. 160–169]). 5 февраля 1406 г. литовское войско без объявления войны – «а миру не отказавъ, ни крестнова целования не отславъ, ни мирных грамот» – вторглось в Псковскую землю с юга, взяло пригород Коложе (а также, вероятно, крепость Черницу, которая находилась в 16 км к юго-западу – еще ближе к границе с ВКЛ [2]), затем блокировало Воронач и разорило его округу, после чего повернуло назад и стало отступать через Ржеву Пустую и Великие Луки [8, с. 28; 9, с. 31–32, 111–112], двигаясь по направлению на Усвят, в сторону Полоцка. Псковские летописи сообщают, что под Вороначем литовцы совершили массовое убийство детей и демонстративно собрали их тела в две ладьи: «…а под городомъ Вороначем наметаша ратницы мертвых дѣтеи двѣ лодии; не бывала такова пакость яко же и Пъсковъ сталъ, а вся си быша за умножение грѣхъ наших» [8, с. 28]. Это произвело неизгладимое впечатление на псковичей – их реакция не заставила себя долго ждать. 28 февраля отряд добровольцев («охочих людей») из Пскова и пригородов во главе с псковским посадником Юрием Филипповичем Козачковичем, отправившийся в погоню за литовским войском, разорил Ржеву Пустую, а на Великих Луках даже смог отбить «стяг коложский» [8, с. 28; 9, с. 32, 112]. Не сумев получить поддержку от Новгорода, псковичи продолжили вести войну самостоятельно – целью был выбран Полоцк, куда отступали силы Витовта. 30 июня псковское войско, возглавляемое московским наместником Данилой Александровичем и посадником Ларионом Дойниковичем, подошло к Полоцку [8, с. 28–29; 9, с. 32, 112]. При подготовке к походу была проведена не только мобилизация городового полка Пскова, но и сил волости («подъемше свою область всю»). Кроме того, в летописных известиях указана продолжительность «стояния» под Полоцком – «3 дня и 3 нощи», причем с уточнением до дней недели («приидоша

к Полотьску в пятокъ, и поидоша прочь в понедельник»). О.В. Комаровым было отмечено, что подобные непродолжительные осады были нормальной практикой для псковского войска: крепости либо брали «изгоном», либо блокировали и обстреливали в течение 3–4 дней [4, с. 114–116, 125–126]. Однако в данном случае ни в одном источнике не упоминается о том, что у псковичей была какая-либо осадная артиллерия. Для того чтобы взять приступом такой крупный и хорошо укрепленный город, как Полоцк, имевшихся у псковичей сил также было явно недостаточно: из псковского летописания известно, что Псков вместе с волостью мог выставить войско численностью около 700 человек [3, с. 276–277], к которым следует прибавить еще некоторое количество людей из двора князя Данилы Александровича. Вместе с тем, летописные сообщения указывают на то, что псковичи пытались подойти вплотную к городским стенам. Об этом свидетельствует упоминание двух убитых, застреленных защитниками: «…тогда застрелиша Нестера Скелкановича и иного псковитина до смерти, а инѣх всѣх Бог оублюде святая Троица» [8, с. 29]. В Новгородской первой летописи младшего извода даже утверждается, что псковской рати практически удалось взять Полоцк («мало не взяше города») [6, с. 399]. Такое преувеличение могло возникнуть в результате того, что новгородские летописцы воспроизводили сведения о походе, которые были получены ими от самих псковичей – их реальные возможности позволяли лишь осуществить блокаду города. Блокировав Полоцк, псковское войско, как и в 1357/58 г., принялось разорять его округу («а волости полочкыи повоеваше») [6, с. 399]. В течение трех суток окрестности Полоцка были опустошены, после чего псковичи, отомстив за февральское нападение на Псковскую землю, вернулись восвояси.

Таким образом, известия псковских летописей о походах псковичей на Полоцк в 1357/58 г. и 1406 г. позволяют выделить ряд общих черт. Оба похода были связаны с конфликтами между Псковом и ВКЛ: в 1357/58 г. – с Андреем Ольгердовичем, который до этого был псковским князем; в 1406 г. – с Витовтом. Полоцкое княжество, граничившее с Псковской землей, было удобным плацдармом для нападения на южные пригороды Пскова, такие как Воронач и Коложе. Псковичи совершали ответные походы на Полоцк, однако взять настолько укрепленный город псковское войско не могло, а потому ограничивалось его блокадой и разорением окрестностей.

1. Валеров, А. В. Новгород и Псков: очерки политической истории Северо-Западной Руси XI–XIV веков / А. В. Валеров. – СПб. : Алетейя, 2017. – 316 с.

2. Клейменов, В. И. Новый ганзейский источник о походе Витовта на Псковскую землю в феврале 1406 г.: попытка интерпретации / В. И. Клейменов // Parabellum novum : Военно-исторический журнал. – 2023. – № 19(52). – С. 39–49.

3. Клейменов, В. И. «Сие бысть побоище силно, якоже бысть Ледовое побоище, оу Раковора»: забытая страница военной истории Северо-Запада Руси (Каменское побоище 21 августа 1407 г.) / В. И. Клейменов // Археология и история Пскова и Псковской земли: Ежегодник Семинара имени академика В.В. Седова. – Вып. 37. Материалы 67-го заседания (2022 г.). – М. ; Псков : ИА РАН, 2022. – С. 272–282.

4. Комаров, О. В. Устройство псковского войска XIV – начала XVI вв. по летописным данным / О. В. Комаров // Novogardia. – 2019. – № 2. – С. 106–130.

5. Мартынюк, А. В. До Герберштейна: Австрия и Восточная Европа в системе персональных связей и культурных контактов (XIII – начало XVI века / А. В. Мартынюк. – М. : Квадрига, 2019. – 576 с.

6. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – 561 с.

7. Полехов, С. В. Псков во внешней политике великого князя литовского Витовта в первом десятилетии XV в. / С. В. Полехов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2022. – № 4 (90). – С. 39–60.

8. Псковские летописи. – Вып. I. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. – 208 с.

9. Псковские летописи. – Вып. II. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – 363 с.

10. Салмин, С. А. Межгосударственные конфликты с участием Господина Пскова в начальный период контактов с Ганзой (кон. XIV – нач. XV в.): причины, ход, особенности / С. А. Салмин // Древности Пскова. Археология, история. – Вып. 3. – Псков : ГБУК ПО «Археологический центр Псковской области», 2019. – С. 149–178.

Лицкевич О.В.

ВЕНОВНАЯ ЗАПИСЬ ВИТОВТА ДЛЯ КНЯГИНИ АННЫ НА ЗЕМЛИ ВОЛЫНИ И ПОДЛЯШЬЯ (1395 г.)

Ключевые слова: Витовт, Волынь, Подляшье, Русь, вено, Великое Княжество Литовское.

В одном из инвентарей архива Радзивиллов, который хранится в Archiwum Głownym Akt Dawnych (AGAD) в Варшаве, имеются краткие сведения о неизвестной грамоте великого князя литовского Витовта, датированной 1395 г. [1, s. 162].

Сам этот инвентарь состоит из трех частей [подробнее о его составе и датировке см.: 2, s. 221–227]. Первая часть, на страницах 3–148, представляет собой реестр документов на имения польного гетмана ВКЛ Криштофа Радзивилла (1585–1640). Этот реестр был составлен в 1616 г. и имеет заголовок “Rejestr spraw prawnych na wszytkie imiona xiążęcia je^{go} młści pana Krzysztofa Radziwiłła, hetmana polnego W^{o} X^{a} L^{o}, tudziesz y inszych niektorych spraw, spisany w roku 1616”.

Вторая часть, на страницах 149–167, содержит реестр документов, которые принадлежали совместно Криштофу Радзивиллу и его брату подчашему ВКЛ Янушу Радзивиллу (1579–1620) и хранились в Вильно. Эта часть имеет заголовок: “Regestr spraw, ktore spolnie należą xiążętom ich mm. pp. Radziwiłom, je^{go} xżciey m. Panu podczaszemu y xżciu je^{go} m. Chrzysztophowi, ktore wszytkie zostały w sklepie y schowaniu xżcia je^{go} m. pana podczasze^{go} w Wilnie, spisane w roku 1604”.

Третья часть рукописи, на страницах 168–180, – это реестр имущественных документов, которые остались после смерти трокского каштеляна Юрия Радзивилла (1578–1613) и хранились в имении Докудово Лидского повета. Заголовок этой части: “Regestr spisania spraw z sklepu Dokudowskie^{go} przez p. Tomasza Kumielewicza Żyszkę w roku 1619 dnia 19 maia przywiezionych na imiona po xżciu panu Trockim zostałe”.

Подлинник грамоты Витовта был учтен во второй части инвентаря, то есть в реестре 1604 г., а значит, на тот момент хранился в «склепе» в Вильно, принадлежавшем подчашему ВКЛ Янушу Радзивиллу. В реестре 1604 г. эта грамота имеет порядковый номер 165. Сейчас местонахождение подлинника неизвестно.

Регест грамоты в реестре 1604 г. звучит следующим образом: “1395. List Witołta Xżcia Litt. przed Krolem Jagiełem przyznany że X. Annie Conteraluano, małżonce swey 40000 kop Pol. na Łucku, Włodzimierzu y na inszych imionach Podlaskich Ruskich, ktory zasie przypaść miały na krewne Witołdowe za oddaniem sumy”.

Слова “Conteraluano”, без сомнения, следует воспринимать как описку и читать как “Contorali suo” (в переводе с латыни: «своей супруге»). Из этой детали можно заключить, что подлинник грамоты был написан на латыни.

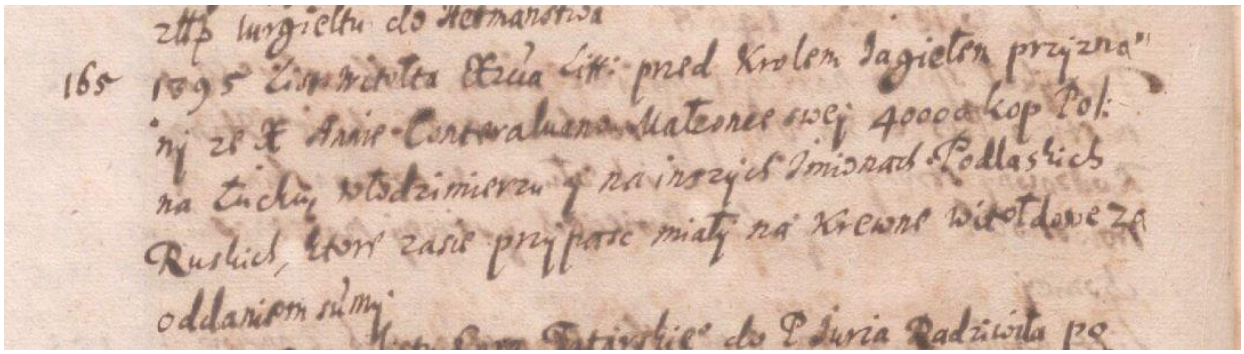


Рис. 1. Регест грамоты Витовта

В историографии этот регест и вообще сама по себе эта грамота остаются практически неизвестными. Упоминаний о них нет ни в двух крупнейших изданиях актовых материалов Витовта – “Codex epistolaris Vitoldi” А. Прохаски (1882) [3] и “Vitoldiana” Е. Охманьского (1986) [4], ни в новейшей политической биографии Витовта, написанной Я. Никодемом [5].

В 2018 г. текст регеста был опубликован польским архивистом Я. Завадским [2, s. 224, 242]. Однако публикацию нельзя признать полноценной, так как в нее закралась неточность: вместо суммы 40000 коп указана сумма 4000 коп.

По регесту из реестра 1604 г. содержание исходной грамоты я реконструирую следующим образом. В 1395 г. в присутствии польского короля Владислава (Ягайла) великий князь литовский Витовт признал, что передал в пожизненное владение своей супруге княгине Анне Луцк и Владимир-Волынский и некоторые другие земли на Подляшье и на Руси. Указанные имения, согласно грамоте, оценивались в общую сумму 40 тыс. коп монеты, которая в регесте обозначена сокращением “Pol.”. Если бы Витовт (а возможно, не только Витовт, но и кто-то другой) решил при жизни княгини Анны забрать у нее эти имения, он обязывался взамен выплатить ей 40 тыс. коп этой монеты. Но и в этом случае “za oddaniem sumy” право владения имениями должно было перейти к кому-то из ближайших родственников Витовта (“na krewne Witołdowe”).

Какая монета могла скрываться под обозначением “Pol.”? Здесь возможны две версии. Речь может идти о польских, то есть о краковских, грошах, которые ввел в денежный оборот польский король Казимир Великий (1310–1370). В этом случае сумма равнялась бы 40000 х 60 = 2400000 краковских грошей. Однако в равной мере сокращение “Pol.” могло относиться к полугрошам – польским или подольским серебряным монетам последней четверти XIV в. [см.: 7]. В этом случае сумма составляла бы 2400000 полугрошей.

Польские историки М. Косман и Е. Охманьский допускали, что между 5 августа 1392 г. и 18 января 1401 г. великий князь литовский Витовт записал своей супруге княгине Анне какие-то имения и земли в качестве вена (вено – в данном случае это имущество, которое муж давал жене для обеспечения ее интересов на случай вдовства) [8, s. 149; 4, s. 11]. Об этом вене Витовт прямо заявлял в своей присяжной грамоте 1401 г.: “Eo etiam adiecto, quod post vitae nostrae decursum consors nostra carissima, domina Anna, in bonis et terris, quae sibi ratione dotalicii ad vitae suae terminum assignavimus, per ipsum dominum regem et successores eius ac regnicolas regni Poloniae moveri non debet, sed in eis per ipsos conservari et ab iniuriis omnimode defensari; quae etiam bona post mortem eiusdem nostrae consortis ad ipsum dominum Wladislaum regem et ad eius successores ac ad coronam regni Poloniae sine diminutione integraliter devolverentur” [9, s. 36]. В переводе это означает: «К этому также добавлено, что по окончании нашей жизни наша дражайшая супруга, госпожа Анна, должна владеть имуществом и землями, которые мы выделили ей в качестве вдовьего обеспечения до конца ее жизни, и ни сам господин король, ни его преемники, ни жители Польского королевства не должны тревожить ее в этих владениях, но обязаны сохранять их за ней и защищать от любых посягательств. После же смерти нашей супруги указанные владения должны полностью и без уменьшения перейти к господину королю Владиславу, его преемникам и Короне Польского королевства». Можно согласиться с тем, что грамота Витовта, сведения о которой содержатся в радзивилловском реестре 1604 г., как раз и представляла собой запись об этом вене [2, s. 224] или часть такой записи.

Теперь, когда мы знаем, что княгиня Анна с 1395 г. владела Луцком и Владимиром, становится понятным ее участие в некоторых политических событиях того времени на Волыни. Так, 3 июля 1396 г. Витовт подтвердил острожскому князю Федору Даниловичу право владения Острогом и пожаловал ему несколько других

имений. На этой грамоте значилась помета: «Княгини великая правила» [4, s. 61; 6, s. 20], то есть пожалование было согласовано с княгиней Анной или осуществлено по ее инициативе.

Чтобы лучше понять обстоятельства выдачи интересующей нас грамоты Витовта, необходимо вкратце рассмотреть события 1392–1395 гг., происходившие на южных окраинах ВКЛ – в Волынской, Киевской и Подольской землях.

Вопрос о ликвидации старых удельных княжеств в этих областях стал обсуждаться сразу после того, как Витовт вернулся из Пруссии в Вильно в августе 1392 г. Первоначально он делил власть в ВКЛ с великим князем Скиргайлом Ольгердовичем – одним из братьев польского короля Владислава (Ягайла). В декабре 1392 г. Витовт в обмен на Трокское княжество обязался передать князю Скиргайлу Киев, а также волынские замки Кременец и Стожек [10, с. 763–764]. Это означало, что Киевскую землю необходимо было отобрать у князя Владимира Ольгердовича.

Что же касается Волынской земли, то она на тот момент была разделена на две части – Луцком владел сам Витовт, а Владимиром-Волынским – князь Федор Любартович. После подавления мятежа князя Дмитрия Корибута в начале 1393 г. Витовт отобрал у него Новогородок и Новгород-Северский. В мае того же года князь Федор Любартович по распоряжению короля Владислава (Ягайла) был переведен из Владимира-Волынского в Новгород-Северский [9, s. 30–31].

Весной 1394 г. Витовт сумел захватить два западных волостных центра Киевской земли – Житомир и Овруч. Князь Владимир Ольгердович вынужден был подчиниться и принять вассальную присягу Витовту, а в августе – сентябре 1394 г. ему вместо Киевской земли было передано небольшое Копыльское княжество. В Киеве же князем стал Скиргайло.

Во второй половине октября – ноябре 1394 г. войска Витовта заняли западную часть Подольской земли, изгнав оттуда князя Федора Кориатовича, который нашел убежище в Венгрии. В рамках этой военной кампании киевский князь Скиргайло, в свою очередь, занял восточные замки Подольской земли – Звенигород и Черкассы. При этом польский король Владислав (Ягайло) рассматривал всю Подольскую землю как свое владение, в котором Витовт де-юре получал только замок Каменец [10, с. 689].

Однако в январе 1395 г. князь Скиргайло был отравлен на охоте недалеко от Киева и скоропостижно скончался [10, с. 562–580]. Киевской землей фактически стал управлять назначаемый Витовтом наместник [10, с. 581]. В связи с таким резким изменением ситуации в Южной Руси король Владислав (Ягайло) потребовал у Витовта отдать Каменец за денежную компенсацию.

В итоге Польское королевство завладело большей частью Подольской земли. В июне 1395 г. король Владислав (Ягайло) передал подольские замки Каменец, Бакоту, Скалу, Смотрич и Червоногород в наследственное ленное владение воеводе и старосте краковскому Спытку из Мельштына. Ряд других подольских волостей, в том числе Теребовля, Стенка, Межибожье, Божск и Винница, а также Звенигород и Черкассы, остались в распоряжении короля Владислава (Ягайла), его супруги королевы Ядвиги и Короны Польской. Принадлежность таких подольских замков, как Брацлав и Соколец, остается на тот момент неясной. Возможно, ими управляли наместники Витовта [10, с. 695].

К этому стоит добавить, что в Волынской земле позиции Витовта тоже оставались шаткими. Хотя он и титуловался луцким князем, но верховными сюзеренами Владимирского и Луцкого княжеств в 1386–1393 гг. были польский король Владислав (Ягайло) и королева Ядвига [6, s. 5–15]. При этом Витовт так и не получил никакого юридического документа на владение Луцком и держал его «до воли» польского короля [10, с. 465–467].

Не менее запутанная ситуация сложилась на Подляшье. Исторически эта земля с замками Дорогичин, Бельск, Мельник и Сураж входила в домен князя Кейстута Гедиминовича, а затем и Витовта. Когда Витовт второй раз бежал в Пруссию, король Владислав (Ягайло) в 1391 г. пожаловал Подляшье в пожизненное владение мазовецкому князю Янушу I (1347/1352–1429) [11, s. 112]. Однако, вернувшись в ВКЛ, Витовт к 1394 г. вновь овладел Подляшьем, или по крайней мере его частью с замком Дорогичиным; об этом свидетельствует набег крестоносцев на Дорогичин в январе 1394 г. [12, s. 191].

С учетом политической ситуации 1392–1395 гг. передача Луцка, Владимира-Волынского и земель на Подляшье княгине Анне в качестве вена была серьезным дипломатическим успехом Витовта. Не исключено, что в числе владений, которые передавались княгине Анне, были и некоторые другие русские местности, находившиеся под контролем Витовта, – в Подольской и Киевской землях. Хотя в тексте регеста нет запятой между словами “Podlaskich” и “Ruskich”, но соответствующую фразу можно прочитать и так: “y na inszych imionach Podlaskich [,] Ruskich”. Включение всех этих земель, прежде всего волынских и подляшских, в веновную запись под залог крупной денежной суммы позволяло Витовту защитить их от притязаний Польского королевства и закрепить за собой юридическое право владения ими.

1. AGAD. – Zespół 354. Archiwum Warszawskie Radziwiłłów. Seria 35. Rękopisy biblioteczne. Sygn. 159.

2. Zawadzki, J. Sumariusz dokumentów Krzysztofa Radziwiłła „Pioruna” z 1604 r. jako źródło do dziejów rodziny i Wielkiego Księstwa Litewskiego / J. Zawadzki // Miscellanea Historico-Archivistica. – 2018. – T. 25. – S. 221–246.

3. Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae. 1376–1430 / collectus opera A. Prochaska. – Kraków : Druk. Wł. L. Anczyca i sp., 1882. – CXVI, 1114 s.

4. Vitoldiana. Codex privilegiorum Vitoldi, magni ducis Lithuaniae / opr. i wyd. J. Ochmański. – Warszawa etc. : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1986. – 256 s.

5. Nikodem, J. Witold. Wielki książe litewski (1354 lub 1355 – 27 października 1430) / J. Nikodem. – Kraków : Avalon, 2013. – 511 s.

6. Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie / pod kier. Z. L. Radzimińskiego, przy współudziale P. Skobielskiego i B. Gorczaka. – T. 1. 1366–1506. – Lwów : Z druk. Instytutu Stauropigiańskiego, 1887. – XXIX, 204 s., III Tabl.

7. Саввов, Р. В. Подольский полугрошок и денежное обращение в Подольском княжестве / Р. В. Саввов // Банкаўскі веснік. – 2016. – № 3/632 (сакавік 2016). – С. 12–19.

8. Kosman, M. Dokumenty wielkiego księcia Witolda / M. Kosman // Studia Źródłoznawcze = Commentationes. – 1971. – T. 16. – S. 139–169.

9. Akta unji Polski z Litwą. 1385–1791. – Kraków : Polska Akademia Umiejętności; Towarzystwo Naukowe Warszawskie, 1932. – 633 s.

10. Лицкевич, О. В. «Летописец великих князей литовских» и «Повесть о Подолье»: опыт комплексного критического разбора / О. В. Лицкевич. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2019. – 928 с., 16 с. [цв. вкл.].

11. Kodeks dyplomatyczny księstwa Mazowieckiego / wyd. T. J. Lubomirski. – Warszawa: W Drukarni Gazety Polskiej, 1863. – IV, 346, X s.

12. Scriptores rerum Prussicarum. – Bd. 3. – Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1866. – VI, 730 s.

Дзярновіч А.І.

КРЫНІЦАЗНАЎЧЫ ПАТЭНЦЫЯЛ АНГЛІЙСКІХ ДАКУМЕНТАЛЬНЫХ КРЫНІЦ ДЛЯ ІДЭНТЫФІКАЦЫІ ЎДЗЕЛЬНІКАЎ ВЫПРАЎ ТЭЎТОНСКАГА ОРДЭНА СУПРАЦЬ ВКЛ У XIV ст. (ВЫПАДАК З “ЧАЛАВЕКАМ З СЭНТ-БІС”)

Ключавыя словы: экспансія Тэўтонскага ордэна; Вялікае Княства Літоўскае; англійская эліта; дакументальныя крыніцы.

Удзел англійскіх рыцараў ў выправах Нямецкага ордэна ў Прусію і супраць ВКЛ ужо быў прадметам аналізу гістарыяграфіі. Нямецкі Ордэн і новапаўсталая Ордэнская дзяржава ў Прусіі, прынамсі ад 1320 г., актыўна выкарыстоўвалі ў сваіх рэйдах заходнееўрапейскіх “ваенных гасцёў” [13, S. 11] – рыцараў, якія скіроўваліся ў Прусію і далей на Усход з мэтаю атрымання ці ўдасканалення вайсковага досведу ды выканання,

як яны меркавалі, свайго хрысціянскага абавязку па ўдзелу ў зломе супраціву язычнікаў і іх далейшаму хросту.

Выяўленне ў 1981 г. у прыяраце Сэнт-Біс (графства Камбрыя, Англія) парэшткаў унікальным чынам захаванага цела прадстаўніка мясцовай арыстакратыі XIV ст. паставіла на новым узроўні праблему ідэнтыфікацыі персаналіяў у пахаваннях. Даследаванне 2010 г. шкілету Sk100 суседняга жаночага пахавання дазволілі распачаць працэс ідэнтыфікацыі мужчынскага пахавання. Гэты працэс меў поспех толькі ў выніку супастаўлення звестак розных навук: даследаванне базавалася на выніках археалагічнага, генеалагічнага, геральдычнага, мастацтвазнаўчага вывучэння артыфактаў з прыярату Сэнт-Біс, а таксама антрапалагічнага вывучэння выяўленых там захаванага цела ("Чалавека з Сэнт-Біс" / "St Bees Man") і жаночага шкілету Sk100 з суседняга пахавання. Пры вывучэнні парэшткаў былі выкарыстаны таксама біягеахімічныя (ізатопныя) і радёвугляродныя аналізы. Але канчатковае ўстанаўленне персаналіі, абставінаў смерці і пахавання Чалавека з Сэнт-Біс стала магчымым ў выніку аналізу пісьмовых дакументальных канцылярскіх матэрыялаў Англіі і наратыўных помнікаў ордэнскага хронікапісання. Праведзеныя даследаванні дазволілі ідэнтыфікаваць "Чалавека з Сэнт-Біс" як Энтані дэ Люсі, 3-і барона Люсі.

Задачы артыкула – прадэманстраваць крыніцазнаўчыя магчымасці англійскіх канцылярскіх матэрыялаў у вывучэнні тэмы экспансіі Тэўтонскага (Нямецкага) ордэна ў Паўднёва-Усходнім Балтыйскім рэгіёне, у прыватнасці, у ідэнтыфікацыі ўдзельнікаў гэтага працэсу.

Абставіны жыцця Энтані дэ Люсі аказаліся дастаткова добра дакументаванымі. Энтані атрымаў у спадчыну маёнткі свайго бацькі Томаса ў 1365 г. і прыняў на сябе яго абавязкі ў Заходняй марцы па ахове англа-шатландскай мяжы. Як можна зразумець, пад час зацішша ў памежных войнах, Энтані дэ Люсі атрымаў каралеўскі дазвол пакінуць Англію. Дзеля фінансавання выправы ён пазычыў значную суму ў 600 фунтаў у фаварыткі караля Алісы Перэрс. 21 лістапада 1367 г. было закончана афармленне здзелкі пра пазыку праз унясенне гэтых звестак у каралеўскія натарыяльныя спісы – "закрытыя рулоны" [1, p. 396]. Але яшчэ 20 лістапада 1367 г. у Вестмінстэры Энтані дэ Люсі была выдадзена каралеўская ліцэнзія на "выправу за моры" ("going beyond seas") і прызначэнні дзвюх павераных на час адсутнасці яго ў Англіі цягам аднаго году [5, p. 34]. У іншым запісы ад 20 лістапада 1367 г. пра патэнт на адбыццё з порту Дуўр указваецца, што Энтані дэ Люсі адбывае з 15 вершнікамі і ўжо 500 фунтамі на іх утрыманне [5, p. 57]. Гэта была найбольшая світа і фундуш, якія зафіксаваныя ў англійскіх выправах у "прускія рэйды" ў 1367–1368 гг. [9, p. 186] У запісе пра патэнт Энтані дэ Люсі не быў указаны пункт прызначэння, але на гэтым жа тыдні, а таксама ў той жа дзень 20 лістапада, былі выдадзены партовыя патэнты на адплыццё з Дуўру ў "le Pruce" і "Spruciam" ("у Прусію"), у тым ліку для кузена Энтані Джона дэ Мултона (John de Multon) [5, p. 57–58], які таксама пазычыў грошы ў Алісы Перэрс, праўда, значна сціплейшую суму ў 20 фунтаў [1, p. 396] (відавочна, на аднаасобны ўдзел у выправе). Джон дэ Мултон быў сынам Джона дэ Мултона з Фрэмптана (Лінкольншыр) і знаходзіўся пад апекай Томаса Люсі з Кокермута, бацькі Энтані дэ Люсі, таму цалкам верагодна, што яны выраслі ў адной сям'і.

Асоба Джона дэ Мултона для нашай тэмы надзвычай важная, бо менавіта ён пакінуў прамыя сведчанні пра ўдзел Энтані дэ Люсі ў "прускім рэйдзе". У архіве Мултон-хола былі знойдзены лісты Джона дэ Мултона да сваёй жонкі. 23 лістапада 1367 г. Джон паведамляў, што ў гэты ж дзень ён накіроўваецца ў Прусію (Spruz) разам з Энтані дэ Люсі і Рычардам дэ Уэлбі, што ім будзе прадастаўленае дармовыя ежа і піццё, і што ён спадзяецца вярнуцца з "вялікай выгодай і гонарам": "Dear wife know that Anthony de Lucy and I and all our company make our way towards the parts of *Spruz* [Prussia] the day of the making of these letters and

that Richard de Welby my companion and I will be at *bouche a court* with the said Anthony ... and that when ... we have anything to do with our enemies it is my wish to be with him, which will be much to my profit and honour" [7, p. 199–200].

Храніст Нямецкага ордэна Віганд з Марбурга паведамляе, што на пачатку 1367 г. у Ніжнім Панямонні разам з ордэнскімі аддзеламі ўжо дзейнічалі англійскія рыцары: "Erant eciam multi peregrine in terra, dominus Bemunt et Nortz Vewater Anglicus, qui cum suis eciam ibidem fuerat" [15, p. 350]. Правадыры англійскага аддзела інтэрпрэтуюцца як барон Бамонт (Henry de Beaumont, 3rd Baron Beaumont (4.IV.1340 – 25.VII.1369)) і Уолтар барон Фіц-Уолтэр (Walter FitzWalter, 3rd Baron FitzWalter; 31.V.1345 – 26.IX.1386) [15, p. 351]. Тут важна звярнуць увагу на сваяцкія сувязі гэтых рыцараў – мачаха Энтані дэ Люсі паходзіла з Бамонтаў, а Уолтар барон Фіц-Уолтэр быў яшчэ адным кузенам Энтані, які, да таго ж, фігураваў як патэнцыйны спадчыннік у справе маёнткаў дэ Люсі [12, p. 300].

Энтані дэ Люсі ўжо не вернецца са сваёй "прускай выправы" на ВКЛ. Запісы пра яго гібель у 1368 г. былі зроблены ў картулярыях (скарончаных актавых копіях) "Інквізіцыі пасля смерці" (Inquisitions Post Mortem) – інстанцыі, якая займалася разбіральніцтвам маёмасных правоў пасля смерці ўладальніка. Спадчынныя пытанні Энтані дэ Люсі разглядаліся вельмі аператыўна – 10 кастрычніка 1368 г. (42 год уладарання караля Эдуарда III) [2, no. 233], а таксама звярталіся да разгляду справы 19 лютага 1375 г. (49 год Эдуарда III) [4, no. 169]. У гэтых актах існуюць супярэчнасці адносна датаў гібелі Энтані дэ Люсі, пазначаюцца 19 жніўня і 16 верасня [9, p. 185–186]. Але ў любым выпадку гэта канец лета – пачатак восені 1368 г. Апроч таго, і гэта важна для нашай тэмы, адзначаецца, што Энтані дэ Люсі "загінуў за марамі" ("he died beyond seas") [4, no. 169].

З гэтай жа выправы не вярнуўся таксама спадарожнік Энтані дэ Люсі Джон дэ Мултон. Справы яго спадчыннасці разглядаліся "Інквізіцыі пасля смерці" 8 лістапада 1368 г. (42 год Эдуарда III) [2, no. 300] і 4 лютага 1373 г. (47 год Эдуарда III) [3, no. 269]. Розныя даты гібелі "ў заморскіх краях" фігуруюць таксама і ў выпадку з дэ Мултонам ("John de Multon died in parts beyond seas"): 18 жніўня ("on Friday before St. Bartholomew") і 29 верасня ("around Michaelmas") 1368 г. як бачым, у любым выпадку даты смерці Джона дэ Мултона і Энтані дэ Люсі ўкладаюцца ў сціслы храналагічны перыяд. Апроч таго, паводле крыніц мы маем імя яшчэ аднаго англійскага рыцара, які загінуў пад час рэйда на ВКЛ, верагодна ў 1368 г. У кастрычніку 1367 г. Роджэр дэ Фэлбрыг (Rogar de Felbrigg; нар. 1335) атрымаў каралеўскі патэнт на выезд з Англіі і ў пазнейшых крыніцах яго імя ўжо не сустракаецца [9, p. 186–187]. Але на мармуровай пліце ў нішы замацавана мемарыяльная табліца, усталяванай ягоным сынам Сайманам у царкве Св. Маргарыты ў Фэлбрыгу, у інскрыпцыі было пазначана, што ён "памёр у Прусіі і там пахаванае яго цела": "qi mourut en prus e la est son corps enterre" [11, p. 274].

Звесткі пра ўдзел Энтані дэ Люсі ў крыжовых выправах цыркулявалі сярод рэгіянальных англійскіх эліт яшчэ ў XV ст. У радаводзе баронаў Грэйстокаў (Greystoke), уладанні якога знаходзіліся таксама ў графстве Камбрыя, паведамлялася, што Энтані здзейсніў вандраванне ў *Terra Sancta* (Святую Зямлю): "Johanna postea desponsata fuit Antonio domino de Lucy, qui infra breve obiit in Terra Sancta" [6, p. 301]. Сам жа Энтані дэ Люсі яшчэ 29 красавіка 1366 г. узяў шлюб Джаанай Фіц-Генры – удавой па Уільяму лордзе Грэйстока. Цётка ж Энтані дэ Люсі – Люсі дэ Люсі, – была першай жонкай Уільяма Грэйстока. У 1351–1352 гг. Уільям Грэйсток (*William de Greystoke, 2rd Baron Greystoke*; 1321–1359) браў удзел у Крыжовай выправе ў Прусію на чале з Генры Гросмантам (Henry of Grosmont, Duke of Lancaster; каля 1310–1361) [8, p. 93–94]. Гэтая акалічнасць, а таксама сваяцкі сувязі паміж лакальнай элітай, паўплывалі на тое, што імя Энтані дэ Люсі было ўнесена ў апісанне радавода

Грэйстокаў. Прыгадка *Terra Sancta* тут можа быць праінтэрпратавана, як сведчанне таго, што Энтані дэ Люсі “ўсклаў на сябе крыж” – стаў удзельнікам крыжовай выправы.

На працягу 1367–1368 гг. асноўныя падзеі ваеннага супрацьстаяння паміж Нямецкім ордэнам і ВКЛ разгортваліся вакол Nowam Cawen / Cawen nowum [15, p. 352–354] – Новага Коўна, літоўскага замка, закладзенага на нёманскай выспе Віргален, каля вусця Нявяжы ў Нёмане, ніжэй Коўна (Каўнаса). Даследчык праблемы ўдзелу еўрапейскай знаці ў прускіх рэйдах Вернэр Паравічыні як верагоднае месца гібелі трох англійскіх рыцараў у верасні 1368 г. пазначае Neu-Kauen (Новае Коўна) [14, S. 117, Tabl. 56]. Таксама Паравічыні праінтэрпрэтаваў паведамленне храніста Германа Вартберга ў “Лівонскай хроніцы” пра гібель (“з нашых трое былі забітыя”) у верасні 1368 г. пад Коўна (Kauve), як указанне на гібель менавіта англійскіх рыцараў [14, S. 120]: “Eodem anno et tempore marscalcus devastavit trans Navezam in Letowia has regiones, scilicet Bastowe et Romagyn, perveniensque ad castrum Kauve inopinabiliter secundo reparatum in crastino devicit et expugnavit , víC viros armatos repertos ibi necavit, paucis nobilioribus exceptis, quos secum duxit. De nostris tres de menibus occisi sunt; de vulneratis vita sperabatur” [10, p. 92].

Наяўнасць гістарычных звестак дазваляе сцвярджаць, што ў сярэдзіне XIV ст. прадстаўнікі арыстакратыі і дваранства Англіі рэгулярна ўдзельнічалі ў выправах Нямецкага ордэна на паўночна-заходнія землі ВКЛ, найперш у Сярэднім і Ніжнім Панямонні. У 1367–1368 гг. у такой выправе ўдзельнічала, у тым ліку, група прадстаўнікоў эліты графства Камбрыя, размешчанага на паўночным-захадзе каралеўства. Прамыя і ўскосныя крыніцы дазваляюць сцвярджаць, што не толькі адным з удзельнікаў, але і арганізатарам гэтай выправы быў Энтані дэ Люсі, 3-і барон Люсі (1332/1333 – 19.VIII./16.IX.1368).

Наратыўныя ордэнскія крыніцы (хронікі) могуць даць інфармацыю пра мілітарную кампанію. Магчымасць гэтых крыніц ва ўсталяванні імёнаў замежных удзельнікаў выправы абмежаваныя. Падобную інфармацыю адносна англійскіх удзельнікаў выправы магчыма здабыць, выкарыстоўваючы англійскія дакументальныя матэрыялы ў супастаўленні з крыніцамі іншага паходжання, найперш, ордэнскімі.

1. Calendar of Close Rolls, Edward III / ed. H.C. Maxwell Lyte. – London : Originally published by His Majesty's Stationery Office, 1910. – Vol. 12: 1364–1369. – 674 p. – URL: https://archive.org/details/calendarofcloser12grea/page/396/mode/2up (date of access: 17.02.2025).

2. Calendar of Inquisitions Post Mortem / M.C.B. Dawes, J.B.W. Chapman. – London : by His Majesty’s Stationery Office, 1938. – Vol. 12 : Edward III. – XXIX, 603 p. – URL: https://www.british-history.ac.uk/inquis-post-mortem/vol12/pp205-221 (date of access: 17.02.2025).

3. Calendar of Inquisitions Post Mortem / A.E. Stamp, J.B.W. Chapman, M.C.B. Dawes, D.B. Wardle. – London : by His Majesty’s Stationery Office, 1954. – Vol. 13 : Edward III. – 437 p. – URL: https://www.british-history.ac.uk/inquis-post-mortem/vol13/pp240-255 (date of access: 17.02.2025).

4. Calendar of Inquisitions Post Mortem / A.E. Stamp [et al.]. – London : Her Majesty's Stationery Office, 1952. – Vol. 14 : Edward III. – 580 p. – URL: https://www.british-history.ac.uk/inquis-post-mortem/vol14/pp182-193#fns (date of access: 17.02.2025).

5. Calendar of the patent rolls preserved in the Public Record Office : Edward III / prepared under the superintendence of the Deputy Keeper of the Records. – London : Printed for H. M. Stationery Off., 1913. – Vol. XIV : A.D. 1367–1370. – 756 p. – URL: https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015031081105&seq=46 (date of access: 17.02.2025).

6. Chartularium abbathiae de Novo Monasterio ordinis Cisterciensis fundatae anno MCXXXVII / ed. J.T. Fowler. – Durham : Published for the Society by Andrews, 1878. – XXII, 340 p. – URL: https://archive.org/details/chartulariumabba00newm/page/296/mode/2up (date of access: 17.02.2025).

7. Coss, P. The Foundations of Gentry Life: The Multons of Frampton and their World, 1270–1370 / P. Coss. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – XII, 323 p.

8. Fowler, K. A. The King’s lieutenant: Henry of Grosmont, First Duke of Lancaster, 1310–1361 / K. A. Fowler. – New York : Barnes & Noble, 1969. – 312 p.

9. Grant, A. The St Bees lord and lady, and their lineage / A. Grant // North-West England from the Romans to the Tudors : essays in memory of John Macnair Todd. Extra series no. XLI / ed. Keith J. Stringer. – Carlisle : Cumberland and Westmorland Antiquarian and Archaeological Society, 2014. – XVIII, 288 p.

10. Herman de Wartberge. Chronicon Livoniae / Hrsg. Ernst Strehlke // Scriptores rerum Prussicarum. – Leipzig : S. Hirzel, 1863. – Bd. II. – P. 9–178.

11. Housley, N. «The crusading movement, 1274–1700 / N. Housley // The Oxford Illustrated History of the Crusades / ed. J. Riley-Smith. – Oxford : Oxford University Press, 1997. – P. 260–293.
12. Knüsel, Ch. J. The Identity of the St Bees Lady, Cumbria: An Osteobiographical Approach / Ch. J. Knüsel [et al.] // Medieval Archaeology. – 2010. – Vol. 54, Iss. 1. – P. 271–311.
13. Paravicini, W. Die Preußenreisen des europäischen Adels / W. Paravicini. – Sigmaringen : Thorbecke,1989. – Teil 1. – 396 s.
14. Paravicini, W. Die Preußenreisen des europäischen Adels / W. Paravicini. – Sigmaringen : Thorbecke,1995. – Teil 2. – 346 s.
15. Wigand von Marburg. Nowa kronika pruska / opr. Sławomir Zonenberg, Krzysztof Kwiatkowski. – Toruń : TNT, 2017. – 666 s.

Цветкова А.С.

АНАЛИЗ КАНЦЕЛЯРСКИХ ЗАПИСЕЙ НА ПИСЬМАХ МАГИСТРАТА ЛЮБЕКА В РЕВЕЛЬ XV ВЕКА[1]

Ключевые слова: Ганзейский союз, ганзейские источники, Любек, Ревель, канцелярские надписи.

При изучении ганзейской проблематики многие исследователи не раз обращались к деловой переписке городов, как одному из наиболее информативных видов источников. В Таллинском городском архиве (*Tallinna Linnaarhiiv, TLA*) хранится обширная коллекция писем магистрата Любека в Ревель [14], отдельные рукописи из которой не раз публиковались в различных изданиях [7], а также становились объектом различных исследований [1; 2]. Тем не менее в комплексе источники, входящие в эту коллекцию исследованы еще не были. В данной статье будет предпринята попытка изучить канцелярские дорсальные надписи, расположенные на указанных источниках XV в. Выводы, полученные в ходе исследования, помогут расширить имеющиеся знания о специфике коммуникации между ганзейскими городами в это время. Важно отметить, что данная статья является составной частью большой работы по изучению всей коллекции корреспонденции магистрата Любека в Ревель, хранящейся в Таллинском городском архиве, начатой ранее [3].

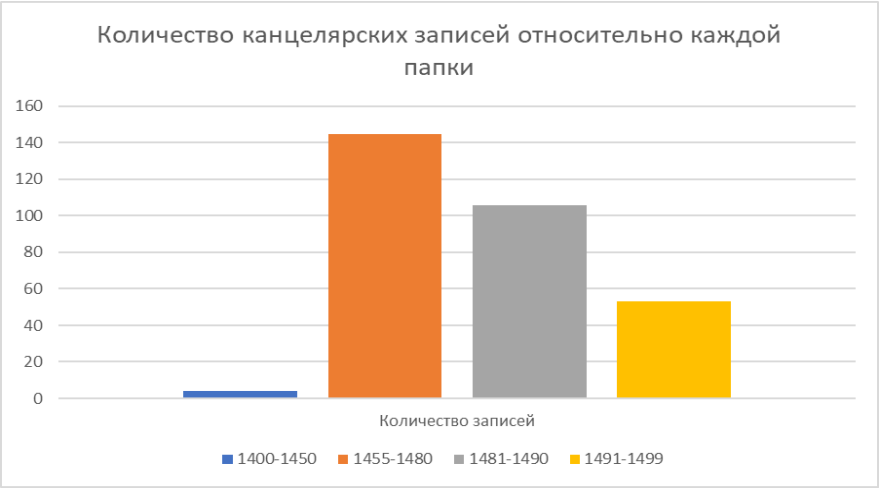
Историки уже обращались к канцелярским дорсальным надписям, расположенным на ганзейских источниках, однако лишь преследуя цель установить временные рамки и скорость пересылки писем между различными городами [5; 6; 8]. Указанный нами комплекс источников еще не подвергался исследованию подобного характера. Кроме того, канцелярские записи о времени получения писем являются лишь одним типом данных записей, которые встречаются на источниках, что лишь добавляет актуальности данной работе.

В коллекции корреспонденции магистрата Любека в Ревель из Таллиннского городского архива к XV в. относится 539 рукописей, которые систематизированы в четыре тома: в 1 томе находится 157 писем (источники 1400–1450 гг.), во 2 томе – 163 (источники 1455–1480 гг.), в 3 томе – 133 (1481–1490 гг.), в 4 томе – 96 (1491−1499 г.) [10–13]. Тем не менее только на 164 источниках расположены канцелярские записи. Большая часть из данных писем содержат не одну, а несколько различных дорсальных надписей. Чаще всего они находятся вокруг адреса (*Außenadresse*) на оборотной стороне письма, в редких случаях одна из записей дублировалась в правом верхнем углу.

При работе с данным комплексом документов было обнаружено 309 канцелярских записей на 164 источниках. 5 записей принадлежат письмам 1 папки; 145

[1] Информация о финансировании: выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–18–00166 «Русско-ганзейская «необычная торговля» в условиях балтийских конфликтов конца XV–XVI века», https://rscf.ru/project/23-18-00166/.

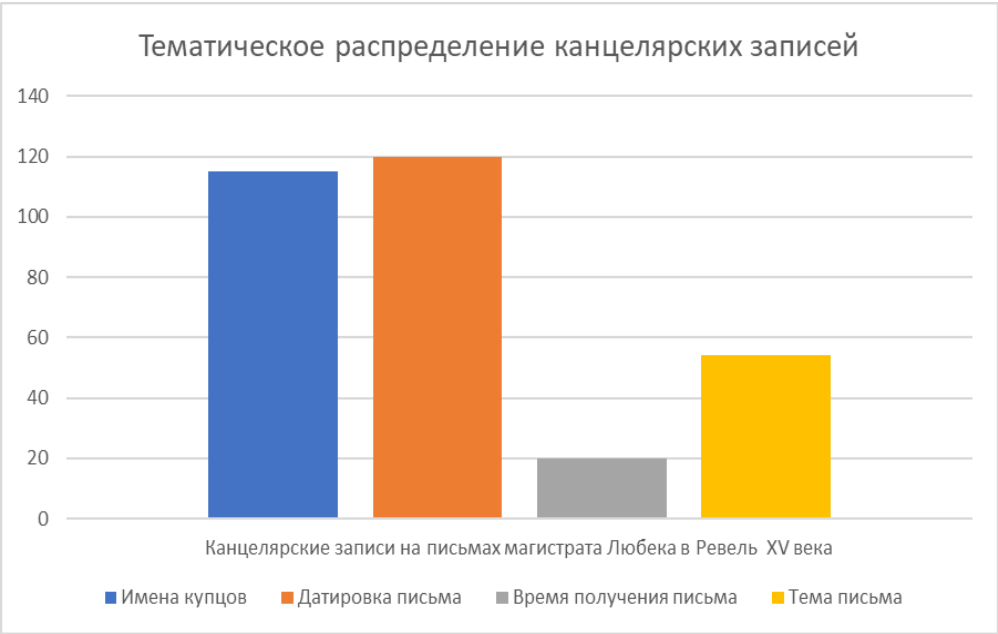
записей принадлежат письмам 2 папки; 106 записей принадлежат письмам 3 папки; 53 записи принадлежат письмам 4 папки (см. рис. 1).



На диаграмме отчетливо отражена разница между количеством канцелярских записей в каждой папке. Письма первой половины XV в. содержат наименьшее количество канцелярских записей. В период 1455–1484 гг. их количество резко возрастает и является наибольшим среди документов других папок. В конце XV в. (3 и 4 папка) количество записей постепенно снижается. Если полученные результаты сравнить с общим числом писем в каждом томе, мы можем констатировать, что количество дорсальных записей в папках не зависит от количества всех писем в них.

В ходе исследования дорсальные надписи были условно поделены на несколько тематических групп, в соответствии с ключевой информацией, которую они отражают (см. рис. 2):

1) Имена купцов, бюргеров, ратманов – участников деятельности Ганзейского союза – 116 записей (37, 54%)
2) Датировка письма − 119 записей (38, 51%)
3) Время получения письма − 20 записей (6, 47%)
4) Тема письма − 54 записи (17, 48%)



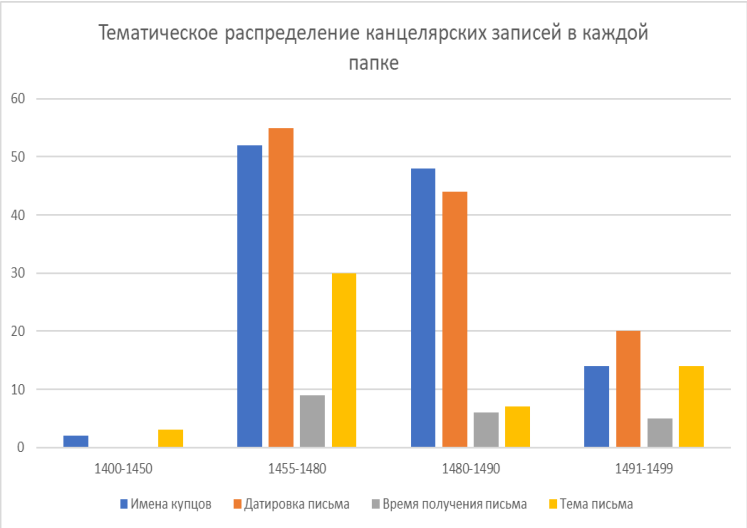
По представленной на графике информации можно сказать, что большая часть канцелярских записей на письмах магистрата Любека в Ревель XV в. является именами участников деятельности Ганзейского союза, о которых шла речь в письмах. На оборотную сторону выносились имена и фамилии. Если речь шла о члене магистрата, перед именем добавляли немецкий термин «*Herr*» (господин) [11, fol. 77]. Иногда перед именами можно встретить словосочетание «*uwe borger*» (ваши бюргеры) [11, fol. 66]. Часто данный тип канцелярской записи состоял из двух имен купцов. Это характерно для писем, связанных с судебными разбирательствами, так как записывали имена двух сторон. Канцелярские записи на других письмах часто состояли из трех или одного имени.

Также на источниках из данного комплекса довольно много встречается канцелярских записей с датировкой писем. На оборотную сторону документа выносились последние две цифры года, в который было написано письмо. Данные числа чаще всего были написаны римскими цифрами, иногда арабскими. Цифры могли не сопровождаться никакими подписями, однако часто перед ними можно встретить «*Anno*» или «*Dat(um) anno*». Например, «*Dat(um) anno LXII*» − (в год [14]62) [11, fol. 5]. Стоит отметить, что на некоторых документах архивная датировка и дата канцелярской записи не сходятся.

В меньшей степени на оборотной стороне документов представлено их краткое содержание или их тематика. Чаще всего канцелярские записи данной группы встречаются в виде средненижненемецкого термина «*Ordell*», который на современный немецкий язык переводится как das Urteil (вердикт, приговор, судебное решение, либо мнение, суждение, решение) [4, с. 68], то есть касается судебного документа. Иногда также встречается краткая аннотация письма или решение, например *«Probacio testium insimul uno et eodem temporum fieri debet, et testis semper debet iurare etc.»* [11, fol. 126].

Сведения о времени получения писем в Ревеле являются самыми редкими канцелярскими записями на данных источниках. Чаще всего на источниках они представлены в двух формулировках: *«untf(angen) in crasti(n)o Panthaleonis m(a)r(tiris)»* [11, fol. 7] или «*R[ecepta] f[er]ia 2^{a} p[ro]xi[m]a post Marti[ni]*» [11, fol. 53]. Данные записи являются очень информативными для историков, ввиду чего ученые не раз обращались к ним в своих исследованиях [5, 6, 8], так как с их помощью можно выяснить, например, среднее количество дней, за которое письма доходили до адресата. Более подробное исследование канцелярских записей о времени получения писем магистрата Любека в Ревеле позволит углубить знания о специфике коммуникации между этими городами в XV в.

Примечательно также сравнить тематическое распределение канцелярских записей относительно каждой папки (рис. 3). Сразу можно отметить, что записи с именами купцов и записи о времени получения писем отсутствуют в первой папке, то есть в первой половине XV в. Записи о времени получения писем представлены во 2, 3 и 4 томе примерно в одном числовом диапазоне. Нельзя утверждать, что одна и та же группа канцелярских записей превалирует в каждой папке: в 1 наибольшее число канцелярских записей относится к теме письма, во 2 большинство принадлежит к записям с датировкой писем, в 3 – записям с именами, в 4 – записям с датировкой писем. Неравномерно, без наличия какого-либо тренда распределена группа канцелярских записей, которая отражает темы писем: в 1 папке – 3 записи, во 2 папке – 30, в 3 папке – 7, в 4 – 14.



Таким образом, в рамках проведенного исследования были получены следующие выводы. Корреспонденция магистрата Любека в Ревель XV в. в Таллинском городском архиве на 164 письмах сохранила 309 дорсальных канцелярских записей. Большинство данных записей принадлежит письмам из второй папки за период с 1455 по 1480 г. Условно записи всего комплекса источников можно разделить на несколько тематических групп: имена, датировка письма, время получения письма, его тема. Чаще всего на письмах Любека фиксировались имена людей, о которых в документе шла речь, а также датировка данных рукописей. Реже всего на письмах указывали тему и время получения письма. Зависимость количественного показателя канцелярских записей от количественного показателя всех писем, а также зависимость типа записи от временных показателей установить не удалось. Дальнейшее исследование данных канцелярских записей, а также источников, на которых они располагаются, позволит более подробно изучить специфику взаимодействия ганзейских городов между собой, а также расширит имеющиеся у исследователей знания о деятельности Ганзейского союза.

1. Ушаков, А. В. Письма магистрата Любека в Ревель по поводу торговли «новгородских гостей» последней трети XV века (из Таллиннского городского архива) / А. В. Ушаков // Caurus. – 2023. − Том 2, № 2. − С. 74–95.

2. Ушаков, А. В. Письма магистрата Любека в Ревель по поводу торговли «ревельских гостей» последней четверти XV века (из Таллиннского городского архива) / А. В. Ушаков // Caurus. – 2024. − Том 3, № 1. − С. 64–75.

3. Цветкова, А. С. Корреспонденция магистрата Любека первой половины XV века в Таллинском городском архиве: анализ с применением метода описательной статистики / А. С. Цветкова // Ганзейский союз: от зарождения до возрождения. – 2024. – Выпуск 2. – С. 45–57.

4. Якунина, В. А. К вопросу о переводе термина «ORDELL» в письмах магистрата Нарвы в Ревель XV в. / В. А. Якунина // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура. – 2022. – С. 67−72.

5. Krause, G. Handelsschiffahrt der Hanse / G. Krause. – Rostock, 2010. – 348 s.

6. Kreem, J. Seasonality of Transport Network in the Eastern Baltic / J. Kreem // Towns and Communication Berlin. – 2011. – S. 259–269.

7. Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. – Abt. 1, Bd. 4–6 / hrsg. F. G. v. Bunge. − Riga; Reval, 1859–1867; Bd. 7–9 / hrsg. H. Hildebrand. − Riga, Moskau : Verlag von J. Deubner, 1881–1889; Bd. 10–11 / hrsg. P. Schwartz. − Riga, Moskau : Verlag von J. Deubner, 1896, 1905; Bd. 12 / hrsg. P. Schwartz, A.V. Bulmerincq. – Riga, Moskau : Verlag von J. Deubner, 1910; Bd. 13 / hrsg. K. Neitmann, M. Thumser, M. Mahling. – Köln; Wien; Weimar : Böhlau Verlag, 2018; Bd. 14 / bearb. Ch. Gahlbeck, M. Mahling, K. Neitmann, M. Thumser. – Köln; Wien; Weimar : Böhlau Verlag, 2019.

8. Mahling, M. Raum und Zeit im Briefverkehr der livländischen Hansestädte mit Lübeck (1450–1500) / M. Mahling // Livland – eine Region am Ende der Welt? Forschungen zum Verhältnis zwischen Zentrum und Peripherie im späten Mittelalter. – 2017. – S. 91−141.

9. Samsonowicz, H. Time is Money. Der Austausch von Informationen zwischen den Hansestädten im 15. Jahrhundert, in: „Kopet uns werk by tyden“ / H. Samsonowicz // Beiträge zur hansischen und preußischen Geschichte. Festschrift für Walter Stark zum 75. Geburtstag. – 1999. – S. 211–215.

10. Tallinna Linnaarchiv. − F. 230. BB 40 I.

11. Tallinna Linnaarchiv. − F. 230. BB 40 II.

12. Tallinna Linnaarchiv. − F. 230, BB 40 III.

13. Tallinna Linnaarchiv. − F. 230, BB 40 IV.

14. Tallinna Linnaarchiv. − F. 230. BB 40 I–XVI.

Семёнова И.И.

ПИСЬМА МАГИСТРАТА ЛЮБЕКА В РЕВЕЛЬ ПО ПОВОДУ ГАНЗЕЙСКОЙ КОНТОРЫ В БРЮГГЕ КОНЦА XV ВЕКА (МАТЕРИАЛЫ ТАЛЛИННСКОГО ГОРОДСКОГО АРХИВА)

Ключевые слова: Ганзейский союз, ганзейская контора в Брюгге, Любек, Антверпен, ганзейские источники.

В Таллиннском городском архиве (*Tallinna Linnaarchiiv*) хранится обширная коллекция исходящей корреспонденции городского совета Любека, в настоящее время разделенная на 16 томов и относящаяся к XV–XVII вв. Тематическое содержание коллекции разнообразно: можно найти письма, касающиеся ганзейской торговли, в частности, русско-ганзейского товарообмена или же посвященные международным отношениям на Балтике, а также документы, связанные с судебными разбирательствами и вопросами наследования. В фокусе настоящего исследования находятся неопубликованные письма городского совета Любека к магистрату Ревеля последнего десятилетия XV в., содержащие информацию о состоянии дел ганзейской конторы в Брюгге – одной из четырех контор Немецкой Ганзы, наиболее крупной и важной. Данные документы хранятся в четвертом томе корреспонденции городского совета Любека, в котором собраны источники 1490–1500 гг. [5].

Важно отметить, что в конце XV в. ганзейская контора переживала свои нелучшие времена, на что было множество причин. В первую очередь, важное значение играла политическая нестабильность в регионе, в том числе связанная с деятельностью графа Филиппа фон Клеве [3, № 471], а также заиливание гавани Слейса, в связи с которым судоходцы стали предпочитать более полноводное устье реки Шельды, что стало одним из основных факторов переноса морских торговых маршрутов из Брюгге в Антверпен [1, s. 412]. В этой связи коммерческая деятельность ганзейских купцов во Фландрии и Нидерландах в конце XV в. в большей степени связана с Антверпеном и Берген-оп-Зомом, где ганзейцы получили широкие торговые привилегии в 1470 г. с тем условием, что торговые представительства в этих городах официально будут считаться своеобразными «филиалами» ганзейской конторы в Брюгге [6, s. 150]. Таким образом, конец XV в. является крайне важной вехой не только в истории ганзейской конторы в Брюгге, но и в истории Ганзейского союза в целом, так как именно в этот период времени стали окончательно оформляться причины, которые привели к официальному переносу ганзейской конторы из Брюгге в Антверпен, случившемуся во второй четверти – середине XVI в. [2].

Всего среди многочисленной корреспонденции городского совета Любека последнего десятилетия XV в., хранящейся в Таллиннском городском архиве, было обнаружено три рукописных послания, ранее неопубликованных и посвященных истории коммерческой деятельности ганзейской конторы в Брюгге. К тому же было выявлено еще десять документов рассматриваемого периода, которые содержат информацию о ганзейской торговле во Фландрии и Нидерландах, однако они были опубликованы или представлены в виде аннотаций более ста лет назад в рамках многотомных собраний ганзейских актов (*Hansisches Urkundenbuch*), а также в рамках издания масштабной серии протоколов и сопутствующих документов ганзейских съездов (*Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage*). Однако в рамках настоящего исследования было решено ограничиться исключительно неопубликованными рукописными источниками.

Первое письмо городского совета Любека из трех указанных было написано 7 января 1492 г. [9, fol. 20]. Материалом рукописи является пергамен, можно обнаружить следы прикладной печати. Кроме того, документ достаточно сильно поврежден, что, однако, не сказалось на понимании текста. В письме содержится просьба к магистрату Ревеля, чтобы ратманы предупредили ливонских купцов, торговавших во Фландрии и

Нидерландах, о возможных рисках, связанных с предпринимательской деятельностью в регионе. Причиной обеспокоенности городского совета Любека стало письмо олдерменов ганзейской конторы в Брюгге, находившихся при этом в Берген-оп-Зоме, написанное 10 декабря 1491 г. [9, fol. 12; 4, № 44]. Олдермены посвящали городской совет Любека в детали конфликта графа Филиппа фон Клеве и императора Священной Римской империи Максимилиана I, а также указывали роль датского короля Иоганна и герцога Гольштейна Фридриха в данном конфликте. Магистрат Любека отправил в Ревель копию письма олдерменов ганзейской конторы в Брюгге, просил ознакомиться с его содержанием, а также принять меры в отношении безопасности местных купцов.

Второе письмо городского совета Любека было написано 14 августа 1492 г. [9, fol. 25]. Рукопись выполнена на пергамене, содержит на обороте следы прикладной печати и имеет множественные дефекты в левой части листа, которые в некоторой степени затрудняют понимание определенных фрагментов текста. Вместе с этим письмом любекские ратманы отправили в Ревель копию письма олдерменов ганзейской конторы в Брюгге, находившихся в то время в Антверпене, написанную 27 июля 1492 г. [9, fol. 24; 4, № 95]. В связи с тем, что датировка любекского послания утрачена из-за повреждения, оно датируется по вложенному письму. Олдермены сообщали городскому совету Любека, что герцог Альбрехт Саксонский освободил испанцев и голландцев от ранее введенной новой пошлины, собиравшейся в размере каждого двадцатого пфеннига со всех товаров. При этом ганзейцы от данного сбора освобождены не были, что делало их коммерческую деятельность в регионе менее рентабельной в сравнении с прямыми конкурентами. В этой связи олдермены ганзейской конторы в Брюгге в сложившейся ситуации просили совета у любекских ратманов, а те, в свою очередь, сообщили о происходящем магистрату Ревеля, попросив обдумать все вышеперечисленное и изложить свое мнение.

Третье письмо было написано 18 октября 1498 г. [9, fol. 80]. Рукопись выполнена на пергамене, содержит на обороте следы прикладной печати и имеет немногочисленные дефекты, которые, впрочем, отрицательно не сказываются на понимании текста. По своему характеру данное послание напоминает вышеописанные. Любекские ратманы получили письмо олдерменов ганзейской конторы в Брюгге, вновь находившихся в Антверпене, от 3 октября 1498 г. [9, fol. 76–77; 5, № 90], в котором олдермены изложили состояние дел конторы в последнее время. Исходя из содержания письма видно, что ганзейские купцы сохранили возможность торговать в Антверпене до конца года, а в последствие будут вынуждены его покинуть, если не будут приняты соответствующие меры по сохранению коммерческого представительства в регионе. Кроме того, указывали на поддержку со стороны герцога Бургундии Филиппа I в сохранении ганзейских торговых домов в Брюгге и Берген-оп-Зоме. Любекские ратманы отправили копию данного письма в Ревель вместе со своим посланием и просили предупредить ливонских купцов о возможных рисках при ведении предпринимательской деятельности во Фландрии и Нидерландах.

Таким образом, рассмотренные письма городского совета Любека к магистрату Ревеля конца XV в. относятся к феномену Немецкой Ганзы как «кибернетической» организации, под чем следует понимать особую форму передачи информации между отдельными участниками торгово-экономического альянса [8]. Любекский магистрат выступает в роли связующего звена между различными частями ганзейского торгового пространства. Сведения, относящиеся к коммерческой деятельности ганзейских купцов на западе, незамедлительно передавались магистратом Любека на восток. В этой связи также стоит обратить внимание на рост влияния самого магистрата Любека среди других ганзейских городов, так как справедливым является замечание, что на всем протяжении истории Ганзейского союза Любек большую часть времени являлся, скорее, номинальным главой альянса, нежели фактическим [7]. Рассмотренные же письма отчет-

ливо демонстрируют главенствующую роль Любека в вопросах, связанных не только с непосредственным функционированием ганзейской конторы в Брюгге, но и в делах, касающихся коммерческой деятельности купцов из других ганзейских городов во Фландрии и Нидерландах.

В конце следует обратить внимание на тему дальнейшего исследования писем городского совета Любека конца XV в., хранящихся в Таллиннском городском архиве, которая кажется перспективной. Три вышеописанных письма и десять других, ранее опубликованных или аннотированных, предоставляют исследователю возможность проанализировать тенденции к переносу ганзейской конторы из Брюгге в Антверпен в период времени, предшествовавший фактическому переносу, так как для магистратов Любека и Ревеля купцы, в конкретный момент времени пребывавшие в Антверпене или Берген-оп-Зоме, оставались купцами ганзейской конторы в Брюгге. Стоит предположить, что перенос ганзейской конторы из Брюгге в Антверпен не был столь кардинальной перестройкой механизмов ганзейской торговли во Фландрии и Нидерландах, как принято судить.

1. Dollinger, P. Die Hanse / P. Dollinger. – Stuttgart : Alfred Kröner Verlag, 2012. – 656 s.

2. Friedland, K. Die „Verlegung“ des Brügges Kontors nach Antwerpen / K. Friedland // Hansische Geschichtsblätter. – 1963. – Bd. 81. – S. 1–19.

3. Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage. Ab. 3. Bd. 2 / bearb. D. Schäfer. – Leipzig : Verlag von Duncker & Humblot, 1883. – 587 s.

4. Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage. Ab. 3. Bd. 3 / bearb. D. Schäfer. – Leipzig : Verlag von Duncker & Humblot, 1888. – 590 s.

5. Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage. Ab. 3. Bd. 4 / bearb. D. Schäfer. – Leipzig : Verlag von Duncker & Humblot, 1890. – 686 s.

6. Jahnke, C. Die Hanse / C. Jahnke. – Stuttgart : Reclam Verlag, 2014. – 245 s.

7. Jahnke, C. Lübeck and the Hanse: a queen without body / C. Jahnke // The Routledge handbook of maritime trade around Europe. 1300–1600. – Cornwall : TJ Internetional Ltd, 2017. – P. 231–247.

8. Jenks, S. Die Hanse als kybernetische Organisation / S. Jenks // Hansegeschichte als Regionalgeschichte. Beiträge einer internationalen und interdisziplinären Winterschule in Greifswald vom 20. bis 24. Februar 2012 / hrsg. O. Auge. – Frankfurt am Main : Peter Lang, 2014. – S. 59–84

9. Tallinna Linnaarchiiv. – F. 230. BB 40 IV.

Ушаков А.В.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ МАГИСТРАТА ЛЮБЕКА В ТАЛЛИННСКОМ ГОРОДСКОМ АРХИВЕ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЛЮБЕКСКОЙ КОРПОРАЦИИ «НОВГОРОДСКИХ ГОСТЕЙ»

Ключевые слова: «новгородские гости», Ганзейский союз, ганзейская торговля, Любек, Ревель, ганзейские источники.

«Новгородские гости» Любека (*die Lübecker Nowogorodfahrer*) представляли собой специализированное объединение любекских купцов, заинтересованных в коммерческой деятельности на востоке ганзейского торгового пространства – в городах Ливонии и русского Северо-Запада. «Новгородские гости» играли заметную роль в русско-ганзейском товарообмене XV–XVII вв., активно взаимодействовали с городскими советами Любека и Ревеля, о чем свидетельствуют многочисленные источники, составляющие архив корпорации, который является одним из фондов Архива ганзейского города Любека (*Archiv der Hansestadt Lübeck*). Купеческое объединение имело тесные связи с магистратом Любека, в первую очередь, потому что являлось проводником интересов любекского совета, касающихся торговли в Ливонии, во-вторых, любекские ратманы и бургомистры нередко сами входили в состав корпорации, в связи с чем интересы «новгородских гостей» и магистрата Любека

нередко составляли единое целое. Наиболее яркими примерами являются Юрген Вулленвевер, олдермен «новгородских гостей» в 1520-е гг., в последствие ставший любекским бургомистром [13, s. 169; 3, s. 33], а также Йохан фон Горен, в середине XVII в. также являвшийся олдерменом корпорации и членом любекского совета [2, s. 99]. В связи с этим перспективным в контексте изучения предпринимательской деятельности «новгородских гостей» может стать исследование обширной коллекции писем магистрата Любека в Ревель, хранящейся в Таллиннском городском архиве (*Tallinna Linnaarchiiv*). Коллекция в настоящее время разделена на 16 томов и насчитывает около 1800 источников, хронологический охват которых XV–XVII вв. В рамках настоящего исследования будут представлены результаты поисковой деятельности по выявлению среди множества разнообразных рукописных материалов данной коллекции документов, посвященных торговле «новгородских гостей» Любека.

Среди писем магистрата Любека первой половины XV в. был обнаружен лишь один документ, в котором запечатлена коммерческая активность «новгородских гостей» [14, fol. 81; 8, № 58; 1, № 5]. Послание было составлено 5 августа 1429 г. и повествует о том, что купцы корпорации зафрахтовали судно для плавания в Ревель и укомплектовали его наемниками, которым необходимо выплатить соответствующее жалование. Важно отметить, что пятью днями позднее олдермены корпорации также написали к городскому совету Любека для уточнения некоторых деталей морского плавания, которые остались не раскрыты в предшествующем письме [8, № 60]. Несмотря на то, что это единственный пример подобного взаимодействия купеческого объединения и магистратов двух ганзейских городов в первой половине XV в., в последствие подобная модель передачи информации станет характерной для их взаимоотношений, о чем свидетельствуют более поздние документы.

Подавляющее большинство выявленных источников относится к последней трети XV – первой четверти XVI в. Однако на рубеже столетий механизмы взаимодействия купеческой корпорации с магистратами двух рассматриваемых ганзейских городов претерпели определенные изменения, в связи с чем документы XV и XVI вв. представляется логичным рассмотреть отдельно.

Среди писем последней трети XV в. было выявлено шесть рукописей, относящихся к коммерческой деятельности «новгородских гостей» [15, fol. 26, 47; 16, fol. 82, 115, 116; 17, fol. 51; 9, № 500, 633; 5, № 561; 7, № 56, 344, 808; 4, № 335], четыре рукописи, посвященные торговле «ревельских гостей» (*Revalfahrer*) [15, fol. 99; 16, fol. 41, 42; 17, fol. 11; 6, № 258, 1146; 10, № 186; 7, № 504], объединению купцов, выделившемуся из «новгородских гостей», но связанному едиными торговыми интересами с последними [12, s. 13], а также в одной из рукописей упомянуты обе корпорации [16, fol. 122; 7, № 377] – итого: 11 документов. Большая часть указанных источников объединена общей причиной возникновения: городской совет Любека передавал в Ревель определенную информацию, полученную от «новгородских гостей». Сведения касались как коммерческой деятельности корпорации, а именно были посвящены фрахту судов для плавания в Ливонию, но среди них можно найти известия в целом об обстановке в Балтийском регионе, промыслах пиратов, поставивших под угрозу морское сообщение между городами, и даже о передвижении посольства московского князя Ивана Васильевича. Особую важность имеет наиболее поздний источник из представленных, а именно письмо городского совета Любека к магистрату Ревеля от 22 января 1495 г., так как в нем прослеживается четкая позиция любекских ратманов, защищавших интересы «новгородских гостей» в их конфликте с ливонцами, вызванном принятием купцами корпорации строгого регламента морских плаваний между двумя городами [7, № 458; 1, № 24]. Важно отметить, что перечисленные источники весьма выгодно дополняют рукописные материалы

последней трети XV в., хранящиеся в архиве «новгородских гостей», так как они крайне немногочисленны и чрезмерно неоднородны по своему содержанию.

Письма городского совета Любека к магистрату Ревеля первой четверти XVI в. в целом носят тот же характер, что и представленные выше источники предшествующего периода. При этом можно отметить одно важное изменение: помимо того, что любекские ратманы в своих посланиях доносили до ревельского совета определенную информацию, полученную от купцов своего города, в эти письма стали запечатывать копии, снятые с рукописей, полученных от «новгородских гостей» и «ревельских гостей». В этой связи среди документов первой четверти XVI в. было выявлено пятнадцать источников, относящихся к предпринимательской деятельности любекских торговых объединений: девять писем магистрата Любека [18, fol. 8, 18, 65, 83; 19, fol. 28, 42, 68; 20, fol. 83; 21, fol. 32; 11, № 624], три копии писем «новгородских гостей» [19, fol. 27; 20, fol. 81–82; 21, fol. 33] и столько же копий писем «ревельских гостей» [18, fol. 64; 19, fol. 43–44, 66–67]. Содержание перечисленных источников в некоторой степени отличается от того, что было представлено ранее. В первую очередь, можно найти судебные решения любекского совета по делам, в которых одной из тяжущихся сторон выступали «новгородские гости». Это обусловлено тем, что магистрат Любека являлся высшей судебной инстанцияй в судебных делах, разбиравшихся в городах, действовавших на любекском праве. С другой стороны, можно найти источники, связанные с событиями, предшествовавшими ганзейско-датской войне 1510–1512 гг., а именно касавшиеся переговоров, прошедших в Нючепинге в 1507 г. При этом, безусловно, большая часть документов посвящена коммерческой деятельности «новгородских гостей» и «ревельских гостей» в первой четверти XVI в. до и после возобновления русско-ганзейского товарообмена в 1514 г., соответственно. В этой связи важно отметить, что в архиве «новгородских гостей» Любека крайне мало источников, касающихся торговли в Ливонии этого периода, поэтому материалы Таллиннского архива приобретают особое значение в контексте изучения истории рассматриваемого купеческого объединения.

Наиболее поздним выявленным письмом магистрата Любека, посвященным торговле, по всей видимости, «ревельских гостей» (*koeplude by yw vorkerende*), является послание от 13 декабря 1538 г. [22, fol. 32]. В нем любекские ратманы отстаивали права и привилегии своих купцов, испытывавших притеснения со стороны ливонцев при осуществлении коммерческой деятельности в Восточной Прибалтике. На современном этапе исследования среди более поздних документов исследуемой коллекции источники, в которых упоминались бы «новгородские гости» или «ревельские гости», выявлены не были. К сожалению, вторая четверть XVI в. является одним из самых сложных периодов для изучения истории любекского торгового объединения, так как в архиве «новгородских гостей» равным образом отсутствуют какие-либо источники, относящиеся к этому времени, за исключением книги олдерменов 1521–1619 гг., в которой, впрочем, торговле уделено чрезвычайно мало внимания.

Таким образом, в составе корреспонденции городского совета Любека, хранящейся в Таллиннском городском архиве, было выявлено 28 рукописей, относящихся к истории «новгородских гостей» и «ревельских гостей». Содержание источников разнообразно: от вопросов фрахта торговых судов и выплат жалования наемникам до изложения событий, связанных с судебными разбирательствами и международными отношениями в Балтийском регионе. Кроме того, представленные источники крайне важны в контексте определения роли «новгородских гостей» в системе функционирования Ганзейского союза, особенно в связи с противоречиями, существовавшими между магистратами Любека и Ревеля в конце XV – первой половине XVI в. Так или иначе материалы Таллиннского городского архива могут и

должны выступить важной частью источниковой базы для исследования коммерческой деятельности «новгородских гостей» Любека периода позднего Средневековья и раннего Нового времени.

1. Ушаков, А. В. «Новгородские гости» Любека. Письма и материалы. 1409–1560 / А. В. Ушаков. – Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2022. – 188 с.
2. Angermann, N. Johann von Gohren. Ein Lübecker Rußlandkaufmann des 17. Jahrhundert / N. Angermann // Zeitschrift des Vereins Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. – 1984. – Bd. 64. – S. 97–114.
3. Friedland, K. Das wirtschaftspolitische Erbe Jürgen Wullenwevers / K. Friedland // Hansische Geschichtsblätter. – 1971. – Bd. 89. – S. 26–40.
4. Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage. Ab. 3. Bd. 2 / bearb. D. Schäfer. – Leipzig : Verlag von Duncker & Humblot, 1883. – 687 s.
5. Hansisches Urkundenbuch. Bd. 9 / bearb. W. Stein. – Leipzig : Verlag von Duncker & Humblot, 1903. – 751 s.
6. Hansisches Urkundenbuch. Bd. 10 / bearb. W. Stein. – Leipzig : Verlag von Duncker & Humblot, 1907. – 796 s.
7. Hansisches Urkundenbuch. Bd. 11 / bearb. W. Stein. – Leipzig : Verlag von Duncker & Humblot, 1916. – 899 s.
8. Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. Abt. 1. Bd. 8 / hrsg. H. Hildebrand. – Riga, Moskau : Verlag von J. Deubner. – 1884. – 687 s.
9. Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. Abt. 1. Bd. 12 / hrsg. P. Schwartz, A. v. Bulmerincq. – Riga, Moskau : Verlag von J. Deubner. – 1910. – 542 s.
10. Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. Abt. 1. Bd. 13 / hrsg. K. Neitmann, M. Thumser, M. Mahling. – Köln; Wien; Weimar : Böhlau Verlag. – 840 s.
11. Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. Abt. 2. Bd. 3 / hrsg. L. Arbusow. – Riga, Moskau : Verlag von J. Deubner. – 1914. – 827 s.
12. Siewert, F. Geschichte und Urkunden der Rigafahrer in Lübeck im 16. und 17. Jahrhundert / F. Siewert. – Berlin : Verlag von Pass und Garleb, 1897. – 501 s.
13. Stieda, W. Aus der Zeit Jürgen Wullenwevers / W. Stieda // Mitteilungen des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde. – 1893. – Bd. 5. – S. 167–169.
14. Tallinna Linnaarchiiv. – F. 230, BB 40 I.
15. Tallinna Linnaarchiiv. – F. 230, BB 40 II.
16. Tallinna Linnaarchiiv. – F. 230, BB 40 III.
17. Tallinna Linnaarchiiv. – F. 230, BB 40 IV.
18. Tallinna Linnaarchiiv. – F. 230, BB 40 V.
19. Tallinna Linnaarchiiv. – F. 230, BB 40 VI.
20. Tallinna Linnaarchiiv. – F. 230, BB 40 VII.
21. Tallinna Linnaarchiiv. – F. 230, BB 40 VIII.
22. Tallinna Linnaarchiiv. – F. 230, BB 40 XI.

Битюков В.С.

БОЛЬШАЯ ОРДА КАК ПРАВОПРЕЕМНИК ЗОЛОТОЙ ОРДЫ[1]

Ключевые слова: Золотая Орда, Большая Орда, Улуг-Мухаммед, Шейх-Ахмед, Менгли-Гирей, русские летописи, хан Ахмат, золотоордынское наследие, Орда Заволжская.

В XV в. Золотая Орда начинает распадаться на ряд отдельных улусов. С 1419 г. наблюдалось отделение периферийных территорий и последующее их формирование в новые центры татарской власти [3, с. 11]. Новые татарские государства были основаны вокруг Казани – на севере, Крыма – на юге, Астрахани и Ногайской Орды – на востоке, а также было основано маленькое дополнительное татарское государство – Касимовское ханство. В то время как периферия постепенно отделялась, центр Золотой Орды продолжал существовать как государство со столицей в городе Сарай в низовьях Волги. Его территория состояла из всех центральных степных районов Золотой Орды, на западе граница проходила по Днепру и по Волге – на востоке. Начиная с 1430 г. центральная часть этой территории стала упоминаться в источниках как Большая Орда:

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00147, реализуемого в Воронежском государственном университете, https://rscf.ru/project/23-18-00147.

«… царя Большіа же Орды» [6, с. 24]. Именно она начинает претендовать на ведущую роль на внутренней, а также внешнеполитической арене среди остальных ханств.

Стоит рассмотреть вопрос о правопреемственности Большой Орды. Являлась ли она единственным наследником, или другие осколки Джучиева улуса тоже воспринимались, как его полноправные наследники? Для рассмотрения данного вопроса будут использованы русские летописи, литовские хроники и летописи, Литовские метрика, письмо хана Большой Орды Османскому султану, а также Посольская грамота крымского хана – Менгли-Гирея к Ивану III.

Большая Орда, как отдельная часть Золотой Орды, начинает фигурировать в Никоновской летописи в 1437–1438 гг.: «…царь Улу-Махметь Болшіа Орды…» [7, с. 24]. Упоминание в летописи хана Большой Орды, как царя, показывает то, что Улуг-Мухаммед являлся правителем именно престольного владения. Примечательно, что после этого в летописи появляется его брат – Кучук-Мухамед, который тоже в летописи упоминается, как царь Большой Орды [7, с. 24]. То есть в Большой Орде, как и ранее происходило в Золотой Орде, отдельные претенденты боролись за ордынский стол, и победитель воспринимался в русских источниках, как законный царь Большой Орды. В Симеоновской летописи Большая Орда начинает упоминаться гораздо позже, при хане Ахмате, в 1460 г.: «…царь Ахматъ болшіа орды…» [8, с. 214]. В Ермолинской летописи данная фигура воспринимается, как ордынский царь, без добавления слова «Большая», то есть как хан Золотой Орды: «…прииде царь ординскии Ахматъ…» [6, с. 162]. Примечательно, что в летописях начинает фигурировать и другая Орда, которая именуется, как «Сиди-Ахметевы орды» [6, с. 155]. Вадим Винцерович Трепалов считал, что в середине в 1450–1460 гг. одним из осколков Золотой Орды стала Орда хана Саид-Ахмеда, которая располагалась между Доном и Днепром и являлась одним из самых сильных объединений распавшегося государства Джучидов [12, с. 277]. Кроме того, исследователь считал, что Большая Орда и Орда Саид-Ахмеда – это различные части Золотой Орды [12, с. 289]. Однако Саид-Ахмедовой Орде не суждено было стать правопреемницей улуса Джучи, так как в середине 1450 гг. она сошла с политической арены [12, с. 287].

Подтверждением того, что ханы Большой Орды считали себя законными наследниками Золотой Орды, является письмо хана Махмуда Османскому правителю – султану Фатиху Махмеду [10, с. 18]. Письмо датируется в 1466 г. В этом сообщении Махмуд предлагает османскому султану сотрудничество, причём подача письма идёт на равноправной основе: «…милостью единственного и существующего всевышнего, [15] с сегодняшнего дня, [с целью] укреплять нашу с вами дружбу (начатую нашими добрыми предками, [16] умножить наши добрые дела, укрепить дружественные связи, наши добрые люди [17] будут ходить друг к другу» [с. 18]. Такое определение большеордынским ханом себя, как полноправного партнёра турецкого султана, отсылает к золотоодынскому наследию. Данное утверждение подтверждает его дальнейшая фраза в письме: «Написано во вторник, [когда] великая Орда находилась на берегу реки Эзоглу» [10, с. 18]. Слово «великая» подчеркивает, что упоминаемая Орда – главный наследник улуса Джучи, который может на полноправной основе сотрудничать с Османской Империей.

В Густынской летописи, повествующей об истории юго-западных княжеств, Польского королевства и Великого Княжества Литовского, Большая Орда упоминается, как Орда Заволжская: «…царя Татаръ заволскихъ…» [5, с. 142]. Именно с Поволожьем ассоциировался центр Золотой Орды, так как там располагались главные её города. Такое же наименование Большой Орде даёт Хроника Быховца: «…со всею ордою Заволжскою…» [11, с. 115].

Также в Типографской летописи поход хана Большой Орды – Ахмата, в 1472 г., на русские земли отражается, как всеобщий поход ордынских сил: «…Царь Ахметъ

Ординьский на великого князя Ивана Васильевича и на его братію и на всю Рускую землю съ всѣми князями и силами Ординскими» [9, с. 142].

Важным подтверждением того, что именно Большая Орда была престольной державой, являются известия об её разгроме крымским ханом Менгли-Гиреем в 1502 г. Например, в Никоновской летописи сообщается, что «Крымскій царь Менгли-Гирей побил Шиахмата царя Большіа орды и Орду взялъ» [7, с. 256]. Выражение летописца «Орду взялъ» можно интерпретировать, как инкорпорацию Большой Орды в состав Крымского ханства, ставшего после этого главным наследником Золотой Орды. Такое же восприятие Большой Орды передаётся в Хронике Быховца: «…и разгромил его на голову, и цариц и детей, и орду его всю взял…» [11, с. 116]. Данную информацию мы видим и посольской грамоте Менгли-Гирея к Ивану III, которая датируется 28-ого июня 1502 г. [4, с. 419]. В ней крымский хан сообщает московскому князю о том, что «…орду его и всѣ его улусы Богъ въ наши руки далъ.» [4, с. 420]. То есть и в дипломатической переписке отражен переход Большой Орды в состав Крымского ханства, как нового наследника Золотой Орды.

Важным свидетельством того, что большеордынские татары считали именно себя последним оплотом Золотой Орды, а не возвысившееся Крымское ханство, является отношение последних ханов Большой Орды к Москве, например, Шейх-Ахмед в ярлыке к литовскому князю, Александру Казимировичу, называет Ивана III холопом: «…для Ивана, холопа…» [1, с. 50]. В тот момент русские князья не платили ордынский выход, однако память о русских княжествах, как подданных Золотой Орды, оставалась.

Стоит отметить, что А.А. Горский справедливо утверждает, что «Одним же из распространенных значений лексемы «большии» было прилагательное сравнительной степени – со значением «более высокий по положению», «главный» [2, с. 68]. Кроме того, исследователь отмечает, что прилагательное «Большая» по отношению к государственным образованиям имело значение не «крупный», а «великий», то есть Великая Орда [2, с. 68].

Таким образом, после распада Золотой Орды главным её наследником стоит считать именно Большую Орду, где сохранялся исторический центр Джучиева улуса, а также огромная часть территории между Волгой и Днепром. Такое восприятие продолжалось вплоть до окончательного ухода Большой Орды с политической арены, что выражалось и в отношении с Московским княжеством, Великим Княжеством Литовским, Польским королевством, а также в отношениях с другими постоордынскими государствами, в том числе и с Крымским ханством.

1. Акты, относящиеся к истории Западной России. Сборник документов канцелярии великого князя литовского Александра Ягеллончика, 1494–1506 гг. // Шестая книга записей Литовской метрики. – М. ; СПб., 2012. – Т. 1(6). – 562 с.

2. Горский, А. А. Русь и Орда в XV столетии / А. А. Горский // Золотоордынское обозрение. – 2013. – № 1. – С. 65–72.

3. Вашари, И. Крымское ханство и Большая Орда (1440–1500-е годы). Борьба за первенство / И. Вашари // Средневековые тюрко-татарские государства. Вопросы источниковедения и историография истории средневековых тюрко-татарских государств. – 2013. – № 5. – С. 11–19.

4. Памятники дипломатических сношений древней России / Сборник русского исторического общества. – СПб., 1884. – Т. 41. – 638 с.

5. Полное собрание русских летописей / Густынская летопись. – Спб. : Дмитрий Буланин, 2003. – Т. 40. – 190 с.

6. Полное собрание русских летописей / Ермолинская летопись. – СПб. : Типография М. А. Александрова, 1910. – Т. 23. – 239 с.

7. Полное собрание русских летописей / Никоновская летопись. – Спб. : Типография И. Н. Скороходина, 1901. – Т. 12. – 269 с.

8. Полное собрание русских летописей / Семеоновская летопись. – Спб. : Типография М. А. Александрова, 1913. – Т. 18. – 320 с.

9. Полное собрание русских летописей / Типографская летопись. – СПб. : 2-я государственная типография, 1921. – Т. 24. – 271 с.

10. Рахимова, А. Письмо хана Золотой Орды Махмуда в Стамбул (1466 г.) / А. Рахимова // Из Глубины столетий. – Казань, 1996. – С. 18–24.

11. Тихомиров, М. Н. Хроника Быховца / М. Н. Тихомиров. – М. : Наука, 1966. – 148 с.

12. Трепавлов, В. В. Степные империи Евразии: монголы и татары / В. В. Трепавлов. – М. : Квадрига, 2015. – 368 с.

Старичёнок В.В.

«СТАТЕЙНОЕ ПИСЬМО» 1524 ГОДА: СПЕЦИФИКА ИСТОЧНИКА И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

Ключевые слова: Статейное письмо, Крестьянская война в Германии, Томас Мюнцер.

В 1524–1526 гг. Германия была охвачена Крестьянской войной. В ней принимали участие разные социальные группы (крестьяне, горожане, рыцари), каждая из которых преследовала собственные интересы. Соответственно, цели восставших отличались, о чем свидетельствуют ряд составленных ими документов. В советской историографии выделяют три основополагающих источника: «Статейное письмо» («Письмо-тезисы»), «12 статей», «Гейльброннская программа». Первый отражает чаяния беднейших слоев немецкого крестьянства и городского плебса, второй – крестьянства в целом, третий – зажиточных горожан. Подчеркивается, что «Статейное письмо» является «наиболее революционной по содержанию» программой [2, с. 244], а «требования, заключавшиеся в нем, означали решительную борьбу против всех господ» [8, с. 126]. На наш взгляд, эти утверждения спорны. Цель работы – выявление специфики «Статейного письма» (далее – Письмо), сравнение его текста с другими документами, составленными представителями радикального крыла Крестьянского восстания.

Первое, на что следует обратить внимание – это на отсутствие в Письме призывов к вооруженной борьбе. Начинается оно с выражения крестьянами недовольства притеснениями со стороны феодалов. Однако неудовлетворенность не является доказательством намерения силой сокрушить существующий порядок. Напротив, из текста вполне определенно следует, что авторы не призывают к «решительной борьбе», а, наоборот, хотят «с помощью Бога освободиться, и притом, насколько это возможно, *без вооруженной борьбы и кровопролития*» (курсив – *В.С.*) [6, с. 127].

Авторство Письма приписывается одному из руководителей восстания Т. Мюнцеру, который призывал создать «Царство божье» на земле без имущественного неравенства, где власть принадлежала бы народу, а все руководствовались религиозными нормами и заповедями в повседневной жизни. Народ понимался как религиозная община, избирающая правителей из числа общинников [4, с. 125–126]. Т. Мюнцер считал возможным создать такое общество посредством насилия. В письме к Мансфельдским рудокопам он пишет: «Беритесь за дело… и выходите на борьбу… Пусть ваши мечи не остывают от теплой крови! Пока злодеи живы, вы не освободитесь от человеческого страха» [5, с. 116]. Ряд выдержек с его аналогичными призывами содержится в работе Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии» [9, с. 46–48].

Если у Т. Мюнцера имелась революционная программа с четко обозначенными целями и способами их достижения, то в тексте Письма этого нет. Стремление освободиться от эксплуатации и угнетения, желание создать общество, построенное на принципах всеобщей справедливости, выраженное в данном документе, вполне естественно. Но это не является подтверждением «революционности» программы. Речь в нем идет о так называемом «христианском объединении». В отношении тех, кто откажется в него вступить предлагается так называемое «светское отлучение». При этом оно не предполагает никаких санкций по отношению к отлученным. Продолжаться это отлучение будет до тех пор, пока «вы ... не вступите *с доброй волей* (курсив – *В.С.*) в это христианске объединение» [6, с. 127].

Очевидно, такое отлучение может иметь силу только, если представители данного христианского объединения влиятельны, а отлучение действительно ухудшит положение отлученного. Но в конце 1524 г. (время составления письма) члены подобных объединений представляли собой меньшинство, это были маргинальные группы, состоявшие из бедняков. Поэтому для знати, зажиточных крестьян и горожан идея вступления в подобные

структуры не была привлекательной, а «отлучение» не несло никакой опасности. Скорее всего, текст письма этими социальными группами попросту игнорировался.

Итак, текст источника противоречит выводам советского историка М.М. Смирина, размещенным в учебнике «История средник веков»: «в условиях же существования указанных тягот дело не обойдется без кровопролития»; «объединенный народ ликвидирует вражеские очаги и установит тот порядок, который он считает справедливым» [7, с. 79]. В новой редакции учебника историк В.М. Володарский, утверждая, что в Письме речь идет о «принципе перехода власти к народу», дает весьма обтекаемый вывод и пишет, что оно «выразило одну из характерных тенденций Крестьянской войны, сформулировав радикальные принципы, которые крестьянская масса нередко воплощала на практике, даже ничего не зная о «Статейном письме» [1, с. 97].

Очевидно, М.М. Смирин выражал позицию Ф. Энгельса, изложенной в четвертой главе работы «Крестьянская война в Германии». Там Письмо названо «радикальным манифестом», в котором «речь шла прежде всего о революции, о достижении полной победы над еще господствующими классами, а пункт о «светском отлучении» означал лишь, что угнетатели и изменники должны быть перебиты, замки сожжены, монастыри и церкви конфискованы и сокровища их обращены в деньги». Еще больше классик «ушел» от текста «Статейного письма», написав, что оно «сделалось правилом для ведения войны» [9, с. 76]. Такое истолкование Ф. Энгельсом Письма «переместило» документ в разряд революционных документов. В свою очередь, необходимость советских историков следовать классикам привела к искажению, превратив Письмо из брошюры с наивными мечтами крестьян о справедливом обществе в революционную программу восставших.

Внятное изложение революционных требований немецких крестьян находится в другом документе – «Статьях Франконского крестьянства», размещенных в хронике Томаса Цвейфеля. Там помимо экономических говорится о социальном переустройстве, базирующемся на равенстве прав: «все духовные и светские лица, благородные и неблагородные, должны впредь иметь права простых бюргеров и крестьян и быть не больше, чем любой простой человек». Достигается эта цель вооруженной борьбой с разрушением «вредных замков и укреплений», «от которых до сих пор бедному человеку проистекали большие тяготы» [3, с. 51].

Таким образом, анализ «Статейного письма» позволяет констатировать, что оно является обобщенным манифестом, выражающим пожелание крестьян создать справедливое общество. Вместо насилия предлагалась идея формирования христианских общин, члены которых должны были вступать в них добровольно. Следовательно, этот документ в гораздо большей степени, чем декларировалось в советской историографии, относится к жанру утопической литературы, а не революционной.

1. Володарский, В. М. Германия в XVI – первой половине XVII вв. / В. М. Володарский // История средних веков : в 2 т. – Т. 2 : Раннее Новое время / под ред. С. П. Карпова. – 6-е изд. – М. : МГУ, 2008. – С. 73–123.

2. История средних веков (XV–XVII вв.). Хрестоматия. Пособие для учителей. Ч. II / сост. В. Е. Степанова, А. Я. Шевеленко. – М. : Просвещение, 1974. – 320 с.

3. Крестьянская война 1525 года во Франконии : сборник документов. – В 2 т. – Т. 1 / сост. В. А. Ермолаев ; Сарат. ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1968. – 56 с.

4. Мюнцер об общности имуществ и народном суверенитете // Практикум по истории средних веков : в 2 т. – Т. 2 / сост. М. Л. Абрамсон [и др.]. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1988. – С. 125–126.

5. Письмо Мюнцера Мансфельдским рудокопам // Хрестоматия по истории средних веков / под ред. Н. П. Грацианского, С. Д. Сказкина. – М. : Наука, 1950. – Т. 3. – С. 115–116.

6. Письмо-тезисы // Хрестоматия по истории средних веков / под ред. Н. П. Грацианского, С. Д. Сказкина. М. : Наука, 1950. – Т. 3. – С. 126–128.

7. Смирин, М. М. Эпоха Реформации и Великой Крестьянской войны / М. М. Смирин // История средних веков : в 2 т. – Т. 2 / под ред. З. В. Удальцовой, С. П. Карпова. – М. : Высшая школа, 1991. – С. 56–91.

8. Хрестоматия по истории средних веков / под ред. Н. П. Грацианского, С. Д. Сказкина. – М. : Наука, 1950. – Т. 3. – 348 с.

9. Энгельс, Ф. Крестьянская война в Германии / Ф. Энгельс. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1952. – 202 с.

Даўматовіч К.Д.

“АПАВЯДАННЕ АБ ЗГУБЕ ТЭСТАМЕНТА НЯБОЖЧЫКА ПАНА ДЗМІТРЫЯ ЯНАВІЧА САПЕГІ І ІНШЫХ ЛІСТОЎ” ЯК КРЫНІЦА ПА ГІСТОРЫІ ГАРАДЗЕНСКАГА СОЙМА 1568 ГОДА

Ключавыя словы: Вялікае Княства Літоўскае, сойм, парламентарызм, актавая кніга земскага суда, гістарычная крыніца, Сапегі, археаграфія.

У вывучэнні гісторыі сойма Вялікага Княства Літоўскага (далей – ВКЛ) навукоўцы ў канцы XIX – першай чвэрці XXI ст. значную ўвагу надавалі Метрыцы ВКЛ. Гэта крыніца ўключае рознабаковыя тыпы дакументаў ў тым ліку і тыя, якія адносяцца да гісторыі парламентарызму (асобныя лісты, соймавыя лісты і іх рэестры, просьбы–адказы падчас паседжанняў і шмат інш.). Але ў гістарыяграфіі на дадзены момант не ў поўнай меры выкарыстаны інфармацыйны патэнцыял іншых тыпаў крыніц [1–4; 7 і інш.]. У гэтым сэнсе унікальнымі крыніцамі з’яўляюцца актавыя кнігі земскіх судоў, якія таксама дазваляюць рэканструяваць гісторыю сойма ВКЛ.

Шэраг актавых кніг земскіх судоў ВКЛ на дадзены момант захоўваюцца ў розных архівасховішчах краін Цэнтральнай і Усходняй Еўропы. Вялікую цікавасць выклікаюць актавыя кнігі, якія знаходзяцца ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі. Так, напрыклад, у кнізе Берасцейскага земскага суда змяшчаецца комплекс дакументаў, якія адносяцца да берасцейскага сойма 1566 г. [5, арк. 16–16 адв.] і гарадзенскага сойма 1566–1567 гг. [5, арк. 20–42 адв., 45 адв. – 72 адв., 74–87 адв.]. Акрамя гэтага, цікавасць выклікала кніга Гарадзенскага земскага суда, у якой таксама ёсць дакументы па гісторыі парламентарызму ВКЛ [6, арк. 259]. Дадзеныя крыніцы дазваляюць прасачыць уплыў дзейнасці сойма не толькі на агульнадзяржаўным узроўні, але і на лакальным.

У актавай кнізе Гарадзенскага земскага суда трэба адзначыць “Апавяданне пана Мікалая Міхайлавіча Сапегі аб згубе тэстамента нябожчыка пана Дзмітрыя Янавіча Сапегі, дзядзькі яго, і іншых лістоў”. Гэты дакумент можам разглядаць як крыніцу па гісторыі сойму 1568 г. у Гародні, які вырашаў агульнадзяржаўныя (арганізацыя фінансаў і войска, унія з Польшчай і інш.) і лакальныя пытанні ВКЛ [3, с. 790–815; 7, с. 436–518].

Так, у 1570 г. Мікалай Міхайлавіч Сапега звярнуўся ў Гарадзенскі земскі суд са скаргай на слугу Лаўрыша Пякоўскага, які згубіў торбу з тэстаментам Дзмітрыя Янавіча Сапегі, квітамі Станіслава Дзержаноўскага і Петра Пекаслаўскага, а таксама іншыя патрэбныя лісты. У дакуменце адзначана, што гэты тэстамент Дзмітрый Янавіч Сапега пакінуў у манарха праз шэсць тыдняў пасля заканчэння гарадзенскага сойма ў 1568 г. Такім чынам, заканчэнне паседжання сойма стала храналагічным арыенцірам для ісца [6, арк. 259]. Варта падкрэсліць, што дадзены дакумент можа выкарыстоўвацца і ў межах іншых навуковых праблем.

Ніжэй публікуецца дакумент “Апавяданне пана Мікалая Міхайлавіча Сапегі аб згубе тэстамента нябожчыка пана Дзмітрыя Янавіча Сапегі, дзядзькі яго, і іншых лістоў”, які знаходзіца ў актавай кнізе Гарадзенскага земскага суда Нацыяльнага гістарычнага архіва Беларусі (Ф. 1755. Воп. 1. Спр. 4. Арк. 259):

wПОВЕДА*НЕ* П(А)НА МИКОЛАЯ МИХА(И)ЛОВИЧА СОПѢГИ w *З*ГУ|бе тестаме*н*ту небо*ж*чика п(а)на Дмитра Яновича | Сопѣги, дѧ*д*ка его, и и*н*шихъ листовъ |

Того*ж* днѧ в понеделок |

Пришед*ш*и до суд[1], пер*е*д мене Ивана Федоровича Ма|сал*с*кого су*д*ью а Василья Михаловича Мелеш*к*а под|су*д*ка вра*д*никовъ, земских городе*н*ских, дворани г(оспо)д(а)рьски | пан Микола

[1] Коска ў рукапісе.

Михаиловичъ[1] Сопега[2]. wповедалъ тыми | словы: иж(ъ) деи с пѧтницы на суботу в ночи месеца сен|тѧбра двадцать девѧтого днѧ едѵчи мне спо|лэмъ с паномъ Федоромъ Кунцевичом, хоружимъ горо|денскимъ, з ыменя его м(и)л(о)сти Тужевичъ до места | г(оспо)д(а)рьскаг(о) городенского, слуга моег именем Лаврыш Пековѣ|ски згубил торбу ременную, в которои было два звѧз|ки листовъ мне потребных а меновите: теста|мент дѧдька моег(о) небощика п(а)на Дмитра Яновича | Сопеги[3], которы тестамент менилъ иж(ъ) деи на рокохъ | судовых в рокѵ шестдесѧтъ wсмомъ wт короля его(о) м(и)л(о)сти | в шести неделѧхъ по сеиме валномъ городе(н)скомъ[4]. | w средо постью зложоных wповедавши записа свар | п(а)на Федора Кунцевича, меновите слово в слово до книг | земскихъ вписати дал также деи на тот же час.[5] | В торбе згинул квит wт Станислава Держановскго на | семдесѧтъ золотых полскихъ, а дрѵги квит Петра Пеко|славского на двадцать,[6] и пѧт золотыхъ польскихъ | и иншихъ листовъ потребных, которыхъ на тот часъ | меновать и поменеть не могу. Которое wповедане до | книг земских городенскихъ записано есть. |

Такім чынам, “Апавяданне аб згубе тэстамента нябожчыка пана Дзмітрыя Янавіча Сапегі і іншых лістоў” можа выкарыстоўвацца як крыніца па гісторыі гарадзенскага сойма 1568 г. Дадзены дакумент паказвае важнасць соймавага паседжання як храналагічнага арыенціра падчас судовага разбіральніцтва 1570 г. у Гарадзенскім земскім судзе. Акрамя гэтага, публікуемую крыніцу можна разглядаць у межах праблем генеалогіі і дзейнасці рода Сапег, функцыянавання і складу Гарадзенскага земскага суда, а таксама гісторыі паўсядзённасці ВКЛ.

1. Довматович, К. Д. Сейм Великого Княжества Литовского в историографии Восточной Европы конца XIX – первой половины XX в. / К. Д. Довматович // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. статей. – Минск : РИВШ, 2023. – Вып. 23, ч. 1 : Исторические науки. – С. 48–56.

2. Документы Московского архива Министерства юстиции. Т. 1 / подготовил М. Довнар-Запольский. – М. : Товарищество тип. А. И. Мамонтова, 1897. – 569 с.

3. Любавский, М. К. Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства / М. К. Любавский. – М. : Московский Университет, 1900. – 1160 с.

4. Максимейко, Н. А. Сеймы Литовско-русского государства до Люблинской унии 1569 г. / Н. А. Максимейко. – Харьков : Тип. Адольфа Дарре, 1902. – 205 с.

5. Нацыяльны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 1741. Воп. 1. Спр. 61.

6. НГАБ. – Ф. 1755. Воп. 1. Спр. 4.

7. Русская историческая библиотека : в XXXIX томах / Археографическая комиссия ; И. Лаппо. – Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1872–1927. – Т. XXX. – 1914. – 896 с.

Рудаковская Е.Н.

ИСТОЧНИКИ ПО ТОПОГРАФИИ, АРХИТЕКТУРЕ И ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙШИХ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ ГРОДНО XII–XVI вв.

Ключевые слова: источники, древнейшие храмы Гродно, топография, история и архитектура средневековых церквей, картографические источники.

Город Гродно представляет большой интерес с точки зрения культурно-просветительского туризма. В его рамках можно выделить и познавательную, и ностальгическую и даже религиозную составляющие, связанные с христианскими храмами, обителями и другими центрами Православия. В историко-культурном контексте эти святыни всегда развивались как средоточие духовной жизни общества. И изначально имели особенное, в т.ч. географическое, значение в формировании

[1] Падкрэслена ў рукапісе.
[2] Падкрэслена ў рукапісе.
[3] Падкрэслена ў рукапісе.
[4] Відаць літара “Н” была прапушчана падчас напісання дакумента ў кнігу.
[5] Кропка ў рукапісе.
[6] Коска ў рукапісе.

градостроительной структуры поселений на территории Беларуси. Соответственно, многие шедевры белорусской сакральной архитектуры были возведены именно в городах, подобных древнему Гродно**.**

Сакральные сооружения изначально являлись доминантами силуэта города. Важное общественное и социальное значение заставляло придавать облику храмовых построек особую выразительность. Топографическая сердцевина градостроительного ансамбля Гродно состояла из «семи холмов»-возвышенностей, на которых расположились замково-крепостной комплекс с Княжеской (Нижней) церковью внутри, окольный город, а также посады вокруг Пречистенской, Малой и других каменных церквей, уже существовавших в XII в. Подол или Нижний город («низина» вдоль холмов, примыкающая к реке Неман) занимал юго-восточную часть города. Несколько отдельно расположилась восьмая, самая «сакральная» Коложская возвышенность, на которой в том же столетии находились Борисоглебская церковь и одноименная обитель.

О том, какие каменные православные храмы из наиболее древних церквей все еще существовали в Гродно XVI в., как выглядели некоторые из них и где были расположены с точки зрения городской топографии, сегодня известно благодаря сохранившимся источникам того времени – картографическим (гравюрам/медеритам) и архивным (документам/инвентарям).

Прежде всего, это цветная гравюра, запечатлевшая Гродно на 1567 г., Матиаса Цюндта с рисунка Ганса Адельгаузера «Vera Designatio Urbis in Littavia Grodnae» (Нюрнберг, медерит). Она была создана в 1568 г. и вошла в Civitates Orbis Terrarum («Атлас городов земного мира»). Авторы – картограф/теолог Георг Браун и гравер/издатель Франц Гогенберг. Атлас был опубликован в Кёльне и выходил на протяжении 46 лет – с 1572 по 1617 гг. Всего было издано шесть томов. В 2015 г. картографические изображения из этого шеститомника были опубликованы в издании: Cities of the world = Civitates orbis terrarum: 230 colour engravings which transformed urban cartography 1572–1617 (atlas) [5].

Включенная в шеститомный западноевропейский «Атлас городов земного мира» Брауна-Гогенберга гравюра Гродно 1567 г. известна сегодня и в уменьшенном виде авторства Франца Гогенберга (1575) – с еще более значительными сокращениями

(отсутствует ряд зданий). В аннотации к этой гравюре, написанной Георгом Брауном, посещавшим Гродно в бытность легатом Папы Римского, сказано:

«*После Вильно, другой по важности город в Литве есть Гродно на реке Кронон, называемой Нему... Город этот построен частью на горах, частью в долине, по обычаю страны. В нем очень мало домов, которые тянулись бы сплошь, плотно пристроенные один к другому; мало домов кирпичных, больше – сколоченных просто из брёвен. Город не окружен стеною, не укреплен, без ворот и без крестовых стен. Есть в нем только замок, или королевский дворец, расположенный на высокой горе и служащий вполне безопасным местопребыванием для Короля Польского…*

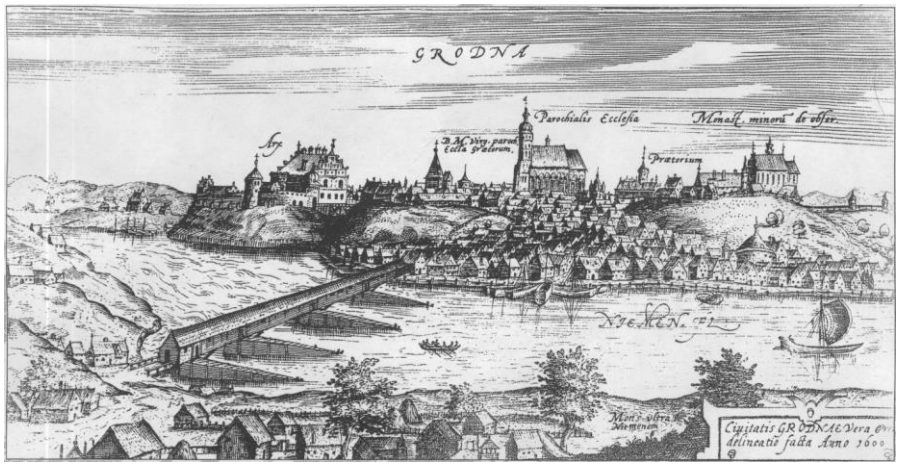
В городе видны три храма каменных (так как все прочие деревянные); из них один принадлежит полякам, а два – русским, в которых они совершают богослужение по своим особым обрядам... На предместьях русские также имеют два храма: один круглой формы деревянный, другой – кирпичный. Колокольни находятся не на самих крышах, но перед входом в церковь, как это бывает в большинстве случаев; здание деревянное, утвержденное на столбах и балках, скрепленное сваями и переплетенное поперечными бревнами. Сложив множество камней, воздвигают башню, на вершине которой находятся колокола, созывающие на духовные практики…».

В целом, описанный в «Атласе» и запечатленный на гравюре Цюндта-Адельгаузера вид города Гродно 1567 г. нарисован à vol d'oisean, с предместьями. Кроме дворца (королевского и великокняжеского замка), двух костёлов и множества домов, изображены с подписями над ними следующие православные церкви: 1) Пречистенская – между дворцом (Domus Regia) и костелом (Templun in urbe) – «церковь, окруженная мурованной стеной» (Templun muro eircumdatum Russorum); 2) Симеоновская – правее Ратуши (Curia) – «церковь в городе» (Russorun templum in urbe); 3) Крестовоздвиженская – чуть ниже предыдущей, но уже как бы за городом – «деревянная церковь в предместьи» (Templum Russorum ligneun suburbia); 4) Занеманская – на Посаде, на левой стороне эстампа, позади русского загородного лагеря, обнесенная тыном, – «каменная церковь» (Templum Russorun latericium) [1, с. IV].

К сожалению, на изображении Гродно 1567 г. запечатлены далеко не все древние каменные православные храмы, известные из документов того времени и всё еще существовавшие в городе на тот момент (и даже существующие в настоящее время). Некоторые из них художнику с места фиксации городской панорамы могли быть не видны (как, например, церкви на территории замков или Коложский храм). Некоторые, по всей видимости, по каким-то причинам авторы изображений просто не нанесли, что существенно уменьшило для визуального восприятия число самых древних сакральных объектов города.

Гравюра Цюндта-Адельгаузера, несмотря на ее схематичность, неточность и неполноту, все же представляет большую ценность с картографической и географической точки зрения. В настоящее время это единственный известный графический документ, показывающий архитектурный облик Гродно в XVI в. А также позволяющий, пусть и не в полной мере, представить себе планировку и застройку города в то время.

Следующий источник подобного рода – гравюра белорусско-польского картографа Томаша Маковского «Civitatis GRODNAE Vera delenatio ere[cta] facta Anno 1600». В начале 1600-х гг. ее автор выполнил серию гравюр с видами городов Великого Княжества Литовского. Изображения Гродно и других городов ВКЛ (Несвижа, Вильно, Клецка и т.д.) сегодня известны по фотокопиям и книжным изданиям первой половины XX в. [6]. Судя по всему, эти городские панорамы и планы (в уменьшенном виде) украшали настенную карту Великого Княжества Литовского, составленную картографом в белорусском Несвиже около 1603 г.



Наряду с этими изображениями и сопровождающим медерит М. Цюндта и Г. Адельгаузера 1567 г. свидетельством европейских картографов, ценным текстовым источником того времени является городской инвентарь «Уволочное измерение города Гродно», который составили в 1560–1561 гг. чиновники-ревизоры польского короля и великого князя литовского Сигизмунда II (Августа) Ягеллона – справца староства Гродненского и комиссар королевы Боны Сфорца по архитектуре Себастьян Дыбовский и дворянин его королевского величества Лаврин (Вавжинец) Война [4]. В нем, наряду с 34 улицами, 3 рынками и рядом трактов Гродно, упомянуты также собственники всех земельных участков (пляцев) и некоторые из православных храмов города, не отображенные на вышеописанных гравюрах.

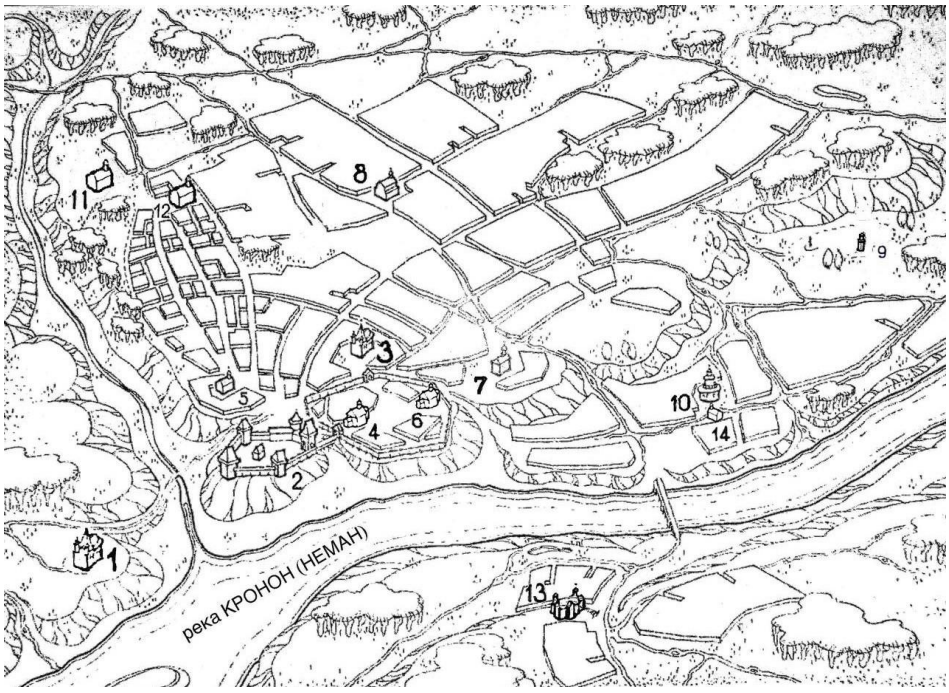
К сожалению, этот источник также не содержит полного перечня всех православных церквей Гродно, так как упоминает лишь о некоторых из них, причем вскользь. Один из примеров – сообщение авторов, что православным «пяти церквям русским в городе Гродно документом Его Величества Короля дано по две уволоки [земли], а именно: церкви Воскресения, церкви Честного креста, церкви Св. Николая, церкви Св. Симеона, церкви Св. Пречистенской» [1, с. II; 4, с. 87].

Инвентарь Войны-Дыбовского 1560–1561 гг. считается на данный момент старейшим известным документом, содержащим сведения о некоторых не сохранившихся до наших времен древних православных храмах Гродно. К сожалению, на этом основании год составления документа именуют «первым упоминанием» и иногда считают датой основания самих церквей, что не совсем корректно и совсем не верно в научно-историческом плане (де-факто можно считать и так, но только до момента обнаружения либо появления других более древних источников).

Еще ряд древних каменных церквей Гродно известны нам благодаря тому, что сохранились в значительной части сами (например, Коложская) либо в «артефактно-археологическом» виде (например, Нижняя, Верхняя), а также упоминаются в средневековых документах. Один из примеров: монарший привилей короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I Ягеллона и записи в документах канцелярии монарха (Метрике ВКЛ) 1511 г., в которых зафиксировано пожалование земельного надела в урочище Сусловщизна гродненской Троицкой церкви [1, с. II].

Содержательными источниками более позднего времени (XVII–XVIII вв.), позволяющими в т.ч. проследить развитие связанного с каменными православными храмами урбанонимического фонда Гродно, являются также документы и книги магистрата, сохранившиеся в Национальном историческом архиве Беларуси [2] и налоговые тарифы и протоколы XVIII в., хранящиеся в Литовском государственном историческом архиве [7]. Богатый с точки зрения городской топографии материал комплексного характера могут дать и легенды планов города Гродно, хранящиеся в Москве в фондах Российского государственного военно-исторического архива [3].

На основании вышеописанных источников автор предлагает свою реконструкцию географического местоположения гродненских храмов XII–XVI вв. К XVI в. согласно катрографическим и документально-архивным источникам, топография православных храмов города Гродно, известных на данный момент, выглядела следующим образом:



1. Коложская (Борисоглебская) церковь XII в.
2. Княжеская (Нижняя) XII в. / Верхняя церковь XIII в.
3. Соборная Пречистенская церковь XII в.
4. Воскресенская церковь XII в.
5. Малая церковь XII в.
6. Церковь св. Ильи Пророка XII в.
7. Церковь св. Спаса (построена не позже XIV в.)
8. Церковь св. Симеона (Симеоновская) (построена не позже XV в.)
9. Часовня соборной Пречистенской церкви на Подоле на православном кладбище XII в.
10. Церковь Честного Креста (Крестовоздвиженская) на Подоле XII в.
11. Церковь св. Николая (Николаевская) (построена не позже XVI в.)
12. Церковь св. Троицы (Троицкая) (построена не позже XVI в.)
13. Занеманская церковь (построена не позже XV в.)
14. Церковь на Подоле XII в.

1. Диков, П. Материалы для истории Коложской церкви в г. Гродно / П. Диков // Памятная книжка Гродненской губернии на 1887 год. – Гродно : Тип. губернского правления, 1886. – С. I–XXI.

2. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1761. Оп. 1. Д. 1–19; Ф. 1800. Оп. 1. Д. 1.

3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) в Москве. – Ф. 389. Оп. 12. Д. 1485; Ф. 846. Оп. 16. Д. 1465, 1466, 21528. Ч. 6. Л. 4. Д. 21871–21874.

4. Уволочное измерение города Гродно, 1560 // Писцовая книга Гродненской экономии с прибавлениями, изданная Виленскою комиссиею для разбора древних актов. – Вильна, 1882. – Ч. 2. – [3], 607 с.

5. Cities of the world = Civitates orbis terrarum: 230 colour engravings which transformed urban cartography 1572–1617(atlas) / Georg Braun and Franz Hogenberg; edited by Stephan Füssel; based on the copy in the Historisches Museum Frankfurt. – Köln [Germany] : Taschen, 2015. – 744 p.

6. Jakubowski, J. Tomasz Makowski sztycharz i kartograf nieświeski (przyczynek do dziejów sztuki i nauki na Litwie) / J. Jakubowski. – Warszawa, 1923. – 30 s.

7. Lietuvos valstybės istorijos archyvas (LVIA, Литовский государственный исторический архив). – F. 11. Ap. 1. B. 18584; F. SA. B. 3862, 11649.

Басов И.М.

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗНИЦЫ ЦЕН НА ПЕЧАТНЫЕ КНИГИ В ПОЛЬСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ И ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В XVI в.

Ключевые слова: книготорговля в XVI в., владельческие записи, историческая статистика, старопечатные издания, Польское королевство, Великое Княжество Литовское.

Ранее на материале более четырёх сотен владельческих записей на старопечатных изданиях, хранящихся в ряде крупных библиотек Польши, мы провели анализ цен покупки этих изданий в Польском королевстве в XVI в. [11]. До этого подобное исследование проводилось лишь В. Урбаном [10], впрочем, на гораздо меньшей выборке и без привлечения статистического анализа. Таким образом, благодаря привлечению достаточного массива владельческих записей, впервые в историографии удалось проанализировать динамику и средние значения цен на печатные книги в Польском королевстве в XVI в. (средняя цена за экземпляр по нашим данным колебалась в течение столетия в диапазоне 41–63 польских гроша). Ныне же необходимо поднять проблему владельческих записей в целом как источника сведений о ценах, а также проблему применимости результатов исследований цен в Польском королевстве к территориям Великого Княжества Литовского.

Сведения XVI в. о ценах на книги в Литве скудны. Для исследователей эта проблема давно служила поводом к тому, чтобы либо экстраполировать на территории Великого Княжества данные по коронным землям [9, с. 174–175], либо использовать более поздние данные по Литве. К XVII в. в частности относится опись имущества виленского книготорговца К. Вежбовского, подробно учитывавшая цены продаваемой продукции, и потому часто цитируемая как источник сведений о ценах книги в Великом Княжестве Литовском. Сложность описи книготорговой лавки как источника в том, что она даёт информацию не о ценах свершившихся продаж, а о ценах, номинированных продавцом или оценщиком (в случае если опись представляет собой инвентаризацию наследуемого имущества), что не отражает рыночную картину прямым образом. В случае описи К. Вежбовского также стоит проблема того, что предложение виленского книготорговца состояло преимущественно из дешёвой массовой литературы и брошюр, что также создаёт искажение: получается, что средняя стоимость продаваемого К. Вежбовским печатного продукта составляла всего 23.8 гр. [4, с. 97].

Что касается хорошо известных в историографии данных о закупке в 1547–1552 гг. А. Тшеческим и его сыном книг для виленской библиотеки Сигизмунда Августа, то они не могут быть основанием для анализа цен в Великом Княжестве Литовском, поскольку Тшеческие закупали книги за рубежом. А. Кавецка-Грычова, реконструировавшая перечень из 970 экземпляров книг, находившихся в библиотеке Сигизмунда Августа, в отношении некоторых устанавливает факт покупки у итальянских и немецких книготорговцев [3]. В то же время мы можем предположить, что Тшеческие пользовались услугами польских книготорговцев: погружённость Тшеческого-старшего в их среду демонстрирует акт от 4 сентября 1538 г. из краковских судебных книг, по которому переплётчики Станислав и Бартоломей свидетельствовали о том, что местный книготорговец П. Райсмёллер прятался от выплат по долгам в доме Тшеческого [5, с. 161–162]. При этом цены, по которым приобретались книги для виленской королевской библиотеки, достаточно близки установленным нами средним ценам печатной книги в Польском королевстве, что также может говорить о за-

купках через краковских торговцев: А. Тшеческий-старший закупал книги в среднем по цене 38.6 грошей за экземпляр, а А. Тшеческий-младший – по цене 54.9 грошей за экземпляр [11, с. 251].

Владельческие и торговые записи, содержащие упоминания цены и места приобретения печатной книги, кажутся наиболее достоверным источником. Массив дошедших до наших дней старопечатных книг весьма велик, что делает, казалось бы, этот источник ещё и доступным. Однако далеко не все старопечатные книги имеют на своих страницах владельческие записи, а те в свою очередь в абсолютном меньшинстве случаев несут информацию о цене покупки: 445 записей, на которых было проведено исследование цен в Польском королевстве, были извлечены из 12.7 тыс. экземпляров книг – т.е. лишь в 3.5% книг XVI в. мы можем обнаружить записи с искомыми данными. Исследование такого рода становится возможным лишь благодаря агрегированию информации о пометах. Большим подспорьем в этом становятся такие каталоги изданий XVI в., которые уделяют большое внимание особенностям провенанса каталогизируемых книг, подробно приводя содержащиеся в них пометы и записи. Большие перспективы в этой области у электронных баз данных.

Применимы ли полученные на материале Короны выводы к Великому Княжеству Литовскому? Хотя экономически два этих политических организма были значительно связаны, в переносе данных (даже после 1569 г.) есть ряд сложностей.

Во-первых, для Великого Княжества Литовского в большей степени, чем для Польского королевства, актуальны кириллические издания. Хотя из 445 записей в выборке ни одна не относится к кириллическому изданию, по разрозненным и более поздним сведениям мы можем судить, что кириллические книги из-за своей специфики и ограниченности рынка стоили в Короне в среднем дороже книг латинской графики: Я. Исаевич на материале записей продажи кириллических печатных книг на украинских территориях Короны в первой половине XVII в. как нормативные приводит цены в 25–30 злотых [13, с. 303–304].

Во-вторых, по логике ценообразования, импортирующий рынок должен давать продавцу надбавку в сравнении с ценами на экспортирующем рынке. На польском материале нами было установлено, что импортная печать превалировала над местной, и цены на этом рынке были в среднем в несколько раз выше, чем в Священной Римской империи, что давало торговцам из германских городов экономический стимул привозить в большом количестве книги в Польшу. Можно предположить, что ценовая разница мотивировала польских и немецких книготорговцев и в случае с территориями Великого Княжества Литовского. М.Б. Топольская фиксирует, что абсолютное большинство книг в библиотеках местной знати состояло именно из импортной литературы [7; 8]. В отсутствии покамест собранных данных о ценах на печатные книги в ВКЛ, адекватной выглядит гипотеза, что цены в среднем были выше, чем в Короне. И хотя в Вильне публиковались произведения на латинском и польском языках для последующего экспорта [6, с. 78, 202], сведения о постоянных каналах экспорта печатных книг латинской графики из княжества отсутствуют, в то время как каналы импорта в целом известны.

В первую очередь книги на польском и латинском языках ввозились в Литву из Польши. Известны контрагенты польских предпринимателей в Великом Княжестве Литовском. На краковского печатника М. Вижбенту работал виленский мещанин Я. Кацерл (Картель), а познаньские книготорговцы второй половины XVI в. перепродавали свои товары виленским книготорговцам: из контрагентов К. Патруса известны имена В. Фрёлиха и С. Богдана; из контрагентов С. Винклера – местный книготорговец и переплётчик Я. Маркович [12, с. 237–238; 14, с. 235]. Краковские предприниматели Я. Зибенайхер и Я. Шарфенерг имели связь с вышеупомянутым

С. Богданом, а также с виленским печатником Я. Крацаном (до того был агентом краковского печатника Миколая Шарфенберга) и А. Лампартовичем [6, с. 212]. Книги латинской графики, напечатанные в Польском королевстве, доходили через Литву и до Московии. Хотя по описям русских библиотек зачастую невозможно судить о происхождении книги: издания на польском языке записывались как «книга польская» вне зависимости от того, была она издана в Короне или в Великом Княжестве Литовском [15, с. 164].

На материале каталогов тех же библиотек (Курницкая, Познанского общества друзей науки и Библиотека Варшавского университета), на которых нами была проанализирована статистика цен в Польском королевстве, можно обнаружить несколько записей о покупке книг на территории Великого Княжества Литовского во второй половине XVI в. На экземпляре «Epistolarum Leonis X» П. Бембо (Базель, 1547) обнаруживается запись о приобретении книги М. Надольским в Вильне в 1562 г. за 40 литовских грошей [1, с. 145]. Экземпляр словаря А. Калепино (Базель, 1558) был приобретён там же за 3.5 злотых [2, с. 51]. Оба издания сохранились в кожаном переплёте XVI в., в котором, вероятно, и были приобретены покупателями. В первом случае тиснение блинтовое, во втором – блинтовое и золочёное. Заметим также, что цена обоих покупок выше установленной нами средней цены печатной книги в Польском королевстве в XVI в. (44.7 польских грошей). Впрочем, разумеется, таких единичных данных недостаточно для статистического анализа. Любые выводы по поставленной проблеме возможны только после агрегирования большого массива данных о старопечатных книгах в собраниях Беларуси, Литвы, России, Польши и Украины. Таким образом, перспективы исследования истории книготорговли в регионе зависят напрямую от степени каталогизации фондов печати латинской графики XVI в. в перечисленных странах.

1. Katalog druków XVI wieku w zbiorach Biblioteki Uniwersyteckiej w Warszawie. T. 2, B. Cz. 1–2 / oprac. T. Komender, H. Mieczkowska. – Warszawa : Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1998. – 944 s.

2. Katalog druków XVI wieku w zbiorach Biblioteki Uniwersyteckiej w Warszawie. T. 3, C-E / pod red. H. Mieczkowska; materiał proweniencyjny oprac. pod kierunkiem M. Cubrzyńskiej-Leonarczyk. – Warszawa : Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2007. – 926 s.

3. Kawecka-Gryczowa, A. Biblioteka ostatniego Jagiellona. Pomnik kultury renesansowej / A. Kawecka-Gryczowa. – Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1988. – 341 s.

4. Łowmiańska, M. Wilno przed najazdem moskiewskim 1655 roku / M. Łowmiańska. – Wilno : Wydaw. Magistratu m. Wilna, 1929. – 198 s.

5. Monumenta Poloniae Typographica XV et XVI saeculorum. Vol. I. / red. J. Ptaśnik. – Leopoll : Sumptibus Instituti Ossoliniani, 1922. – 456 s.

6. Niedźwiedź, J. Kultura literacka Wilna (1323–1655). Retoryczna organizacja miasta / J. Niedźwiedź. – Kraków : Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych, 2012. – 500 s.

7. Topolska, M. B. Czytelnictwo książek wydanych na Litwie i Białorusi w XVI i pierwszej połowie XVII wieku. Cz. 1. Literatura religijna i polemiczna / M. B. Topolska // Pamiętnik Biblioteki Kórnickiej. – 1979. – Z. 15. – S. 203–237.

8. Topolska, M. B. Czytelnictwo książek wydanych na Litwie i Białorusi w XVI i pierwszej połowie XVII wieku. Cz. 2. Czytelnictwo książki świeckiej / M. B. Topolska // Pamiętnik Biblioteki Kórnickiej. – 1980. – Z. 16. – S. 245–274.

9. Topolska, M. B. Czytelnik i książka w Wielkim Księstwie Litewskim w dobie Renesansu i Baroku / M. B. Topolska. – Wrocław : Ossolineum, 1984. – 338 s.

10. Urban, W. Ceny książek w Polsce XVI i XVII wieku / W. Urban // Biuletyn Biblioteki Jagiellońskiej. – 1996. – R. 46. – S. 61–67.

11. Басов, И. М. Цены на рынке печатной книги в Польском королевстве в XVI в. / И. М. Басов // Экономическая история. – 2024. – Т. 20. – № 3. – С. 247–258.

12. Владимиров, Л. И. Всеобщая история книги / Л. И. Владимиров. – М. : Книга, 1988. – 312 с.

13. Ісаєвич, Я. Українське книговидання: витоки, розвиток, проблеми / Я. Ісаєвич. – Львів : Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2002. – 520 с.

14. Нікалаеў, М. Гісторыя беларускай кнігі. Т. 1 : Кніжная культура Вялікага Княства Літоўскага / М. Нікалаеў. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2009. – 424 с.

15. Сапунов, Б. В. Старопечатные белорусские книги в русских библиотеках XVII в. / Б. В. Сапунов // Белорусский просветитель Франциск Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве / ред. И. Г. Древлянская. – М. : Наука, 1979. – С. 164–169.

Вардомацкий Л.М.

«ПОРЯДОК ШКОЛЬНЫЙ ИЛИ УСТАВ ЛЬВОВСКОЙ СТАВРОПИГИЙСКОЙ БРАТСКОЙ ШКОЛЫ» КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Ключевые слова: история языка, памятник письменности, текст, деловой стиль языка, народно-разговорный язык, территориальные диалекты.

Памятники восточнославянской письменности несут в себе не только огромный потенциал для изучения собственно исторических фактов, процессов, событий давно минувших времен, но и, что не менее важно, способствуют объективной интерпретации этих фактов и событий применительно к дню сегодняшнему. И это в полной мере соответствует задачам исследования языковых особенностей письменных памятников различных исторических эпох, территорий и этносов, а также исторических процессов, протекавших в языках в разные времена и сформировавших их современное состояние. И здесь с сожалением следует отметить, что, в сравнении с изучением «истории фактов», изучение истории языка на основе текстов исторических документов и памятников письменности не представляет собой выраженного исследовательского единодушия. Мнения историков-языковедов расходятся от высокой степени доверия к языку памятников письменности до почти полного отрицания возможностей описания и систематизации языка этноса конкретной эпохи по его письменным памятникам, поскольку, как принято считать, эти тексты написаны трафаретным языком, в основе которого – книжная традиция церковнославянского письма, и поэтому они не отражают живую речь жителей, а значит живой язык этноса и территории. Но и те, и другие выводы нам кажутся поспешными, поскольку не всегда базируются на скрупулезном анализе текстов оригинальных или наиболее близких к первоисточнику, не претерпевших разного рода субъективных и объективных редакций. И до сегодняшнего дня некоторые известные письменные памятники все еще остаются за пределами научного внимания языковедов.

Одним из таких письменных памятников, на наш взгляд, является документ, известный под названием «Порядокъ школьный или Уставъ Львовской Ставропигійской братской школы» (далее в тексте «Порядок школьный…»). Первая публикация этого документа была осуществлена в 1863 г. профессором «русского языка и словесности русской» Львовского университета Я.Ф. Головацким, который затем передал текст Н.И. Костомарову, готовившему к публикации второй том «Актов, относящихся к истории Южной и Западной России». В этом издании в 1865 г. и был опубликован доступный нам сегодня полный оригинальный текст «Порядка школьного…» под указанным выше развернутым названием [1]. Именно это издание документа, наиболее близкое к оригиналу, хорошо известно и описано историками и исследователям истории школ и образования на восточнославянских землях. Однако представителей этих наук, как правило, интересует фактологическая, содержательная часть документа. Его языковые особенности, лексическая и грамматическая структура, столкновение в нем книжное-письменных и разговорно-бытовых языковых стихий, традиций и новаций, насколько нам известно, так и не стали предметом комплексного лингвистического анализа. И причин, определяющих неоднозначное отношение языковедов к этому документу, несколько. Среди них как причины внешнего, так и собственно лингвистического характера. О внешних причинах мы здесь говорить не будем – это тема совершенно другой дискуссии. Причины собственно лингвистического характера концентрируются вокруг различного отношения к понятию «книжно-литературный язык» эпохи между поздним Средневековьем и Новым временем – временем, как известно, переломным в культурной и политической жизни восточнославянских народов. В связи

с активным развитием образовательной деятельности и книгопечатания и одновременно отсутствием собственных языковедческих нормализующих разработок, авторы текстов этого времени в значительной степени продолжают ориентироваться на древнерусские и церковнославянские письменные традиции, подражая устоявшимся языковым формулам. И этим объясняется относительное языковое единообразие письменных текстов, созданных на обширнейшей территории, заселенной восточными славянами. В реальности же, как принято считать, языки устно-бытового общения населения различных территорий заметно отличались как от языка письменности, так и от языка соседних родственных племен. И даже в более поздний, «московский период развития русского литературного языка, – как пишет Е.А. Кедайтене, – книжно-славянская и народно-литературная стихия были противопоставлены друг другу» [2, с. 188].

Однако далеко не все исследователи истории языка согласны с таким пониманием развития истории языков. В.В. Колесов, например, основываясь на изучении языковых особенностей различных диалектных зон, пришел к убеждению, что «Расхождения в языке между славянскими племенами в древности проявлялись в незначительной степени в лексике и в звучании слов – в фонетике» [3, с. 15].

Если опираться на мнение о значительном расхождении (противопоставлении) «книжно-славянской и народно-литературной стихий», то следует признать, что письменные языки – это в основе своей искусственные формы, по которым нельзя судить о живом народном языке определенного времени на определенной территории. И, следовательно, можно говорить лишь об относительной полезности исследований языка большинства восточнославянских памятников письменности для установления фонетической и лексико-грамматической структуры живого языка конкретной восточнославянской территории.

На наш взгляд, обобщенные теории о противопоставлении двух языковых стихий (книжно-письменной и разговорно-бытовой) значительно упрощают действительную суть проблемы. На самом деле при изучении истории языка по памятникам письменности речь должна идти об изучении языковых особенностей каждого конкретного документа, относимого к памятникам письменности, поскольку в жанрово-стилевом отношении все тексты существенно различаются.

Действительно, попытки увидеть сквозь призму делового документа устно-бытовую речь его создателя – работа крайне сложная, требующая кропотливого анализа и поисков в тексте документа особенностей передачи сочетаний букв, морфем, слов, и словосочетаний, не свойственных распространенным стереотипам книжно-письменного языка.

Для исследователей не языковедов какие-то варианты и особые элементы написаний, как правило, представляются несущественными, и при анализе или копировании текстов они могут ими пренебрегать (что часто и наблюдается в исследованиях неязыковой направленности). Для историка-языковеда именно такие отклонения от «общепринятого» написания – ошибки, описки, неточности – в своей совокупности дают материал для выводов о народно-разговорной основе языка изучаемого текста.

Именно с таких позиций рассмотрим некоторые языковые особенности текста уже упомянутого нами «Порядка школьного…» 1586 г.

Однозначно определить жанр этого документа достаточно сложно. Во всяком случае он не укладывается в рамки делового стиля речи, хоть и называется уставом. В тексте не выделяются устойчивые языковые клише, свойственные собственно деловому документу. В качестве относительного исключения можно разве что привести примеры использования в каждом пункте документа таких оборотов, как *маеть быти, мають вписовати, маеть взяти, мають початись* и под., сближающих документ с текстом инструкции.

И вместе с тем, в тексте «Порядка школьного…» отмечаем наличие особенностей, существенно отличающих текст этого документа от других документов официально-делового стиля. Среди таких особенностей – тематические отвлечения, параллели, сравнительные обороты. Так, в пункте 17 «Порядка школьного…» в одном абзаце последовательно представлены три стилистически разнородные фразы. Первая, собственно инструктивный характер текста (правила): «*Кгдыбы тыжъ хлопець въ единъ день до школы ходилъ, а другій занедбовалъ и такъ едно часъ бы собѢ тратилъ въ речи при школѢ, такого болше не пріймати».* Вторая – семантическая параллель: «*Бо и барвѢръ (*вероятно, барбѢръ – «брадобрей, парикмахер, выполнявший одновременно обязанности лекаря *– Л.В.), кгдыбы хорого въ единъ день лечилъ, а въ другій занедбалъ,* вм*Ѣсто леченя въ болшую бы хоробу его приправилъ».* И третья часть – поговорка-поучение библейского происхождения, сохраняющая особенности церковно-книжного языка: «*Рече бо: всякого брата, не по чину ходяща, отрицайся*». И каждое из двадцати положений «Порядка школьного…» состоит как минимум из двух разностилевых частей. Это добавляет сложностей для языковедческого анализа, но одновременно и облегчает работу, поскольку стилевой контраст подсказывает, в каких местах текста можно и нужно искать отклонения от письменной традиции, продиктованные писцу привычками его ежедневного бытового устного общения.

Рассмотрим в этом плане несколько примеров из текста «Порядка школьного…».

Во всем тексте абсолютно последовательно отсутствует графическое указание на необходимость мягкого прочтения Л [л] в сочетаниях Л с последующим согласным: *великою пилностю, толко не пилней, школного, строителей школныхъ, учителски, толко наукою, болщую хоробу, болше* и под. Анализируя такие написания (их абсолютную последовательность), можно было бы судить о том, что звук [л] в родном говоре создателя текста только мягкий и, следовательно, дополнительного обозначения мягкости не требуется – в любом случае [л] всегда и только мягкий. Но написания других слов свидетельствуют, что [л] был парным по твердости/мягкости. Сравним: *дидаскалъ*, но *учитель*; *немалый*, но *вливаны*; *зъ выкладом*, но *заляцаны*.

Отсюда вывод может быть только один – в сочетаниях *-лн-*, *-лк-*, *-лс-*, *-лш-* в середине слова Л произносился в соответствии с написанием, то есть был твердым. И это была одна из фонетических особенностей территориального говора, родного для устроителей братской школы.

Звуки [ж’], [ш’], [ч’], как известно, в древнерусском языке были только мягкими. Около XIV в. по говорам начинается постепенное (не параллельное) их отвердение. Этот процесс отразился и в тексте «Порядка школьного…». Сравним: *присужоно, подлейшого, гдыжъ*. Встречающиеся в тексте формы типа *послушенство* не противоречат данному утверждению, поскольку написание после шипящей гласной Е еще не говорит о палатальности шипящего. Сравним в современном русском языке: *широкий, женщина*.

Написания зъ *чого*, *чого научить* свидетельствуют о наличии тенденции к отвердению [ч] в родном говоре создателя текста. (Сравним с современным белорусским: *з чаго, чаму*). А написание *черга*, как и в случаях с [ш] и [ж], не является показателем мягкости [ч]. (Сравним качество этого звука в современном белорусском [*частка*] и в русском [*часть*]. При одинаковом написании совершенно разное качество [ч]).

Диалектные особенности заметно представлены и на морфологическом уровне текста, например, глагольными формами долженствования, о которых уже упоминалось выше: *маеть быти благочестивъ, мають быти приставлены, маеть быти данъ реестръ, мають дидаскали вписовати дѢти, маеть быти и заплата имъ, отпуститися мають, маеть взяти, маеть его учити, не мають початись учити.* По свидетельству М.Н. Шевелевой, «конструкции *иму (имѢть)* + инфинитив, получившие широкое

распространение в вост.-слав. ареале и развившиеся впоследствии в части диалектов в будущее время, фиксируются в памятниках с XIII в.» [4, с. 44]. В нашем случае мы наблюдаем дальнейшее разрушение первоначальных личных форм этого нетематического глагола и его диалектное развитие: (*он) имать → маеть, (они) имуть → маюць*. Сравним в современном белорусском: *як мае быць, мець гонар, мець надзею, мець магчымасць, мець рацыю*, *маюць магчымасць*.

Подводя некоторые итоги можно отметить, что приведенные здесь примеры и рассуждения свидетельствуют, что исторический документ, известный под названием «Порядок школьный или устав Львовской Ставропигийской братской школы», с точки зрения выявляемых в тексте отражений живой, устной речи, трудно отнести к какому-либо из восточнославянских языков. В тексте проявляются диалектные особенности, соотносимые с каждым из восточнославянских языков, однако в количественном отношении, на наш взгляд, все же превалируют признаки, соотносимые с современными белорусскими диалектными и литературными формами.

1. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. – Т. 2 : 1599–1637 / [ред. Н. Костомаров]. – СПб. : Типография Эдуарда Праца, 1865. – 314 с.

2. Кедайтене, Е. И. Формирование славянских национальных литературных языков / Е. И. Кедайтене // Вестник РУДН, сер. Лингвистика. – 2002. – № 5. – С. 185–198. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-slavyanskih-natsionalnyh-literaturnyh-yazykov/viewer (дата обращения: 10.04.2025).

3. Колесов, В. В. Историческая грамматика русского языка : учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / В. В. Колесов. – СПб. : СПбГУ, 2010. – 512 с.

4. Шевелева, М. Н. О древнерусском глаголе имѣти, посессивных конструкциях и сложном будущем с имамь / имоу в ранних восточнославянских текстах / М. Н. Шевелева // Вопросы языкознания. – 2019. – № 6. – С. 32–50.

Космач В.А.

“ПАБУДОВА ДВАРА МАРКАЎСКАГА”

Ключевые слова: Великое Княжество Литовское (ВКЛ), великокняжеский двор, город, местечко, мещане, повинности, староство, село, деревня.

Деревня Марково сегодня – центр Марковского сельского совета в Молодечненском районе Минской области Республики Беларусь [4]. Это одна из старейших белорусских деревень. В письменных источниках Марково впервые упоминается под 1415 г. и в Великом Княжестве Литовском (ВКЛ) было известно как великокняжеский двор, село и центр Марковского староства [1, с. 66–98; 2]. Из «Списка русских городов дальних и ближних» М.Н. Тихомирова видно, что Марково существовало уже до 1415 г., причем в статусе «города» наряду с Лоском. Других подобных «городов» в конце XIV – начале XV в. на территории верховий р. Вилии и нёманской Березины не было [2, с. 34].

В начале XVII в. местечко и великокняжеский двор Марково, как Марковское староство, успешно развивались, что видно из рукописного источника «Пабудова двара Маркаўскага» («Строение двора Марковского»). Он написан на польском языке[1], автор его не известен. Скорее всего, это подробный хозяйственный инвентарь Марковского двора и староства, датированный 1616 г. Это рукописный текст объемом в 41 страницу. Часть страниц и концовка текста, как и обложка, отсутствуют. Этот редкий по истории Молодечненщины и деревни Марково источник хранится в отделе рукописей библиотеки Варшавского университета в Польше, с которым повезло поработать автору, как и разыскать его [5]. Он введен уже нами в научный оборот в своем полном виде в 2022 г. [3, с. 27–43].

[1] Перевод на белорусский язык выполнен кандидатом филологических наук, доцентом Юрием Михайловичем Бабичем, за что автор выражает искреннюю признательность.

Начинается этот источник подробным описанием Марковского двора [3, с. 27–29]. Затем идет такое же описание Марковского фольварка с подробной информацией о коровнике и числе животных и птиц в нем. В документе указывается, что в коровнике насчитывалось 10 коров, из которых 6 – дойные, 8 овец, 15 волов, 7 телят, 14 быков и бычков, 1 баран, 18 гусей, 90 кур и 20 качеров [3, с. 29]. В фольварке имелось большое гумно, в котором хранились запасы зерновых культур – всего 616 коп [3, с. 30]. Описаны также огород, сады, дворные луга и два озера с двумя мельницами. Указано, что всего озер в Марковском дворе – четыре (3 старые и 1 новое) [3, с. 30–31].

Из источника видно, что в Марково был большой рынок, где марковские мещане торговали. Названы улицы Лебедевская, Кревская, Ковальская и Старгонская (скорее всего Сморгонская. – *В.К.*). Указаны мясники (4 человека) и ремесленники (7 человек). А вот пивные заведения (корчмы) в Марково держали 10 хозяев [3, с. 33]. О Марковской корчме сказано, что «у гэтай карчме ёсць мёд, піва, гарэлка, авёс, сена і іншае. Даход дае немалы, асабліва калі каму аддаць у арэнду» [3, с. 33].

Особое внимание в источнике уделено неизвестным автором описанию Марковской Свято-Троицкой церкви. Отмечено, что «Гэта царква Святой Троицы, зроблена з круглага дрэва. Новы гонтавы дах. На даху – жалезны крыж, пабелены, з латуневымі зоркамі. Перад царквой – ганак, абабіты дошкамі, з дзвярамі на доўгіх жалезных завесах. На ўваходзе ў царкву – дзверы дубовыя на доўгіх жалезных завесах. У царкве – тры шкляныя акны, абразы паводле царкоўнай традыцыі. Тут жа, у царкве, адзін невялікі завешаны звон.

Званіца гэтай царквы пабудавана пад дахам, зробленым з драніцы. Тут два вялікія званы.

Начынне гэтай царквы. Малая срэбная чаша, падараная панам Юзафам Казлом. Абрус белы вышываны. Міска і малая лыжка, пакрытыя чырвоным чахлом, Евангелле ў драўлянай аправе. Другое Евангелле ў чорнай аксамітнай аправе. На адным баку – пазалочаная сярэбраная дошчачка, на гэтай дошчаццы выбіты крыж. На другім баку ёсць знак, дзе была другая такая дошчачка, якой зараз няма. Трэцяе Евангелле ў чорнай аксамітнай аправе. Зверху Евангелля срэбраная дошчачка, пазалочаная. На ёй выбіты мукі на крыжы.

Па вуглах – выявы чатырох евангелістаў, пазалочаныя, сярэбраныя. На другім баку гэтага Евангелля выбіты золатам словы, якія славяць Бога. Ёсць служэбнік, псалтыр, Апостальскія кнігі. Адна кніга старая, папсаваная, іншых кніг старых папсаваных – дзесяць. Кнігі з выявамі святых зашпільваюцца чорным рэмнем. Латуневае кадзіла, драўляны абраз пазалочаны, другі абраз, пазалочаны мастацкай фарбай, трэці абраз, пазалочаны, з выявай Святога Спаса, яшчэ тры пазалочаныя абразы, Харугвы з крыжамі, падсвечнік драўляны на жалезнай падстаўцы, на ёй яшчэ тры бляшаныя малыя падсвечнікі. Невялікая скрынка з бляхі са скарбонкай, скарбонка з накрыўкай. Тут захоўваецца сакрамэнт. Драўляная міска, пакрытая пазалочаным пакостам, жоўтая, жалезны падсвечнік» [3, с. 34].

В этом же источнике перечислены основные ежегодные повинности марковских мещан, которые сводились к следующему: «Маркоўскія мяшчане павінны штогод плаціць чынш з рынкавых даходаў з кожнага пенёндза $7^1/_2$, з агульных даходаў $2^1/_2$. З іншых даходаў чынш па 40 грошы, за валокі – па 12 грошы, па 3 грошы з пашавых маргоў, па 3 грошы з маргоў сенажатных. З мёдавай і піўной карчмы – з кожнай па 60 грошы. Рамеснікі, пекары і іншыя па 1 грошы. Ад кожнага мясніка – 20 грошы. Павінны даваць падводы для маскоўскага князя і іншых хрысціянскіх паноў. Затое ім плаціць павінны тыя, хто бярэ, за кожную мілю. Бясплатна павінны даваць падводы, калі дзеля патрэб дворных трэба ехаць за 5 міль. Іншыя павіннасці адпрацоўваць не прымушаюць» [3, с. 34].

Историческая ценность и значимость «Пабудовы двара Маркаўскага» еще и в том, что в этом источнике даны не только подробное хозяйственное описание Марковского двора и великокняжеского села, но и детальная характеристика тех деревень (сёл), которые входили в Марковское староство на 1616 г. В их числе и село Талуи, где родился и вырос автор данной публикации. Это самый ранний письменный источник, где впервые упоминаются Талуи, как и другие соседние сёла (деревни) вместе с жителями и указанием размеров земельных владений и угодий на каждый двор в волоках. Нынешняя деревня Талуи, как и раньше, соседствует с деревней Марково. В Талуях сегодня проживают только два коренных жителя этой деревни, остальные жители – приезжие либо дачники. В 1616 г. в «Пабудове двара Маркаўскага» Талуи были селом и в инвентарном плане выглядели так [3, с. 41–42]:

Сяло Талуі. 10 валок

Абрам Пятровіч	½	Грышка Лукашэвіч	½
Пракоп Жыковіч	¼	Астапка Абрасовіч	¼
Максім Кадысь – пасяленец	¼	Пустыя	¼
Пракоп Жыковіч	¼	Сцяпан Івановіч	½ (пад сад)
Пустыя	½	Марцін Дзядковіч – пасяленец	½
Клім Дзядковіч	½	Лукаш Мануйловіч	½
Гэты ж Клім як пасяленец	¼	Хведар Пракаповіч – пасяленец	½
Пустыя	¾	Сідар Мануйловіч	½
Дзям'ян	¼	Епімах Кадышэвіч	¼
Радзькова ўдава –		Павел Кухар	¼
Пасялянка	½	Абрам Пятровіч – пасяленец	¼
Пустыя	½	Пустыя	½
Іван Бубен – пасяленец	½		

Маргі з пашай

Іван Самуйловіч у Чэрвені	1	Фёдар Пракаповіч	½
Радзькова ўдава	1	Грышка Лукашоў	1½
Максім Пятровіч	1	Абрам Пятровіч	
Сідар Мануйловіч	1½	у Цірэчынкава	1½
Лукаш Мануйловіч	½	ў канцы Барэйкаўскіх	

Маргі з сенажаццю ў гэтым сяле

Абрам Пятровіч у Каптурове	1½	Абрам Пятровіч у Каробчыне	1½
у бярэзніку на чыншу	3½	Лукаш Мануйловіч	
Пракоп Жыковіч у Юркаве	1½	у Марашчыне	2½
у Каптурове на чыншу	2½	Астапка Амбрасовіч у Паўлюкове	1¼
Іван Дзядковіч			
у Маладзейкаве	2½	Амброс Манідовіч у Паўлюкове	1¼
Іван Самуйловіч у Маладзейкаве		Грышка Лукашэвіч у Паўлюкове	1
з пляменнікамі	2½	у Алешыне	1¼
Дзямід у Літоўцы	1	і на чыншу	2¼
Сцяпан Іванавіч – садоўнік		Іван Бубен у Алешыне	1¼
у Паўлюкове	1½	Іван Самуйловіч у Марашчыне і	
у Баброве каля сажалкі		Кавалеўскім	1
і ў беразняку ½ і на чыншу	3	Іван Самуйловіч у Каробчыне	
Сідар Мануйловіч у Машніне		з пляменнікам	1
і ў Марашчыне	2½		

Космачей в Талуях 1616 г. еще нет. Они появятся здесь в середине XVIII в.

Интерес для историков представляют повинности крестьян Марковского староства, в том числе «Галоўная павіннасць Маркаўскай воласці Польнага войтаўства», которая сводилась к следующему [3, с. 43]: «Сёлы Халуцічы, Скавародкі, Засковічы, Кавалі, Грамовічы, Кузюткі, Астасковічы, Капусцічы, Кілбасічы, Талуі, Скарынічы – усе гэтыя названыя сёлы кожны год плоцяць чынш з валок. Кожны жыхар павінен заплаціць 28 грошы і 5 пенёндзы, дзве бочкі аўса, адзін воз сена, адну гусь, дзве курыцы, дваццаць яек. З валок, якімі карыстаюцца пасяленцы, з пашавых маргоў павінны плаціць па 3 грошы, з сенажатных маргоў – па 1 грошу. Два сялы пастаянна з валок плоцяць чынш па 3 грошы і па 1 возу сена, адну гусь, дзве курыцы, дваццаць яек. Сяло Хадковічы плоцяць з валок чынш па трыццаць пяць грошы, адну бочку аўса, адзін воз сена, адну гусь, дзве курыцы, дваццаць яек. З валок, якімі карыстаюцца пасяленцы,

па дзве капы. А калі ёсць грошы, то плоцяць грашамі замест гусі, курэй, аўса. Атрымліваецца не больш».

Таким образом, «Пабудова двара Маркаўскага» – это важный исторический источник по истории Беларуси периода Великого Княжества Литовского (ВКЛ), Ошмянского и Вилейского уездов Виленской губернии, «малой Родны» тех, кто родился и вырос на территории бывшего Марковского староства.

1. Барыс, С. В. Нарачанка і яе берагі / С. В. Барыс, А. В. Рогач. – Мінск : Зміцер Колас, 2013. – 712 с.
2. Бохан, Ю. М. Мястэчкі і працэсы ўрбанізацыі на землях Беларусі ў XV–XVIII стст. / Ю. М. Бохан [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 2020. – 292 с.
3. Космач, В. А. Талуи: история деревни, ее жителей и окрестностей / В. А. Космач. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2022. – 344 с.
4. Маркава // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. – Т. 5 / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (галоўны рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1999. – С. 74.
5. Пабудова двара Маркаўскага // Библиотека Варшавского университета (Польша). Отдел рукописей. 1616 год. № 336. – 41 с.

Доўнар А.Б.

КРЫНІЦЫ ПА ГАНДЛІ ЛЯСНЫМІ ТАВАРАМІ Ў 30-я ГАДЫ XVII ст. (НА ПРЫКЛАДЗЕ МАЁНТКА ПАСТАВЫ)

Ключавыя словы: крыніцы, гандаль, лясныя тавары, 30-я гг. XVII ст., Паставы.

Гандаль ляснымі таварамі ў часы Вялікага Княства Літоўскага (ВКЛ) меў важнае значэнне ў структуры знежняга гандлю. Асноўныя накірункі, асаблівасці, дынаміку гандлю ляснымі таварамі ў ВКЛ у агульных рысах разгледзіў у сваёй манаграфіі О. Гедэман [3]. У дадзеным артыкуле мы разгледзім на прыкладзе маёнтка Паставы 30-х гг. XVII ст. крыніцы па гандлі ляснымі таварамі.

У пачатку XVI ст. Паставамі валодаў Юрый Іванавіч Зяновіч (памер 1517 г.), пасля яго смерці – яго сыны: Мікалай, Міхаіл, Юрый і Ян. Кожны з сыноў атрымаў сваю частку маёнтка. І ў кожнай частцы Пастаў пэўны час была свая гісторыя. У 30-я гг. XVII ст. адной часткай Пастаў валодала дачка Крыштафа Зяновіча Ганна Сафія, якая ў 1628 г. выйшла замуж за Альбрэхта Уладзіслава Радзівіла. У 1637 г. яна падаравала сваю частку Пастаў Юрыя Яну Юр'евічу Зяновічу [1, с. 54–55].

У другой трэці XVII ст. маёнтак Паставы дынамічна развіваўся. Гаспадарка Пастаў мела трывалыя сувязі з рознымі рэгіёнамі краіны: Вільняй, Нясвіжам, Навагрудкам, Віцебскам, Полацкам, Дзіснай і інш., а ў знешнеэканмічных стасунках з Рыгай.

Гаспадарчае жыццё радзівілаўскага маёнтка Паставы ў перашай палове 30-х гг. XVII ст. была звязана з Аляксандрам Вацлавам Младзецкім (у большасці выпадкаў у дакументах гаспадарчага справаводства ён называўся як Аляксандр, і значна радзей як Вацлаў [2, арк. 49] ці Аляксандр Вацлаў [2, арк. 47 адв.]). Паміж А. У. Радзівілам і А. Младзецкім за першую палову 30-х гг. XVII ст. адносна маёнтка Паставы і гандлю ляснымі таварамі накапілася шмат ўзаемных прэтэнзій. Іх разгляд адбываўся пасля другой палову 1635 г., ужо пасля смерці бакоў. У сувязі з чым у Архіве Радзівілаў захаваліся дакументы бягучага справаводства адносна гаспадарчай дзейнасці А. Младзецкага, найперш адносна гандлю ляснымі таварамі з маёнтку Паставы.

Найперш захаваўся *кантракт* ад 23 ліпеня 1631 г. паміж А. У. Радзівілам з А. Младзецкім на выраб лясных тавараў ў пушчах маёнткаў Паставы і Полава (адзін кантракт быў складзены ад імя А. У. Радзівіла, а другі ад імя А. Младзецкага). Згодна кантракту А. Младзецкі абавязваўся вырабіць лясныя тавары за свой кошт (прадугледжвалася ўкладванне Младзецкім на дадзеную работу сумы ў 600 коп літоўскіх грошаў): попел, поташ, шмальцуг (смалу), дубовыя дошкі, клёпку, ванчос,

балкі, мачты і інш. да вясны 1632 г. і прадставіць Радзівілу. Радзівіл павінен быў купіць дадзеныя лясныя тавары па рыначнаму кошту, «каб нікому не было шкоды». Пры канчатковым разліку ўлічвалася і вышэйзгаданая сума ў 600 коп грошаў, якая варочалася Младзецкаму пры продажу тых лясных тавараў. Згодна кантракту Младзецкі меў права, у выпадку вытворчай неабходнасці, браць у радзівілаўскіх маёнтках Паставы і Полава прадукты харчавання (збожжа, «пітво»). З названых маёнткаў павінны былі пастаўляцца яму падводы для вывазу лясных тавараў з лесу і іх дастаўкі да партовых рэк для наступнага сплаву. Па дамове Младзецкі меў права жыць у двары Полава і мець на сябе ардынацыю (грашовае і харчовае ўтрыманне/узнагароджанне) [1, с. 75; 2, арк. 5–5 адв. (копія), 7–7 адв. (арыгінал), 9–9 адв. (кантракт ад імя А. Младзецкага)]. А. Младзецкі аставаўся адказным за выраб і продаж лясных тавараў з маёнтка Паставы некалькі год.

А. Младзецкі, з'яўляючыся і пастаўскім намеснікам і радзівілаўскім фактарам, павінен быў даваць асобныя справаздачы аб гаспадарчай дзейнасці пастаўскага маёнтка і дзейнасці па нарыхтоўцы і продажу лясных тавараў дадзенага маёнтка. Так, 23 ліпеня 1635 г. А. У. Радзівіл, знаходзячыся ў Смаргоні, засведчыў, што ён падчас свайго знаходжання ў Паставах ўзяў у А. Младзецкага на свае розныя «патрэбы і расходы» 97 зл і 21 польскіх грошаў. Пры чым спецыяльна падкрэслівалася, што квітанцыя аб атрыманні дадзеных грошаў улічвалася не падчас справаздачы з пастаўскага маёнтка, а падчас справаздачы даходаў і расходаў за лясныя тавары [2, арк. 49].

Дакументы сведчаць, што ўтрыманне А. Младзецкаму як адказнаму за выраб лясных тавараў ішло з даходаў Пастаўскага маёнтка. Так, у 1631 г. пастаўскі і полаўскі намеснік Радзівіла Багушэвіч перадаў Младзецкаму 1435 зл і розных прадуктаў харчавання:

– 44,5 бочак жыта: 30 па ардынацыі, а за 14,5 бочак, якія даваліся рамеснікам за работу ў лесе па 3 капы грошаў літоўскіх, што ў суме за 14,5 бочак раўнялася 108 зл 22,5 гр; акрамя гэтага, калі Багушэвіча не было, то яго намеснік Валадкевіч выдаў з Пастаў 6 бочак жыта па 100 грошаў літоўскіх = 25 зл;

– яркі 11,5 бочак: 8 па ардынацыі, а за 3,5 па дзве капы за бочкі = 17 зл 15 гр;

– за два полця саланіны, якія выдаў намеснік Багушэвіч – 6 зл 20 гр;

– за 10 гусей, па 8 гр літоўскіх= 3 зл 10 гр;

– за 15 курэй па 3 гр літоўскіх = 1 зл 26 зл 2 пенязі;

– за 6 парасят па 6 гр літоўскіх = 1 зл 15 гр;

– 45 яек – 7 грошы і 2 пенязі польскіх (цэны прадуктаў разлічваліся па цэнах на торзе ў Вільні ў гэты час).

Усяго з маёнтка Паставы ў 1631 г. А. Младзецкі атрымаў грошаў і прадуктаў на агульную сумму 1599 зл 26 грошаў і 2 пенязі [2, арк. 14].

А. Младзецкі вёў ўлік атрыманых сум і прадуктаў, а таксама запісваў у асобны *рэестр іх расходванне*. У 1631 г. ён адзначыў, што слуга Радзівіла Гараін узяў у яго ў Жуховічах на патрэбы князя, для «пераезда старой пані Пуцілоўскай 20 зл; як і было выдадзена іншаму радзівілаўскаму слузе Крышылоўскаму на справу у Вільні 56 зл. Акрамя гэтага ў артыкулах расходаў А. Младзецкага за 1631 г. былі пазначаны

– 10 зл «на работу» радзівілаўскаму слузе Кандратовічу, які быў пасланы князям да Полава «агледзець лясы, ці ёсць што згоднага да вырабу» лясных тавараў;

– 11 зл на дарогу Младзецкаму да Полава (паездка была неабходна для арганізацыі «пачатку лясной работы» на месцы);

– 8 зл. было дадзена слузе Младзецкага для паездкі ў Віцебск і Полацк, для найма на працу буднікаў і пільнікаў;

– 70 зл былі патрачаны на 9 новых піл для пілення досак і 2 напільнікі;

– 470 зл 26,5 гр было выдадзена нясвіжскім пільнікам за выраб 16 коп і 30 шт досак (за капу па 11 коп літоўскіх грошаў + па асьміне ячменю (па 22,5 гр літ, па 5 кварт солі (па 3 гр польскіх) [2, арк. 14–14 адв.].

Даходы, атрыманыя ад гандлю ляснымі таварамі з Пастаў, забяспечвалі не толькі Радзівіла грашовымі сродкамі, але яны ішлі і на пакрыццё затрат на выраб лясных тавараў. Так, 24 кастрычніка 1634 г. А. У. Радзівіл, знаходзячыся ў Нясвіжы, сваім квітом засведчыў, што пастаўскі і полаўскі намеснік А. Младзецкі перадаў яму «на патрэбы і расходы» 400 польскіх злотых, якія былі атрыманы «за прададзены попел» [2, арк. 50]. А 25 красавіка 1633 г. радзівілаўскі слуга Самуэль Струбіч выдаў квітанцыю, што ён узяў у А. Младзецкага з сумы грошаў за сплаў лясных тавараў з Пастаў і Полава 600 зл для выплаты заробнам ляснікам Радзівіла [2, арк. 26].

Квітанцыя аб «лясных» таварах, расходванні даходаў ад іх продажу раскрываюць разнастайныя бакі гаспадарчай дзейнасці. Так, 24 кастрычніка(?)[1] 1634 г. А. У. Радзівіл, знаходзячыся ў Міры, сваім квітом засведчыў, што А. Младзецкі прывёз і аддаў чатырох рысяў, якія былі забітыя ў Пастаўскай пушчы; чатырох выдр, 22 вэндленых шчупакоў (звычайна, вэндлілі шчупакоў вялікіх памераў), 23 вэндленых вялікіх язяў, тры капы невялікіх шчупакоў, ляшчоў, язяў, двух самоў, 25 рабчыкаў, поўкорца кміну, салянку водных арэхаў [2, арк. 42].

8 мая 1632 г. Цімафей Касабуцкі, слуга Аляксандра Младзецкага, фактара троцкага кашталяна князя Радзівіла, выдаў даведку, што сплавіў на двух платах 14 коп і 50 штук дубовых досак. А пасля сам Младзецкі прыехаў у Рыгу і прадаў тыя доскі 24 чэрвеня 1632 г. Генрыху Жыбену па 50 польскіх грошаў за доску. Што атрымалася за капу досак 100 зл, а за ўсе, без ліку выбракаваных 20 досак, – 1483 зл 10 гр. За тыя тавары Младзецкі ўзяў у Рызе, часткова соллю, 34 беркаўцы солі [2, арк. 13].

Неабходна адзначыць, што ажыццяўляўся пастаянны кантроль нарыхтоўкі і продажу лясных тавараў. Так, 12 верасня 1632 г. слуга А. Младзецкага Генрых Сіберы, які відаць дастаўляў попел у Рыгу, дакладваў свайму пану, што яму паставілі на двух стругах 11 лаштаў «буды» (попелу), «неспадзявана вельмі благой якасці». Пасля «адбракавання» было падсумавана, што на першым стругу знаходзілася тавару на 2 лашты і 2 бочкі добрай якасці («пад лапай»), 3 лашты і 3 бочкі браку, у якіх ішло пры падліку паўтары бочкі браковага тавару як адна добрага – што давала пры падліку добрага тавара 2 лашты і 2 бочкі: агулам пры продажу добрага попелу з першай стругі можна было прадаць 4 лашты і 4 бочкі. У другім стругу знаходзілася попелу добрай якасці адзін лашт і восем бочак, бракованага попелу было 31 бочка, у якіх ішло пры падліку паўтары бочкі бракованага тавару як адна добрага – што давала пры падліку добрага тавара – адзін лашт і 8,5 бочак; у 14 бочак знаходзіўся вельмі бракованы попел, якія пры падліку лічыліся як две бочкі за адну – што давала пры продажу кошт сямі бочак. У суме на другім стругу знаходзілася попелу з разліку продажу як добрай якасці: 8 лаштаў и 3,5 бочак і две бочкі на карысць А. Младзецкага. Сіберту ўдалося прадаць лашт попелу па 60 зл, ён жа прасіў, каб яму прысылалі больш якасны попел з буд, які б можна было б прадаваць за 100 зл. Нізкаякасны попел прыводзіў да «крыўды ў торгу», г.зн. не прыносіў чакаемага прыбытку. У дадзеным выпадку за 8 лаштаў і 3,5 бочкі было атрымана па 60 зл, што ў суме склала 497 зл зл 15 гр. Дадзеныя грошы былі перададзены ўпаўнаважаным Радзівіла: шляхцічу Касабуцкаму для «маладцоў» (матросаў рачных суднаў) – 6 зл, Загорскаму і яго слузе Чыжэўскаму 122 зл, Грыгору Шышлу – астатнія 369 зл і 15 гр [2, арк. 11].

18 красавіка 1635 г., знаходзячыся ў Смаргоні, А.У. Радзівіл паведаміў А. Младзецкаму, што даручыў пастаўскаму мешчаніну Тэадору Кроліку быць галоўным па сплаву платамі да Рыгі лясных тавараў з Пастаўскага маёнтка. У сувязі з чым

[1] Назва месяца схавана пад пячаткай якой быў засведчаны дакумент

Младзецкаму было загадана забяспечыць Т. Кроліка ўсім неабходным для сплава («у дарогу па звычаю і патрэбе») і перадаць яму ў нагляд («дазор») «і заведванне, як усе тавары, якія накіроўваліся да Рыгі, так і кормнікаў і чэлядзь, каб яму ва ўсім, так як яму самому падпарадкоўваліся». Младзецкі павінен быў накіраваць разам з Т. Кролікам яшчэ двух здольных пастаўскіх мяшчан, якіх бы Кролік сам выбраў для дадзенай працы, выдзяліць ім човен, каб усе тыя спрытней дабраліся да месца знаходжання лясных тавараў і хутчэй даставілі іх да Рыгі. Распараджэнні Т. Кроліку даваў непасрэдна А. У. Радзівіл [2, арк. 70].

Але не ўсё ў гаспадарчай дзейнасці Пастаў ішло належным чынам. Так, па паперах асабістай перапіскі А. Радзівіла з А. Младзецкім у лісце ад 1 сакавіка 1631(?) г. Радзівіл здзіўляўся, што з Пастаўскай і Полаўскай воласці не даваліся падводы для вывазу лясных тавараў на бераг – «пакуль трывае санная дарога» [2, арк. 87].

Аб злоўжываннях пры нарыхтоўцы лясных тавараў сведчаць скаргі на Младзецкага падданых Пастаўскага маёнтка. Адна з такіх скарг была пададзена А. У. Радзівілу ў Смаргоні 19 сакавіка 1635 г.: пастаўскія і полаўскія падданыя скардзіліся на полаўскіх ляснічых Гестара і Стахоўскага, што тыя спусташалі пушчы і вырабілі вялікай клёпкі па 1 тыс зл, а меншай на 3 тыс.зл; спецыяльна, з умыслу спілілі і спалілі 90 дубоў, прыгодных для вырабу борцяў, а з пчоламі было знішчана 10 дубоў, пры чым павыбіралі мёд з воскам. Падданыя скардзіліся на буднікаў двух буд, што тыя свавольна вырубалі ліпу. Ад чаго сялянам была шкода, так як найлепшы мёд атрымоўваўся менавіта з ліп, як і з ліпы атрымоўваўся якасны попел (за тое быў пакараны ляснічы Нестар – яго прыгаварылі да біцця пастронкамі. Ляснічых Младзецкага абвінавачвалі ў «выдранні» (знішчэнні) двух дворных борцяў з пчоламі, а пасля «п'янымі буднікамі» яшчэ 10 дворных вулляў [2, арк. 95].

У цэлым, дакументы адносна гандлю лясным таварамі 30-х гг. XVII ст. з маёнтка Паставы прадстаўлены разнастайнымі крыніцамі: дамовамі аб працы, квітанцыямі аб атрыманні грошаў, тавараў з маёнткаў, паперамі асабістай перапіскі, рэестрамі даходаў і расходаў, скаргамі падданых на лясных рабочых і інш. Дадзеныя крыніцы аднаго маёнтка даюць ўяўленне пра правілы і механізмы арганізацыі працы па вырабу і гандлю лясным таварамі, пра ход дадзеных работ, схемы расходвання сродкаў, атрыманых ад дадзенага гандлю.

1. Памяць : гіст.-дакум. хроніка Пастаўскага раёна. – Мінск : БЕЛТА, 2001. – 688 с.
2. Нацыянальны гістарычны архіў. – Ф. 694. Воп. 4. Спр. 2026.
3. Hedemann, O. Dawne puszcze i wody / O. Hedemann. – Wilno : Księgarnia św. Wojciecha, 1934 – 187 s.

Субоцін А.А.

КЛІМАТЫЧНЫЯ З'ЯВЫ XVII ст. НА ТЭРЫТОРЫІ ВКЛ ВА "УСПАМІНАХ" АЛЬБРЭХТА СТАНІСЛАВА РАДЗІВІЛА

Ключавыя словы: ВКЛ, клімат, надвор'е, гістарычная кліматалогія, мемуарная літаратура.

Пры рэканструкцыі клімату мінулых стагоддзяў, калі адсутнічалі інструментальныя метэаралагічныя даследаванні, асаблівую каштоўнасць маюць такія пісьмовыя крыніцы, як дзённікі і мемуары, якія дазваляюць ахарактарызаць стан надвор'я па ўласных назіраннях іх аўтараў. Яскравым прыкладам мемуарнай літаратуры Рэчы Паспалітай XVII ст. выступае твор "Успаміны пра падзеі ў Польшчы", запісаны канцлерам вялікім літоўскім Альбрэхтам Станіславам Радзівілам. "Успаміны" ўяўляюць сабой дзённікавыя запісы, зробленыя ў прамежак часу з 1632 г. да 1656 г., дзе

апавяданне хаця і адбываецца па канкрэтных датах, але часта выходзіць за ўказаныя храналагічныя рамкі, і аўтар можа апісваць падзеі ранейшыя па часе або ў цэлым распавядаць пра факты цэлага месяца, што характарызуе гэты твор як дыярыуш з элементамі мемуараў. Сярод грамадска-палітычных, рэлігійных, культурных падзей Рэчы Паспалітай і фактаў з асабістага жыцця Радзівіл у сваім творы часта звяртаў увагу і на стан надвор'я, якое ён фіксаваў не толькі на тэрыторыі Польшчы, Украіны, але і калі знаходзіўся ў Вялікім Княстве Літоўскім.

Першыя запісы, зробленыя ва "Успамінах пра падзеі ў Польшчы", датычыліся як раз кліматычных умоў. Альбрэхт Станіслаў Радзівіл пачаў сваё апавяданне з таго, што зіма 1631/1632 гг. была няўстойлівай і зменлівай. У гэты час у наваколлях Пінска ў студзені 1632 г. ад працяглых дажджоў дарогі сталі небяспечнымі для пераездаў, бо разліліся рэкі і падтаялі балоты, якімі быў багаты адзначаны рэгіён. Аднак у адну з начэй месяца надвор'е рэзка стала марозным. Гэта дазволіла Станіславу Альбрэхту выправіцца са сваім братам Жыгімонтам Каралем Радзівілам і вялікай працэсіяй з Нясвіжа ў Пінск на сеймік, які мусіў адбыцца 20 студзеня [3, s. 101].

Наступны па храналогіі запіс, які можа ахарактарызваць кліматычныя ўмовы на тэрыторыі ВКЛ, і ў прыватнасці ў Беларусі, быў занатаваны Альбрэхтам Станіславам Радзівілам пад 1633 г. У гэты год 20 мая кароль Рэчы Паспалітай Уладзіслаў IV паляваў пад Гродна. Пры гэтым аўтар "Успамінаў" адзначыў, што моцны вецер, які ўзняўся ва ўзгаданы дзень, не перашкодзіў каралеўскім ловам, і манарх быў на паляванні да вечара [3, s. 307].

Летам 1633 г. Уладзіслаў IV збіраўся прыбыць у Вільню для прыняцця прысягі перад феадаламі ВКЛ у сувязі са сваім уступленнем на прастол. Ва "Успамінах" Радзівіла апісанні адзначанай падзеі суправаджаліся таксама асобнымі згадкамі пра ўмовы надвор'я. Так, 17 чэрвеня дэлегацыя караля, у складзе якой, відаць, знаходзіўся і Альбрэхт, на шляху ў сталіцу ВКЛ вымушана была прыпыніцца ў Мерачы з-за таго, што многія коні стаміліся ад летняй спёкі [3, s. 309]. Мяркуючы па далейшым апавяданні "Успамінаў", гарачае надвор'е змянілася ў канцы месяца надыходам дажджоў, і 24 чэрвеня, у дзень прызначаны для ўезду караля ў Вільню, працэсія гараджан трапіла пад такі моцны лівень, што не змагла прадэмастраваць сваё параднае адзенне і ўпрыгожванні. Нягледзячы на неспрыяльныя ўмовы надвор'я, сустрэча караля ўсё ж адбылася за мілю ад Вільні, і Уладзіслаў IV змог урачыста ўехаць у горад [3, s. 310–311].

Пад датай 29 кастрычніка 1633 г. Альбрэхт Станіслаў Радзівіл, знаходзячыся ў Нясвіжы, зрабіў запіс пра наступную незвычайную прыродную з'яву: "Глядзець на гэты дзень было страшна, таму што, калі ён надыйшоў, можна было бачыць, не без жаху, як сонца то чырванее, то зацямняецца чырвонымі хмарамі, то святлее" [3, s. 335]. Такі стан неба назіраўся на працягу амаль двух дзён, і, па вызначэнні аўтара "Успамінаў", толькі дзякуючы працяглым малітвам удалося дачакацца ўсталявання нармальнага надвор'я [3, s. 335]. Як бачым, у светасузіранні людзей XVII ст. яшчэ захоўвалася ўспрыманне прыродных працэсаў і кліматычных зменаў як праяўленняў волі Бога або дзеяння звышнатуральных сілаў, на якія можна падзейнічаць адраўленнем культавых абрадаў.

Агульную кліматычную характарыстыку Альбрэхт Станіслаў Радзівіл даў маю наступнага 1634 г., калі занатаваў, што гэты месяц быў адзначаны багаццем вятроў і пажарамі многіх гарадоў [3, s. 377]. Такое апісанне паказвае на ўсталяванне сухога і цёплага надвор'я, якое, як мы мяркуем, мемуарыст адносіў і да тэрыторыі Польшчы, і да тэрыторыі ВКЛ. Гэта часткова працвярджаюць і дэндрахраналагічныя дадзеныя, акумаляваныя ў Атласе засух Старога Свету і Атласе засух Еўрапейскай Расіі, калі за вегетацыйны перыяд 1634 г. сярэдні індэкс вільготнасці па шкале Палмера апусціўся да -4, што адпавядае экстрымальна сухому надвор'ю [2; 5].

Кароткія звесткі пра кліматычныя ўмовы можна сустрэць ва “Успамінах” пад 1636 г. 5 сакавіка Радзівіл распавёў пра ўезд караля ў Вільню без урачыстых цэрымоній на санях [3, s. 520]. Апошняя невялікая акалічнасць тым не менш дае нам інфармацыю пра наяўнасць вялікага снежнага покрыву і халоднае надвор’е ў пачатку вясенняга сезона.

Наступны метэаралагічны запіс, які адносіўся да ВКЛ, зроблены ва “Успамінах” толькі пад 1647 г., калі былі адзначаны экстрымальныя з’явы ва ўладаннях Альбрэхта Станіслава Радзівіла ў Беларусі. 13 чэрвеня ў адным з яго маёнткаў ад удару маланкі загарэўся дом, і агонь не распаўсюдзіўся далей толькі дзякуючы праліўному дажджу. Неспрыяльнае надвор’е з маланкамі, ліўнямі і парывістымі вятрамі панавала ў гэты дзень, па словах літоўскага канцлера, на ўсёй тэрыторыі Беларусі. У прыватнасці, аўтар “Успамінаў” апісаў падчас дадзенай непагадзі з’яўленне ў Нясвіжскім замку нібыта цялегі, запрэжанай коньмі, што коцілася па двары. Можна меркаваць, што гаворка магла ісці пра шаравую маланку, вобразна прадстаўленую Радзівілам. Таксама ён адзначыў, што маланкі двойчы трапілі ў замак, пашкодзілі Нясвіжскі касцёл Божага Цела. Пасля ўпамінання прыроднага катаклізму мемуарыстам былі зроблены апісанні наступстваў стыхіі: з-за працяглых ліўняў адбыліся значныя паводкі і прарыў грэбляў, што адпаведна прывяло да знічшэння пасеваў і сур’ёзных эканамічных страт [4, s. 45].

Асобную характарыстыку на аснове “Успамінаў” мы можам даць зімняму сезону 1647/1648 гг. У запісах за снежань 1647 г. было пакінута наступнае сведчанне: “Я спяшаўся да двара і з вялікімі цяжкасцямі пераправіўся па недастаткова скаванай льдом рацэ да Пінска” [4, s. 56]. Гэтае апісанне паказвае, што ў пачатку зімы на тэрыторыі паўднёвай Беларусі назіралася няўстойлівае надвор’е з частымі адлігамі, якія прывялі да таго, што рэкі на асобных участках не пакрыліся дастатковай таўшчынёй лёду, здатнай для перамяшчэння па ім на санях. Падобнае ж па змесце апісанне Альбрэхт Станіслаў Радзівіл пакінуў і пра студзень 1648 г., калі адзначаў, што кароль Уладзіслаў IV меў намер прыехаць у Літву, але з-за таго, што рэкі тут недастаткова замерзлі і пачалі ісці дажджы, адклаў сваю паездку. Паездка караля і яго жонкі ў ВКЛ адбылася толькі ў пачатку вясны, калі 19 сакавіка яны, па сведчанні Радзівіла, уехалі на санях у Вільню. У гэты дзень у горадзе ўсталявалася яснае, але з моцным марозам, надвор’е [4, s. 66, 70]. У выніку можна лічыць, што зіма 1647/1648 гг. была адносна цёплай з частымі адлігамі, і нават дажджамі, што паказвае на няўстойлівасць лёдовага покрыву на рэках. Халады пры гэтым вяртаюцца ў сакавіку, калі назіралася марознае надвор’е з характэрна высокім узроўнем снежнага покрыву. Для параўнання, падобную ж характарыстыку адзначанага сезона на тэрыторыі Польшчы і ВКЛ даў райца горада Казіміра (прадмесце Кракава) Марцін Галінскі ў сваім зборніку дакументаў і навін “Silva rerum”, дзе пад 1648 г. было занатавана: “Зіма была няўстолівай: то амаль не было маразоў, то толькі невялікія замаразкі, то дажджы” [1, s. 3].

Апісанне чарговай экстрымальнай кліматычнай з’явы было зроблена Альбрэхтам Станіславам Радзівілам 20 мая 1649 г. У гэты дзень, знаходзячыся ў гасцях у віленскага ваяводы Крыштафа Хадкевіча ў фальварку недалёка ад сталіцы ВКЛ, ён упамінуў пра жахлівыя грымоты. У самой Вільні ў гэты час ад маланак загінула некалькі чалавек і адбыўся пажар у збудаваным касцёле святога Аўгусціна [4, s. 198].

Апошняе па храналогіі сведчанне пра кліматычныя ўмовы на тэрыторыі ВКЛ, занатаванае ва “Успамінах”, адносіцца ўжо да часоў праўлення караля Яна Казіміра. У запісах пра люты 1653 г. Альбрэхт Станіслаў апавядае, што манарх знаходзіўся ў Гродна, а далей выправіўся ў Кобрын, дзе сустрэўся з войскамі Рэчы Паспалітай і меў намер адтуль сам накіравацца ў паход супраць казакоў на тэрыторыю Украіны, але, па меркаванні Радзівіла, адмяніў свой удзел у баявых дзеяннях з-за ўнутраных супярэчнасцей у ваенным лагеры, а таксама з-за зменлівай і няўстойлівай зімы [3, s. 376]. З гэтага вынікае, што люты 1653 г. характарызаваўся адстунасцю моцных

халадоў і частымі наступленнямі пацяплення, што зноў-такі не далі замерзнуць рэкам, па якіх пераважна і праходзіла перамяшчэнне ў зімні сезон.

Такім чынам, “Успаміны” Альбрэхта Станіслава Радзівіла можна лічыць адной з каштоўнейшых пісьмовых крыніц, якая прадстаўляе інфармацыю пра кліматычныя ўмовы XVII ст. на тэрыторыі ВКЛ, і ў прыватнасці Беларусі. Літоўскі канцлер, выступаючы ў якасці мемуарыста, зрабіў характэрныя для свайго часу запісы. Як і іншыя аўтары XVII ст., ён засяродзіў увагу на экстрымальных кліматычных з’явах, сярод якіх вылучаюцца маланкі, праліўныя дажджы, моцны вецер і незвычайнае становішча нябеснай сферы. Пры гэтым аўтар “Успамінаў” зрабіў спробу даць агульную характарыстыку надвор’я ў асобныя месяцы або сезоны апісаных ім гадоў. Так, на аснове дадзенай апавядальнай крыніцы мы можам меркаваць пра няўстойлівае і пераменнае надвор’е ў Беларусі зімой 1631/1632 гг., 1647/1648 гг., у лютым 1653 г., сухое надвор’е ў маі 1634 г. Адзначаныя факты запаўняюць пэўныя прабелы ў нашых ведах пра метэаралагічнае мінулае Усходняй Еўропы і даюць інфармацыю, якую мы не можам сустрэць у папярэдніх даследаваннях па гісторыі клімату.

1. Namaczyńska, S. Kronika klęsk elementarnych w Polsce i w krajach sąsiednich w latach 1648–1696. 1. Zjawiska meteorologiczne i pomory / S. Namaczyńska. – Lwów : Skł. gł. Kasa im. rektora J. Mianowskiego, Instytut Popierania Polskiej Twórczości Naukowej, 1937. – 234 s.

2. Old World Drought Atlas // National Centers for Environmental Information. – URL: https://www.ncei.noaa.gov/access/paleo-search/study/19419 (date of access: 07.03.2025).

3. Radziwiłł, A. S. Pamiętnik o dziejach w Polsce / A. S. Radziwiłł. – T. 1 : 1632–1636. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1980. – 603 s.

4. Radziwiłł, A. S. Pamiętnik o dziejach w Polsce / A. S. Radziwiłł. – T. 3 : 1647–1656. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1980. – 645 s.

5. The European Russia Drought Atlas (ERDA) Reconstruction of PDSI from 1400–2016 CE // National Centers for Environmental Information. – URL: https://www.ncei.noaa.gov/pub/data/paleo/drought/cook2020-erda/visualizations (date of access: 07.03.2025).

Ерохин В.Н.

ТРУДЫ РИЧАРДА ХУКЕРА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ДОКТРИНЫ ЦЕРКВИ АНГЛИИ

Ключевые слова: Реформация в Англии, Церковь Англии, кальвинизм, пресвитерианство, пуританизм, англиканство, Ричард Хукер.

В изучении истории Реформации в Англии важной задачей является рассмотрение процесса приобретения Церковью Англии собственной идентичности среди европейских протестантских церквей. В формировании идейной основы для английской Реформации определяющую роль сыграли лютеранство и впоследствии ставший для нее наиболее значимым кальвинизм. В 1560-е гг. стало оформляться пуританское движение, деятели которого пропагандировали церковное переустройство в стране по кальвинистскому женевскому образцу. Это столкнуло пуритан с королевской властью, поскольку женевская пресвитерианская система церковного управления не предполагала в управлении церковными делами никакого места для королевской власти. В Англии же начало Реформации в 1534 г. ознаменовалось провозглашением монарха в парламенте главой Церкви Англии, так что цели, пропагандировавшиеся пуританским движением в Англии, оказались неконституционными. Для английских пуритан характерно было также стремление моделировать церковную жизнь в стране в максимальной степени на основе требований Священного Писания, что тоже оказывалось неприемлемым в условиях, когда протестантская Церковь Англии конституировалась как структура, которую возглавлял монарх. Пуританская религиозно-культурная традиция внесла в

религиозную и политическую культуру Англии нонконформизм, официальная же возглавляемая монархом Церковь Англии стала олицетворением религиозного и политического конформизма.

Вехой на пути формирования апологетической конформистской традиции в Церкви Англии стали труды Ричарда Хукера (1554–1600), – в первую очередь, его главный труд «Законы церковного устройства», который по сей день является одним из столпов англиканства и, соответственно, важным источником, содержание которого позволяет проследить становление конформистской по содержанию доктрины англиканства. При этом конформизм в Церкви Англии, получивший теоретическое обоснование в труде Р. Хукера на рубеже XVI–XVII вв., привлекал гораздо меньше внимания историков по сравнению с изучением деятельности производивших больше шума в общественной жизни пуритан. Так что, по мнению известного исследователя религиозно-политической истории Англии П. Лейка, в британской историографии по сей день существует пробел в изучении конформизма в англиканской церкви [1, p. 6].

Ричард Хукер (25.03.1554, Хевитри (Девоншир) – 02.11.1600, Бишопсбёрн (Кент), англ. Richard Hooker) – влиятельный богослов Церкви Англии, автор труда «Законы церковного устройства» в 8 книгах: предисловие, Кн. I–IV (опубл. 1593), Кн. V (1597), Кн. VI–VIII (1648), Кн. VII (1662). Основной массив научного наследия Хукера продолжает публиковаться в квалифицированно прокомментированных переизданиях [2; 3; 4].

Хукер родился в Хевитри (Heavitree) в окрестностях г. Эксетера в графстве Девоншир на Пасху в 1554 г. Хукер учился в начальной школе в Эксетере и его взял на заметку как способного ученика школьный учитель, а далее в 1569 г. старший брат отца Хукера Джон Хукер представил своего племянника другому уроженцу их родного графства Девоншир Джону Джуэлу (1522–1571), епископу Солсбери (1559–1571), уже известному к этому времени писателю-полемисту, выступавшему в защиту от нападок католиков церковного устройства Англии во главе с монархом в сочинении «Апология Церкви Англии» (An Apology of the Church of England (1562). Далее при патронаже и поддержке епископа Хукер поступил в Корпус Кристи Колледж (Corpus Christi College) в Оксфорде осенью 1569 г. В дальнейшем Хукер в своих трудах как раз и продолжил усилия Джуэла в полемике по защите Церкви Англии [5, p. 9].

Хукер также получил покровительство со стороны еще одного известного церковного деятеля Эдвина Сэндиса (1519–1588), епископа Вустера (1559–1570), Лондона (1570–1576), архиепископа Йоркского (1576–1588). Хукер стал с 16 сентября 1577 г. стипендиатом в Корпус Кристи Колледж, а с 1579 г. его сделали полноправным членом совета колледжа, и с июля этого года Хукер стал замещать ставку профессора еврейского языка. 14 августа 1579 г. Хукер был возведен в сан диакона епископом Лондонским Джоном Эйлмером.

Во время пребывания в Оксфорде Хукер также установил два важных личных контакта, которые стали значимыми и для последующей дружбы, и для работы над основным трудом Хукера «Законы церковного устройства». В колледже Хукер был тьютором у Джорджа Кранмера, внучатого племянника английского протестанта-мученика, сожженного в правление Марии Тюдор (1553–1558) архиепископа Кентерберийского Томаса Кранмера (1489–1556), и у впоследствии неоднократно избиравшегося в парламент Эдвина Сэндиса-младшего – сына его покровителя (1561–1629).

В 1581 г. Хукер был возведен в сан священника. 16 октября 1584 г. Хукера назначили священником прихода Св. Марии в Дрейтон Бичем (Drayton Beauchamp) в Бакингемшире, но не сохранилось известий о том, что Хукер прожил здесь хотя бы какое-то время. Вместо отъезда для службы в приходе Хукер поселился в доме Джона Чёрчмена, крупного лондонского торговца. Джон Чёрчмен впоследствии был избран главой лондонской компании портных (Merchant Taylors' Company), был также

казначеем лондонского Сити. В дальнейшем 13 февраля 1588 г. Хукер женился на Джоан, дочери Джона Чёрчмена.

17 марта 1585 г. королева Елизавета I Тюдор (1558–1603) назначила Хукера настоятелем храма корпорации Темпл (Temple Church) в одной из главных юридических корпораций Лондона. Ситуация в храме корпорации Темпл была сложна из-за идейных разногласий между духовными лицами, которые там служили. Претендентом в настоятели храма Темпл был также Уолтер Траверс (1548–1635), сочинение которого «Полное и откровенное изложение церковной дисциплины» (Full and Plaine Declaration of Ecclesiastical Discipline (1574) было главным текстом, характеризовавшим пресвитерианскую систему церковного управления, направленную против епископального строя управления Церковью Англии. При назначении настоятелем Хукера Траверса, который уже служил лектором в этом храме, поддержали многие юристы, а также очень влиятельный в стране лорд-казначей Англии Уильям Сесиль (1520–1598), лорд Берли.

Немедленно после назначения Хукера в Темпл развернулись споры между ним и Траверсом, которые и побудили Хукера обратиться к написанию его главного труда. Траверс прямо использовал назначение Хукера королевой для того, чтобы побудить Хукера к признанию того, что назначение священника должно одобряться самой общиной верующих, чтобы Хукер согласился с пресвитерианскими принципами. Хукер твердо воспрепятствовал всем попыткам насаждать в храме корпорации Темпл пресвитерианскую дисциплину. Эта полемика между Хукером и Траверсом была кратко охарактеризована английским церковным историком XVII в. Томасом Фуллером (1608–1661): «утром кафедра разговаривала чистым языком Кентербери, а после обеда по-женевски» [6, p. 294].

Траверс упрекал Хукера в излишней мягкости по отношению к проявлениям слабости в вере среди членов общины и в допущении о том, что Хукер признавал возможность спасения для католиков, а также обвинял Хукера в отклонении от протестантского толкования предопределения, оправдания и уверенности в спасении. Публичный спор Хукера и Траверса длился почти год до тех пор, пока в марте 1586 г. архиепископ Кентерберийский Джон Уитгифт (1583–1604) отстранил от лекторства Траверса.

Хукер закончил свое служение в храме корпорации Темпл в 1591 г. в согласии с пожеланием архиепископа Кентерберийского Джона Уитгифта, считавшего, что Хукер сможет защитить строй управления и доктрину Церкви Англии в дальнейшей полемике. Чтобы Хукер мог сосредоточиться на полемике с пресвитерианами и имел источник дохода, в июне 1591 г. архиепископ Уитгифт назначил Хукера священником в сельский приход Сент-Эндрюс в Боскоме (Boscombe) в графстве Уилтшир, а также дал Хукеру должность члена капитула в соборе в Солсбери и пребенду в приходе Неверавон (Netheravon) в Уилтшире [5, p. 11–13].

Намереваясь опубликовать предисловие и первые четыре книги «Законов церковного устройства» в 1593 г., Хукер не мог найти издателя, который бы согласился напечатать такой объемный труд с неясными перспективами его продажи. В результате издание профинансировал Эдвин Сэндис. В 1595 г. Хукер по решению королевы Елизаветы получил приход Св. Марии в Бишопсбёрне (Кент), куда переехал из Лондона с семьей. Во время служения здесь в 1598 г. в ходе Великого Поста Хукер был приглашен выступить с проповедью при королевском дворе.

В 1597 г. опять при финансовой поддержке Эдвина Сэндиса была опубликована книга V труда Хукера. В этой части своего труда Хукер выступил в защиту молитвенника Церкви Англии против дисциплинаристов-пресвитериан, отстаивая идею о том, что действующий молитвенник содержит в себе все, что является основой добродетелей и хорошо управляемой церковной организации. У Хукера глубже аргументирована идея, которую развивал Уитгифт, о существовании в церковном устройстве порядков, которые

можно было отнести к сфере adiaphora – второстепенных по характеру черт церковного устройства, которые регулировались по человеческому усмотрению в зависимости от конкретных условий. Хукер утверждал, что подчёркивание пуританами значения Св. Писания как единственного источника, из которого христиане могут черпать уверенность в формировании церковного устройства, лишает смысла само понятие adiaphora – в этом случае всё важно, не остается ничего второстепенного, чем даже подрывается принцип свободы христианина. Хукер, в отличие от пуританского подхода, полагал, что есть области жизни, относительно которых Св. Писание вообще молчит, но это не означает, что действия христианина здесь скованы и парализованы. Христиане просто должны пользоваться разумом в общественной и частной жизни и вполне способны делать это с успехом, например, в судопроизводстве. Хукер отмечал, что многие законы церковного устройства фактически и установлены с учётом опоры на разум и это не ставит под сомнение их обоснованность. Пуритане же, по мнению Хукера, охвачены ложной уверенностью, что основывают свои действия на Св. Писании, в действительности произвольно толкуя его в интересах своей группировки. Касаясь споров с пресвитерианами, Хукер отмечал, что у них нет авторитетных общезначимых аргументов в пользу своей точки зрения, то есть таких, которые, по его словам, поймет любой человек однозначно, не размышляя.

Накануне смерти Хукер готовил ответ на анонимный пуританский трактат «Христианское письмо некоторых английских протестантов» (A Christian Letter of certaine English Protestantes (1599), который содержал нападки на него и пять книг его главного труда. Сохранились только фрагменты этого текста, в том числе, «Дублинский фрагмент» в виде копии, сделанной для примаса Ирландии архиепископа Армы Джеймса Ашера (1581–1656). В этом отрывке, отвечая на вопрос тех, кто вновь и вновь спрашивал, как всемогущий и любящий Бог, который предвидел грехи людей, отказался от предотвращения этих грехов, Хукер прибег в итоге к крайнему из использовавшихся богословами XVI в. аргументов: такова непостижимая воля Бога [1, p. 105–118].

В изучении наследия Хукера долгое время обсуждался вопрос о подлинности последних трех книг «Законов церковного устройства», которые были опубликованы посмертно. Ранний биограф Хукера Айзек Уолтон (Izaak Walton) ввел в оборот недостоверные слухи о том, что после смерти Хукера его вдова Джоан Чёрч, якобы придерживавшаяся пуританских взглядов, приглашала домой пуритан (Уильяма Чарка (Mr. Charke) и еще одного человека), которые испортили и исказили, возможно, даже уничтожали, рвали и жгли бумаги Хукера. Потом, согласно А. Уолтону, вдову Хукера через четыре месяца после его смерти в феврале 1601 г. вызвал в Лондон архиепископ Кентерберийский Уитгифт, чтобы расспросить ее о бумагах Хукера. Вдова рассказала Уитгифту о вандализме пуритан, а следующим утром была найдена мертвой в своем жилище на Кинг Стрит в Вестминстере. Между тем, установлено, что вдова Хукера была похоронена в Кентербери 18 февраля 1603 г., спустя два года. Возможно, этот рассказ отражал попытки демонизации пуритан со стороны официальных церковных властей после реставрации Стюартов. Было также выяснено, что с бумагами Хукера после его смерти обошлись вполне корректно. Тесть Хукера Джон Чёрчмен 16 ноября 1600 г. послал своего слугу в Бишопсбёрн и рукописи Хукера были доставлены в Лондон, где ими занялись Эдвин Сэндис, Генри Пэрри (епископ Вустерский), Джон Спенсер (президент Корпус Кристи Колледжа, Оксфорд) и Ланселот Эндрюс (епископ Винчестерский) [5, p. 18–20].

Задержка с печатью рукописей трех неопубликованных книг главного труда Хукера была связана с неблагоприятной ситуацией для обнародования содержавшихся в них идей в Церкви Англии в предреволюционные десятилетия XVII в. В книге VII позиция Хукера заключается в поддержке авторитета и полномочий епископов с опорой на исторические прецеденты и практическую целесообразность, а не на идею об апостольской

божественной преемственности епископата, которая набирала влияние в церковной администрации, а в книге VIII позиция Хукера состояла в поддержке идеи королевской супрематии в церкви и государстве на основе согласия с таким строем управления народа, а не в соответствии с идеей монархической власти, основанной на божественном праве монарха (divine-right theory of monarchy). В книге VI сочинения Хукера содержались созвучные ситуации начала XVII в. в официальной церкви идеи, подчеркивавшие значение ритуальной стороны жизни церкви и отрицание приоритетного значения проповеди, что выводили на первый план в церковной службе пресвитериане.

Труд Хукера отличался также стремлением не только теоретически опровергнуть взгляды пресвитериан, но и убедить их принять строй Церкви Англии как вполне разумный и соответствующий требованиям места и времени, что Хукеру в ближайшей исторической перспективе сделать не удалось. В первые десятилетия XVII в. идеи Хукера были еще не созвучны времени, в котором нарастало противостояние пуритан и королевской власти, и эти группировки были слишком пристрастны и невосприимчивы к идее «среднего пути» (via media) в развитии Церкви Англии. Значение идей Хукера стало более понятным позднее [7, p. 186–187].

Яснее со временем стало и новаторство Хукера в защите интересов Церкви Англии. В то время как епископ Джуэл в 1560-е гг. среди направлений в христианстве располагал Церковь Англии (вместе с лютеранами и реформатами) между крайностями римско-католической церкви и анабаптизмом, Хукер выстраивал для Церкви Англии перспективу, в которой располагал ее между Римом и континентальными протестантскими церквами, намечая характеристику Церкви Англии как особого направления в христианстве. Хукер видел Церковь Англии как широкое, толерантное, инклюзивное сообщество граждан, которые, отличаясь друг от друга во взглядах, могут жить и молиться вместе, не проливая кровь друг друга. Благодаря этому широкому экуменическому характеру взглядов Хукера его стали ценить в дальнейшем протестанты, латитудинаристы в Церкви Англии и англо-католики. Во внутрицерковной жизни защищавшаяся Хукером ориентация на разум тоже стала расцениваться как значимое средство объединения в церковной организации людей, которые отличаются по своим взглядам на частности, но при опоре на разум могут способствовать тому, чтобы создать христианскую церковь, в которой может реализоваться идея о формировании по-настоящему единой, святой, апостольской, реформированной, евангелической и всеобъемлющей католической церкви.

Опора Хукера на Св. Писание, разум и традицию оказали формирующее влияние на развитие англиканства, а также на английских политических философов, особенно на Джона Локка (1632–1704), который многократно цитировал Хукера, особенно в своем сочинении «Второй трактат о правлении» (1689). Известный историк философии Ф. Коплстоун (1907–1994) высоко ценил умеренность и рациональный стиль аргументации Хукера, примечательный на фоне других религиозных мыслителей его времени.

1. Lake, P. Anglicans and Puritans? Presbyterianism and English Conformist Thought from Whitgift to Hooker / P. Lake. – London : Unwin and Hyman, 1988. – 262 p.

2. Hill, W. S. (Gen. ed.). The Folger Library Edition of the Works of Richard Hooker. Vols. 1–5. – Cambridge (Mass.) : Harvard University Press. – Vol. 6. – Binghamton (NY) : Medieval and Renaissance Texts Studies. ; Vol. 7. – Tempe, AZ. : Medieval and Renaissance Texts Studies, 1977–98.

3. Keble, J. (Ed.). The Works of … Mr. Richard Hooker: With an Account of His Life and Death by Izaac Walton. 7th ed. Revised by R. W. Church and F. Paget. 3 vols. – Oxford : Clarendon Press, 1888.

4. Secor, P. B. The Sermons of Richard Hooker: The Power of Faith, the Mystery of Grace. A Modern Edition / P. B. Secor. – London : Society for Promoting Christian Knowledge, 2001. – 172 p.

5. A Companion to Richard Hooker / ed. by Torrance Kirby. – Leiden – Boston : Brill, 2008. – XXVI, 670 p.

6. Collinson, P. The Elizabethan Puritan Movement / P. Collinson. – London – New York : Methuen, 1982. – 528 p.

7. Scarisbrick, J. J. The Reformation and the English People / J. J. Scarisbrick. – Oxford : Basil Blackwell, 1984. – 203 p.

Подберёзкин Ф.Д.

КАК ВЕРИЛ КАЗИМИР СЕМЕНОВИЧ? ПОПЫТКА РЕКОНСТРУКЦИИ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ АВТОРА «ВЕЛИКОГО ИСКУССТВА АРТИЛЛЕРИИ» (1650)

Ключевые слова: Казимир Семенович, «Великое искусство артиллерии», вероисповедание, конфессия.

Вопрос о вероисповедании литовского артиллериста, автора учебника «Великое искусство артиллерии» Казимира Семеновича (1600? – после 1651) ещё не становился предметом специального рассмотрения. Основной темой предшествующих работ являлся приоритет Семеновича в изобретении многоступенчатой ракеты, его происхождение и некоторые детали биографии [25, pp. 17, 19, 23; 23, s. 15–25; 28, S. 108–111; 4, с. 5; 10; 1, с. 49; 29, p. 34, 53; 9]. Тема конфессиональных предпочтений не отвечала задачам национальных историографий XX–XXI вв. Между тем в реалиях «конфессиональной поры» [13] (XVI–XVII вв.) выбор исповедания зачастую приводил к более серьезным последствиям, чем избрание «родины» и государя. Финансирование научных исследований, место и условия военной практики напрямую зависели от отношений с коллегами и избранным меценатом. В свою очередь, эти отношения зависели от согласия в вероучительных вопросах. Священное Писание и святоотеческие тексты являлись авторитетными источниками технической информации для Казимира Семеновича и его коллег. Выборка и интерпретация этих текстов, а также ответ на важнейший вопрос времен Тридцатилетней войны – о допустимых приемах в войне против братьев-христиан – в значительной степени определялся конфессиональной «субкультурой».

На первый взгляд, многое сообщает имя «Казимир». Его нет в православных святцах. Первые годы XVII в. (предполагаемое время рождения Казимира Семеновича) с ростом почитания св. Казимира в Великом Княжестве Литовском (далее – ВКЛ). В 1602 г. завершился процесс канонизации святого, а с 1636 г. св. Казимир стал официальным покровителем ВКЛ и Короны Польской [17]. Можно было бы заключить, что имя «Казимир» будущему артиллеристу могли дать только родители-католики – если бы не особенности конфессиональной ситуации в восточных землях ВКЛ первой половины XVII в. В то время как именование младенца по святцам являлось устойчивой практикой в России, в «русских» землях ВКЛ имена зачастую давались не по святцам, а по желанию родителей [7, с. 10]. Имя «Кузьма» было весьма популярным среди российских эмигрантов в Речи Посполитой во второй половине XVI – начале XVII в. [3, с. 291, 297] «Рабочий» вариант генезиса «Казимира» от «Кузьмы» предложил белорусский историк В.В. Врублевский, выдвинувший гипотезу о происхождении Казимира Семеновича из православных мещан: «Сам Казімір ад нараджэння мог быць Кузьмой і паходзіць з заможных праваслаўных мяшчан аднаго з буйных гарадоў Падзвіння або Падняпроўя» [9, с. 11]. Итак, человек по имени Казимир мог быть православным. В то же время выбор друзей и коллег Казимира Семеновича может свидетельствовать в пользу протестантизма. Так, протестантом был теоретик артиллерии и соратник Семеновича Адам Фрайтаг (1608–1650). Как и Семенович, Фрайтаг пользовался поддержкой католического короля Владислава IV. Оба артиллериста воевали под началом протестантского герцога Фридриха Генриха Оранского (1584–1647) [19, s. 135]. Другой современник Семеновича, инженер и картограф Юзеф Наронович Наронский происходил из русской шляхты западных земель ВКЛ. Как и Семенович, Наронский называл себя как *eques Lithuanus*. При этом он писал по-польски и

исповедовал антитринитарную формулу [18, s. 546; 11; 20; 8]. Протестантом был и ближайший друг Семеновича – инженер и картограф Фридрих Геткант (ум. 1666) [19, s. 412]. Таким образом, обстоятельства жизненного пути Казимира Семеновича могут свидетельствовать в пользу любой христианской конфессии.

Разбирая вопросы биографии Семеновича, предыдущие авторы, пользовались главным образом шмуцтитулом, титульным листом, посвящением и предисловием к трактату. Для того, чтобы доказать приоритет Семеновича в изобретении многоступенчатой ракеты, историки науки и техники изучали небольшую (28/284 стр. трактата) книгу 3 *(О ракетах)*. Мы обратимся ко всему тексту источника и попытаемся определить конфессию Семеновича исходя из его собственных высказываний. В связи с этим сразу заметим, что выводы о конфессиональных предпочтениях автора могут быть сделаны только на момент публикации его единственного текста – 1650 г. Все переводы цитируемых отрывков с латинского оригинала выполнены нами.

Символ Веры. В главе 5 книги 4 (*Об огненных ядрах*) представлены рецепты проверки качества составов для зарядки огненных снарядов. Один из них гласит: «*Возьми полую деревянную или бумажную трубку высотой с половину ладони и шириной отверстия в один дюйм. Наполни ее составом, затем подожги и наблюдай <…> продолжает ли она гореть в течение времени, за которое кто-либо может без спешки прочесть Апостольский Символ Веры*» [21, p. 173–174]. Апостольский Символ Веры – краткая формулировка основных догматов, применявшаяся в литургической жизни Римской Церкви начиная с раннего Средневековья. Во времена Семеновича этот Символ пользовался догматическим авторитетом и среди лютеран: его проговаривали во время богослужения [27, p. 632; 15]. В традиции Православной Церкви Апостольский Символ имел второстепенное значение по сравнению с Никео-Константинопольским Символом Веры, читаемым во время литургии [24, S. 96–97]. Таким образом, в рецепте Казимира Семеновича говорится о формуле, хорошо знакомой практикующим католикам или лютеранам, проговаривающим «базовые» определения веры перед Причастием. Православный пушкарь пользовался Никео-Константинопольским Символом Веры.

Высказывания о папе римском. Одним из ключевых признаков конфессиональной принадлежности внутри христианства является отношение к власти папы. Казимир Семенович упоминает имена пяти понтификов: Бонифация VIII (1294–1303), Климента VI (1342–1352), Сикста IV (1471–1484), Урбана VIII (1623–1644), Иннокентия X (1644–1655) [21, p. 249, 251]. В отношении римских епископов употребляются титулы *pontifex maximus* и *pontifex*. Эти именования использовались с XV в. апологетами папской власти. Они подчеркивали первенствующее положение римского епископа в структуре Церкви, напоминавшее статус верховного понтифика античного Рима [14, p. 322–324]. Признание апостольской власти выражается и в функциональных определениях автора: *понтификат* (первосвященническое служение) папы Урбана VIII и *председательство* папы Иннокентия X *над Римской Церковью (Romanae ecclesiae praesidet)* [21, p. 249, 251]. Казимир Семенович подробно высказывается о папе Иннокентии X, во время понтификата которого была издана первая часть «Великого искусства артиллерии»: «*Голубь с оливковой ветвью в клюве является священным символом мира, который использует Иннокентий X, ныне председательствующий в Римской Церкви. Отсюда некоторые заключают, что при его понтификате мир и согласие между христианскими правителями, наконец, вернутся – да позволит ему Высшая Сила*» [21, p. 249]. Данная фраза находится в главе 11 книги 5. По свидетельству самого автора, глава была подготовлена в 1650 г. [21, p. 251] Зная, что понтифик осудил постановления Вестфальского мира 1648 г. [16, p. 58], Семенович декларирует мирные стремления папы и возносит молитву о священноначалии. Показательным является сюжет о снопах в разделе *О тематизме или соблюдении*

изящества в потешных пиротехнических машинах. Семенович предложил библейский сюжет о сновидении Иосифа для организации торжеств в честь инаугурации очередного папы [21, p. 240]. Согласно тексту книги Бытие, еврейский патриарх Иосиф рассказал братьям сон: «*Вот, мы вяжем снопы посреди поля; и вот мой сноп встал, и стал прямо; и вот, ваши снопы стали кругом, и поклонились моему снопу. И сказали ему братья его: неужели ты будешь царствовать над нами?*» (Быт. 37:7-8). Посредством аллегории – Иосиф и его 11 братьев символизируют служение апостола Петра и 11 апостолов – автор декларировал первенство римского престола. Следовательно, экклесиология Казимира Семеновича является католической.

Высказывания о власти. Военная карьера и научные искания Казимира Семеновича осуществлялись не только благодаря личному таланту, но и при поддержке меценатов – королей польских и великих князей литовских Владислава IV (1632–1648) и Яна Казимира (1648–1668), графа Нассау-Дица и штатгальтера Фрисландии Вильгельма Фредерика (1640–1664), эрцгерцога австрийского и штатгальтера габсбургских Нидерландов Леопольда Вильгельма (1647–1656). Каждый из этих правителей удостоился похвалы в «Великом искусстве артиллерии». Некоторые хвалебные фразы содержат конфессиональные коннотации. Так, смерть короля Владислава IV представлялась Казимиру Семеновичу «*невосполнимой потерей для всего христианства*» [21, p. [10]]. Автор молит «*небесную силу* о *благоволении замыслам непобедимого Яна Казимира*», «который *принял власть по воле Вечного Провидения»* [21, p. 65]. Обратим внимание на прописанные автором титулы королей, являющихся предметом молитв: *Poloniarum & Sueciae Rex potentissimus* [21, p. [10], 168] (Владислав IV), *invictissimus Poloniarum & Sueciae Rex* [21, p. 65, 180] (Владислав IV, Ян Казимир). Фактической королевой Швеции во времена правления этих государей являлась лютеранка Кристина (1632–1654). Признавая шведский престол за Владиславом IV и Яном Казимиром, Казимир Семенович демонстрировал лояльность к католическим представителям династии Ваза, де-факто царствующими только в Польше и ВКЛ. Для шведских дворян-католиков, осевших в Речи Посполитой, подлинными королями Швеции оставались Сигизмунд III (1587–1632) и его дети. Шведский мигрант, выпускник Виленской иезуитской академии и поэт-латинист Грегор Ларсен (Барастус) титуловал Сигизмунда III теми же словами, что и Семенович – сыновей последнего: *invictissimus Rex Poloniae et Sueciae* [6, с. 135; 12]. Можно допустить, что демонстрация Семеновича был нормой вежливости для покровителей. Однако слова о *христианстве, небесных силах* и *Вечном Провидении* свидетельствуют, на наш взгляд, о твердом убеждении в небесном (справедливом) происхождении их власти.

Казимир Семенович посвящал свой трактат дважды. Латинский оригинал (1650) адресовался католику Леопольду Вильгельму Габсбургу, а французский перевод (1651) – протестанту Вильгельму Фредерику [21, p. [3]; 22, p. [3]–[6]]. В обоих случаях восхваляются полководческие и человеческие качества патронов – знатность, могущество, бесстрашие, милость и удача. Однако благочестием *(pietas)* отличается только Леопольд Вильгельм. Католичность эрцгерцога подчеркивается в прописанном титуле – *Vicarius Regis catholici in Belgio et Burgundia* (*наместник католического короля в Бельгии и Бургундии*) [21, p. [3]]. В посвящении Вильгельму Фредерику Семенович обещает молиться о *сохранении* благодетеля: «*Живите же счастливо, Монсеньор, и наслаждайтесь в мире милостями и благословениями, которые небо пошлет на Вас; тем временем я буду возносить ему непрестанные молитвы о сохранении Вашего Высокопревосходительства*» [22, p. [6]]. Личная приязнь автора может объясняться боевым братством: под началом Вильгельма Фредерика Семеновичу *посчастливилось* командовать артиллерией в осаде Мурспея [22, p. [5]], а под командованием его тестя Фредерика Генриха Оранского – в осаде Хульста (1645) [21, p. 152, 170]. Казимир Семенович не упоминает конфессиональные причины

испано-голландской войны. Его патрон, католический король Владислав IV, *дал отцовское благословение* на военную стажировку шляхтича в Нидерландах [21, p. [10]] на стороне протестантов. В таких случаях смена вероисповедания не требовалась.

Несколько исторических сюжетов в «Великом искусстве артиллерии» посвящено королю Франции и Наварры Людовику XIII (1610–1643) [21, p. 45, 159, 249–250]. Сведения Семеновича об осаде протестантской крепости Ла-Рошель (1627–1628) представляют собой не только ценный материал по истории артиллерии, но и о его конфессиональных предпочтениях. Семенович несколько раз подчеркивает, что осаждающих католиков возглавлял *христианнейший король (christianissimus rex).* Несмотря на то, что использование гранат при осаде стало *трагическим зрелищем*, это принесло *вожделенный успех* (т.е., победу католиков) [21, p. 159]. Во время парижского триумфа по случаю взятия крепости (1628) нюрнбергский инженер Генрих Кларнер организовал пиротехническое представление на воде, где изображался «*герой великолепной красоты, блистающий в доспехах и восседающий на крылатом огненном коне: стремительно опустившись, с великою силой вонзил он копье в тело чудовища <…> протестанты были покорены, а их религия, так сказать, предана смертной казни*». Автор назвал представление *фабулой к славным деяниям христианнейшего короля (fabula ad praeclara Christianissimi Regis gesta)* [21, p. 250]. Так он обозначил собственную прокатолическую позицию.

Выбор авторитетных текстов. Приблизительный список источников «Великого искусства артиллерии» составляет более 200 авторов. В изложении истории пиротехнических изобретений и древних метрических систем использовались не только античные материалы, но и тексты Священного Писания, работы церковных авторов. Использование библейских цитат в трактате могло бы указывать на особенности интеллектуальной культуры нидерландских реформатов, среди которых он пробыл немалое время. Автор пишет: «*Священное Писание, в котором содержатся поистине неисчерпаемые сокровища нравственных и мистических идей, предлагает огромное количество решений, которые могли бы служить священным огням. Поэтому <…> следует обращаться к Нему и тем, кто наделен властью толковать оное, объясняя скрытые в Нем тайны, которые Божественное Величество не пожелало открыть*» [21, p. 254]. Представление о том, что толковать *тайны* Св. Писания могут только *наделенные властью* (т.е. представители церковной иерархии) характерно для католиков и православных, оно издревле фиксировалось в постановлениях церковных соборов [2, с. 280; 26, p. 19, 25]. Иное мнение – о том, что верующий в состоянии самостоятельно постигнуть *чистое Слово Божие без измышлений человеческого ума* – подробно изложено в «Наставлении в христианской вере» Жана Кальвина и является отличительной идеей всех без исключения протестантских направлений [5, с. 148–149]. Значит, в вопросе о церковном учительстве автор «Великого искусства артиллерии» стоял на позициях традиционных церквей. Характерна авторская подборка церковных учителей, тексты которых используются в трактате. Казимир Семенович ссылается на св. Иеронима [21, p. 43], св. Исидора Севильского [21, p. 56, 247], Тертуллиана [21, p. 243, 247], Лактанция [21, p. 253], св. Августина [21, p. 252], Руфина Аквилейского [21, p. 129], св. Епифания Кипрского [21, p. 44], Сидония Аполлинария [21, p. 247], Боэция [21, p. 256], Павла Орозия [21, p. 251]. Подавляющее большинство указанных авторов – за исключением св. Епифания Кипрского – относится к латинской богословской традиции.

Заключение. Каждое из рассмотренных высказываний Семеновича, взятое в отдельности, может считаться лишь косвенным указанием его конфессиональной принадлежности: ведь автор ни разу не посчитал нужным прямо заявить читателю о своей Церкви. Ответ на вопрос даёт комплексное исследование всех имеющихся свидетельств. Мог ли православный пушкарь XVII в. вычитывать Апостольский Символ Веры наизусть?

Могли ли протестанты и православные называть римского епископа *председателем Церкви* и *первым снопом среди братьев?* Мог ли реформат именовать *благочестивой*, *христианнейшей* и *непобедимой* власть фанатичных католиков и преследователей протестантизма – эрцгерцога Леопольда Вильгельма Габсбурга, Людовика XIII и Яна Казимира? Мог ли протестант признать за Церковью *власть толкования* Священного Писания? Наконец, мог ли православный пушкарь использовать тексты Боэция, Лактанция и Тертуллиана? На эти вопросы мы даём отрицательный ответ – и поэтому считаем автора «Великого искусства артиллерии» католиком.

1. Бельскі, А. М. Вялікае мастацтва артылерыі: Казімір Семяновіч / А. М. Бельскі, М. А. Ткачоў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 55 с.

2. Деяния Вселенских соборов, изданные в русском переводе при Казанской Духовной Академии. – Т. 6 – Казань : Центральная типография, 1908. – 309 с.

3. Ерусалимский, К. Ю. Имена московитов: ономастика российских эмигрантов в Речи Посполитой во второй половине XVI – начале XVII в. / К. Ю. Ерусалимский // Slověne. – 2022. – Vol. 11. – № 2. – С. 278–316.

4. Ивашкявичюс, А. Казимир Семенович и его книга «Великое искусство артиллерии. Часть первая» / А. Ивашкявичюс. – Вильнюс : Минтис 1971. – 65 с.

5. Кальвин, Ж. Наставление в христианской вере/ Ж. Кальвин. – Т. 3, Книга IV. – М. : Издательство Российского государственного гуманитарного университета, 1999. – 640 с.

6. Катлярчук, А. С. Швэды ў гісторыі й культуры беларусаў / А. С. Катлярчук. – Вільня : Інстытут беларусістыкі, 2007. – 328 с.

7. Лыч, Л. М. Уніяцкая царква Беларусі: этнакультурны аспект / Л. М. Лыч. – Мінск : Кнігазбор, 2011. – 128 с.

8. Маркушевич, А. И. Новооткрытое произведение польской военно-технической литературы XVII в. / А. И. Маркушевич // Книга: исследования и материалы. – Сб. XVII. – М. : Книга, 1968. – С. 215–225.

9. Таямніца паходжання Казіміра Семяновіча // Вялікае мастацтва артылерыі Казіміра Семяновіча / уступ. арт., наук.-давед. апарат, уклад.: П. Д. Падбярозкін, В. В. Урублеўскі ; рэдкал.: У. Р. Гусакоў (гал. рэд.) [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр. навук. б-ка імя Я. Коласа. – Мінск : Беларуская навука, 2024. – С. 8–11.

10. Цярохін, С. Ф. Трактат аб артылерыі / С. Ф. Цярохін // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1973. – № 3. – С. 30–32.

11. Alexandrowicz, S. Pochodzenie Józefa Naronowicza-Narońskiego, twórcy topograficznej kartografii Litwy i Prus Wschodnich / S. Alexandrowicz // Acta Universitatis Nicolai Copernici. – Bibliologia IV. Nauki Humanistyczno-społeczne. – Zeszyt 340. – Toruń, 2000. – S. 61–65.

12. Borastus, G. L. Panegyricus Sigismundo III. Poloniae et Sueciae Regi &c. &c. Invictissimo / G. L. Borastus. – Vilnae : In Typographia Petri Blasti, [1611]. – 92 p.

13. Brendle, F. Das konfessionelle Zeitalter / F. Brendle. – Berlin : Akademie Verlag, 2010. – 254 s.

14. Dijkstra, R. Anchoring Pontifical Authority: A Reconsideration of the Papal Employment of the Title Pontifex Maximus / R. Dijkstra, D. van Espelo // Journal of Religious History. – 2017. – Vol. 41. – P. 312–325.

15. Knop, J. Breviarium Fidei: das Apostolische Glaubensbekenntnis / J. Knop // Internationale katholische Zeitschrift Communio. – 2011. – Bd. 40, Nr. 3. – S. 210–220.

16. Montor, A. de. The lives and times of the popes. Vol. 6 / A. de Montor. – New York : The catholic publication society of America, 1911. – 308 p.

17. Niewiero, F. «Dzieje kultu św. Kazimierza w kraju i za granicą» – Nasza przeszłość. – T. 33. – 1970. – S. 61–124.

18. Polski Słownik Biograficzny / red. S. Kieniewicz. – T. XXII : Morsztyn Zbigniew – Niemirycz Teodor. – Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk : Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii nauk, 1977. – 824 s.

19. Polski Słownik Biograficzny / red. W. Konopczyński. – T. VII : Firlej Jan–Girdwoyń Kazimierz. – Kraków : Nakładem Polskiej Akademii Umiejętności, 1948–1958. – 479 S.

20. Sawicki, K. Inżynier J. Naronowicz-Naroński / K. Sawicki // Przegląd Geodezyjny. – 1960. – Nr. 8. – S. 303–306.

21. Siemienowicz, C. Artis magnae artilleriae pars prima / C. Siemienowicz. – Amsterdam : apud Joannem Iansonium, 1650. – 284 p.

22. Siemienowicz, C. Grand art d'artillerie… / C. Siemienowicz. – Amsterdam : apud Joannem Janssonium, 1651. – 424 p.

23. Siemienowicz, K. Wielkiej Sztuki Artylerii. Część pierwsza / K. Siemienowicz ; przygotowanie i przekład tekstu łacińskiego, przekład, wstęp oraz komentarz Tadeusz Nowak. – Warszawa : Wydaw. MON, 1963. – 771 s.

24. Stenschke, C. Das Apostolische Glaubensbekenntnis, der Gott Israels und der Jude Jesus von Nazareth / C. Stenschke // Scriptura. – 2012. – Bd. 109. – S. 96–109.

25. Subotowicz, M. Kazimierz Siemienowicz (1650) and his contribution to the rocket science / M. Subotowicz // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. – 1957–1958. – T. 11. – S. 5–24.

26. The canons and decrees of the sacred and oecumenical council of Trent, celebrated under the sovereign pontiffs, Paul III., Julius III., and Pius IV / transl. by the Rev. J. Waterworth. – London : Burns and Oates, Ld, 1848. – 608 p.

27. The Catholic Encyclopedia. An International work of reference on the constitution, doctrine, discipline and history of the catholic church. – Vol. 1. / ed. by C. G. Herbermann [et al.]. – New-York : Robert Appleton company, 1907. – 918 p.

28. Todericiu, D. Raketentechnik im 16. Jahrhundert. Bemerkungen zu einer in Sibiu (Hermannstadt) vorhandenen Handschrift des Conrad Haas / D. Todericiu // Technikgeschichte. – 1967. – Bd. 34, Nr. 2. – S. 97–114.

29. Wlodkowski, P. Engineering of the Highest Caliber: Kazimierz Siemienowicz and the Culmination of the Military Revolution / P. Wlodkowski. – Studia Historiae Scientiarum. – 2022. – Vol. 21. – P. 25–58.

Зуев Е.С.

«РЕЛЯЦИЯ О ТРЕХ ПОСОЛЬСТВАХ…» ГАЯ МЬЕЖА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

Ключевые слова: Русское государство, английское посольство, Чарльз Говард, дипломатия, путешествия.

Источник представляет собой письменное донесение, в котором содержится информация о ходе посольской миссии Чарльза Говарда, графа Карлайла, предпринятой в 1663–1664 гг. [1]. Полное название данного документа звучит следующим образом: «A relation of three embassies from his Sacred majestie Charles II to the Great Duke of Muscovie, the King of Sweden, and the King of Denmark : Performed by the Right Hoble the Earle of Carlisle in the years 1663 & 1664 / Written by an attendant on the embassies, and published with his Lps approbation". Автором является один из членов посольства Гай Мьеж / Гвидо Миеж (Guy Miege), который был непосредственным участником большинства описываемых событий либо тесно взаимодействовал с их свидетелями, а потому предоставляемая им информация изобилует интересными деталями и подробностями.

В процессе изучения данного источника периодически встречаются трудности, связанные с особенностями транскрипции русских названий и имен на английский язык. Так, например, река Сухана приводится в тексте как «Sucagna» [1, с. 86], а имя царского пристава Ивана Афанасьевича Прончищева – «Eva Offonassy Pronchissof» [1, с. 214–215], что в свою очередь несколько затрудняет работу над источником, потому как он требует более глубокого погружения не только в нарратив самого текста, но и описываемого периода в целом.

Реляция уже становилась предметом исследования, например, в своих статьях на неё активно ссылаются С. Коновалов [2], дополняя текст личными письмами лорда Карлайла, которые раскрывают более подробно личность самого посланника, и Д.В. Михеев [3], подробно рассмотревший обстоятельства путешествия посольства от Москвы до Пскова по приграничной территории. На данный момент полного перевода текста на русский язык не существует. В 1879 г. в учебно-литературном журнале «Историческая библиотека» была опубликована часть текста в переводе И.Ф. Павловского [4]. Им были переведены отрывки, содержащие общие сведения о Русском царстве. Среди них информация об истории русского государства, его географических особенностях, таких как климат и ландшафт. Описаны религиозная жизнь и место царя в управлении государством. Полный текст реляции раскрывает не менее важные и интересные для исследователя моменты.

Мьеж также уделяет внимание народам, населявшим огромные просторы Русского государства. Помимо подробного описания особенностей жителей Москвы, характера, обычаев, правил поведения и повседневного быта, автор приводит информацию о народах Севера, называя их самоедами (Samojedes) [1, с. 82–85].

В источнике приведены сведения о ходе посольства, маршруте, который проделали дипломаты от Лондона до Москвы и обратно, в нем также сообщаются интересные сведения об особенностях повседневной жизни в Русском государстве середины XVII столетия и придворном церемониале. Стоит уточнить, что целью посольства был возврат особых привилегий, которыми пользовались представители Московской торговой компании на территории Русского государства, утраченных в результате революционных событий в Англии и казни Карла I, которую Алексей Михайлович счёл ужасным преступлением. Поставленной цели посольство добиться не смогло, поэтому в ряде случаев автор стремится оправдать неудачи лорда Карлайла, иногда посредством принижения русской стороны. В этой связи показателен фрагмент,

связанный с отказом королевского посланника от царских подарков, а именно соболей для него и всей его семьи. Данный эпизод стал неожиданностью для всего русского двора, и вызвал недоумение и гнев царя. Английские подарки были возвращены. Мьеж же не предает этому событию особого значения, упоминая лишь, что лорд Карлайл посчитал за благо получить обратно подарки, побывавшие в распоряжении самого царя [1, с. 302–305]. Однако, даже свойственная автору в некоторых местах предвзятость нисколько не умаляет ценности информации, содержащейся в данном тексте.

В источнике содержатся подробные сведения о ходе англо-русских переговоров 1663–1664 гг. Это посольство стало первым английским посольством в Россию после реставрации династии Стюартов на престоле. Мьеж приводит копии официальных речей, писем (часть из них – на латинском языке) и прошений, с которыми граф Карлайл обращался к царю на протяжении всего своего пребывания в России, благодаря чему мы практически по дням можем проследить аудиенции посланника с царем и его приближенными и то, какие вопросы обсуждали во время этих встреч. Например, Мьеж сообщает о том, что царь рассматривал предложение графа Карлайла о возможности участия англичан как стороны-посредника во время переговоров о завершении продолжавшейся на тот момент войны с Речью Посполитой. Предложение посланника реализовано не было, поскольку англичане рассматривали такую возможность только как своеобразную благодарность за возврат привилегий [1, с. 284–288]. Также автор подметил интересный момент, связанный с нормами обращения к царю. В официальном ответе на очередное прошение графа Карлайла особое внимание уделено недопустимости употребления в отношении царя латинского слова «Illustrissimus», что по представлению московской стороны сильно умаляло его величие, а потому в следующих обращениях требовалось использовать слово «Serenissimus» [1, с. 195].

Интерес данный источник вызывает и в связи с описанием вопросов инфраструктуры и системы коммуникаций, которыми пользовались путешественники, передвигавшиеся по территории Российского государства в середине XVII в. В частности, Мьеж подробно описывает путь от Лондона до Москвы [1, с. 6–26], называет основные перевалочные пункты вроде Архангельска и Вологды, и дает подробное описание условиям пребывания посольства и жизни местного населения [1, с. 79–85; 95–106]. Отдельный фрагмент текста посвящен водной части путешествия по рекам Двина и Сухана по пути от Архангельска до Вологды [1, с. 86–94]. Реляция описывает путь, который уже преодолевали предшественники графа Карлайла в России. Однако наибольший интерес данный источник вызывает ввиду того, что обратный путь посольства проходил не через привычный для англичан Архангельск, а через Новгород и Псков (посещение Московии стало только первым из трех пунктов в маршруте посольской миссии, далее лорду Карлайлу предстояло отправиться в Швецию и Данию, и только после этого из Копенгагена отплыть обратно в Лондон). Помимо описания ключевых остановок, автор приводит сведения о быте посольства и организации путешествия русской стороной. Так, уделено внимание значительному эскорту, выделенному для охраны посланника и его свиты во время путешествия [1, с. 306–338].

Английские посланники стали участниками пышных обедов, место для описания которых также нашлось в источнике. Мьеж подробно повествует о том, какие угощения и напитки присутствовали на царском пиру в честь английских послов, а также затрагивает церемониал во время празднеств, рассадку гостей и поведение самого царя Алексея Михайловича [1, с. 290–295]. В связи с этим, сочинение использовалось при подготовке публикаций И.А. Загородней [5], в которой речь идет о русско-английской

дипломатии XVII в., а также в статье Д.А. Петрова [6], который подробно разбирает сюжет, связанный с напитками, представленными во время приема посольства.

Таким образом, «Реляция о трех посольствах…» содержит информацию о ходе посольской миссии и дипломатическом церемониале, описывает многие сферы функционирования Российского государства середины XVII в. Источник позволяет взглянуть на привычные явления русской жизни глазами человека другой культуры и религии.

1. Miège, Guy. A relation of three embassies from his Sacred majestie Charles II to the Great Duke of Muscovie, the King of Sweden, and the King of Denmark : Performed by the Right Hoble the Earle of Carlisle in the years 1663 & 1664 / Written by an attendant on the embassies, and published with his Lps approbation / Miège Guy. – London : Printed for John Starkey. – 1669. – 461 p.

2. Konovalov, S. England and Russia. Three Embassies, 1662-5. / S. Konovalov // Oxford Slavonic Papers – 1962. – Vol. X – P. 60–105.

3. Михеев, Д. В. Маленькие радости и великие невзгоды псковской дороги в описании участников английского посольства 1664 г. / Д. В. Михеев // Общество: философия история, культура. – 2021. – № 6. – С. 83–89.

4. Описание Московии при реляциях гр. Карлейля // Историческая библиотека. – 1879. – № 5. – С. 1–46.

5. Загородняя, И. А. Московский посольский церемониал: английские дипломаты при царском дворе в XVII в. // И. А. Загородняя // Россия – Британия. К 450-летию установления дипломатических отношений. – М. : Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Московский Кремль», 2003. – С. 22–34.

6. Петров, Д. А. «Питье» на приёме царя Алексея Михайловича в честь Английского посла Чарльза Ховарда, графа Карлайла 19 февраля 1664 г. // Д. А. Петров // Valla. – 2017. – Т. 3, № 3(10). – С. 23–36.

Гломаздо А.Д.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ЭТИКЕТ В ИМПЕРИИ ЦИН В XVII ВЕКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ РУССКИХ ИСТОЧНИКОВ)

Ключевые слова: китайский дипломатический этикет XVII в., росписи И. Петлина и Ф.И. Байкова, статейный список Н.Г. Спафария.

В XVII в. в Европе наблюдается рост интереса к Китаю, который воспринимается как многообещающий торговый партнер. Россия не стала исключением. Освоение Сибири способствовало установлению периодических контактов с Китаем. Это привлекло за собой необходимость отправки посольства из России [1, с. 59]. В 1617 г. в Китай было отправлено первое русское посольство под руководством сибирского казака Ивана Петлина. Анализ его росписи позволяет проследить, как китайский дипломатический этикет стал значительной проблемой для русского посольства в этот период.

Чтобы попасть на территорию Китая, Петлину пришлось обратиться за помощью к монгольской княгине Малчикатунь, которая предоставила ему необходимую сопроводительную грамоту. Этот факт свидетельствует о закрытости Китая для иностранцев того времени [2, с. 47]. Иван Петлин прибыл в Камбалык (Пекин), но минский император Шэньцзун отказал ему в аудиенции, передав русским послам грамоту, написанную на китайском языке. В росписи Иван Петлин указал причиной отказа отсутствие подарков императору: «А мы у царя Тайбуна не были и царя не видали потому, что итти к царю не с чем» [2, с. 52]. Возможно, встреча с императором Шэньцзуном не состоялась не только по причине отсутствия у русских послов дипломатических подарков, но и из-за того, что во время приезда Петлина император был уже в пожилом возрасте и фактически передал управление государством своим чиновникам, отойдя от государственных дел.

Полученную грамоту смогли расшифровать только в 1675 г. В ней китайский император разрешил русским людям приезжать в Китай и торговать, а также пригласил к себе новые русские посольства. Однако ответных посольств в Россию из Китая отправлено не будет.

В 1650-х гг. в условиях присоединения Приамурья вновь встал вопрос об установлении дипломатических и торговых отношений с Китаем [3, с. 96–97]. Царь Алексей Михайлович поручил это задание Ф.И. Байкову, который отправил в Пекин П. Ярышкина сопровождать торговый караван. Данное мероприятие не было официальным посольством, поскольку П. Ярышкину не дали официальной грамоты. Но чувствуя силу России на Амуре, китайский император хотел сделать ее своим вассалом, поэтому использовал неосведомленность П. Ярышкина в дипломатическом этикете в свою пользу и заставил его совершить обряд коу-тоу (9 поклонов), подтверждавший вассальную зависимость [1, с. 83–84].

Основной дипломатической трудностью во взаимодействии Китая и России было разное понимание системы международных отношений. Россия столкнулась с ситуацией, где она могла находиться только в вассальной зависимости от Китая, чья экспансионистская политика была напрямую связана с конфуцианством, которое указывало на первенство Китая над всеми остальными странами и народами [4, с. 80]. В отношении «варваров» эта политика давала лишь несколько путей решения: мирное подчинение, военные действия или «презрение» [3, с. 47].

В марте 1656 г. в Пекин был отправлен Ф.И. Байков уже в качестве официального представителя России, чтобы прояснить сложившиеся несостыковки в отношениях. Он получил наказ от Алексея Михайловича, в котором ему строго запретили исполнять некоторые ритуалы китайской дипломатии – например, обряд коу-тоу, который совершил П. Ярышкин.

Когда посольство Байкова въехало в Китай, оно направилось в сторону Пекина. Противодействия послам не оказывали, но, когда они добрались до заставного города Капки, их задержали, поскольку оттуда было выслано уведомление императору Китая об их приближении. Ждать послам пришлось 10 дней, после чего в сопровождении двух китайских чиновников они отправились к Пекину. Их встретила делегация китайских чиновников, которые предложили Байкову и его спутникам совершить обряд коу-тоу.

Байков отказался, сославшись на то, что в России того времени были иные обычаи: «У нашего де великого государя того не повелось, что кланятися, припадши на колени, в шапке; у нашего государя чин таков – кланяемся мы своему великому государю без шапок» [2, с. 127]. Интересно, что китайские чиновники никаким образом не выразили своего неудовольствия. После этого послу предложили чай с молоком, присланный от императора. Но Федор Исакович, сославшись на пост, отказался от чая. После чего русские послы направились в столицу, где и разместилось посольство [2, с. 128].

Важным фактом, характеризующим отношение Китая к иностранным послам, являются условия содержания, предоставляемые посольству. В росписи Байкова указывается, что послам выделяли жилые помещения и питание. Однако уровень комфорта зависел от статуса посла и страны, из которой он прибыл. Мы видим, что условия, которые Китай предоставил, были приемлемыми, но не учитывающими культурные и религиозные особенности иностранцев: для питания им выдавали мясо, хотя Ф.И. Байков прямо сказал им о посте.

На следующий день император послал своих чиновников за подарками от русского царя, но Байков отказался их передать и потребовал аудиенции. Настойчивые требования Ф.И. Байкова о соблюдении посольского церемониала согласно правилам, принятым в Москве, отражают стремление московского правительства и его дипломатов ставить выше всего честь своего государства и боязнь умалить ее чем-нибудь. Одним из расхождений в китайском и русском церемониалах приема послов был вопрос о времени и порядке вручения царских подарков. По наказу, данному Ф.И. Байкову, он должен был вручить «поминки» во время приема императором, после подачи грамоты.

Китайские чиновники продолжали настаивать на соблюдении именно китайского дипломатического этикета, но делали это деликатно. Для них было важно, чтобы русский посол пошел им навстречу, но при этом исполнять его требований они не собирались. Желая добиться уступок со стороны Ф.И. Байкова, они предлагали ему поехать к ним в приказ, чтобы посмотреть, как правильно совершать обряд коу-тоу. Но встретив сопротивление, они вернули ему подарки и сказали, что если он не хочет соблюдать их этикет, то император не желает его видеть. Чиновники заявили, что ни один посол не достоин видеть китайского императора. Этой чести удостаиваются лишь его приближённые – уваны (которых Байков называет «боярами»). «И Федора Исаковича Байкова отпустили из Канбалыка с государевою грамотою и с казною 1665 г. сентября в 4 день, и выслали не само его вежливо, и царскому величеству чести никакой не учинили» [2, с. 131].

Следующий визит русского посольства в Китай состоялся 4 февраля 1673 г. под руководством Н.Г. Спафария. Подробности этой миссии описаны в его статейном списке. Переговоры с китайскими властями начались еще в Пачегорском китайском селе, где состоялась встреча русской делегации с императорским советником. Советник пригласил русское посольство продолжить путь в столицу – Пекин. Однако по дороге возник конфликт между советником и Н.Г. Спафарием из-за отказа последнего соблюдать китайские дипломатические обычаи. Этот вопрос ранее не был затронут, поскольку китайский советник упустил его из внимания. Однако после того как большая часть пути осталась позади, он вспомнил об этом и сказал: «Чтоб он, посланник, великого государя грамоту, приехав в царство, отдал хановым ближним людем с приезду вскоре; а как великого государя грамоту отдашь, и переветчи ея доложат хана, и доложа хана, после того возьмут на поклон и тебя вскоре ж» [5, с. 325]. Это вызвало возражения Н.Г. Спафария, который, проявив дипломатическое мастерство, умело использовал сложившиеся обстоятельства и заявил, что его заранее не поставили в известность об этом условии. Он подчеркнул, что в противном случае предпочел бы отказаться от поездки изначально. Посол также отметил, что прибыл «желая с великим государем дружбу и любовь иметь» [5, с. 325]. В ответ на это советник указал, что не станет принуждать посла к выполнению требований, однако предупредил, что в случае неповиновения посольство могут не принять.

Прибыв в столицу, их расположили в подворье, где «стаивали розные послы: первое – галанцы, которые были при Байкове; также португальцы и иные послы поставлены были» [5, с. 328]. Само место пребывания описано так: «А на посольском дворе полаты каменные, поземные, крыты черепом, а в полатах подволоки деревянные, и связей в полатах железных нет. Также на посольском дворе садов и иных каких диковин нет, и место самое кручинное, бутто тюрьма. А как поставили на посольской двор, тотчас приставили караул крепкой» [5, с. 328].

Следующий фрагмент источника утрачен, поэтому более подробные детали о пребывании послов в подворье мы не знаем. Известно лишь то, что китайский советник продолжал убеждать Н.Г. Спафария в соблюдении китайского дипломатического этикета. Но посол отказывался, говоря, что такими действиями китайский император умаляет достоинство русского царя и показывает пренебрежительное отношение к нему, несмотря на то что русское посольство прибыло ради любви и дружбы. Китайский советник не соглашался пойти на уступки и продолжал убеждать Спафария отдать грамоту, даже безуспешно угрожая пойти под Нерчинский и под Албазинский остроги, чтобы до основания их разорить.

В конечном итоге китайская сторона пошла на уступки и согласилась с требованиями Н.Г. Спафария о личной передаче грамоты императору. Встреча с императором Канси состоялась, однако тот уделил русской делегации сравнительно

немного времени и внимания, что отражало небольшое значение данного визита в глазах китайского двора.

Таким образом, проведенный анализ источников позволяет выделить особенности китайского дипломатического этикета в XVII в., которые мешали иностранным послам договориться с Китаем:

Китайская империя считала себя центром мира («Поднебесной»), а императора – «Сыном Неба». Дипломатические отношения строились через призму этой концепции, где другие страны воспринимались исключительно как вассалы. Именно поэтому все послы должны были совершать обряд коу-тоу, а официальным языком дипломатической переписки был китайский. Иностранцам приходилось изучать китайский язык и использовать китайские иероглифы для общения с властями. Также значительную роль в китайском дипломатическом этикете занимали подарки, которые должны были соответствовать статусу императора Китая. Как в росписи Ф.И. Байкова, так и в статейном списке Н.Г. Спафария подчеркивается, что вопрос о подарках имел большое значение. При этом само пребывание послов в столице строго контролировалось: им было запрещено свободно передвигаться по городу, а в посольском дворе за ними следил караул. Это было стремлением китайцев не допустить распространения какой-либо информации, способной скомпрометировать их.

В конечном счете, несмотря на разные подходы и методы, ни одно из этих трех посольств не смогло добиться серьезных прорывов в отношениях между Россией и Китаем. Тем не менее они заложили основу для будущих контактов и способствовали накоплению в России знаний о Китае.

1. Александров, В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.) / В. А. Александров. – М. : Наука, 1969. – 238 с.

2. Демидова, Н. Ф. Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф.И. Байкова) / Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. – М. : Наука, 1966. – 158 с.

3. Мясников, В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. – 2-е изд., доп. / В. С. Мясников. – Хабаровск : Хабаровское книжное изд-во, 1987. – 516 с.

4. Мартынов, А. С. Представления о природе и мироустроительных функциях власти китайских императоров в официальной традиции / А. С. Мартынов // Народы Азии и Африки. – 1972. – № 5. – С. 72–82.

5. Русско-китайские отношения в XVII веке : материалы и документы : в 2 т. / сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. – М. : Наука, 1969–1972. – Т. 1 : 1608–1683. – М., 1969. – 613 с.

Базарова Т.А.

ПИСЬМА И РЕЛЯЦИИ РУССКИХ ДИПЛОМАТОВ ИЗ СТАМБУЛА: ЭПОХА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Ключевые слова: письма, реляции, рескрипты, Петр I, русские дипломаты, Османская империя, Стамбул.

По условиям Константинопольского договора (1700), подписанного после окончания русско-турецкой войны 1686–1700 гг., Петр I получил возможность создать постоянное дипломатическое представительство в Стамбуле. Первым петровским послом при Высокой Порте стал стольник Петр Андреевич Толстой (1645–1729), который прибыл в Османскую империю в 1702 г.

Согласно полученной в Москве инструкции, П.А. Толстой был обязан не только предоставить по возвращении на родину статейный список в Посольский приказ, но регулярно сообщать о ходе переговоров и изменении политической ситуации при османском дворе. Письма посол П.А. Толстой, а затем сменившие его П.П. Шафиров и М.П. Шереметев (полномочные министры, а затем послы в 1711–1714 гг.), А.И. Дашков

(чрезвычайный посланник в 1719–1721 гг.) и И.И. Неплюев (резидент в 1721–1735 гг.) адресовали главе Посольского приказа, а затем Коллегии иностранных дел.

Доставку писем осуществляли разными способами. Одни письма с разрешения Высокой Порты отправляли с курьерами, в том числе с рейтарами (в конце XVII в. была организована Киевская рейтарская команда) или переводчиками. Другие послания (как правило секретные) передавали с греческими купцами, священниками, доставляли «под конвертом» послов дружественных держав при османском дворе в Вену. П.А. Толстой также пересылал свои донесения через господарей Валахии и Молдавии. Впрочем, уже начале 1710-х гг. послы опасались отправлять письма в Москву при посредничестве господарей. Особенно после того, как бесследно исчезло несколько конвертов, посланных из Стамбула при посредничестве Константина Брынковяну.

В годы Северной войны существовала опасность, что письма будут перехвачены неприятелем, поэтому послания шифровали либо целиком, либо наиболее важную часть. Для дипломатической переписки Посольская канцелярия разработала специальные «цифирные азбуки». Они, как правило, представляли собой шифры замены, когда одной букве алфавита соответствовал определенный знак (цифра, буква или специально придуманный символ). Русских дипломатов получали «азбуку» при отъезде в Стамбул. У них не было возможности поменять шифр, поэтому дипломаты использовали применяли одну и ту же систему на протяжении всех лет пребывания в Османской империи.

Наиболее важные послания дублировались и посылались с разными людьми различными путями. На верхнем поле копий указывали: «дубликат», «трипликат» и даже «квадрипликат». До российских столиц курьеры добирались больше месяца. Случалось, что копию письма доставляли в Москву или Санкт-Петербурга раньше оригинала. К тому же, не все отправленные послами письма доходили до адресатов. В свою очередь и распоряжения из Посольского приказа приходили в османскую столицу с большой задержкой. Осенью 1713 г. канцлер Г.И. Головкин рекомендовал П.П. Шафирову: «…впредь посылать одни писма на Киев, откуды к нам часто бывают посылки, а дупликаты чрез Вену. И тако, государь, будут даходить надежно» [3, с. 282].

Для того чтобы избежать путаницы, в начале писем из Москвы или из Стамбула адресант упоминал, когда и какие послания были получены и на какое из них дается ответ. Не позднее 1708 г. в правом или левом верхнем углу стали ставить номер, что позволяло более точно отслеживать доставку и ответы на полученные послания. Например, в 1711 г. П.П. Шафиров из турецкого лагеря сообщил Г.И. Головкину: «Ваше писание под нумером 4-м от 20-го июля получено сего июля в 23 день» [2, с. 214]. В 1713 г. Г.И. Головкин написал вице-канцлеру в Стамбул: «Писма милости вашей, писанные из Андриянополя от 10-го и 19-го, да дупликат с отправленного чрез иерусалимского патриарха от 26 (которое еще подлинное сюды не бывало), да от 28-го июля я здесь на сих днях получил <…> А слышал, что было от вас 19-го числа к его царскому величеству, с которого ныне при последнем вашем от 28-го я трипликат получил» [3, с. 262–263]. В Посольском приказе и в Стамбуле велись записи о полученных и отправленных письмах. При необходимости имелась возможность их сверить.

С середины 1710-х гг. письма начинают сменяться рескриптами и реляциями. Историки дипломатии связывают этот процесс с реформами государственного управления. В.Н. Александренко отметил, что первую реляцию в Москву отправил посол А.А. Матвеев из Лондона 20 мая 1707 г. Он писал, что «реляция суть донесения государю, а письма – сообщения канцлеру или вице-канцлеру» [1, с. 340]. В 1716 г. руководство Посольской канцелярией потребовало уже от всех русских послов писать «ко двору о всяких делах реляциями на имя государя, а не письмами к канцлеру» [1, с. 341]. 4 апреля 1716 г. П.П. Шафиров предупредил посла при прусском дворе А.Г. Головкина о необходимости

«писать реляцыями к государю как во всем свете обыкновенно, то принуждены будем искать затисфакции на вас <...> а буде что чрезвычайно секретно, то мочно особливыми реляциями или поскриптами писать» [5, л. 460].

Первые реляции к царскому двору еще по пути в Стамбула отправил посланник А.И. Дашков (в 1719 г.). Полученная им инструкция предписывала «…доносить его царскому величеству почасту и нужное писать данною ему цыфирью, а реляции свои отправлять чрез известных корреспондентов, а с нужными делами посылать ко двору его царского величества и нарочных куриеров» [6, л. 16].

А.И. Дашков (как и прибывший на резиденцию в Стамбул И.И. Неплюев) получал рескрипты и в ответ отправлял реляции с курьерами напрямую в Москву или в Санкт-Петербург, а также пересылал через посольства в европейских столицах [4]. Как и письма, реляции были «публичные» и секретные (зашифрованные). В левом верхнем углу рескриптов и реляций ставили номер. Реляции дипломатов начинались с обращения «Всемилостивейший царь государь». Посланник заканчивал их собственноручной подписью «вашего величества всеподданейший раб Алексей Дашков».

Тем не менее, письма не ушли из дипломатической практики. Русские дипломаты по-прежнему предпочитали использовать письма как более привычную для обмена мнениями форму. В переписке А.И. Дашкова и И.И. Неплюева с канцлером Г.И. Головкиным и вице-канцлером П.П. Шафировым помимо важной политической информации содержались личные просьбы и пожелания. Эти послания также могли называть «реляциями». В 1720-х гг., когда в Коллегии иностранных дел, подготовили выписку, касавшуюся состояния турецких дел, отправленные П.П. Шафировым и М.Б. Шереметевым письма именовали «реляциями».

1. Александренко, В. Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. / В. Н. Александренко. – Т. 1. – Варшава : Тип. Варшавского учебного округа, 1897. – 553 с.

2. Базарова, Т. А. Русские дипломаты при османском дворе: Статейные списки П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. : исследование и тексты / Т. А. Базарова. – СПб. : Историческая иллюстрация, 2016. – 864 с.

3. Базарова, Т. А. Статейный список русских послов при османском дворе П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева 1713 г. / Т. А. Базарова. – СПб. : Историческая иллюстрация, 2023. – 392 с.

4. Государева, М. Ю. Русская дипломатическая миссия в Стамбуле в 20–30-е годы XVIII века / М. Ю. Государева // Вестник РГУ им. С.А. Есенина. – 2011. – № 1. – С. 89–98.

5. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 9. Оп. 1. Д. 1/6.

6. РГАДА. – Ф. 89. Оп. 1. Д. 8.

\

Красинский И.В.

МЕМУАРЫ МАРТИНА МАТУШЕВИЧА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВЫВОДА ШЛЯХЕТСТВА В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ

Ключевые слова: Великое Княжество Литовское, вывод шляхетства, Мартин Матушевич, мемуары Мартина Матушевича, социальная мобильность, источники истории ВКЛ.

Доказательство принадлежности к шляхетскому сословию, или «вывод шляхетства», представляло собой процедуру, в ходе которой шляхта ВКЛ предоставляла письменные доказательства и свидетельства других шляхтичей для подтверждения своего благородного происхождения. В современной историографии подобные явления известны по процессу «разбора шляхты» конца XVIII–XIX вв. [1, с. 3], однако для шляхты белорусских земель ВКЛ такая практика существовала уже с конца XV – начала XVI в. [9]. Законодательное оформление процедуры началось с «Уставы о выводе шляхетства за примовою» 1507 г. [8, s. 277] и было развито в

Статутах 1529 (разд. 1, арт. 20; разд. 3, арт. 11–14), 1566 (разд. 3, арт. 16–19) и 1588 (разд. 3, арт. 21–23, 27) гг. [6].

Необходимость в доказательстве шляхетства возникала из-за его ключевой роли в определении прав и привилегий, включая владение землёй, зависимыми крестьянами и участие в соймиках и сеймах [4, с. 137]. Однако не все шляхтичи, особенно мелкие и средние, обладали документами о происхождении. Для подтверждения статуса достаточно было свидетельств других шляхтичей, наличия фамилии в списках шляхты или отсутствия в инвентарях шляхетских имений [2, с. 32–33]. Споры о шляхетстве часто инициировались соседями-землевладельцами для расширения владений или имели политическую подоплёку.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения социально-политических аспектов шляхетского сословия в ВКЛ. Мемуары Мартина Матушевича, как представителя шляхты, предоставляют уникальную возможность изучить процесс доказательства шляхетства изнутри, раскрывая правовые, личные и политические мотивы, стоявшие за этим процессом.

Мемуары Мартина Матушевича изучались исследователями, но чаще как вспомогательный материал. А. Мацук в энциклопедической статье упомянул их как источник биографических сведений [5]. Н.Н. Улащик в своем незавершенном труде оценивал их информационную ценность для истории Беларуси, но не анализировал сюжеты о выводе шляхетства [7]. Ф.И. Леонтович изучал правоспособность шляхты, но не использовал мемуары для иллюстрации практики [2]. А.И. Мальдис обращался к ним в контексте повседневной жизни, но не рассматривал правовые аспекты [4]. А. Рахуба в работах о шляхетстве ВКЛ также не анализировал мемуары в интересующем нас ключе [14]. Таким образом, потенциал источника для изучения вывода шляхетства остался нераскрытым, что подчеркивает актуальность данного исследования.

Методология исследования основана на комплексном подходе. Мемуары рассматриваются в историческом и социальном контексте, что позволяет раскрыть ментальность и ценности шляхты. Интердисциплинарный подход, включающий историю, психологию, право, культурологию и социологию, позволяет раскрыть их как исторический и культурный текст, следовательно, реконструировать процедуру вывода шляхетства и её роль в жизни ВКЛ.

Процедура оспаривания шляхетского статуса Мартина Матушевича (1750-е гг.) отразила противоречия социально-политической системы ВКЛ. Переход Матушевича от Чарторыйских к Радзивиллам [10, s. XI], вызванный их оппозицией королевской власти, активизировал использование института «вывода шляхетства» как инструмента внутрисословной борьбы. Это соответствовало общей практике, когда смена патронов провоцировала юридические атаки на статус оппонента, как отмечал Ф.И. Леонтович [2].

Инициированный Чарторыйскими процесс опирался на формальные основания: заявление Анны Гинчуковой о родстве с Матушевичами (1755 г.) потребовало расследования в Телятичах. Однако процедура, регламентированная Статутом 1588 г. (разд. 3, арт. 27), была нарушена уже на этапе сбора свидетельств. Привлечение подляшского чашника Веже, получившего от Матушевича «турецкий пояс» [11, s. 124–127], выявило коррупционную составляющую. Опрос 14 крестьян, не подтвердивший кровных связей, но выявивший Петра Матушевича как слугу [11, s. 127], показал зависимость доказательной базы от лояльности зависимых лиц, мнение которых можно было приобрести.

Реакция М. Матушевича раскрывает различные методы защиты шляхетства:

1. Архивный поиск: экспедиции на Подляшье для изучения магдебургских книг и метрик, поездки в Вильно и Менск [11, s. 130] отражают типичную для шляхты практику легитимации через документы, критически изученную А. Рахубой [14].

2. Использование завещания деда (Ян Казимир Матушевич), обнаруженного в Менске [11, s. 137], стало ключевым правовым аргументом, однако его позднее предъявление патронам (Радзивиллам) указывает на приоритет политической поддержки над формальной юстицией.
3. Политический лоббизм: попытка Матушевича стать депутатом Трибунала ВКЛ от Менского воеводства [11, s. 145] и давление Радзивиллов на судей (угроза отстранения вицемаршалка Абрамовича [11, s. 148]) раскрывают механизмы клиентелизма, описанные А. Мацуком [5].

Дело в Главном трибунале ВКЛ (1755 г.) трансформировалось в публичное противостояние кланов. Речь М. Матушевича перед Сапегой [11, s. 132–137], акцентировавшая политические мотивы обвинений («инсинуации Чарторыйских»), и его тактика подкупа депутатов (200 червонцев Пшецкому [11, s. 151]) доказывают, что юридическая процедура стала инструментом демонстрации силы. Приговор 29 декабря 1755 г., подтвердивший шляхетство Матушевичей [11, s. 165–166], де-факто отразил не доказанность родословной, а влияние Радзивиллов: угроза «оппозиции» их авторитету склонила 10 из 19 депутатов к «нужному» решению [11, s. 173].

Анализ кейса М. Матушевича позволил выявить три уровня конфликта: 1) правовой – формальное применение Статута 1588 г. маскировало субъективность процедуры; 2) социальный – зависимость статуса от архивирования документов создавала поле для манипуляций; 3) политический – институт патроната превращал суд в арену клановой борьбы, где юридические нормы подчинялись интересам магнатов.

Как отмечал Н.Н. Улащик, мемуары фиксируют «теневые» аспекты таких процессов [7], что делает их ценными для реконструкции реальных механизмов взаимодействия внутри шляхетского сословия.

Судебное заседание 29 ноября 1755 г. в Менске [11, s. 151] показало, как правовые процедуры подменялись перформативными практиками. Речь Матушевича, противопоставлявшая «честное шляхетское рождение» (uczciwego szlacheckiego urodzenia) и «продажность земных богов» (bogowie ziemscy) [11, s. 154], использовала библейские и античные аллюзии, что характерно для риторики барокко (анализ А.И. Мальдиса [4]). Ссылка оршанского наместника на ст. 27 разд. 3 Статута 1588 г. [6, с. 576–577] обнажила декларативность закона: просьба не фиксировать её в декрете [11, s. 159] подтверждает тезис Ф.И. Леонтовича о пренебрежении нормами [2].

Вечернее совещание с маршалком Радзивиллом [11, s. 165] дает основания полагать об имевшим место механизме принятия решений: подкуп депутата Пшецкого (200 червонцев, карета, вино) и конкурирующая взятка от Чарторыйских (300 червонцев + мытня) [11, s. 166] показывают, что исход дела определялся балансом влияния кланов. Голосование (10:9 в пользу Матушевича [11, s. 173]) стало формальной ратификацией закулисного соглашения, что соответствует выводам А. Рахубы о клиентельных сетях [14].

Решение суда от 29 декабря 1755 г. [11, s. 165–166] подтвердило шляхетство Матушевичей, но содержало противоречия: селективное применение закона (освобождение Витановских от ответственности) и отсрочка расследования против А. Гинчуковой создавали правовую «петлю» для будущих атак. Равнодушие Радзивилла к ущербу в 100 тыс. сукон [11, s. 171] показывает приоритет политического капитала над экономическим. Следовательно, мемуары Матушевича, фиксируя двойственность судебных процессов (официальный протокол vs закулисные сделки), раскрывают механизмы социальной мобильности в ВКЛ.

Соглашение от 3 января 1757 г. [11, s. 275–276] легализовало статус Матушевича, но выявило асимметричность компромисса: символическое признание документов маскировало отсутствие санкций против Чарторыйского, а передача дела Гинчуковой посредникам переносила решение в неопределённое будущее. Акт присяги 20 марта 1757 г., отрицающий родство Гинчуковой с Матушевичами [11, s. 287–288], имел

символическую функцию, но его юридическая сила была подорвана ошибками в декрете (искажение имён, дат [11, s. 288]), что отражает проблемы документооборота в ВКЛ, отмеченные Н.Н. Улащиком [7].

К 1758 г. обвинения в нешляхетстве утратили актуальность на фоне карьерного роста Матушевича и его интеграции в прорадзивилловскую партию [10, s. XIV–XV]. Последний эпизод с Гедройцем [12, s. 11–12] символизирует маргинализацию конфликта. Переход Матушевича на сторону Чарторыйских в период бескоролевья (1763–1764 гг.) [10, s. XV] демонстрирует прагматизм шляхетской элиты: ранее оспариваемое шляхетство стало нерелевантным.

Процедура вывода шляхетства использовалась как инструмент клановой борьбы, где юридические нормы подчинялись политической целесообразности. Усиление России и поиск внешних союзников (Франция) повлияли на стратегию М. Матушевича, но не изменили системные дисбалансы. Присяги и декреты выполняли символическую функцию. Доказательство шляхетства было тесно связано с вопросами власти, престижа и экономических интересов.

Таким образом, мемуары М. Матушевича представляют собой ценный источник для изучения социальной мобильности и правовой культуры шляхетского сословия в ВКЛ. В силу специфики этого источника можно более детально изучить процедуру доказательства шляхетства, раскрыть факторы, влиявшие на ход судебных дел непосредственно с позиций участника событий, чего не предоставляют акты магдебургских книг, официальные документы о судебных процессах.

Анализ показал, что вывод шляхетства применялся как инструмент политической борьбы, реализуемой через клиентельные связи, символические ритуалы и закулисные договорённости. Судебные процессы по делам о шляхетстве часто носили перформативный характер. Формальные решения суда, даже закреплённые в декретах, не всегда отражали реальное положение дел, а скорее фиксировали компромисс между противоборствующими сторонами.

1. Гербоўнік беларускай шляхты. Т. 8, ч. 1. К (Каборды – Карэцкія) / Я. С. Глінскі [і інш.] ; навук. рэд. А. Рахуба. – Мінск : Беларусь, 2022. – 927 с.

2. Леонтович, Ф. И. Правоспособность литовско-русской шляхты / Ф. И. Леонтович // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1908. – № 7. – С. 1–56.

3. Любавский, М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно : с приложением текста хартий, выданных Великому княжеству Литовскому и его областям / М. К. Любавский. – М. : Московская художественная печатня, 1915. – 401 с.

4. Мальдзіс, А. І. Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі : эсэ ; Восень пасярод вясны : аповесць, сатканая з гістарычных матэрыялаў і мясцовых паданняў : [для сярэдняга і старэйшага школьнага ўзросту] / А. І. Мальдзіс. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2009. – 477 с.

5. Мацук, А. Матушэвіч Марцін / А. Мацук // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 3 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.] ; маст. З. Э. Герасімовіч. – Мінск : БелЭн, 2006. – Т. 2: Кадэцкі корпус – Яцкевіч. – С. 280–281.

6. Статуты Вялікага Княства Літоўскага 1529, 1566 і 1588 гг. / Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя. Т. 3. Дадатак. А – Я. / рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2010. – С. 436–689.

7. Улашчык, М. М. Мемуары і дзённікі як крыніцы гісторыі Беларусі : з рукапіснай спадчыны / М. М. Улашчык. – Мінск : Пейто, 2000. – 86 с.

8. Danilowicz, I. Skarbiec diplomatów papiezkich, cesarskich, krolewskich, książęcych; uchwał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiéj i ościennych im krajów. Tom II / I. Danilowicz. – Wilno : W drukarni A. H. Kirkora, 1862. – 370 s.

9. Lietuvos metrika / Lietuvos istorijos institutas. Kn. 6 : (1494–1506) : Užrašymų knyga 6 / parengė: Algirdas Baliulis. – 2007. – 515 p.

10. Pamiętniki Marcina Matuszewicza, kasztelana brzeskiego-litewskiego, 1714–1765 : w 4 t. / wydał Adolf Pawiński. – Warszawa : Skład Główny w Księgarni Gebethnera i Wolffa, 1876. – T. 1. – 267 s.

11. Pamiętniki Marcina Matuszewicza, kasztelana brzeskiego-litewskiego, 1714–1765 : w 4 t. / wydał Adolf Pawiński. – Warszawa : Skład Główny w Księgarni Gebethnera i Wolffa, 1876. – T. 2. – 317 s.

12. Pamiętniki Marcina Matuszewicza, kasztelana brzeskiego-litewskiego, 1714–1765 : w 4 t. / wydał Adolf Pawiński. – Warszawa : Skład Główny w Księgarni Gebethnera i Wolffa, 1876. – T. 3. – 220 s.

13. Pamiętniki Marcina Matuszewicza, kasztelana brzeskiego-litewskiego, 1714–1765 : w 4 t. / wydał Adolf Pawiński. – Warszawa : Skład Główny w Księgarni Gebethnera i Wolffa, 1876. – T. 4. – 318 s.

14. Rachuba, A. Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy, t. VIII, Ziemia brzeska i województwo brzeskie XIV–XVIII wiek / A. Rachuba. – Warszawa : Instytut Historii PAN, 2020. – 405 s.

Канищев В.В., Мизис Ю.А.

ИСТОЧНИКИ ПО ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ XVII – СЕРЕДИНЫ XIX вв. (ПО МАТЕРИАЛАМ ТАМБОВСКОГО КРАЯ)

Ключевые слова: демография, ревизия, крещение, венчание, генеральное межевание, газета.

Набор источников по изучению населения русской провинции в XVII–XIX вв. известен и широко применяется в исследованиях, как статистических, так и в компьютерном моделировании. Сюда относятся, прежде всего, переписные книги подворной переписи 1676–1678 гг., ландратские переписи 1715–1717 гг., материалы первой – десятой ревизий и метрические книги XVIII – середины XIX в. Они достаточно хорошо известны и часто используются исследователями.

Каждый из этих источников имеет свои плюсы и минусы в демографических исследованиях. Так, переписные книги подворной переписи 1676–1678 гг. дают достаточно полную картину мужского податного и служилого населения южных уездов, позволяют изучить мужской состав семей, состоящих из нескольких поколений. Однако отсутствие женского населения не позволяет точно изучать весь половозрастной состав семей, а условное деление 50 на 50% дает лишь приблизительный результат и не учитывает особенности территории и населения. Поэтому приходится вырабатывать некоторые коэффициенты в зависимости от конкретного времени и места переписи.

В начале XVIII в. продолжали действовать традиции учета населения в форме подворных переписей. В частности, писцовая книга Тамбовского уезда 1704 г. упоминает 25 новых поселений служилых людей и дворцовых крестьян, возникший в самом конце XVII – начале XVIII в. [11]. Наименее исследованной оказалась ландратская перепись 1715–1717 гг. С легкой руки российских и советских исследователей, эта перепись считалась неточной и внимание к ней не привлекалось [5, с. 59–60]. Поэтому историки считали эту перепись неудачной, она не была завершена по всей России и сохранилась по некоторым уездам. В то же время, эта перепись впервые попыталась учесть женское население, что позволяет говорить о полноценном составе семей, а также подсчитать возрастной состав населения. Другим достоинством этой переписи явилась информация о движении населения, включая смертность за период 1710–1717 гг., что прежние источники не позволяли сделать. Данные ландратской переписи позволяют проследить убыль населения в период с 1710 по 1715 гг.

Так, по Козловскому уезду убыль населения в основном объясняется смертностью и переселением. Уникальные данные приводятся по заболеваниям населения [14, с. 59–60]. По данным ландратской переписи Тамбовского уезда в Верхоценской дворцовой волости в 1715 г. насчитывалось 8528 человек мужского пола и 8402 женского пола, что дает в возможность применительно к освоенным регионам говорить о равном половом состав населения. Одним из ярких примеров источника стал факт убыли населения по Верхоценской волости в период 1710–1714 гг., который составил 37 %. Из них 64,7 % бежали и 26,7 % умерли. Убыль населения г. Тамбова в этот же период составила 813 человек (33 % от общей численности) [14, с. 56–61; 17].

Неудовлетворенность итогами ландратской переписи Петром I объяснялось ее проведение традиционными методами подворных описей населения. И общероссийские данные явно выглядели некорректно, что заставило царя перейти на подушные переписи и их ревизии. Общеизвестным демографическим источником, появившимся в XVIII в., являются материалы ревизских переписей. В наибольшей мере изучены итоговые документы ревизий [5, с. 167; 7]. Тамбовские историки широко

используют опубликованные окладные книги ревизий, в которых подводились итоги ревизских переписей на уровне уездов и городов, в т.ч. Тамбовского региона. Большим подспорьем для исследователей исторической демографии является подготовленный в свое время Институтом истории СССР сборник документов переписей [16, л. 30–32].

Материалы публикации позволяют изучать не только динамику численности населения по регионам страны, но и определять его сословный состав, что становится основой для социально-демографического анализа.

В последние десятилетия стали широко изучаться сами ревизские сказки как первичные источники податного населения. Тамбовские историки ввели в научный оборот десятки ревизских сказок отдельных сел и городов Тамбовской губернии. На их основе изучались изменения поселенческой сети региона, численности учтенных мужских душ (а с третьей ревизии и женских душ) отдельных населенных пунктов [1, с. 3–16; 2; 3; 13; 15].

Ревизские сказки некоторых поселений конца XVIII в. наряду со сказками последующих десятилетий XIX в. стали основой для применения методики восстановления истории семьи [9, 83–101; 20]. Одно из исследований такового рода было проведено в рамках совместного российско-белорусского проекта (с белорусской стороны его участником был минский историк В.Л. Носевич) [10, с. 188–189].

По тем же населенным пунктам мы использовали сохранившиеся метрические книги второй половины XVIII – первой половины XIX в., которые уже в тот период содержали достаточные сведения для изучения основных тенденций естественного движения населения (браков, рождений, смертей). При этом мы учитываем церковный характер источника, обязанность священников главным образом фиксировать совершение обрядов крещения, венчания, отпевания и не совсем точное, а порой «лукавое» фиксирование дат рождения, возраста брака женихов и невест, возраста смерти умерших). Для преодоления погрешностей записей метрических книг тамбовские историки стремились использовать математико-статистические методы и информационные технологии, позволяющие «сглаживать» неточности источника [3, с. 103–109; 8, с. 60–71].

Важнейшим демографическим источником для конца XVIII в. мы считаем Экономические примечания к Генеральному межеванию, в которых учитывали все населенные пункты, их мужское и женское население. Источниковедческой проблемой при работе с примечаниями являются противоречивые факты разных лет межевания, которые мы пытаемся уточнять, сравнивая с материалами близких по времени ревизий, а также других источников того времени [11, с. 90–92].

Дополнение сведений документов Генерального межевания южной части Тамбовского уезда результатами съемок с беспилотных летательных аппаратов позволило уточнить первоначальное расположение дач с точки зрения вместимости природной среды для основания традиционных аграрных поселений и убедиться в том, что в конце XVIII в. «экологическая ниша» данных больших сел была переполнена [12, с. 589–597].

Тамбовские историки имеют уникальную возможность изучать демографические процессы конца XVIII в. по материалам единственной провинциальной газеты того времени, издававшейся в Тамбове Г.Р. Державиным. В газете, в частности, были опубликованы сведения о числе рождений, смертей и браках в уездах наместничества в 1787 г. [21, л. 13].

Для изучения демографических процессов XVIII в. полезными являются справочно-статистические издания, вышедшие в конце столетия и в первой половине XIX в. В этих изданиях, составленных крупнейшими специалистами того времени, мы черпаем сведения о численности населения, его плотности, движении населения и

факторах этого движения на общероссийском и региональном уровнях, а в некоторых случаях и на поселенном уровне [6; 4; 19, с. 467–473].

В целом можно сказать, что комплексное изучение общероссийских, региональных и первичных источников, их анализ с помощью математико-статистических методов и информационных технологий позволяют достаточно точно изучить демографические процессы в России XVII – середины XIX вв.

1. Аврех, А. Л. Формирование и развитие сельских населенных пунктов (снп) Тамбовской области (17–20 вв.) / А. Л. Аврех [и др.] // Особенности российского земледелия и проблемы расселения IX–XX вв. XXVI сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – Тамбов : ТГТУ, 2000. – С. 3–16.

2. Акользина, М. К. Изменение социальной структуры населения среднего русского уездного города в первой половине XIX века: По материалам Моршанска Тамбовской губернии : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / М. К. Акользина. – Тамбов, 2002. – 22 с.

3. Акользина, М. К. Метрические книги как источник по социальной истории городов Тамбовской губернии первой половины XIX в. / М. К. Акользина // XVII Державинские чтения : материалы общероссийской научной конференции. – Тамбов : ТГУ, 2012. – С. 103–109.

4. Арсеньев, К. Статистические очерки России / К. Арсентьев. – СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1843. – 524 с.

5. Водарский, Я. Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века / Я. Е. Водарский. – М. : Наука, 1977. – 266 с.

6. Географический словарь Тамбовской губернии в конце XVIII и в начале XIX столетий. – Тамбов : Тип. губернского правления 1902. – 262 с.

7. Кабузан, В. М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. (По материалам ревизий) / В. М. Кабузан. – М. : Акад. наук СССР, 1963. – 230 с.

8. Канищев, В. В. Соотношение когортного и сплошного анализа демографического поведения российского крестьянства XIX – начала XX в. (по материалам прихода с. Малые Пупки Тамбовской губернии) / В. В. Канищев, Р. Б. Кончаков, Ю. А. Мизис // Социально-демографическая история России XIX–XX вв. Современные методы исследования : материалы научной конференции. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 1998. – С. 60–71.

9. Канищев, В. В. Структура крестьянской семьи. Тамбовская губерния XIX – начало XX в. / В. В. Канищев [и др.] // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв. Материалы международной конференции. – М., 2002. – С. 83–101.

10. Канищев, В. В. Два подхода к применению компьютерных технологий при восстановлении истории семьи / В. В. Канищев, Р. Б. Кончаков, В. Л. Носевич // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». – 2002. – № 30. – С. 188–189.

11. Канищев, В. В. Поселенческая сеть Тамбовской губернии по данным «Экономических примечаний» к Генеральному межеванию конца XVIII в. – начала XIX в. / В. В. Канищев // Международная конференция «Русь, Россия: Средневековье и новое время». Чтения памяти акад. Л. В. Милова. – М. : МГУ, 2009. – С. 90–92.

12. Канищев, В. В. Расселенческие процессы конца XVIII – первой половины XIX в. в аграрном регионе как антропогенное воздействие на природную среду / В. В. Канищев, С. К. Лямин, К. С. Кунавин // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2020. – № 4, Т. 30. – С. 589–597.

13. Кончаков, Р. Б. Демографическое поведение крестьянства Тамбовской губернии в XIX – начале XX в., новые методы исследования : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Кончаков Роман Борисович ; Тамбовский гос. ун-т. – Тамбов, 2002. – 22 с.

14. Ляпин, Д. А. Убыль населения исторического региона Белгородской черты в Петровское время (на примере Козловского уезда) / Д. А. Ляпин // Тамбов в прошлом, настоящем и будущем : материалы XI (XXIV) Всероссийской научной конференции, 30 марта 2023. – Тамбов, 2023. – С. 59–60.

15. Морозова, Э. А. Особенности социально-демографического облика населения торгово-промышленного села в первой половине XIX в.: на примере села Рассказово Тамбовской губернии : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Элла Александровна Морозова ; Тамбовский гос. ун-т. – Тамбов, 2003. – 22 с.

16. Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646–1859). – М., 1972. – 278 с.

17. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). – Ф. 210. Оп. 1. Д. 409.

18. РГАДА. – Ф. 1209. Кн. № 1142.

19. Соловцов, И. А. Историческое и статистическое обозрение неурожаев в России / И. А. Соловцов // Сборник статистических сведений о России. – СПб. : Тип. Морского министерства, 1858. – Кн. III. – С. 467–473.

20. Стрекалов, Д. В. Социально-демографическое развитие губернского города Тамбова в конце XVIII – первой половине XIX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Стрекалов Дмитрий Валерьевич ; Тамбовский гос. ун-т. – Тамбов, 2010. – 22 с.

21. Тамбовские известия. – Тамбов : Изд-во Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, 2012. – 267 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдулманова Ирина Валерьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, профессор кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия, г. Белгород)

Аверьянов Константин Александрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Россия, г. Москва)

Антипов Вадим Владимирович – специалист отдела международных связей, соискатель кафедры истории и культурного наследия Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Беларусь, г. Витебск)

Ауров Олег Валентинович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доцент кафедры всеобщей истории Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

Базарова Татьяна Анатольевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, исполняющий обязанности заведующего отделом источниковедения Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Россия, г. Санкт-Петербург)

Басов Иван Михайлович – младший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Россия, г. Санкт-Петербург)

Беляева Анна Владимировна – преподаватель-стажёр кафедры политологии и социологии Могилёвского государственного университета имени А.А. Кулешова (Беларусь, г. Могилёв)

Битюков Валентин Сергеевич – аспирант Воронежского государственного университета, научный сотрудник «Музея-заповедника “Дивногорье”» (Россия, г. Острогожск)

Вардомацкий Леонид Михайлович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры германской филологии Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Беларусь, г. Витебск)

Варламова Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

Власов Тимофей Викторович – аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории Псковского государственного университета (Россия, г. Псков)

Гернович Татьяна Дмитриевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Минск)

Герштейн Илья Захарьевич – кандидат политических наук, доцент кафедры мировой дипломатии и международного права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Россия, г. Нижний Новгород)

Гломаздо Анна Дмитриевна – студентка Института истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (Россия, г. Санкт-Петербург)

Горбачев Олег Витальевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Россия, г. Екатеринбург)

Довматович Кирилл Дмитриевич – учитель истории ГУО «СШ № 5 г. Солигорска имени Героя Советского Союза В.И. Козлова», магистрант исторического факультета Белорусского государственено-го университета (Беларусь, г. Солигорск, г. Минск)

Дворниченко Андрей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России с древнейших времён до XX века Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, г. Санкт-Петербург)

Денисов Максим Николаевич – аспирант Института истории Национальной академии наук Беларуси (Беларусь, г. Минск)

Дернович Олег Иванович – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории Беларуси IX–XVIII веков и археографии Института истории Национальной академии наук Беларуси (Беларусь, г. Минск)

Дмитриев Михаил Владимирович – доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)

Долгов Вадим Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Института истории и социологии Удмуртского государственного университета (Россия, г. Ижевск)

Дорофеев Денис Владимирович – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (г. Симферополь)

Довнар Александр Борисович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом истории Беларуси IX–XVIII веков и археографии Института истории Национальной академии наук Беларуси (Беларусь, г. Минск)

Дударев Василий Сергеевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук (Российская Федерация, г. Москва)

Дулова Юлия Владимировна – старший преподаватель кафедры мировых языков Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Беларусь, г. Витебск)

Ерешко Александр Евгеньевич – старший методист Музея истории детского движения Государственного бюджетного общеобразовательного учреждения города Москвы «Воробьевы горы» (Россия, г. Москва)

Ерохин Владимир Николаевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук Северо-Восточного государственного университета (Россия, г. Магадан)

Зуев Егор Сергеевич – студент Института истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (Россия, г. Санкт-Петербург)

Илизаров Борис Семенович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра истории отечественной культуры Института российской истории Российской академии наук (Россия, г. Москва)

Казаков Роман Борисович – старший преподаватель Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)

Канищев Владимир Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии Института образования и общественных наук Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (Россия, г. Тамбов)

Клейменов Виталий Игоревич – магистрант факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», (Россия, г. Москва)

Ковяко Ирина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Минск)

Комаров Сергей Сергеевич – магистрант Института истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (Россия, г. Санкт-Петербург)

Кононова Полина Евгеньевна – архивист отдела информационно-поисковых систем Национального архива Республики Беларусь, магистрант кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Минск)

Корзюк Александр Александрович – кандидат педагогических наук, доцент, главный редактор редакции журнала «Беларускі гістарычны часопіс» РУП «Издательство «Адукацыя і выхаванне», доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка (Беларусь, г. Минск)

Корнишина Галина Альбертовна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева (Россия, г. Саранск)

Косачев Дмитрий Павлович – аспирант Магнитогорского государственного технического университета имени Г.И. Носова (Россия, г. Магнитогорск)

Космач Веньямин Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры психологии Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Беларусь, г. Витебск)

Красинский Иван Викторович – аспирант кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Минск)

Крюковский Владимир Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белорусского государственного аграрного технического университета (Беларусь, г. Минск)

Кузнецов Елисей Сергеевич – учитель истории СОШ № 28 с УИОП г. Воронежа, лаборант-исследователь кафедры истории России исторического факультета Воронежского государственного университета, магистрант Воронежского государственного университета (Россия, г. Воронеж)

Литовченко Елена Викторовна – доктор исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета, профессор кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия, г. Белгород), главный научный сотрудник Института истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета (г. Севастополь)

Лицкевич Олег Владимирович – независимый исследователь (Беларусь, г. Минск)

Лякишева Светлана Ивановна – кандидат педагогических наук, методист по научно-просветительской деятельности экскурсионно-методического отдела Государственного мемориального и природного заповедника «Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» (Россия, Тульская область)

Маджаров Александр Станиславович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры философии и искусствознания Байкальского государственного университета (Россия, г. Иркутск)

Мазур Людмила Николаевна – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой документоведения, архивоведения и истории государственного управления Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Россия, г. Екатеринбург)

Майорова Алла Степановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Россия, г. Саратов)

Мизис Юрий Александрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (Россия, г. Тамбов)

Мирзаев Джалалитдин Зайниевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всемирной истории Термезского государственного университета (Узбекистан, г. Термез)

Николаева Людмила Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (Беларусь, г. Минск)

Никифорович Максим Александрович – магистрант факультета гуманитарного знания и коммуникаций Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Беларусь, г. Витебск)

Плытник Екатерина Геннадьевна – кандидат культурологии, доцент кафедры истории и культурного наследия Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Беларусь, г. Витебск)

Подберёзкин Филипп Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра исследований старопечатных изданий и рукописей Центральной научной библиотеки имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси (Беларусь, г. Минск)

Проскурякова Мария Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Россия, г. Санкт-Петербург)

Пузанов Виктор Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Удмуртского государственного университета (Россия, г. Ижевск)

Рубинина Зоя Максимовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела собрания фондов музея В.И. Ленина Государственного исторического музея (Россия, г. Москва)

Рудаковская Екатерина Николаевна – студентка 3 курса факультета географии и геоинформатики Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Минск)

Румянцева Марина Фёдоровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)

Секенова Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (Россия, г. Москва)

Сельков Дмитрий Сергеевич – главный специалист отдела комплектования общественно-политической документацией филиала государственного казенного учреждения «Центральный государственный архив Удмуртской Республики» – Государственного архива общественно-политической истории, аспирант Института истории и социологии Удмуртского государственного университета (Россия, г. Ижевск)

Семёнова Ирина Игоревна – главный архивист отдела использования документов Государственного архива Новгородской области, магистрант Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (Россия, г. Великий Новгород)

Сидорович Екатерина Андреевна – соискатель кафедры древнего мира и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Минск)

Силаева Ирина Александровна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России и документоведения Нижневартовского государственного университета (Россия, г. Нижневартовск)

Симаков Александр Васильевич – независимый исследователь (Беларусь, г. Гомель)

Сивохин Геннадий Александрович – старший научный сотрудник научно-экспозиционного отдела Историко-культурного музея-заповедника «Залавль» (Беларусь, г. Заславль)

Снежко Илья Владимирович – магистрант Института истории и международных отношений (Россия, г. Ростов-на-Дону)

Солодкин Янкель Гутманович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и документоведения Нижневартовского государственного университета (Россия, г. Нижневартовск)

Старичёнок Валентин Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, начальник управления региональной политики Белорусского института стратегических исследований (Беларусь, г. Минск)

Стельмашук Варвара Сергеевна – научный сотрудник Витебского областного краеведческого музея, магистрант факультета гуманитарного знания и коммуникаций Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Беларусь, г. Витебск)

Субботин Александра Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Витебского государственного технологического университета (Беларусь, г. Витебск)

Суздальцев Илья Алексеевич – кандидат исторических наук, преподаватель истории ГБОУ Школа №1381 г. Москва (Россия, г. Москва)

Сукина Людмила Борисовна – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой подготовки кадров высшей квалификации Института программных систем имени А.К. Айламазяна Российской академии наук (Россия, г. Переславль-Залесский)

Семашко Ксения Владимировна – заместитель директора по научной работе Историко-культурного музея-заповедника «Залавль» (Беларусь, г. Заславль)

Темушев Степан Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Беларуси древнего времени и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Минск)

Ушаков Артем Владимирович – научный сотрудник, старший преподаватель кафедры всемирной истории Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (Россия, г. Великий Новгород)

Ходин Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Минск)

Цветкова Алена Сергеевна – магистрант Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, лаборант Научно-исследовательского центра Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (Россия, г. Великий Новгород)

Чекулаева Анастасия Сергеевна – аспирант кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Минск)

Чикалова Ирина Ромуальдовна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка (Беларусь, г. Минск)

Чувак Светлана Викторовна – старший преподаватель кафедры туризма и культурного наследия Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Беларусь, г. Гродно)

Чечулин Захар Валерьевич – аспирант кафедры источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Минск)

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Материалы VIII Международной
научно-практической конференции

Витебск, 24–26 апреля 2025 г.

В 2 томах

Том 1

Технический редактор *Г.В. Разбоева*
Компьютерный дизайн *А.В. Табанюхова*

Подписано в печать 20.06.2025. Формат 60x84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 30,96. Уч.-изд. л. 24,10. Тираж 23 экз. Заказ 82.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.